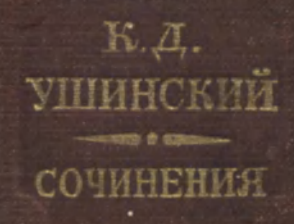

К. Д.
УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

11

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАУК
РСФСР

К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Печатается по постановлению
Совета Народных Комиссаров СССР
от 22 августа 1945 г.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Институт теории и истории педагогики

К.Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*

Редакционная коллегия:
А. М. Еголин (главный редактор),
Е. Н. Медынский
и В. Я. Струминский

*

Москва ~ Ленинград
1952

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

11

Материалы биографические и библиографические

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

Составил и подготовил к печати
В. Я. Струминский

ОТ РЕДАКЦИИ

Одиннадцатым томом завершается издание настоящего собрания сочинений К. Д. Ушинского. После того как в 1-м томе были опубликованы ранние работы Ушинского, во 2 и 3-м — его статьи по педагогике, в 4, 5, 6 и 7-м томах — его учебники для начальной школы, в 8, 9 и 10-м томах — его опыт педагогической антропологии, в настоящем, 11-м, заключительном томе, естественно должны получить место материалы биографические и библиографические.

Автобиографические и биографические материалы — это документальные комментарии к педагогической биографии Ушинского. Их значение тем более ценно, что в свое время почти ничего не было предпринято для того, чтобы собрать и сохранить наиболее достоверные биографические данные и материалы, вследствие чего оценка существа педагогической деятельности Ушинского часто покоилась на данных, не имевших под собой фактической основы. Вместе с тем понятно, что собирание и группировка наиболее достоверных биографических данных является в настоящее время задачей весьма трудной и ответственной, принимая во внимание, что значительная часть этих материалов уже утрачена и что сплошь и рядом получили хождение предвзятые и явно неверные суждения относительно многих моментов жизни и деятельности К. Д. Ушинского.

В качестве материалов биографического порядка в настоящем томе собраны: уцелевшие воспоминания и дневники самого Ушинского, его переписка с близкими знакомыми и друзьями, мемуарные материалы, оставленные людьми, наиболее близко знавшими Ушинского и непосредственно с ним встречавшимися и работавшими. Нужно говорить об «уцелевших» биографических материалах, потому что в семье Ушинского после его смерти, а может быть, и им самим, при жизни несомненно были уничтожены некоторые материалы: почти не сохранилось, например, писем друзей к Ушинскому, не сохранилась переписка Ушинского с русскими и заграничными педагогами; из дневника, начатого в 1849 г., сохранился только отрывок и т. п. Не лишен в биографическом отношении значения и ряд официальных материалов, документов, которые даны в особом разделе в соответствии с разными периодами жизни Ушинского: только немногие из этих материалов были до сих пор опубликованы да и то в изданиях, недоступных для массового употребления; значительная часть их в широком обращении не была и иногда оставалась неизвестной тем, кто писал об Ушинском, распространяя ходячие и непроверенные о нем суждения, взятые из вторых рук и потому легко подвергающиеся всякого рода извращениям.

Вторая часть настоящего тома отведена материалам библиографическим, которые также имеют большое значение для изучения педагогического наследства К. Д. Ушинского. Сюда входят данные как о сочинениях самого Ушинского (напечатанных и хранящихся в рукописях), так равным образом и о работах, посвященных ему. Специальных и исчерпывающих библиографических исследований, посвященных К. Д. Ушинскому, в педагогической литературе почти нет, если не считать первых библиографических изысканий и печатных трудов, изданных в 1908 г. В. И. Чернышевым и А. Н. Острогорским, впервые поставившими себе задачей собирание и научную разработку педагогического наследства, оставленного К. Д. Ушинским, но

не закончившими начатой ими работы. Само собой понятно, что эти первые попытки, предпринятые в условиях царской России, имели ряд недочетов, вытекавших из самых условий научной работы в дореволюционное время. В наше время эти условия радикально изменились, широко открыты для пользования архивные материалы и сокровища государственных библиотек. Есть основания думать, что, в связи с необходимостью научной разработки педагогического наследства Ушинского, библиографические работы о нем получат широкое развитие. В настоящем томе сделан пока только предварительный опыт свода библиографических данных о литературе, связанной с именем К. Д. Ушинского, на основе тех работ, которые начаты еще в дореволюционное время. Критико-библиографические исследования, посвященные Ушинскому и требующие, как всякая библиографическая работа, большого времени и труда, не заставят себя ждать, если принять во внимание ту большую потребность, какая существует в настоящее время в научной разработке педагогических идей К. Д. Ушинского.

Небольшой раздел в этом заключительном томе посвящен дополнениям к предыдущим томам, а также исправлению замеченных ошибок и недосмотров.

Заканчивая 11-м томом предпринятое согласно постановлению Правительства в связи с исполнившимся в 1946 г. 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского издание его сочинений, редакция полагает, что это издание в значительной степени удовлетворит назревшей потребности передового учительства и научных работников педагогики в том, чтобы иметь под руками достаточный материал для критического изучения и освоения произведений великого русского педагога и для соответствующего его использования в практике педагогической работы в нашей стране. Руководствуясь принципиальным положением о том, чтобы не заслонять текст сочинений Ушинского обширными к нему комментариями, редакция основной своей задачей считала собирание и опубликование работ Ушинского в первую

очередь, присоединяя к ним только необходимые справочные материалы библиографического характера, которые облегчали бы дальнейшую, углубленную и критическую работу над его педагогическим наследством.

* * *

Так как настоящий том составлен из разного рода отрывочных материалов, то документация их и мелкие пояснительные к ним замечания, как и в предыдущем томе, даются под строкой, чтобы не затруднять читателя постоянным обращением в конец тома; более же обширные разъяснения отнесены к концу биографического раздела в группу примечаний. А так как некоторые из материалов имеют свои примечания, принадлежащие авторам или издателям, то оказалась необходимой следующая система знаков: сноски редакции обозначаются звездочкой: *; сноски авторов или издателей материалов — буквами: а), б), в), и т. д.; примечания, отнесенные в конец тома, — арабскими цифрами.

Кроме того, принимая во внимание, что в прежних изданиях рукописей Ушинского допускались по цензурным соображениям купюры и что рукописи Ушинского, не предназначавшиеся им для печати, часто написаны очень прихотливым и неразборчивым почерком, оказалось необходимым употребить следующие условные обозначения: тексты, почему-либо опущенные в предшествующих изданиях, взяты в квадратные скобки [ ]; слова и выражения, не поддающиеся прочтению, отмечены взятыми в те же прямые скобки знаками [= = =], повторенными по количеству непрочитанных слов; слова, прочитанные по смыслу, взяты в угловые скобки ⟨ ⟩; явно пропущенные и вставленные редакцией слова взяты в обычные (круглые) скобки и напечатаны курсивом.

Биографические материалы

А. Дневники и автобиографические заметки

1. ДНЕВНИК С 1844 ПО 1845 г.*

Ноября 13-го

Приготовлять умы! рассеивать идеи!... Вот наше назначение. Мы живем не в те годы, чтобы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства! Как отцы, отдадим себя трудам и страда-

* Дневник К. Д. Ушинского за 1844/45 г. впервые был опубликован А. Н. Острогорским в 1908 г. в книге «Неизданные сочинения К. Д. Ушинского. Материалы для III тома «Педагогической антропологии» и материалы для биографии». Рукопись дневника хранится в настоящее время в кабинете педагогики Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена по описи за № 2. На рукописи имеется не принадлежащий автору заголовок — «Дневник, относящийся к университетским годам», надписанный уже после смерти К. Д. Ушинского кем-то из его наследников, вероятно, рукой его дочери Надежды Константиновны. На самом деле дневник начат К. Д. Ушинским уже после окончания университета, когда он начал готовиться к магистерскому экзамену. В первой же строке рукописи автором не был проставлен год и потом уже чьей-то чужой рукой и другими чернилами поспешно вписано — 1845, между тем как дневник за 1845 г. начинается много позже первых страниц, которые, как это видно из последующих записей автора дневника, относятся к 1844 г. Сверка печатного текста, опубликованного в 1908 г., с текстом рукописи дала возможность исправить неправильно прочитанные места.

ниям, бесплодным для нас, плодовитым для детей наших. Соберем неиссякаемые сокровища, которые пусть расточат наследники наши. Рано еще действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию, — дела появятся сами...

Не будем спешить, побуждаемые эгоистическою жаждою вкусить от плодов дел наших! Тихо, покорно будем нести гнет, от которого избавим наших потомков. Предупредим бедствия перелома. Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает. Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем, счастьем забытия (в котором теперь так немногие живут), наслаждениями семейства, почестей, славы, богатства, не убегая туда, где живут счастливее, отказавшись совершенно от самих себя, — работать для потомства!

Велика тогда будет наша (*роль*), велико назначение!

В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни, — страшное бытие. Отдать все потомкам, которые забудут и имена наши, не ждя награды ни на земле, ни на небе, — знать это и все-таки отдать им и жизнь свою — велика любовь к истине, ко благу, к идее! велико назначение!...

Труднейшая, бесславнейшая доля в массе трудов человечества — лучшая доля, величайшая доля!...

14-го ноября.

Распределение дней:

Понедельник

Встать в	4 часа утра
Работать для экзамена	5 » »
	6 » »
	7 » »
	8 » »

На уроке	9 час. утра 10 » » 11 » »
Все нужные дела	12 час. дня
Обед и отдых	1 » »
Читать для ума	2 » » 3 » » 4 » » 5 » »
Думать о чем-нибудь дельном	6 » »
Читать что-нибудь нужное	7 часов
Писать в журнал*, готовить для урока	8 »
Отдыхать	9 »
Спать	10 часов 11 » 12 » 1 » 2 » 3 » 4 »

Вторник

Встать, одеться и читать для ума	5 часов 6 » 7 » 8 » 9 »
Для экзамена, ехать в библиотеку или делать выписки дома	10 » 11 » 12 » 1 »
Обедать и отдыхать и немного эстетики	2 » 3 »
На уроке	4 » 5 » 6 »

* Как видно из записи Ушинского под 20 января 1845 г., журналом он называет свой «Дневник».

Писать в журнал и письма, готовить для уроков	7	часов
	8	»
Отдыхать	9	»
Спать в	10	»

Среда
Четверг — как понедельник, кроме езды в библиотеку

Пятница

Заниматься для себя	5	часов
	6	»
	7	»
	8	»
Урок	9	»
	10	»
	11	»
Отдыхать и обедать	12	»
	1	»
Заниматься для экзамена	2	»
	3	»
Урок	4	»
	5	»
	6	»
Заниматься для экзамена	7	»
	8	»
Журнал и проч.	9	»

Суббота

Заниматься для экзамена	5	часов
	6	»
	7	»
	8	»
	9	»
Для себя	10	»
	11	»
	12	»
Обедать и отдыхать	1	»
	2	»

Заниматься	3	часа
	4	»
	5	»
	6	»
Урок	7	»
	8	»
	9	»
Спать	10	»

Воскресенье

Заниматься	6	часов
	7	»
	8	»
	9	»
По домашним делам или в гости	10	»
	11	»
	12	»
	1	»
	2	»
	3	»
	4	»
	5	»
Читать	6	»
	7	»
	8	»
	9	»

16-го ноября.

Нечего писать, кроме того, что я не исполнил всего предписанного. О! волю надо укреплять! Пусть в моем внутреннем государстве все повинуется ей беспрекословно, — все, кроме ума, этого вечного закона, неизменного! Он один должен быть свободен от всякого принуждения, повелевать всем, не повиноваться ничему, кроме самого себя, т. е. быть совершенно свободным. Это — не человек с прихотями и страстями, — нет: это основной закон, развивающийся из самого себя. Где бы то ни было, когда бы то ни было, меня ни застало его повеление, — я должен низойти до самого источника воли: туда, где она одна присут-

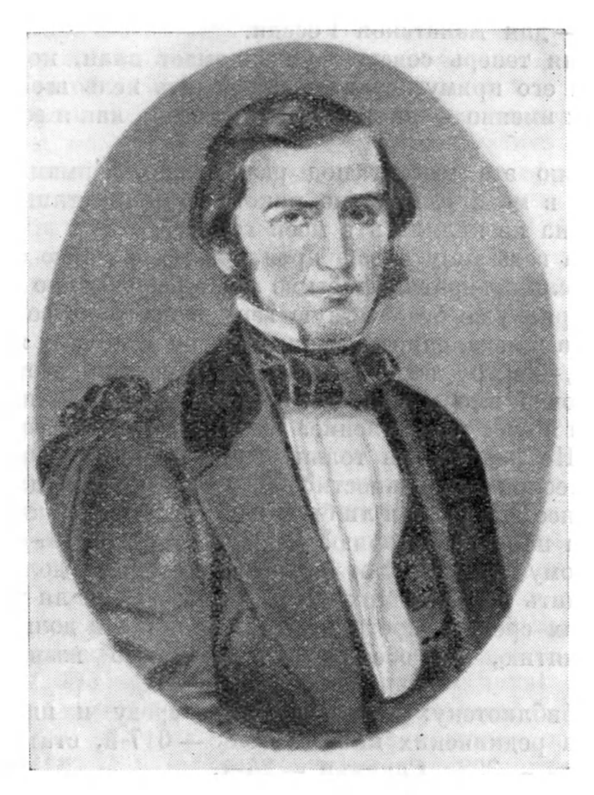
ствует, творящая, — где нет судьбы; туда, куда так трудно проникать непривычному, — куда восходил я (но так редко!), — туда, где лежат неистощимые силы, зародыши всех величий, всего творчества (силы творческой, не материи), — туда-то я должен низойти и выйти оттуда победителем над всеми страстями — бесстрастием, леностью, приличиями — над всем, но — с предписанием ума. Иначе отворять двери этой сокровищницы сколько полезной, столько и страшной, — будет безумным, противозаконным бунтом. А если только прихоть, раздражительность, своеволие, упрямство, нетерпеливость сломят эти двери, то — беда: разрушится стройное государство.

Когда-нибудь, любезная Любознательность, я постараюсь описать вам покороче внутренность этой сокровищницы и богатства, там собранные, а теперь я так не долго оставался, и притом был так обнят укрепляющим жаром ее, что спешил скорее выйти.

18-го ноября.

Для русской статистики: Georgi: «Geographisch-physische und naturhistorische Beschreibung des russischen Reichs». Königsberg, 1797—1802. Максимовича и Щепатова: «Географический словарь русского государства». Всеволский (?)«Description géographique et historique de l'empire de Russie». Москва, 1813 и 1833 (второе издание). Wichman: «Darstellung der russischen Monarchie in statistisch-politischen Beziehungen». Leipzig, 1813. Ewers und Maitz: «Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte»; «Russland und das russiche Reich». Берлин, 1819. Hassel: «Vollständige Erdbeschreibung des Russischen Reichs in Europa nebs Polen, und eine Einleitung zur Statistik des Russischen Reichs». Веймар, 1821. Это 11-ая книга «Des grossen weimarischen Handbuchs der neusten Geographie». Erdmann: «Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland». 1826. Schnitzler: «Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie». 1829. «Dorpater Jahrbücher für

Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands». Издание Блум — Бунге — Фридлендер 1833 — 34 годов. Очень важно для русской статистики.

К. Д. Ушинский (1844)

К путешествиям принадлежат: Паллас: по разным русским провинциям (в 1768—73 годах) и его же: по горным областям (1793—94 года), его же — топографическое изображение Тавриды. Engelhardt und Parrot: «Reisen in die Krim und den Kaukasus» (1815).

Adolfs Ermanns: «Reise und die Erde durch Nordasien» (1823—30). Очень много важных известий о внутренности Европейской России в 1-й его части. «Güldenstad Klaproth — Ledebur» («Гюльденстад — Клапрот — Ледебюр) — для Азиатской России.

Меня теперь совершенно занимает план, который, если я его приму, должен определить цель всей моей жизни: именно — написать историю так, как я ее понимаю.

Давно эта мысль, под различными формами, вертелась в моей голове, но никогда так отчетливо, так ясно она не являлась в моей голове.

Два года тому назад проявившись с такою силою, эта мысль превратилась бы во мне в решение; но теперь я потерял уже безотчетную веру в постоянство своих целей и в неизменность своих сил; но зато чему я верю в себе, — в то верю постояннее. Конечно, этот труд достаточен, чтобы наполнить много жизней, — но угадал ли я свое направление? В нем ли я найду успокоение? Не леность ли только гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для нее способнее? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю? Доставит ли она что-нибудь незрелому народу? Вот вопросы, которые должен я разрешить в следующих днях. И еще: станет ли у меня внешних средств предаваться постоянно и долго этому занятию, не обещающему никакого вознаграждения?

В библиотеку: в понедельник, среду и пятницу. Номера редкинских книг: Гегель — 617-й, статистика Шуберта — 398, Савиньи — 84-й.

22-го ноября.

Тщеславие, тщеславие должно задавить в себе! Ну, к чему я рассуждал с Осиновым? И как глупа и смешна была эта моя самохвальная выходка! Как унизительно пошла ответная улыбка на его вопрос? И что это за правило, если только сидишь с человеком,

непременно говорить с ним? Что за нужда болтать без желания высказывать свои мысли, без желания узнать мысли другого, без желания убедить? Ведь не все ли тебе равно, с какими мыслями ни останется этот человек? И притом ты ведь знал наверное, что ни он, ни ты не убедите словами друг друга. Просто-на-просто, корень этой глупой болтовни лежит в мелком щекотливом самолюбии, задетом тем, что его не замечают. А потом, когда ему не удается спором обратить на себя внимание,— боже милосердный, на какие аферы оно тогда подымается, какие выкидывает отвратительно-смешные штуки, на какие ходули становится! И раздувается, и пыхтит, и врет, и орет, и горячится, и охает, и проклинает... Прочь! мимо! гадкая сторона души человеческой!...

25-го ноября.

В чем упрекают наш век? В недостатке энергии, в эгоизме, в бесцветности? Откуда же взялась эта непреодолимая скука, когда все в человеке молчит, кроме одного — требования деятельности? Это — верные симптомы перемены, а вы — скучающие, эгоисты, равнодушные ко всему,— вы, беспрестанно просящие нового и нового у той стороны души, которая все вам отдала, сама сделалась нищею, умерла уже? Вы, мучимые бессмертным началом требования жизни — движения? Вы — жертва этой революции духа! Близка перемена: она начинается, она уже началась! Борьба — тягостная, долгая,— борьба ума с чувством, с добродетелями, с пороками, с предрассудками, с природою — кончается, кончилась уже в возможности, и одного только условия недостает для действительности,— условия пустого, условия всегда готового времени.

Напрасно вы, проклинающие мир, закрылись непроницаемою мантией величия,— напрасно стараетесь внушить человечеству, что там-то и есть причины этих неистовых проклятий. Мы сорвем ее! Зачем срывать? Мы так уверены, что под нею скрывается ничтожество,

что с презрением пробежим мимо вас, смешных и жалких, и оставив вас указывать песчаные мели в нашем вечном стремлении по безграничному морю вечности. Или — нет! мне жаль вас! Долой ваши широкополые шляпы! Прочь черные, таинственные плащи! Кончилась ночь. Вы спите, когда все вокруг вас уже движется! Проснитесь, заря занимается!...

Скука... что такое скука? бесплодный насильственный сон души, из которого она беспрестанно усиливается выйти, и эти-то усилия тиранят вас, ее тиранов. Что ж, разве все уже изведано в мире, нам данном? Разве уж мы остановились у цели или утомились, ища ее? Нет, самое требование движения, пожирающее вас, доказывает противное. А вот причина вашей муки! Вам жаль прошлого, невозвратного, потому что оно уже теперь никуда не годится, потому что оно, ложное, отринуто умом. Вам жаль ваших чувств, ваших сердечных движений,— вам жаль обмана! Поневоле ум вырвал вас из этого бесплодного эгоизма,— и вы проклинаете ум! Тело ваше отдало все, что было у него,— вы мучите истощенное, двигаете, рвете мертвое тело, требуя новых деяний и страдая от глада и жажды, проклинаете ум!

Вы умираете от голода, отвергая им подаваемую богатую пищу и питье, дающее бессмертье,— пищу и питье, от них же кто вкусит, не возжаждет, не взалчет, не умрет!...

Вы задыхаетесь в тесноте, меж тем как ум открывает вам двери в чудную область. Вы напрасно порываетесь разорвать оковы вашего бессилия, а ум дает вам свободу, говоря: «следуй за мною!»...

Эгоизм... Что такое эгоизм? Это — состояние человека, когда любовь к самому себе превышает в нем все другие чувства. Что ж тут дурного? Что ж здесь такого, что бы заслуживало презрения, насмешек, проклятий? Где, каким законом запрещается любить самого себя? Проклинаем эгоизм — сами же эгоисты, и проклинающие, в этом отношении, равны проклинаемым. Подлость — начало, источник всех этих проклятий,

но посылают их обыкновенно люди, оскорбленные равнодушием к их чувствам, страстям, желаниям. А в этих-то чувствах, в этих-то желаниях и скрывается эгоизм всегда, в каких бы сферах они ни находились, в материальных или в идеальных, хотя бы в сфере так называемого высокого самопожертвования. Не отыскивай в душе человека источника эгоистического чувства: все чувства эгоистические, все!...

Все они требуют награды в других ли, в самих ли себе!... Вы, высокий человек во мнении толпы, жертвуете жизнью из любви к отечеству. Вы, презренный в глазах людей, жертвуете тем же из любви к золоту. И оба вы делаете то, что вам приятно, и оба вы правы в своих действиях. Оба вы равны в чувствах, не равны только в сфере их движений,— не равны только в идее прекрасного: для одного она — золото, для другого — отечество. А с неравенством идей у нас все мирятся,— никто его не проклинает. Эгоизм единое только чувство, как вы ни дробите его, единое в скупце, и в герое,— и, кроме эгоизма, нет чувств в душе человеческой и, проклиная эгоизм, вы проклинаете все чувства и обвиняете его бессмысленно в том, что он уничтожил чувства.

Итак, глупость, одна глупость — источник вашего терзания, а вы проклинаете ум!...

Эгоизм — единое существующее, бессмертное, а потому правое чувство, если только его можно назвать чувством. Но эгоистом может быть, должен быть только один ум. В уме только эгоизм будет высочайшим эгоизмом,— ум только имеет право на него; в уме только он будет высочайшей добродетелью, и в глупости только он является пороком. Один только ум имеет право любить себя, потому что нечего уже больше любить ему, потому что нет уже ничего выше! Любовь ума к уму — эгоизм ума. Закон нерушимый, вечный, истинный! И в уме эгоизм не есть уже чувство (ум не имеет чувств): в уме это — закон требования развития! В уме же и средства удовлетворить этим требованиям. Это — жизнь ума; в нем же и пища для этой жизни.

Итак, все чувства ложны, все временны. Они умирают. Оставьте их, не тревожьте: пусть они почиют с миром! Не от сердца ли, не от куска ли мяса вы хотели вечной жизни?... Оставьте,— пусть гниет! Землю — земле!...

Но что же мы называем умом? Не есть ли (*это*) расчеты, выкладки эгоиста, человека с чувствами? Нет, это — не ум, это — отсутствие ума, это — глупость. И подумайте сами, что может быть глупее жертвовать бесконечным — конечному, неоцененным — не сто́ящему никакой цены! И что может быть неестественнее: заставить господина служить работнику? Что может быть бессмысленнее платить золотом за фальшивую монету, употреблять ум для потехи чувств, дух отдать в слуги материи! Нет! Довольно! Ум долго был работником, и чувства не платили ему ничего; но теперь — заплатили, всем обещали до-нельзя и, не будучи в силах сами поддержать себя ни одной минуты,— платят, наконец, своею жизнью. Они стонут через уста поэтов в своих предсмертных муках; а ум-плебей не нуждается ни в чем и топчет их, не замечая... Вот та благодетельная, великая революция в духовном мире, следы которой повсюду, во всех явлениях, поражают горем слабые души. Пойдем теперь на поле битвы, заглянем во все сферы, где совершается эта победа ума: в жизнь общественную, в жизнь домашнюю, в жизнь индивидуальную, в религию, поэзию, в художества, в науку. Везде мы найдем эту революцию в разных формах,— и везде увидим торжество плебея-ума, везде услышим стоны погибающей аристократии чувств.

3-го декабря.

Поутру, часов 8—9. Я чувствую так себя здоровым, как никогда. Грудь моя дышит свободно; сердце ходит легко; голова свежа; какая-то полнота, гибкость, самонаслаждение во всем теле. Теперь я чувствую сладость бытия, без примеси всех других обстоятельств. Если бы вся жизнь проходила так, то можно бы жить одним

телом. Это — особое, до сих пор ещё мне незнакомое чувство... Как! ни одного неприятного ощущения на всем теле, и полная жизнь во всякой точке его — чудное ощущение!...

Реестр, что я прочитал от 25 августа (приезд мой в Москву) до нынешнего дня 1844 года 8 декабря:

1) Том Дальмана «История Английской революции». Сделал выписки.

Отрывок из дневника Ушинского 1844 г.

2) Мориарти «Оконель». Брошюра. Сделал выписки.

3) Stein: «Municipal-verfassung Frankreichs». Брошюра.

4) Аксильон. 1 том.

5) Иезуиты. Лекции Мишле и Кине. 1 том.

6) Eichhorn: «Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte». 4 тома.

7) Hegel: «Geschichte der Philosophie». 1-й том и 2-й.

8) Савиньи: «История Римского права в средние века». 6 томов.

9) Августина Тьерри — все сочинения — I том in quarto.

10) Guizot: «Cours de l'histoire moderne». 6 томов.

11) Святославич — роман Вельтмана. 1 томик.

8-го декабря.

Вчера, измученный нетерпеливым ожиданием брата, я не мог заниматься; зато сегодня встал, я думаю, часа в 3,— и рад: чудесно заниматься поутру: все движения духа как-то сильнее, все обороты его как-то явственнее,— и я мог сам наблюдать над собою.

Что-то, приедет ли сегодня брат?

9-го декабря.

Утро. Сегодня моя голова как-то встревожена, и внимание потеряло энергию. Причина одна — физическая, глупая; другая — нравственная: меня расстроила ссора Ваньки с хозяином. Как я еще не привык к жизни! Такая ничтожная вещь может произвести на меня влияние... Кажется, чем более я освоюсь в мире духовном, тем более отвыкаю от практической жизни. Неужели я никогда не буду в силах помирить эти две стороны? Но это, может быть, и оттого, что вообще ссора, какая бы она ни была, производит во мне какое-то отвращение, смешанное со страхом. Мне как-то всегда делается страшно за всякое человеческое чувство. А между тем, когда оно уже оскорблено, когда оно уже восстало, то оно может увлечь меня своим порывом далее границ благоразумия. Или это какая-то леность, нежелание души предаваться чужому влиянию, действовать по воле обстоятельств, или это, может быть, просто трусость; но тогда она не имеет никакого основания,— ибо это чувство я испытываю и тогда, когда дело до меня совершенно не касается и не может иметь для меня никаких последствий.

Нетерпеливое ожидание брата как-то укротилось во мне, утомилось...

Еще заметка, повторенная мною уже 100 раз. Зачем спорить с теми, о которых ты наперед уверен, что не найдешь в них ничего выше своего убеждения и что ты их ни в чем не убедишь, или нет никакой пользы убеждать их?...

Вчера в библиотеке я встретился с Морошкиным. Как заколыхалось мое глупое сердце! Чего? Зачем? само не знает... Он спрашивал, что я хочу делать? Так что же? Странное дело: я убежден, что я делаю хорошо и стыжусь, боюсь показать другим то, что я делаю! Корень этого тот, что я ненавижу искательства и что я трепещу, чтобы меня не сочли за человека чего-нибудь ищущего. А между тем, как ни благородно мое стремление, кажется, что в нем есть порядочная доля тщеславия. Вчера я узнал, как тяжело высказать свои требования...

10-го декабря.

Сегодня мне пришла прекрасная идея о творчестве,— творчестве из ничего. О том, что человек лишен ее, лишен не по одному произволу, случаю, а потому, что не может ею обладать по ограниченности ума; и что всеобъемлемость ума есть вместе и творчество,— одно и то же, что творчество. Развить это посредством гипотезы: что, если бы человеку было дано творчество, творчество первоначальное, самобытное, элементарное, такое, когда представить человека единым в мире, без слуг и без исполнителей?...

10-го декабря.

О крестовых походах

Это самое стройное и в то же время самое богатое по последствиям явление в средние века. В то самое время, когда Европа вся разбилась на самые мелкие куски, лишилась почти всякого, даже племенного

единства, сделалась собранием бесчисленного множества феодальных владений, не имеющих между собою почти никаких сношений, кроме неприязненных,— в то время — говорю я — ее всю увлекает добровольно одно и то же предприятие, имеющее одну и ту же цель. И потом через два века, когда тело Европы, разрезанное на мелкие феоды, начинает соединяться, оживать общею жизнью, когда цель крестовых походов могла быть достигнута вернее, когда средства стали известнее (в начале 13 века),— они не могут уже составиться — и ни воззвания папы, ни предприятия честолюбцев не могут уже подвинуть ко гробу Христа тот народ, который еще так незадолго неудержимо рвался туда. Откуда такое общее стремление во время разъединения Европы? Откуда такая апатия против общего предприятия,— когда она начала соединяться?...

Здесь не было посторонних влияний: это необходимое развитие одного и того же факта.

Продолжать завтра поутру: сегодня моя голова как-то ужасно ленива.

Найти меня можно от 11 часов до 4 или в университетской библиотеке, или в «Великобритании» (студенческий трактир, напротив университета).

20-го января 1845 г.

Оканчивая в тебе последнее слово, думал ли я так надолго покинуть тебя, мой бедный журнал? В эти полтора месяца что̀ я сделал во внутреннем и внешнем своем мире? Ничего, на чем бы я мог спокойно остановить свое внимание. Я каждый день делал такую кучу мерзостей, что, о боже, пошли мне забвение!... Дух мой как будто заснул, ни одним движением он не напоминает о своем существовании. Гордой самоуверенности в самостоятельном бытии, в своей индивидуальности, в самом себе, в душе — как будто не бывало. Я попрежнему мелочен, тщеславен, брюзглив, зол, нерешителен, труслив, лжив, тороплив, легкомыслен, ленив, сластолюбив, попрежнему несчастлив без

страданий, попрежнему — ничтожен, попрежнему — игрушка минутных, самых пустых случайностей!.. Боже! Боже! Спаси меня!... И во всем этом никто не виноват, кроме меня. Научи меня, дух мира, поддержи, пробуди меня! Позволь мне опять созерцать тебя во мне! Теперь я для себя — ужаснейший хаос, в котором я ничего не могу разобрать: так мелки, так отрывочны, так противоречащи друг другу, так быстро и произвольно сменяются (*настроения*). Теперь мое я подобно какой-то страшной бездне, из которой несметными тучами поднимаются мелкие, гадкие насекомые, но на дне которой царствует пустота и утомительный мрак.

Опять должно начать свое исправление. Каждый день я опять начну беседовать с тобою, мой сговорчивый приятель!...

Рецепт

1. Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее.

2. Прямота в словах и поступках.

3. Обдуманность действия.

4. Решительность.

5. Не говорить о себе без нужды ни одного слова.

6. Не проводить времени бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится.

7. Издерживать только на необходимое или приятное, а не по страсти издерживать.

8. Каждый вечер добросовестно давать отчет в своих поступках.

9. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.

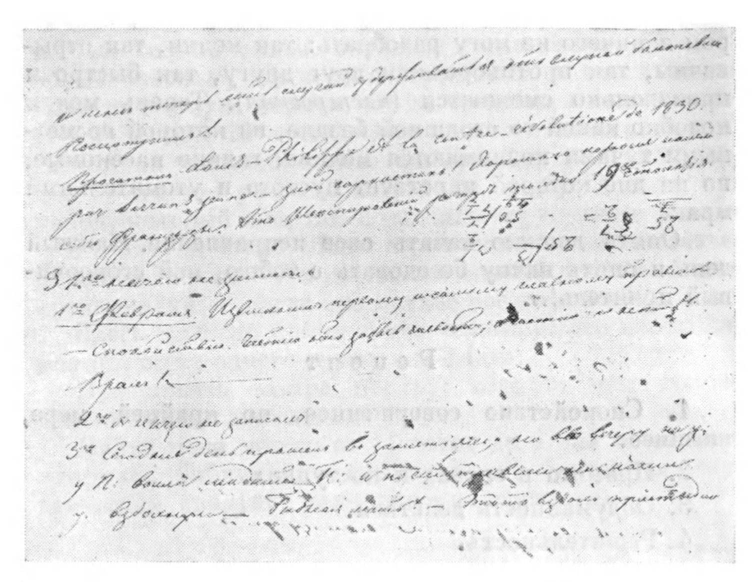
10. Никому не показывать этого журнала.

Прочел: «Histoire des états européens depuis du congrès de Vienne» par Beaumont-Vassy. Т. 1. Бельгия и Голландия.

Погрешил против 1-го №, разгорячился на уроке невольно, но тот же час утих.

22-е. Ошибка против 5-го правила.

22-е. Погрешил против № 1. Бурчливость сделает из меня старую сварливую бабу.

Отрывок из дневника Ушинского 1845 г.

23-е. № 1. Я так раскричался, будто у меня все погибло, и даже поколотил Ваньку за то, что у меня ноги болели, и вышло все понапрасну. Вот один из самых сильных моих пороков! От четверга до следующего четверга попробую не изменить ни разу правилу под № 1.

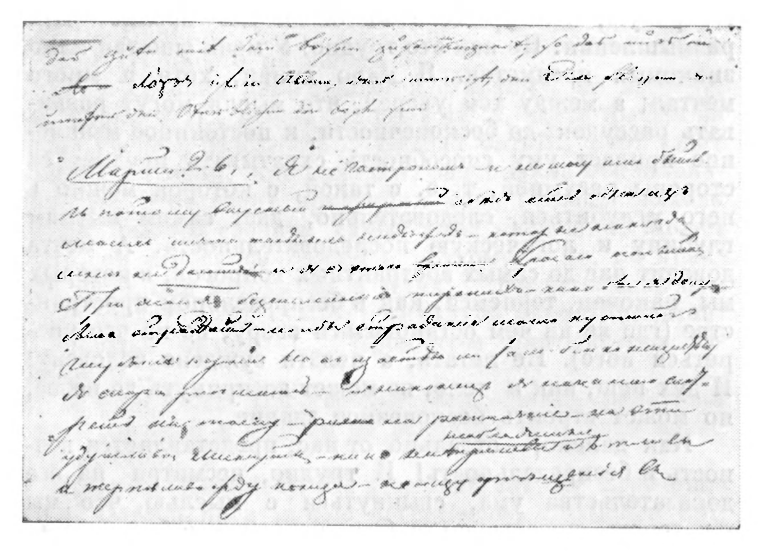
24-е. Не записывал.

25-е. Соврал без нужды.

26-е. Ничего не записывал и ни против одного, кроме сего, правила не согрешил.

Прочел: «Политическую экономию» Рау и половину «Rechtsalterthümer» Гримма.

27-е. Ничего не написал. Тщеславие разгулялось и нарушил два правила: 1-е и 9-е.

Отрывок из дневника Ушинского 1845 г.

28-е. Не согрешил ни против одного — нет! нет!... Сделал самую глупую издержку: занял деньги за адские проценты, когда совсем было не нужно! Русский человек задним умом крепок!...

Прочел «Коринну» madame Staël, и вероятно долго не забуду впечатления, произведенного на меня этою книгою.

29-е. Кажется, я сегодня не согрешил ни против одного из моих правил, но это, должно быть, оттого, что я сегодня никого не видел, кроме моих учеников. Замечательно беден мой журнал, ни одной мысли! Такой пустоты давно уже не было в моей голове. Что за причина,— не знаю! Но можно ли насильно думать о чем-нибудь? Можно ли по желанию и с успехом на-

правлять свое внимание на предмет, выбранный произволом? Я думаю, что можно. Но для этого надобен навык! Внимание может быть приобретено навыком. Попробую, выберу себе какой-нибудь предмет для размышления. Но как это трудно! У меня еще так мало знакомых предметов. Я мало думал, хотя и много мечтал; а между тем уверен, что мысли могут развивать рассудок до бесконечности, и постоянное мышление придает уму способность схватывать предмет со стороны разумной, т. е. с такой, с которой можно в него углубиться, следовательно, дает самим мыслям глубину и логическую последовательность. А мечта доводит нас до самых абстрактных вопросов, в которых мы, наконец, теряемся, как в беспредельном пространстве (где не на чем остановиться взору, не на что упереться ноге). Не летать, а ползти суждено человеку! И дух наш, как и тело, не может воспрянуть до небес, но может строить бесконечное здание.

Как далеко,— отдельно от нас, представляется вечность и беспредельность! И трудно, несмотря на все доказательства ума, свыкнуться с мыслью, что мы уж теперь существуем в бесконечности, в беспредельности! А это так!...

30-е. В каком глупом положении я был сегодня! А все от этого странного желания «занимать». Сегодня я так некстати, так смешно влез в родство к Лнгнв... И не из тщеславия... А между тем другой (как, вероятно, и случилось) мог счесть меня за ужасного хвастуна; я, по крайней мере в этом случае, совсем не хвастал.

Болтать, болтать и вечно не подумавши, без нужды болтать,— когда же это кончится? На этот порок должно обратить особенное внимание, и мне теперь есть случай удерживаться от глупой болтовни. Посмотрим!...

Прочитал «Louis-Philippe et la contre-révolution de 1830», par Sarrans jeune — злой саркастик! Хорошего короля нашли себе французы!... Это — шекспировский Ричард, только 19 столетия!...

31-го. Ничего не записал.

1-го февраля.

Изменил первому и самому главному правилу — спокойствию. Частью — от забывчивости, частью и нет !... Врал!...

2-го. Я ничего не написал.

3-го. Сегодня день прошел в занятиях; но ввечеру, на уроке у П., вошла madame П. и, посмотревши на наше учение, вздохнула... Бедная мать!... Этот вздох пристыдил меня. Мне кажется, она поняла мое шарлатанство. Этот вздох пристыдил меня больше, нежели могли бы это сделать самые злые насмешки. Может быть, он относился совсем к другому,— но, по крайней мере, она вздохнула о детях... И я ее обманывал. Надо сделать, что можно, по крайней мере. Шарлатан! Проклятая бедность!... Проклятое ничтожество характера!...

Шевырев: Бог создал мир, Гегель разрушил своей логикой и пирует на осколках его, ловя идею, как призрак...

Клеант (Kleantes): «Es geschieht auf der Erde ohne dich, Dämon, noch in dem aetherischen göttlichen Pol, noch in Pontus,— ausser was die Bösen durch ihren eigenen Unverstandthun. Du weiβt aber auch Ungerades gerade zu machen und ordnest das Ordnungslose, und das Feindliche ist dir freundschaftlich. Denn so hast du Alles zu Einem, das Gute mit dem Bösen zusammengeeint, so dass nur ein λογοζ ist in Allem, der immer ist, den die fliehen, die unter den Sterblichen die bösen sind».

26-го марта.

Я не гастроном и не могу им быть, и потому вкусный обед есть одна из моих мечтательных надежд, которые никогда мне не даются, и я с этого времени бросаю попытку.

При моих бесчисленных пороках, как бы я должен был страдать, если бы страдание могло пустить глубокие корни. Но, к счастью ли (а может быть, и к

несчастью), я скоро утешаюсь и, наконец, я начинаю смотреть на тоску, на раскаяние,— на эти удушливые минуты,— как на необходимые приливы и отливы, и терпеливо жду конца, не ищу утешения в мыслях и чисто механически стараюсь рассеяться... Да и к чему бесплодное раскаяние? Оно всегда еще смешнее, еще жалче самого поступка, в котором мы раскаиваемся!... Я, кажется, глупею. Ну, что же? Слава богу! Во мне все еще останется довольно ума, чтобы жить весело и прилично.

Бесконечные вопросы, неразгадываемые загадки бога человеку меня больше не занимают... Да и зачем?...

Новое правило, которое я, конечно, в следующий же раз постараюсь не исполнить: никогда не просить кого-нибудь оставаться у себя, когда он хочет уйти, потому что я заметил, что, после этого, разговор надувается и делается скучным для обеих сторон. И это — всегда.

Что значат чужие насмешки, когда мы так привыкли к насмешкам над самим собою?...

Скучно... Не шутя — хочется умереть, развязаться со всеми этими дрязгами.

Отчего я не могу найти спокойствия, когда все уже мною осмеяно, когда уже все меня так мало занимает, когда я сам, мои пороки, мое назначение и проч.— стали для меня скучным, избитым предметом?! Поистине меня мало занимает, что со мною будет и здесь, и там... Хочется умереть!...

Я не выдержу, я не буду держать экзамена на магистра: в этом я почти убежден; но не хочу переменять пути, не хочу ничего *искать*. К чему мучить себя? Мне кажется, что вся эта глупая комедия скоро кончится... Какою прекрасною сделал жизнь творец, как я изгадил ее,— и теперь похож на человека, бегущего от собственной своей вони... Все мои желания почти всегда удавались, но я никогда не желал того, что бы было мне приятно и полезно... И я очень похож на рыбака, выбравшего из трех исполнений, предложенных ему «духом», колбасу, которую жена потом с до-

сады прицепила к его носу, и, наконец, он принужден был в 3-ем желании просить, чтобы она отвалилась.— Я точно так же распорядился...

29-го марта.

Злодейство может явиться и под открытым небом, усеянным звездами; и на берегу вечно шумящего, бесконечного моря, и на заоблачных вершинах гор; но мелкий, низкий, грязный порок не вынесет этих картин: ему место только в наших душных, темных комнатах.

Как наши представления слабы против существенности! Какая разница глядеть на небо и воображать его! Только что успеешь сомкнуть глаза,— как эта голубая бесконечность сдвинется до опрокинутой чашки. Впрочем, я думаю, глядя часто и долго на небо, можно привыкнуть переносить его с собою в комнату, как переносим мы тьму предметов.

Глядя чувствующим взглядом на природу, сознаешь бессмысленную гордость людей, считающих себя единственными жильцами этого бесконечного пространства, наполненного бесчисленным множеством миров... Я не верю, я не могу верить, чтобы тогда как бессознательная половина мира так громадна, так полна божественного ума, другая сознательная его половина была бы так ничтожна, как человек!... Для чего бы этот ум, это величие, эти бесчисленные миры? Неужели для того, чтобы вызвать несколько наших жалких восклицаний, несколько оборванных умствований? Нет, должны быть другие существа, выше человека; а для нас довольно этого ничтожного шара, ползая на котором, мы считаем себя *обладателями беспредельного пространства.*

Физика, одна физика не могла создать этого чудного мира, а еще меньше — мысль, подобная человеческой. Нет, это — живое существо! И мы — также живые органы его! Еще более: мы сосуды души его! О! при этой мысли, всякое сомнение, всякая боязнь отлетает

прочь, — и радость бытия и сознания объемлет душу мою! Чувство вечности, сознательной вечности, ты — лучшее чувство в душе человека! Но — увы! — моя слабая природа не может удерживать его долго. Подобно молнии, блеснет оно, подобно ей, разорвет мрачные облака, покрывающие небо моей души, и подобно ей, исчезнет быстро, исчезнет,— и снова мелкие, вседневные, бессмысленные заботы о чем-то потянутся целые дни и целые годы, до новой бури и до нового блеска — до нового восторга! Извне, откуда-то с неба прилетают и эта мысль, и это чувство ко мне; но может ли она ужиться во мне, вместе со всяким хламом, которым набита душа моя, как котомка ветошника?...

Воспитание

Гегель: «Die Erziehung hat den Zweck, den Menschen zu einem selbständigen Wesen zu machen, d. h. zu einem Wesen von freiem Willen. Zu dieser Absicht werden den Kindern vielerlei Einschränkungen ihrer Lust auferlegt. Sie müssen gehorchen lernen, damit ihr einzelner oder eigner Wille, ferner die Abhängigkeit von sinnlichen Neigungen und Begierden aufgehoben und ihr Wille also befreit werde» («Philosophische Propädeutik», § 21).

Человек гораздо меньше приобретает от того, чему его хотят учить, нежели от того, чему не думают учить его. (Мое.)

1-го апреля.

Ночью был гром и молния.

2-го апреля.

Что за удовольствие, что за глупое желание занимать собою встречного и поперечного! До каких глупостей и низостей доводит оно! О, молчать гораздо труднее, чем говорить! Этим пороком займусь я, особливо теперь, и постоянно буду давать себе в нем отчет. Мне кажется, это происходит от неуверенности в собственной своей личности, от неуважения к себе.

Книги, которые прочел: *по политической экономии*: 1) Рау — 1 т., 2) Росси — 1 т., 3) Сисмонди — 2 т., 4) «История политической экономии» Бланки — 3 т.; *по финансам*: 5) Якоби — 1 т.; *по государственному*

праву: 6) «Бельгийская революция» — 2 т., 7) «Июльская революция» Саррана младшего — 2 т., 8) Гримма «Rechtsalterthümer», 9) «Германское право» — Мауренбрехера, 10) «Philosophische Propädeutik» Гегеля, 11) Боссера «System des Naturrechts»; *из литературы*: 12) «Коринна» madame Сталь, 13) «Impressions de voyages» par A. Dumas — 4 т., 14) Бомон-Васси — «Бельгия и Голландия».

Вы вчера сказали, что причины явления семейства такие: «Недостаток пола, потребность продолжения жизни и недостаток возраста». С двумя первыми нельзя не согласиться, но в третьем, кажется, можно вам противоречить: *недостаток возраста*. Мне кажется, что, излагая причины появления семейства, мы должны иметь перед глазами первобытное семейство, семейство, как ум еще, как идею, которая должна перейти в действительное бытие,— *идею* человека, которая имеет все условия, чтобы перейти в действительность, реализироваться; и, рассматривая эту идею, мы, конечно, будем рассматривать действительность, но снова же, как в ее понятии, а не как в ее разнообразии и случайностях. Если так, то недостаток возраста и опекунство не могут быть признаны, наравне с двумя прежними, за основы семейства. Это будет сначала итти сверху, а потом снизу. И если мы ее признаем, то мало ли еще каких случайностей мы не должны будем признать. Так, например, другие потребности детей (иметь состояние, имя, место и прочее), которые будут все вообще равны опекунству, которые тоже в интересе детей. Но все эти интересы до существования самих детей существовать не могут. И человек не может еще заботиться об интересах тех, которые еще не существуют, и думает только о существовании их, и то, как о своем интересе. Опекунство же есть суррогат отеческой власти при недостатке ее, а этот недостаток в голову устрояющего семейство входить не может. Это есть случайность, которой подвергается явление семейства, и потому в идее его заключаться не может.

Мне кажется, вы ошиблись в словах и поставили недостаток возраста вместо *потребности общественности*, которая, как мне кажется, и есть третья, самая высшая, причина появления семейства. Эта потребность, как и две прежние, есть телесная (создал бог помощницу Адаму) и духовная. Первая — ясна сама собою и так употребительна в жизни, что, произнеся слово «хозяйка», я могу обратиться ко второй.

Как в природе множество ступеней развития (ступеней, регулированных по способу проявления идеи творения), так и в мире духовном. Духовный мир начинается человеком, как индивидом. Это — самая первая его ступень; потом следует государство, потом человечество, и оканчивается индивидом же, но как индивидом, прошедшим через все эти ступени обобщения, или лучше — сознавать собственный свой дух, как всемирный, и примирить с ним свою индивидуальность, возвысив ее до всеобщего. И потребность этого духа также существенно необходима: понудительно — для духовного человека, как потребность пола — для телесного.

Но между этими ступенями: индивидом, государством, человечеством — есть еще бесконечное множество других, которые составят непрерывный, незаметный переход для человека. Вот одним-то из таких переходных моментов является и семейство. (Я говорю переходных, не преходящих; так не преходит и община, сословие, государство, союз, часть света, но, не менее того, они все переходные моменты. Сколько я могу понять, это перехождение,— но не прехождение,— и есть развитие).

Эта цель обобщиться выражается в желании властвовать над семейством, отдельном от желания передать ему свое имя, свои обычаи, нравы, положение в свете и прочее, которые входят в потребность продолжения себя. Нет, это желание властвовать, отдельно от них, ибо не рассчитывая на будущее, (*оно*) ищет настоящего. Оттого в момент, когда человек еще не достиг до государства, когда вся его деятельность, так сказать,

скопилась в семействе,— мы видим такие деспотические семейства. В нем находятся тогда, готовятся многие элементы государства, которые потом на него и переносятся, и оттого-то, после появления государства и с развитием его, слабеет власть семейная так, как слабеет строгость государства, с развитием идеи человечества. Под словом слабеет,— вы, конечно, уверены, что я не разумею упадает, а (*вступает*) в настоящее свое разумное положение, ибо элементы государственные, составившись в семействе, находят себе излияние. Конечно, этот переход тоже постепенен и является развитием. Доказательство такого перехода — римское семейство и римское государство, построенное по образцу римского семейства.

Вот эта-то потребность обобщения, являющаяся потребностью власти и вместе обязанностей, потребность расширения поприща для духа, — и есть та третья основа семейства, которая, я думаю, заменит ваше «потребность опекунства», которое, как начало искусственное, случайное, последующее, условное, я не могу внести в идею семейства — идею Разума, которого вторая сторона — Воля — готова его осуществить.

Если вы не соскучитесь и дочитаете до конца, то благодарю вас за внимание и прошу прощения за кражу времени.

Отношение этих моментов между собою:

А) *Момент*—конечно, должна стоять потребность пола, потому что в ней более телесной потребности, хотя, конечно, сознанной духом, и потому-то являющейся такою живою, пластическою, и, при всем своем видимом разнообразии, удивительно однообразною, какою мы и находим любовь — обыкновенный конек плохих поэтов и, конечно, всего доступней для них по своей телесной стороне.

В) *Момент* — потребность продолжения себя — чисто духовный, потребность расширить свою личность во времени, в противоположность первому, хотя и прямо рождается из первого. Из разложения этих двух моментов сейчас уже чувствуется недостаток их обоих,

их односторонность, как односторонность понятий пространства и времени, примиряющихся в действительности бытия. Вот эта-то действительность для этих двух моментов: A, B, как проявлений односторонности идей пространства и времени, и есть третий момент.

C) *Момент — потребность общественности*,— в котором соединены и духовный, и телесный моменты, и расширение в пространстве и расширение во времени соединяются в едино — в третий момент, который одною своею стороною касается семейства, другою — государства,— соединяет семейство с государством. Человек, поддерживаемый естественной физическою любовью, учится, как глава семейства, быть гражданином государства. И, следуя обыкновенному ходу историческому, начинает с одухотворения самых телесных, животных явлений своей жизни.

14-го апреля, 11 ч. вечера.

Vox populi — vox Dei!
Che'l volgare ignorante ogn'un riprenda.
E parli piu di quel che meno intenda.
Глас народа — глас божий!
Бессмысленная чернь! глупая толпа! и пр.

14-го апреля 1845 г.

Москва. Соболев переулок, дом Мурашева. Через 20 минут раздастся колокольный звон, извещающий, что для верующих воскрес Христос! Спаситель!... Кто бы ты ни был, я верую твоему воскресению! Помоги мне сделать все доброе, что я хочу! Благослови дела мои, если они будут благи, отвергни злые! Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить!... Поеду на бульвар...

15-го апреля.

Пошел в Шереметьевскую церковь,— скоро ушел, и, глядя под темным небом, усеянным звездами, на

прекрасный, освещенный храм, полный народа, ждущего входа священников с дивным «Христос воскресе!», глядя на этих священников в блестящих ризах, стариков, возглашающих во мраке ночи воскресение творца бесконечного неба, расстилающегося над их головами,— я плакал... Торжество истины меня растрогало глубоко! Давно этот праздник действует на мою душу, но как различно всегда. О, провидение, дозволь мне страдать и умереть за истину,— молил я,— и умереть в неизвестности!... Но надо быть чистым, чтобы удостоиться такого великого выбора. На алтарь истины чистую жертву приносить должно, а не мою грязную жизнь! Ничтожное создание!...

День пробродил. Пришел к Ясинским. *Получил письмо от Лосьева.* Невозможно, чтобы человек мог так измениться, однако так и есть. Придя домой, застал записку Редкина. Добрый человек, он не забыл меня.

И вдруг мне стало так грустно... Сколько добрых друзей у меня; но где они? Один за тысячу верст; другой — за две; третий — еще далее, за стеною приличий... Сколько добрых друзей, и я один!.., И если в эту минуту смерть,— бесславная смерть, достойная жизни,— подойдет ко мне,— мне некому будет сказать: прости!

Грустно — невыносимо грустно! Какое-то предчувствие тяготит меня; но чего? — не знаю.

Адрес: Никола явленный, на Арбате, дом Лобанова в переулке Серебряном.

16-го апреля.

«Свобода воли есть право». «Dasein des freien Willens ist das Recht. Es ist somit überhaupt die Freicheit, als Idee» (Гегель).

Кант. «Die Beschränkung meiner Freiheit oder Willkur, das ist mit jedermanns Willkur nach allgemeinen Gesetz zusammen bestehen können, das ist das Hauptmoment des Rechts».

«Die angeführte Definition (Kants) des Rechts enthält die seit Rousseau vornehmlich verbreitete Ansicht, nach welcher der Wille, nicht als an und für sich seiender vernunftiger, der Geist nicht als wahrer Geist, sondern als *besonders* Individuum, als Wille des Einzelnen in seiner eigenthümlichen Willkur, die substanzielle Grundlage und das Erste sein soll. Vernünftige freilich nur als Beschränkung für diese Freiheit, so wie auch nicht als immanent Vernünftiges, sondern nur als ausseres allgemeines herauskommen (angesehen werden)».

Абстрактное право (Гегель)

Право собственности, договоры и преступления.

Основою абстрактного права есть Личность, лицо, Persona. Что есть личность? В личности содержится не только самосознание, сознание себя, как существа конкретного, чем-нибудь определенного,— но как совершенно абстрактного *Я*, в котором всякое конкретное ограничение und Gültigkeit отрицается und ungültig ist. В личности (Persönlichkeit) есть познание (Wissen) о себе, как предмете, который посредством мысли возвышен в простую бесконечность, в абстракт (einfache Unendlichkeit), и через то сделался потом со мною тождественен (und dadurch mit sich rein-identischen Gegenstandes).

1) *Личность* содержит вообще правоспособность и составляет понятие (und macht den Begriff) и самое абстрактное основание абстрактного, а потому формального права. И потому повеление закона, или лучше, запрещение, такое: будь лицом и не оскорбляй лица других.

2) Особенности (die Besonderheit) воли не содержатся в абстрактной личности, как такой. В формальном праве нет дела до особенных интересов, польз и прочее. Этим оно существенно отличается от морали, в которой есть уже противоположность, ибо *я* есть отдельная (Einzelnes) воля, а добро (Güte) есть всеобщее, хотя оно есть во мне самом. Здесь воля имеет различие

и обозначение (доброе — Güte) в отношении к конкретным действиям и моральным и нравственным отношениям (sittlichen). Это абстрактное право является, следовательно, только возможностью (Möglichkeit), правным (Bestimmung) позволением (Befugniss).

Die beschlissende und unmittelbare Einzelnheit лица относится к vorgefundenen Natur, против которой личность воли является субъективною, но для нее, как бесконечного и всеобщего, есть ограничение, которое сделало бы ее только субъективною и ничтожною. То она является деятельностью, которая хочет дать себе реальность, или, что то же, это бытие (Dasein der Natur) сделать своим, усвоить его. Отсюда — Eigenthum, Vertrag und Verbrechen und Unrecht.

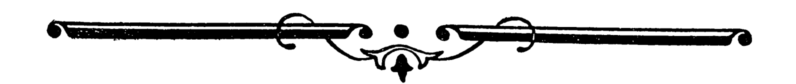
Из этого выход — бессмыслие разделения права на личное и вещное. Всякое право есть личное и вещное.

23-го апреля.

(Моль). Всякое учреждение, соответствующее духу народа, находит в нем отголосок, и всякое чуждое учреждение слабо.

Так как возможно полная гармония государственной и народной жизни составляет крепость государства, то все учреждения, а следовательно, и полицейские должны быть народными и по их направлению и по их форме.

2. ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА К. Д. УШИНСКОГО*
(Конец 1849 г.)

Начато 1849-го года 18-го декабря.

Порядок недели.

18-го декабря. Воскресенье.— Поехать к Лоньеру, Пересудову.— Понедельник.— К Шварцу за книгами; в редакцию «Лесного журнала». Вторник.— К Шевыреву и к Василию Ивановичу. Среда.— В Императорскую Библиотеку, к Пселу. Четверг, пятница, суббота.— Письмо к Ол. Сидеть за делом.

19-го декабря.

Понедельник. Неужели я опустел окончательно! Какая-то лихорадочность в моих способностях. Нет, да не будет так! Я верю, что это — только оттого, что в последнее время я вот уже около 5-ти месяцев

* Подлинник рукописи в настоящее время неизвестен, но он был в руках А. Н. Острогорского, включившего «Отрывок из дневника 1849 г.» в изданный им в 1908 г. том «Неизданных сочинений К. Д. Ушинского». Текст отрывка перепечатывается с издания 1908 г. Возможно, что наименование перепечатываемой рукописи дано наследниками Ушинского или ее издателем. Сам автор во всяком случае не назвал бы своего дневника отрывком. «Отрывок из дневника» относится к периоду, когда Ушинский, будучи вынужден оставить Ярославский лицей, переехал в конце сентября 1849 г. в Петербург, предпринимая безуспешные поиски удовлетворяющей его работы.

ничем не занимался. За дело! за дело! И, чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одною статьей для Географического общества. Сегодня непременно к Милютину за книгами, и, если достану записку, то сегодня же и к Шварцу; если же нет, — то зайду хоть в публичную библиотеку. Снова — самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности. Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердою волею, то погибну посреди этих обломков, сделаюсь пустым человеком, тем более жалким, что воспоминания никогда меня не оставят. Нужно уметь принудить себя заниматься и тогда, когда нет во мне энергии, убедившись опытом, что это падение души только временно и что небольшое усилие над собою всегда вознаграждается рождающеюся в ней энергией. О, зачем я один? Мой разум и мое сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон!...

20-го декабря.

Вторник.

22-го декабря.

В 9-ть часов утра происходила на Семеновском плацу страшная сцена объявления приговора 23-м человекам политическим преступникам.

23-го декабря.

Достаточно одного легкого намека, одного слова, от которого повеяло бы свежестью деревни, чтобы обратить все самые жаркие желания души моей к природе, к жизни мирной, сельской, чтобы наполнить все существо мое тоскою и отвращением к жизни городов, столиц, к службе, к этим ничтожным и бесполезным заня-

тиям, к этой грязной, тесной, душной сфере, в которой заставляет меня стонать немилосердная судьба! Как неестественна наша жизнь! Это какая-то сеть, сплетенная из самых ничтожных нитей, но способная задушить льва. Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленький уголок под ясным небом, посреди благоухающих полей, тенистых рощ, умеренный труд и забытье, забвение всех и от всех. Я мог бы еще просить у тебя любимой женщины и добрых друзей... но ты так скупа! Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме... в которой нет даже стен, чтобы разбить себе голову? Почему тебе хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить в землю? О, неужели же целый век исканий, целый век этих глупых, бесцельных, ребяческих забот?!... Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета, проклятая!... Чиновничий пролетариат — едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире, и по крайней мере — самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь с ума и помиришься с нею!...

3. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОБУЧЕНИИ В НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЙ ГИМНАЗИИ *

Первенец университетов русских[1], университет Московский, отпраздновал уже свой столетний юбилей; но, несмотря на это, если сравнить положение наших университетов в общественной жизни с тем, которое имеют в ней древние университеты Германии и Англии, то мы увидим, что это историческое явление западной жизни, развившееся из нее совершенно органически, будучи перенесено на русскую почву, пустило в нее еще не слишком глубокие корни и приняло, кроме того, особенный, только русской жизни свойственный, ха-

* Рукопись воспоминаний впервые опубликована А. Н. Острогорским в 1908 г. в изданном им томе «Неизданных сочинений К. Д. Ушинского». В настоящее время подлинник рукописи хранится в кабинете педагогики Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена по описи за № 1. Текст «Воспоминаний» исправлен в соответствии с подлинником. На рукописи имеется заголовок, сделанный рукой кого-то из наследников К. Д. Ушинского, вероятно, его дочери Надежды Константиновны — «Дневник, относящийся к гимназическим годам». Заголовок — явно неудачный: а) это не дневник, а воспоминания, б) сам автор, начиная рукопись, имел в виду дать воспоминания о времени своего обучения в Московском университете, рассказ же о Новгородсеверской гимназии был только введением к основной теме. Так как, однакоже, рукопись преждевременно оборвалась и основная тема оказалась совсем незатронутой, то рукопись озаглавлена по ее действительному содержанию — как воспоминания об обучении в Новгородсеверской гимназии.

рактер, который иногда не вполне гармонирует с его ученым и воспитательным значением. Мы не будем разбирать здесь ни причин этого явления, ни его многоразличных последствий, что увлекло бы нас слишком далеко от той главной мысли, которую мы хотим высказать в нашей статейке; но расскажем лучше нашу собственную университетскую жизнь именно потому, что она, сколько мы наблюдали, и тогда и впоследствии прошла почти точно так же, как проходила пятнадцать лет тому назад и теперь еще проходит университетская жизнь большей части русских студентов. Просим наших читателей не приписывать нам никаких притязаний на печатную автобиографию. Мы вполне сознаем нелепость подобных притязаний; но говорим здесь о себе именно потому, что и мы прожили и прочувствовали то, что прожито и прочувствовано более или менее одинаково многими сотнями бедных молодых людей, и прежде и после нас промелькнувших в стенах университетских аудиторий.

Воспитание, которое мы получили в тридцатых годах в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгород-Северска*, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре н-ской гимназии, старике профессоре, имя которого известно и ученой литературе, — Илье Федоровиче Тимковском. Мир праху твоему, почтенный старец! Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба, служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святыню, ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые да поможет им бог передать своим детям и воспитанникам. Искренние ученые стремления и глубокие религиозные убеждения, соединявшиеся в незабвен-

* В дальнейшем — сокращенно: Н-ск, н-ская.

ном Илье Федоровиче, имели сильное влияние на гимназию. Почтенный старик, переходивший беспрестанно от Горация и Виргилия к библии и от постовых молитв, которые он сам читал в кругу гимназистов, к цитатам из Тацита и Цицерона, был и в то время явлением не совсем обыкновенным, а ныне даже очень и очень редким. Вот почему во время Ильи Федоровича Тимковского воспитанники н-ской гимназии отличались на экзаменах во всех университетах. Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались. Уменье переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение. Такого ученика 7-го класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первейшего (т. е. приготовительного) класса, смотрели на него с уважением и произносили его имя, как имя какого-нибудь Гумбольдта. Другие предметы были слабее, а новые языки, по неимению ни хороших преподавателей, ни хороших руководств, шли очень плохо. Старик директор появлялся в гимназии редко; но его появление было каким-то страшным судом для воспитанников, хотя, надобно заметить, он, кроме первейшего класса, нигде не дозволял употребления розог.

Но несмотря на замечательную личность директора, несмотря на то, что н-ская гимназия была одною из лучших в то время, если теперь припомнить все, что могла дать она прилежнейшим из своих учеников, то нельзя не сознаться, что все это было весьма не обширно. Хорошо уже и то, что у большей части учеников были любимые предметы; но вообще ученье далеко не достигало той полноты подготовительных сведений, которой можно и должно требовать от гимназии. Мы узнавали только кое-что то из той, то из другой науки; но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохие тощие учебники и отсутствие всяких педагогических сведений в преподавателях всего более были причиной такой неполноты

сведений, потому что при хорошем учебнике и благоразумной методе и посредственный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель с такими редкими способностями и таким рвением к делу, которые трудно предположить в человеке, ограничившемся скромною учительскою карьерою и скудным учительским жалованьем, долго, а может быть, и никогда не выйдет на настоящую дорогу.

Что же касается собственно до воспитательной части, то она даже едва ли существовала в то время.

Н-ская гимназия помещалась за городом, в ветхом старом здании, постройка которого относилась еще ко временам Екатерины II-ой или чуть ли еще не далее. Длинное, низенькое, ветхое, почерневшее здание со своей скверной, украшенной флюгером, будочкой наверху, в которой качался неугомонный колокольчик, походило, по мнению окрестных помещиков, более на паровую винокурню, чем на храм науки: окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери притворялись плохо, длинные старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную краску, были изрезаны и исписаны многими поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! и ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки, солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей, бесчисленные изречения, бесчисленные обрывки уроков, записанных учеником, не понадеявшимся на свою память, клеточки для игры в скубки, состоявшей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнера за чуб. Старые почерневшие портреты героев екатерининского времени, в старых, источенных червями, рамах качались на стенах, украшенных обрывками обоев. Плохо было это здание; но мне жаль его, как жаль первых и живых снов своей детской жизни. Теперь оно заменено прекрасным, каменным, но дай бог, чтобы внутренность его настолько же

улучшилась, насколько улучшена внешность. В самой гимназии тогда никто не жил, кроме двух учителей и трех или четырех стариков-инвалидов, служивших при гимназии сторожами. Все же учебное стадо, и овцы, и пастыри, являлись в гимназию два раза в день, утром и вечером, на время уроков, а потом шумно рассеивались по маленькому, но живописному городку, залитому садами, разбросанному по небольшим горам, прихотливо изрезанным рвами, на красивом берегу Десны. А стадо было не маленькое! В тридцатых годах считалось в н-ской гимназии, если не ошибаюсь, более четырех сот учеников; а в первейшем классе были даже и ученицы, грязные, оборванные девочки, расплывшиеся теперь донельзя за прилавками н-ских лавок. В низших классах бывало до того душно, что какой-нибудь новенький учитель, еще не привыкший к нашей гимназической атмосфере, долго морщился и отплевывался, прежде чем начинал свой урок. Старик же Яков Яковлевич, о котором уже не в первый раз упоминается в печати, как кажется, очень любил эту атмосферу и, если называл нас копшуками (т. е. мешочками), то более с удовольствием, чем с гневом. Небольшая часть из этого числа гимназистов принадлежала самому Н-ску; остальные собирались из губернии и не только из той, где находится Н-ск, но даже из двух или трех соседних. Для бедного городка, в котором едва ли можно было насчитать в то время до двухсот домиков и то большею частью жидовских лачуг, гимназическое население в четыреста душ было источником главнейших выгод. Не было почти ни одного христианского домика, где бы не жило шести, семи, а иногда и десяти паничей, как звали нас жители Н-ска. Шопа[a], что-то вроде деревянной беседки с претензиями на греческий храм, стоявшая посреди вечно грязной площади, процветала в то время. Торговки в синих халатах и островерхих головных платках, заседавшие на ступе-

---

[a] Шопа — малороссийское название балагана или лавки на базаре.

нях этого храма, нарочито для гимназистов приготовляли неимоверное количество бубликов, маковников, шишек, орехов, арбузных семечек и прочего лакомого снадобья.

Надзора за квартирной жизнью всего этого огромного количества детей со стороны гимназического начальства не было решительно никакого, если не считать весьма редких и quasi-неожиданных нашествий инспектора на какую-нибудь квартиру, раскурившуюся уже до того, что дым валил из окон, или где (увы!) счета из винных лавочек оказывались уже слишком длинными. Но осторожные хозяева, боясь потерять квартирантов, устраивали по большей части дело так, что инспектор оставался с носом. Гувернеров сначала не было ни одного, а потом хотя и появились один или два, но такие, что лучше бы их и не было. В самой гимназии до прихода учителей, как и в киевской бурсе, описанной Гоголем, устраивались различные воинственные игры, оканчивавшиеся иногда весьма порядочным побоищем. Если же партия шалунов или ленивцев оставалась иногда без обеда в гимназии, то, несмотря на то, что у оштрафованных отбирались фуражки и снималось по сапогу, не унывали. Под боком был высокий тенистый монастырский сад, где между двумя рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши, а чтобы перелезть через высокий деревянный забор и, в случае внезапного нападения монахов, быть свободнее при отступлении, то для этого снимался и остальной сапог. Иногда устраивались преинтересные флотилии на соседней громадной луже, причем бывало не без купанья; ученики же постарше бегали иногда и в слободку, расположенную за монастырем и славившуюся веселостью своих обитателей и еще более обитательниц. Весной отправлялись в огромные, извилистые рвы, изрывшие меловые окрестности Н-ска; там росла чудная земляника, там же я и сотни подобных мне брали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или меловой самодельной трубочки; эти первые уроки, конечно, оканчива-

лись весьма (*не*)приятным опьянением и даже рвотой; иногда давались и гораздо более гибельные приятельские уроки и устраивались довольно грязные оргии. В гимназии мы еще подвергались какой-нибудь дисциплине, поддерживаемой палями [a], стоянием на коленях, квалифицированным вместо гороха дресвой из песочниц, или ночевкой в избе сторожа-старика, тершего табак на весь город и готового за гривенник на всякую услугу заключенному; но за стенами гимназии мы решительно предоставлены были самим себе и случаю.

Но после такого описания нашей гимназической жизни вы вправе спросить, что же я нашел в ней хорошего и почему так выгодно отозвался об ее направлении? Но я пишу не похвальную речь н-ской гимназии, а просто рассказываю нашу гимназическую жизнь с ее светлыми и темными сторонами. Прежде я сам смотрел на нее не совсем благосклонно, но, познакомившись впоследствии ближе с настоящими учебными заведениями и в губерниях и в столицах, встречаясь потом в жизни с воспитанниками самых разнообразных заведений и определяя характер общего типа, данного им воспитанием, я убедился, что в н-ской гимназии 30-х годов было действительно много хорошего посреди не малого количества дурного. Впоследствии я узнал, что в иных огромных детских казармах, где все так вылакировано, вычищено, все блестит и сверкает, все хвастливо кидается в глаза своей обдуманностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Н-ска, только эти пороки принимают здесь еще более характер повальных болезней, тщательно скрываемых, но не искореняемых начальством. Случалось мне видеть и такие заведения, где, несмотря на собрание лучших столичных

[a] Пали означают на малор. наречии удар линейкой по ладони.

преподавателей, презрение к науке было предметом хвастовства для воспитанников, и такие, где пятнадцатилетний мальчик уже видит за учебником истории или географии класс, чин, место и рассчитывает свое прилежание по выгодам будущей службы; и такие, где мальчики, еще плохо читающие по-русски, уже с математической точностью, сделавшею бы честь любому воеводе передового полка, считаются чинами и породою своих батюшек, дядюшек и тетушек и где один воспитанник подает другому руку после глубоких соображений; но в которых, несмотря на аристократичность направления, водилось и пьянство и повальный школьный разврат и даже прорывалось и воровство и клевета. Насмотревшись на все это и встречая часть молодых людей, кончивших курс в каком-нибудь значительном учебном заведении и кончивших с отличием, но у которых не было не только ни малейшей любви к какой-нибудь науке, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своих профессорах и даже вообще об учености, ученых и науке, как предметах, необходимых в неизбежной комедии детства, но вовсе излишних и даже неприличных в практической жизни; когда мне попадались безбородые юноши, еще не совсем твердо знающие, в каком веке жил Карл Великий, но уже кощунствующие над святыней отчизны...,—о! тогда я оценил по достоинству и постовые молитвы покойного Ильи Федоровича и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: университет!

А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию

педагога*; что день, проведенный ребенком посреди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье. Толстые каменные стены учебных заведений больших городов, детские кроватки, поставленные необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцар у дверей — этот неумолимый цербер детского ада, вокруг — камень и железо, железо и камень не только без малейшего обрывка зелени, но даже без куска земли, наверху кусок вечно закрытого неба, внутри — то гробовое молчание, то официальный гул, в котором исчезает всякая личность, повсюду сердитые, аргусовские глаза купленного надзора; повсюду форма и чинность, вечная чистка и лакировка — все это веет на меня какой-то безвыходной тоской, какою-то мучительной бессмыслицей; я бы, кажется, не прожил и месяца такою жизнью!

Это впечатление до того сильно во мне, что раз, когда мне случилось во время моего студенчества попасть в больницу и мне отвели номерную койку, мне казалось в бреду, что меня из человека сделали номером и употребляют в каких-то мучительных математических вычислениях. Грезы мои ночью и тоска днем обратили внимание добряка доктора, и он объявил, что я не могу выздороветь в больнице. В самом деле, я начал поправляться только с того дня, когда меня взяли из больницы**.

---

* На полях против этой страницы Ушинским сделаны следующие дополнительные замечания, которые он имел в виду развить впоследствии:

«*Другое*, внеучебное влияние: дух, живущий между товарищей; *третье* — книги: библиотека моего отца. Отсутствие книг у наших помещиков; грязь некоторых из наших журналов».

** В этом месте на полях рукописи при повторном ее пересмотре рукою Ушинского сделано следующее эскизное дополнение к тексту в целях дальнейшего его расширения:

Конечно, такое направление есть отчасти особенность, зависевшая от врожденных инстинктов и обстоятельств моего детства, и если скажу здесь несколько слов об этих обстоятельствах, то только потому, что состояние детства глубже всего может изучить человек на самом себе и что заглянуть в душу ребенка можно, только живо припоминая свое собственное детство и свои первые детские впечатления.

Н-ская гимназия, как я уже сказал, стояла за городом; а домик моего отца находился на другой стороне города — верстах в четырех от гимназии, тоже за городом и в местности гористой и очень живописной. Мать моя умерла, когда мне не было еще двенадцати лет, а отец по смерти матери почти не жил дома, так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке, куда никто не заглядывал. Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе. Из хутора я ежедневно должен был ходить в гимназию, и еще до города пройти версты две по живописному берегу Десны. Боже мой, сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих «кручах», нависших над рекою. Зимою, особенно в сильные морозы, бегать ежедневно в гимназию в плохой шинельке с книгами и тетрадями было довольно тяжело, но ни мороз, ни метель, ни снег никогда не могли удержать меня в городе, где бы я мог найти пристанище. Не ночевать одной ночи дома было для меня сильнейшим наказанием и раз, когда за какую-то неисправность, один из учителей, живших в гимназии, хотел оставить меня на воскресенье у

« Это может и особенность моя. Далекий мой домик, как я ходил туда. Но и вообще ⟨*наблюдая*⟩ за детьми, вы увидите, что приносит к ним сильное влияние и благодетельное влияние; чтобы выразить вам характер этого влияния, я опишу вам двух моих знакомых, которых я знал с детства, сестер, из которых одна воспитана в Институте, а другая дома, в деревне... Неряха, опрятна... И неряха понимает Шекспира».

Река Десна, Новгород Северск

себя, то я так плакал, так рвался и приходил в такое отчаяние, как будто меня приговорили к смертной казни. Варвар учитель не сжалился, и я не могу выразить той подрывающей тоски, какую я испытывал в тот вечер, слушая его игру на флейте и вой подтягивающей ему собаки. Звонкий хохот учителя после каждой ужасной рулады пуделя-артиста мучил меня невыносимо. Я не мог заснуть ни на минуту, и наутро, после долгих борений, не выдержал и убежал — убежал затем, чтобы только дойти до дому и снова воротиться в гимназию.

Но как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — все было предметом моего страстного недремлющего внимания, и *впечатления бытия* до того переполняли мою душу, что я ходил как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелеными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и нивесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона? Какие впечатления могут дать им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы?! После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой. Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытал на себе, которое с такой живостью выражается почти в каждой вымышленной и истинной биографии, так мало оценено в педагогике. Если бы люди, располагающие судьбой детских поколений, яснее

припоминали свое собственное детство, то, вероятно бы, столичные учебные заведения, вместо того, чтобы более и более скопляться в столицах и больших городах, мало-помалу переводились бы в лучшие местности страны. Знаю, что многое можно сказать: затруднения устройства учебных заведений вне городов; но знаю также, что все эти затруднения ничто в сравнении с тою воспитательною и гигиеническою пользою, которая может произойти для детей от такой перемены.

Но сказавши о благодетельном влиянии жизни с природою на воспитание дитяти, я не хочу умолчать и о том дурном влиянии, которое имеет на ребенка исключительность такой жизни. Слишком большое уединение, в котором я проводил большую часть времени своего дома, длинные, более чем полуторачасовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны, в соединении с несколькими десятками путешествий и романов, которые я прочел в библиотеке отца, оставленной на наш произвол, слишком рано и сильно развили во мне мечтательность. В голове моей мало-помалу создался целый мир полузаимствованных, полуоригинальных образов, которые очень удобно размещались в окружающем меня уединении и по прекрасным ландшафтам Десны и нашего сада; но в которых не было ничего общего с тою жизнью, которая встречала меня в гимназии, в кругу учителей и товарищей и в немногих знакомых домах, где я изредка появлялся. В голове моей, особенно когда я медленно, шаг за шагом брел из гимназии, сплетались целыми месяцами и даже годами длинные и сложные фантастические истории и самые дикие романы, в которых, конечно, я был героем. Само собою разумеется, что большая часть этих фантазий были воинственного содержания; но иногда они принимали странный аскетический характер. Воинственные предания Н-ска, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в Шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений, — все это, перемешанное с вальтерскоттовскою историей Наполеона и с

множеством воинственных повестей, послужило мне к созданию длинной нескончаемой истории, которою я несколько лет сокращал свою длинную дорогу. Местность бралась тут же, и моя фантазия работала над нею. Полуразрушенные валы возобновлялись, там и сям поднимались зубчатые стены и высокие башни, тихий монастырь, господствующий над окрестностями, превращался в неприступную цитадель, по кручам устанавливались*...

---

* На этом месте рукопись обрывается, к продолжению ее автор, очевидно, не приступал.

4. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ШВЕЙЦАРИИ*
(Сент. 1862)

Выехав 9 сентября из Веве, предполагается осмотреть:

1. *Невшатель,* где осмотреть les auditoires de Neuchatel; collège cantonal; école industrielle; écoles supérieures de filles.

---

* Рукопись печатается впервые. Подлинник рукописи хранится в Архиве Института литературы Академии наук СССР («Пушкинский дом») под шифром 316, № 49. Этот подлинник пожертвован вместе с другими материалами архива Ушинского в 1920 г. дочерью его Надеждой Константиновной и впервые стал известен и доступен для пользования в 1945 г. в связи с истекшим 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского. Рукопись представляет собой переплетенную тетрадь, 72 четвертушки которой сплошь исписаны на лицевой и оборотной стороне мелким и трудно читаемым почерком Ушинского. В некоторых местах ввиду спешности изложения автор давал только конспект своих наблюдений, одни заголовки в предположении, что в дальнейшем представится возможность более подробно раскрыть их содержание. Некоторые слова, а часто и строчки представляют собой одни волнистые линии, смысл которых, вероятно, с трудом был бы восстановлен самим автором. Естественно, что несколько строк и несколько десятков слов остались непрочитанными. «Педагогические заметки» представляют собой первую попытку К. Д. Ушинского литературно оформить свои впечатления от посещения швейцарских школ на основании тех беглых заметок, которые он вносил в свои записные книжки. Литературно обработана, однакоже, преимущественно первая половина рукописи, во второй даются большей частью только беглые зарисовки впечатлений. Вслед за этой первой попыткой после-

Одну école primaire, где преподает учительница. Как приготовляются учителя или учительницы, ибо семинарии нет. Оттуда проехать в

2. *Солотурн,* где осмотреть учительскую семинарию в Обердорфе, недалеко от Вейсенштейна. Из Солотурна в

3. *Базель,* где осмотреть — а) университет, б) pedagogium; в) школу для девиц; г) достать устав Gesellschaft des Guten und Gemeinnutzigen; д) семинарию миссионеров знаменитую. Из Базеля следует проехать в

4. *Рейнсфельден,* в 1 лье от него в *Ольсберге* (кантон Ааргау) земледельческая школа, основанная в память Песталоцци, по его идее. Из Рейнсфельда по железной дороге проехать в

5. *Веттинген*: отличная семинария недалеко от Бадена; при ней земледельческое заведение. Из Веттингена, по почтовой дороге в

6. *Seengen*: прекрасное заведение для бедных девиц. Из Зеенгена по почтовой дороге в

7. *Люцерн*: а) высшее женское училище; б) семинария для учительниц; в) богословская школа в соединении с педагогической семинарией; г) кантональная

довала вторая, вылившаяся в форму писем о «Педагогической поездке по Швейцарии»: письма печатались в «Журнале министерства народного просвещения» в 1862—63 г. (см. т. III настоящего собрания сочинений). Основываясь на материалах своей поездки, Ушинский в 1864 г. сделал в Петербургском педагогическом собрании доклад о женском образовании в Европе, который затем был опубликован в газете «Голос» (1865 г. № 63) под заглавием «Одна из темных сторон германского воспитания») (см. III том настоящего собрания). Наконец, в своем «Отчете о поездке за границу», представленном в ведомство учреждений им-цы Марии, Ушинский сделал опыт систематической обработки своих заграничных впечатлений о женском образовании. Во всех этих попытках литературного оформления своих швейцарских впечатлений Ушинский, однакоже, далеко не использовал всего материала, записанного им в своих «Педагогических заметках о Швейцарии». Последние сохраняют поэтому свое значение, главным образом, как автобиографический материал.

школа, устроенная особенным образом; д) рабочие школы; е) учительская семинария в Ратгаузене в одной миле от Люцерна. Из Люцерна по железной дороге в

8. *Цуг,* чтобы видеть католические училища, а из Цуга по почтовой дороге и по Цюрихскому озеру в

9. *Кюснахт,* где отличная учительская семинария. Из Кюснахта по озеру в

10. *Цюрих.* Здесь осмотреть — а) университет и его программы достать; б) политехническую федеральную школу; в) гимназию; г) индустриальную школу; д) одно сиротское заведение; е) одну земледельческую школу (l'école rurale); ж) окружную педагогическую библиотеку; з) регламент педагогических собраний; и) школу для деревенских девушек в Цюрихе; к) учреждение для идиотов; л) для глухонемых. Из Цюриха по железной дороге в

11. *Saint-Galle*: а) la maison penitentiaire; б) кантональная библиотека; в) особенная библиотека для юношества; г) гимназия, особенно центральная; д) в монастыре. Из Сент-Галле в

12. *Куар* (католическое образование, учительская семинария).

Во время виноградного курса предполагается осмотреть: 1) Фрибург, 2) Лозанну, 3) Женеву, 4) Вль(?).

На какие вопросы следует получить ответы:

А. Посещая кантон:

1. Нет ли печатных источников относительно истории образования всего кантона, столицы или отдельных заведений?

2. Нет ли отчетов за последние годы? отчетов инспекторов и т. п.

3. Нет ли целых собраний школьного законодательства или отдельных положений и инструкций?

4. Из кого состоит высшее управление образования кантона? во что оно обходится? какое в нем участие берут учителя? общество? духовенство?

5. Разделение школ на округи? по ступеням? по назначению?

6. Общее число школ каждого рода? мужских и женских?

7. Общее число учащихся обоего пола?

8. Число учащихся обоего пола — в школах общих? специальных? высших? рукодельных? и т. п.

9. Управление школьным округом?

10. Школьное управление в общинах?

11. В отдельных школах?

12. Инспекция школ?

13. Средства финансирования? школьные капиталы? пособие от правительства? от общины? плата за учение?

14. Обязательно ли посещение школы? в какой мере и как выполняется?

15. Школьные здания? кем строились и поддерживаются?

16. Катехизация, отношение ее к учению?

17. Учителя? Есть ли особенное приготовление учителей?

18. Условия поступления в учительское звание?

19. Содержание и пенсия учителей?

20. Число занятий учителя?

21. Участие учителей в управлении школами?

22. Классное или предметное распределение учителей?

23. Предметное преподавание в школах разных ступеней?

24. Переход из низших школ в высшие?

25. Число учебных занятий по классам и по дням? (программы).

26. Когда бывают экзамены и как они делаются?

27. Как делаются переводы? что делают с неуспевшими?

28. Отношение оканчивающих курс к неоканчивающим?

29. Чем оканчивается образование большинства?
30. Система взысканий и наград?
31. Программа преподавания и инструкции?
32. Поддерживается ли чем-нибудь дальнейшее образование низших классов?
33. Способ приема учеников?

Б. При посещении отдельных заведений:

1. Помещение.
2. Начальство.
3. Число учителей и учеников.
4. Методы преподавания, в особенности:
   а) грамоты,
   б) отечественного языка,
   в) иностранного языка,
   г) географии,
   д) истории,
   е) арифметики,
   ж) чистописания и рисования,
   з) пения,
   и) гимнастики,
   к) ремесел и рукоделия,
   л) разных практических знаний, как-то: бухгалтерий, землемерия и пр.
5. Домашние занятия учеников: чтение и пр. Нет ли особых библиотек по возрастам и как ими пользуются?
6. Учебники и учебные пособия. Пересмотреть и купить замечательные.
7. Школьные вещи: дома и пр. ...

В. При посещении учительских семинарий:

1. На какие суммы содержатся и во что обходится содержание?
2. Управление.
3. Число учащих и учащихся.
4. Число ежегодно выходящих учителей.
5. Устройство общее.
6. Интернат или нет?
7. Условия приема.

8. Есть ли подготовительные курсы?
9. Что платят учителям?
10. Платье, пища и т. д.
11. Нравственный присмотр?
12. Выпуск и права?
13. Предметы преподавания?
14. Как и по чему читается педагогика? Где учился сам читающий? Есть ли педагогика в швейцарском университете?
15. Практические занятия семинаристов.
16. Общее направление.
17. Чем поддерживаются после выпуска?
18. Педагогические конференции.
19. Педагогические библиотеки.

Г. При посещении женских учебных заведений внимание обратить на: 1.*

7 сентября (н. ст.) я приехал ночью в Берн. 8-го утром отправился прямо к Фрёлиху в его Einwohner-Mädchenschule и пробыл там уже весь день.

Судно купца, нагруженное дорогими, обдуманно выбранными товарами, разбилось; но мало того, близкие его сердцу, друзья, дети, жена — все погибло; но он спасся и случайно попал в тот самый город, куда ехал и куда думал доставить свои сокровища. Одинокий, без семьи и друзей идет он по набережной, посреди чуждого ему народа; смутно смотрит он на все, душа его еще не оправилась от удара; но все как-то не то, что забылось, а затуманилось в его голове; он не излечился, а одеревенел. Но вдруг видит он, как другой купец, который выехал вместе с ним и счастливо достигнул избранной гавани, раскладывает свои товары и берет громадные барыши, о каких и он, бедняга, когда-то мечтал: как счастлив, как доволен купец; как ему весело в кругу своих, которые гордятся его успехом. Все воскресло в душе бедняка, обиженного

* Продолжения нет.

бурей: и семья его, и дети, и друзья, и каждый товар, поглощенный морем; слезы полились из глаз: и тяжко ему и больно; а все как-то лучше, когда слезы не капали, а сердце было будто деревянное!

Так, ходя по заведению Фрёлиха, все вспомнил я, и опять наполнилось мое сердце сожалением, злобой, местью и.........; а более всего живым, трепещущим огорчением. Но следует рассказать по порядку.

Берн — хорошенький, чистенький, старинный, но прекрасно сохранившийся городок: это немецкая старушка в чистом чепчике, кружева которого спущены на лицо, старая, но прекрасно сохранившаяся, здоровая, розовая, уютная, с вечным гусеком в руках, с бесконечными старыми сказками на устах, с медальонами и локонами волос, остатками старины, старой связи, со старомодными игрушками в кармане, с медными очками на носу, которые уже поправляли сто раз, связаны веревочкой, закаплены сургучом; а все держится и смотрится в старинную, престаринную, полинявшую библию. На каждом шагу вы встретите в Берне то башню, на которой уже лет двести колотит в колокол деревянный швейцарец, выскакивает какой-то деревянный король на трон и [= = =] уродцев проходят каждый час свой круг; то какого-то деревянного урода, поедающего на фонтане ребятишек; то громадного черного льва, смахивающего на медведя, в золотой короне и с сапогом или молотом в руках и т. п. Ежегодно Берн смотрит в своем, еще не оконченном соборе на полинялые и порыжелые ковры из боевой палатки Карла Смелого, взятые при Грандсоне.

Особенно любит Берн своих медведей; на вывесках медведи; в лавках на окошках медведи разнообразных величин; на пряниках медведи; медведи — из гипса, из сахара, из камня, из бронзы и, наконец, живые медведи во рву, на которых каждый вечер приходят любоваться бернцы. Не менее, чем медведей, и лавок в Берне; нижние этажи почти всех домов заняты лавками, и по всему городу вы можете итти, как у нас в Гостином дворе, под каменными навесами или гале-

реями (Lauben). Под таким каменным сводом прошел я и в Korn-Strasse, на углу которой против громадного Корн-магазина в пятиэтажном, но очень узеньком доме помещается Einwohner-Mädchenschule. У входа встретил меня чистенький старичок (portier), чрезвычайно похожий на старинного немецкого профессора. Извините, что останавливаю ваше внимание на этом привратнике; но привратники швейцарских заведений чрезвычайно характерны, и в них концентрически и психически отражается все громадное различие между нашими и иностранными учебными заведениями. В Веве я, входя, был встречен таким же привратником: немного потолще и точно такой же. Он и вся его семья (жена и дочь, должно быть) сидят тут же, в приемной, швейцарской, сенях, — все это одна и та же комната, старая, грязная, пожалуй, т. е. не так вылощенная, как у нас, из которой лестницы наверх и несколько дверей ведут в классы. Швейцар этот и не встал, когда я вошел, только передвинул колпак на своей лысой голове и пошевелил шерстяными туфлями. И как был я доволен его приемом! Нет, это не солдат, вытянутый в струнку и облеченный в швейцарскую сбрую; не откормленный швейцар, который вскакивает, как вскакивала [== ==] при появлении своего генерала или генеральши, и грубая, невежественная или нахальная с другими; нет, это почтенный отец семейства, которого все дети любят, который погонит опоздавшего мальчика, погрозит тому, который был наказан за леность, прикрикнет на шалуна; спрячет в стол завтрак ребенка; разнимет подравшихся и даст подзатыльник задорному; но вы можете узнать от него все, что вам нужно; он, кажется, знает даже, что читается сегодня в каждом классе. Директор ему приятель; учителя — друзья; ученики — дети, а не докучающие мухи, как для нашего солдата-швейцара. А это имеет важное значение, как все для ребенка. Здесь его встречает не казарма с часовым у дверей, а дом, вся домашняя обстановка; даже этой отвратительной наружной чистоты с запрятанной грязью не видать здесь:

не то, что наши паркеты, на которые с страхом и трепетом входит новичок; эта семейственность, о которой у нас столько хлопочут и которую с таким старанием они всюду выгоняют, поражает вас при входе в иностранное учебное заведение.

— Г-н Фрёлих еще не приходил, — сказал мне этот почтенный профессор-привратник: но вы его подождите; в 10 часов он непременно будет; у него сегодня урок педагогики.

— А могу ли я в это время зайти в класс?

— О! Doch! doch! Куда вам угодно! В какой класс вы хотите?

Но я сам думал, куда итти, а потому решил обождать г. Фрёлиха, тем более, что до 10 часов оставалось несколько минут. Почтенный привратник проводил меня в кабинет директора (Vorsteher). Маленькая комнатка, обставленная полками с книгами, с письменным столом; на другом столе прекрасные картины времен года (4-х) для Anschauungs-Unterrichts и модели для рисования, резные из дерева; а на стене расписание часов. Знакомые предметы! На письменном столе, на подсвечниках висят два венка из моха; это, наверно, ученицы принесли г-ну Фрёлиху из своих альпийских экскурсий, введением которых в женские учебные заведения (в мужских заведениях Швейцарии они существуют давно) Фрёлих недаром гордится. Я стал рассматривать книги. Боже мой! сколько воспоминаний шевельнулось в душе моей! Вот педагогика Грубе! Вот Кёрнер, Шмидт — все старинные приятели. Вот Чуди. Швейцарский альбом — понимаю, все понимаю — счастливец Фрёлих!... Через минуту в комнату вбежала девушка лет 19 из старшего класса, готовящаяся в учительницы, по-нашему пепиньерка, которая живо мне напомнила Персианову: девушка-студент, в хорошем, не в буйном, не долгогривом значении этого слова. Я поклонился и на вопросительный взгляд девушки сказал по-французски, боясь испугать ее своим немецким языком:

— Я жду г-на Фрёлиха.

— Он сейчас будет: а вы не хотите ли почитать что-нибудь? — впрочем, здесь все немецкие книги, — сказала девушка и, взяв со стола какой-то предмет, убежала.

Как все это просто и как вежливо; не той вылощенной, оскорбительной французской вежливостью, которую находишь у нас на каждом шагу.

Через минуту вошел и г-н Фрёлих. Это мужчина лет 40, некрасивой, но очень одушевленной наружности; коренастый, здоровый, несколько растрепанный; одетый очень небрежно, по-домашнему; видно, что он в своей комнате и в своем семействе. При этом я невольно вспомнил слова Леонтьевой, которые она сказала Печкину, когда тот явился к ней в первый раз, конечно, вылощенный, в черном фраке и в белых, только что надетых перчатках, сказала, осмотрев его с ног до головы: «Soyez en classes toujours comme à la représentation!» Конечно, уже à la représentation царской фамилии.

— Я имею честь видеть г. Фрёлиха? — спросил я не без робости.

— Точно так, что вам угодно?

Я объяснил свое желание видеть заведение, позабыв даже сказать, кто я такой.

— Извините, я очень плохо говорю по-французски, — сказал мне г. Фрёлих, — но все понимаю; а вы понемецки?

— Я тоже.

— И прекрасно. Вы позволите мне говорить, как мне удобнее. Вот наше расписание уроков.

Фрёлих снял его со стены и с жаром начал мне объяснять его. Через минуту мы уже отлично понимали друг друга.

— Вы можете итти, куда угодно; привратник вас проводит. Да постойте, чего же лучше: у нас есть русская воспитанница: она вам все покажет, — будет рада видеть своего соотечественника.

Фрёлих вышел и через минуту вошла девушка лет 17, очень <маленькая>, которой действительно <доверено было> мое образование.

— Проводите вашего компатриота, куда он выберет, — сказал г. Фрёлих девушке, дружески пожав ей руку, — а мне пора в класс. Сделайте одолжение, будьте как у себя дома, — сказал мне Фрёлих, — идите, куда угодно; а здесь вы часто можете меня найти; будьте как дома, — повторил он, дружески пожал мне руку и, посмотрев искоса на мой фрак и круглую шляпу, ушел.

А.*, поговоривши со мной о России и пожаловавшись, что никак не может привыкнуть к немцам, повела меня в класс французского языка, который я выбрал. А. сама еще недавно в заведении и сама хорошо не знает младших классов, а потому мы довольно долго блуждали с ней по темным, узким, крутым и довольно нечистым лестницам, отыскивая класс, который я выбрал. Оказалось, что он в другом доме, дома через два (заведение Фрёлиха помещено очень неудобно), и А., без шляпки, без мантильки, вышла со мной на улицу и, ошибшись домом, ввела меня куда-то в чужой кабинет; расхохоталась и пустилась обратно. Наконец, мы нашли, чего искали; но позвольте остановиться на минутку.

Что бы сказали на это Марья Павловна** и классные дамы? Я помню, как прибежали ко мне потихоньку пепиньерки проститься с своим инспектором. На лицах их было написано, что они решились на страшное дело, и я сам постарался поскорее выпроводить бедненьких, понимая всю опасность их поступка. Хорошо воспитание, где нравственность девушки охраняют солдаты! и где девушку с отцом и к умирающей матери отпускают не иначе, как в сопровождении классной дамы, которая не должна ни на минутку оставить бедную жертву и — или вовсе не возвращаться, или возвратиться с нею: или со щитом, или на щите! И вот девочку 12 лет и с родным отцом (*не пустили*)

---

* Условное обозначение воспитанницы.

** М. П. Леонтьева — начальница Смольного института.

к умирающей матери. Мать умерла, не благословив своего дитяти... Что за дело! Зато правила заведения сохранены!

Коридор перед классом был такой узкий и до того завален мантильями и шляпками, что я затруднился повесить свое пальто и снять калоши.

— Войдите, войдите,— сказала мне учительница, которой передала меня А., — здесь довольно у нас места.

И я внес в класс пальто, калоши и палку.

— О ужас, ужас, ужас! — кричит Мария Павловна и успокаивает себя только тем, что там ведь все мещане и мещанки. Но увы! и на этом нельзя успокоиться, Мария Павловна. Здесь воспитываются дочери бернских аристократов; да, наших аристократов! вроде Эрлахов, Бубенсбургов, Ридинсов, перед которыми сама г-жа Леонтьева с своей родословной от кормилицы царя Салтана — самая новоиспеченная офицерша. Ведь это все более чем тысячелетние аристократы, прадеды которых гордо [= = = = = = = = = = = = = = = = = = = =] и гордо смотрятся в синие воды Тупаевского озера. Да здесь каждый мещанин аристократичнее наших Шиповых и Клейнмихелей. Посмотрите-ка, какие у них гербы, пергаменты, родословные; а воспоминания не чета нашим! Не тем они знамениты, что обкрадывали казну, снимали сапоги Павлу или были «биты батоги» по приказанию Ивана Васильевича, увековечившего не одну нашу аристократическую фамилию. Нет! предки этого мещанина положили основание Берну; предки эти рубили Карла Смелого при Маргартиие; а предки этих закрыли своим телом пушку и прекратили междоусобие! Но что за дело до этого Марье Павловне и ей подобным! Ей нужны такие аристократы, которые бы бывали часто биты царями и бивали много и долго своих подвластных.

Что хотите! — никак не могу отделаться от приятных воспоминаний! Но вот я в классе. Идет французский урок — грамматика. Но опять не могу не остановиться; отчего эти девочки (V класс Secundarschule)

годов от 13 до 14 не смотрят на меня как испуганные козы? отчего они не приняли чинного, натянутого вида и не шушукаются, не перекидываются, не перемигиваются, не подталкивают одна другую? Отчего они не делают того, к чему я так привык в наших женских учебных заведениях? Продолжают сидеть, как сидели без меня. Слушают внимательно и шевелятся, поднимая руки, чтобы их спросили; шумят слегка, как шумит всякое живое существо, не превращенное в куклу. Здесь везде заведен обычай, чтобы ученик или ученица, которые желают, чтобы их спросили, подымали вверх руки. И то и дело видишь поднятые руки, иногда десятки разом; а у нас! у нас любо посмотреть. Да наша классная дама сошла бы с ума, если бы девочка изъявила желание быть спрошенной. У нас даже старшим ученицам начальство запрещает спросить учителя о чем бы то ни было, как запрещают дотрагиваться до зачумленного. Учитель в нашем женском учебном заведении это какое-то *необходимое зло*; какое-то зачумленное существо (хлор), которое вводят в класс со всеми предосторожностями, только что не обкуривают хлором.

В преподавании грамматики не было ничего особенного. Французская книга для переводов с немецкого, составленная здешним бывшим учителем (?...), сильно напомнила мне книгу г. Марго. Замечательно, что г. Фрёлих сказал мне, что он решительно недоволен всеми учебниками за исключением этого. В преподавании не было ничего особенного. Хорошие учителя и у нас преподают так же, но много ли у нас этих хороших учителей? А каково у нас преподавание иностранных языков в гимназиях? Я 7 лет учился по-немецки и по-французски и не умел читать, а потом в два года собственных занятий стал понимать всякую книгу. Следовательно, мог же выучиться? Преподавательница не из даровитых и если бы она не выдержала хорошей школы, то это была бы одна из мучительниц; а теперь идет все хорошо. Дети следят внимательно, вопрос впереди имени; слабые повторяют фразу, переведенную лучшею. Если не увлекательно и живо, то, по крайней мере, сносно, понятно

и неутомительно и весьма редко какая-нибудь девочка прозевает вопрос.

После урока я опять сошелся с г. Фрёлихом в его комнате и, узнав, что он идет давать урок педагогики, попросил позволения присутствовать, на что, конечно, не получил отказа.

Вот это урок! вот это преподаватель! Какие богатые психические и физические способности педагога и какая обработка! Каждая фраза входит без малейшей потери в ухо, голову и сердце и врезывается там этим громовым голосом, этим непобедимым убеждением, этим сосредоточенным одушевлением. Г-н Фрёлих сначала повторил свою, должно быть, любимую и главную тему своей педагогики, а потом сделал несколько шагов дальше, и я уверен, что не было ни одной ученицы, которая не сделала бы этих шагов вместе с ним. Тема лекции была та, как из образов, воспринятых ребенком, формируются понятия и как воспитательница может содействовать этому растительному процессу души, как должна заботиться о чистоте и верности этих образов и содействовать правильному образованию из них понятий. Но по поводу этой темы г. Фрёлих воротился несколько назад и показал, как должно учить ребенка воспринимать образы — слушать, видеть, ощущать и как это важно. Может быть, профессор сделал это ради меня, а может быть, и гораздо скорее, для того, чтоб напомнить всем главную тему своей педагогики, которую можно выразить двумя словами: «не вали в душу, что попало, а давай ей необходимую в том или другом возрастном периоде пищу и смотри, как она растет». Здесь принято за правило, что преподаватель имеет одну главную тему, к которой привязывает все остальное, и потому беспрестанно к ней возвращается. Правило отличное! Это рост души: усвоит слушатель главную тему в совершенстве — усвоит и все, потому что из нее все органически развивается. Полное одушевления преподавание, отчасти даже немецки-проповеднический тон лекции не мешают г. Фрёлиху весьма часто обращаться с вопросами к ученицам и просить их — то развить дальше или при-

ложить к делу высказанную мысль, то показать ее основание в том, что уже ученицы слышали прежде. Это именно то соединение одушевленной лекции и беседы, которое необходимо при преподавании в старших классах. Внимание было полное. Тон с ученицами дружески-отеческий. «Докажите мне это, Марта Нельсон! Объясните мне это, Берта Никлаус!» Здесь нельзя не вспомнить наших — mademoiselle, Fräulein и еще нелепейших госпож, таких не русских, не семейных, переведенных прямо с французского, диких, режущих ухо! «Госпожа Иванова! Сколько будет 2 раза пять? Госпожа Николаева! кто создал мир?» И вот г-жа Иванова, которой не видно из-за скамьи и которую дома звали Машей или Сашуткой, произносит что-то воробьиным голоском. Экая, подумаешь, тонкость в обращении! А на деле страшнейшее лакейство! И это называется — заботиться о воспитании!

Зато и девицы обращаются к Фрёлиху так, как к отцу, беспрестанно вбегая в его комнату, спрашивая и пр., и он берет их за руки, машинально гладя по голове. Опять, как не вспомнить наших бедняг, которые говорят своей начальнице не иначе, как votre excellence в отличие от благородных, называющих ее madame! В училище, где учился Шиллер, герцог делал такое же различие между дворянами и мещанами; но ведь с тех пор прошло сто лет, и об этом пишут нам как о пытках.

Когда дело дошло до того, чтобы объяснить ученицам, что детям должно передавать сначала индивидуальные образы со всеми их случайными признаками, и потом через сравнение образов одного и того же рода извлекать рассудочное понятие,— то г. Фрёлих вытащил из кармана перочинный ножик и заставил учениц определить его по существу; потом порылся еще и вытащил другой, кажется, садовый и заставил сравнивать, а потом выведено было общее рассудочное определение ножа: нож есть орудие для резания, состоящее из ручки и лезвия. Многие ученицы на вопросы довольно отвлеченные отвечали отлично, особенно поражает замечательное обладание словом. Мы часто рады, если в от-

вете ученицы доберемся, что идея ею усвоена, а здесь требуют, чтобы идея была выражена полно, точно, без излишних околичностей и красиво, и исправляют малейшую ошибку.— «Не эти голые, сухие скелеты предметов — понятия, рассудочные понятия, но самые предметы, во всей их живой, разнообразной, разноцветной индивидуальности должны вы вносить пищей в душу ребенка» и т. д. Мы долго шли с Фрёлихом вместе, и он говорил с жаром

После обеда я опять с урока географии, о котором скажу после, отправился на лекцию к Фрёлиху, который, кроме педагогики для учительниц, читает еще словесность в высших классах и занимается хоровым пением! Это еще начало семестра, и герр Фрёлих делал переход от восточной поэзии (из которой он очень хорошо познакомил девиц с Гафизом) к греческой поэзии и приступил прямо к Гомеру. «Отличительный характер греческой поэзии,— говорил Фрёлих,— состоит в торжестве ясного человеческого рассудка и здорового чувства над инстинктами глубокими, сильными, но все-таки не беспощадно властвующими над человеком». Он приводит для этого примеры из Илиады и Одиссеи, и особенно мне врезалось в память одно прекрасное объяснение места из Одиссеи там, где сирены прельщают Одиссея, а он употребляет очень простое, но могучее средство, чтобы избавиться от гибельного влияния их песен; просто напросто затыкает уши! Здесь распространился Фрёлих о том, что эта мораль басни и теперь имеет все свое значение, и сказал по этому поводу целую проповедь девицам о том, как избегать прельщения гибельных инстинктов. Внимание было полное. Это была и проповедь, и лекция, и беседа, потому что Фрёлих обращался к девицам беспрестанно с вопросами, и они отвечали так в такт, что не только не нарушали, но усиливали впечатление этого. Это лекция, как дай бог у нас поболее! Здесь душа педагога не стеснена методой; но сама ежеминутно вырабатывает ее, и дышать в ней легко, свободно и ясно для всех. Легкие у Фрёлиха — здоровеннейшие!

Географию в старших классах преподает тоже учительница, воспитанница Фрёлиха. Учительниц здесь втрое против учителей, и все они воспитанницы этого учебного заведения. Заведение выработало себе дух — живительный, растущий, развивающийся, крепнущий с каждым годом и теперь живет уже собственными своими силами: это действительно живой организм! Молодая девушка лет 22-х не более излагала в той же форме беседы и лекции общий обзор Азии сравнительно с Европой, Америкой и Африкой. Отлично! Видна еще полная свежесть недавно, но глубоко усвоенных идей; видно, что и теперь читает и учится много. Но главное, что поражает в этих учительницах,— это необыкновенный дар слова; родное слово выработано, сознано и усвоено превосходно. Г-н Фрёлих замечает, что вообще у женщин гораздо более дара слова, чем у мужчин, и этот дар развертывается легче и быстрее; недаром и наши русские пословицы говорят не без уважения о длине бабьего языка. Но как могуче и благодарно воспользовался этой длиной герр Фрёлих! Самые трудные для выражения ритгеровские идеи сходили с языка этой девицы так легко, свободно, с такой отчетливостью и точностью, что я не без грусти вспоминаю наше педагогическое мямленье. Да и где же было выработаться нашему бедному языку: ни дома, ни в школе никто об этом не заботился; да и в обществе он как собака на привязи; немудрено, что он и выучился отлично ворчать и лаять по-собачьи; язык брани у нас бесспорно развит превосходно! В школе мы сидели молча, слушая мямленье учителя, или еще чаще, как муха толчется в стекло; а дома с родителями разве разговаривали? На службе с начальством разговоры плохие; только и утехи бывало, что втихомолку кого-нибудь вылаешь хорошенько. А здесь-то, сколько трудятся над этим отечественным словом, которого по убеждению Марии Павловны и учить-то не следует. Но откуда взяла эта глупая баба, что немцы и говорить-то по-немецки не умеют и не умеют именно потому, что много учатся немецкому языку? Но что до того глупые бабы есть еще на Руси и что до того глупые идеи выходят изо

рта этих баб,— тут ничего нет удивительного; но как до сих пор оставляют в руках таких Матрен заведения, где собирается цвет русской женской молодежи и на которые правительство тратит такие миллионы, что на них два раза можно купить 30 заведений Фрёлиха; как в руках таких бабищ, место которым на лежанке за бутылью уксуса, если не на кладбище,— как в руках дырявых мешков с старинными пословицами оставляют женское воспитание? — вот что вы мне скажите!

Но воротимся от приятных воспоминаний о родине к тому, что вижу и слышу заграницей.

Здесь вошло уже в общее, глубокое убеждение, что разработка в воспитывающемся поколении родного слова (а не французское произношение) есть основание воспитания и учения. Слово есть плоть духа, и пока дух не выработается в эту плоть, не овладеет совершенно свободно малейшей ее частичкой, не проглянет сквозь нее совершенно ясно для самого себя и для других,— до тех пор оно, что колодник в цепях, что птица в клетке, что зверь в сети,— бьется, рвется и вянет от недостатка жизни, свободы, атмосферы, движения! Недаром и философское евангелие Иоанна начинается глубоким, как небо, изречением — «слово стало плотью». Да и в каждом человеке дух должен воплотиться в слово,— иначе он не только не принесет плода, но не будет и сам развиваться,— вымокнет, как зерно под водою. И немцы не только усвоили себе эту идею, но и бьются изо всех сил, чтобы провести в жизнь ее до возможных пределов. Отечественный язык — центр всех наук, особенно в женских заведениях; в мужских еще приносят жертву́ классическим языкам — этому Молоху, поглотившему бесплодно столько человеческих жизней. Не только начинают с трех лет разрабатывать язык ребенка; не только число уроков родного языка громадно, но каждый урок есть вместе с тем урок родного языка.

Во всех школах, где я ни был, учительница (я видел почти одних учительниц) обращает самое сильное внимание на точность, полноту и красивость выражений; даже в самом старшем классе требуют такого

выражения. У нас же по большей части довольствуются, если угадывают мысль в бессвязном, заикающемся ответе; а учителя других предметов и вовсе не обращают внимания на язык. Это положительно дурно.

На другой день первый урок, который я слышал, был урок физики: недурная собой учительница с очень умным и выразительным лицом, в трауре, больная, подвязанная, стояла на плохой кафедренке, на которой была поставлена маленькая доска с колбами, колбочками и ретортами. С первых же слов наставницы было заметно, что она владеет вполне своим классом, что ее уважают девицы и видят в ней глубину премудрости. Дело шло о составе атмосферного воздуха, причем, понятно, добыт был кислород. Само собой разумеется, что горящая в кастрюле сера вызвала общее — ах!; что фосфор разорвал банку, но железо не загорелось. Горлышко банки было слишком узко; хлопчатая бумага тухла. Но ловкость, с которой были сделаны опыты, быстрота, а главное необыкновенная ясность выражений, причем беспрестанно спрашивались ученицы, поистине были замечательны. Герр Фрёлих гордится своим физиком — и недаром! А у нас еще сомневаются в том, могут ли женщины занимать преподавательские должности в младших классах! Приезжайте к Фрёлиху и убедитесь, что и учителей таких немного, каковы его учительницы. У него всего пять учителей: религии и то в старших классах (в младших классах религию преподают учительницы, тем более, что в младших классах классная система); французского языка; рисования и еще по каким-то двум предметам,— я этих учителей не видал. Видел только одного французского учителя и то не на уроке, а в небольшом саду, около института, впрочем общественном, куда высыпает вся школа Фрёлиха,— и большие и малые — на 20 минут тотчас после 10 часов. Г-н преподаватель играл с девицами старших классов в какую-то игру вроде наших горелок; ловил девиц, а они препорядочно колотили его в спину! — Fi, quelles manières! закричат наши педагогические чепцы; но мы будем еще иметь случай поговорить о манерах по поводу поэти-

ческой лекции Фрёлиха, после которой я попрощался с заведением.

После урока физики я отправился в школу малолетних (Klein-Kinder-Schule), где собрано около 30 девочек от 4 до 7 лет. Нельзя не заметить, что г. Фрёлих большой мастер выбирать своих учительниц и размещать их по классам. Наставница малолетней школы — девица лет 20-ти, недурненькая собой; и с такой добродушной материнской улыбкой, с такими смеющимися нотами и детски звонким голосом, что нет возможности, чтобы ребенок не полюбил ее всем сердцем. И точно, дети вьются и щебечут вокруг нее, точно цыплята вокруг заботливой матери; да и сама эта мать принадлежит, кажется, к роду тех женщин, которые на всю жизнь сохраняют святое чистое детство в душе своей.

В малолетней школе не учатся, а играют; но, играя, развиваются, выучиваются немного писать и читать, а главное — говорить, а последнее не легко, потому что большая часть этих детей говорит на ужасном бернсконемецком наречии, хуже которого я от роду ничего не слыхивал. Учительница предупредила меня, что я мало пойму из ее разговора с детьми, и действительно — почти ни слова. Что с детьми начинают заниматься на том наречии, которым они говорят дома, это весьма разумно и не менее гуманно. Не без грусти вспомнил тут я наших малороссийских мальчиков, которых с первого же дня начинают ломать на великорусский лад и добро бы еще на чистый великорусский; а то на тот отвратительный жаргон, который образуется у малообразованных малороссиян при старании говорить по-великорусски. Такая школа разом и очень не мягко напомнит ребенку, что он не дома, и немудрено, что школа с первого же дня покажется ему букой. У г. Фрёлиха не только в малолетней школе,— и в младших элементарных классах понемногу переходят от бернского наречия к немецкому литературному языку; но и в старших классах стараются не забыть родного наречия; изучают народные песни, пишут сочинения из народного быта на народном же языке. А наш богатый южно-русский, мелодический,

певучий язык, на котором говорят не 200 тысяч, а 14 миллионов народу, на котором существует такая народная литература, которой не может похвалиться ни один народ, на котором еще недавно пел Шевченко, изгоняется из школы, как какая-нибудь чума! И сначала мальчик не понимает ничего в школе, а потом его не понимают дома: вот тебе и связь жизни с ученьем. Мудрено ли, что пребывание в школе остается совершенно бесплодным для жизни и что все следы школьного ученья как негодные заливаются народной жизнью. —А какой неисчерпаемый материал южно-русская народная поэзия для развития, тончайшего развития благороднейших и нежнейших чувств в сердце молодого поколения!... О да, народ потрудился для нас и создал великий язык и великую поэзию; а мы как воспользовались этим сокровищем, собранным, выстраданным в продолжение многих и многих веков!

Но куда это зашел я? Чудное, право, дело! Школа Фрёлиха как-то подняла все с самого дна души моей, расшевелила самые запрятанные, давно, казалось, позабытые уголки ее, вызвала к жизни многое, что, казалось, давно уже покрыто пеплом; и я беспрестанно должен повторять, вероятно, надоевши уже всем; но воротимся и т. д. ...

Смеющаяся наставница вызвалась сама, со своей бесконечно доброй улыбкой, показать мне, как она занимается со своими малютками. Эти занятия, или, по крайней мере, те, которые я видел, состоят в следующем:

1) Дети выкладывают различные фигурки из картонных треугольников, но не как попало, а по рисунку, который наставница чертит на доске. Это нечто вроде нашего casse-tête; только, конечно, фигуры не так головоломны и из треугольников их гораздо легче складывать, чем из квадратов и параллелограммов.

2) Складывают домики, башни, ворота и т. п. из деревянных кубиков и пирамидок, за которыми г. Фрёлих должен был съездить чуть ли не в Дармштадт, хотя их здесь Оберман режет из дерева и режет мастерски.

3) Продевают цветные длинные бумажки сквозь вырезанную в белой бумаге решетку и есть такие крошки, для которых и это дело не легкое и требующее рассуждения и внимания и которым надобно долго объяснять, как это надобно одну линеечку пропустить, а другую закрыть.

4) Нанизывают бусы.

5) Накалывают проведенную карандашом черточку.

6) Вырезывают из бумаги фигурки.

7) Рисуют на грифельных досках домики, кувшины и т. п. Для облегчения рисования детям, которые и прямой черты еще не умеют провести и почти совершенно не имеют глазомера, в чем можно убедиться, посмотрев на первые рисунки детей,— как большая доска, так и грифельная, разделены красными линейками на правильные квадратики. Наставница рисует на большой доске фигуру, а дети по тем же самым квадратикам, только уменьшенным, рисуют ее на своих досках,— рисуют, конечно, все прямыми линиями; а потом сравнивают нарисованное с картиной настоящей и находят, например, что кувшин весь прямыми линиями начерчен, а на картине кривыми.

8) Разговоры по картинам, которые продолжаются, кажется, и выше; я, к сожалению, не слышал этих бесед по картинам; надеюсь услышать их в другом месте; но самые картины, выписанные г. Фрёлихом из Берлина, долго с ним рассматривал: отлично сделаны. Я изъявил сожаление, что подобных картин нет еще у нас (это были 4 времени года).

— Но почему же вы не закажете сделать таких?— спросил Фрёлих.

— Может быть, находят, что это уже слишком детски.

— А разве в ваших школах учатся не дети?

И в самом деле, разве картинки не занимают не только 7-летних, но и 12-летних детей? И разве мы не знаем, что все виденное на картине и все рассказанное по картине не только более интересует детей и легче ими понимается; но и гораздо прочнее врезывается в памяти,

чем то, что мальчик только слышал или прочел. Да и оно очень естественно: чем более чувств участвуют в восприятии образа, тем вернее, глубже, многостороннее и прочнее ложится тот образ в душу человека. Вот почему хорошие педагоги не довольствуются даже соединением зрения и слуха, а стараются, где возможно, чтобы обоняние, осязание и вкус приняли участие в восприятии образа; тогда не слова собираются в душе ребенка, а действительные многосторонние отражения предметов.

С сожалением покинул я малолетнюю школу и пошел в элементарные классы, которые, как я уже сказал, помещаются в другом здании, через улицу — и в каком здании! — старом, закоптелом, грязном, темном, с крутыми темными лестницами; — да комнаты наших столичных заведений показались бы дворцами перед этими зданиями; а наши институты — едва ли не больше и великолепнее дворца всей швейцарской конфедерации (Bundes-Palast), которым так хвастают бернцы!

Сначала я зашел в самый маленький класс — Rechnen умственное счисление. Так себе, ничего особенного; могло бы быть и получше. Потом перешел я в третий класс и попросил наставницу, девицу лет 19 в бернуазском костюме, показать мне, как дети рассказывают прочитанное. Выбран рассказ из детской книги Чуди, которая употребляется в заведении, по словам Фрёлиха, за неимением лучшей. Рассказ читается по очереди, причем девочка, начавшая не там, где другая кончила, и, следовательно, оказавшаяся невнимательной, теряет право на чтение. Прочитали два раза; потом начинается беседа о прочитанном (Besprechungen); хорошо, толково, не вдаваясь в мелочи; многие спрашивают значение того или другого слова; другие сами вызываются объяснить им и объясняют очень мило. Потом идет уже рассказ в целости. Но и здесь скажу: могло бы быть лучше. Учительница еще молода, не совсем терпелива и дети, обыкновенно очень резвые в этом возрасте (от 11 до 14 лет), плохо слушают.

Зато следующий класс, первый элементарный, в котором я был два дня сряду, весь так и ходит в длинных пальцах своей наставницы, высокой, сухой особы не только без кринолина, но даже и без юбки; но какая это мастерица — прелесть! По окончании урока я пришел в такой восторг, что едва не обнял прямую и сухую, как палка, швейцарскую матрону. Она своими длинными, метливыми пальцами, которые беспрестанно мигали в воздухе, играла отлично на своем классе, точно на хорошо настроенном фортепьяно. Я не знаю, боятся или любят ее больше дети; крикнет, топнет ногой, и все притихнет; но как только облокотится она на скамью, то непременно какая-нибудь девочка схватит эту костлявую, повелительную, указательную руку и крепко-крепко жмет; наставница, видно, так к этому привыкла, что и не замечает. Она угостила меня двумя самыми смешанными классами.

1-е. Девицы рассказывали по чертежу, ими начерченному, Берна и его окрестностей (Heimats-kunde); я не скажу, впрочем, чтобы я остался совершенно доволен этими рассказами. Видно, дело еще в начале. Потом дети стали петь швейцарские народные песни из особой нарочно для школ составленной книги (... выписать из записной книжки). Что за могучее, оживляющее, организующее педагогическое средство хоровое пение! Уже из того одного, что у нас не введено в школах хоровое пение и что никто из наших стихотворцев и музыкантов ничего для школ не сделали, можно видеть, как мало мы заботились о действительном, внутреннем прогрессе в наших школах. Вы заметили, что класс ваш устал, расклеился и дело не идет на лад,— выберите песню, или лучше — предоставьте детям выбрать их родимую песню (выписать надобно самую песню о кукушке), и пусть они пропоют ее хором, или еще лучше, если можете, пропойте ее с ними вместе, и вы увидите, как освежится, оживет ваш класс, все встрепенутся, расправятся, как истомленные жаром цветы после грозового дождя. В песне есть не только что-то оживляющее человека, ободряющее его; но что-то организующее,

располагающее дружных певцов к дружному делу. В песне есть нечто необычайно человечественное: один человек поет; даже соловей и тот только кричит, а хоровое пение сливает несколько душ в одну душу; несколько отдельных ощущений в одно глубокое, сильное чувство; несколько отдельных мыслей в одну мысль, несколько отдельных сердец и душ в одно сердце и в одну душу. А это чрезвычайно важно для школы, которая дружными усилиями всех должна победить трудности учения.

Надобно было видеть, как оживились дети, узнавши, что они будут петь. Каждая предлагала свою любимую песню; решила, конечно, учительница; но с особенным удовольствием была исполнена весенняя песня, где в refrain кричит кукушка. Пели не по нотам (впрочем, ноты учат); но по пальцам, этим педагогическим пальцам наставницы, в которых для детей, кажется, сосредоточена вся наука.— Потом прочли из книги Чуди рассказ Теодотус и я, признаюсь, подумал, что напрасно учительница выбрала этот рассказ; но как превосходно воспользовалась им наставница (перевести рассказ): дети *действительно* убедились, что порок должно искоренять еще в молодости, сами предлагали средства, и одна, на которую учительница взглянула, закрыла глаза рукой и заплакала. Это нравственное применение рассказа к действительным случаям детской жизни (Besprechungen) соблюдается везде в школе Фрёлиха, начиная от младших классов, до самых старших, где сам г. Фрёлих не оставляет вывести мораль применительно к частному случаю. Потом наставница показала мне, по моей просьбе, как делается письменная задача. Она прочла (лучше было бы, если б рассказала; но, может быть, у нее на этот случай не было готового) грациозный рассказ из книги, которой у учениц нет (Beiden?); прочла раз и два; потом его рассказали и, наконец, написали; пишут отлично для своего возраста (около 12—13) и все различно. (Рассказ расскажут на дому и потом ученицы в классе читают [= = = =]).

Слушал я еще урок церковной истории в старшем

классе: так себе; было плохо. Учитель говорит хуже своих учениц, смотрит в книгу, задает параграфы... Что это за горе толочь этому закон божий!

В 2 часа пошел я на турн-плац: садик с инструментами довольно далеко от заведения. Учительница молодая, хорошенькая собой девушка, которая красотой, силой, быстротой, верностью и грацией своих движений, а равно и самым цветущим здоровьем могла служить живым доказательством, что значит гимнастика. Дети, поставленные в ряды, по команде исполняли все требуемые учебные приемы, самые простые, но сколько труда! Другие качались на руках; несколько, как воробьи на крыше стояли на[=]длинного дома; через несколько минут пришли малолетки к своим цветам: у каждой грядочка, которую они сами садят: точно бабочки. Всякая на память подарила мне по цветку. Там грядки есть и других классов, исключая самого старшего. Как мало нужно, чтобы сделать детей счастливыми; а у нас не хотят часто сделать и этого малого под глупейшим предлогом, что дети будто едят цветы: если это так, то видно они очень голодны, когда едят траву и грызут грифеля.

Практические упражнения в преподавании делаются так же, как и мы начали было делать их в Смольном. Практиканты присутствуют при уроках, сидя на особых скамьях; а один из них, приготовившись, дает урок; в этот раз шло дело о репе, и практикантка с ботвой репы в руке объясняла. Дело шло плоховато; практикантка была не бойка.

На прощанье с заведением отправился я к Фрёлиху на урок в старших классах (которые были соединены в то время) из метрики. Г. Фрёлих принес целую кучу тетрадей: это упражнения девиц в метрическом стихосложении и выбрал для прочтения лучшие. Мысли выражены темно; слог не довольно силен; но глубина мысли меня поразила. Было два упражнения этих девиц: одно — «Спящее дитя», а другое, которое она написала не ⟨по заказу⟩ на тему под заголовком «Педанту». Сначала прочтено было первое, причём Фрёлих требовал объяснения стихов от других учениц и сам пояснил

мысль, которую хотела высказать сочинительница, молодая, хорошая девица, лет 19-ти.— Окончив это, он вынул другое — «Педанту» и сказал с улыбкой: «Это вы, Эмма, посвятили мне, не правда ли?» Девушка, конечно, начала отнекиваться всеми силами, но Фрёлих убедил ее, что он только пошутил и не думал на это сердиться, иначе б и не прочел ее сочинения в классе, а выправил бы. Но видно было, что и с той и с другой стороны была затаенная мысль: девушка на недавно, может быть, строгое замечание педагога, имела его в виду, а Фрёлих, кажется, знал, откуда дует ветер. Я был очень рад этому случаю и понял, почему, как мне кажется, Фрёлих неохотно согласился на то, чтобы я присутствовал при уроке. Это было домашнее дело школы, при котором не следовало присутствовать чужому; но я был рад этому случаю, показавшему мне Фрёлиха во всем его педагогическом значении. Жаль, что у меня нет этих стихов; но они были очень хороши: девушка говорила педагогу, зачем он стесняет свободное ⟨поведение⟩ и свободу души. С полным убеждением в правоте своего дела и с той откровенностью, которая одна только может связать дух взрослых и развитых молодых людей и их наставника, изложил он необходимость выполнения методического порядка в школе в противоположность свободному ее духовному развитию. Цитировал стихи из Гёте, где говорится: «для свободы рожден мужчина, для нравственности женщина» (?) и потом стал доказывать, что назначение женщины быть приятной, украшать собой общество мужское; что мужчина в юбке противен; но что женская прелесть не в красоте, а в том неуловимом блеске всего ее существа, который возникает из особенности женской души; что он презирает ту манерность, для которой иные посылают своих дочерей в Париж; но уважает женскую манеру и желал бы, чтобы она развивалась в его заведении. Голос Фрёлиха, то нежный и убедительный, то сильный, громовой, от которого коробило Эмму, следившую за мной,— все производило сильное впечатление. Действительно, с такими нравными натурами, какова натура Эммы, какие попадались и мне,

нужно много педагогических усилий и педагогической силы. Нельзя не хвалить того, что они делают; это было бы и несправедливо, да и обманывать нельзя; но каждая похвала подымает их самолюбие: она и без того знает свои преимущества над другими — и может принести дурные плоды; нужно стать выше того существа, а это не легко: вот почему только привилегированные, сильные натуры могли стать с усилиями воспитателями юношества. Но Фрёлих стал выше, и Эмма вынесла добрый урок.— Теперь сказать можно о *манерах*, идущих изнутри, и *манерности*, которой выучиваются, как выучивают роль; только последняя исключительно преобладает в наших учебных заведениях.— Дружеское прощание с Фрёлихом.

(Позабыл кантональные школы и гимнастику во рву).

11-го в 2 часа я ⟨выехал⟩ из Берна [= = =] и по холмистой, плодородной местности через 1 $^1/_2$ часа был в Мюнхенбухзее или лучше — в Гофвиле, куда меня затащил глупый фурман.

Дорога в Мюнхенбухзее: 20 минут езды от станции Цöфрикон. Подъезжая к Мюнхенбухзее, я обратил внимание на громадный дом, видный вдали от дороги; но фурман мне сказал, что это семинария; но он или сам не знал, или обманул меня нарочно, чтобы завезти к своему приятелю, и через несколько минут я был не в Мюнхенбухзее, а в Гофвиле. Огромная, теперь пустынная гостиница, устроенная когда-то на широкую ногу для высоких посетителей; по громадному, пустынному коридору, в котором мои шаги будили давно спавшее эхо, дошел я до назначенной мне комнаты; много я уже видел открытых гостиниц в Швейцарии, но такой не видал: большая, высокая комната с старинными, полинялыми обоями, громадные окна, в которые смотрятся деревья, полные фруктов; богатая, стариннейшая мебель темнокрасного дерева с бронзовыми ободочками; круглый стол посредине, выцветшие лавры, старинное бюро, из которого, когда я его открыл, понесло тем запахом старины, который, кажется, теперь уже и завестись не может,— по всему видно, что эта комната на-

значена была для высоких посетителей и не без презрения посматривала на мою плебейскую фигуру. На стенах гравюры — и все виды Гофвиля; тут только я догадался: «ба, да я в знаменитом Гофвиле; в гостинице Фелленберга!». Позвал я хозяина: аккуратный старичок, по которому видно, что видал он лучшие годы. И действительно, я в Гофвиле, а старик— бывший камердинер Фелленберга, живо помнивший то время, когда государи посещали эту гостиницу. В 10 минутах от гостиницы и само знаменитое поместье. По прекрасной аллее из фруктовых деревьев, посаженных Фелленбергом, прошел я туда. Здания громадные. И сонный трехэтажный дом смотрит печально; гимнастический цирк, огромный сарай фермы — все это показалось мне доживающим остовом; а маленький пансион г. Мюллера (40 воспитанников-иностранцев) — маленькой птицей в огромной клетке; да и сам г. Мюллер в фелленберговом кабинете выглядит как-то странно, хотя и видимо аристократничает. Я хотел было посмотреть это маленькое заведеньице с большими претензиями и в большом доме; да и не посмотрел,— бог с ним! и пошел к Мюнхенбуху, до которого минут 15 ходьбы.

Но пока я иду под ветвями, с которых высматривают красные, желтые и розовые яблоки и листья с которых уже шелестят под моими ногами; пока я иду отлично обработанными полями, которые, кажется, вздыхают по Фелленбергу, позвольте вам напомнить, что это Гофвиль, который был более известен нашим отцам, чем их детям. (История Гофвиля: = = = = = =
= = = = = = = = = = = = = = = = =
= = = = = = = =], и тем более, что над дальними холмами, поросшими темным лесом, висят тучи, дождик моросит, под ногами шелестит трава и грустные воспоминания проходят в голове.

А вот и острый шпиц стариннейшей церкви Мюнхенбухзее! Классическое место! Сколько разнообразных идей оживляло тебя в продолжение тысячелетнего твоего существования: то рыцарский замок, то монастырь, то чумный госпиталь, то местопребывание берн-

ских фогтов, то больница, то учебный сельский институт отца Песталоцци и, наконец, педагогическая семинария. Семинария помещается в самом *замке*, как его зовут окрестные крестьяне; но вид замка уже утрачен после бесчисленных перестроек, приноравливавших это вековое здание к разнообразным целям. И теперь идут перестройки, так что это вышел какой-то урод; только раскрашенный герб над дверями говорит о его предназначении: на груди ангела (не герб ли иоаннитского ордена? [== ==]) имперский двуглавый орел, а внизу подымают лапы два неуклюжих бернских медведя. Вот еще остатки стены, а монастырская церковь превращена в приходскую. На лестнице встретило меня несколько семинаристов: кто в крестьянской тиковой куртке с полупудовыми башмаками, кто в синей блузе, а кто просто в одном жилете, как любят ходить наши мастеровые и швейцарские крестьяне. Семинаристы очень услужливо указали мне дорогу к директору, г. Рюгг (Rügg), который живет тут же, возле класса. Постучался,— «Herein!» звучным басом,— и вот я в кабинете педагога, который прилег отдохнуть после обеда. Усы и воинские приемы. Прием самый любезный. Сообщил программу, часы и положение о семинарии и сказал проводить меня, куда захочу.

Первый урок — рисовальный,— и здесь нет ни гипсов, ни деревянных оригиналов для рисования. Учитель — великий болтун. Урок словесности — раздача сочинений, прекрасно переписаны, необычайно чисто и красиво. Учитель на доске пишет темы с объяснением и разделением главной мысли; loca topica — это хорошо; но темы уж слишком поэтические. Можно бы что-либо подельнее из педагогической или из сельской жизни. (А самый класс? человек больше 40 от 17 до 25 лет; одеты большей частью бедно; и книга Шредера(?) почти в [==] классе). Следующий урок из естественных наук— объяснение растительных тканей. Очень хорошо! Ясно, положительно и беспрестанные вопросы учеников. Учитель: наружность воинственная, с усами же, с приемами учителя гимнастики. И в самом деле, он же и учи-

тель гимнастики. Такая педагогическая комбинация у нас не скоро будет возможна.— Далее урок географии в повторительном классе (Wiederholungs-klasse). Вот изумительный это класс: человек 50 и половина старых; многим уже за 50 лет, украшены сединами, а у иных на носу и щеках розы, показывающие, что они делят время между школой и Wirtschaft-haus; иные толстые, заплывшие жиром, сопущие, как мехи, лысые, с <грубыми> приемами, в блузках, жилетах, куртках, в каких-то камзолах. Кто спит, кто нюхает табак, кто беспрестанно посматривает на серебряную, громадную луковицу; иные развалились без всякой церемонии и храпят во всю ивановскую; другие сохраняют самую приличную физиономию; видно, что решили выполнить всякую церемонию, но умереть на месте. Все это почтенное собрание (исключая немного молодых, которые сидят внимательно и сколько-либо подходят к учению по возрасту) до того не на месте на ученической скамье, что впечатление можно только сравнить с впечатлением, полученным в доме умалишенных, где какой-нибудь сиволасый господин щелкает по-соловьиному или ловит невидимую муху на своем носу.— Учитель, человек еще молодой, очень прилично объяснял, впрочем не отлично, морские течения; но какое им дело до морских течений! Я смотрел на этих господ и представлял их себе в их школах! Пусть они попробуют, что значит сидеть на школьной скамье,— не станут ли добрее и если иногда заснут, то не будут ли снисходительнее!

Перечень. Писать подробно некогда: урок рисования; педантизм,учит держать руки и проч.: и через два года только позволяет нарисовать квадрат. Навязал свой альбом, верно — хорошо. Ночь в пустой гостинице,— духи в коридоре,— орган что ли звучал? Утро; дождь; учитель секундарной школы (в Мюнхенбухзее: учительская семинария; образцовая школа; приходская школа и второклассная учительская,—Secundarschule — и все полны; они только учены эти бернцы) ездит из Берна; преподает все; но всего их два. *Урок из дидактики* директора: шеровская точка. Театр; ученики ставят точки;

другие учат. Энергия директора; особенно сильно в произношении и в мимике. *Урок из психологии:* формирование понятий — гегелевщина; развить о Бенеке; педагоги, читающие в университете лекции, больше теологи. *Урок из пиитики* — гипербола и прочая дрянь в Wiederholungs-классе. Еще диче — это уже им и вовсе не нужно, и дети сидят с отцами — дико! — *Урок из методики* в Wiederholungs-классе. Турн-фест и прочее. Обед с директором, женой и [=]; учитель гимнастики et cetera...... Всего, кажется, пять учителей, цена езды из Берна. Жалованья 2000 франков; а живущим в заведении —1000. Спальни — человек на 50 годны; постели порядочны; в другом доме лучше. Музыкальная комната; орган и фортепьяно; наверху хоры для скрипок. Гимнастическая зала; сильно развитые мускулы — увы! и на турн-фесте будут побиты старики [= = = = = = = = = = = =] кладбище, могила бывшего директора. Возвращение в Гофвиль. Выезд; за домами в куче деревьев выделяется небольшой памятник: здесь спит Фелленберг! Дорога [= = =] — живописные окрестности: небольшие озера и далее предгория Альп, [= =] природные болота, и там добывают торф. По дороге опять Бургдорф с живописным замком (см. гид) — опять Песталоцци — это его первое заведение (?). Любил хорошие, широкие виды с сельскими картинами. Классическая земля педагогики; здесь родилась современная педагогика; сюда приезжали учиться со всех концов земли; отсюда развились и разнеслись по всей земле тысячи разнообразных зерен [= = = = =] — одна идея, зревшая всю жизнь в груди Песталоцци; только в Россию не принесено ничего почти, хотя и оттуда ездили.

В Баден (мимо Бургдорфа и Бругга: описать) приехал я ночью и по незнанию попал в один из отелей серных ванн, которые столпились в одну кучу; а на другой день рано утром отправился в Веттинген, за что сорвали с меня 6 франков, хотя он в двух верстах от Бадена и по живописной дороге, так что я советую путешествующему педагогу, особенно если погода хорошая, итти

туда пешком. При самом выезде из Бадена показался вдали, на пригорке, за хлопчатобумажными фабриками, старинный монастырь, длинный, почернелый, с высокой колокольней, на которой наша византийская глава, только красного цвета,— это и есть Веттинген. Минут через 20, переехав по крытому мосту на одной арке, через быстрый, зеленый Лиммат, въехал я в ворота монастыря; каменный крест на стене, другой — невдалеке от ворот, грациозно увитый плющем; статуи святых; Wirtschafthaus — скромный, длинный, низенький, точно наши монастырские подворья; — все говорило, что я в католическом монастыре, в котором еще недавно благоденствовали и благолепствовали монахи. Расплатившись с возницей и оставив вещи на подворье, пошел к настоятелю этого педагогического монастыря, г. Кеттигеру; вход, ходы, переходы, коридоры, кельи по обе стороны, резные доски над иными дверями, гласящие на латинском языке о необходимости мира и любви, почерневшие картины, громадные замки, — все так и дышит монастырем, даже запах монастырский остался. Казалось, шаги монахов еще не затихли — и я так и ждал, что меня встретит какой-нибудь монастырский служка и с благочестиво-любопытным поклоном проводит меня к о. настоятелю; но вместо служки меня встретил юный педагог, одетый по-крестьянски, но чисто и прилично и очень ласково вызвался меня проводить к директору. И спасибо молодому человеку,— без него я долго бы пробродил в том монастырском лабиринте.

Г. Кеттигер, возвратившийся откуда-то, встретил меня у дверей чрезвычайно радушно, особенно, когда узнал, что я русский и Schulmann, также школьный человек, и просил войти в его кабинет. Это действительно была келья аббата: резные, старинные дубовые шкафы наполнены теперь педагогическими книгами, оловянный рукомойник, в особенном для него устроенном углублении в каменной стене, картины священного содержания и вовсе не дурной живописи, доска с таким множеством висящих на ней ключей, каких я отродясь

не видывал,— точно будто герр аббат, помещающийся здесь весьма комфортабельно, только что вышел проветриться в сад, видневшийся из окон. Но увы! на место аббата стоял передо мной г. Кеттигер, — седоватый плотный, приземистый мужчина, лет 50, с такой, как бы вам сказать, хозяйственной физиономией, которая скорее обещала в нем здорового, веселого банкира, отлично ведущего спорные дела своей конторы и самодовольно похлопывающего себя по округленному брюшку, чем отличного педагога. Но тем не менее, г. Кеттигер педагог и весьма недурной педагог, только совершенно другого тина, чем г. Фрёлих и г. Рюгг, и каждый из них отличен на своем месте. Г. Кеттигер — педагог-хозяин. Его семинаристы не занесутся в выспренняя и, может быть, не будут отличными дидактами, но непременно будут порядочными людьми, хорошими семьянинами, порядочными, веселыми, добрыми, очень аккуратными учителями, которые однако не пересидят звонка. (Фрёлих говорил мне, что на учительском собрании Кеттигера упрекали в том, что ученики завалены работой. Земли —50 юхортов).

Г. Кеттигер пожалел, что я приехал в субботу, когда у них уроков мало и когда, на мою беду, их естествоиспытатель, агроном и управитель сельских работ, отлучился в город. Мне показалось, что г. Кеттигер как-то увильнул от того, чтобы показать мне свою образцовую школу (Musterschule) и даже намекнул на то, что она требует существенных перемен; но не без гордости и удовольствия показал мне отлично переписанную книжку, в которой записан у него весь распорядок заведения и все личности, начиная от членов воспитательного совета в Ааргау и гг. инспекторов и оканчивая двумя кнехтами, нанятыми для сельскохозяйственных работ. И чего только не было тут! Боже мой! Все 80 учеников школы, между которыми есть несколько финляндцев, расписаны в разнообразные должности.... Вот командиры нолевых работ с своими командами; этот обязан смотреть за норядком и чистотой в классах и писать ведомости; эти — за дровами, эти — за лампа-

ми; вот пожарная команда, расписанная по пожарным инструментам; (писаря для программ и пр.); эти обязаны носить дрова; эти затворять окна; эти носят письма в Баден; эти разносят по кельям получаемые письма и газеты; эти показывают иностранцам монастырь; эти обязаны звонить в колокола и т. д. Даже есть такая пара, которая занимается смазыванием петель и замков в дверях. И прочитав какую-нибудь странную должность, г. Кеттигер говорит чрезвычайно убедительно: «да! да! вот и это необходимо, — не смажьте петли, она проржавеет и дверь упадет!» И в самом деле, чтобы поддержать это огромное монастырское здание, в котором, я думаю, сотни дверей, не мало хлопот должно быть семинаристу от дверей. С непривычки все это кажется чем-то диковинным и даже несколько забавным, но в сущности ведь это очень, очень хорошо; да и как же иначе? Неужели же нанимать прислугу для людей, которые обязаны будут жить скудным жалованьем приходского учителя; да и к чему? Привычка к порядку, к точному выполнению тех мелких обязанностей, от выполнения или невыполнения которых зависит очень много наше счастье и даже та польза, которую человек может принести обществу; отсутствие праздности, столь гибельной, в особенности в молодые годы, уважение всякого труда, привычка обходиться без помощи других,— вот плоды этой, повидимому, забавной организации, да и заведение обходится вчетверо дешевле. Что же тут хорошего, если к бедным сиротам, которые, выйдя из заведения, походят без сапогов и насидятся голодом, приставят тучу отвратительнейших дядек, которые [= = =] и которые бьют больше, носят водку, [= =], а за полтинник сводят, куда угодно. Но дело в том, что мало расписать на бумаге такой порядок, а надо завести его, присмотреть за всем, приучить каждого исполнять свое дело, настоять на его исполнении, устроить, пустить в ход и руководить этой машиной без свирепой строгости, но и без слабости,— с шуточкой, ласково и строго,— и в этом великий мастер г. Кеттигер.

(О страшной школе идиотов на Abend-Berg).

Показав мне и объяснив точнейшим и подробнейшим образом всю свою аккуратную тетрадку (жалованье от 1200 до 1800, директору 3000, священнику 2000, старш. учен. до 600 фр. не жаль и хорошее помещение в здании), г. Кеттигер повел меня в младший (?) класс, где был учитель немецкого языка, которого Кеттигер очень хвалил. (Всех классов три). В классе было около 25 учеников от 17 до 20 лет, одетых по-крестьянски, но очень чисто, гораздо чище, чем в Мюнхенбухзее. Видно, и в этом отношении требовательнее г. Кеттигер: всегда здоровый, веселый; не так свободный, как в других. Руки подымаются только по приказанию учителя; перед каждым лежал курс немецкого языка Кötцигера, и учитель объяснял философское значение прилагательного, глагола и т. д. Я вообще не жалую этой тарабарщины, вижу в ней один из курьезов науки, годной в филологических факультетах, но ни мало не в секундарной школе, а тем более в школе приходских учителей. Объяснялось по параграфам и вообще, сколько я заметил, в Веттингене сильно держатся учебника и хорошо, без сомнения, объяснение его считается достаточной целью. Ученики отвечали не бойко; подбирали примеры плохо; спрашивал все одного или двух, видимо, лучших. Учитель сам не имеет, кажется, хороших методических привычек. Кеттигер походил по классу, вышел, воротился опять, и тогда мы пошли во 2-ой класс, где должно было читаться Natur-kunde; но учитель был в Бадене. Желая дать мне понятие о том, как у них преподается, г. Кеттигер, повидимому, сам решился дать урок. Урок был из сельского хозяйства; перед каждым учеником лежал учебник «Gemeinfassliche Landwirtschafts-lehre». Кеттигер начал с того, что, говоря с учениками, которые смотрели в учебник и помогали ему, перечислил и написал на доске, в чем будет состоять их урок; т. е. выписал заглавия предстоящего отдела, в котором говорилось о климатических условиях. Затем начал беседу с учениками о составе воздуха, причине дождя и т. д., способе измерения средней температуры, способе измерения количеств выпадающей влаги и т. д.

Ученики знали дело из прежних, вероятно, уроков, и только Кеттигер ловил их на неточности в выражении,— длинно, растянуто. Потом Кеттигер приказал читать объясненную главу, и когда она была прочитана,— о чем они не говорили из того, что есть в книге в этой главе? Один за другим ученики перечитали все, что было в книге и о чем не говорил Кеттигер. Тогда объяснилось и остальное. Это недурной дидактический прием, заставляющий учеников и слушать, и потом читать внимательно, и сравнивать слышанное с читанным. Затем приступили к такому же объяснению другого параграфа, колокольчик прозвонил и задано выучить то, что объяснено было в таком-то § — So! Ученикам не должно быть скучно на уроке Кеттигера: он беспрестанно их беспокоит, отцовские шуточки, намеки и пр. Сама оживленная, полная физиономия Кеттигера с его беспрестанным So! So! So! как из бочки,— все это не позволит задремать. Ученики говорят недурно; но сведения их могли бы быть больше; впрочем, надобно принять во внимание, что г. Кеттигер преподавал предмет, повидимому, ему совсем чуждый. Я остался недоволен уроком. И, ходя с г. Кеттигером по кельям семинаристов, думал: отчего это у них такие здоровые, веселые, оживленные и неглупые лица: если все преподавание идет так, как я слышал, то они бы должны быть угрюмы, забиты, отупеть от скуки, не в той степени, как это бывает у нас; но все же ученики были гораздо лучше. Методы преподавания.

Живут в Веттингене ученики очень удобно; они преудобно расположились по бывшим монашеским кельям. Комнаты преудобные: на двоих одна по большей части; в комнате две кровати, весьма покойные; общий стол, полки для книг; старинная печка на ножках; комфортабельно и не грязно, хотя нет этой вылощенной чистоты, которая не дешево обходится жильцу и становится ему противнее всякой грязи. Одно бы следовало улучшить — это воздух. Запах прескверный в коридорах и в особенности в столовой, куда мы вошли; видно, что здесь кушали монахи и вонь осталась еще от

прошлых столетий.— Вообще, в заведениях столовые вонючие и не возбуждают аппетита. Г. Кеттигер не обедал с учениками, а обедает с ними *недельный* инспектор из учителей; этот раз обедал с ними учитель математики и бухгалтер заведения: заспанная фигура с отвисшим брюхом, более похожая на монастырского эконома. По всему видно, что в этой стране много еще католиков (половина семинаристов католического исповедания и половина реформатского); напротив инспектора сидит экономка. Кушанье через окно из кухни принимают сами воспитанники; на 8 человек одно блюдо. В этот день был суп, кажется, очень хороший, говядина и картофель; обильнее гораздо, чем в Мюнхенбухзее. Вообще Веттинген богаче, у него земли до 50 юхортов и ученики много работают.

Еще перед обедом мы осмотрели церковь, где хоры с отличной резьбой; саркофаг, где лежал император Альберт II-й 15 дней, но я слона-то и не приметил; в коридорах отличные окна; на полу каменные плиты, украшенные атрибутами усопших аббатов. Громадные здания, а сколько погребов!! и потом обед... Г. Кеттигер извинился, что не может пригласить меня к себе, так как у него больная жена, и я, распростившись с ним, пошел в гостиницу, где отобедал прескверно, за что заплатил всего 1 франк, и заказал приехать за мной фурману, славному малому, долго таскавшемуся с путешественниками по Швейцарии и Италии, очень хорошо говорящему по-французски, чем не могут похвалиться ни Кеттигер, ни Рюгг, ни даже Фрёлих: все они ни слова по-французски не говорят. Не странно ли это в государстве, не только смежном с Францией, но даже таком, в котором западные кантоны и говорят только по-французски и где каждый гид знает французский язык.

Пошел прогуляться в деревню Веттинген. При самом выходе из монастыря, окруженного отлично обработанными полями, встретил толпу семинаристов с косами на плечах, превесело идущих на работу. Далее — трех или четырех, которые никак не могли загнать несколь-

ких коров; но что это за коровы — слоны просто! Громадные, откормленные, резвые, так что невольно посторонишься, когда она мчится по дороге, подняв хвост и склонив рога. Иду по дороге — окрестность великолепная; кругом горы; направо скелет горы Юра; вдали Веттинген, над которым развалины замка, сливающиеся со скалами в одну серую массу, суровый тон которой смягчается зеленью. По обеим сторонам дороги отлично обработанные поля, по которым раскиданы отягченные плодами деревья. Какие ужасные репы и брюквы неестественной величины — точно кабаны какие-нибудь вывернулись из земли: это все труды семинаристов, при которых только и есть два кнехта. Вот два семинариста проехали в длинной телеге, прочной, звенящей железом, а конь — грива как у льва, глаза горят, а зад — русская печка! Вот и косари — одни в блузах, другие в очень порядочных синих сюртуках, третьи в крестьянских полукафтанах, четвертые просто в жилетах — дружно косят аршинный густой, сочный клевер; а младшие сгребают накошенное,— весело, живо, довольство на лицах. Нет, это не поденщики, не ученики, которым приказано что-нибудь делать, а молодые люди, у которых избыток силы просится на работу, развивающиеся мускулы зудят, и которые знают, что работают для собственного продовольствия и чем лучше потрудятся, тем лучше будет их стол; а сколько телесного здоровья в этом труде! сколько душевного спокойствия в нем! каким крепким здоровым сном веет от него, какой крепостью нервов, особенно сильно раздраженных сидячей затворнической жизнью наших закрытых заведений. Далее младшие вскапывали землю кирками вокруг деревьев и пробивали канавки для стока дождевой воды. А как все вежливы! Ни один не пропустит вас без привета, и вы не чувствуете той неловкости, которую испытывает всякий взрослый, идя по толпе нашей молодежи. Я пошел далее по живописной дороге к Веттингену: а в голове моей проносилась грустная картина (описание Гатчинского двора во время лета).

Но почему же не дать им работы? Но ведь они — дворяне, помилуйте! имеют дворянское право гибнуть от голода, холода, дурной пищи и дурного платья, от скуки и праздности, расстраивающих и душу и тело, уничтожающих характер, уничтожающих самую возможность силы воли.— Но как же на таких работниках все так чисто, так цело (а на наших шуляках лохматые и суконные ободки вместо фуражек)? — Да потому, что у каждого из них пара здоровых, молодых рук, привычных к работе.

Вот маленькое заведение для глухонемых — и здесь девочки шьют, а мальчики лущат бобы,— видно, и тут тоже поняли всю воспитательную силу сельской работы!

Г. Фрёлих говорил мне, что на общем собрании швейцарских учителей делали упреки Веттингенской семинарии в том, что она, имея много земли, заваливает своих учеников сельскими работами, так что физические силы их развиваются за счет умственных. Я мало видел заведение; но сколько могу судить, то мне кажется, что это несправедливо, или, по крайней мере, причина не та. Если они хуже, чем другие, в педагогическом отношении, то это объяснят учителя, которых я видел: если они не парят ввысь, то и прекрасно; из этого хороший выход в сельские учителя: ленятся; если они могли бы быть [=== ===], то этого можно бы было достигнуть при том же количестве сельских работ, не задавая им уроков по учебникам, а большей частью с ними и т. д. Словом, хозяйственно-воспитательный элемент, выливщийся из натуры Кеттигера, устроен отлично; и следовало бы только усилить элементы — образовательный и технический, потому что не надобно забывать, что это воспитываются не крестьяне (тогда бы невозможно было сделать упрек заведению Кеттигера), но учителя и, следовательно, хорошие техники-педагоги, единственно поддерживающие в сельском населении духовные интересы. Словом, характер Кеттигера уже слишком сильно перетянул заведение, и ему следовало бы дать двух учителей, одного — в духе Фрёлиха, другого в духе Рюг-

га, несмотря на то же число сельских работ. — Было бы удачное сочетание.

Пока таким образом приставляя нос Ивана Ивановича к губам Александра Петровича и т. п., я дошел до живописной деревни Веттинген. В Бадене уже новая жизнь закрывает старое; здесь она еще только распускается; это [== == ==] NB...

Возвращаясь назад, встретился с семинаристами и строил план, что бы я сделал, если бы у меня —100 тысяч денег: учительскую семинарию, которая сама бы себя содержала своими работами и даже поддерживала бы своих миссионеров-учителей.

Забыл упомянуть о посещении *библиотеки* с гербами не двуглавыми, с удивительными шкафами; г. Кеттигер хочет здесь поместить образцовую школу, жаль; конференц-залы; залы собраний, где центр и театр (особенно смотрят за театром). Учеников всех 80. Обходится всего 600 фр., а плата от 50 до 150, смотря по состоянию родителей по свидетельству общины: есть стипендиаты.

14-го сентября 1862 г. Вот я и в Цюрихе. Характерный городок. Путешественники сравнивают его то с Венецией, то с Манчестером, то называют швейцарскими Афинами. И действительно, в Цюрихе есть по одной черточке сходной с каждым из этих городов; и только по одной, не более, и много своеобразного, ему только принадлежащего. Венецию напоминает множество мостов через зеленый, шумный, быстрый Лиммат, который стрелой вылетает из Цюрихского озера; дома, уходящие в воду своими каменными стенами; дома и фабрики, выстроенные на сваях посреди реки; множество лодок, скользящих под арками мостов и домов. Манчестер напоминает Цюрих множеством фабрик, особенно хлопчатобумажных и шелковых, и множеством фабричного народа; три четверти цюрихского населения кормятся фабричной промышленностью. Афины в Цюрихе можно вспомнить по множеству ученых учреждений и учебных заведений; по прекрасному, еще не оконченному

зданию конфедеральной политехнической школы, царящему с высоты холма над всем городом. Но где же в Цюрихе эти бесконечные, опустелые дворцы венецианских вельмож, где ленивые, скитающиеся от нечего делать гондолы; где австрийские белые мундиры!— Нет в Цюрихе ничего, что бы напоминало площадь св. Марка, а его неуклюжий двуглавый собор не напомнит венецианского. Ничто в Цюрихе не валится, не разрушается: напротив, все строится, все живет и закрывает окончательно средневековую старину, которая только кое-где выглядывает то крытым мостом, то остатком стены, то почернелой башней. Правда, в Цюрихе и в особенности около Цюриха много фабрик, и население его по преимуществу фабричное, но он вовсе не имеет того закоптелого вида громадной фабрики, которым, говорят, отличается Манчестер, и его фабричные люди вовсе не похожи на фабричных Манчестера. Цюрихские фабрики раскинуты широко по холмистым, амфитеатром подымающимся берегам очаровательнейшего озера; спрятаны между лесами, лугами, рощами, садами, виноградниками; перемешаны с белыми, чистенькими дачками, которые, как белые, блестящие чайки, расселись по зеленым, цветущим берегам озера то поодиночке по скатам холмов, то группами у самой поверхности озера; а вдали, за зелеными, густо населенными предгориями высятся темные, синие горы, а из-за темных, синих гор грядами подымаются вечные снега альпийских великанов. Цюрихские фабричные работают у себя дома, под тенью своих плодовых садов; почти каждый дом маленькая фабрика; а потому эти фабричные люди не имеют фабричного, угрюмого или забубенного типа; они скорее похожи на наших немецких ремесленников; чистенькие, аккуратные, тихие, с маленьким сознанием своей самостоятельности, — и приятно смотреть, как в воскресенье, выпустив из-за галстуха на четверть белый, как снег, воротник рубашки, в вычищенных сюртуках, в серых шляпах, с толстыми серебряными цепочками на франтовских жилетах, мирными толпами гуляют по набережным Лиммата, или, сидя под тенистыми

деревьями, любуются на свое хорошенькое озеро. Если политехническая школа и может кому-либо напомнить Атеней, то цюрихский республиканец разве по контрасту может напомнить красивого, ловкого, художественного афинянина. По наружности цюрихцы самый не художественный народ: это, по большей части, люди очень маленькие, поджарые, часто кривоногие, со впалой грудью, скуластые, подслеповатые, плешивенькие, — нигде я не видел столько людей маленького роста и плешивых, сколько в Цюрихе; но в этих, выдавшихся вперед подбородках и высунувшихся скулах, в этих маленьких глазах, выглядывающих из-под нависшего лба, видна энергия Цвингли (?) и Песталоцци, которые по лицу — типа цюрихцев. — Не напомнит звучной афинской речи и язык цюрихца — какое-то глухое шипенье, бормотанье и мычанье; они как будто усвоили себе все неприятные звуки немецкого диалекта, оставивши все, что было в них звучного и гармоничного. Да и вообще художественного в Цюрихе и цюрихцах немного; но на каждом шагу вы встречаете умные, выразительные лица с тем невыразимым, но хорошо чувствуемым тоном истинной порядочности, которую могут дать только хорошее образование и искренние занятия наукой.

Остановите первого попавшегося вам навстречу; спросите его о чем бы то ни было, и будьте уверены, что вы встретите такую внимательность к вашим словам, такую истинную верность без французских гримас, такую серьезную готовность услужить вам, что, и не видавши школ, вы догадаетесь, что цюрихские школы должны быть очень хороши и давно уже перерабатывают характер цюрихцев; что у них были уже образованные матери и умные, образованные отцы, понимавшие пользу образования и школ. На другой день я желал узнать, где Тöхтер-шуле, и обратился к первому встречному; он вызвался сам проводить меня, вызвал абварта и, узнав от него, к кому мне следует обратиться, раскланялся. Мне следовало отыскать этого Bezirks-rath'а, и первая попавшаяся женщина проводила меня до самых дверей

дома, носящего странное название Käse-Hütte, а у дверей встретил меня г. Р. (?) и, узнав, что я русский и желаю видеть школы, мигом помог, что мне нужно, дал мне записку [===], входную визу и книжку «Школьный закон Цюрихского кантона». Все дело, на которое в иной столице потребовалось бы дня три, было кончено в 15 минут. — Надобно сказать о [=] и деловой жизни; множество библиотек, café-littéraire и т. д. А это важно! Ну что вы тут сделаете, когда вам, вынь да положь, нужно 3 тысячи рублей в год, чтобы как-нибудь, без всяких удовольствий, просуществовать с женой и детьми; ну и будешь, высуня язык, бегать по урокам или писать статьи в журналах, или переводы Поль де Кока и Дюма. — И какой богомольный народ! Воскресенье — ни одной лавки отпертой: трезвон как бы в русском городе, и толпы идут в церковь.

О Берне: пузатые бернцы, гордые, аристократически узкие лютеране, за всем этим ⟨они поддерживали⟩ образование; а потому такие лица, как Фрёлих — великие двигатели. Бернцам жаль прошлого, когда они своими фогтами давили половину Швейцарии, склоняясь только перед дикой отвагой лесных кантонов.

15 сентября. Сколько снова впечатлений! Не успеваешь записывать! Сделаю простой перечень. В седьмом часу утра я отправился в Töchterschule. Она помещается в переделанном заново капитуле Грос-Мюнстера. Отличное помещение, совершенно в новом вкусе. Хотя я вчера слышал, что в этой школе нет ни начальника, ни начальницы, никого главного; но все, по русской привычке, как-то не верилось: не может быть, чтобы хоть какого-нибудь, да начальника! Спрашиваю у женщины, которая вышла на мой звонок. Мой вопрос о начальнике поставил ее в совершенный тупик.

— Право, не знаю, — отвечала она, — кого вам нужно. Кто же бы такой был наш начальник? Ах, постойте, верно, г. Эбергардт?

— Нет, не Эбергардт, — сказала подошедшая в это время девица, — а, должно быть, г. диаконус Кит!

— Какой Кит! — кричит другая, — а г. Росмесслер!

— Нет, не он!

— Но позвольте, — сказал я, видя, что этому спору о начальстве конца не будет (то ли дело у нас, спроси пятилетнего мальчика — и тот начальника знает); — но позвольте, кто же живет в этом здании?

— А, кто живет? — герр абварт живет здесь.

— И больше никого?

— Никого!

— Какая-нибудь дама?

— Никакой здесь нет дамы.

— Как, неужели же в заведении на 500 девиц, между которыми есть девицы первейших фамилий, миллионерши, — и никакой дамы? Но где же герр абварт?

— Его нет дома.

Хоть что хочешь! И я пустился сам бродить по классам. Зашел в самый высший класс: девиц 12 и прехорошенькие, сидят и работают. Нет ни учителя, ни дамы: одни, как есть одни!

— Вы кого ищете? спрашивает одна, побойчее.

— Я хотел бы присутствовать при лекции: можно?

— Отчего же ? Но у нас сегодня только одна лекция — религии.

— Как так? По расписанию у вас 6 лекций.

— Да, но учитель сегодня в народном собрании, в Петри-Кирхе.

— Экая досада!

Опять пошел бродить по лестницам и коридорам. Какая чистота везде, какой порядок! Как это один герр абварт справляется: здание ново, красиво, и расчетливые цюрихцы, видимо, его берегут. Зашел на хоры в собор, в который ход прямой из школы: пуритански чисто, пусто и скучно; ни малейшего украшения, ни крестика, ни цветочка; скамей бесчисленное множество, а посредине каменная (кажется) купель, накрытая доской, и престол. Нет, уже это фанфаронство простоты, как хотите; мне всегда казалось, что если бы квакеры носили пуговицы, как все смертные, то это было бы проще, чем ходить без пуговиц. Из собора, через внутрен-

ний дворик, на котором стоит статуя Карла Великого, опять в школу, чтобы отправиться восвояси. На мое счастье попадается учитель, который сам подошел ко мне и, узнав, в чем дело, объяснил, что не все учителя ушли, что элементарные и реальные классы заняты и я могу итти, куда мне угодно.

— А для первого раза не хотите ли пожаловать ко мне? я буду очень рад!

Но классной дамы и запаху нет; здание открыто; приходят учителя, приходят учительницы, приходят посетители, завернет член воспитательного совета, или просто какой-нибудь гражданин, интересующийся делом воспитания, — всякий делает свое дело и один другому не мешает. Никак не могу привыкнуть к этому, хоть как хотите, и всякий раз не без робости вхожу в класс и вопросительно смотрю на учителя, хотя тот укажет на стул или даже очень вежливо подаст его и продолжает как ни в чем не бывало; а иногда спросит, не хочу ли я особенно посмотреть на какие-нибудь упражнения. И вот я хожу из класса в класс, примирившись с мыслью, что здесь начальства, кроме герр абварта, нет: у всякого города свой норов; есть, верно, и такие заведения, где кроме начальства никого нет.

Описывать ли вам в подробностях опять каждый урок? Нет, я боюсь вам наскучить и тем более, что могу здесь этого не продолжать. Здесь все дышит Шером, — повсюду его метода, его приемы, его книги для чтения, его учебники, и так как с этим педагогом я наиболее знаком, то и могу вам впоследствии рассказать, в чем она состоит, и сделать маленький обзор изданных им книг, что для нас, русских, особенно важно, так как по книгам Шера может сносно и с пользой учить и тот, кто не получил специальной педагогической подготовки. Впрочем, в цюрихской школе дело идет хуже, чем можно было бы ожидать от отличной методы и очень хороших учителей; потому что эта школа переформирована только в прошедшем (1861) году и только в этом году в элементарные и реальные классы введены классные учителя, чем положено коренное начало благодетель-

ному преобразованию, до тех же пор система была в младших классах предметная, и дело шло очень плохо. Есть здесь и учительницы, но они несравненно плоше учительниц Фрёлиха. В Цюрихе нет семинарии для учительниц; а это остатки прежних: они выдерживали экзамен гораздо слабейший, чем учителя; жалованье меньше, а классы параллельные. Это неправильно как в отношении детей, так и в отношении учительниц.

Школа разделяется на три отделения: элементарное, реальное и секундаршуле; первые два обязательны, третье — нет, и там только зажиточные, без работы которых могут обходиться дома. Очень разумное шеровское деление: в элементарных классах главное дело развитие, подготовка к усвоению положительных знаний; в реальных — самые знания; в элементарных — форма, в реальных — содержание, или, если угодно, наоборот: в реальных форма, в элементарных содержание, потому что знание есть только форма мысли. (Устройство досок: карты [═ ═ ═]). Молодой преподаватель, у которого я сидел потом на лекции, узнав, что я желаю вообще познакомиться с цюрихскими школами, сказал мне:

— У меня теперь час свободный; сейчас прийдет учительница работ; не хотите ли я вас провожу в первоначальную малолетнюю школу, а то вы сами долго ее проищете.

Мы пошли: она помещается в бывшем капитуле Фрау-Минни-Корш. Вообще здесь монахи оставили свое жилище в наследство школам и прошло время: формы изменились, а сущность осталась та же. Католическая церковь была в свое время школой для земного человека; а теперь школа должна сделаться церковью. Устройство классов и преподавания то же самое: везде царит Шер (доски лучше, везде счеты). Между мужским и женским образованием нет никакой разницы ни в первоначальном, ни в секундарном училище. Но гимназия, филологическая и индустриальная школа, равно как и университет и политехническая школа назначены таким образом для мужчин. Выше секундарной школы женское образование в Цюрихе не идет. В Цюрихе все

женское образование сосредоточено в Тöхтершуле, но в кантоне девочки и девицы (от 6 до 17 лет), мальчики и юноши учатся в одних и тех же заведениях, в одних и тех же классах — и еще нигде никакой беды от этого не было. Я захотел получить программы преподавания, и тот же учитель вызвался меня проводить к секретарю Воспитательного совета, а тот так же, как и в Берне, все отыскал и дал мне даром. Что за обязательный народ — право! — Все учителя здешние — воспитанники Кюснахтской семинарии, и я завтра еду посмотреть эту 〈прославленную〉 семинарию.

После обеда в два часа я опять пошел в Тöхтершуле и в этот раз прослушал урок Anschauungs-Unterrichts и видел классные упражнения в гимнастике; выхожу из школы, гонится за мной другой учитель, у которого я был поутру:

— А я принес вам программы и еще кое-что!.. Пойдем ко мне; далеконько в гору; но из окон у меня отличный вид; кстати, вы поинтересуетесь, как живут здешние учителя.

Пошли, очень далеко. Виды действительно очаровательны. Живет за городом, в Эттиле, бедняга, больной, худой, 2000 фр. жалованья и рад, что избавился от школы в деревне, где у него на руках было 6 классов. Беспощадно с учителем своим обращается государство... Расчет, что приходится за 6 уроков в день с ученицы учителю: 3 коп. сер.; за каждый урок по $^1/_2$ коп.; неужели нельзя прибавить: посмотрите, как бьется, разрушается их здоровье.— Встретили процессию детей. Село, предместье Цюриха, забыл его имя, секундарная школа празднует 25-летие; и дети где-то на поле разыгрывают Титинскую битву, где цюрихцы разбили австрийцев. Впереди девицы; девочки, наряженные отчасти в старинные национальные костюмы; одна — мальчиком, в парике во вкусе Людовика XIV. Далее молодежь мужская в древних костюмах — в шлемах, в стальных рубахах, иные из бумаги, а иные из цюрихского арсенала, где много этого добра; знамена, взятые в плен в австрийских землях; дети в цветах — и ка́к все чисто

и богато! Сзади телеги в цветах, венках, где сложена провизия. Впереди музыканты; по бокам распорядители праздника, отцы этих детей, [== == == == == ==] обходят по селу. Здесь любят детей и стараются, чтобы им было весело! Счастливые дети! Школа им не одну тоску доставляет. — Вид из окна действительно очаровательный: внизу Цюрихское озеро, берега, цветы, далее горы. Вид отличный [== ==]. Жена сама стряпает. Жизнь более чем скромная.

На одном уроке истории учитель говорил девицам: «когда вы услышите, что говорят: религия в опасности; посмотрите, не в опасности ли карманы тех, кто это говорит». Каково? Пасторов вытурили отовсюду, а давно ли еще Шер бежал от них из Кюснахта?!

16-го сент. н. ст. Сегодня я провел в Кюснахте. Выехал в половине 7-го; вид записан в карманной книжке. Но, записывая этот вид, я прозевал Кюснахт и попал станцией дальше в Эрленах (?). Большое фабричное село; в каждом окне видны ткацкие станки; пробовал заговаривать с крестьянами: ни я их, ни они меня не понимают; что за грубое наречие: точно вой какой-то безобразный. Но неужели эти люди были в школе: как скоро изгладилось у них школьное образование? Трактира не могу допроситься: ни Wirtschaft, ни Hasthof, ни Hôtel — не понимают. Вижу, у большого дома стоит отличная серая лошадь в кабриолете; иду наудачу; встречается в сенях худенький, маленький крестьянин, очень похожий на покойного Ст. Сем. Куторгу; одетый по-праздничному, за ним жена, должно быть, тоже расфранченная, за ними старуха в национальном костюме с каким-то черным веером на затылке.

— Жена и теща, — подумал я. — Вы не из Кюснахта ли?

— Да, из Кюснахта, а вам что?

— Вы домой едете? Эта ваша лошадь?

— Да!

— Довезите, пожалуйста.

— Извольте.

И вот мы садимся вчетвером на одного коня. Но такому коню нипочем и восемь. Мужчины, как следует, на передок. Дамы пробуют заговорить со мной: ничего не понимаю; с хозяином еще кое-как объясняемся.

— Вы были здесь в гостях? — спросил я.

— Да. А вы как сюда попали?

Я рассказал; он перевел дамам; все смеются. Надобно же такой счастливый случай. — Лошадка бежит отлично. Окрестности великолепные; озеро то появляется, то скрывается за домами и плодовыми деревьями: за яблоками листьев не видно; виноград уже почти созрел. Довольство видно повсюду; но и труда видно много повсюду; земля здесь по берегу озера раздроблена на мельчайшие клочки, и население не могло бы существовать ею, если бы не сильная, деятельная фабричная промышленность; но, к счастью, народ не бросил своей домашней и земледельческой жизни и устроил фабрики дома, посреди полей и садов.

Вот и Кюснахт. Прекрасные, каменные, необыкновенно чистенькие дома; отличная громадная гостиница; магазины, превосходное шоссе, мосты...

— Неужели это деревня?

— Да, деревня. Вам что нужно в Кюснахте?

— Еду посмотреть школы.

— Да, у нас много школ: где учатся будущие учителя; две элементарные; одна секундарная.

Оставив свой маленький багаж в гостинице, я отправился в семинарию. Она тотчас же за деревней, на пригорке, у большой старинной церкви. Это опять наследие иоаннитского ордена; здесь, в этом самом здании, где помещается теперь семинария, был у иоаннитов небольшой капитул. Чисто, прекрасно, отделано заново; но тут даже и Abwart'а нет. Какая-то женщина с ушатом на вопрос дома ли г. Фрис, отвечала — «дома!» и убежала. Наконец, нашел директора: толстенный мужчина лет 40, с огромной лысиной; любезный, внимательный до того, что становится даже совестно. Кажется, не принимают ли они тебя за кого-нибудь другого, хотя

и вся рекомендация состоит только в том, что я-де русский и хочу посмотреть ваше заведение.

Г. Фрис был прежде пастором; но пасторы его очень не долюбливали, что послужило ему впрочем лучшей рекомендацией в глазах швейцарских педагогов. Теперь он сложил с себя это звание; но как теолог преподает в своем заведении, кроме педагогики и психологии, и религию в высших классах; в младших же классах преподают учителя. Я изъявил желание прежде всего посмотреть Musterschule, и г. Фрис сам привел меня туда, объяснив мне дорогой, что теперь их образцовая школа стала тоже элементарной школой деревни и что он разделил деревню по ручей. Школа в 10 шагах, и учитель ее, г. Мюллер живет в семинарии у г. Фриса. В школе до 60 или 70 девочек и мальчиков, разделенных на 6 классов, и один учитель: главная его задача состоит в том, чтобы занять все 6 классов и занять хорошо. Это-то мне и хотелось посмотреть. Но на мою беду сегодня утром только «дополнительный класс». Впрочем г. Мюллер весьма обязательно успокоил меня тем, что классы соберутся после обеда, и я был доволен тем, что мог посмотреть, что такое за Ergänzungs-Curse. Двадцать пять мальчиков и девочек от 13 до 15 лет сидело на скамьях в чистой, не обитой обоями, просторной комнате. На цечке стоит глобус из шифера; в углу таблицы Шера. Г-н Мюллер читал ученикам рассказ; потом Besprechungen. Потом написал на доске главные положения рассказа и приказал приготовить письменный рассказ.— Потом, подозвав ученика к доске и написав сверху «Потребности человека» [a], стал спрашивать у учеников, что человеку нужно; и записывал на доске, когда они говорили дело: один ученик сказал — пища, другой — сон и т. д. Наконец, все потребности были перечислены и записаны; тогда начался рассказ о народной потребности в особенности, в таком роде: чем живет человек? сколько он должен спать? для чего ему нужно общество? и т. д. Нечего и говорить, что г. Мюллер ведет эти бе-

---

[a] В числе потребностей религии не было.

седы отлично. В нем нет той силы и той логической систематизации, которые есть в г. Рюгге, занимавшем прежде его место; но более человечности, ближе к простой семейной беседе; так может разговаривать только очень умный и образованный человек. На эти места, конечно, выбираются лучшие из лучших. Но ответы учеников были не так удовлетворительны, как можно было требовать после 6-летнего курса. По окончании урока я заметил это г. Мюллеру, спросив его, сколько они учились уже.

— Вы, вероятно, заметили, что они мало развиты для своих 6 лет учебы, — сказал г. Мюллер,— но это самые слабые из наших учеников; все лучшие, имеющие хоть какой-нибудь достаток и родителей, им хотящих дать образование, — учатся в секундарной школе; а эти уже сидят за работами и приходят сюда, потому что их обязывает закон на 4 часа в неделю.

— Это другое дело.

Г. Фрис пришел за мною и, пригласив меня к себе обедать, предложил, так как до обеда еще остается час, осмотреть в это время здание семинарии и ее собрание.

Мы пошли. Г. Фрис опять ни слова по-французски; но зато так говорит по-немецки и так отгадывает смысл моего изломанного, из книг вычитанного языка, что мне было с ним чрезвычайно приятно и легко объясняться.

Здесь опять особенная система, которую ввел г. Фрис: спят воспитанники вместе, в трех больших, чистых, прекрасных комнатах; а для занятий разделены по 4 человека в особой комнате. Но спальни устроены превосходно и не имеют в себе ничего казарменного. Вся спальня разбита на отдельные углы, и постели полуотделены одна от другой шкафами, так что каждому уютно, а между тем все вместе.

На вопрос мой, почему г. Фрис предпочел так устраивать вместо того, чтобы расположить кровати в отдельной комнате, он отвечал: во-первых, неприятно, даже вредно заниматься в той комнате, где спишь; гораздо лучше придти в светлую комнату с неиспорченным

воздухом; во-вторых, шалостей, которые иногда видят в спальне, здесь не может быть, и наблюдение легче.

С этим нельзя было не согласиться, и я решительно предлагаю изобретение Фриса за лучшее; только надобно, чтобы в спальне было не 15—20 кроватей и чтобы комната была разбита на альковы, а альковы шкафами на углы, — тогда нет того ряда [=] гробов, который так неприятно поражает в наших больших заведениях.

Комнаты для занятий очень удобны: посредине комнаты стол с четырьмя ящиками посредине, полки и стулья. Воспитанники сами убирают свои постели, чистят свое платье и прочее. Но все черные работы исправляет прислуга. Вообще Фрис держит воспитанников джентльменами и оставляет более времени и силы для науки и развития, чем в Веттингене. И то хорошо для Цюрихского кантона, где само население уже не крестьянское и быт учителей довольно порядочно обеспечен, так что средним числом они, кроме жилья, огорода, отопления, получают около 2000 рубл., а некоторые и больше; по положению — 700 франков, но деревни соперничают между собой и поднимают жалованье; а по закону сбавить его уже нельзя; даже и для будущего учителя.

Осмотрел все заведение; изрядная библиотека; кабинеты еще плохи, но альпийская флора, составленная наставниками и семинаристами во время экскурсий, богатейшая. Порядочен и минералогический кабинет [===], что стоит недорого. Потом мы пошли в сад, он же и огород, и виноградники. Последние особенно хороши: г. Фрис гордится ими и выписал лучшие сорта; грядки под помидорами, но виноградники, требующие небольших знаний в подчистке, обрабатываются более наймом, потому что незнанием при подрезке можно перепортить на несколько лет. Хлебопашества нет и сенокосу тоже; да и вообще воспитанникам работ мало в поле; три часа в неделю каждый; да если хочет в свободное время. Оттого они смотрят такими дворянчиками, хотя очень милыми и необыкновенно вежливыми и приличными. Г. Фрис полагает, кажется, что физическая

работа задерживает развитие умственное: напрасно! Я думаю, что и то, и другое очень соединимо; только надобно известную меру, которая здесь перешла далеко в пользу умственной работы, а в Веттингене в пользу физической. В саду мы пробыли долго. Г-н Фрис рассказал мне весь порядок их дня. Постараюсь вспомнить.

Летом воспитанники встают в 6 часов (зимой в $7^1/_2$). Через полчаса они должны быть уже в зале, где г-н Фрис читает молитвы и воспитанники молятся. Потом идут по своим комнатам и учатся. За ученьем их и приготовлением уроков никто не смотрит: делай, что хочешь, и одно только условие, — не мешать другим заниматься. Вообще же, по словам Фриса, воспитанники занимаются очень прилежно. На то есть и побудительные причины. Во-первых, неуспевающих исключают, и они обязаны доплатить казне, что стоило их содержание (в Колавинте они сами платят). Кроме того, $^3/_4$ воспитанников стипендиаты правительства и при слабом прилежании или дурном поведении могут потерять стипендии, чего эти небогатые люди здесь очень боятся. Здесь рано развивается в молодом человеке сознание полной необходимости добыть себе кусок хлеба, а потому и все идет отлично. Только беда, если это Brodstudium возьмет верх над свободным развитием, что неминуемо и заметно. — От 8 до 11, иногда до 12 ученье (см. расписание часов). В 12 обед. До двух опять каждый делает что хочет. Потом до 4 и 5 ученье, далее то же — делай, что хочешь. В 9 часов спать. Все очень просто потому, что все сосредоточено около ученья. Г-н Фрис очень практический человек, человек рассудка, человек современный, если не материальный, то, по крайней мере, вполне утилитарный Он очень выдрессировал своих студентов; но и не подавляет их и введет их в жизнь, как она есть. — Словом, современностью, без всяких песталоццианских и феленбергских утопий, дышит это заведение, и я уверен, что многим из русских оно бы в особенности понравилось. Но Сигнеус отдал своих семинаристов в Веттинген. Недаром Фрис назвал его несколько мечтателем. Но увы, я держусь того мне-

ния, что действительная современность заведения состоит именно в том, чтобы оно было современно возрасту; в детском заведении чтобы повсюду веяло детством, а в юношеском — юностью, следовательно, мечтательностью, стремлением вперед, утопией, потому что это пора утопий. Жизнь человечества остановилась бы на одной точке, если бы юноши не мечтали. Слишком рано начавшаяся практичность каким-то невыразимым оттенком заметна и на учителе (девочки школы — воспитанницы Кюснахтской семинарии). Религии и запаха нет. Г-н Фрис разработал с воспитателями преимущественно одну историческую сторону христианства. Молитвы сокращены до возможно малых размеров; по выражению одного учителя, либерализм преобладает в заведении, т. е. материализм, по моему выражению, хотя педагог не может быть без религии, по его же словам. В этом необходимое противоречие, которое подорвет в самом корне педагогическую деятельность, раздвоивши ее всю непременно. Г. Фрис с своими воспитанниками [= = = =]. Но и цюрихцы самый не поэтический народ.

Вообще кантон отражается в заведении: в Берне — строгая метода и повелительный тон; в Веттингене пахнет еще католичеством; в Кюснахте совершенная утилитарность. Но как сами люди отлично выбраны! Но везде видно, что делом заправляют люди, знающие дело и понимающие, что полумужи — люди страха; а у нас-то во главе заведения должен стоять человек или человечек, который ничего не знает в своем деле, или дадут знатока, и он командует... Диковинное, право, дело!

По поводу Шера. Я спросил у г. Фриса, в каком отношении теперь духовенство и воспитание?

— Теперь в самом близком, — отвечал мне Фрис, — а несколько лет тому назад педагогическое сословие, вырывавшееся из-под его опеки, не хотело о нем и слышать; на последнем же собрании сами воротились к тому порядку, чтобы во главе общины воспитателей стояло духовное лицо.

— Какие причины?

— А причина та, что пастор имеет везде большую силу в общине и может своим влиянием поддержать школу, заставить посещать ее; заставить платить аккуратно жалованье, даже увеличить это жалованье; и там он хвастает школами, там и кормятся учителя.

Ларчик открывается просто. Опять это тот же утилитаризм! Это основа китаизма!

И как все разнообразно! Принцип Фрёлиха — поэзия и художественность; Рюгга — система; Веттингена — работа и семейственность; Фриса — утилитарность.

Позвали к обеду. Столовая светлая, чистая и ничем не пахнет. Это едва ли не первая столовая, которую я видел без удушливого запаха. Г-н Фрис и его семейство и г-н Мюллер обедают тут же. После простой, очень уж простой, молитвы все сели. Вино хорошее. Ученики теперь получают 3 раза в неделю зимой по стопке вина: а летом — литр каждый день. Кормят их, кажется, очень хорошо. Стол убирает прислуга. За столом разговор: обернемецкое наречие.

После обеда к г-ну Мюллеру. Дети его школы уже бегали по двору и протягивали ему руки, он подает свою детям. Школа по методу Шера. Войдя в класс (где, видимо, практиковали двое), г-н Мюллер раздал работы: *старший* класс писал на предварительно объясненную тему; *пятый* тоже; *четвертый* списывал из книги; *третий* — с доски; *второй* читал по тетради, а с *младшим* занялся сам г-н Мюллер.

Учитель: бъ... ръ... а... тъ... — что будет?

Круг — разнообразный набор букв и так дальше. Разобравши таким образом несколько строк, ставит таблицу, читают еще и потом задает переписать.

Другой класс по книжке Шера: одно дитя читает вопрос, другое говорит ответ. Занимает очень детей. Показано употребление ящика и тысячи кубиков. (Ученицы вышли в другую комнату с воспитанниками [== ==]; дом [===], две комнаты [==] и монитеры).

Г-н Фрис пришел за мной, и мы отправились к нему. На лекции общей педагогики — усвоение понятия вос-

питания — слишком уж по-немецки; лекция психологии — трудная задача: переход от ощущения к мысли, защита сознания. Объяснение опять гегелевское: целостью существа, обнимающего себя и других; не лучше ли прямо сказать учителям, что связь тела и духа непостижима и т. п. Тайна? но ученики очень развиты; надобно это знать г-ну Фрису. Метод преподавания Besprechungen. Потом хоровое пение,— музыка обязательно. И потом я простился с любезным хозяином. По дороге задумался: не стало бы с педагогией то, что стало с католической религией— сначала одушевление, а потом — приличная форма. А вокруг весна, спокойно, жизнь. (В Кюснахте —4 г., в Веттингене —3, в Мюнхенбухзее только с этого года —3-й г.).

О конвикте. О путешествии, о домашнем театре.

На другой день (17) зашел опять в Тöхтершуле попрощаться с обязательными преподавателями и уехал в Берн.

Сентябрь. 18-е число. Сегодня я попрощался с Фрёлихом, которого застал разговаривающим с девушкой, которая хочет поступить в учительницы; он просил ее написать ему письмо, в котором изъяснить всю историю своего воспитания и учения и сказать причины, побудившие ее искать должность учительницы, а также и французское письмо в том же роде. В 10 $^1/_2$ часов я отправился в Бехтелен, верстах в трех от Берна. Проезжаю превосходное поместье, поля обработаны на диво; я полюбовался даже аккуратностью — мало! — искусством, с которым трава — сочная, зеленая — сложена на воз. Подъезжаю: несколько строений, а посредине очень хорошенький помещичий домик, здесь живет сам г-н Куратли, которого мне в Цюрихе назвали пастором, или мне так показалось самому; вхожу по лестнице, стоит в одном жилете, без сюртука, полный, краснощекий, красивый мужчина; здоровье и довольство так и прыщет с его лица; в волосах сено.

— Здесь живет г-н пастор Куратли?

— Пастора здесь нет никакого, а Куратли это я сам. Пожалуйте.

Прием по обыкновению самый радушный. Познакомил меня с заведением в нескольких словах, и, объяснив, что летом у них ученья почти не бывает, г-н Куратли показал мне работы учеников: их тетрадки и их рисунки. Очень недурно; а тетрадки одного, который готовится быть учителем, и очень хороши. Потом г-н Куратли, которого лицо так и говорит об уме, доброте, аккуратности (словом, идеал сельского хозяина и отличного семьянина), повел меня в одно семейство. Весь этот небольшой институт разделен на 4 семейства, и каждое семейство живет в отдельном доме с своим учителем. Главная пружина в том, что учитель работает вместе с воспитанниками. Теперь эти учителя — воспитатели Бэхтелена, прослушавшие курс в Веттингене, который выбран потому, что в нем более, чем в других семинариях, занимаются земледелием. Но первых учителей воспитал знаменитый учитель Фелленберга (следует отыскать его имя), который был потом учителем в Тургавской учительской семинарии; так плодовито сумели воспользоваться его способностями в Швейцарии. Мы вошли, ученики сидели за обедом со своим учителем; они только что воротились с работы, а потому в грязи; больше на босу ногу; рубашки как у наших крестьянских мальчиков, одеты гораздо хуже, чем зажиточные крестьяне в Швейцарии; но лица веселы, здоровы; мальчики лет от 12 до 17, учитель такой же веселый из деревни работник, как и они сами. Потом пошли в другое семейство — то же самое: работают весело, потому что работают для себя. (Яблоки и груши в Кобенце). Наверху житница — «это избавляет нас от труда сберегать наше добро», они же и сторожа. Нанимает только двух кнехтов и то из бывших воспитанников. Куратли думает, что наем посторонних подействовал бы вредно. Куратли думает, что подобные заведения были бы очень полезны в России и могли бы там привиться,— я думаю то же самое. Хотя у нас не дорожат рабочими руками в деревнях; но сирот, особенно в городах, везде много, особенно в

столице; одни наши воспитательные дома дали бы детей на десятки таких заведений; но они неизбежно должны быть небольшие. Куратли говорит, что ничто так не исправляет человека, как сельская работа, и благодетельно действует на умственное развитие,если ее ведут учителя, объясняющие все явления и все работы.

— Бывают ли неудачные попытки воспитания? — спросил я.

— Бывают, но очень немного. Особенно это с теми детьми, у которых или родители были негодяи, или которые выгнаны уже из других школ, — с такими не всегда удается справиться. Вообще, мальчики умные очень скоро исправляются; глупые — трудно. И сейчас видно, на кого воспитание действует коренным образом, изменяет его внутренно; и на кого только поверхностно, механически, зубрением. Первые и в жизни ведут себя хорошо, делаются хорошими учителями, ремесленниками, земледельцами, хорошими отцами семейства; а последние в школе еще держатся кое-как, а потом часто сбиваются с пути, и счастье — таких по 12 будет на сто.

— Удаляете ли вы из школы неисправных?

Примеров удаления всего было два, наказания телесные очень редки, а больше выговор, заключения в карцер — вовсе нет. Это самое <непедагогическое> из наказаний.

(Содержание русское обойдется около 250 фр.).

Попрощавшись с Куратли и получив от него отчет за 5 лет, я возвратился в Берн и, пообедав, прямо на экзамены примарных учителей и секундарных. Экзамены производят в высшей школе. Грязное <школьное> здание в такой трущобе, что и найти его не легко. На экзамене педагогики я встретил своего знакомого Рюгга, экзаменовавшего человек 20; присутствовали кроме Рюгга двое. Рюгг спрашивал свою книгу; отвечали очень хорошо. — Потом по истории. Экзамен очень трудный; один вопрос трудный предлагает экзаменующий. Потом дает экзаменующемуся самому рассказать биографически, что он более любит (это хорошо), и потом

отдельные вопросы, более хронологические. Сначала спрашивают, что читали. Экзаменовалось человек 20. — Потом на французском: фанфароны, как везде, сидят каким-то грозным трибуналом; после каждого воспитанника удаляются присутствующие, чтобы совещаться. Вопросы из грамматики и литературы—очень легкие; у наших смолянок куда труднее. Отвечают плохо, в особенности выговор, да и грамматика хромает. Но вот недурной прием: задают тему, о которой должно рассказать экзаменующемуся; но тема выбрана глупейшая — «Какое время года вам больше нравится и почему»? Так <нелепо> экзаменующийся ораторствует по-французски!

В особой комнате также писали упражнение и сочинение. Экзамены будут продолжаться еще два дня разом из нескольких предметов.

Довольно — пора домой! Слава богу — видел довольно, и 12 дней не пропали даром.

(Экзамен сидя; экзамен на партах; экзаменующегося садят на первую скамейку. По-французски знают только те, которые были во французских кантонах; прочие очень плохи!).

*2-го декабря 1862 г.** Приехал накануне. Утром к Delarin. Жаль. Знаменитость. Уже не у дел. Богатейший дом. Дом Сосюра. Жизнь? Богачи-профессора. Дал записку к Мюнье, сделав предварительно экзамен. Ученые — аристократы. Жалел, что не взял письма от посланника, расспросы о *Фусе*. Пастор Мюнье, ректор Академии, старик, похожий на Державина. Не верит в педагогику. На мой вопрос, есть у них нормальная школа, он отвечал, что нет, но что мы сделали нечто лучшее,— прибавили жалованье учителям. И действительно, в Женеве учительский труд оплачивается лучше, чем где-нибудь. Мюнье обратил мое внимание на ту особенность, что у них в школах нигде не читается закон божий для избежания неизбежных столкновений

---

* Женева.

при различии населения в Женеве по вероисповеданию. (В секундарной школе учатся дети католиков, протестантов различных сект и евреев. По этому поводу припомнились мне арговийские споры о евреях, которые кончились, впрочем, не в пользу последних). Я думаю, прибавил Мюнье, что мы на ложной дороге и что если просвещение наше подвинется вперед, то и религиоз-

Отрывок из дневника Ушинского 1862 г.

ные понятия в народе очень ослабеют. На мое замечание, что нельзя ли дело устроить так, чтобы читалась библия и евангелие без всяких сектантских оттенков, Мюнье ответил, что на это не согласятся католики и что он сам не одобряет такого бесхарактерного чтения.— Но разве христианская религия не имеет своего собственного характера? Мюнье даже экзаменовал меня и открыто выразил сожаление, что я не привез рекомендательного письма. Однако дал мне письмо к Гильерману,

сделал распоряжение, чтобы меня пускали на лекции в Академии и в тот же день прислал ко мне устав Академии и расписание лекций. Пастор Гильерман, распорядитель *высших курсов* для девиц, по записке Мюнье принял меня отменно ласково и дал мне карту на вход в заведение. Заведение это учреждено небольшим обществом, которое поощряется правительством только тем, что за небольшую плату получает помещение в казенном доме. Заведение это содержится единственно взносом учениц, которых в нем до 150. Два класса, странное устройство, ученицы разделяются на полных и неполных, последних гораздо больше, и они слушают курсы только по выбору. В здании живет только concierge m-lle Juliette, за порядком смотрят дежурные дамы, матери учащихся девиц, которых Гильерман уговорил принять на себя дежурство по очереди, что они и исполняют охотно и очень аккуратно. Главный шик заведения, который привлекает к нему много учениц, состоит в том, что в нем дают уроки профессора Академии, привлекаемые порядочной платой за годовой час.

На другой день утром, прогонявшись напрасно за Бонстоном, которого не нашел ни в доме, ни в школе, я отправился на лекции высших курсов. M-lle Juliette провела меня в низший класс на урок истории по записке Гильермана. Я прослушал здесь две лекции и обе в низшем классе. Девочки от 12 до 15 лет сидят по обе стороны длинного стола, в конце которого стоит учительская кафедра, сидят какие-то три дамы и вяжут чулки. Лекция истории началась тем, что профессор приказал девицам по очереди читать свои извлечения из лекции. Учебники совершенно не употребляются, извлечения, составленные девочками, были очень плохи, коротки и неясны. Профессор сделал им строгий и даже колкий выговор. Потом началось чтение, очень хорошее, ясное, но как мне кажется, не по возрасту, и я думаю, что девицы едва ли хорошо поняли, что такое консул, трибун, квестор, цензор, тем более, что профессор не обращается к детям с вопросами. В конце лекции профессор стал спрашивать прежний урок, — ответы робки,

односложны, неясны; после лекции я заметил профессору, что детям этого возраста трудно делать извлечения, но он сказал мне, что они приучаются скоро и что новые воспитанницы быстро развиваются под влиянием старых, а что в старших классах дело идет отлично. Может быть, отчасти и так, но профессора всегда смотрят слишком снисходительно на женские детские труды, ставя их бесконечно ниже себя. Впрочем, наука до того уже вкоренилась в жизнь в Женеве и проникла в семейства, что в новых поколениях она принимается гораздо легче, чем где-нибудь.

Следующий урок был география. Совершенно то же самое. Дело шло о Сибири. Чуждые иностранному слуху слова — чукчи, камчадалы и проч. сильно затрудняли девочек, и профессор, диктуя им по буквам, не потрудился написать слово на доске, которая висела тут же за ним. При ответе старого урока девицы так говорили об азбесте, о степях и т. п., что мне сильно хотелось спросить, понимают ли они, что они говорят.— Не был в старших классах, суда произнести не могу, но полагаю, что если талантливейшие девицы, получившие хорошее первоначальное образование и направляемые умными родителями, и получают большую пользу от таких курсов, то большинство едва ли.

После обеда я опять отправился к Бонстону, которого, наконец, и нашел, но он объявил мне, что без позволения члена Государственного совета, заведующего воспитанием, он не может допустить меня в классы, однакоже был очень любезен, дал мне письмо к этому члену, несколько брошюр, относящихся к заведению, и даже сам написал объяснение на некоторые пункты устава. Особенность этого заведения та, что в каждом классе у него есть своя классная дама, которая дает много уроков и присутствует при уроках учителей. Она имеет особенные часы для повторения учительского урока. Дамы эти поступают на вакансии по экзамену. Особенной нормальной школы для приготовления учительниц также нет, желающие сделаться учителями практикуются в первоначальной школе, которую назначает инспектор

женских школ. Сначала они делают près de régente, а потом sans régente и, наконец, régente. Инспектор беспрестанно переменяет школы. Наконец, экзамен производится в Hôtel de Ville при Jury, избираемом правительством. При открытии вакансии в секундарной школе открывается конкуренция, на которой также решает Jury.

От Бонстона я отправился в Академию на лекции к знаменитому Фогту. Слушателей человек 7. Некоторые дети эмигрантов. Фогт читал о крустацеях, в выговоре слышно — немец. Обладание предметом огромное, анатомические познания изумительны, и чтение завлекательно, несмотря на сухость предмета. Фогт коренастый почтенный человек, с самолюбием бесконечным; видно, любит хорошо покушать и задыхается после обеда. После лекции он пригласил меня к себе в кабинет, говорил о своей дружбе с Герценом и Бакуниным. Очень самоуверенно принял мои слова, что в России имя его очень известно. Жаловался на плохое жалованье —3000 франков за 4 лекции. Когда я заметил, что этим действительно трудно жить, то он не без гордости сказал, что зарабатывает себе еще пером. Есть что-то отталкивающее в этом замечательном человеке. Он, видимо, франтит своим изгнанничеством и своими резкими идеями. Скажу русской пословицей: ума много да разума мало.

3-го декабря. Этот день пропал у меня совершенно даром. Утром я пошел к члену Государственного совета по учебной части, к г. N. По обыкновению прием самый обязательный. Г-н N., узнав, что мне нужно, не только согласился тотчас же дать позволение, но и вызвался доставить мне все относящиеся по этому делу постановления. Оставив отель Девиль, где сосредоточены все женевские присутственные места, отправился я опять в Академию, так как это был четверг, а в четверг нет учения в женевских школах.

В Академии я попал на лекцию к г. Амиелю, читающему историю философии. Профессор излагал пифагорейское учение. Глубокие мысли и еще более глубокие мечты, полные гениального инстинкта и облеченные

всею свежестью самостоятельно зародившихся воззрений, могли бы, как мне кажется, занять молодых людей, но я не мог не заметить, что они смотрели на Пифагора с высоты XIX в. с каким-то насмешливым презрением. Как будто то, что волновало Пифагора, давно уже ими раскрыто. Пожалел я о бедных молодых людях. Чем обширнее смотрит молодой человек на мир, тем более будет с него проку под старость. Мечтать-то они будут, но только мечты их будут крайне узки. Материализмом XIX в. сильно пахнет Академия.

Возвратившись домой, я нашел уже связку книг и бумаг от почтенного N. Здесь было все, что мне нужно, и не только печатное и литографированное, но и писанное, был перечень всего, что посылается, открытый лист для посещения всех школ и очень любезное (*письмо*) ко мне. Поистине поразительная предупредительность. Тут я вспомнил, скольких трудов стоило мне отыскать университетский устав в нашем министерстве, когда еще я был редактором, а я никак не полагаю, чтобы слишком много любопытных беспокоило наше министерство; как хотите, а образование вещь весьма приятная.

На другой день пошел в école secondaire. Первая лекция, которую я слышал, была географическая, которую давала учительница классная. Учащихся до 80 теснилось по двое на лавке. Преподавание недурно, но о развитии здесь не думают. Наставница объясняла учебник и спрашивала по атласам. Перед каждой ученицей по маленькому атласу. Спросивши урок, наставница стала задавать другой, ученицы отыскивали по карте; помощница учительницы, девица, практикующаяся воспитанница этого же заведения, помогала ученицам отыскивать в атласах местности, упоминаемые учительницей. Учительница жаловалась мне, что трудно заниматься в таком многочисленном классе. Я думаю то же самое, но г. Бонстон уверяет, что это ничего не значит. Тут есть свои денежные расчеты.

Второй урок я был в маленьком классе, где по болезни учительницы давали урок ее помощницы. Диктовка. Потом отправился я в самый старший класс на урок

французской литературы. Читал какой-то старый учитель, а классная учительница сидела на чем-то вроде трона, поставленного в углу, и поправляла анализы, попросту — грамматические разборы. Ученицы отвечали какой-то прозаический отрывок, выученный наизусть, страницы в $1^1/_2$. Отвечающая выходила из-за скамьи и становилась в противоположный угол комнаты, чтобы упражнять свой голос. Но этим, кажется, и ограничивались все педагогические приемы наставника. Потом последовало спрашивание уроков, причем спрашиваемая девица выходила и становилась на кафедру возле учителя. Дело шло о новых элементах французского языка. Ученица дожидалась вопроса, а учитель, искоса посмотревши на меня, сказал: отвечайте сами и своими словами, нынче ведь все этого требуют. В голосе его слышалась ирония над новейшей педагогикой. Пересмотрел тетрадки, анализы сделаны порядочно, но уже не по возрасту: девицам лет 16, а анализы можно бы бросить уже в 14. Вообще, преподавание плохо, учение идет порядочно, но о развитии души и сердца никакой заботы. Нет, г. Мюнье, вы не правы, знание предмета еще недостаточно для учителя педагогики и без ее практиков заведения плохи.

Из женской школы отправился я в народное училище, которое разделяется здесь на классы, совершенно отдельные один от другого и не только с разными учителями, но и в разных зданиях. Это для городской школы хорошее устройство. Родители могут выбирать ту школу, которая нужна для их детей, и каждая школа выполняет свою отдельную программу, и все они вместе дополняют друг друга. Учитель — плотный, упитанный человек, который прежде всего выразил свою мысль мне, что школа очень опасна для здоровья учителя и что надобно уметь беречь себя, что он преподавал несколько лет в школе в различных классах, но что едва не получил чахотки от этой немецкой выдумки. Позавтракавши при мне куском булки, ментор отворил окошко и, хлопая в ладоши, созвал свою немногочисленную школу, игравшую тут же на дворе. Преподавание очень

недурное, но опять анализ и нет ему конца. Книга, употребляемая для упражнений в отечественном языке, недурна, напоминает Шера, только уж очень грамматикально (купить).

Посещение Карлсруйской Höhere Töchterschule. Экзамены. Плохое французское произношение. Из истории анекдотическая сторона. Из естественной науки — тоже плохо. Декламацией занимаются очень много.

Карлсруйский сиротский дом. Необычайная простота устройства. Дом у самой заставы. Haus-Vater und Haus-Mutter действительно Vater und Mutter. Детей немного. У Haus-Vater'а портреты учеников, из которых некоторые есть уже и в Америке и славные люди! Совершенно Haus-Vater! Неужели у нас нельзя найти таких же отцов и матерей для сирот? А то дадут генерала или генеральшу, до которых детям далеко как до неба.

Штутгаделен Katharinenstift. Воспитанников до 30, пансионеров 30. Был почти во всех классах и на всех уроках. Что это такое? Не понимаю. Это наш русский институт с множеством недостатков! Учительница только в младшем приготовительном классе. Девица очень милая и добрая, но метода ученья стара и негодна. Чтение без смысла. Никаких объяснений. Рисунки — нет и в заводе,— мертво и сонно.— *На уроке французского языка* в старшем классе старый француз явно плутоват, выдумавши, что сегодня у них récitation, а в сущности никто не знал, что и репетировать; учитель спрашивает потихоньку: «что еще знаете?». Отыскиваются какие-то плохонькие стишки из негоднейшей книжонки или же составленной (Boreli), и начинается вялое мямленье и подсказыванье со стороны учителя,— все внимание на тонкости выговора, который довольно плох, и ни одного живого слова.— *Урок из древней истории в IV классе.* Подробный рассказ со стороны учителя и никакого внимания со стороны учениц. Я и не слышал, как они говорят. Что это такое? Поистине Königliche Institut! — Иду в младший класс на урок *чтения*: читают христоматию, один рассказ за другим и одна ученица за другою. Учитель замечает ошибки; потом го-

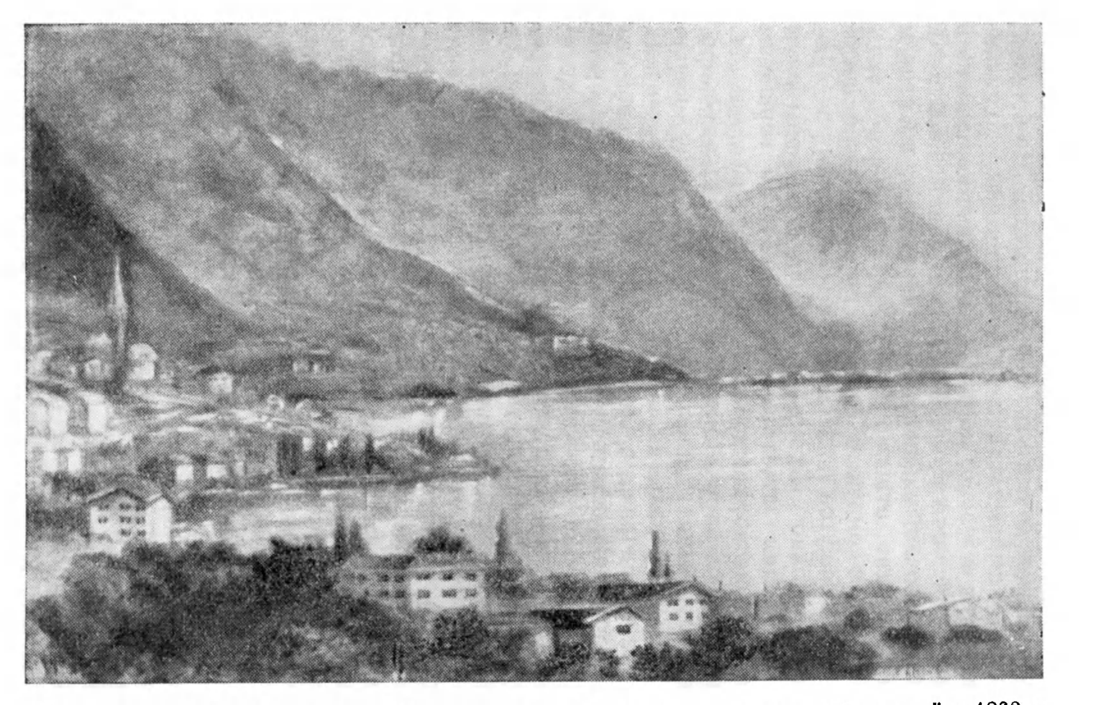
ворит, сколько каждая ученица раз ошиблась и класс кончен.— *Арифметика* еще сносна. *Грамматика* — диктант.— Наконец, является светило заведения, профессор *Курт*, имя которого действительно известно естествоиспытателям. Очень уже стар. Что же делает эта знаменитость? Диктует записки из географии и в продолжение целого часа едва указал девицам какие-то два образчика. Проходил по классам целое утро, а не слыхал, *как ученицы говорят*. Вот тебе и знаменитый Katharinenstift. Эку русскую сивуху занесла сюда Мария Павловна!

Немецкие раскольники. Просидевши утро в классах Katharinenstift, я почувствовал такую невыносимую тоску, что решился немедленно же после обеда сходить в Kornthal: там, вероятно, я найду, по крайней мере, что-нибудь оригинальное: ведь недаром они раскольники, да еще немецкие.— От Штутгарта до Корнталя часа два, и я, после сытнейшего обеда за 1 $^1/_2$ флорина (около 75 коп.), обеда в 10 блюд с тремя говядинами, 4-мя соусами и 2-мя пирожными, никуда негодным супом и бутылкой кисленького, розовенького вюртембергского вина (в нем смешан белый и красный виноград) в спокойной колясочке выехал по дороге в Корнталь (*10-го мая н. ст.*).

Окрестности Штутгарта очень милы; много земли по обеим сторонам дороги; яблоки и вишни уже отцветают; зато великолепнейшие каштаны в полном цвету; их простые и белые цветы стоят прямо точно свечи на рождественской елке и чрезвычайно эффектны на темной, густой, свежей зелени дерева. Поля обработаны до невозможности, и народ, особенно женщины повсюду копошатся, сгребая кирками картофель; изредка попадается плуг, запряженный громадными, красивыми волами. Из одного такого быка можно выкроить с десяток наших белорусских воликов. Но зато какие и тяжести тащут по шоссе эти громадные волы и кони! Попадающиеся мне крестьяне одеты прочно и чисто, хотя наряды мне их не очень нравятся. Широкополая швабская шляпа

с пригнутыми полями сзади; синий балахон скорее, чем блуза; кожаные штаны, идущие, кажется, по наследству, или заложены в голенища сапогов, или в чулок, убеленный пылью. На полях осенние посевы уже поднялись густо и зелено: картофель в $^1/_2$ аршина, рожь в аршин; нынешняя весна не в пример ранняя; зимы почти не было; почва — красноватый мергель и, по словам моего фурмана, отлично плодородна.

Штутгарт окружен горами, которые после швейцарских кажутся мне пригорками; но в сущности довольно высоки и показывают свои головы из-за высоких штутгартских домов; по вершинам дачи, больше королевские или королевской фамилии, которая здесь нарочито многочисленна, так что скоро, вероятно, начнет переселяться в Америку вместе со своими подданными, которые уже протоптали туда торную дорожку. Очерки этих гор очень изящны и грациозны на синем небе; но на деле они все очень плешивы по милости виноградников. Уж эти мне виноградники: буду я их помнить! До поездки моей заграницу мне случалось видеть виноград только на окошках милютиных лавок, да на подносах и признаюсь, я не мог не улыбнуться сладостно, когда читал путешествия: видно, что такой-то город окружен виноградниками — entouré de vignes! Вот бы хорошо, подумывал я, — entouré de vignes! И признаюсь, эти проклятые vignes были одной из причин, почему, выбирая годовое местопребывание заграницей, я напал на Лозанну и ее парники. Но увы! как скоро я разочаровался! В лучшее свое время виноградники много что напоминают наши коноплянники; а после сбора винограда, когда с них обдергают листы для коров, и до средины лета — это тычины, торчащие изредка на серой, обнаженной, некрасивой земле. Случилось же такому несчастью, что и дом, где я поселился в Веве, был буквально entouré de vignes, а деревьев, зелени и тени надобно было искать за пять или шесть верст и то в горах, на такой высоте, где уже виноград не растет. Расчетливые жители берега Женевского озера пожертвовали для винограда всеми своими

Ве́ве — город в Швейцарии (на Женевском озере), где жил и лечился Ушинский в 1862 г.

тенистыми орехами, каштанами и буками! Конечно, я не виню в этом хозяев — им выгодно. Но разве нельзя было сколько-нибудь оставить? А какой печальный вид имеет гора, покрытая виноградниками! Ни деревца, ни кустика, ни травинки,— серо, однообразно, грустно. Надобно иметь очень живое воображение, чтобы представлять себе бутылку или пить вино и смотреть с удовольствием на эти виноградные горы. Прибавьте к этому еще каменные стены, которые, как ступени гигантской лестницы, идут снизу доверху и нагреваются солнцем до того, что близко ходить нельзя — и вы не будете желать местностей entourés de vignes.

Виноградники вюртембергские сноснее боденских: во-первых, их хоть и много, но все же меньше, и во-вторых, они подальше, на горах, а до гор, по обе стороны дороги столетние, отрадные поля, которых я так давно уже не видал, поля, покрытые пашнями зелеными, свежими коврами и усажены плодовыми деревьями. Эти плодовые деревья рассеяны повсюду на германских полях (в немецкой Швейцарии то же), и аллеи из роскошных каштанов или стройных тополей по краям шоссейных дорог, ведущих из одной дороги к другой, даже из одного хутора к другому, напомнят вам тотчас же, что вы не на родине, если б даже уходящее зеленое поле, выглядывающий беленький хуторок из зеленого сада и звон в отдаленной деревне и перенес бы вас куда-нибудь в уголок Малороссии, если не Великой России.— Кстати о звоне: не только в кантоне, но даже в простой деревне звонят беспрестанно.

— Скажите мне, батюшка, чего эти окаянные все звонят,— спросила меня одна русская женщина, с которой я встретился заграницей: забудешь, да и согрешишь, перекрестишься. Я было пошла посмотреть раз, ан и церковь заперта, [== == == ==]: одни колокола поют.

Этот звон у протестантов вроде мусульманского муэдзина, призывающего правоверных на молитву в известные часы дня. А в праздничные дни звон не умолкает, так что невольно сочтешь себя где-нибудь в Ростове.

Как здесь все близко: вот вдали *Людвигсбург*, а вон на горе белеет и *Солитюс*: они соединены отличным шоссе. В четыре часа поехал. Но вот мы свернули с большой дороги, теперь пустынной давно по причине чугунки. В кустах камень, и на нем [=] надпись моих земляков, кажется, напоминание, что «смерть берет прямо из средины жизни». Напоминание недурное. Вот и Корнталь — это деревня, домов около 300, в лощине; кругом тишь и гладь: вид грустный.

Сотни полторы белых домиков и домов с черепичными высокими крышами расположены между зелеными холмами, в промежутке которых открывается далекий, необыкновенно спокойный ландшафт.

Какие изнутри укрощенные люди! Неужели это притворство? Невозможно! Вот что значит дух общины! Первые поселенцы были, без сомнения, строго религиозные люди, собравшиеся сюда для сохранения своих религиозных убеждений, которым не нравилась распущенность века и уступчивость пасторов требованиям века, и вот от них и завелся этот дух. Укрощены самые задорные шалуны. Действительно, надобно быть действительно до крайности дерзким, чтобы нарушить какой-нибудь громкой шалостью эту удивительную тишину. И воображаю я, с каким непритворным изумлением оглянулись бы все эти овечьи физиономии на такого шалуна,— поневоле в другой раз и руки не поднимутся. Недаром же у них и на церкви не петух, столь частый на лютеранских старинных кирках, а овца с крестом и знаменем.

Приехали прямо в *общинную гостиницу* — Gemeinde-Gasthaus. Против нее домик с надписью — Gemeinde-Handlung и прекрасный дом женского института, откуда раздаются звуки рояли. И гостиница здешняя не похожа на гостиницы вообще. (Девичий институт — собственность общины; но институт мальчиков собственность инспектора равно как и Mittelschule для бедных девочек бабья работа). (Происшествие с омнибусом на минуту оживило — хохот). (Церковь — молитвы читал Herr Vorsteher). (Пели все недурно, повторяя стих за стихом.

Простота). Здесь (в гостинице) не встречает толстый хозяин, ни его прислуга. Да и хозяина вовсе нет. Ее содержит община, а заведует ею сестра пастора, кото-

Отрывок из дневника Ушинского 1862 г.

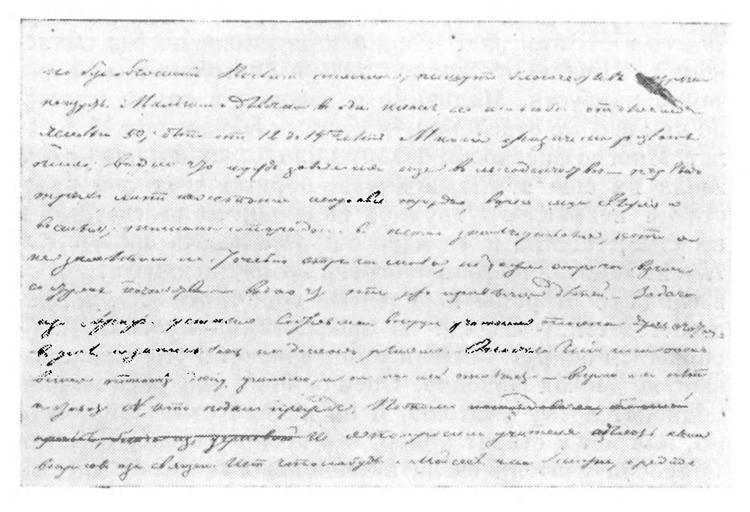
рая в отлучке. Позвонил — встретила девушка до того тихая, добрая и услужливая, что никак и не думаешь, что в гостинице. Иду наверх,— несколько девушек

работает; одна читает и читает прекрасно какие-то проповеди. Маленькая читальная зала с большим столом посредине; по стенам картины из библейской истории, множество. В углу *шкаф* с различными редкостями, присланными членами общины или, по крайней мере, людьми одной религии,— со всех стран света. Тут и китайские идольчики, и маленький крокодил, и фигурка из [==], и оружия и т. д. Подобные собрания во многих местах Германии и Швейцарии мне удавалось видеть. Немцы и в особенности швейцарцы бродят по всему свету; но никогда не забывают родимого уголка, и вдруг какой-нибудь Ганс или Фридрих, который еще недавно бродил по деревне, отзовется откуда-нибудь из Африки или Отаити острова, прислав в свою родимую школу или мумию (в Веве), или идола, или какое-нибудь диковинное растение. Так собираются иногда отличные коллекции, очень полезные для школ.

Было уже слишком поздно, чтобы итти по школам, и я, напившись отличного молока, какого давно уже не пил в городах Швейцарии и Германии, где вместо молока угощали какой-то серенькой водицей,— я отправился гулять за деревню. Как все тихо в деревне! Откуда-то несутся звуки гимна, поют детские голоса; тон дает скрипка.

Поля обработаны удивительно, но шоссе довольно плохое. Что за тишина! Птиц полевых бездна; но и те кричат как-то стройно и благоприлично. Возя кучу детей, тащут воз, наложенный травой, лица веселы, но скромны и тихи до усыпительности. Каждый приподымает шляпу, каждый желает Guten Abend и с такой наивной добротой, без малейшей примеси какой-нибудь удали или даже просто любопытства. Что за странные дети, право! Вечер восхитительный, тишина невозмутимая; — да уж таки бывают ли здесь когда-нибудь бури или какие-нибудь неумеренности даже в природе? Мне кажется, и яркий солнечный день был бы здесь не на месте — слишком резко; а вот так, как было сегодня,— серенький денек, тепленький, мирный, успокаивающий нервы.

Окрестности не великолепны, как в Швейцарии, но необыкновенно идилличны и милы, и я рад, что взор мой спокойно скользит по широкой, зеленой, холмистой равнине. Что значит привычка! Сначала мне очень нравились швейцарские горы, а потом надоели, и я стал радоваться на равнины; но все это не то; у нас много раздолья, здесь все сжато и поваляться на траве нельзя!

Отрывок из дневника Ушинского 1862 г.

(На другой день, после молитвы. Я уже раздетый и ложусь, а гимны все еще раздаются. Долго ли продлятся они? Опять вспомнил родину: вот село заснуло [= = = = = =], а песня все не засыпает).

(Посещение на другой день Института. Пастор. Мое несчастье. Rettungs-Anstalt. Добрый молодой Haus-Vater. Арифметика. Чтение. Закон божий. Детская школа. Метод Фребеля. Haus-Mutter похожа на самую деревенскую бабу, черна, загорела, как груша, а говорит Anschauungs-Unterricht и т. д. Учительница — ее помощница. Чудной народ! Но все какое-то неуклюжее!).

На мое несчастье в женском институте и в мужском оказались вакации, и я должен был удовольствоваться осмотром сиротских заведений (Rettungs-Anstalten). Возле самой деревни, несколько в поле, серый большой дом наружности непривлекательной. Спрашиваю Haus-Vater: оказывается, молодой человек, в очках, в бурсацком сюртуке и с несколько бурсацкими манерами. Очень доброе существо и хороший педагог, воспитанник Нортингема и Эслингена. Чтение порядочное, но без объяснений. Письмо отличное, пишут благочестивые изречения наизусть. Мальчики и девочки в одном классе, но как особые отделения,— человек 50: дети от 12 до 14 лет. Многие физически развиты плохо; видно, что нужда заела их еще в младенчестве; первых трех лет недостатки исправлять трудно; впрочем, лица светлые и веселые; тишина и порядок в классе замечательные, хотя я не заметил не только строгих слов, но даже строгого взгляда со стороны начальства; видно, что это уж привычка детей.— Задачи из арифметики — устные. Собравшаяся вокруг учителя толпа считает в уме и записывает на досках решение. Окончивший или окончившая подносят доску учителю, и он на ней отмечает — верно, или нет и ставит номер, кто подал прежде. Потом я попросил учителя сделать несколько вопросов из священной истории,— что-нибудь о Моисее или Иосифе, предполагая, что дальше первых понятий не пошли знания учеников. Но учитель стал беседовать с детьми из церковной истории, и я, понятно, был удивлен познаниями учеников, даже самыми подробными; они цитировали из библии и евангелия с указанием на главы,— поразительно. Я выразил свое удивление учителю; он ответил мне на это, что этим предметом он больше всего занимался. Позвали к завтраку; ходили в мастерскую, где сидят уже образовавшиеся из учеников — сапожник, портной и полевой работник; они, видно, только что воротились с поля и читали путешествие Кука, другой евангелие. После обеда, без мяса, ученики отправились в поле на работу. Девочки шили. Я спросил, ходят ли они на работы полевые?

— Ходят, да немного,— отвечал учитель, — впрочем, я забочусь, чтобы они ходили чаще; это их освежает очень и очень сильно содействует развитию.

Это я слышу решительно везде, где пробовали только ввести полевые работы. Впрочем, ученье здесь не как в Бэхтелене, не прерывается и на летнее время, хотя число часов меньше, и только в самую страдную пору ученье на несколько дней прекращается. Но следует заметить, что в Бэхтелене сами учителя работают с учениками в поле, а потому, собственно говоря, и там их учат.

Какие славные, радушные, ласковые дети! Ни тени того злого или шаловливого зубоскальства, которое составляет такой тон большей части наших учебных заведений. У нас дети как-то очень рано приучаются к скептическому отношению ко всему окружающему. Не вытекает ли этот тон из народного характера? Едва ли! Он скорее вышел из жизни и отчасти из невежества, которое после горьких опытов не верит в науку. Впрочем, наш крестьянин-пахарь — не зубоскал, а напротив, очень серьезен. Но такое зубоскальство в школах решительно дурно. Здесь и деревня, и учитель, и ученики — люди верующие.

Пошел потом в малолетнее отделение сиротского дома. На дворе толпа *крошек* от 2 до 6 лет. Играют, но как-то тихо. Я спросил Haus-Mutter, и когда она, оставив чистить картофель в кухне, вышла ко мне, я был решительно поражен. Я начал уже привыкать к необычайной простоте всего здешнего педагогического быта; но здесь был решительно изумлен. Ко мне вышла одна из тех простейших на свете старух, которых у нас можно видеть только в глухих деревнях, где-нибудь за печкой, пережевывающих горох; беззубая, сморщенная, загорелая, сморщенная, как сухая груша, от которой у нас можно (*не*) надеяться услыхать ничего путного и часто нельзя добиться ее собственного имени; в чем-то вроде сарафана, с платком на голове,— все это в шелухе картофеля, с ножом в руках.

— Мне нужно Haus-Mutter!

— Я и есть,— ответила она неясно своими беззубыми деснами: что вам угодно?

— Мне хочется посмотреть заведение.

— Очень рада, я покажу вам его.

И показала мне спальни, детские одежды и обувь. Отлично, языком образованным. Кончив осмотр, она сказала мне:

— К сожалению, у нас только что кончился класс, но я сказала учительнице, чтобы она собрала детей и показала вам свою методу.

Я между тем обратил внимание на пачки картин, лежавших на полке.

— А это очень хорошие картины для наглядного обучения священной истории,— сказала она мне,— жаль только, что не раскрашены. А вот другая — для естественных наук,— эта очень praktisch! Anschauungs-Unterricht, Naturlehre, praktisch — как-то странно звучали для меня в устах этой простейшей из крестьянок.

В большой зале собрали детей человек до 70 под предводительством учительницы — простой тоже до того, что мы привыкли видеть таких только моющими пол. Беседа толковая, потом фребелевские песни с движениями, неуклюже, но мило. Но гигант-учительница прыгающая просто забавна. Помощница ее — такая же особа, если еще не проще. Вот это действительно значит внести педагогику в крестьянский быт. Дети ласковы, и я должен был каждому из них пожать ручонку, прощаясь с ними.

Богослуженье. Вознесенье. Органы. Пение. Это удивительно. Захолустье!

В пятницу утром я осматривал женскую семинарию в Людвигсбурге. Только начинается. Герр Бубль чахоточный, но хороший педагог.

Б. Частная переписка

1. ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО К В. А. ЧЕРКАССКОМУ *

Новгород-Северск, 8 августа.

Ваше письмо, любезный князь, заставило меня покраснеть. Но я так часто слышал уверения в добром расположении, которые потом оканчивались совершенной холодностью и забвением, что считал их не более, как одной из десяти тысяч китайских вежливостей. Ваше милое письмо приятно разочаровало меня в этом маленьком скептицизме. Не отвечал же я долго потому, что только 6 августа вернулся из моего 6-недельного**

* Письмо К. Д. Ушинского к князю В. А. Черкасскому[2] публикуется впервые. Подлинник письма хранится в рукописном отделении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в архиве В. А. Черкасского под шифром — ф. Черк. П, 15/5. Год написания в письме не обозначен: судя по содержанию письма, это — 1844 г., год окончания Ушинским Московского университета. Адресат письма, Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) — товарищ Ушинского по университету. Оба они окончили в 1844 г. юридический факультет Московского университета: Черкасский — первым, Ушинский — вторым кандидатом прав, и оба получили предложение готовиться к экзамену на право защиты магистерской диссертации и с перспективой получения в дальнейшем профессорских должностей. За время обучения в университете Ушинский и Черкасский не сближались друг с другом. Поводом к сближению послужило общее назначение, полученное ими: Черкасский первый написал Ушинскому письмо, Ушинский ответил. Нет данных, чтобы это сближение продолжалось в дальнейшем: судьба обоих была слишком различна, и жизненные пути их резко разошлись.

** Недельный и не-дельный.

(в обоих смыслах этого слова) путешествия по Малороссии и застал уже Ваше письмо дома.

Планы мои, как и Ваши, не переменились, и я был у Редкина. Представьте себе мое изумление: вместо нашего почти вдохновенного профессора я нашел малороссийского *панича* в полной форме, и это превращение занимало меня целые три дня, что я у него пробыл. Он очень поздоровел. Говорили о Вас, что... так Вы сами знаете, он не такой человек, чтобы за глаза говорить другое, что говорит в глаза. Но признаюсь, это первый характер, который заставляет меня признаться, что я его не понимаю. Но самолюбие не оправдывает меня тем, что идеал, созданный о нем моим воображением, слишком укоренился в голове моей и мне довольно трудно теперь его переменить. Мне кажется, что он страдает той же болезнью, как и все люди нашего века, только старается уверить себя в противном. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь: я уж признался в своем незнании. Кровь кипит в нем как в 16-летнем мальчике. Но зачем описывать ее*? — мы понимаем ее, и все ее признаки нам известны. Очень жалею о Вашей болезни. Она совсем неуместна ни с нашими летами, ни с нашими планами. Впрочем, если Вам нечего делать, то и это все-таки развлечение. Но теперь Вы, вероятно, уже здоровы, как и я.

Редкин наверно обещал мне место в пансионе. По 4 часа в неделю по 6 рублей урок — слишком достаточно бы было для моей умеренности, если бы только. Но на меня, кажется, обрушиваются многие семейные заботы**. Что ж, милости просим, я готов вынести и не такую тяжесть.

Вы приглашаете меня заехать к себе***. Очень рад;

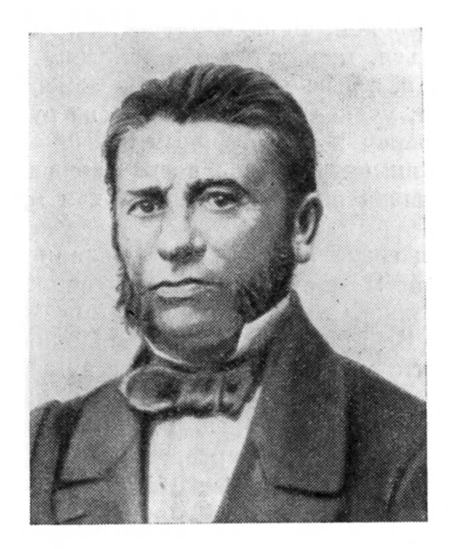
---

* Т. е. болезнь.

** По семейным обстоятельствам Ушинский должен был принять на себя часть забот о младшем брате Сергее.

*** По окончании университета Черкасский жил в полученном им от матери имении в с. Ивановском (Пригори), Веневского у., Тульской губ.

но я могу ехать только наверное. Итак — вот план: пришлите письмо на почту в Тулу с адресом мне и «до востребования». Я к 25 августа должен быть непременно в Москве. От 15-го и дальше буду в Тулу и если найду на почте Ваше письмо, то отправлюсь к Вам; ежели же 23-го не буду, то и не ждите.

П. Г. Редкин
проф. Московского университета

Об экзамене* я еще не думаю, да и мало он меня беспокоит, чин же для меня все равно: я ни к чему не стремлюсь; о внутренней жизни я забочусь гораздо более и если успею помириться с самим собою, то о другом мне мало нужды. Если бы Вы меня лучше знали, то поняли бы мое равнодушие к будущим успехам. Впрочем

---

* Имеется в виду экзамен на право защиты магистерской диссертации, к которому предполагали готовиться Ушинский и Черкасский.

готовиться будем вместе. Только я должен буду читать то, что Вы давно знаете*.

Я хотел несколько раз быть откровенным с Редкиным и показать, что я такое? Но я уж говорил Вам, что его не понимаю, а потому и не могу ему высказать все. Глядя на него, я подвергаюсь тому оптическому обману, который бывает вечером на реке: то кажется она слишком глубокой, то слишком мелкой; мечте же я не хочу ввериться, между тем как человеку, изведавшему то же, что и я, я бы с охотой открыл момент, на котором остановился; ученость же и ум еще не ручательство.

Еду в Москву, но не с твердым решением там остаться. И как ни смешна моя идея Кавказа, но едва ли она не бо́льшая действительность, чем профессорские мечты.

Но так я говорю только в отношении себя и своих способностей. Я так мало знаком с тонкостями жизни, особливо нужного тона, так привык к независимым действиям, что Ваш разговор с графом** меня удивил. Эта боязнь — «что скажут» — слишком чужда мне. Мало ли еще будет каких препятствий Вам, как и всякому (связанному с светом), кто решит действовать по собственной мысли! Но, князь, в презрении мнения людей есть какая-то обаяющая радость. Вы были у всех,— это прекрасно. Эти люди должны быть орудиями, но не трогать нашего душевного спокойствия и настолько, насколько ласточка задевает крылом своим поверхность спокойного моря. Конечно, до этого состояния мне дойти ближе, потому что обо мне мало кто заботится в мире.

Еще более должен я жалеть о том, что, проповедуя слишком плебеизм, я потерял уже ⟨общение⟩ Вашего товарищества, но постараюсь теперь вознаградить.

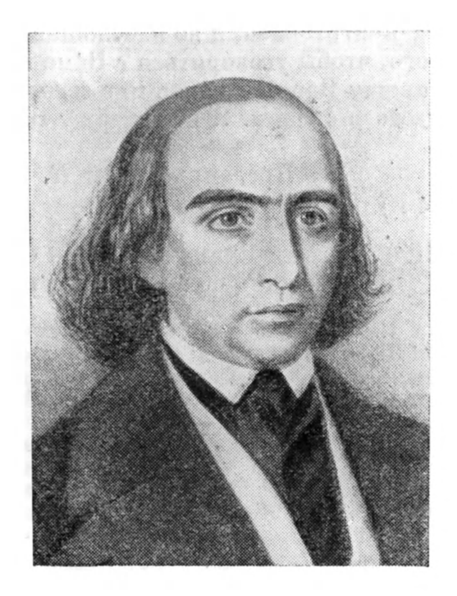
Желал бы я знать, когда Вы будете в Москве. Я же к 25 августа непременно буду, ибо тогда начинаются лекции.

---

* Ушинский имеет в виду, что еще на студенческой скамье Черкасский вел большую научную работу по русской истории под наблюдением и руководством профессоров.

** Попечитель Московского университета С. Г. Строганов.

Грановский был в деревне у Редкина и всех там очаровал своим изобретательным умом. Да, теперь я буду в прекрасных <условиях> и если и здесь обманусь не в

Т. Н. Грановский
проф. Московского университета

них, в себе, то тогда останусь самим собой и только самим собой.

Сейчас приехал ко мне Евневич * и 18-го едет на службу в Петербург. Мы с ним никуда не заезжали.

Прощай, милый князь. Будьте здоровы и спокойны.

Весь Ваш *К. Ушинский.*

---

* Евневич — товарищ Ушинского и Черкасского по университету, окончивший юридический факультет с званием действительного студента.

2. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО К А. В. СТАРЧЕВСКОМУ *

1 (1, л. 89). Я не совсем понимаю, какого рода фельетон должен я приготовить, и во избежание путаницы, а также для того, чтобы уговориться с Вами насчет присылки газет, прошу Вас назначить мне сегодня час, когда я могу видеться с Вами. Я не задержу Вас более 10 минут.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

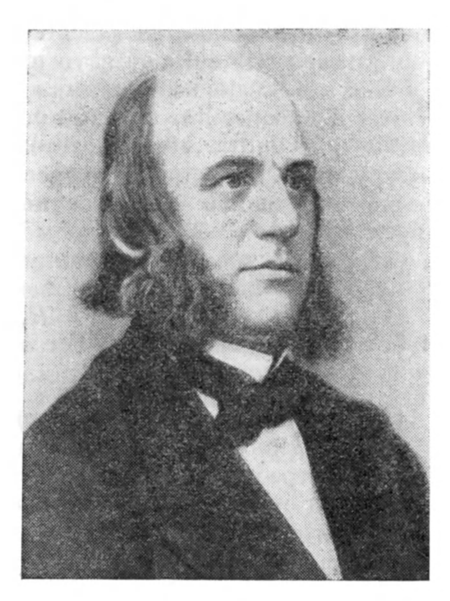
7 февраля (1854 г.)

2 (12, л. 109). Я готов принять на себя составление предлагаемых Вами известий об английской и американ-

---

* Переписка К. Д. Ушинского с Старчевским Альбертом Викентьевичем (1818—1901), бывшим редактором журнала «Библиотека для чтения», печатается впервые по подлинникам писем, хранящимся в архиве «Пушкинского дома», ф. 583, № 46, в сборнике «К. Д. Ушинский. Письма к Старчевскому и биографические материалы». Всего в сборнике 26 писем, написанных Ушинским за время с 7.II 1854 г. по 1.X 1856 г. Сборник представляет собой большой том, в котором переплетены — черновая рукопись статьи Старчевского, оттиск этой статьи из журнала «Народная школа» (1855, № 1), во многом не совпадающий с черновой рукописью, подлинники писем Ушинского, расположенные в беспорядке, и ряд газетных вырезок с воспоминаниями об Ушинском. Часть сборника, связанная с Старчевским, представляет собой, очевидно, подарок последнего семье Ушинского после появления его статьи «Мои воспоминания об Ушинском». Статья была вызвана неудовлетворенностью первой печатной биографией Ушинского, написанной и выпущенной А. Ф. Фролковым в 1881 г. А. В. Старчевский пытался восполнить недочет этой биографии, совершенно упустившей из виду длительное сотрудничество Ушинского в журнале «Библиотека для чтения». А так как об этом сотрудничестве, очевидно, не сохранилось четких воспоминаний и в семье Ушинского, то Старчевский и подарил ей свои материалы вместе с письмами Ушинского. Хотя письма Ушинского были частично использованы в статье Старчевского, но хронология их, видимо, неясно представлялась автору статьи за давностью времени, почему они и даны в беспорядке и без указания дат, особенно годов. При перепечатке даты восстановлены, и письма печатаются в порядке строго хронологическом, причем, кроме порядкового номера, в скобках показаны — номер каждого письма в переплетенном сборнике и лист рукописи.

ской литературе; но так как эти известия входят и в тот фельетон, который я составляю для «Современника», то нельзя ли мне узнать, какие имеются у Вас журналы для этого предмета, так чтобы мне можно было получать хотя один журнал, которым не пользуется «Современник». Впрочем в фельетон «Современника» литература

А. В. Старчевский
редактор «Библиотеки для чтения»

входит только отчасти и вообще весьма мало. Плата 25 рублей за *один* лист мне кажется недостаточной, потому что в этом листе я тем не менее принужден буду вместить *все* литературные и ученые замечательные новости, а это чем короче, тем труднее сделать *в связи*. Впрочем, я не знаю, нужна ли Вам *статейка* о литературных и ученых новостях или только *перечень* их с извлечениями: в первом случае я не могу взять менее 30 рублей, во втором согласен и на 25. У меня есть план очень хорошень-

кой статьи из нового испанского сочинения об «Аргентинской конфедерации». Из географической части этой книги я сделал извлечения для «Географического вестника», а историческая, *чрезвычайно любопытная*, если выкинуть политический оттенок, может составить прекрасную статью для журнала.

Если вы, милостивый государь, Альберт Викентьевич, найдете, что мое мнение об известиях о литературных новостях согласно с Вашим, то пришлите мне имеющиеся у Вас английские журналы, исключая The Illustrated News и Athenaeum, которые у меня есть, и получите статью к 20 марта. Мне бы хотелось просмотреть корректуру «Нашей Улицы» Теккерея, потому что я имею обычай исправлять (хотя немного) все мои статьи в корректуре.

Примите уверение в моем совершенном уважении к Вам

К. Ушинский.

9 марта (1854 г.)

3 (15, л. 115). Я принимаю Ваше предложение, почтеннейший Альберт Викентьевич, и постараюсь приготовить к 20 марта требуемую Вами статейку. Что же касается до перевода с английского, то если Вы пришлете мне его заблаговременно, то я и буду знать, как распорядиться своим месяцем, и Вы получите все в свое время. Вы не судите по переводам из Теккерея о моей аккуратности. Эти переводы были готовы ровно месяц тому назад, и Вам стоило только прислать за ними.

С истинным уважением остаюсь готовый к Вашим услугам

К. Ушинский.

12 марта (1854 г.)

4 (16, л. 117). Отправляю Вам статью, добрейший Альберт Викентьевич, и прошу извинить меня, что обеспокоил Вас тогда своей несвоевременной просьбой, что единственно произошло от недоразумения: я пола-

гал, что первая моя статья напечатана в мартовской книжке «Библиотеки».

С истинным почтением остаюсь Вашим покорным слугой

К. Ушинский.

20 марта (1854 г.)

5 (18, л. 121). Препровождаю к Вам фельетон. Извините, что не поутру: у меня сегодня отняли утро. Благодарю Вас за аккуратную присылку денег и пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что последняя книжка «Библиотеки» так хороша, что не могла пройти незамеченной, и я слышал ей много похвал, чему очень радовался. Человек, приносивший мне деньги, сказал, что Вам угодно было меня видеть на *четвертый день* праздника: я был у Вас в этот день в 12 часов, а потом захворал. Жалею душевно, что нам все не удается сойтись поближе.

Этот фельетон будет позанимательнее прежнего; я не знаю, что Вам собственно нужно, но теперь буду сообразжаться с общим духом Вашего фельетона. Я ввел такую форму в «Современнике» и потому очень доволен ею.

С истинным уважением остаюсь Вашим слугой

К. Ушинский.

21 апреля (1854 г.)

6 (4, л. 95). Я был у Вас в городе, почтеннейший Альберт Викентьевич, но не дозвонился: Вы, вероятно, переехали па дачу. Препровождаю к Вам вторую и последнюю статью о Сейденгемском дворце, а фельетон пришлю в свое время. Корректуры, сделайте одолжение, адресуйте мне на старую квартиру, г-ну Серебрякову, а он передаст мне. Не можете ли также прислать мне свой «Атенеум», потому что редактор «Современника», заехав на дачу, не думает о журнале и не присылает газет, да притом же и платит плохо. Если мой фельетон, несмотря на все мои старания, кажется Вам все еще сухим, то в этом, право, не моя вина: газеты набиты

политикой, а «Атенеум» литературой и, выбирая из одних английских газет, трудно сделать статью разнообразной. Если бы Вы позволили мне пользоваться хотя немецкими, то тогда фельетоны могли бы быть живее.

Вы говорили мне о статье патриотического содержания: не угодно ли, я приготовлю Вам к августовской книжке статью под заглавием «Англичане и греки». Это будет выборка из двух превосходных сочинений о прежнем греческом восстании и кроме того, одной английской и одной французской журнальной статьи и будет очень интересной, особенно при нынешних обстоятельствах. За лист я возьму 30 рублей: будет листа 3 — 4 (не более) печатных. Если Вы примете мое предложение, то потрудитесь уведомить; а также прислать деньги за июньскую книжку с сим посланным.

Желаю Вам всего лучшего, с истинным уважением и преданностью остаюсь Ваш покорный слуга

К. Ушинский.

15 июня (1854 г.)

7 (5, л. 97). Посылаю к Вам, почтеннейший Альберт Викентьевич, статью, о которой я Вам говорил. Она, кажется, теперь безукоризненна в цензурном отношении. Взглянувши на тетрадь, Вы увидите, какого труда она мне стоила: не мне судить, пропал ли этот труд даром или нет. Что касается до меня, то я очень дорожу этой статьей: в ней высказывается много моих любимых убеждений. А потому прошу Вас покорнейше, если Вы найдете ее почему бы то ни было неудобной к напечатанию, то возвратите мне ее в возможно скором времени, чтобы я мог найти ей место в другом журнале. Условия мои недорогие: я возьму за нее, сколько получаю за сокращение, т. е. 30 рублей серебром за лист, хотя в ней половина *моего*, а *чужое* означено с точностью. Если можете, то поместите ее в сентябрьской книжке, а далее я откладывать не могу.

На этот раз я не прислал Вам разбора журналов и отослал книги г. Мею. Не было времени, да и повести

Крестовского, составляющей главное содержание «Отечественных записок», был только конец. Возвратившись в город, я буду готов к Вашим услугам, а теперь хочется недельки две погулять.

Корректуры «Сейденгемского дворца» и фельетон потрудитесь переслать к г. Серебрякову.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить полное мое уважение к Вам и извиниться за то недоверие, к которому меня так приучили другие. Поверьте, почтеннейший Альберт Викентьевич, что я сделаю все, что могу, чтобы быть полезным Вам и Вашему журналу, и сумею оценить честное и прямое обращение Ваше со мною.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

23 июня (1854 г.)

8 (6, стр. 99). Препровождаю к Вам фельетон для *сентябрьской* книжки. Я успел добыть газет и приготовить именно к тому числу, которое было назначено мне г. Старчевским, т. е. к 16-му. Прошу Вас покорнейше пришлите одну из корректур на городскую мою квартиру, г-ну Серебрякову.

С истинным уважением остаюсь Ваш покорный слуга

К. Ушинский.

16 августа (1854 г.) (На конверте: *Г-ну Мею*).

9 (20, л. 125). Сделайте одолжение, почтеннейший Альберт Викентьевич, потрудитесь прислать следующие мне деньги за августовскую книжку «Библиотеки» и объяснить, в каком виде я должен составлять фельетон на будущее время, так как Вы присылаете теперь все газеты: должен ли я выписывать одни английские и американские новости или и все прочие, а в последнем случае, на сколько листов должен распространиться мой фельетон. Уведомьте также, что Вы намерены сделать с моей статьей о сомнамбулизме, чем бесконечно одолжите.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

4 сентября (1854 г.)

10 (7, лл. 101—102). Проклятая лихорадка мучит меня напропалую, и хотя я все-таки продолжаю диктовать перевод и приготовлю, что обещал, непременно, но я решительно не знаю, успею ли с фельетоном, если болезнь меня не покинет. А между тем я очень боюсь в такой важной книжке, как генварская, чем-либо напортить. Не можете ли Вы на этот месяц поручить фельетон другому; я прошу Вас об этом как об одолжении, ибо чувствую, что моих сил не хватит. Если Вы затруднитесь, кому отдать, то отдайте Рыжову. Он берется, и я уверен, что сделает хорошо, а из английских газет я ему дополню. Прошу Вас, поберегите меня, я пригожусь и на после, и верьте, что только одна, вовсе непредвиденная крайность заставляет меня просить избавить меня от моего обещания. Вчера я было встал, а сегодня опять слег и на человека стал не похож. Перевода два печатных листа уже готовы, завтра поправлю и пришлю, а Вы потрудитесь по мере печатания доставлять мне корректуры. Если согласитесь на передачу только на этот месяц, то уведомьте.

Преданный Вам от всей души *К. Ушинский.*

4 декабря (1854 г.)

P. S. Роман *Гор* с характером. Он понравится. Я много сокращаю и оставляю только дельное; чем далее, тем он живее, но я должен был переменить заглавие и назвать его по имени героини, ибо думаю, что цензор взглянет косо на название «Прогресс и предрассудок». Не жалейте об «Эсмонде»: Вы увидите, что с ним напляшутся.

К. У.

11 (8, л. 103). Я передал сегодня газеты Рыжову, и он обещал приготовить два листа фельетона к 16 декабря, а потому и газеты теперь посылайте уже к нему, а не ко мне.

К. Ушинский.

5 декабря (1854 г.)

12 (9, л. 104). Без сомнения, «Эсмонд» бесконечно лучше романа мисс Гор; но я перевел уже из Гор 1 1/2 печатных листа; а «Эсмонда» я еще не читал. Читал я отзывы о нем и обильные из него выписки в английском Review, и, судя по ним, я не понимаю, как позволили «Эсмонда». Здесь аристократы выставлены с подлейшей стороны, интрига политическая и, сколько помню,то — на сцене заговор и восстание. Царствование же королевы Анны. Если его и можно переводить, то разве с большими сокращениями; а между тем роман бесспорно прекрасный. Вы меня поставили в затруднительное положение: мне бы хотелось сделать для «Библиотеки» что можно лучше, а между тем времени осталось так мало, что, погнавшись за двумя зайцами, можно не поймать ни одного. Разрешите, что делать: если переводить «Эсмонда», то присылайте скорее; но я более 3 1/2 и много 4 листов никак не обещаю, ибо у меня на шее еще фельетон и все в две недели.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

(Конец декабря 1854 г.)

13 (10, л. 106). Посылаю Вам еще одну тетрадку перевода в прибавку к той, которую отослал вчера. Это составит более 3-х листов. Через два дня получите еще два листа. Я надеюсь, что Вы примете во внимание, что я сделал в этот короткий срок 2 400 верст и все-таки, занимаясь и дорогой и дома, приготовил первую тетрадь именно в тот день, когда назначил, т. е. 18 января, и извините мне, что я не представил всего разом, что впрочем и не необходимо уже потому, что все не может быть набрано разом. К 22-му Вы получите все. Прошу Вас верить и вперед, что я, *давши слово*, никогда не поставлю в затруднительное положение того, кому оно дано.

Весь Ваш *К. Ушинский.*

(Около 20 янв. 1855 г.)

14 (2, л. 91). Препровождаю Вам еще один лист «Эми Мидовз», который должен быть напечатан в этой книжке, чтобы вышла половина последней части. По-

трудитесь, почтеннейший Альберт Викентьевич, прислать мне корректуры, а также уведомить меня, должен ли я приступить к сокращению Hards Times Диккенса или нет. Человек мой пробудет в городе до половины завтрашнего дня.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

16 февраля (1855 г.)

P. S. Фельетон пришлю непременно 23-го. Если есть у Вас на дому газеты, то потрудитесь отдать моему человеку.

К. У.

15 (11, л. 107). Посылаю Вам корректуры. Вот это набрано недурно. Прошу Вас прочтите мою оригинальную статейку о нонсинаизме и гюмбюдже и скажите, что я могу сделать с такими статейками, если они при теперешнем Вашем распоряжении попадут мне в голову? Не позволите ли Вы мне написать статейку о Писемском по поводу его повести «Виновата ли она»? Это могло бы и его заманить к Вам в сотрудники. Прошу Вас покорнейше скорее доставить мне возможность разделаться с русскими журналами. Мне этого давно хочется.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

22 февраля (1855 г.)

16 (3, л. 93). Посылаю Вам фельетон. Фельетон г. Рыжова прошу Вас поместить в конце и отделить несколько от моего. Извините, что я распорядился с этим фельетоном и выбросил из него некоторые вещи по следующим причинам: записка доктора Петермана об экспедиции Франклина напечатана мною *точно так, слово в слово* в одной из осенних книжек Вашего журнала; об опере Верди Il Trovatore (которую г. Рыжов перевел Трубадуром!) я писал летом; точно так же, как и о переписке Гёте. Такие повторения могут очень повредить журналу.

Что же Вы не потрудитесь прислать корректуры моего перевода и уведомить меня, нужно ли Вам критическое сокращение Hards Times Диккенса или нет?

Желая Вам совершенного здоровья, остаюсь

преданный Вам

К. Ушинский.

29 февраля (1855 г.)

17 (13, л. 111). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Посылаю Вам окончание «Эми Мидовз». Через несколько дней пришлю еще «Описание нашей Америки» — статья очень любопытная; я выкидывал из нее с сожалением и то только, что можно найти в другом месте. Потрудитесь расчесть, что мне следует за мартовскую книжку «Библиотеки для чтения». Я получил за нее вперед 75 рублей серебром; но в ней до 6 листов перевода и $1^1/_2$ фельетона, а потому мне еще следует. В записке Вашей г. Печаткину не забудьте напомнить ему о «Библиотеке для чтения» на этот год, что мне будет и совершенно необходимо, если Вы отдадите мне критику журналов. Если вышло какое-нибудь географическое сочинение, то потрудитесь прислать мне его, как обещали; также и юридическое.

Желаю Вам совершенного здоровья.

Остаюсь преданный Вам *К. Ушинский.*

10 марта (1855 г.)

18 (17, л. 119). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Препровождаю Вам 1) окончание «Эми Мидовз», 2) пять статей для известий, 3) корректуру и 4) книгу Классовского, разбора которой я решительно не мог сделать, потому что и значения-то ее не понял. Извините, что прислал к Вам не 25, а 26-го; вчера я никак не мог отослать человека. Не посылайте корректур к г. Рехневскому, а лучше держите их у себя, а при сносном

корректоре можете обойтись и без меня, а то я могу только задержать Вас.

Желаю Вам здоровым и веселым встретить праздник и остаюсь преданный Вам

К. Ушинский.

26 марта (1855 г.)

19 (19, л. 123). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Я раздумал, что, если хочу доставить Вам весь роман к 1 июню, т. е. к моему отъезду в Малороссию, то должен заняться им немедленно и притом им одним. А потому, препровождая к Вам «Атенеум», где помещены лекции о живописи, прошу Вас передать их для перевода другому. Там немного, и время еще не ушло. Роман же постараюсь приготовить весь.

Вместе с сим препровождаю: 1) окончание 1-й части романа; 2) путешествие в Персию; 3) все газеты, которые у меня оставались и, свидетельствуя Вам свое почтение, остаюсь Вашим покорным слугой

К. Ушинский.

(Около апреля 1855 г.)

P. S. Я думаю о Вашем предложении. Оно безукоризненно хорошо. *К. У.*

На обороте письма надпись Старчевского: «Теперь трудно вспомнить, о каком предложении здесь говорится, но полагаю, что дело здесь идет об американской системе воспитания и образования».

На конверте надпись Ушинского: «Очень нужное».

20 (25, л. 135). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Посылаю еще тетрадку «Тяжелое время». Прислал бы более, но целую неделю так промучил меня проклятый геморрой, что я не мог взяться за перо. А потому, боясь, что, может быть, опоздаю с фельетоном, я отсылаю Вам и немецкие газеты и английскую Иллюстрацию, которые потрудитесь передать кому-нибудь

другому. «Атенеум» же я оставил себе, потому что там одна статья уже начата мною. Повесть возвращаю. Она никуда не годится. Не можете ли Вы поручить мне разобрать «Историю Гатчинского института» Гурьева. Строк 10 — не более. Она разобрана в апреле в «Современнике». Но разобрана ли в «Библиотеке», не знаю, ибо Печаткин не хочет да и только дать мне «Библиотеки».

Желаю Вам и всему Вашему семейству быть здоровыми и остаюсь Вашим покорным слугой

К. Ушинский.

(Конец окт., нач. ноября 1855 г.)

P. S. С «Тяжелым временем» поспешу, не беспокойтесь. Книга «История института» у меня есть, а Вы только скажите, что разобрать можно. *К. У.*

21 (22, л. 132). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Препровождаю к Вам фельетон. Перешлите через моего мальчика еще газет и, если можно, то какие-нибудь из английских журналов. Если решились дать мне разбор журналов, то будьте так добры, перешлите их на квартиру по адресу, который я Вам оставил, да не забудьте приложить и номер «Библиотеки», чтобы я мог сообразиться с прежним разбором. Впрочем, делайте, как Вам покажется лучше.

Желаю Вам быть здоровым и остаюсь Вашим, милостивый государь, покорным слугой

К. Ушинский.

23 ноября (1855 г,)

22 (14, л. 113). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Препровождаю Вам некоторые из газет; другие оставляю, потому что они понадобятся к следующему номеру. Потрудитесь дать моему посланному новые газеты и записку на получение денег за фельетон. Плата, как я надеюсь, останется прежняя, т. е. по 25 руб. за лист. Пожалуйста же, не отправляйте моего Ивана без

ничего, потому что к Вам, как сами знаете, не «близкий свит».

Прощайте, будьте здоровы и не забудьте преданного

Вам *К. Ушинского.*

8 декабря (1855 г.)

N. B. У меня остался один № 640 немецкой Иллюстрации. *К. У.*

23 (23, л. 131). Я очень рад, Альберт Викентьевич, что могу познакомить Вас с Василием Ивановичем Татариновым, бывшим профессором Демидовского лицея; убежден, что Вы скажете мне большое и большое спасибо за это. Вы можете поручить ему смело составление ученых статей, статей для Вашего лексикона, рецензий и пр. Из трудов его Вы скоро убедитесь, что имеете дело с человеком замечательно даровитым и вполне дельным. Надеюсь, что Вы поблагодарите меня за эту услугу и

остаюсь Вам преданный *К. Ушинский.*

19 декабря (1855 г.)

24 (24, л. 133). Милостивый государь Альберт Викентьевич!

Errare humanum est. Я точно послал Вам вишни в письме, оставивши их у себя на столе. Но это не более как XII глава романа, которая может быть напечатана и в апрельской книжке, хотя и лучше бы, если-б здесь. Посылаю Вам корректуры. Согласитесь, что, приславши Вам оригинал 8-го, я мог надеяться, что мой человек, бывши в Петербурге 17-го, привезет корректуры. Но не так случилось, да и теперь он, непонятно почему, не привез 1-го листа. Корректура ужасна, исполнена уже чисто ошибок наборщика, букв, поставленных вверх ногами, переставленных, и даже пропущена нумерация целой главы; нечего уже говорить о том, что малейшая нечетко написанная буква печатается не по смыслу, как в порядочных типографиях, а наугад: о, и, а везде перемешаны. Словом, я просидел почти всю ночь, чтобы исправить эти 4 листа, и не убежден, что все исправлено.

Потрудитесь прислать мне 1-й лист, я привезу его сам завтра. Нельзя ли также приготовить к воскресенью корректуру фельетона и уведомьте, когда я могу найти Вас, потому что, приехавши туда вечером в субботу, я уеду в 3 $^{1}/_{2}$ часа в воскресенье; но в это время совершенно готов к Вашим услугам.

Посылаю также и остальную главу, которая оказалась в бегах между другими бумагами; поступите с ней по всей строгости законов и не сердитесь на преданного

Вам *К. Ушинского.*

25 декабря (1855 г.)

P. S. Вы просили меня прислать фельетон 25-го; я прислал его 24-го: что же, я опоздал? *К. У.*

25 (26, л. 136). Поздравляю Вас с новым годом, добрейший Альберт Викентьевич, и желаю всякого счастья Вам и Вашему милому семейству. Посылаю к Вам сего посланного за газетами (хорошо, если б Вы прислали мне какие-нибудь Review английские) и за записочкой к Печаткину известного содержания.

Я готовлю Вам очень недурную вещь; по крайней мере, первая половина удалась как нельзя лучше; но мало времени. Гатчина наша кутит напропалую: каждый день вечера и балы даже до тошноты.

Как давно я не видал Вас; но во все праздники был в столице только на одну минуту — поздравить министра [=].

Прощайте, будьте здоровеньки и не забывайте

преданного Вам *К. Ушинского.*

18 янв. (1856 г.)

26 (21, л. 127). Милостивый государь, Альберт Викентьевич!

Благодарю Вас за память обо мне. Вас же я не забыл, да если бы память моя и оказалась столь слабой, то Ваш журнал напомнил бы мне о Вас. Служебные занятия не позволяли мне заниматься посторонним; но теперь дел стало поменьше, и я кое-что работаю. Теперь кончаю статью «О народности в обществен-

ном образовании» для Морского сборника, и у меня почти уже готова другая статья об американском образовании, которую не знаю, где помещу; но для Вашего журнала она слишком велика, листов 8 печатных, а, может быть, и больше. У меня теперь собрано много хороших материалов по воспитательной части, и я был бы очень рад, если бы небольшая статейка о французском образовании пригодилась Вам. Потрудитесь уведомить, и я примусь за нее. Мог бы еще приготовить переводы или сокращения из Edinburg- или Westminster Review, которые я получаю, но не знаю, пригодится ли это для Вас; даром же работать не хочется: лучше что-нибудь почитаю. Срочной работы принять не могу, особенно для еженедельного листка. В Петербурге я бываю очень редко, да и то на такое краткое время, что к Вам не заберешься.

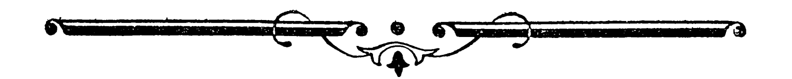
Не скажу Вам ничего о Вашем журнале, потому что в глаза хвалить не люблю: но скажу, что мне кажется, было бы для него еще лучше, если бы официальности немного потеснились и дали бы места поболее ученопопулярным статьям, которых вообще в наших журналах по сравнению с заграничными необыкновенно мало. Дешевизна же Вашего журнала налагает на него обязанность быть проводником образования в массу. Таких журналов заграницей бездна, и Вам остается только выбирать. Фельетоны воскресные Брамбеуса просто прелесть; но и не обладая его шутливостью, можно писать популярно. Одна политическая экономия, так мало знакомая публике, может дать много материала, а география, естественные науки и т. д.

Но Вы, конечно, лучше меня знаете, что Вам нужно; позвольте же поблагодарить Вас еще раз за память обо мне и сказать Вам до свидания.

Уважающий и любящий Вас *К. Ушинский*.

9 октября (1856 г.)

P. S. Уведомьте также, не переменили ли квартиры. Я скоро буду в Петербурге и желал бы поговорить с Вами. *К. У*.

3. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО К М. И. СЕМЕВСКОМУ *

1

Интерлакен, 24-го августа 1862 г.

От всего сердца благодарю Вас, многоуважаемый Михаил Иванович, что вспомнили обо мне. Ваше письмо доставило мне истинное удовольствие, и я надеюсь, что

---

* Три письма К. Д. Ушинского к М. И. Семевскому перепечатываются из книги В. В. Тимощука «М. И. Семевский» (СПб., 1896). Местонахождение подлинников писем неизвестно. Вследствие ли ошибки переписчика или в результате неверного чтения, дата одного из писем Ушинского обозначена в издании Тимощука 1868 годом, между тем как из содержания этого письма и из сравнения его с одновременными письмами Ушинского и Модзалевского видно, что оно относится к 1863 г., ввиду чего письмо это с исправленной датой поставлено на принадлежащее ему второе место.

Семевский Михаил Иванович (1837—1892) известен преимущественно как редактор-издатель журнала «Русская старина», выходившего с 1870 г. до смерти его издателя. В журнале публиковались различные документы и факты бытовой и придворной русской истории. Лично М. И. Семевскому принадлежит ряд изданий исторического характера. В 60-е годы, еще молодым человеком, только что вышедшим из корпуса, Семевский был приглашен для преподавания истории в Смольном институте. Ушинский ценил в молодом Семевском его интерес к изучению конкретных фактов русской истории и его незаурядные педагогические способности. В Смольном Семевский много способствовал оживлению среди воспитанниц интереса к русской истории. Вскоре после Ушинского он вынужден был оставить Смольный институт и в первое время весьма затруднялся в приискании подходящего для себя занятия. Ушинский с большим интересом

оно будет не последнее. Если бы вы и не написали мне, что оставили Смольный, то я бы и без того мог это предположить: но я никогда не думал, чтобы Л. в такие молодые годы был уже такой беззастенчивый негодяй: я думал, что ему до такого совершенства остается еще лет десять. Этот господин, который ввалил несколько сот своей мерзейшей книжонки, меряет, верно, всех на свой аршин. Но не стоит более говорить о таких гадах...

Жаль мне от всей души, что ваше педагогическое поприще прервалось так скоро: оно было истинно полезно и для вас, и для заведения, и неужели вы не сделаете попытки опять на него выйти? Ах, как рано и не в пору мы расстались с вами! И не собраться уже такому педагогическому кружку; по крайней мере, вокруг меня ему уже не собраться. Здоровье мое с каждым днем становится все хуже и хуже, и швейцарский воздух не заменит мне недостающей деятельности. Теперь я живу в Интерлакене; на осень, с 4-го сентября нов. стил., переберусь опять в Веве на виноградный курс, а потом думаю поселиться в Гейдельберге, где живет Л. Н. Модзалевский. Вспоминаете ли вы день нашего прощанья? Я часто вспоминаю его и рад, что мог минутку побыть еще молодым.

Здесь можно кататься, но жить трудно: в этих людях столько чуждого и так мало общечеловеческого, право, гораздо менее, чем в нас русских. Здесь у каждого свое правило в жизни, т. е. известная маска, которую он носит и не скидает даже, я думаю, и перед женою. Оно, может быть, так и следует, но для русского скучен этот вечный маскарад. У нас уже слишком мало правил, принципов, зато сердце чаще выходит наружу со всеми своими достоинствами и недостатками. Если образование в том состоит, чтобы выдумывать получше маску и выучить носить ее, то господь с ним — оно для нас не годится.

следил за его судьбой, поощрял его занятия историей и народным образованием и был удовлетворен, когда Министерство народного просвещения командировало его в Псковскую губернию для собирания данных о состоянии народного образования.

Не верилось мне и самому, чтобы эти гнусные поджоги имели какую-нибудь связь с нашими мечтателями: но, наконец, кто же жег? А, кажется, трудно сомневаться в том, что жгли. Здесь в Швейцарии, я убеждаюсь с каждым днем все более, что политическая свобода не есть еще венец счастья человеческого. Ну, вот они и

М. И. Семевский

свободны. Что же из этого? Позвоните только кошельком, и вы имеете перед собой самых безответных рабов; это самое нескончаемое рабство, а вся их свобода — какой-то парад, которым они и восхищаться уже перестали. Чтобы поправить Швейцарию, нужно бы ее придавить: но кто знает, может быть, теперь она и не поправилась бы более, потому что нет в них уже нисколько одушевления, и одни только деньги могут их оживить. Осенью загляну в Италию; там люди теперь истинно счастливы,

борются, надеются, любят, ненавидят, а здесь все уже приобретено, остается торговать, есть, пить и спать. А пьют они отлично! За что же нас, русских, упрекают в пьянстве? Да тут пьянствуют гораздо более — и венцом швейцарского счастья считается возможность пить каждый день и бродить вполпьяна. А французы? Вот уж господа-то! Они все, каких я видел, боятся потерять своего Наполеона и видят в нем залог единственного благоденствия Франции. Вот тебе и докрутились! По моему, уж бурбоиисты лучше: те живут хоть для глупой идеи, но все же идеи, а это умные дети, которые, нашалившись вволю, поняли, наконец, что для них нужны палка и строгий дядька. И, вот, к чему мы стремимся... Вот чего мы жаждем.

К. Ушинский.

2

10 апреля (1863 г.)

Очень вам благодарен, добрейший Михаил Иванович, что вы и в древнем городе Пскове меня не забыли; я узнал от С.-Илера, что вы туда уехали, и не знал, как писать вам. Очень, очень рад я, что вы, наконец, имеете дело и можете быть полезны, но не забывайте только, что, прежде всего, надобно иметь здоровье, а потому заботьтесь о нем более, чем заботились до сих пор. Извините за откровенность, а то истинное дружеское расположение, которое у меня есть к вам, позволяет мне сказать Вам, что вы себя вовсе не бережете, не столько в трудах, сколько в дружеских беседах; а вам должно быть крайне, крайне осторожным. Мне каждый раз становится грустно, когда я припоминаю вас такого бледного и худого. Но что это я расписался о здоровье, как какая-нибудь сердобольная бабушка шалуну-внуку? Потому что на себе испытываю теперь всю нестерпимую муку того состояния, когда душа рвется на дело, а физика отказывается служить. Вы пишете мне, что я много сделал и проч. и проч., понимаю вашу добрую цель и жму от души вашу руку за то неудавшееся, но

от сердца подаваемое лекарство, теперь-то именно и понимаю я, что я ничего не сделал, а что мог кое-что сделать и теперь бы мог еще, так как не стар и имею опыт; но физика проклятая, несмотря ни на теплый климат, ни на различные курсы, разлезается врозь — да и только!

Почему получаю я ваши письма через Льва Николаевича, а не прямо? Или вы не знаете моего адреса? Тогда вот он: Suisse, canton de Veaud, à Vevey, rue Lacloz, maison m-lle Tremblet; но, нет, лучше до получения еще моего письма, пишите ко мне на теперешнюю квартиру: près de Vevey à la Tour de Peilz, а то, может быть, квартира, которую я приискал на зиму, и расстроится еще. Здесь просто мученье русскому человеку с квартирой: мы привыкли из 20-градусного мороза переходить в 20-ти градусное тепло, а здесь любят серединку и считают теплом, если в комнате 6, 7 градусов выше нуля.

Модзалевский верно напишет вам, как Н. Ив. Пирогов отправился лечить Гарибальди; славный человек этот Николай Иванович, но мне никак не удается познакомиться с ним.

Что-то вы насобираете там, во Пскове. Я думаю, много интересного; но будьте осторожны в суждении о наших школах и наших бедных учителях: принимайте в расчет и их положение, и их образование, и обстоятельства, при которых бились мы, николаевские воспитанники. Читал я (и порадовался) манифест о свободном судоустройстве; проект отличный, только школ нужно, хороших школ, и более. В одной немецкой газете после брани Франции, Пруссии и разным немецким королькам сказано: «одна Россия идет твердо и быстро по пути к прогрессу и делает дела на веки!» Вот как мы!

Но, увы, школьный проект плох из рук вон. К счастью, он неисполним. Я послал два письма в «Журнал минист. народ. просвещения» — и в последнем ругнул проект. Здешние школы, которые я объехал-таки, немецкие гораздо лучше французских, где все зубрятина господствует. Впрочем, из писем моих, если их напе-

чатают, узнаете о том подробнее. Теперь я занимаюсь — чем бы вы думали? Пишу библейские рассказы для детской книги, которую уже кончил, и это дело меня очень заняло; кажется, выходит сносно, без запаху поповщины. Прощайте, добрейший Михаил Иванович! Спасибо, что не забываете меня. Семья моя вам кланяется. Недавно слушаю — дети мои играют и во что же? Костя представляет Семевского. Преданный вам

К. Ушинский.

3.

Гейдельберг, 5 февраля н. ст. 1864 г.

Давно я не писал к вам, искренно уважаемый Михаил Иванович, но переписка прекращается легче, чем возобновляется; да и не о чем писать было: та улиточная жизнь, которую я веду здесь, ни для кого не интересна. Один из трудов ваших, «О школах в Псковской губернии», я прочел, получив экземпляр от Н. Ив. Пирогова, другой прочту также сам на-днях. Министерство выслало в здешнюю читальню все свои издания, между которыми чрезвычайно много любопытного. Прочел я вашу книгу с двояким интересом: один был возбужден во мне самим трудом, другой — личностью автора. Что касается до труда, то, без всяких лживых для вас похвал, скажу, оканчивая чтение с одного присеста, я подумал, как мало мы знаем нашу исполинскую Русь; как полезно было бы появление подобных описаний, как мало у нас людей, способных для того; как непонятно со стороны министерства не печатать таких статей в самом журнале, а издавать отдельными брошюрками, как будто украдкой. И мало ли сколько мыслей еще не возбудила ваша брошюра даже в моей усталой и засыпающей голове. В отношении автора я думал: как хорошо, что в нем растет живой педагогический интерес, что его, смутные прежде, педагогические понятия уясняются самою жизнью, что сообщит и его убеждениям практичность и жизненность,

как бы мне хотелось, чтобы последние оттенки рабства мысли перед известным кружком у него исчезли скорее, и он свободно вышел на дорогу самостоятельного сознания и т. д. Словом, ваша брошюра разбудила мой педагогический инстинкт на несколько дней, а это много говорит в ее пользу.

Рад я также, что вы не покинули вовсе своих педагогических занятий, хоть и узкое поприще деятельности! Неужели же министр, познакомившись с вами ближе, не мог чего-нибудь для вас придумать, что бы дало вам возможность не растрачиваться на мелочные статьи по журналам? Чудны эти господа! Все жалуются на недостаток людей, а не хотят протянуть руки человеку и помочь ему быть полезным для общего блага. Но я уверен, что это сделается и что мое желание сбудется, и вы подарите детей наших хорошими учебниками по русской истории. Как (*не*)велика у нас страшно педагогическая литературная деятельность по отечествоведению вообще и по истории в особенности! По немецкой истории в один год выходит более, чем вышло у нас от учреждения типографии. Здесь не пренебрегают лучшие умы трудом педагогической отделки науки, а наши, сомнительной учености, ученые смотрят на это свысока, а если берутся за дело, то оказываются страшными невеждами в педагогическом изложении предмета. Право, обратитесь на этот путь! Это полезно для вас и для всех. Прощайте. Преданный вам

К. Ушинский.

4. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО К Л. Н. МОДЗАЛЕВСКОМУ *

1

Интерлакен, 24-го августа н. ст. 1862 г.

·М. г. Л. Н. Письмо ваше искало меня довольно долго, потому что я переменил место жительства. Теперь я живу в Интерлакене; но 4-го сентября буду опять в Веве. Я действительно получил письмо от О. Ф. Миллера; но время его поездки еще с точностью не определено. Привез же это письмо ко мне Я. П. Пугачевский, который, прогостив у меня и пространствовав со мною по Швейцарии дней 15 не более, отправился посмотреть Париж, а теперь, вероятно, уже дает уроки в Смольном. Дела в Смольном идут попрежнему; инспектором туда назначен какой-то, мне совершенно неизвестный, г. Тимофеев, говорят, человек хороший,

*Письма К. Д. Ушинского к Л. Н. Модзалевскому за время с 24. VIII 1862 г. по 4. IX. 1868 г. опубликованы самим адресатом в журнале «Русская школа» (1893, № 7 и 8, «К биографии К. Д. Ушинского. Выдержки из его частной переписки»). Место хранения подлинников неизвестно. Как видно из заголовка, под которым опубликованы письма, они даны не полностью. Многоточия в тексте и нерасшифрованные инициалы, которые теперь поддаются расшифровке не сразу, говорят о том, что по тем или иным соображениям приходилось опускать не только имена, но целые фразы и даже разделы. Но и в такой форме «выдержек из переписки», письма Ушинского к Модзалевскому, его молодому другу и постоянному корреспонденту во время заграничных странствий, представляют большой биографический интерес, помогая вскрыть многие, из других материалов неизвестные подробности настроений и работы К. Д. Ушинского

но едва ли Мария Павловна * позволит ему что-нибудь порядочное сделать. Я получил также очень милое письмо от m-me Сент-Илер **, но от С. *** ни строки. Водовозов и Семевский, от которого также я получил письмо, также вышли в отставку. Семевский, повидимому, очень скучает. Жаль мне бедного Михаила Ивановича: он попал на настоящую дорогу, а между тем у наших «великих» педагогов не станет ни ума, ни смелости, чтобы оценить его по достоинству и поставить на ноги.

Вот и все новости Смольного, какие я знаю. О себе скажу, что провел это время гораздо хуже, чем надеял-

---

за время его заграничной командировки. Однакоже переписка эта требует пристального критического изучения, для которого не собрано еще достаточного количества материалов. Не найдены, напр., письма самого Модзалевского к Ушинскому. Возможно, что они были подвергнуты уничтожению вместе с другой перепиской Ушинского. Не изучена в надлежащей степени и личность самого Модзалевского. Мало известны самые обстоятельства переписки. Поэтому многое в письмах Ушинского может быть правильно понято только после комментариев, которые потребуют особого исследования.

Модзалевский Лев Николаевич (1837 — 1896) — педагог-словесник, преподававший в Смольном по приглашению Ушинского русский язык и словесность и бывший одним из наиболее популярных преподавателей института. Вместе с Ушинским вышел из Института и Модзалевский и некоторое время был прикомандирован от Министерства народного образования к ряду университетов за границей для изучения вопросов философии, психологии и педагогики, а также для собирания данных о западноевропейских школах. С 1854 г. Модзалевский много работал в Санктпетербургской военной гимназии. До отъезда своего на Кавказ в 1867 г. Модзалевский непрерывно поддерживал переписку с Ушинским. В 1866/67 г. вышли три выпуска составленного Модзалевским при одобрении Ушинского курса «Истории воспитания и обучения». Второе переработанное издание вышло в середине 70-х годов и третье в 90-х годах XIX столетия.

* М. П. Леонтьева — начальница Смольного института.

** А. К. Сент-Илер — инспектриса Александровского училища.

*** Вероятно, Д. Д. Семенов, преподаватель Смольного института при К. Д. Ушинском.

ся. Здоровье мое, против всякого ожидания, стало хуже, а недостатка деятельности и людей, к которым я привык, не могла мне заменить прекрасная природа Швейцарии. Я отдохнул душою только с приездом Якова Павловича, — дай бог ему здоровья! — а теперь принялся за труд, и мне легче. Пишу покуда детскую книжку: этот труд не превышает слабых сил моей расстроенной души. Если немного станет полегче, примусь за Педагогику. Заведений я осмотрел еще очень мало; но как только кончу питье сыворотки, так и поеду по Швейцарии, впрочем, — в два, три города, не более. Что видел, то недурно, но не оправдало моих ожиданий: какая-то усталость заметна во всех, а многое следовало бы еще сделать. До зимы я побываю в Гейдельберге и, если он понравится и медицина разрешит, то поселюсь в нем на зиму. Завидую вам, что вы живете в одном городе с Н. Ив. Пироговым. Для него одного стоит поселиться на зиму в Гейдельберге. Я никогда не видел этого человека, но едва ли есть кто-нибудь другой, которого я уважал бы более....

Я должен продержать курс виноградного лечения в Веве и, воспользовавшись этим временем, съезжу в северную Италию, если здоровье позволит...

К. У.

P. S. С 4 сентября нов. ст. адрес мой прежний, т. е. En Suisse, canton de Veaud, à la Tour de Peilz, près de Vevey, maison Chollet.

Очень бы одолжили меня, если бы написали: можно ли найти в Гейдельберге квартиру с мебелью, без обеда и проч. и теплую, что она стоит и вообще как там вам самим живется.

2

Веве. 3-го ноября 1862 г.

М. г. Л. Н. Много виноват перед Вами, что не отвечал вам так долго; но все это время я приискивал квартиры, которые, по множеству съехавшихся иностранцев,

все заняты, и только вчера, наконец, нашел сносную квартиренку в самом Веве, улица du Cloz, la maison de madame Tremblet.

Поступок Н. Ив. Пирогова * не мог увеличить моего уважения к нему только потому, что более уважать кого-нибудь, как я его уважаю, нельзя. Как бы я был счастлив, да и все порядочные русские люди, вероятно, еслиб эта поездка принесла действительную пользу итальянскому герою. Я не ожидал даже, чтобы .... ** надулся, и он, вероятно, поймет, сколько благородства в этом поступке; а впрочем, таким людям, каков Н. Иванович, нечего и думать об этом. Как бы мне хотелось видеть этого человека и познакомиться с ним, — вы, конечно, догадываетесь; но много было обстоятельств, которые не позволили мне перебраться на зиму в Гейдельберг.

Я отправил уже второе письмо в «Ж. М. Н. Пр.» о швейцарских школах и в последнем несколько затронул проект. Теперь только я прочел этот проект внимательно и теперь только увидел, что это за нелепая вещь, — просто набор фраз, так и дышащих словесным факультетом, не в обиду вам будь сказано. Сначала я было очень испугался, чтобы не утвердили такую штуку и не привели бы ее в исполнение; но потом, вчитавшись еще поглубже, успокоился — нельзя его привести в исполнение: он неисполним, а потому безопасен. Вреден только тем, что время уходит, а ничего порядочного не делается; только толкуют о пустяках. Нет, что вы ни говорите, Головнин человек умный — это верно; человек благонамеренный — это может быть, но он не на месте, и самое простое дело ему представляют в каком-то чудовищно запутанном виде и играют в слова, вместо того, чтобы делать дело; а жаль! Теперь именно настает время, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные — и

* Поездка в Италию для извлечения пули у раненого Д. Гарибальди.

** Александр II.

много, много школ: иначе и свобода крестьян и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, какую могли бы принести эти два истинно-великие шага вперед. В одной немецкой газете прочел я, после брани Франции, Пруссии и разным немецким князькам, следующие слова: «Одна только Россия идет твердыми и быстрыми шагами к прогрессу и делает дела на столетия», и нашел, что если это не совсем, то немножко правда; но школу, народную школу дайте ей! И тогда через тридцать лет станет она на прямую дорогу. Вас ждет, господа, лучшее время, чем то, в которое мы бились, как рыба об лед; готовьтесь же с любовью, с увлечением к тому великому поприщу, которое вас ожидает,— без утопий, но и без охлаждения, с верою в провидение и в человечество, в его божественное назначение — потому что *без веры ничего не сделаете*. Да и стоило ли бы трудиться для куска грязи, для живой плесени, заведшейся на земле, которая сегодня есть, а завтра не будет...

То, что привез мне С. И. * из русского педагогического мира, мало утешительно: видно, что «кто в лес, кто по дрова». Хотят чего-то особенного от русской школы, не понимая того, что законы души и ее развития везде одинаковы, и что народность нужна, необходима, но что она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а «до горы ногами» по малороссийской поговорке. Ради бога, не думайте, что великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует все начинать снова; так, вместо открытого судопроизводства, проект которого не чета проекту училищ, следовало бы выдумать какое-нибудь запертое и запечатанное.

Книги, посланной вами, я не получил, а хотел бы; за письмо Семевского благодарю. Я рад, что этот добрый человек, который, видно, считает своею обязан-

* С. И. — К. К. Сент-Илер (1834—1901), педагог, один из друзей и почитателей Ушинского. (В дальнейшем эти инициалы не поясняются).

ностью утешать меня в горе комплиментами, получил случай пристроиться и быть полезным.

«Детский мир» посылаю, если примут на почту; п зачем вы не пришлете мне вашего адреса и проч.

К. У.

Л. Н. Модзалевский

3

Веве, 6-го января 1863 г.

М. г. Л. Н. Много виноват перед вами, что так бесконечно долго не отвечал на письмо ваше. Но сначала я прохворал довольно долго, простудившись при возвращении из Женевы, а потом был занят оканчиванием известной вам книги, которую опять переделал с начала до конца и все еще не окончил. Спешу потому, что в

начале марта думаю снова пуститься в объезд уже по Германии, а в мае придется и в Петербург, откуда я, впрочем, опять думаю воротиться, но своими деньгами или с помощью казны, уж не знаю; знаю только, что семью мою оставлю здесь, а может быть, в Гейдельберге или Штутгарте. Если бог даст здоровья, то надеюсь скоро увидеться с вами. Не будете ли вы в Гейдельберге, или думаете куда-нибудь переехать? Мне бы очень хотелось не разъехаться с вами.

Зима у нас была очень кроткая, но теперь начались дурные дни и слякоть. Снегу почти не было, и только горы вокруг белехоньки.

Что Варенцов? * В Гейдельберге ли, и могу ли я найти его там в марте? Это необыкновенно симпатическая личность и, видев его раз, не легко потом забудешь. Где бродит С. И. и будет ли в марте Пирогов в Гейдельберге? Не хотелось бы выехать из-за границы, не видав этой личности, о которой так много думалось и которой так много сочувствовалось. Читали ли вы мои письма в журнале Министерства и как они вам показались? Я получил их оттиски, просмотрел и нашел, что они вышли гораздо лучше, чем я ожидал. Еслиб они печатались при мне, то они не были бы так растянуты. Однакоже, я доволен тем, что в них найдут много полезного те преподаватели, которые хотят улучшить свой способ преподавания. Это главное, потому что иметь влияние на сильных мира сего нечего и думать. Пиши там, что хочешь, а они все-таки распорядятся так, как сложатся обстоятельства и как натолкуют ближайшие.

Если ваша статья уже напечатана и вы имеете с нее оттиски, то, сделайте одолжение, пришлите. Где вы собственно были и что описали? Я бы туда уж не поехал.

---

* В. Г. Варенцов—бывший профессор Казанского университета, потом окружной инспектор в г. Казани, а в 1863 г. помощник попечителя Одесского учебного округа, занятый подыскиванием профессоров для предположенного к открытию университета в г. Одессе.

Есть ли в Гейдельберге женские учебные заведения, которые стоило бы посмотреть? И тепло ли было вам там зиму? Теперь следует мне выбрать место для семьи на полгода, чтоб было дешево и сердито. Кто советует Штутгарт, но другие пугают, что там на иностранцев нападают нервные горячки; кто советует Карлсруэ; иные Веймар. В Веймаре действительно недорого; но зато и скука же безвыходная, особенно для людей, плохо обладающих немецким языком.

Прощайте и проч. *К. У.*

4

Веве, 17-го февраля 1863 г.

М. г. Л. Н. Вот и опять я только-что встал с постели и могу отвечать вам именно лишь двумя словами. Хотя я и собираюсь к вам в Гейдельберг, но бог знает, когда буду в силах; а потому поспешите прислать мне, что считаете необходимым, особенно статьи Семевского. Я получил от него письмо, но еще не отвечал ему, ибо был болен. Адрес мой: A Vevey, maison Tremblet, rue du Cloz.

Ах! как бы мне выбраться отсюда живому! Этот климат меня окончательно расстроил. Поспешите присылкой, я же у себя не задержу и проч.

К. У.

. . . .

5

С.-Петербург, 11 го июня 1863 г.

М. г. Л. Н. Извините, что, захлопотавшись в Петербурге, я несколько замедлил вам ответом. Я был у Головнина, говорил о делах... впрочем, никто здесь и сам ничего порядочно не знает. Место С.-И-у Министерство обязано устроить, как сей последний желал; а А. предстоит быть инспектором семинарии, которую ми-

нистр хочет образовать в одной из западных губерний, еще опустелой от побегов гимназистов.

Был раз у m-me Сент-Илер, и дети меня встретили поистине трогательно, из этого возник длинный ряд неприятностей со стороны Леонтьевой.

Прощайте, мой добрый Л. Н., мы с смолянками и вас помянули и проч.

К. У.

6

Гейдельберг, начало августа 1863 г.

М. г. Л. Н. Я не совсем виноват, что не отвечал вам ни на одно письмо ваше; во-первых, я получил их все вместе уже при самом выезде из Малороссии, а во-вторых, надеялся скоро свидеться с вами. Вчера я приехал в Гейдельберг и спешу писать к вам, чтобы также *возможно скорее* получить от вас ответы на следующие вопросы: 1) Долго ли вы пробудете в Иене? 2) Намерены ли там пробыть зиму? 3) Когда дети Стоева института отправляются странствовать и могу ли я еще теперь привезти Пашу? 4) Что возьмет Стой за полгода содержания Паши? Я думаю оставить его, по крайней мере, на год у Стоя; но, принимая в расчет неопределенные нынешние политические обстоятельства, могу его взять и очень скоро. Хотя, конечно, дело поворачивает на мир, но война все еще может разыграться, и тогда мы будем принуждены воротиться в Петербург. Может быть, Стой, приняв во внимание все эти обстоятельства и из расположения к вам, согласится взять деньги только за *треть* года, и то не очень большие... Обо всем этом переговорите, сделайте одолжение, и напишите немедленно, а по получении вашего письма мы через два дня будем в Иене...

Оказывается, что Головнин прежде всего хлопочет, чтобы сохранить свое министерское место. При свидании могу сообщить вам много интересного о матушке Руси; но теперь спешу отправить письмо и прошу вас не замедлить ответом и проч.

Адрес наш: Heidelberg, Theater-Strasse, N 7, Pension Erhardt.

7

Гейдельберг, август 1863 г.

М. г. Л. Н. Очень вам благодарен за скорый и точный ответ ваш на письмо мое; но, сообразив все обстоятельства и значительную цену, которую берет г. Стой (с побочными издержками до 400 талер. — цена наша русская!), я решился распорядиться иначе. Думаю посылать Пашу в здешний лицей, который здесь очень недурен (я был там на экзаменах), для слушания латинского и немецкого языка, остальные же предметы устроим дома.

Завтра я пускаюсь в педагогическую поездку через Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Вейссенфельс, проеду и в Веймар; но сама сложная поездка не дает мне возможности с точностью определить время, когда я буду в Веймаре; вижу только, что в первых числах сентября. Постараюсь вас уведомить из Лейпцига более определенно; но вы, сделайте одолжение, не стесняйтесь нисколько и располагайте вашим временем, как хотите...

8

Гейдельберг, 3-го сентября 1863 г.

М. г. Л. Н. Мне очень досадно, что я, может быть, заставил вас прождать себя несколько дней в Иене и понапрасну. Но случай такой вышел: проезжая из Мюнхена в Лейпциг, я простудился и в Галле так захворал-было, что сел в вагон и продрал прямо домой, где и нашел ваше письмо. Теперь мне лучше, и мне сильно досадно на себя, что боязнь расхвораться в дороге лишила меня возможности повидаться с вами.

Благодарю вас от всей души за участие, которое вы приняли в Паше; но на этот год, пока моя судьба еще не решена, я раздумал отдавать его в заведение, подоб-

ное Стоевскому, в котором все рассчитано на долгое пребывание мальчика, как я убедился, рассмотрев внимательно классные программы в годовом отчете. На этот год я устраиваю так ученье Паши. Он будет ходить в лицей и слушать там латинский и немецкий языки, которые, сколько я видел на экзамене, преподаются здесь хорошо. Кроме того, я беру домашнего учителя математики, так как в этом предмете Паша ушел далее лицеистов; сам займусь законом божиим и географией, а русским языком займется ваш брат, к которому немедленно пишу, чтобы он выезжал из Петербурга...

К. У.

P. S. В эту поездку мне удалось проникнуть в католические женские училища и женские семинарии. Некоторые очень недурны; особенно в Аугсбурге, в монастыре Св. Урсулы. Здесь Frau priorin Aquinata и ее ученицы монахини меня просто очаровали. Понятия отличного педагога с самым свободным образом мыслей и действий — и католическая монахиня в своем белом странном костюме, говорящая с посетителями не иначе, как через решетку, — долго не могли уместиться у меня в голове...

9

Гейдельберг, 11-го ноября 1863 г.

М. г. Л. Н. ... Из России никаких новостей, кроме печальных семейных, не имею; даже неизменный мой Яков Павлович *, и тот стал писать крайне редко. Если вы имеете какие-нибудь новости из России о наших общих знакомых, то поделитесь со мною. Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные тоненькие связи мои с Русью порвутся, и я останусь где-нибудь в Ницце или Женеве, как островок, затерянный посреди океана. Грустно что-то, а может быть, оттого, что погода прескверная, дождь, ветер,

* Я. П. Пугачевский.

даже гор не видать, и только машина свистит в урочные часы: кой чорт ездит в такую погоду!... Я вот собирался в Штутгарт, да никак не соберусь.

Да, кстати, еще одна грустная новость: Помяловский помер... Живо представился мне этот голубоглазый бледный молодой человек — ему не было еще и 30 лет! Несчастливится «Современнику»!

У Пирогова бываю по субботам; заглядываю и в читальню, но больше сижу дома, пишу немного, уже окончательно переписывая свою книжонку, после которой сделаю окончательный прощальный поклон детской литературе, а более — читаю, погружаясь в неисчерпаемые глубины немецкой философии, а книги то и дело подваливают мне не один, а целых три гейдельбергских книгопродавца; даже я выбранил последний раз носильщика, но, конечно, по-русски, на что он мне улыбнулся любезнейшим образом.

В. встречаю беспрестанно до того, что не только моя рожа ему, но и его, шиллеровская, страшно мне надоела: мы, кажется, кончим тем, что раззнакомимся.

Но вы, вероятно, спросите, что же о статье прималчиваю я? Увы, она и до сих пор лежит в ящике. Прочитав еще раз, я раздумал посылать, совестно было также, что вы напрасно трудились (над ее прочтением). [Катков и сам знает, что он..., и все, даже поклонники его, в глубине души в том уверены. Что же я за дурак, чтобы говорит то, что всем известно?]* Терпеть не могу *печатной* полемики и тем еще раз доказываю, что «не от мира сего есмь». Кстати, уж и бранят его в «Современнике»; не поздоровится же Воронову от таких защитников...

К. У.

---

* Взятое в квадратные скобки место из письма К. Д. Ушинского при публикации его переписки в 1893 г. было исключено но цензурным соображением. Однако же оно сохранилось в статье Модзалевского (газ. «Кавказ», 1881, № 259 и сл.) и потому восстанавливается в настоящем издании.

10

Гейдельберг, 11-го ноября 1863 г.

Сейчас еду в Штутгарт, а потому и не могу писать вам длинного письма, чтобы объяснить, почему не послал своей статейки. Скажу только, что на другой день по выезде вашем прислал мне Н. Ив. Пирогов статью из «Голоса», присланную ему министром, из коей я усмотрел, что между Министерством и Катковым идет какая-то *тайная* борьба, причин которой мы не знаем, а только догадываюсь, что Катков нападает на партию, которую и я не намерен защищать, хотя нападать подло, и вредит хорошему делу. Но впутаться в спор, которого не понимаешь, и смешно, и может оказаться очень глупым. Чорт их знает, за что они сцепились; но только Министерство защищается очень слабо. Катков нападает также, между прочим, на личности, посланные заграницу, не упоминая, впрочем, имен. Пирогов также соглашается, что выбор был часто делаем необдуманно. Он тоже не советовал мне вмешиваться в *непонятный* спор. Катков громко требует свободы печати, чтобы обнаружить ловких людей и их *польские замыслы*. Тут сам чорт ногу сломит!..

Посылаю вам июльскую книжку «Журнала Министерства Народного Просвещения» через *Биспена*, ибо самому нет времени...

Получил много детских книг из России — дрянь невообразимая. Книжка же Перевлесского[a] — просто невообразимое безобразие.

Будьте здоровы; пишите, пожалуйста. Я с наслаждением читаю ваши письма и проч.

К. У.

P. S. Переделываю слегка русские сказки и немецкие рассказы на лад русских сказок. Действительно,

---

[a] В это время известный составитель грамматик Перевлесский издал «Предметные уроки» по тогдашнему новому и, так сказать, «модному» методу, которому К. Д. никогда не сочув-

иные русские сказки — просто прелесть! Поэзии и здорового юмора — бездна! Я только теперь разнюхал, что это за сокровище для детской литературы. Меня обратили к ним мои же дети — вопросами и замечаниями. Они показали мне, что и переделать нужно.

11

Гейдельберг, 9-го декабря 1863 г.

М. г. Л. Н. По желанию вашему, возвращаю ваше письмо С. И. Оно меня очень заинтересовало и как человека учебного, и как малоросса. Я прочел его Н. Ив. Пирогову, и оно послужило темою для самых оживленных бесед, из которых я узнал много любопытного о Киевском учебном округе.

Да, не весела вообще теперь участь истинных педагогов нечиновников. Министерство своим неуменьем дело делать и своею хвастливостью, кроме правительства, подняло против себя целую тучу, вонючую, но грозную тучу... и теперь ему не справиться. Что положение министерства шаткое — это не трудно видеть. Но собственно дурного в нем то, что оно держится К<онстанти>новской партии. Участь этой партии, впрочем, еще не решена, и может быть, по усмирении Польши, она опять всплывет наверх. Я ее не жалую более по какому-то инстинкту, чем вполне сознательно, и, может быть, потому, что все орудия ее — безидейные чиновники, т. е. самый вредный народ.

Из Питера новостей получил мало, кроме разве той, что Марья Павловна окончательно спятила с ума, да это для меня давно не новость. Сами классные дамы рассказывают о ней ужасы, а с одним новым учителем она поступила как было с Водовозовым (учитель Томсон?),

---

ствовал, как пустой болтовне. Признавая значение наглядности, он требовал также точности и ясности в мышлении и выражении; «Предметные же уроки» вели к поверхностному всезнайству. (Примечание Л. Н. Модзалевского.)

и кн. Мещерский[a] хочет ее заставить просить у него прощение. Фу, какая безвыходная пошлость!

Я опять, по обычаю, было прихворнул. Собираюсь в Италию и в конце месяца выеду...

К. У.

12

Гейдельберг, 4-го февраля 1864 г.

М. г. Л. Н. Много виноват перед вами, что не отвечал вам на письмо и не выезжал из Гейдельберга, где безденежье задержало меня до морозов, а потом нельзя уже было и выехать. Впрочем, не жалею, потому что нам пишут, что и в Италии зима была прескверная. Теперь поеду по южной Франции, погляжу и там на школы, но к празднику буду дома, и вы своим приездом обрадуете искренно и меня, и всю мою семью, потому что мы полюбили вас от души, как близкого родного.

Головнин предложил мне взять на себя неофициальным образом «Журнал М. Н. Просвещения», переменить ему заглавие и издавать, как частное издание, с поддержкою от правительства. Я, конечно, отказался от этого неразумного предложения, ссылаясь на здоровье, но отказался бы и потому, что скорее мог принять на себя открыто издание официального журнала, чем делать это под рукою.

Н. Ив. Пирогова я вижу довольно редко. Он пишет какую-то медицинскую книгу для немцев и уже начал печатать. Ваша мысль издать для русских учителей нечто вроде Wegweiser'а едва ли может осуществиться. Это уже зрелый плод, а у нас еще азбуки-то педагогической не знают...

Мы получили здесь в читальню все издания Министерства, и есть вещи прелюбопытные; так, напр., два

---

[a] Тогдашний почетный опекун по учебной части, которую он старался оградить от посягательства на нее начальницы М. П. Леонтьевой, бывшей уже в самом преклонном возрасте. (Примечание Л. Н. Модзалевского.)

тома статей, запрещенных цензурою (sic!). История русской цензуры весьма откровенная. Получили и кое-что еще, и проч.

К. У.

13

Гейдельберг, март 1864 г.

Добрейший и многоуважаемый Л. Н. Прежде всего в ответ на письмо ваше спешу вас уведомить, что Пироговы думают уехать 15-го или 16-го марта в Берлин, и если хотите видеться с ними, то так распорядитесь и приездом вашим.

M-me Пирогова хочет кому-то рекомендовать определить своих детей к Стою, а потому ждет, что вы сообщите ей все условия приема вообще и в особенности об оплеухах [a]; даются, не даются ли они, с немецкой аккуратностью, или как-нибудь нелепо, по-русски.

Пишу к Вам, лежа в постели, ибо уложил медик! Ужасно противно так хворать беспрестанно. Да! В Петербурге по части педагогики ничего утешительного. Я уж и не понимаю, что там делается?! Прощайте, до свидания!

К. У.

14

Гейдельберг, 14-го апреля 1864 г.

Благодарю Вас от всей души, добрейший Л. Н., за извещение ваше... Приезжайте поскорее, чтобы Пашута мог явиться в Иену к 19-му числу!.. Уезжая, сделайте

---

[a] Пощечина, как мера наказания, вовсе не составляла принадлежности именно Стоевского института, а была теоретически признаваема и практически применяема во всех тогдашних учебных заведениях Германии, и притом в известной градации: I) от учителя, II) от директора: 1) наедине, 2) перед классом, 3) перед конференцией и т. д., с подразделениями на шесть степеней. (Примечание Л. Н. Модзалевского.)

одолжение, не забудьте осведомиться, нужно ли Паше постельное белье, или постель с бельем дается от пансиона, и если нужно, то какое; а также нужны ли полотенца и салфетки; все это, конечно, мелочи, но необходимые.

Ко мне здесь приезжал попечитель Одесского округа — Арцимович, который ищет профессоров для будущего университета. Он взял от Пирогова записку о всех лицах, могущих для этого годиться, и в том числе и о вас, надеясь вас найти в Гейдельберге... Но он не имеет еще права делать формальных предложений, а так только осведомляется, и если наберется достаточное количество профессоров (что сомнительно), то приступит к открытию Одесского университета. Я, впрочем, что-то плохо этому верю; как тут открывать новый, когда и все старые пусты.

В ожидании видеть вас лично, остаюсь с искренним уважением душевно вам преданный

К. У.

15

Гейдельберг, 30-го апреля 1864 г.

М. г. Л. Н. От всей души благодарю вас за хлопоты, которые вы приняли на себя по помещению моего Паши, и за подробное письмо, в котором вы выказали такое знание материнского сердца и своими ответами предупредили его вопросы. Если я не отвечал вам немедленно, то это потому, что в день его получения у нас была большая сумятица: решалась наша поездка или в Висбаден с Ждановичами, или в Страсбург одних. Кончилось дело только тем, что Жданович с женою, которая все дичится, поехали в Гамбург, а мы в Страсбург, откуда и воротились только вчера вечером. Я очень доволен своею страсбургскою поездкой, потому что успел осмотреть там две нормальных школы, мужскую и женскую, приют, первоначальную школу девочек и один частный пансион; кроме того, приобрел несколько сочинений и инструкций, знакомящих меня с французским

женским образованием. Если присоединить к тому то, что я видел в Париже, то выходит, что незачем было бы и ехать во Францию, ибо там женское образование еще в большем забросе, чем мужское. Кроме весьма плохих первоначальных школ и женских нормальных школ, правительство не сделало там ровно ничего для женского образования, а оно все находится там или в руках монастырей, или у частных спекулянтов. Очень замечательны наставления учителям и прежние педагогические учебники для семинарий, изданные разными членами учебной администрации и предписанные к руководству. Можно только удивляться, как хорошо защитили себя французы от всякого влияния педагогического духа Германии, и особенной даровитости французов сравнительно с немцами.

Сегодня мы хотели ехать в Штутгарт к обедне (завтрашней), но утро такое пасмурное и холодное, что не знаю еще, как это устроится. Дня через два или три, если только не захвораю, пускаюсь на север и думаю пробраться в Бельгию, откуда рассчитываю еще раз воротиться в Гейдельберг и потом уже пуститься к вам в Иену, о чем напишу предварительно.

Поздравляю вас с русским нашим праздником, который здесь мы знаем только по календарю. Передайте от меня прилагаемый талер Паше на праздник. Очень буду рад за него, если он побывает в Веймаре в церкви. До свидания, добрейший Л. Н., и прочее.

К. У.

16

Гейдельберг, май 1864 г.

Очень благодарен вам, добрейший Л. Н., за письмо ваше, нас успокоившее; а мы, не получая так долго писем, начинали уже беспокоиться. Я только-что хотел выехать в Бельгию, как простудил горло, и должен был дня три обождать — беда просто с таким кислым здоровьем!

Ваше известие о предположенной к изданию педагогике от Ученого Комитета так меня заняло, что я достал журнал и прочел там:

Общая часть поручается одному лицу, а специальная, дидактика — специалистам. Кто этот таинственный незнакомец, которому поручается общая часть и который, без сомнения, уже найден, иначе бы Воронов * и проекта не предложил — неизвестно; а от его личности зависит, без сомнения, и весь успех дела. Но вообще я плохо верю в возможность «артельной» педагогики, которая все же в основании наука философская, и потому требует единства идеи. Но — бог с ними! Это меня не касается.

Мы прожили последнее время довольно не скучно. Собирались раз на русский пикник в отеле «Виктория», где дамы и девицы даже потанцовали; а потом были приглашены также с дамами... угадайте куда?.. К Комарову! Вообще, познакомившись с Ждановичем, мы познакомились почти со всем русским Гейдельбергом. Завтра, впрочем, Ждановичи уезжают в Цюрих; а жаль! потому что это было развлечение для жены, да и я хорошо сошелся со Львом Ивановичем. Но он бежит от гейдельбергских развлечений, которые, действительно, мешают ему заниматься. Теперь занимаюсь французской педагогикой. Я приобрел несколько новых по ней сочинений и нашел много замечательного, но и невежества еще больше...

Когда буду к вам — не знаю; но не ранее, как около 25-го числа здешнего мая, и уведомлю вас заранее. Бывшая хозяйка наша Фёстер подала на нас в суд просьбу — хочет, чтобы мы заплатили за новую обивку всей мебели, хотя получили мы ее всю старую. Я пойду посмотреть, что за немецкие судьи, и это добавит еще интересную черту к их характеристике.

До скорого свидания; поцелуйте за меня Пашуту, к которому я недавно писал: передайте мой поклон Ч. и проч.

К. У.

P. S. Из России известий никаких; но есть верный

---

* А. С. Воронов — председатель ученого комитета при Министерстве народного просвещения.

слух о том, что государь и государыня едут в Киссинген.

Вышло в свет сочинение Пирогова — книга толстая! Но — не про нас писана, хотя я даже видел, как он ее писал.

Довольно вероятно скорое снятие предварительной цензуры.

17

Гейдельберг, 31-го мая 1864 г.

Очень Вам благодарен, добрейший Л. Н., за ваше уведомление о Паше. Это правда, что я не рассчитывал так долго оставаться заграницей; но здоровье и в особенности погода (в Берлине на-днях шел снег, а в Париже ни одного листа на березе) задержали меня против воли. Я хотел воспользоваться этим временем и съездил в Бельгию, из которой воротился в воскресенье; вчера съездил в Мангейм, где нашел очень хорошую женскую школу. Сегодня же захворал по обычаю. Вы видите, что при таком кислом здоровье нельзя рассчитывать времени вперед; но думаю, отпраздновавши здесь мои именины, выехать в пятницу вечером или в субботу утром. Может быть, я уведомлю вас по телеграфу, чтобы вы приехали с Пашей в Веймар, где нам с женой хотелось бы побывать у обедни.

До свидания, дай бог, чтобы до скорого и проч.

К. У.

Пашу за меня поцелуйте. Портрет его очень неудачен. Дети были очень рады присланным картинкам и берегут их; только Воля свою уже разорвал.

18

Петербург, 25-го июня 1864 г.

Простите меня, добрейший Л. Н., что я не писал к вам так долго; но мне хотелось узнать сначала все основательно и тогда уже познакомить вас с здешним порядком дел.

Министру, кажется, мало дела до пользы дела; он весь занят только одною мыслью, как бы ему выкрутиться из тех тисков, в которые его поставили собственные промахи, злоба товарищей и Катков. Но едва ли это ему удастся. Он похож теперь даже и по виду на муху, теряющую последние силы, чтобы выбиться из паутины... а паук уже подходит, но кто этот паук — еще неизвестно. Говорят, Танеев... это будет промен «шила на мыло». Дела министра крайне плохи. Он сам, видимо, потерялся; но может просидеть еще несколько времени, так как долго будет итти битва за наследство.

Он опять предлагает мне издание частного педагогического журнала с помощью от Министерства, я... сказал, что подумаю, но не обещал, так как здоровье мое крайне расстроено. Не пишу вам о других делах по просвещению, потому что было бы очень длинно, а мне некогда, да и вы скоро приедете, все сами узнаете. Скажу только, что дело с классическими гимназиями вышло презабавное. Сначала, как вам известно, министр был реалист, желая подделаться к либеральному духу, и такой и проект составил; потом, под влиянием катковских пинков и строгоновских назиданий, стал классиком; внес и такой проект в Государственный Совет, но, к ужасу его, Совет большинством голосов стал за реализм — этого уж Головнин не ожидал! Таковы, по крайней мере, слухи.

Р. в восторге от ваших статей и отчетов; говорит, что министру они очень понравились; а я везде, где могу, отдаю полную справедливость вашим заграничным трудам.

Передайте мой поклон Ч., поцелуйте Пашутку и передайте ему мою записочку, поздравление и книги на именины. Не можете ли через кого-нибудь достать мне программу женской семинарии, той, что возле Цейкса: она мне очень нужна. Напишите туда; адрес: Droyssia Lehrerinn-Semin. bei Zeux. Сделайте одолжение. Да, проезжая через Веймар, приобретите для меня экземпляр атласа детских работ по Фребелю, изданный

в Веймаре, но кем — забыл, а вы верно помните. Получили ли вы микроскоп? Прощайте и проч.

К. У.

Адрес мой: Павловск, Матросская слобода, Зверинецкая улица, дом Выжигина.

19

Гейдельберг, 29-го декабря 1864 г.

М. г. Л. Н. Вы позволили мне утруждать вас иногда своими поручениями. Пользуюсь вашим позволением и посылаю вам в двух конвертах мою статейку под заглавием «*Одна из темных сторон в германском воспитании*». Прошу вас покорнейше поместить эту статейку в «С.-Петербургских Ведомостях», если они могут это сделать в течение недели. В противном же случае прошу поместить ее или в «Голосе», или в «Инвалиде», смотря по тому, где можно сделать это скорее. Кроме платы, прошу вас покорнейше выговорить для меня 20 отдельных оттисков. Если неудобно будет поместить в газете всю статью разом, чего бы желал, то можно ее разделить лишь на две части.

Вы уже, может быть, знаете от Я. П. Пугачевского, что позднее время года и боязнь не найти в Вене удобной квартиры засадили нас еще на зиму в Гейдельберге, который сильно всем принадоел. Я все еще не теряю надежды уехать, но уже один, в Ментону, что возле Ниццы; но если вы захотите порадовать меня письмом своим, то адресуйте в Гейдельберг, Theater-Strasse, № 7 (bei Erhardt).

Пашу я оставил до весны у Стоя. Я очень доволен здоровьем мальчика, видимо окрепшим. С. мне очень также понравился. Он кланяется вам и сетует, что вы ему не пишете, даже не уведомили о получении книг. Общество русское здесь велико, но не дружно, все партии и какие-то ссоры. У нас были только кн. Мещерский и Жданович, который в январе думает переехать в Пра-

гу. Комаров почему-то не показывает носа, а с остальными я вижусь, и то редко, в читальне.

Тружусь, сколько позволяют силы. Собираю материалы для педагогики. Холода стояли все очень сильные. Вот уже недели две градусник не поднимался выше шести град. ниже 0.

Как-то вы поживаете? Что ваши занятия и ваш театр?.. и проч.

К. У.

20

Гейдельбсрг, 7-го мая 1865 г.

Напрасно вы думаете, многоуважаемый Л. Н., что мое молчание было рассчитанное. Мне просто не об чем было и писать. Вы сами знаете, какую уединенную жизнь веду я заграницей, так что, кроме моих внутренних интересов, ни для кого не занимательных, других не имею, а потому часто и затрудняюсь о чем писать.

Благодарю вас от всей души за ваши хлопоты по получению моей статейки, а равно и за присланный ответ петербургских немцев. В этом ответе еще менее смысла и более бессовестности, чем в первом нападке, и легко бы уличить *русского гражданина и немецкого патриота* в явной и наглой лжи, если бы были у меня под руками нумера «Немецких ведомостей» и «Русского инвалида», где вся эта глупая история началась, но, к сожалению, они остались у Ореста Федоровича Миллера. Если он еще не затерял их, а вы будете так добры, что отыщете их и перешлете мне, тогда я напишу пару слов. Я докажу ему, что он извратил слова «Инвалида», приписал мне мысли, которые фельетонист высказывает сам за свои; что я нигде не нападал на немецких учителей и даже не говорил о них, так что слова Дюрюи вовсе приведены не к месту, и что, наконец, немецкий фельетонист назвал себя несколько раз wir russen, хотя теперь и отрекается от своих слов.

Впрочем, этот господин такой чисто немецкий б⟨олтун⟩, что и говорить ни с ним, ни о нем много не стоит.

Очень рад буду увидеться с вами здесь. Вероятно, я буду в Гейдельберге, если не уеду пить сыворотку в Швейцарию. Семья же моя во всяком случае останется и будет сердечно рада видеть вас еще в своем кругу. Напишите два слова, приехавши в Лейпциг, и проч.

К. У.

P. S. Получил ли две мои статьи Вессель*? Отчего он не уведомил меня?

21

Веве, 30-го марта 1866 г.

Очень благодарен вам, уважаемый Л. Н., что вы вспомнили обо мне...

О петербургских учительских семинариях я только знаю, что они существуют, и более ничего: ни устав их, ни программы мне неизвестны.

Вы знаете (если еще не забыли) мое убеждение насчет семинарий, и хотя это убеждение не нашло себе отзыва у нас, но я, тем не менее, остаюсь при нем и думаю, что у нас прежде всего недостает педагогической идеи, из которой, как из здорового корня, могли бы развиться все педагогические улучшения, а плодовитая педагогическая идея, по моему мнению, может быть развита *только в университетах* на прочном основании науки. Вековой традиции, которая, главным образом, ведет дело на Западе, у нас нет, да и идеи, основанной на научном сознании, тоже нет, а потому я полагаю положительно невозможным образование у нас в настоящее время действительных и хороших учительских семинарий. Но это, конечно, не мешает учреждению необходимых школ для дрессировки в дидактической практике, и устройство таких школ, всего ближе, конечно, должно определяться назначением учителя, если он будет

* Н. Х. Вессель (1834—1906) — педагог, редактор «Педагогического сборника», в котором, начиная с 1864 г., Ушинский печатал отдельными статьями свои очерки по педагогической антропологии.

только учить читать и писать, то и следует прямо приучать его к этому нехитрому мастерству; а если для этого выбирается еще определенный учебник, то дело еще более упрощается.

Написать педагогику для подобных учительских школ я бы не взялся, потому что не понимаю, в чем она состоять может, да и в Германии не нахожу для этого порядочных образцов, а потому и вам не могу подать хорошего совета. Собрание кое-каких дидактических правил — дело еще возможное, если полезное.

Впрочем, я никак не считаю своего мнения непогрешимым, и там, где я не вижу никакой дороги, другие могут найти широкую и удобную.

Вы спрашиваете, когда я буду в Петербурге? Вероятно, в начале будущей весны, но и то очень ненадолго, так как служить я более не намерен, да и мой характер, всегда шероховатый, так одичал здесь, что, без сомнения, не придется по петербургской жизни. Где же устроюсь — еще и сам не знаю. Может быть — в Москве, если не в Киеве.

Теперь я собираюсь сделать маленькую поездку по Италии. Совестно же быть так долго вблизи Италии и не видеть ее... Жена и дети просили меня передать вам сердечный поклон. Пашута здесь ходит в Collège и дома учится. Дело идет изрядно. Сто̀ю за Пашу я очень благодарен и проч.

К. У.

22

Веве, 21-го мая 1866 г.

Весьма благодарен вам, многоуважаемый Л. Н., за пересмотр корректуры «Родного Слова», этот пересмотр меня очень затруднял, да и вам, без сомнения, при ваших многочисленных занятиях, был не легок.

Что касается до глупой статейки «Петербургских Немецких Ведомостей», то я нисколько, без сомнения, не

интересуюсь, что говорит обо мне с.-петербургская немецкая газетка. Может ли кого-нибудь интересовать газета, издаваемая для немецких сапожников, еще не успевших, по своей чисто немецкой тупости, выучиться по-русски? Кто же не только из русских, но даже порядочных немцев, понимающих, что в России честный человек должен быть русским, станет читать эти плохие переводы с русского языка на немецкий с примесью острот старого немецкого учителя? Я ни разу не отвечал, да и не буду отвечать этим защитникам немецкой национальности в России,— национальности, которая, как оказывается, не существует даже в Германии, несмотря на огромное количество пива, выпитого в честь gemeines Vaterland. Я писал статейку о женском воспитании в Германии и в конце упомянул о пошлой выходке С.-Петербургской немецкой газеты, но ей я не отвечал и отвечать не буду. Это тем легче для меня и потому, что я ее никогда не читаю.

Но довольно об этой дичи, *хотя я прошу вас хоть просто заявить, что статья, приписанная мне «С. П. б. Вед.»,— не моя*; пусть они сами хоть почувствуют, какую глупую роль сыграли.

У вас теперь по случаю перемены министра, да еще такой перемены, без сомнения, много новостей из педагогического мира. Не соблаговолите ли передать их мне хоть в кратких словах, да кстати приписать уж и ваш адрес, чтобы я мог отвечать вам прямо. Что Андр. Ст. Воронов? Что Рехневский? Что педагогическое общество? Я полагаю, что гр. Толстой «сильно не любит всякой педагогики» и что прийдет на нее гонение, да и пора! Уж много наделали и слишком далеко ушли...

Прощайте и проч.

К. У.

P. S. Где Ник. Ив. Пирогов? Я только что воротился из Италии и в восторге от этой прекрасной страны; браню себя сильно, что прожил в Германии. Вот где не любят немцев! — что, конечно, подымает в глазах моих на 20% и без этого прелестную Италию.

Что С.? Ш.? и вообще наш прежний кружок? Всем мой поклон.

23

Vevey, 9-го декабря 1866 г.

Многоуважаемый Л. Н.... Педагогической статьей моей в «Отечественных записках» я сильно недоволен. Редакция отняла ориентирующее читателей начало (Нельзя ли сохранить рукопись? Это начало мне необходимо для книги) — и статья вышла какая-то оборванная. Впрочем, я и не думал разбирать серьезно *идеальной школы*: где же теперь идеалисты? Сражаться не с кем. Далее будет получше.

Книга моя подвигается к концу, но подвигается очень туго по многим причинам. Во-первых, потому, что я теперь учу сам и Пашу, и девочек. Во-вторых, и потому, что на солнце 15 и 17° тепла, следовательно, было бы преступлением не гулять. В-третьих, наконец, и всего более потому, что пришла глава о чувствах — предмет наиболее запутанный и наименее отделанный во всех психологиях, начиная с аристотелевской и оканчивая Бэном и Браубахом. Чорт знает, что за путаница! Не знаю, как и вылезу.

Что Водовозов? Жаль мне его очень, но сам виноват.

Передайте мой почтительный поклон супруге вашей и не забывайте и проч.

К. У.

Адрес мой: En Suisse, Vevey, maison Quinclet.

P. S. Что же ваш второй том истории педагогики? Если вышел — пришлите. Как я рад, что вы вашей книгой даете мне возможность выпустить в моей «Антропологии» весь отдел истории педагогики. Я прямо на вас и сошлюсь, а то моя книга и без того выходит отвратительно громадная.

На-днях посылаю статейку в «Голос», где еще царапну модное наше направление.

Что новенького в педагогическом и литературном мире? Не откажите черкнуть страничку...

Говорят, г. П. опять обо мне упоминает, эк я ему дался! Не займется ли он лучше изданием Тредьяковского, или «Гражданскими мотивами» на современный лад. Неужели ему нельзя обойтись без меня? Но если уж этого невозможно, то пусть лучше ругает; я ничего так не боюсь, как его похвалы.

24

Павловск, 4-го сентября 1868 г.

М. г. Л. Н. Очень вам благодарен, что вы вспомнили меня и подарили нотами мое «Родное слово». К сожалению, я не могу теперь же внести их в текст, ибо он уже набран для печати новым изданием. Но не желая, чтобы ноты эти пролежали с год, когда я их внесу при следующем издании, я теперь же отпечатаю их отдельной маленькой книжкой. Но так как я совершеннейший невежда в нотах, хотя и люблю музыку, то я попрошу кого-нибудь знающего выбрать одну из двух метод, предлагаемых вами, а вместе и дать мне возможность прослушать песни. Если после этого я возьмусь их напечатать, то немедленно вышлю требуемый гонорар г-ну Ч., а вместе с тем выполню ваше желание и насчет предисловия.

Критики «С(*овременника*)» на мою «Антропологию» я не читал и читать не буду — некогда. Впрочем, брань некрасовских изданий мне всегда приносила пользу, так как после нее мои книги всегда усиленно расходились; так и теперь: издание «Антропологии», несмотря на ее вовсе не легко читаемое содержание, почти все разошлось.

Вторую часть я начинаю печатать на-днях. Она еще более придется не по зубам нашим мудрецам; но я пишу вовсе не для них, а для людей, которые не проводят своих собственных теорий, а искренно желают чему-нибудь научиться и ищут истины, а не поддержки своему самолюбию. Если вы прочли предисловие, то видели, что я и не ждал похвал, да и не дождусь их, хотя они, без сомнения, будут. Если бог даст сил, то, по оконча-

нии третьего тома, я немедленно приступлю к пересмотру их, сокращению и переводу на английский язык.

Мы пока поселились в Петербурге, хотя в будущем году думаю переехать к себе на родину — в Киев. Официальной деятельности я никакой не принимаю, убедившись, что покуда это только толченье воды. Думаю ограничиться одною писательской деятельностью, и в этом году, кроме «Антропологии», думаю издать третью часть «Родного слова», в которой будет начальная русская грамматика; а затем примусь за такую же географию. Несмотря на гонение М(*инистерст*)ва и некрасовцев, учебная публика меня полюбила и поставила в положение совершенно независимое. Здоровье мое несколько поправилось, так что я могу удовлетворять своей привычке к труду. Семья моя здорова; дети учатся хорошо и все добряки — чего же мне более? Передайте мой поклон вашей супруге и проч.

К. У.

5. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО К А. И. СКРЕБИЦКОМУ *

1

La Tour de Peilz, 4/16-го июня 1862 г.

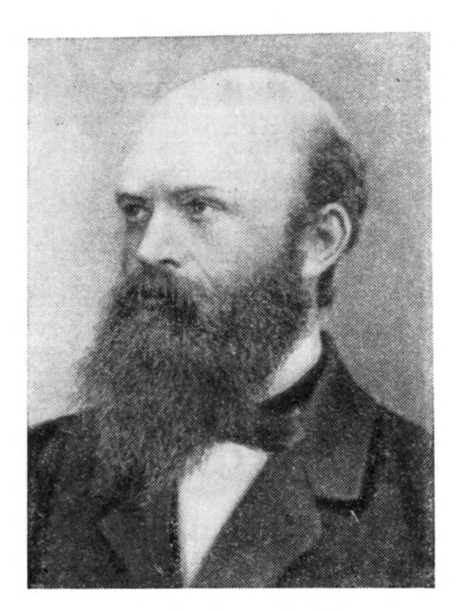
13-го нового стиля мы возвратились в La Tour, два дня прилежно пил молоко и ходил, а сегодня опять дождь, ветер и нельзя высунуть носу, вследствие чего, конечно, и невесел и нездоровится. Сегодня ночью был такой ураган, какого я в жизнь свою не видел и не слыхал: гром, не умолкавший ни на минуту; молния, как пожар; а ветер такой, что наше châtelet, без преувеличе-

---

* Три письма Ушинского к А. И. Скребицкому за 1862 г. [3] печатаются по копиям, хранящимся в архиве «Пушкинского дома», ф.316, № 75. Кроме того, копии письма от 23. IX.1862 г.— в кабинете педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена по описи за № 54 и в архиве Чернышева (ЦГАДА, ф. 1203, № 16). Последняя копия с пропусками.

Скребицкий Александр Ильич (1827—1915) — близкий друг Ушинского — учился на юридическом факультете Московского университета, где, вероятно, и познакомился с Ушинским, закончил факультет в Санктпетербургском университете, а затем поступил на медицинский факультет Дерптского университета, где получил специальность окулиста. По своей медицинской специальности Скребицкий занимался до конца жизни и опубликовал ряд трудов, но в период 60-х годов он работал заграницей по своей первой специальности над многотомным трудом «Крестьянское дело в царствование Александра II», который вышел в 1868 г. в четырех томах и пяти книгах. За труд этот Скребицкому была присуждена Уваровская премия.

ний, тряслось и железные трубы сорвало с крыши. Все это продолжалось семь или восемь минут, но до того было сильно, что все, не исключая и хозяев, проснулись и сбежались в кучу, как испуганное стадо баранов; а сегодня горы спрятались, и дождь, кажется, зарядил надолго.

А. И. Скребицкий

Научи, сделай милость, что делать с сывороткой в такие дни: гулять положительно нельзя, следовательно, и пить тоже?

Очень мне грустно было расставаться с тобой и с милой семьей Петра Владимировича. Пожалуйста, передай им мой самый задушевный поклон. Я прийду, кажется, к окончательному убеждению, что если бы экс-директор и экс-инспектор жили поближе один к другому, то им обоим было бы гораздо лучше; но не

могу придумать, как это сделать. Я решительно был здоров в Бонне, а теперь опять плохо.

Нужны разве десятки лет, чтобы сжиться с иностранцами; да и то едва ли они сживаются даже между собою так, как русские с русскими. Кажется, у них даже самые короткие, повидимому, приятели — все себе на уме; остается между ними все какая-то ледяная стена, которая никогда не растаивает,— или, может быть, это только так кажется иностранцу?

Спасибо тебе, добрый Александр Ильич, за твою приятельскую встречу, большое спасибо! Я как вспомню о ней, так у меня на сердце станет потеплее. Жена моя посылает тебе искреннее приветствие и всему семейству Петра Владимировича, которое ты и передай по адресу.

Писем из России покудова ни одного, уже не перехватили ли, если в них было искреннее и подробное описание последних происшествий, о которых я просил? Гувернантка, приехавшая на-днях из Питера, говорит, что там повесили одного генерала и двух офицеров. Генерала! — должно быть, врет.

Смотри же, Александр Ильич, не обмани и побывай у нас; если мы переменим место жительства, то я немедленно тебе о том напишу. На-днях еду один в Интерлакен. Если понравится, то переберусь. Здешний же воздух мне решительно нездоров.

Прощай, еще раз спасибо, большое спасибо за дружбу. Передай мою искреннюю благодарность Бушу: он меня решительно очаровал; это немец — из ряду вон!

Преданный *К. Ушинский*.

2

Интерлакен 24-го июля 1862 г.

Большое спасибо тебе за письмо, сделай великое одолжение, не остановись на первом. Я решил на месяц со всем семейством поселиться в Интерлакене и сегодня жду жену с детьми; потом же на виноград попробую перебраться в Веве, где за нами осталась квартира, так

как дешевле ее трудно найти, а за этот месяц мы уже заплатили. Очень досадно, что мы не увидались с Флорой Антоновной, и едва ли придется с ней видеться. У меня был здесь один мой приятель из Питера, Пугачевский, и прогостил дней десять; но вчера я проводил его в Париж. Письма и известия, которые он привез из России, довольно успокоительные; но следствие насчет поджогов еще ничего не раскрыло. Один учитель в Луге взят на месте преступления, и там же открыта тайная типография; но если правительство начнет жать, то будет плохо.

Сыворотку я пью по четыре стакана, но она действует на меня плохо, и я должен прибегнуть к средству, которое ты посоветовал. Здоровье же не поправляется; но как бы там ни было,— но на зиму я не поеду ни в Италию, ни в Африку, а поселюсь в Германии; думаю в Гейдельберге или в Штутгарте. Как ты посоветуешь? Здесь много русских, но все не нашего прихода. Здесь вдовствующая мать королева неаполитанская, эксгерцоги австрийские, Муравьев (который — Амурский или министр — не знаю), здесь граф Путятин лечится от ханжества и зверства; здесь же и бедняга Кошут: вот в каком мы месте. Но главное — здесь прохладнее; однакоже сегодня я опять проснулся весь в поту, вытерся водою (комнатною) утром и простудился,— кашляю.

Мы нашли квартиру — пансион невдалеке от Интерлакена, в хорошем, довольно высоком месте, и как только жена приедет, так там и поселимся; дорого очень (300 руб. в месяц); но делать нечего, по крайней мере, развлечения больше и не так буду хандрить. Письмо ко мне, если напишешь, адресуй так: Canton de Bern à Interlàken, Campagne de Fessenegg. С медиками здешними не советовался, да и не буду,— ну их!

Как бы нам свидеться, то-то было бы хорошо; приезжай же к нам, хоть в Веве, где осенью, говорят, недурно. Я же теперь сяду за работу; без нее смерть скучно; авось она поправит меня лучше сыворотки.

Передай от меня самый дружеский поклон Петру Владимировичу и всему его доброму и почтенному се-

мейству. Что бы Петру Владимировичу также полечиться виноградом; по крайней мере, это бы его рассеяло; а то мне кажется, что не хуже моего скучает.

Что твоя книга? подвигается ли вперед? Смотри же, пришли мне хоть начало.

Толпа в Интерлакене страшная; около двадцати омнибусов приезжает ежедневно, да втрое больше колясок и все привозят зевак со всех концов мира. Вот, подумаешь, гуляют люди!

Портрет мой и жены вышлю, как только снимемся; а здесь есть, кажется, хорошие фотографы.

Прощай и не забывай искренно тебя любящего и уважающего *К. Ушинского.*

P. S. Адрес твой позабыл в Веве и пишу, как умею; не знаю, дойдет ли.

3

La Tour de Peilz, 23-го сентября 1862 г.

Добрый друг мой, Александр Ильич, прости, что так давно не писал тебе, залечился, брат, совсем. Окончив свой сывороточный курс, я 2-го сентября отвез семью в Веве, а сам пустился в педагогическое путешествие. Осмотрев главнейшие заведения Швейцарии, я собрал все, что нужно, чтобы не совсем даром заедать казенные деньги. Теперь я опять в Веве и принялся за виноградный курс. Сыворотка мне помогла немного, правда, но все же я чувствую себя получше. Винограду ем теперь фунта по 4 в день, что дает мне один стул, и, кажется, действует недурно; только ночи сплю плохо, все какие-то тяжелые сны вижу, около полуночи и всякий раз просыпаюсь с сильным биением сердца, хотя и не было еще прежних испарин. Работаю понемногу, и это меня утешает и развлекает. Но где я буду зимовать? Кто бы должен это решить? Потому что я сам ни на что не могу решиться, не зная здешнего климата. Мне очень бы хотелось зимовать в Гейдельберге, где много

русских и живет Н. И. Пирогов, да оттуда и до Бонна недалеко. В этой зимовке еще и то преимущество, что я мог бы осмотреть кое-какие учебные заведения: в южной же Франции, а тем более в Италии смотреть нечего.

Погода у нас стоит отличная: но едва ли я тебя увижу здесь, хотя бы мне очень и очень этого хотелось; но, по крайней мере, напиши мне, что ты делаешь теперь и как проводишь лето? Где Петр Владимирович с семейством? Передай им мой дружеский поклон. Право, не хочется мне далеко от Веве забираться.

Из России получаю часто письма, и все самые печальные; от арестов все приуныли; цензура лютует, а доброго ничего не делается. Крестьянский вопрос, впрочем, улаживается благополучно, и большинство идет на выкуп; но бесцельные преследования раздражают и спокойных людей; так, например, графа Толстого, известного тебе писателя, который живет у себя в деревне, держит школу и издает педагогический листок, схватили, привезли в Москву и, продержав неделю, обыскали, отпустили, ничего не отыскав. Семевского, исторического писателя, тоже взяли при возвращении его в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее не дали места, на которое он был уже назначен. Что сделали с писателями, которых взяли при их возвращении из-за границы, не знаю, но, вероятно, тоже подержат и отпустят. Все это показывает, что правительство решительно не понимает своего положения и, как глупая старуха, боится домовых и привидений.

Я приготовил книгу к печати, но не знаю еще, когда начну печатать. Теперь готовлю письма из педагогической поездки; но все это пахнет какою-то вялой работой, которой недостает живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на таком поле, где завтра же могут все вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам еще суждено толочь воду?..

Посылаю тебе две наши физиономии, которые еще нашлись при перекладке вещей; сбереги их на память о людях, которые тебя искренно любят и уважают.

P. S. Что твоя книга? Здесь на одной с нами квартире живет Позен, умирающий, жалкий. Он говорит, что у него есть драгоценные материалы по крестьянскому вопросу и хотел мне их показать. Если будет что-нибудь действительно замечательное, то постараюсь сообщить тебе. Не франкирую письма, чтобы вернее дошло, сделай и ты так же.

6. ПЕРЕПИСКА К. Д. УШИНСКОГО С Н. А. КОРФОМ*

1

ПЕРВОЕ ПИСЬМО Н. А. КОРФА К. Д. УШИНСКОМУ

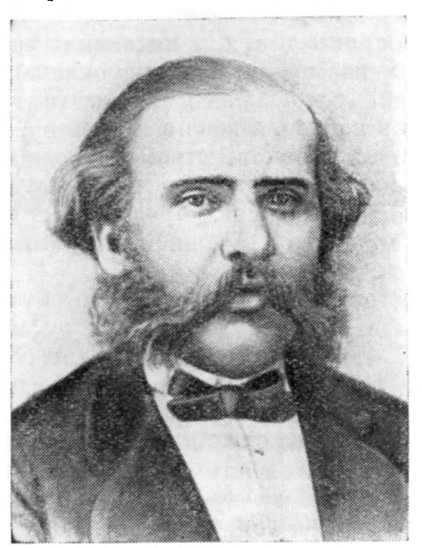
27-го октября 1868 г.

Милостивый государь!

Никогда не видевшись с Вами лично, я давно знаком с Вами по Вашим произведениям и глубоко уважаю Вас, как педагога. «Родное слово», «Детский мир» — такие

* Письма Ушинского к Н. А. Корфу были опубликованы в книге М. А. Песковского «Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц», СПб., 1895. По всей вероятности, подлинники этих писем не сохранились, за исключением последнего письма Ушинского от 27.IX. 1870 г., которое хранится в архиве «Пушкинского дома» (ф. 316, № 78). Подлинник этого письма оказался много пространнее, чем то, что из него опубликовано М. А. Песковским: по цензурным условиям нельзя было публиковать ту часть письма, в которой Ушинский, основываясь на своих наблюдениях в Германии, предсказывал, что после окончания франко-прусской войны ближайшим агрессивным актом, к которому готовится Германия давно, будет ее движение, направленное на завоевание русской равнины. Первые пять писем Ушинского к Корфу перепечатываются поэтому по тексту, опубликованному Песковским, шестое — по подлиннику. Раздел письма, не опубликованный Песковским, взят в прямые скобки. Что касается писем Корфа к Ушинскому, то из них сохранилось только два, хотя их было больше. Подлинники этих писем хранятся в архиве «Пушкинского дома», ф. 316, № 72. Переписка Ушинского с Н. А. Корфом была исключительно интенсивной, если принять во внимание, что на протяжении двух лет, когда Ушинский был уже при смерти, им написано 6 писем. Переписка начата по инициативе Корфа. Чтобы сделать переписку более понятной, письма Корфа печатаются в хронологическом соответствии с письмами К. Д. Ушинского.

книги, которыми могла бы гордиться не только русская литература, столь бедная на детские книги, *развивающие* детей и в то же время *обучающие* их языку. Из прилагаемых при сем отчетов моих за 1867 и 1868 годы

Н. А. Корф

Вы убедитесь в том, во-первых, что по инициативе моей Ваши учебники введены в начальных народных училищах Александровского уезда Екатеринославской губ. и, во-вторых, в том, что мы стараемся по мере сил извлечь наибольшую пользу из чтения их детьми. Если

Корф Николай Александрович (1834—1883) — педагог, земский деятель, работавший в 60-х годах по устройству народных школ в Александровском у., Екатеринославской губ. Ежегодно составляемые Корфом отчеты являлись для всей России образцом ведения учебного дела в земских школах. Отчетами этими весьма интересовался и Ушинский. В свою очередь и Корф, ознакомившись с «Родным словом» Ушинского, немедленно ввел его в своих школах. На этой почве и завязалась между обоими педагогами переписка и стремление к личному знакомству, которое, однакоже, не состоялось ввиду болезни Ушинского.

Вы удостоите своего внимания отчет мой за 1868 год, то Вы в самом тексте, а в особенности в приложениях к отчету, найдете следы моих усилий сделать из «Родного слова» 1) программу для наставительной беседы учителя, 2) книгу для наглядного обучения и предметных уроков, 3) сборник тем для письменных упражнений учеников (мы называем это «скоропись»), 4) детской энциклопедией, сообщающей множество сведений о предметах из вседневной жизни и об окружающей природе и, наконец, 5) руководством к обучению русскому языку инородцев. — В этом последнем отношении мне помог священник Агапиев, брошюру которого, просмотренную мною в рукописи, я также при сем прилагаю.

Могу удостоверить Вас в том, что обучение по Вашему руководству проходило в 89 русских школах уезда за 1867—1868 учебный год и дало блестящие результаты при той системе обучения по «Родному слову», которая создана мною. Понятно, что я, действуя на неизведанном поприще народной школы в *селе*, старался прежде всего угадать Вашу мысль, т. е. мысль автора книги. Убедительнейше прошу Вас, прочитав отчеты мои за 1867 и 1868-й год, сравнив школу до применения к ней «Родного слова» со школой после применения к ней этой неоцененной книги, поспешить сообщить мне свое мнение о том, как мы действовали. Вы очень обязали бы меня и послужили бы делу, если бы Вам угодно было коснуться в «СПб. ведомостях» успехов применения звуковой методы и «Родного слова» Александровским училищным советом. Всякая деятельность, даже и наши скромные попытки, возбуждают зависть, насмешки. Ваше перо могло бы многим зажать рот и поддержать зарождающееся дело. Я так смело обращаюсь к Вам с этой просьбой потому, что никак не могу себе представить того, чтобы автор «Родного слова» мог относиться апатично к делу народного образования, или к людям, которые решились, среди всеобщей летаргии, выступить на это тернистое в *наше время* поприще.

Прилагаю при сем 1 экземпляр моего руководства к обучению грамоте по звуковой методе и составленные мной инструкции для преподавателей начальных школ.

Не зная Вашего адреса, я вынужден просить редакцию «СПб. ведомостей» о передаче Вам этого письма с приложениями; позволяю себе надеяться на то, что Вы вскорости удостоите меня своего письма с указанием Вашего адреса.

Глубоко уважающий Вас

Н. Корф.

Мой адрес: Екатеринославской губ., станция Благодатная, Николаю Александровичу Корфу.

2

ОТВЕТ К. Д. УШИНСКОГО

Милостивый государь, Николай Александрович!

Вы, вероятно, негодуете на меня за то, что я не отвечал на Ваше доброе письмо, писанное еще в октябре прошедшего года. Но я в этом нисколько не виноват, ибо получил его только пять минут тому назад от г. Корша, вместе с присланными Вами книгами.

Вы на самом себе знаете, без сомнения, как приятно в настоящее тяжелое время, когда граф Толстой давит народное образование тяжестью двух министерств, получить выражение сочувствия к тому делу, которому человек посвятил всю свою жизнь. Зная же это, Вы, конечно, не можете сомневаться, чтобы я не выполнил выраженного Вами желания, тем более, что я давно, с истинным наслаждением слежу за Вашею деятельностью и, не будучи в силах сам, по совершенному расстройству моего здоровья, принять участие в практике этого дела, находил много успокоения в том, что оно еще имеет таких деятелей, как Вы.

В настоящее время я оканчиваю второй том моей «Антропологии», труд, как я и сам знаю, в высшей степени несовершенный, но который, как я убежден, при-

несет со временем немалую пользу. Дело это поглощает теперь меня всего, и я спешу его окончить, чтобы уехать из Петербурга поскорее, что для меня необходимо. Вот почему я не могу немедленно же выполнить Вашего желания, но обещаю выполнить его немедленно же, как только будет у меня свободное время и если силы мои хотя немного восстановятся, и выполню его, конечно, со всею любовью к самому делу и со всем уважением к Вам.

Вы, должно быть, еще молодой человек: дай же бог Вам долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный! Дай бог Вам принести гораздо более пользы, не только более того, чем я принес, но даже более, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке!

Извините, что я не сам пишу к Вам: к болезни груди у меня еще присоединилась болезнь глаз.

Примите же искреннейшее уверение в том глубоком уважении, с которым честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорным слугою

К. Ушинский.

15-го января 1869 г. С.-Петербург

3

ВТОРОЕ ПИСЬМО КОРФА К УШИНСКОМУ

30-го янв. 1869 г.

Милостивый государь, Константин Дмитриевич!

Прошлая почта доставила мне драгоценное для меня письмо Ваше от 15 января, которое служит ответом на мое послание, пролежавшее у г. Корша три месяца.

Тяжелым камнем легло на мое сердце Ваше письмо: известие о том, что Вы страдаете, огорчило меня, как может только опечалить болезнь самого близкого человека. Бога ради, поберегите себя, пощадите свое здоровье для друзей Вашего дела, для пользы целой России. Неужели общество вправе требовать от нас того,

чтобы мы истязали себя, как Вы надсадили себе грудь и испортили себе глаза усиленными занятиями? Умоляю Вас, Константин Дмитриевич (дорогой), приберегите себя для дела, развитие которого теперь только настает.

Долго не мог я оправиться от описанного чувства, но когда пришел в себя, то почувствовал потребность выразить Вам самую искреннюю признательность за теплую речь, ко мне обращенную, и за сочувствие, которое Вами выражено к моей скромной деятельности. Ваше одобрение служит не только лучшей наградой за мой труд, но и лучшим поощрением не бросить той тяжкой борьбы, которую я веду при полном сознании того, что в бочку дегтя я вливаю по каплям мед и что только таким медленным путем при непрерывности работы можно чего-нибудь достигнуть.

С наслаждением ожидаю появления в «СПб. ведомомостях» обещанной Вами критической статьи о моем руководстве к обучению грамоте и моей педагогической деятельности вообще. Если же здоровье не позволит Вам вскоре сделать это, то окажите милость, продиктуйте письмо ко мне, в котором укажите — 1) довольны ли Вы моей звуковой методой (ее уже продано 9000 экземпляров в пользу школ) и 2) довольны ли Вы тем, как применено мной в школах (см. отчет мой за 1868 г.) Ваше «Родное слово», этот перл нашей педагогической литературы?

Примите искреннейшее уверение в том глубочайшем уважении, которое к Вам питает

Ваш покорный слуга
Н. Корф.

4

ОТВЕТ К. Д. УШИНСКОГО

Милостивый государь, Николай Александрович!

Извините, что я так долго не отвечал на Ваше последнее письмо; но я спешил окончить второй том моей «Антропологии», чтобы поскорее уехать из Петербурга, и на днях собираюсь выехать. Я поеду в Крым пить

кумыс и, следовательно, туда и обратно должен проезжать недалеко от того места, где Вы живете. Очень было бы приятно, если бы устроить дело так, чтобы я на обратном пути мог повидаться с Вами; может быть, из этого свидания и вышло бы что-нибудь полезное. Пожалуйста, потрудитесь написать мне в Одессу до востребования с почты. Я увожу с собою как Ваши отчеты, так и несколько других, чтобы на досуге подумать о них хорошенько. Я полагаю, что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей. Лучшим средством для этого, как мне кажется, было бы иметь общий журнал, в котором бы сходились сведения о результатах тех или других попыток, сделанных земствами различных губерний, и в котором могли бы обсуждаться эти попытки. Сам я, при моей болезненности и беспрестанных отлучках из Петербурга, конечно, не могу издавать такого журнала, но мог бы и желал бы от всей души принять в нем деятельное участие, чтобы посвятить свои остальные силы земским школам, так как я жду от них хотя не многого, но, по крайней мере, чего-нибудь действительного, а не только бумажного и форменного, чем до сих пор угощала нас администрация. В Петербурге, как Вам известно, издаются два педагогические журнала: «Учитель» — Паульсоном и «Народная школа» — Медниковым. «Учитель» проводит немецкую педагогику, мало пригодную для нас, русских; журнал Медникова, начавшийся только в этом году и имеющий самое ничтожное количество подписчиков, имеет уже чисто русское направление или, лучше сказать, хочет его иметь; кроме того, он избрал своею специальностью народную школу, а по моему мнению, в настоящее время земская школа и Народная школа — синонимы. Медников — человек очень честный, простой и, имея свое обеспеченное состояние, вовсе не спекулирует на свой журнал, но он полезен был бы тем, что, живя постоянно в Петербурге и вращаясь в педагогическом мире, мог бы быть

очень хорошим редактором. Если бы объявить этот журнал журналом земских школ и Вы приняли бы в нем деятельное участие, то, может быть, и вышло бы что-нибудь дельное. Вот о чем мне хотелось бы очень переговорить с Вами, хоть письменно, если уже нельзя лично.

Посылаю Вам две первые части моей «Антропологии». Когда выйдет третья — еще и сам не знаю. Теперь же я намерен окончить и приготовить к печати *русскую грамматику* или, лучше сказать, первоначальный курс, который мог бы дать ученику возможность не затрудняться в употреблении письменного языка.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить то мое искреннее уважение к Вам, с которым честь имею быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугою

К. Ушинский.

28-го мая 1869 г.

5

Милостивый государь, Николай Александрович!

Стыдно и извиняться перед Вами, что не отвечал Вам целые три месяца на Ваше письмо, а между тем и со мной в сущности сделалось то же, что с Вами: хотел поступить лучше, ан вышло хуже. Дело в том, что мне хотелось послать Вам свое новое произведение — первоначальную грамматику, и я полагал, что она выйдет в декабре; но отчасти болезнь, а отчасти и беспрестанные переделки корректур да и медленность типографии протянули дело так, что только завтра или после-завтра книга выйдет в свет. Она мне стоила много труда, и тем не менее я ею очень недоволен и теперь уже вижу, что многое придется в ней переделать при новом издании. Конечно, она не нужна для народных школ, где орфография, насколько ее нужно для того, чтобы понимать написанное, должна быть усваиваема практически. Но для учительских семинарий и для учителей сельских школ знание русской грамматики я считаю

необходимым и в этом отношении и мою книгу не бесполезною. Полагаю, кроме того, что толковый учитель найдет в моей книге много полезных упражнений для учеников. Вы просите меня сказать мое мнение насчет Вашего «Руководства к обучению грамоте». Это *руководство* имеет чисто практическую цель, и потому Вы из самой практики могли убедиться, что оно составлено очень хорошо. Может быть, моя книжка для учителей берет слишком высоко, да я и не знаю так хорошо тех личностей, с которыми Вы прямо имеете дело. Цель звуковой методы — чисто практическая, и если эта цель достигается, то и все сказано. Что касается до применений моего «Родного слова», о которых я читал в Ваших отчетах, то могу сказать, что применений сделано гораздо больше, чем я сам мог рассчитывать, особенно о. дьякон применил книгу неожиданно для меня самого. Лучшим ответом с моей стороны на все эти применения будет то, что я, имея их в виду, переделаю несколько и увеличу обе первые части «Родного слова», назначив это издание уже чисто для сельских школ. В то время, когда я составлял «Родное слово» (от 1862—1865 гг.), земские школы еще не существовали, и потому назначил мою книгу для школ городских, для детей мещанства, чиновничества и мелкого дворянства, что и отразилось сильно на моей книге, особенно на 2-й ч. Теперь же я прямо буду иметь в виду земскую, т. е. сельскую школу, и притом с 3-х летним окончательным курсом. Переделки эти я начну теперь же, но, конечно, издам книгу не раньше конца нынешнего или начала будущего года. Я работаю вообще очень медленно: переправляю и переделываю бесчисленное число раз; да кроме того, болезни мои меня сильно одолевают. В эту зиму я почти не выходил из дому и решился окончательно расстаться с Петербургом, а где поселюсь — и сам еще не знаю. Теперь думаю ехать и отыскивать местечко, где бы мог окончить свое существование, посвятив последнее время все тем же педагогическим трудам.

В прошлом году я ехал к Вам, да не доехал: добрался с моими двумя мальчуганами до Киева, но там рас-

хворался и еще пуще расхандрился и был радехонек добраться до своего хутора в Глуховском уезде, Черниговской губернии, где и прожил все лето. Таким образом я имел неблагоразумие просить Вас написать ко мне в Одессу, а в Одессу не попал. Теперь я опять делаю попытку проникнуть туда же, но намерен ехать через Вену, а на обратном пути, в мае месяце, буду разыскивать Вас, чтобы и с Вами познакомиться и хоть раз в жизни порадоваться на русскую школу. Врачи советуют мне поселиться в Симферополе, ибо заграницей жить я не хочу, и вот мне хотелось бы взглянуть, что такое Симферополь.

Статью для «Народной школы» я написал, но плохую. Болезнь держит меня дотого далеко от всякой общественной жизни и деятельности, что я решительно не могу написать теперь ничего живого из области практики. Дело другое Вы: читая каждую Вашу статью, чувствуешь, что Вы говорите о деле, в котором сами вращаетесь и которому отдались бескорыстно и прямодушно. О, если бы Вас можно было помножить на число наших губерний,— не говорю уже уездов,— через 10 лет Россия была бы уже другая. Но Вы и так делаете много одним своим примером, и имя Ваше будит не одно сонное земство.

С большим нетерпением жду Вашей объявленной книги и жду от нее наставления мне самому, ибо прежде, чем написать общий учебник для земских школ, я хотел бы побеседовать с человеком, таким практическим, как Вы, да и в самую школу заглянуть мне было бы необходимо. Если здоровье мое потянет, то, как разделаюсь с 3-м томом «Антропологии», займусь исключительно народным образованием.

Другая цель поездки моей — приискать где-нибудь имение в ваших же краях, чтобы в нем проводить лето. Ищу имение тысяч в сорок или пятьдесят; если бы оно было поближе к Вам, то был бы радехонек. — Словом, планов много, а сил и на одно не хватит, быть может.

Если где-нибудь приткнусь, то напишу к Вам, чтобы и от Вас получить весточку; но если бы Вам по-

надобилось почему-либо написать ко мне ранее, то пишите на имя жены моей, с передачей мне.

При сем идет к Вам посылочка с двумя экз. грамматики. Она только-что вышла, дня четыре, а уже половина издания распродана (2500 экз.). Этого я не ожидал. Примите самые искренние уверения, что Вас глубоко уважает преданный вам

К. Ушинский.

23-го февраля 1870 г.

6

Крым, 28-го мая 1870 г.

Милостивый государь, Николай Александрович!

Гоняясь долго за мною, письмо Ваше от 25-го марта нашло, наконец, меня в 20-ти верстах от Симферополя, в имении иностранца Варле, где я, наконец, пью кумыс после долгих и неудачных странствований. Я поехал было встречать весну в Италию, но пролежал в Вене больной, пропустил время и по докторскому совету отправился пить кумыс и пробрался в Крым — по Дунаю и через Одессу. Соображая различные маршруты, написанные Вами, как добраться до Вас с моими истощенными силами, я вижу, что это для меня невозможно: и железная дорога меня утомляет, а пуститься на проселок я решительно не смею. Около 20-х чисел июня я надеюсь выехать из Одессы и пробраться через Киев к себе в деревню. Таким образом, несмотря на искреннее желание видеться с Вами,— это решительно мне не удастся; а многое хотелось бы переговорить с Вами, многое высказать и многое выспросить. С Петербургом я решился окончательно расстаться и серьезно ищу здесь местности, где бы поселиться, потому что таскания заграницу также надоели мне и слишком меня утомляют. Лучше прожить зиму хоть и не в слишком теплом климате, но у себя дома. Может быть, я куплю именьице здесь в Крыму, а может быть, где-нибудь в Новороссии, если найдется подходящее и недалеко от

железной дороги, и, конечно, если успею купить и устроиться, потому что болезнь сильно меня одолевает.

Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту, но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить «Антропологию», и потом только я хоть сколько-нибудь применю «Родное слово» к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе еще первоначальная география, как окончание «Родного слова». Вот сколько дела, а где силы? И всего досаднее, что в голове все это давно готово, так что 3—4 месяца прежнего здоровья — и я бы, кажется, все кончил.

Когда напишу программу «Родного слова» для земских школ, то пришлю к Вам, надеясь, что Вы не оставите ее без заметок.

До 17-го июня я рассчитываю пробыть на кумысе, и если бы у Вас нашлось время еще написать ко мне, то адресуйте в *Симферополь* «до востребования», а после того, если Вы захотите обрадовать меня письмом своим, то адресуйте так: «в Черниговскую губ. Глуховский уезд. Шостенский пороховой завод, а оттуда — в хутор Богданку». Неужели нам с Вами никогда не придется свидеться и побеседовать на пользу русской школы?

Очень рад, что книга моя понравилась Вам (грамматика), и тем не менее я нахожу в ней большие дидактические недостатки; однако, и теперь, при втором издании, исправить их не мог: такая плетушка, что тронешь одно — и все надо переделывать, а на такую переделку сил нет.

Искренно и глубоко Вас уважающий

Ваш покорный слуга *К. Ушинский.*

7

16-го июня 1870 г. Симферополь

Милостивый государь, Николай Александрович!

Письмо Ваше от 20-го мая, посланное Вами в Петербург, после долгих странствований, нашло меня в Симферополе. Я уже писал Вам, как туда попал. Лече-

ние мое пошло неудачно: в деревне я заболел лихорадкой и должен был переехать в город, где оканчиваю свое кумысное питье. В Симферополе я попал, конечно, в педагогический мир: в школу, на экзамен и на учительский съезд. Какое бы живое участие принял я во всем этом, если бы хоть сколько-нибудь поправился, но кажется, мне не суждено больше поправляться.

Здесь я нашел Вашу книгу «Русская начальная школа» и прочел с большим интересом. Она несомненно принесет огромную пользу всем тем земствам, в которых есть порядочные люди, понимающие всю важность народной школы. Я сам нашел в ней много нового для себя, потому что Вы взглянули на дело глазами практика, не запутанного никакими предвзятыми теориями, что большею частью случается с людьми, пишущими по тому же предмету. Однакоже, особенно в дидактической стороне Вашего труда, я нашел несколько мнений, с которыми не согласен, о чем и намерен потолковать в журнале «Народная школа», если только будут силы. Но в том-то и беда, что их нет и ниоткуда они не приходят.

Прочитав все маршруты Ваши, я увидел, что добраться к Вам мне невозможно, ибо Вы так далеко от железных дорог и в особенности от Одесско-киевской, по которой я намерен возвращаться к себе в деревню.

По этой же самой причине мне трудно было бы и поселиться во Времевке: восемьдесят верст от железной дороги — слишком большое расстояние для такого больного человека, как я.

23-го июня я намерен выехать из Симферополя, а 29-го из Крыма, и через Одессу и Киев воротиться к себе в деревню. Чрезвычайно мне грустно, что я дошел до такого состояния, что не могу преодолеть и восьмидесяти верст, чтобы повидаться с Вами, для чего в другое время проехал бы и гораздо более. Верьте тому глубокому и искреннему уважению, с каким остаюсь, преданный Вам

К. Ушинский.

8

Милостивый государь, Николай Александрович!

Вы, вероятно, недоумеваете, почему я так долго не отвечал на последнее письмо Ваше. Но если бы Вы знали, что со мною случилось, то легко поняли бы это. Возвратившись из Крыма, в деревню к себе, в самый день моего приезда, я едва не застал похорон моего старшего сына, юноши 18-ти лет, который за три дня до того, будучи на охоте, ранил себя смертельно. Скоро после того я получил письмо Ваше и, недели через две, написал на него ответ; но ответ этот был таков, что я хорошо сделал, что не послал его Вам: вы бы видели из него только, как низко может упасть человек под тяжким и нежданным ударом судьбы. Теперь рану несколько затянуло, и я могу уже кое-как, насколько позволяет мне мое окончательно разбитое, здоровье, заняться своими обычными делами.

Мы, наконец, совсем покинули Петербург и переселились в Киев, где покуда устроились кое-как и очень плохо; но ищем купить дом, где уже и пристанет семья моя. Что же касается собственно до меня, то я в будущем же месяце уеду на зимовку в Крым; кажется, в Севастополь. Само собою понятно, что все работы мои остановились, и если бы только мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь надиктовать *третий* том моей «Антропологии», который в материалах уже готов!.. В первых же главах этого тома вы найдете и разрешение показавшегося вам противоречия. Человек не потому говорит, что обладает рассудком, который есть и у животных, а потому, что обладает *самосознанием*, т. е. способностью наблюдать свои собственные душевные явления, чего нет у животных. Эта-то способность дает человеку дар слова, свободу воли, нравственность и способность к самоусовершенствованию,— к прогрессу!

К прогрессу!.. Но, боже мой, неужели пришлось мне, на склоне моей жизни, усумниться в прогрессе!! Какой же тут прогресс, когда в настоящую минуту образованнейшие нации мира грызутся, как дикие

волки?!. Неужели образование так тяжело для человека, что он рад-радехонек, когда ему удастся вырваться из его стеснительных условий, и под благовидным предлогом патриотизма и великих стремлений, разнуздать все свои дикие, животные страсти? Неужели школы нужны были только для того, чтобы раздуть коллективное самолюбие племени и дать фразы для прикрытия самых черных дел? Все это способно подорвать веру в образование и школу. А медоточивые пасторские рацеи, благословляющие именем Христа грабеж, поджог, измену, убийство, блуд, пьянство, месть, коварство — все, что есть черного на земле!..

Как кстати здесь имя распятого нищего!

И разве не видать, что Пруссия, эта многоученая и нравственная Пруссия, только еще раскрывает ворота в ужасное будущее для всей Европы, никак не исключая и нас? [Если можно что предвидеть в человеческой истории, то я считаю войну России с Германией совершенно неизбежной, и если война французов с немцами показала так много зверства, то какова же будет немцев со славянами? Я считаю эту войну неизбежной по многим причинам.

Во-первых, после того как Пруссия сломит Францию и сделает ее в отношении себя тем же, чем была Польша при Понятовском в отношении России, на горизонте этой честолюбивой державы останется только одно туманное облачко — Россия, и весьма естественно, что Пруссия пожелает рассеять это облачко.

Во-вторых, война с Россией будет необходима для Пруссии, как отлив для тех демократических страстей, которые, без сомнения, забурлят в Германии, когда час побед пройдет и прийдется немцам рассчитываться с прусским солдатским правительством за патриотические восторги, которыми оно их подарило. Чтобы покрепче затянуть воинственный узел и окончательно приучить Германию к военной диктатуре, всего естественнее указать ей нового врага и опять поднять бешенство страстей и на этот раз врага еще более основательного, чем французы,— враг этот славяне и в

причинами. Въ 1-хъ тѣмъ, что Пруссія сломивъ Францію и Данію, ея въ отношеніи себя тѣмъ же, чѣмъ была Польша при Понятовскомъ въ отношеніи Россіи. На призракъ этой свободолюбивой державы останутся одни только отживающія обломки Россія и вообще самодержавіе, а Пруссія непремѣнно разсѣетъ этотъ [illegible]. Въ 2-хъ. Война съ Россіей будетъ необходима для Пруссіи, какъ отливъ для тѣхъ демократическихъ стремленій, которыя безъ сомнѣнія забурлятъ въ Германіи, когда чадъ побѣдъ пройдетъ и придется [illegible] расчитываться съ прусскими солдатами правительству за потраченныя усилія, которыми они ихъ подарили. Чтобы покрѣпче затянуть вновь связанный узелъ и отвлечь прусскую Германію отъ военной диктатуры, всѣ средства [illegible] на новые враждебные подвиги [illegible] и на этотъ разъ врагъ [illegible] болѣе [illegible], чѣмъ французы — врагъ этотъ [illegible] Россія. Можно сказать, что французовъ в Германіи еще любятъ, [illegible]

Отрывок из письма Ушинского к Н. А. Корфу

особенности Россия. Можно сказать, что французов в Германии еще любили, если сравнить это чувство с тем, которое немцы питают к нам. Я долго жил в Германии и убежден, что война с Россией будет национальнейшей войной для немцев.

В-третьих, война с Россией обещает немцам очень богатую и очень легкую добычу. Поход через Польшу и Прибалтийские губернии, поддержанный флотом и при содействии Австрии на юге, будет прогулкой сравнительно с французским походом,— мы сами укатали эту дорогу для Пруссии. Боже, какая страшная перспектива! Война без конца, разорение, оскотение, солдатство...— вот тебе и мирный прогресс. Конечно, обнажающий меч мечом и погибнет. И если Бисмарк говорит, что всякое великое дело совершается кровью, то он врет — из крови будет только новая кровь, и одно дело проливать свою только кровь, как Христос, а другое — проливать чужую. Что вышло из той крови, которую пролили оба Наполеона? Новая кровь — и более ничего: ни свободы, ни мира, ни человечности. Где же они? В толпе диких тевтонов было более человечности, но, конечно, гораздо менее рабства.

Европа с пруссаками наверху, тяжело налегшими на славянские и романские племена, разве может представить залог какого-нибудь продолжительного мира? Человек подавленный или бунтует, как Польша, или растлевается, как она,— другой дороги нет. Человек давящий — или падает, или грубеет и скотеет, как солдат во время беспрерывной войны. О! прийдет время, когда сами немцы сочтут Бисмарка злейшим врагом Германии, Пруссии, человечества. Но пока прийдет такое время, страданий придется выжить человечеству целый океан.

И на нас, педагогах, не может не отразиться это время! Чему мы должны учить теперь детей?— раздувать их народные страсти и народное самолюбие, вливать в них ненависть к чужеземцам, приучать стрелять и резать. Вот какие школы мы должны теперь устраивать — и это неизбежно, необходимо. Вот куда повер-

нули людей Наполеоны, Бисмарки, Фрицы и Вильгельмы — да поразит их кара небесная! Я думаю, что мы должны необходимо сделать наши школы воинственными, как ни противно это духу истинной христианской школы; но без независимости нет развития, и ее-то прежде всего следует обеспечить.]

Разорвав одно мрачное письмо к Вам, потому что оно было слишком уж мрачно, я написал Вам другое, едва ли многим светлее разорванного. Судите по этому о состоянии моей головы и сердца, и простите, что я на Вас облегчаю их.

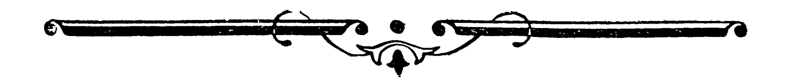
Когда перееду в Крым, то напишу к Вам. Напишите ко мне: ваши письма действуют на меня очень успокоительно.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

27-го сентября. 1870 г. Киев.

Адрес мой: в Киев, ул. Тарасьевская, дом Ивановской.

7. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО и Н. С. УШИНСКОЙ к Я. П. ПУГАЧЕВСКОМУ *

А. ПИСЬМА К. Д. УШИНСКОГО

1

3-е июня, Гатчино **.

Сделайте великое одолжение, почтеннейший Яков Павлович, когда будете в Москве, возьмите для нас три

* Четыре письма Ушинского к Я. П. Пугачевскому в копиях на машинке хранятся в архиве «Пушкинского дома», ф. 316, № 74; четыре письма Н. С. Ушинской к Пугачевскому хранятся в рукописном отделении Краснознаменной ордена В. И. Ленина библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Подлинники писем К. Д. Ушинского к Я. П. Пугачевскому сохранились в кабинете педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена по описи за № 4. Вся переписка печатается по подлинным рукописям.

Пугачевский Яков Павлович (скончался в 1896 г.) по окончании Санктпетербургского университета преподавал естествознание в Гатчинском институте, где с ним встретился и сдружился Ушинский. Тесная семейная дружба связывала Ушинского с Пугачевским. Возможно, что они взаимно как-то дополняли друг друга: спокойный, уравновешенный и практичный Пугачевский и нервный, вспыльчивый и, весьма возможно, не всегда практичный Ушинский близко сошлись. Будучи назначен в Смольный институт, Ушинский уговорил Пугачевского принять предложение о преподавании физики и естествознания в этом институте. Преподавательскую работу в этом институте Пугачевский вел с 1860 по 1872 г. и с 1875 по 1881 г. В последний год жизни Ушинского Пугачевский оказался единственным лицом, с которым мог откровенно говорить умиравший педагог и поведать ему свои огорчения, а непосредственно после смерти Ушинского тот же Пугачевский оказался единственным лицом, с которым могла советоваться как по денежным, так и по организационно-издательским делам осиротевшая семья Ушинского.

** Год письма не обозначен. За отсутствием данных трудно судить о времени его написания. Письмо связано с одной

билета до Орла в мальпосте: *два внутри* кареты и одно *наружное*; первые по 17 руб., а третье в 12, не ранее 18-го и не позже 24-го июня. Берутся эти билеты на главной почте, на Мясницкой. Если встретите затруднения, то попросите главного начальника этого отделения почтовых экипажей от имени правящего делами учебного комитета женских учебных заведений Андрея Андреевича Вагнера и скажите, что с нами будет к нему от Вагнера письмо. Билеты, застраховавши нам деньги, перешлите нам в Гатчину. Есть еще, кажется, вольные дилижансы; но я боюсь, что места в них будут дурны. Если бы Вы потрудились сами взглянуть на кареты, узнать, сколько времени они идут, и найдете, что они удобны, то возьмите и там. Знаю, что такие просьбы неприятны для дорожного человека; но надеюсь на Ваше расположение ко мне и готов всегда служить Вам и с своей стороны. Письмо, при сем прилагаемое, потрудитесь немедленно отдать на почту в Москве. Прощайте, желаю Вам здоровья, веселья и счастливого пути.

Преданный Вам *К. Ушинский*.

P. S. Если не найдете билетов, то потрудитесь уведомить поскорее, чтобы мы могли получить ответ до 15-го июня.

2

Гейдельберг, 27-го января*.

Давно не имел я от Вас весточки, добрый друг мой, Яков Павлович; знаю только из письма брата, что Вы как искренно близкий человек хлопотали о наших вещах. Не знаю, как и высказать Вам всю мою призна-

---

из поездок Ушинского на родину, в Черниговскую губ. Возможно, что эта поездка имела место в период работы Ушинского в Гатчинском институте, поскольку в письме содержится просьба выслать билеты в Гатчино.

* Год написания письма автором не указан. Судя по содержанию, письмо относится к 1864 г., т. е. ко времени печатания 5-го издания «Детского мира», в которое впервые были введены в текст рисунки.

тельность: мне уже не удастся расплатиться с Вами, да и расплачиваются только с чужими, а Вам я от души жму Вашу руку.

Поездка моя в Италию не состоялась, потому что по причине поздней высылки денег я дождался морозов и должен был сидеть дома; а теперь уже и здесь хорошо и теплота бывает майская; воздух такой мягкий, что дышишь не надышишься, особенно, когда просидишь, как я, более месяца взаперти. Однакоже я на-днях уезжаю в Южную Францию, чтобы воспользоваться ранней весной и осмотреть несколько заведений французских, которых я видел немного.

Я заплатил здесь за рисунки 300 гульденов: остальные забираю с собою, а жену оставляю без гроша, а потому прошу Вас вышлите уже на ее имя все, что можете взять из жалованья (хорошо бы за два месяца) и от Семеновых за книги; если не получили еще из деревни, откуда, судя по письму, вам должны быть уже высланы деньги. Будьте добры по обыкновению и воспользуйтесь первой свободной минутой, чтобы выполнить эту мою покорнейшую просьбу. Я боюсь, чтобы жена без денег не попала в затруднительное положение. Вышлите билет на ее имя, на того же банкира.

Очень мне прискорбно, что брат уехал из Петербурга и в такой еще край и при таких странных обстоятельствах! И не с его прямотой было бы трудно там служить.

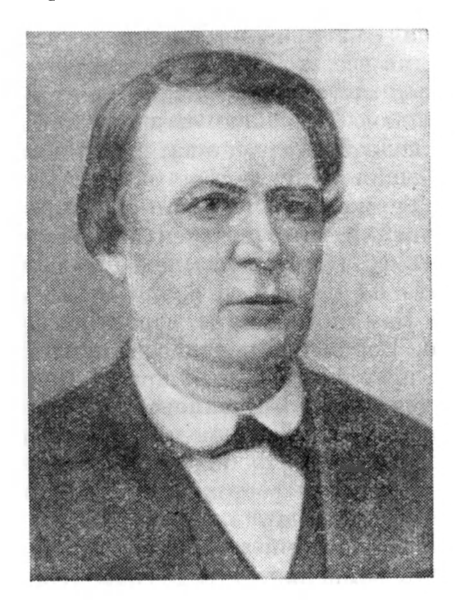
Еще раз благодарю Вас за хлопоты и крепко обнимаю.

Преданный Вам *К. Ушинский.*

P. S. На-днях я жду опять присылки рисунков, за которые жена должна будет расплачиваться; а потому вышлите ей все, что возможно: чем больше, тем лучше.

(Приписка карандашом для Александра Дмитриевича, очевидно, от Пугачевского): Если Вы еще не уезжаете завтра, то потрудитесь прислать завтра Ваши вещи к трем часам, потому что часов в 12 уезжаю в контору негоцианта променять деньги на вексель, кото-

рый тот же час высылаю в Гейдельберг на имя Надежды Семеновны. Письмо от Константина Дмитриевича я получил в воскресенье, вскоре после того, как Вы уехали от меня. Привезите завтра ключи от туалета и квитанцию страхового общества. Очень жаль, что не

Я. П. Пугачевский

мог я лично проститься с Ольгой Васильевной, зато заочно желаю ей здоровья и благополучия. Надеюсь, что мы завтра с Вами, Александр Дмитриевич, увидимся. В 3 часа я дома.

3

29-го сент. 1870 г. г. Киев.

Добрый друг мой, Яков Павлович!

Вы, вероятно, уже слышали от кого-нибудь, как страшно мы потеряли нашего Павлушу. Возвратившись из Крыма в деревню, я застал только в тот день

насыпанную могилу. Бедняжка, будучи на охоте, ранил себя смертельно и прожил всего 14 часов. Под этим ударом здоровье мое окончательно рухнуло, и я не в силах уже воротиться в Петербург. Кое-как добрался я с семьей до Киева, где теперь лежу болен, и если бы немного поправиться, то уеду в Крым, а семью думаю пристроить в Киеве окончательно, купив для этого дом. Сообразив все это, Вы легко поймете побудительные причины, заставившие меня определить Веру и Надю в здешнюю гимназию: и для матери и для меня слишком тяжело было расставаться с ними. Гимназия здесь порядочная и пусть себе оканчивают курс в том же городе и том же доме, где им и после придется жить.

Об увольнении моих дочерей из Александровского училища, я вместе с сим посылаю просьбу, в которой прошу выдать их бумаги, а равно и залоговый билет в 720 рублей Вам, которые Вы, вероятно, не откажетесь выслать мне. Вероятно, начальство потребует уплаты за начавшееся полугодие, то я прошу Вас — возьмите все, какое причитается мне жалованье, и из него заплатите, что потребуют. (Так как по расчету мне следует жалованье за 4 месяца, то попросите Вашу добрую сестрицу передать моим сестрам, каждой по 10 руб., а остальные вышлите мне).

По приложенным при этом письме билетам ссудной казны Вы, без сомнения, уже догадались, что есть и еще одна просьба к Вам — это выкупить лежащие под этими билетами вещи и выслать их мне. Сделайте одолжение, не откажите выполнить и эту мою покорнейшую просьбу, что при помощи Вашей сестрицы для Вас возможно.

Деньги на выкуп также возьмите из жалованья, которое, если не ошибаюсь, следует мне за 4 месяца. Высылать прошу покорнейше на имя жены моей, потому что я, быть может, скоро уеду. Адрес: в Киев, Тарасьевская улица, дом Ивановской.

Вот мы из петербуржцев сделались киевлянами и, зная Ваше доброе и теплое чувство ко мне, я думаю, что Вы задаете себе вопрос, хорошо ли мне в Киеве? Увы,

нехорошо, добрейший мой Яков Павлович! Душит глушью и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь, и вот почему я выбрал Киев. Здесь дети, не отлучаясь от семьи, могут начинать и оканчивать свое ученье; недалеко деревня, где есть довольно родных и климат сносен. Обо мне же думать нечего, — моя песня, кажется, окончательно уже спета.

Приведет ли бог свидеться с Вами? Едва ли. Если бы дожилось до будущего лета и было бы силы ехать в Петербург..., но до будущего лета мне, как до звезды небесной, далеко. Во всяком случае поверьте, что Ваша добрая, честная, спокойная личность — одно из очень немногих, самых светлых впечатлений, вынесенных мною из жизни. Не забывайте же и Вы искренно Вам преданного.

К. Ушинский.

Добавл.

NB. Билеты, при сем прилагаемые, один — на медальон за № 20788 на 120 руб., а другой на серебро за № 15748 на 230 руб.; да за девиц 250, кажется; след., всего 600 руб. и жалованья должно хватить. Если же не хватит на что, то благоволите приложить своих, а из октябрьского моего жалованья получите.

P. S. Вы не поверите, добрейший и многоуважаемый Яков Павлович, как мне обидно, что обстоятельства вынуждают меня взять моих девочек из Александровского училища, которое и для меня-то самого как что-то близкое и родное. Где же в другом месте будут так внимательны к моим детям? Сделайте одолжение, передайте г-же начальнице всю мою искреннюю благодарность за то сердечное участие, которое она выказала мне и детям моим. Поблагодарите также от моего имени классных дам Нади и Веры, M-lle Кольгафи и M-lle Елисееву, —дети вспоминают о них с самым теплым чувством. Катерине же Александровне Нейдгарт передайте мою душевную благодарность за ее постоянное доброе расположение ко мне и ко всему моему семейству.

хорошо ли вам в Киеве? Увы,
нехорошо, добрейший мой Яков Павлович,
Душит глушь и ничего близкого
сердцу; но думаю, что для ваших лет будет
лучше чем где-нибудь и вот почему
я выбрал Киев. Здесь дети, не отлучаясь
от семьи, могут начинать и окон-
чивать свое учение; недалеко деревня,
где есть довольно родных и хороших со-
седей. Обо мне что думать нечего — моя
плохая [illegible] окончательно [illegible]
Приведет ли бог свидеться с вами?
Едва ли. Семья [illegible] до будущего
[illegible] в Петербург-
ре до будущего лета, [illegible]
[illegible], далеко. Но во всяком случае
поверьте, что ваша добрая, честная,
спокойная личность — одно из очень
немногих самых светлых впечат-
лений, вынесенных мною из жизни.
Не забывайте же и Вы искренне Вам преданного
добр.
К. Ушинский

Отрывок из письма Ушинского к Я. П. Пугачевскому

И зачем это, под старость, когда уже новые душевные привязанности устанавливаются так трудно и непрочно, приходится мне расставаться с такими добрыми людьми?

Еще раз спасибо и крепкое спасибо Вам, добрейший друг мой, Яков Павлович, что в течение пятнадцати лет Вы позволили мне глубоко уважать и любить Вас, не потемнив этого чистого чувства ни самой легкой тенью. Увидимся ли?.. Едва ли. Моя многоболезненная жизнь, кажется, уже иссякнута. Спешу как-нибудь пристроить семью на постоянном месте, ибо страшно и подумать, как беспомощны они остаются. Средства к жизни есть, но никакого уменья распорядиться ими, а без этого уменья и средств не надолго хватит.

На-днях мы высылаем в Петербург M-lle Мари, чтобы при помощи Табакова одни вещи выслать сюда, а другие, т. е. мебель, продать, — и тем оканчиваются наши петербургские странствования, продолжавшиеся 21 год. Худ ли, хорош ли Питер, но я с ним сжился сердцем; в нем протекла самая существенная часть моей жизни: много прочувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба и там же составил состояние; там я напрасно искал места уездного учителя и там же беседовал с царями; там я был неведом ни одной душе и там приобрел себе имя, надеюсь, честное, — и вот почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не увидеть его.

Около половины октября, думаю, если будут силы, уехать в Крым и, если бог даст мне возможность, продиктовать третий том моей «Антропологии», который в материалах почти готов! Но едва ли станет сил у меня даже и на это. Впрочем, буду надеяться, ибо без надежды и жить невозможно.

Еще раз прощайте, добрый друг мой!

К. Ушинский.

1-е окт. 1870 г.

4

27-го окт. 1870 г. Киев

Добрейший друг мой, Яков Павлович!

Вещи с почтой и деньги 335 руб. и бумаги детей от M-lle Мари, которая вчера приехала, мы получили, и нужно ли говорить Вам, как я благодарен Вам за все те хлопоты по моим делам, которые Вы положительно устраиваете лучше, чем бы я мог сам устроить.

Откладывая по своему обычаю свою поездку день за день, я так запоздал, что в Крым едва ли уже можно и попасть, ибо пассажирское пароходство прекратилось, а на грузовом пароходе опасно простудиться. Да и, сказать откровенно, мне до такой степени *опротивели* все эти странствования и так тяжело было воображать себя вдали от семьи, отрезанным от нее бурным морем, по которому зимой плавать очень опасно, что я почти и рад, что опоздал и что теперь, если уеду, то не далее Одессы, от которой до Киева всего 24 часа пути по железной дороге.

Мари своими рассказами о Вашем житье-бытье так живо мне напомнила Вас, что мне сильно взгрустнулось при мысли, что, может быть, мы более и не увидимся. Зачем все это так нелепо делается? Зачем, встретивши в жизни *единственного, истинно честного и без всяких фокусов доброго человека*, нельзя прожить с ним до конца; знать, что его честная рука закроет тебе глаза и прибережет твоих детей, которых приятели разного рода, конечно, пустятся общипывать, что есть силы.

Мари рассказала мне, как поступили с бедным [далее перечеркнуты две строки (*Ред.*)]. Пожалел я о нем; но к стыду моему пожалел, что не Вы на его месте. — Согласись Вы заняться воспитанием моих детей и моими книжными делами после моей смерти, и я бы ни на одну минуту не задумался назначить Вам вознаграждение, равное тому, какое Вы получаете в Смольном, и обеспечил бы Вам пенсию, которой Вы не дослужили бы ... Но зачем говорить пустяки и говорить о невозможном? Вы и сами знаете, что я не по-

Отрывок из письма Ушинского к Я. П. Пугачевскому

жалел бы ничего, только чтобы вверить Вам моих бедных деток. С грустью вижу, что плохо придется им, и не имею никого близкого, чтобы доверить их. Мать их любит, конечно, но где же женщине направить мальчиков, как следует, и продолжать книжные дела, которые, как вы знаете, не очень хитры, но все же превышают женские способности. Хочу, по крайней мере, упростить их по возможности, сосредоточив всю продажу только в двух руках, и вот почему я прошу Вас покорнейше велеть напечатать в «Голосе» три раза сряду и в «СПб. ведомостях» тоже прилагаемое при сем объявление. Впрочем, это до следующего раза.

Весь Ваш *К. Ушинский*.

Б. ПИСЬМА НАДЕЖДЫ СЕМЕНОВНЫ УШИНСКОЙ ЯКОВУ ПАВЛОВИЧУ ПУГАЧЕВСКОМУ

1

27-го февраля 1871 г.

Добрейший Яков Павлович!

Писала к Вам из Киева, теперь же из Одессы уже.— Наконец, после долгих странствований, 7 февраля добрались до дому.

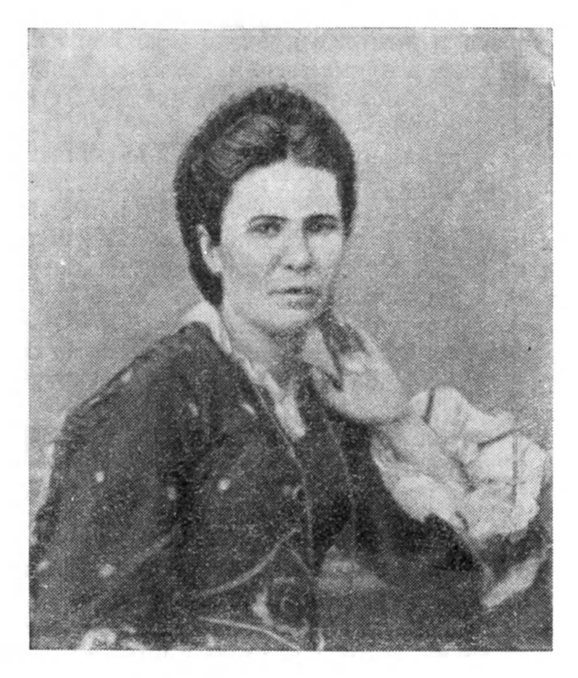
Благодарение богу, дома застала благополучно. Лелечка немножко хворала, но и та теперь поправляется; впрочем, на воздух еще не выходит, у нее была корь.

Надечка и Верочка в Институте. Они привыкли там, ученье идет хорошо, судя по отметкам, и я не думаю их трогать оттуда — пусть там кончают.

О себе скажу, что мне ужасно тяжело и грустно. Просто ни места, ни дела не нахожу, которое бы меня заняло. Главное — нездоровится. Действие ли это простуды, или вследствие ужасных душевных волнений, которые мне нужно было перенести в одно полугодие, а может — и то и другое вместе, но оно подействовало сильно на мое здоровье, так что доктор находит для

меня полезным покупаться на лимане, чтобы укрепить себя.

А потом, также и теперь все не без душевных волнений. Так, например, Александр Дмитриевич*, по воз-

Н. С. Ушинская, жена К. Д. Ушинского

---

* Александр Дмитриевич — внебрачный сын Дмитрия Григорьевича Ушинского, в 50-х годах принимавший некоторое участие в журналистике и писавший по экономическим вопросам за подписью А. Ушинский. По смерти К. Д. Ушинского он стал предъявлять к семье его агрессивные требования, так что со стороны сложилось впечатление, будто он похитил рукопись 3-го тома «Педагогической антропологии», о чем, не называя его имени, писал неоднократно автор биографии Ушинского М. О. Песковский. Поездка в Петербург была предпринята по каким-то хозяйственным делам семьи К. Д. Ушинского.

вращении своем в деревню, где, судя по письму его, он застал все благополучно, требует от меня еще тысячу рублей серебром на том основании, что он иначе и не поехал бы в Петербург, если бы не был уверен получить все эти деньги. От меня же он уже получил *шестьсот* рублей, дорога и жизнь в продолжение всего времени была на мой счет, и кроме того, часть платья была куплена на наш счет, так как он не мог ехать в Петербург, не приодевшись прилично.

Я и сама не знаю, что с ним делать: во-первых, деньги детские, их нужно для них же сберечь; бог знает, что будет с *книгами*, долго ли они пойдут и как пойдут, а других средств к существованию никаких более нет. *Богданка* не более *двухсот* рублей дает, все остальное тратится на деревню же. Между тем за девочек нужно платить *тысячу* рублей, *700* рублей — взнос казенных денег, а *300* рублей за приватные уроки, да за мальчиков нужно платить немало за уроки. Отца нет; откуда мне достать денег?

Прощайте, голубчик Яков Павлович, не забывайте истинно преданную Вам

Н. Ушинскую.

Анелии Павловне мой душевный привет, скажите, что всегда помню ее доброе участие ко мне.

Нельзя ли узнать об Николае Ивановиче *Попове*, достать его адрес. — Дети все шлют привет.

(Вверху письма приписка)

Дайте совет, что мне делать с 3-й частью «Антропологии»; в Одессе университетский законоучитель* вместе с несколькими профессорами предлагают взять на себя пересмотр. Отдать ли им или кому другому?

---

* Проф. богословия Одесского университета, прот. М. Павловский, сказавший речь при отпевании К. Д. Ушинского.

2

10-го апреля 1871 г.

Добрейший друг наш, Яков Павлович!

Не могу выразить Вам того довольства, которое испытываю при получении Вашего письма! Вы для нас стали близким человеком!

Похоронивши мужа, я как будто бы с ним все похоронила — и счастье, и спокойствие и все чего-то боюсь, все чего-то жду ужасного. Недаром пословица говорит — «напуганная ворона и куста боится». Так и я после таких двух потерь (тяжелых), двух страшных ударов судьбы! Я нахожусь в каком-то ненатуральном состоянии, боюсь за каждую минуту: мне так и кажется, что вот-вот и еще нагрянет на нас новая беда! Ночи провожу решительно без сна от непривычки действовать самостоятельно, решать все своей одной головой. Приходится много работать, а более всего, разумеется, занимают меня и беспокоят дети, мальчики. Как и что будет с ними бедненькими, лишившись так рано отца, да и какого отца! А хотелось бы мне видеть их сперва хорошими детьми, а потом хорошими, добрыми и полезными людьми, достойными своего отца.

Вот так-то, в таких заботах провожу я и дни, и ночи. Воспоминание же о Вас, дорогой Яков Павлович, положительно мне жизни придает, *бодрости*; чувствую тогда, что не одни же мы остались, есть у нас еще добрый человек, который не бросит нас, не забудет и поможет нам своим советом и содействием, когда нужно. Да и что удивительного! Оставшись с такими близкими родными, каков родной дядя Александр Дмитриевич, с действиями которого Вы уже достаточно познакомились, на кого же могу я рассчитывать, как не на Вас, добрейший Яков Павлович: вся надежда на Вас, а об них лучше не вспоминать!

Сегодня только что отправила тяжеловесный пакет П. В. Кисловскому с разными доверенностями, копиями и другими бумагами. Очень рада была узнать из Вашего письма, что П. Васильевич остался доволен

своей доверенностью: в ней я ни слова не переменила из угождения к нему, — я так боюсь потерять его расположение к нам. — Также послала сегодня к нему письмо, утвержденное нотариальным порядком, составленное одесским нотариусом, в котором я предоставляю ему пользоваться 5 % из всей суммы, выручаемой им от продажи книг покойничка. Этого он желал и выразил, заявил это желание в последнем своем письме, а я поспешила удовлетворить его желание. В случае, ежели ему понадобится какая-нибудь доверенность или другая формальная бумага, пусть лучше потрудится прислать черновую, проект того, чего желает, и мы здесь перепишем и утвердим: не то можно ему не угодить, это было бы для меня прискорбно.

Что же касается до предложения Г. Классовского*, то надобно подождать с ответом. Дело в том, что прежде всего надобно *собрать* все относящиеся к III тому «Антропологии» *бумаги,* рукописи, часть которых была оставлена покойничком в Киеве, так как он в последнее время был очень расстроен и многим был недоволен, что было написано им, и *уничтожал,* так что теперь, когда стали перебирать его бумаги, то *полного, законченного уже* III-го тома Антропологии не находится, а только *отдельные главы,* и тех не очень много. *Все написанное покойничком, т. е. под его диктовку, каждая строчка сбережена* и находится под замком. Теперь жду короба с оставшимися книгами в Киеве и, когда все соберется, то препровожу к Вам, добрейший Яков Павлович! И Вы там распорядитесь.

С лета, т. е. с приезда его в *Богданку из Крыма* (где он был с Александром Федоровичем**), он ни строчки не написал, так что все, что было готового, было написано рукою Александра Федоровича.

---

* Г. Классовский — педагог, автор ряда трудов по педагогике и психологии, выходивших с 50-х по 70-е годы XIX в.

** Александр Федорович Фролков, автор изданной в 1881 г. биографии К. Д. Ушинского; в конце 60-х годов был личным секретарем и домашним учителем детей Ушинского, а также переписчиком работ Ушинского, которые последний большей частью диктовал ему.

Сохранились многие тетрадки по «Родному слову», которое он собирался, думал переделать для народных школ, также тетрадки по географии, так как покойничек собирался составить курс географии для детей. Все это налицо в портфеле покойничка, который он с собою вез в Крым работать, — равно как и книги, относящиеся к этому предмету. Верьте, что никто лучше моего не мог сберечь все, что было.

Как рада была я узнать из Вашего письма о письме брата Жоржа. Слава богу, что он жив. Я его решительно за это горестное время потеряла из виду, а также и за нашими постоянными разъездами. Представьте себе, что мы в один год объездили и пожили по несколько месяцев: в Петербурге, Богданке, Киеве, Одессе, так что можно и голову потерять в этой постоянной суете.

Дети, слава богу, пока здоровенькие: Наденька и Верочка в институте, на праздниках были дома; Костя же и Воля учатся дома. Не знаю, добрейший Яков Павлович, как мне устроиться с мальчиками, дайте Ваш добрый совет, которого я послушаюсь. Косте уже 12 лет исполнилось, пошел тринадцатый год: держать ли мне его еще год дома и готовить в гимназию, или же определить теперь, т. е. после каникул, для чего, разумеется, нужно будет по программе его подготовить. У нас живет в доме, еще выбранный покойничком, один молодой студент Киевского университета 2-го курса и занимается с детьми. Воле же 10 исполнилось и пошел одиннадцатый и в первый класс может поступить. Как Вы думаете, отдавать ли их, или лучше сказать, готовить ли их к определению в гимназию, или еще продержать их один год дома, так как здоровья они не очень крепкого. Мальчики охотятся поступить в гимназию и с удовольствием говорят о гимназии, даже Воля охотно говорит о своем поступлении в гимназию. Беда, что молодой человек, который теперь у нас, не успевает заниматься с обоими, приглашать еще других учителей дорого обходится, так как ему уже платим 800 рублей серебром в год. Хотя теперь в Одессе я пригласила для Кости *математика*, так как наш студент *филологиче-*

ского факультета, и этот предмет у него хромает, да еще ходит священник, *законоучитель* для Кости и Воли, что мне обходится около 40 рублей серебром в месяц. Костя и Воля добрые мальчики, неиспорченные, и мне жалко для них не сделать всего того, что только могу, в состоянии.

Как жалко мне, что я так далеко отшатнулась от Петербурга и от всех Вас! Можете себе представить, что в Одессе у меня положительно нет ни одной души знакомой, с кем бы могла поговорить, посоветоваться; живем одни одинешеньки, в чужом месте, городе и среди совершенно для нас незнакомых людей. Это очень тяжело, да что делать!

Прощайте, Яков Павлович, позвольте пожелать от всей души всего хорошего Вам и добрейшей Анелии Павловне!

Как рада была бы, ежели бы летом, на каникулах, могли бы Вы завернуть к нам, в Богданку. Как счастливы были бы мы все Вас принять у себя в маленьком нашем хуторке! Прощайте, дорогой Яков Павлович! Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности Вам

Н. Ушинская.

(Приписка к письму.) Может быть, ежели есть порядочный запас собранных денег у *Кисловского*, то не пришлет ли он часть его *через банк* в Одессу?

3

Письмо без даты*.

Дорогой и многоуважаемый Яков Павлович!

Прежде всего позвольте еще раз принести мое искреннее поздравление и пожелание всего наилучшего в жизни — здоровья и душевного спокойствия. Вчера получила Ваше письмо и сегодня спешу Вам ответить.

---

* Судя по содержанию, письмо написано во второй половине 1871 г. и представляет собой прямое продолжение предшествующих писем.

Душевно благодарна Вам, дорогой Яков Павлович, за участие, которое Вы принимаете в нас. Без Ваших писем, без Ваших добрых советов насчет семьи — детей мне уже очень бы тяжело жилось на свете! Письма же Ваши мне жизни придают. Они меня ободряют. Не оставляйте нас, добрый Яков Павлович!

От Кисловского я получила уведомление насчет отчета в опекунский совет, — он обещал приготовить все, что нужно, в течение января месяца. Что же касается до портрета покойного мужа, то я уже заказала Жуковскому, мужу Юлии Карловны, литографировать портрет, но вижу действительно, что поступила нехорошо, поторопилась. Хотя собственно просили меня портрет покойного мужа *не земство*, а *инспектор народных школ Бессарабской области*: он просил разрешить ему литографировать портрет, а также в Киеве некоторые школы просили портрет мужа, — вот что и заставило меня решиться отлитографировать и потом *не продавать*, а просто даром раздавать по школам, кто попросит портрета; продавать же портрет покойного мужа — я на это как-то не решусь: мне обидно, совестно, жалко продавать за деньги портрет близкого мне человека — мужа и отца моих детей. Что скажете, добрейший Яков Павлович, на это?

Что же касается до 3-го тома «Антропологии» в рукописи, то так как Фролков изъявил свое желание подобрать по главам, за что я ему несказанно буду благодарна, то не может ли он заехать в *январе* месяце побывать у меня в Киеве, — теперь же, проездом в Екатеринодар и мы тут с ним приведем в порядок и препроводим Вам, добрейший Яков Павлович. Он же мог бы разобрать и привести в порядок со мною *педагогические книги*, пожертвованные покойничком в Общество, иначе у меня нет никого в Киеве, к кому бы я могла обратиться с просьбой привести все это в порядок и препроводить, куда следует, по назначению. *Фролкова* я готова благодарить за это денежно, но только надо знать, сколько ему за это дать. —Устройте, если возможно, голубчик Яков Павлович, это дело, и я сердечно буду Вам благодарна.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности, с которыми навеки остаюсь преданная Вам

Н. Ушинская.

Дети все шлют Вам свой сердечный привет. Анелии Павловне прошу передать мое глубокое почтение.

4

Письмо без даты*.

Дорогой, бесценный наш Яков Павлович!

Вот я давно уже как воротилась в Киев и все время, по условию нашему с Вами, дорогой Яков Павлович, все слежу за моими Костей и Волей и все-таки прихожу к такому заключению, что для них самих было бы гораздо лучше, если бы их все-таки поместить в Москву, в то заведение, о котором я Вам говорила, дорогой Яков Павлович. С ними я еще ничего не говорила, так как они еще заняты своими экзаменами и потому не хочу с ними об этом говорить, спрашивать об этом их мнения и согласия. Знаю только, что мне самой это будет очень трудно, даже невозможно это устроить, так как я чувствую в самой себе большой упадок той энергии, которая у меня была до сих пор.

Да и не удивительно, дорогой мой друг и помощник мой, Яков Павлович, и удивительного ничего нет в этом: пока все дети были дети, то вести их было под силу, теперь же все это выросло и потому править и руководить ими всеми одной мне очень, очень трудно без всякой помощи со стороны, поддержки моральной.

Друг мой, Яков Павлович, помогите мне в этом деле. Вы один у меня, на которого я надеюсь: не оставьте меня без Вашей помощи, без поддержки, иначе плохо будет, я очень боюсь.

Дорогой Яков Павлович, я буду Вас просить все-таки эту дорогу сделать на мой счет ввиду того, что

---

* Судя по содержанию, письмо это относится уже к середине 1872 г., когда мальчики держали экзамен для поступления в соответствующие классы гимназии.

зачем же Вам бросать задаром заработанные Вами деньги: они Вам тоже не легко достаются и бросать их так нельзя. Для нас и то уже будет громадная поддержка — видеть Вас у себя.

Не забудьте то, что я не что другое, как слабая женщина, не способная ни на какие героические подвиги. Что делать? На старости лет не переделаешь себя, а между тем здесь надобно что-нибудь посильнее, поубедительнее меня! Умоляю Вас, не откажите моей просьбе, я задаром не стала бы Вас беспокоить.

Всей душой преданная Вам

Н. Ушинская.

Напишите мне поскорее, дорогой Яков Павлович! Прошу также и Анелию Павловну к нам. Поживем вместе!

в. Разные документы и материалы из отдельных периодов жизни К. Д. Ушинского

1. ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТОВ УШИНСКОГО

а) О РОЖДЕНИИ К. Д. УШИНСКОГО

*Свидетельство**

По указу его императорского величества из Тульской духовной Консистории дано сие надворного советника Дмитрия Григорьевича Ушинского сыну Константину для записи его в какое-либо казенное учебное заведение в том, что, хотя день рождения его, Константина, 1823 года февраля 19-го числа крестившим его го-

* Свидетельство о рождении К. Д. Ушинского обнаружено в архиве Московского государственного университета (опись 1840 г., д. № 510, в настоящее время переданное в ЦГАДА) автором кандидатской диссертации об Ушинском — Н. В. Зикеевым. Принимая во внимание неустановленность года рождения Ушинского, нужно признать документ этот имеющим исключительно важное значение для биографии К. Д. Ушинского. Известный исследователь его биографии, В. И. Чернышев, в течение целого ряда лет безуспешно пытался разыскать этот документ в разных архивах и в конце концов вынужден был сделать вывод, что метрическое свидетельство о рождении К. Д. Ушинского затеряно. В своих поисках Чернышев обращался и в архив Московского университета, из которого ему разрешено было выдать только копию из аттестата об окончании Ушинским Новгородсеверской гимназии, в котором, между прочим, значилось, что Ушинский родился в 1823 г. Эту дату Чернышев признал неоспоримой. Оставался однако неясным вопрос, почему многие,

рода Тулы Всесвятской кладбищенской церкви священником Иваном Семеновым, впоследствии умершим, в метрическую книгу и не мог быть записан, потому что к кладбищенским церквам, яко бесприходным, таковые книги от Консистории не выдавались, да и к собранию сведений из исповедных ведомостей приступить нет возможности, потому что господин Ушинский на другой год по рождении оного Константина переместился, как из послужного его списка видно, из Тульской в Полтавскую казенную палату, и он там, пожив два года, переместился в канцелярию г. министра финансов. Следовательно, господин Ушинский на одном месте постоянного жительства не имел, а потому и в исповедных росписях при семействе его оный сын не мог писаться, особенно по его малолетству, коему ныне только еще десятый год.

Но при рассмотрении времени и законности рождения оного Константина следователям под присягой показали бывший при той кладбищенской церкви пономарь Алексей Сергеев, титулярная советница Прасковья Александровна Молчанова и тульская мещанка вдова Анна Акимова, что подлинно они 1823 года февраля 19 дня были при крещении помянутого Константина — Молчанова восприемницей, а Акимова пови-

---

в том числе и сам Ушинский, называли годом его рождения 1824-й г. Печатаемый документ тоже устанавливает годом рождения 1823-й. Но это не метрическое свидетельство: такового совсем не было у Ушинского, как это констатируется в документе. Самый документ составлен в 1833 г., когда родители Ушинского стали думать о его определении в гимназию. Год рождения пришлось устанавливать свидетельскими показаниями, без единого письменного документа. Есть основание думать, что отец Ушинского имел намерение отдать своего сына в школу на один год раньше, в соответствии с чем и были даны свидетельские показания. Только при таком предположении можно объяснить, почему в официальных документах о рождении Ушинского фигурирует 1823 г., в неофициальных же показаниях годом рождения его считается 1824-й. Более подробные данные по этому вопросу приведены в статье «Новые материалы об Ушинском» (журн. «Советская педагогика», 1941, № 3, а также в 1-м томе настоящего собрания сочинений К. Д. Ушинского, стр. 41).

вальной бабкой, а восприемником старший сын его, Ушинского, Александр[4], а притом оный Константин и по послужному списку родителя его, господина Ушинского, показан в числе законных детей, имеющих о своем рождении из других консисторий свидетельства.— Почему Консисториею определено, его преосвященством Дамаскином, епископом Тульским и Белевским

Л. С. Ушинская, мать К. Д. Ушинского

кавалером, утверждено: приемля в основание все вышепрописанные удостоверения, признать означенного Константина законным г. Ушинского сыном, родившимся тысяча восемьсот двадцать третьего года февраля девятнадцатого дня и потому выдать ему о том на прописанный случай свидетельство, каковое и дано ноября 30-го дня 1833 года.

Подписали: протоиерей Иоанн Романов, секретарь Пармен Спорев, губернский секретарь Касионов.

М. П. № 2895

Верно: Коллежский секретарь *М. Ларионов.*

б) О СОПРИЧИСЛЕНИИ Д. Г. УШИНСКОГО И ЕГО СЕМЬИ К ДВОРЯНСКОМУ ЗВАНИЮ *

1838 г. Октября 25 дня по указу его императорского величества Черниговское дворянское депутатское собрание, слушав прошение жительствующего в городе Новгород-северске чиновника 7-го класса Дмитрия Григорьева, сына Ушинского, коим испрашивается, — что он имеет постоянное жительство в городе Новгород-северске и крестьян в хуторе Павловском, числящихся за ним, и доставшихся ему с детьми его после смерти жены его в хуторах Солоном и Павловском, с жилым домом в городе Новгород-северске, почему, желая состоять в числе дворян по Новгород-северскому уезду по чинам с его детьми — сынами Константином, Сергеем да дочерью Екатериной, и представляя подлинниками аттестат из Волынской казенной палаты о службе 1836 года августа 10 и три метрических свидетельства из Тульской и Вологодской духовных консисторий о законном рождении помянутых детей его, просит о внесении его с детьми — сыновьями Константином, Сергеем и дочерью Екатериной в дворянскую родословную книгу сей губернии, учинить определение, из оного выдать ему и тем детям его справочные копии, возвратив сыну подлинные документы за оставлением

---

* Документ о сопричислении Д. Г. Ушинского с детьми к дворянскому званию извлечен из архива Московского Государственного университета (опись 1840 г., дело № 510, в настоящее время переданное в ЦГАДА). Из документа видно, что отец Ушинского не был дворянином по происхождению, но приобрел потомственное дворянство в результате своей продолжительной службы в армии 1812 г., а по выходе в отставку — в качестве чиновника различных финансовых учреждений России. В числе детей Д. Г. Ушинского, причисленных к дворянскому званию, упомянуты — Константин, Сергей, Екатерина, как законные дети. Ничего однако не упоминается о старшем сыне Д. Г. Ушинского — Александре Дмитриевиче, который был восприемником при крещении Константина, но, очевидно, юридически не мог считаться законным сыном Д. Г. Ушинского, как рожденный вне брака.

с них копии по рассмотрении означенных документов, из коих явствует:

а) аттестата из Вологодской казенной палаты служившему в оной губернским казначеем 7-го класса Дмитрию Григорьеву сыну Ушинскому, 10 августа 1836 года за № 6672 данного, что он, Ушинский, в службу вступил в дворянский корпус 1807 г. апреля 3-го, произведен прапорщиком по армии, направлен в том же корпусе для обучения дворян; того же года ноября 26 за усердную и ревностную службу и скорое доведение дворян к познанию порядка воинской службы по высочайшему повелению произведен поручиком; 1808 г. декабря 20-го по желанию переведен Ушинский в пехотный полк; 1810 г. мая 9-го за скорое сформирование из рекрутов батальона и доведение в службе произведен штабс-капитаном; 1812 г. января 25-го, в начале 1813 и в конце 1814 года был командирован для выбора людей в гвардию и гренадеры в первый раз трех тысяч, а во второй пяти тысяч: за успешное окончание сего поручения награжден 1815 г. августа 10-го майором; 1817 г. апреля 30-го дня за болезнью вовсе уволен от службы с награждением чином подполковника и мундиром; 1820 г. апреля 3-го по указу правительствующего сената определен в Тульскую казенную палату по хозяйственной экспедиции советником; 1821 апреля 20-го по указу правительствующего сената перемещен в таковую полтавскую и переименован в коллежские ассесоры; 1824 марта 20-го согласно прошению указом правительствующего сената уволен из полтавской казенной палаты для определения к другим делам; 1826 г. февраля 11-го определен по прошению его в канцелярию г. министра финансов; того же года февраля 13-го за выслугу лет произведен в надворные советники со старшинством; с 1833 г. мая 17-го определен в Олонецкую казенную палату по хозяйственному отделению советником; в 1826 г. ноября 4-го дня сверх должности советника по палате по высочайшему соизволению утвержден в звании члена Вологодского тюремного комитета исправлять должность тамошнего вице-губернатора; вслед-

ствие предписания г. министра финансов перемещен из советников в губернские казначеи с переводом в 7-й класс 1832 г. июля 11-го. Имеет медали — серебряную, бронзовую..., а 1838 г. февраля 23-го правительствующим Сенатом от должности губернского казначея уволен.

Д. Г. Ушинский, отец К. Д. Ушинского

В продолжение воинской службы был в походах и действительных сражениях;

б) из трех метрических свидетельств Тульской и Вологодской духовных консисторий 28 июля 1832 г. за № 1868—1869 и ноября 1833 года за № 28—29 данных, что от надворного советника Дмитрия Григорьевича сына Ушинского законно родились дети — Константин 1823 г. февраля 19-го, Сергей — 1829 г. июля 28-го и дочь Екатерина 1831 г. ноября 24-го числа, —

Определили: как вышеписанными актами доказывается, что проситель, чиновник 7-го класса, Димитрий Григорьев сын Ушинский приобрел в действительной воинской и гражданской службе воинские штаб-офицерские чины, приносящие потомственное дворянство и что от него в законном браке произошли сыновья — Константин, Сергей и дочь Екатерина, то на основании Свода законов тома 9 о состояниях статей 16, 18, 26, 30 и 873-й, его, Дмитрия Григорьевича Ушинского, сопричислить в число дворян Черниговской губернии вместе с детьми его, сыновьями — Константином, Сергеем и дочерью Екатериной, в третью часть дворянской родословной книги, о чем герольдии правительствующего сената с приложением копии с сего определения и вышепоказанных доказательств представить, а копию с сего определения с надлежащим засвидетельствованием выдать по прошению г. Ушинскому и детям его — Константину, Сергею и Екатерине, возвратив ему подлинные документы за оставлением с них к делу копии с оной копии с определением, а подлинные документы для получения г. Ушинскому препроводить при сообщении г. предводителю дворянства Новгород-северского уезда подлинного определения за подписью г. исправляющего должность губернского предводителя дворянства и депутатов.

Сия копия определения с таковым подлинным верна и по прошению господина чиновника 7-го класса Дмитрия Григорьевича Ушинского из Черниговского депутатского собрания ему, г. Ушинскому, выдана, и таковая копия с его определения с копиями доказательств, входящих в состав оного, представлена в герольдию правительствующего сената при рапорте сего собрания от 13-го числа настоящего ноября за № 161 ноября 22 дня 1838 г.

Исправляющий должность губернского предводителя Черниговского уезда предводитель дворянства Яков Дунин-Борковский, секретарь дворянства Волдовский, столоначальника — помощник Погорельский М. П.

Верно: Коллежский секретарь *М. Ларионов.*

в) ОБ ОКОНЧАНИИ К. Д. УШИНСКИМ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЙ ГИМНАЗИИ

*Увольнительное свидетельство**

Имя

Константин Ушинский, Черниговской губернии Новгород-северского уезда, чиновника 7-го класса Дмитрия Ушинского сын, родился в г. Туле 1823 года февраля 19-го дня.

Время посещения гимназии.

Поступил в гимназию 1833 года октября 10-го дня в 1-й класс и был в оном год, во 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м и 7-м по году, всего семь лет.

Поведение.

Первое: в отношении к соучащимся — вел себя прилично, не обнаружив никаких наклонностей, достойных осуждения; *второе*: в отношении к начальству — оказывал должное уважение и приветливость и вообще был поведения хорошего.

Прилежание.

При превосходных дарованиях старание к приобретению знаний употреблял *посредственное*, почему в предметах учения оказал следующие успехи:

---

* Свидетельство извлечено из архива Московского Государственного университета (опись 1840 г., дело № 510, переданное в ЦГАДА). Согласно принятой форме, документ педантично отмечает, что, поступив в гимназию 10. X 1833 г. в 1-й класс, Ушинский был в 1-м равно как и в следующих семи классах по одному году. В действительности, как известно из других источников, Ушинский был сразу определен в 3-й класс, первые же два класса были зачтены ему на основании приемных экзаменов, к которым он был подготовлен в занятиях с своей матерью — Любовью Степановной Ушинской. Само поступление в 3-й класс было обусловлено тем, что в 1835 г. скончалась мать Ушинского и домашнее обучение дальше продолжаться не могло.

П о з н а н и я.

В законе божьем: в священной истории и катехизисе, церковной истории и христианских обязанностях — *хорошие*.

В российской словесности:

в грамматике русской и славянской — *достаточные*:

в логике и риторике — *хорошие*,

пиитике и истории словесности — *отличные*,

в сочинении — *хорошие*.

В латинском языке:

в грамматике и переводах с латинского — *достаточные*,

в переводах с русского — *посредственные*.

В математике:

в арифметике и алгебре — *слабые*,

геометрии — *посредственные*,

тригонометрии и аналитической геометрии — *слабые*.

В физике общей и частной — *достаточные*.

Во всеобщей истории — древней, средней и новой — *отличные*.

Во всеобщей *географии и статистике*, российской географии и статистике — *хорошие*.

В русской истории — *отличные*.

В немецком языке:

в грамматике и переводах с немецкого — *хорошие*,

в переводах с русского — *посредственные*.

В чистописании и рисовании — *достаточные*.

Ныне он, Константин Ушинский, из VII класса гимназии по его прошению для дальнейшего образования в императорском Московском университете уволен: почему и выдано ему сие свидетельство за подписанием директора и учителей и приложением гимназической печати.

Новгород-северск 1840 г. июня 22 дня

Директор Новгород-северской гимназии надворный советник и кавалер *Андрей Боторовский*.

Инспектор, надворный советник и кавалер *Герасим Ивановский*.

Законоучитель протоиерей *Василий Лачевский*.

Учитель математики, коллежский советник *Иосиф Бонче-Осмоловский*.

Учитель латинского языка, коллежский ассесор *Карл Алехнович Микульский*.

Учитель русской словесности, коллежский ассесор *Федор Киреев*.

Учитель физики коллежский ассесор *Матвей Домидовский*.

Учитель истории и статистики коллежский ассесор *Михаил Ерофеев*.

Учитель немецкого языка титулярный советник *Эдуард Штранге*.

Исправляющий должность учителя французского языка *Ромуальд Сакович*.

г) ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В МОСКВУ *

Выпускной гимназический экзамен окончен; аттестаты в руках: пора собираться в университет. Трое из нас выбрали отдаленный университет — Московский. Почему? — трудно решить. Какое-то неизъяснимое очарование скрывалось для нас в слове *Москва*. Нанят троечный извозчик,— мы были недостаточно богаты, чтобы ехать на почтовых,— отслужен напутственный молебен. Я плакал горько, прощаясь в первый раз с родимым гнездом; но в этих слезах было какое-то и отрадное чувство: широкий мир, о котором мы столько мечтали, наконец, открывался перед нами!

---

* Рассказ под этим заголовком представляет черновой набросок, сделанный Ушинским в целой серии исторических и географических рассказов в тетради — «Наши степи и другие рассказы» [Архив Института литературы Академии наук СССР («Пушкинский дом»), ф. 316, № 58]. Рассказ имеет,помимо своего педагогического назначения, и автобиографический характер и в известной степени отражает настроения и впечатления, пережитые Ушинским при его первой поездке в Москву для поступления в университет.

Но вот и красивые горы, с которых съезжал когда-то удалой князь Игорь, отправляясь на половцев, и главы Спасовского монастыря, в котором скрывался когда-то беглый инок, задумавший сделаться царем на Москве, скрылись вдали...

Мы ехали дней 12. Мценск показался для нас хорошим городом, Орел и Калуга — громадными, красивыми городами для нас, не видевших до того времени ничего лучше Новгород-северска. Но что же должны были мы почувствовать, когда наш ямщик, выезжавший обыкновенно до света, когда мы еще крепко спали в кибитке, разбудил нас, говоря: «не хотите ли, господа, взглянуть на Москву!» Сон слетел с нас в одну минуту и мы, стоя на передке, смотрели во все глаза, смотрели и не понимали: неужели это один город обхватил пол-горизонта! Москва еще была верстах в 30 от нас, едва виднелась в светлом утреннем воздухе; а верхушки церквей и колоколен ярко блестели своими золотыми главами, видны были — и впереди, и направо, и налево, составляя громадный полукруг...

Но мы не думали тогда об объяснении оптического явления; сердца наши бились сильно; глаза не могли оторваться от очаровательной, давно ожидаемой нами картины и мы машинально следили за громадной рукавицей ямщика, который показывал нам не без гордости золотые маковки, называл церкви, монастыри: Симонов монастырь, Донской, Кремль, Иван Великий — отдавалось в наших ушах и трогало в душе какое-то глубокое, святое чувство Все эти имена звучали для меня чем-то близким, родным и вместе с тем чем-то неизъяснимым, таинственным и чудным: в раннем детстве, дремля в углу дивана, я слышал все эти имена в разговорах моих родных и на каждое из них детская фантазия отзывалась живым, ярким образом, который, конечно, мало соответствовал действительности.

С этого же места в 12-м году, говорят, Наполеон в первый раз увидел Москву. Какой гордостью должно было наполняться сердце завоевателя, которому отдавался во власть этот громадный, отдаленный город —

самая древняя из европейских столиц!.. Но не чувствовал ли он тогда, что она, эта блестящая золотыми маковками столица станет гробом его великой армии и его могущества?

Кибитка наша тронулась, Москва скрылась из виду, и нам казалось, что мы никогда не дотащимся на своей, уже утомленной тройке, тем более, что громадные обозы, тянувшиеся в Москву и из Москвы, беспрестанно заставляли нас то сворачивать, то останавливаться. Потянулись бесчисленные поместья, эти русские большие деревни, охватившие любимую матушку Москву со всех сторон. Но вот и застава; виды показаны, шлагбаум поднят, кибитка наша застучала по городской мостовой и мы, очарованные, оглушенные столичным шумом, поражаемые разнообразием и новостью всего, что видели,— потонули в океане монастырей, церквей, садов, дворцов, домов. Кибитка наша шныряла из улицы в улицу, из переулка в переулок и мы с удивлением смотрели на нашего возницу, который был как у себя дома в этой перепутанной сети улиц и переулков, и доверили ему вполне выбор гостиницы. Мы остановились где-то неподалеку от Сухаревой башни.

Не медля ни минуты, как только были внесены наши вещи в номер, развязал я свой чемодан, достал белье, платье и через четверть часа выходил уже за ворота.

— Куда это, барин, так торопишься? — спросил меня наш ямщик, отпрягавший лошадей.

В толпе незнакомых лиц лицо ямщика, с которым мы сдружились за дорогу, казалось мне родным.

— В Кремль, голубчик Иван: Кремль хочу посмотреть!

— Зачем же так торопиться, напился бы чайку прежде! Небось, Кремль не уйдет, — сказал мне, улыбаясь, Иван и посоветовал взять на первый раз извозчика, чтобы не заблудиться, и хорошенько запомнить улицу и гостиницу, где остановились.—«Да карманы держите покрепче, а то Москва бьет с носка».

Не буду рассказывать вам, какое впечатление произвели на меня — и Сухарева башня, куда под-

нимается вода, чтобы потом выглянуть красивым фонтаном на московских площадях; и блестящие магазины Кузнецкого моста с саженными стеклами; и громадный театр, засмотревшись на который, я чуть не потерял фуражки, и Охотный рынок, где по моему тогдашнему мнению собралась ярмарка, и часовня Иверской божией матери, вся блестевшая свечами, золотом и драгоценными каменьями; и Китай-город со своим громадным гостиным двором, в котором одном мы нашли больше лавок, чем в пяти губернских городах; и прекрасный памятник спасителям России — Минину и Пожарскому,— не буду рассказывать, потому что все эти впечатления изгладились перед тем, что я почувствовал, оставив тряские дрожки и войдя пешком в стены Кремля, безмолвные в сравнении с тем, что я оставил за собой. Здесь, стоя на небольшой площадке, был я окружен соборами, церквами и дворцами.

Какой-то человек в длинном пальто, заметив мой изумленный вид, вызвался за полтинник показать мне весь Кремль...

(Далее конспективный перечень всего виденного.)

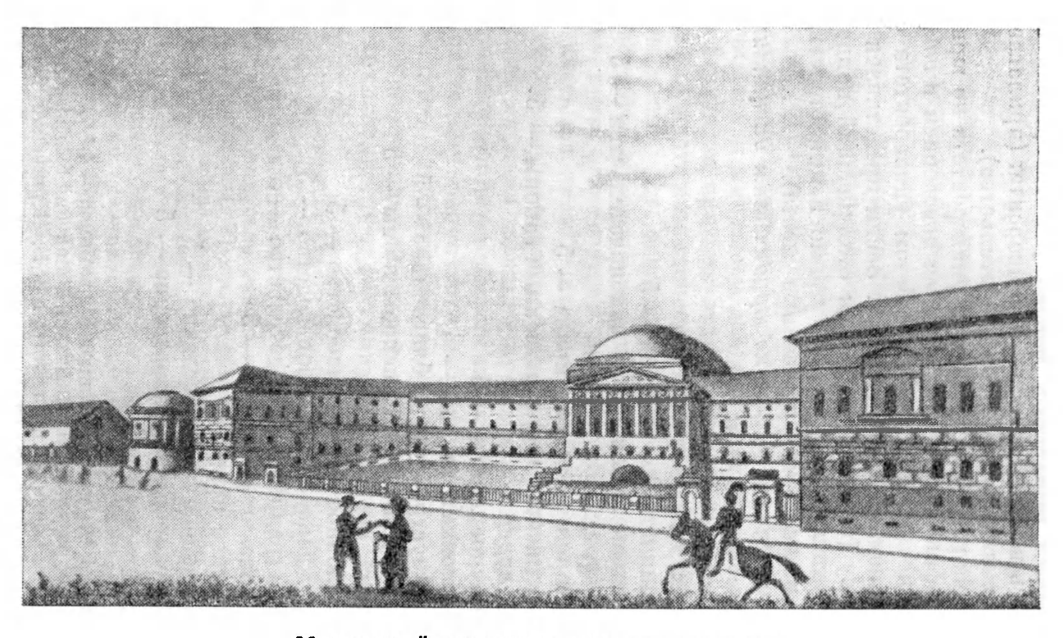
д) ОБ ОКОНЧАНИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА *

Справка

Константин Ушинский поступил в Московский университет на юридический факультет в августе 1840 г. по свидетельству Новгород-северской гимназии, удо-

---

* Аттестат об окончании Ушинским Московского университета сохранился в виде справки, выданной В. И. Чернышеву из университета и хранящейся в его архиве (ЦГАДА, ф. Чернышева 1203, № 5). Как видно из аттестата, средний балл Ушинского за 4 года был равен 4 $^{14}/_{15}$. Формальным условием для получения степени кандидата являлось требование, чтобы сумма баллов была в среднем не ниже 4,5. У оканчивавших курс юридического факультета Московского университета в 1844 г. со степенью кандидата средняя сумма баллов была такова: В. Черкасский — 5; К. Ушинский — 4 $^{14}/_{15}$; В. Трсбинов — 4 $^{12}/_{15}$;

Московский университет сороковых годов

стоен звания студента Московского университета по надлежащем испытании, каковому в те времена подвергались все поступавшие в университет (прилагается копия с гимназического свидетельства).

Окончил курс Московского университета по юридическому факультету с *примерным* поведением и *отличными* успехами и удостоен советом университета степени кандидата 3 июня 1844 г. Засим представлен министерству (в числе трех), как отличнейший кандидат (для определения на службу прямо в министерство и другие высшие присутственные места).

Сводный список баллов по юридическим дисциплинам за все четыре курса:

Первый курс:
- Энциклопедия законов — 5
- История российского законодательства — 5

Второй курс:
- История римского права — 5
- Российские государственные законы — 5

Третий курс:
- Римское право — 5
- Уголовные законы — 4
- Благоустройство и благочиние — 5
- Российские гражданские законы — 5

Четвертый курс:
- Уголовное судопроизводство — 5
- Гражданское судопроизводство — 5
- Иностранное законодательство — 5
- Законы о финансах — 5
- Римское право — 5
- Церковное законоведение — 5
- Общенародное правоведение — 5

А. Пиня — 4 $^{9}/_{15}$ и Н. Воронцов-Вельяминов — 4 $^{8}/_{15}$. На основании таких результатов испытаний Ушинский был выделен как отличнейший кандидат после того, как В. Черкасский, первоначально получивший это отличие, отказался от него по личным обстоятельствам.

е) ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОВЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 1844 г.*

а) *Журнал 3.VI. 1844 г. № 61*: Согласно заключению 1 и 2 отделения философского, а также юридического факультетов утвердить в степени кандидатов в юридическом факультете — Владимира Черкасского, Константина Ушинского, Владимира Требинова и Николая Воронцова-Вельяминова.

б) *Журнал 1. IX. 1844 г. № 68*: Предложение попечителя от 20.VII за № 3196, в коем изъяснено, что университетский совет от 17 того же июля донес, что из кончивших в минувшем академическом году курс учения студентов признан отличнейшим удостоенным степени кандидата в юридическом факультете кн. Владимир Черкасский. На основании высочайшего повеления дозволяется каждому университету представлять ежегодно трех отличнейших кандидатов, которые могут поступать на службу прямо в министерства и другие высшие присутственные места... Но как кандидат Черкасский изъявил желание продолжать науки для достижения магистерской степени, а потому и предлагается юридическому факультету избрать немедленно других кандидатов для показанного назначения... Во исполнение такого предложения г. попечителя г. ректор донес его сиятельству от 4-го минувшего августа за № 1085,

---

* Постановления Совета императорского Московского университета извлечены из журналов Совета за 1844 г. от 3 июня за № 61 и 1 сентября за № 68. Из постановлений видно, что только Черкасский официально изъявил желание готовиться к магистерскому экзамену, Ушинский официально этого заявления не делал, но, как видно из его переписки и из дневника, он, сидя в Москве и имея частные занятия, начал под руководством профессоров занятия с тем, чтобы держать экзамен. Эта двойственность положения была причиной его неудовлетворенности и смущения, которое он испытывал, когда его спрашивали, что он намерен делать. Решающее значение в его отказе от экзамена имело, повидимому, его отвращение от формальных требований, предъявляемых магистрантам, между тем как ему хотелось принять непосредственное участие в разработке интересовавших его областей научного знания.

что вместо прежнего выбора назначен в юридическом факультете Константин Ушинский.

Подписи членов Совета:

Ректор А. А. Альфонский, декан И. И. Давыдов, Д. Перевощиков, Н. И. Крылов.

Ординарные профессора: Рихтер М. В., Фишер А. Г., Гейман Р. Г., Васильев Н. С., Страхов П. А., Брашман Н. Д., Иноземцев Ф. И., Филомафитский А. М., Редкин П. Г., Баршев С. И., Армфельд А. О., Сокольский Г. И., Морошкип Ф. Л., Шевырев С. П., Зернов Н. З., Севрук Л. С., Овер А. И., Хлебов А. П., Чивилев А. И.

Экстраординарные проф.: Рулье К., Бодянский А. М., Лешков В. П., Гофман К. К., Анке Н. Г.

2. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ВРЕМЕНИ РАБОТЫ К. Д. УШИНСКОГО В ЯРОСЛАВСКОМ ДЕМИДОВСКОМ ЛИЦЕЕ

а) ОСОБЫЕ МНЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К. Д. УШИНСКИМ В СОВЕТ ЯРОСЛАВСКОГО ЛИЦЕЯ

1. О необходимости перераспределения учебных дисциплин по курсам *

Преподавание энциклопедии законоведения на 2-м отделении Демидовского лицея совместно с преподаванием на том же отделении частных юридических наук, каковы науки государственного, гражданского и уголовного прав (как назначено это было в распределении предметов по отделениям, сделанном до моего вступления на службу), я почитаю совершенно невозможным: во 1-х, потому, что чтение части юридических наук без предварительных общих сведений о праве и его отделах чрезвычайно затруднительно и шатко; во 2-х, без предварительного преподавания энциклопедии законоведения при начале каждой частной его науки должны быть излагаемы общие сведения о праве, что будет напрасной тратой времени и стеснит до крайности преподавателя в курсе и без того уже кратком; в 3-х, энциклопедия законоведения по самому назначению нашего лицея не может быть излагаема философски,

* (Архив Демидовского лицея 1846 г.) Заявление К. Д. Ушинского в Совет Демидовского лицея извлечено из статьи С. Покровского «Страница из профессорской деятельности К. Д Ушинского в Демидовском лицее (по данным архива Демидовского юридического лицея)» («Вестник воспитания», 1911, № 9, стр. 64—65). Подлинник заявления, как и ряд других материалов об Ушинском этого периода, погиб вместе с архивом лицея в период гражданской войны 1918/19 г.

как наука самостоятельная, но только как наука, дающая предварительные сведения о праве, необходимые для изучения его в частных науках; а не имея первого, философского значения и преподаваясь на втором курсе, она потеряет и значение приготовительной науки; в 4-х, будучи преподавателем на одном и том же отделении приготовительной и одной частной науки права, я буду поставлен в затруднительное положение — излагать моим слушателям то, значение чего буду объяснять еще, может быть, через несколько недель; в 5-х, студенты будут также в странном положении — слушать различные проявления закона и потом, через несколько времени — что такое самый закон и как он является; слушать государственное право и потом через несколько времени — что такое государственное право и почему право государственное отделяется от гражданского и т. п.

По всем этим причинам я полагаю особенным мнением: по праву, нам данному, перенести чтение энциклопедии законоведения на первое отделение лицея.

2. О необходимости единовременного израсходования 250 руб. на приобретение книг для библиотеки лицея *

При чтении лекций я решительно не имею от лицея никаких источников и должен руководствоваться одною собственной библиотекой, что чрезвычайно затрудняет чтение и делает невозможным излагать предмет с надлежащей полнотой. Источниками по этому

---

* «Мнения гг. преподавателей лицея, № 42 Архива Демидовского юридического лицея за 1847 г. Мнение члена совета Константина Ушинского». На основании изложенного мнения Ушинский просил разрешения израсходовать единовременно из экономических сумм лицея двести пятьдесят рублей серебром для выписки книг по указанным в означенном мнении отделам наук. Этой суммы, по разъяснению Ушинского, едва было достаточно, чтобы удовлетворить самым крайним необходимостям чтения по этим предметам (С. Покровский, «Из профессорской деятельности К.Д. Ушинского», «Вестник воспитания», 1911, № 9, стр. 66—67).

предмету нельзя принять общих энциклопедических сочинений по самому их направлению и потому, что ни одно из них не представляет всестороннего воззрения на предметы. И потому по разным частям энциклопедии должны быть приняты сочинения знаменитейших юристов по этим частям, а в лицейской библиотеке, кроме некоторых сочинений по римскому праву, других юридических почти никаких нет, а какие и есть, то принадлежат прошлому столетию или вовсе негодны. По предмету финансового права, который я обязан излагать на будущий год на 3-м курсе, в библиотеке всего находится одно только сочинение Рау, да и то старое издание.

б) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО ГРАФУ С. Г. СТРОГАНОВУ, ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА *

Ваше сиятельство, милостивый государь
граф Сергей Григорьевич!

Желаю оправдать себя и поэтому решаюсь писать к Вашему сиятельству.

Еще не зная библиотеки Демидовского лицея, я предполагал, что встречу там недостаток в книгах по моим кафедрам — Энциклопедии законоведения, Государственного права и науки Финансов,— и старался предупредить это, сколько позволяли мои собственные средства. Но, прибывши на место, я увидел, что этот

* Мособлархив, ф. Московский учебный округ, д. № 249, 1-й ст., лл. 7—8, 1948. Документ разыскан кандидатом пед. наук Н. В. Зикеевым и опубликован в журнале «Ученые записки Ярославского пед. института им. К. Д. Ушинского», вып. XIII (XXIII), 1948, стр. 135—136. Письмо было вызвано строгим требованием попечителя Московского уч. округа, гр. С. Г. Строганова, о представлении ему точного списка литературы, предположенной к выписке, с очевидной целью контроля. По свидетельству проф. С. Покровского, который имел еще возможность знакомиться с архивом Ярославского лицея до его уничтожения, из представленного Ушинским списка попечителем были вычеркнуты все книги, в которых вопросы права и законоведения разрабатывались с точки зрения интересов конституционных государств.

недостаток был более предполагаемого: в течение 10 лет не выписано почти ни одной юридической книги, ни одной Энциклопедии законоведения и ни одной для финансов,— библиотека не имеет даже Свода законов. Существующие книги, кроме отдела римского права, самые жалкие, тогда как кафедры других наук каждый год прибавляли много дельного и даже роскошного к богатому уже собранию.

Исправить этот недостаток на свои собственные средства с прибавкою тех 45 руб. серебром, которые достаются на мою долю из ежегодной лицейской выписки, было невозможно. В это время один из моих товарищей, преподаватель политической экономии, поставленный в одно положение со мною, просил разрешения выписать книг на 250 руб. серебром из экономической суммы; разрешение было. Я решился последовать его примеру не только в форме представления, но даже в назначении самой суммы, которая означает вовсе не то количество денег, в котором нуждается юридическая библиотека; но только величину той помощи, какую может оказать в этом случае наш небогатый Лицей, но я не был так счастлив, как мой товарищ.

Из каталога, отправляемого теперь по требованию Вашего сиятельства, легко видеть, почему я ждал случая представить его лично. Во-первых, о формировании библиотеки по тому или другому предмету здесь не может быть и речи. С этим убеждением я просил Лицей только помочь мне достать средства для полного чтения лекций. И потому, рассчитывая, что всех денег должно будет издержать около 2000 рублей ассигнациями, я просил от Лицея помощи на 250 рублей серебром с тем, что на них будут приобретены самые дорогие и лучшие издания. Во-вторых, из того же каталога видно, что в нем помещены далеко не все книги, на которые указывает литература моих предметов, и притом пропущены многие сочинения общие, тогда как некоторые части довольно полны. Причины этого: недостаток времени, практическая цель нашего заведения, которая требует более подробности в частях,

нежели полноты в отвлеченной теории. Подробного изложения всех частей не допускает время, и потому я предполагал обратить особое внимание только на те части, которые в настоящее время имеют особую важность; так, например, я желал развить статьи: кадастр, косвенные налоги, государственные имущества — в полной их практической приложимости, а потому и назначил довольно много сочинений по этим частям. Такие же причины мог бы я представить в оправдание каталога книг и по энциклопедии, но объяснить все это в официальной бумаге мне казалось трудным.

За употребление этих денег по назначению ручается то, что книги выписываются и деньги уплачиваются самим Правлением Лицея. Вот причины, которые заставляли меня медлить с доставлением каталога, и теперь заставляют меня просить у Вашего сиятельства дозволения оправдать мой каталог лично и предварительно заняться пересмотром в библиотеке Московского университета тех из книг, с которыми я знаком только по ссылкам других авторов, и справившись с ценами, представить Вашему сиятельству список книгам, назначаемым собственно для библиотеки Лицея.

Прошу покорнейше простить мне мою смелость — письменно беспокоить Ваше сиятельство, но в этом случае я пользуюсь только милостивым Вашим позволением.

Вашего сиятельства покорнейший слуга
К. Ушинский.

1847 г. 2-го июня Ярославль

в) ПРОЕКТ ПРАВИЛ ДЛЯ ИСПЫТАНИЯ СТУДЕНТОВ ДЕМИДОВСКОГО ЛИЦЕЯ И ДЛЯ ПРИСУЖДЕНИЯ ИМ РАЗНЫХ НАГРАД*

§ 1.

В конце каждого академического года производится студентам всех трех отделений Демидовского Лицея испытание во всем пройденном в течение года.

* Мособлархив ф. Московский учебный округ, д. № 300, лл. 2—7, 1947. Документ разыскан кандидатом пед. наук Н. В.

§ 2.

По окончании лекций каждый преподаватель представляет в Совет краткую программу пройденного им в течение академического года из всех предметов, входящих в состав его кафедры. Из этих программ преподавателем составляются потом вопросы для испытания, которые пишутся на билетах.

§ 3.

При закрытии лекций собирается Совет, в котором назначается время и порядок испытаний, и распоряжение Совета тотчас же передается инспектору для объявления студентам, в этом же Совете назначаются и ассистенты для испытания из каждого предмета.

§ 4.

Испытание производится по билетам самим преподавателем, в присутствии директора и одного из профессоров, по возможности предмета ближайшего к предмету испытания.

§ 5.

Отметки ставятся самим преподавателем во время самого экзамена цифрами 0, 1, 2, 3, 4, 5, которые в восходящем порядке означают: совершенное *незнание*, знание *слабое*, *посредственное*, *достаточное*, *хорошее* и *отличное*, по окончании испытания отметки просматриваются всеми официально присутствующими, и списки, которые должны быть в двух экземплярах, один для Совета и один для директора, подписываются директором, преподавателем и ассистентом. В случае возникающего спора об отметках, он окончательно решается Советом по голосам, при равенстве которых голос преподавателя имеет перевес.

Зикеевым и опубликован в журнале «Ученые записки Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского», вып. XIII (XXIII), 1947, стр. 137—141. Текст правил, как видно из журнала Совета Демидовского лицея, «составлен гг. исправляющими должность профессора — Ушинским и Львовским».

§ 6.

Если студент отвечает на первый билет неудовлетворительно, то преподаватель предлагает ему еще два и может сверх того предлагать ему вопросы из всего предмета. Вопросы могут быть предлагаемы студенту всеми присутствующими при испытании.

§ 7.

Из представленных списков в Совет канцелярия оного составляет общий список по каждому отделению, где против имени студента означаются полученные им баллы, каждый порознь и притом так, чтобы главные предметы были отделены от побочных и в конце выведен средний балл особо из главных предметов и особо из побочных (средний балл получается в частном от разделения суммы всех баллов на число предметов). Дроби должны быть означаемы с точностью.

§ 8.

Из общих списков за каждый год для студентов третьего отделения составляется общая ведомость, из одних юридико-камеральных предметов по всем трем отделениям, где выводится средний балл за все три года.

§ 9.

Общие списки за каждый год и ведомости за три года составляются секретарем Совета, и как те, так и другие проверяются Советом, подписываются всеми его членами и скрепляются секретарем. Это производится в Совете, имеющем заседание тотчас по окончании всех испытаний. В этом же заседании производится суждение как о переводе студентов из отделения в отделение, так и о выпуске окончивших курс учения.

§ 10.

Перевода в высшее отделение удостаивается студент, получивший из главных предметов в общем числе не менее трех и из приготовительных не менее двух

с половиною; студент, получивший единицу в каком бы то ни было предмете, перевода не удостаивается. Из этого правила исключаются языки французский и немецкий, в которых получивший единицу и оказавший хорошие познания во всех других предметах, может быть удостоен перевода с тем только условием, чтобы при выходе из Лицея приобретенные им потом знания в этом языке доказал он в присутствии Совета.

§ 11.

Студент, получивший единицу в каком бы то ни было предмете и оказавший отличные успехи во всех других, может быть допущен приговором Совета к переэкзаменовке, время которой назначается также Советом.

§ 12.

Студенты Демидовского Лицея по новому уставу удостаиваются при выпуске прав па 14 и 12 классы. Первого из этих прав удостаиваются получившие в общем выводе из юридико-камеральных предметов не менее трех, второго же из этих прав удостаиваются получившие за все три курса из тех же предметов в общем выводе не менее четырех полных баллов.

§ 13.

К главным предметам причисляются, во-первых, богословие, во-вторых, все юридико-камеральные науки. К приготовительным — русская словесность, политическая и арифметика, бухгалтерия и новейшие языки.

§ 14.

Студент, получивший балл 2 в одном из юридико-камеральных предметов, прав на 12 класс лишается, хотя бы в общем выводе из этих предметов и получил он 4.

§ 15.

Студент, не явившийся на испытание и не предъявивший Совету через инспектора законных причин

неявки, остается на том же курсе. Законность причин уважается Советом, который в этом случае тогда же определяет время для испытания неявившемуся студенту. Впрочем, это испытание может быть не иначе, как в начале следующего академического года пред открытием лекции.

§ 16.

Студент, пробывший на одном и том же отделении два года и не удостоенный перевода в высшее, исключается из списков студентов.

§ 17.

Студент, не явившийся на испытание и на переэкзаменовку во второй год своего пребывания на одном и том же отделении по законным причинам, которых законность уважена Советом, может быть по приговору его оставлен и на 3 год, но не долее.

§ 18.

Студент, находящийся на содержании Лицея, если не будет удостоен перевода в высшее отделение в первый год, лишается лицейского содержания и на его место в то же время помещается один из лучших и недостаточнейших по состоянию студентов. Но если инспектор представит в Совет законные причины неуспешности студента, и если эти причины будут приняты Советом, то студент может остаться и на другой год на содержании Лицея. Распоряжение об этом при суждении Совета входит в состав занятий Правления Лицея.

§ 19.

Все законные причины, принимаемые в расчет Советом, как неявки, так и неуспешности студента должны быть доставляемы инспектором в Совет заблаговременно, т. е. ко времени испытания.

§ 20.

При выпуске студентам выдаются аттестаты за подписью почетного попечителя Лицея, всех членов Совета,

скрепою секретаря и приложением лицейской печати. В сих аттестатах обозначаются, во-первых, общие успехи студента и его поведение, во-вторых, в частности те предметы, которыми студент преимущественно занимался в течение всего курса и оказал в них отличные успехи, в-третьих, успехи его занятий по сельскому хозяйству.

§ 21.

Формы для аттестатов должны быть составлены, предварительно изготовлены для этого печатные бланки, за напечатание которых взыскивается с получающего студента надлежащая плата. Студент, не желающий воспользоваться печатным аттестатом, может получить письменный.

§ 22.

Студентам, выходящим из Лицея до окончания полного курса, выдается свидетельство, в котором означаются не только общие успехи, поведение студента и баллы в отдельных предметах, слушанных им в Лицее, но также и баллы, полученные на испытании при вступлении в Лицей, или успехи, означенные в аттестатах, выданных им из гимназий.

§ 23.

Лицей имеет в своем распоряжении три медали: одну золотую и одну серебряную для ежегодных наград студентов, представивших отличные рассуждения на ежегодно задаваемую тему, и одну серебряную Демидовскую за отличные успехи и поведение во все время пребывания в Лицее.

§ 24.

Темы на рассуждения для получения медалей задаются ежегодно, по одной из профессорских кафедр по порядку, однажды навсегда установленному в Совете. Из предметов, составляющих профессорскую кафедру, преподаватель может выбирать какой ему угодно.

§ 25.

Тема объявляется преподавателем в Совете, имеющем заседание перед открытием лекций нового академического года, и потом объявляется преподавателем в первую его лекцию.

§ 26.

На заданную тему могут писать студенты двух высших отделений.

§ 27.

Рассуждения представляются не позже 1 мая в канцелярию Совета запечатанными при особом запечатанном пакете, содержащем имя автора и имеющем наверху один девиз с рассуждением. По получении рассуждение тотчас передается в Совет и по распечатании отдается для прочтения профессору, назначившему тему.

§ 28.

Профессор, назначивший тему, по прочтении рассуждения должен письменно изложить свое мнение о рассуждении и представить его вместе с последним в Совет, где рассуждение читается снова и присуждается ему награда по большинству голосов, при равенстве которых голос профессора, назначившего тему, имеет перевес. Присуждение награды вносится в журнал заседания, после чего вскрывается пакет, заключающий имя автора.

§ 29.

В случае равного достоинства двух или более рассуждений одному выдается медаль, а прочим свидетельство на право иметь таковую. Первенство в этом случае решается жребием.

§ 30.

В случае сомнения о том, действительно ли сочинение написано представившим его студентом, может иметь место тентамент.

§ 31.

Серебряная Демидовская медаль выдается тому из отличнейших студентов, кто из всех юридико-камеральных предметов получил 5. При равенстве двух или более студентов принимаются в расчет баллы из других предметов. В случае же совершенного равенства решается жребием. Кроме отличных успехов для получения этой медали, студент должен отличаться примерным поведением.

§ 32.

Каждая из этих медалей сопровождается особым на нее свидетельством, которое выдается студенту за подписью всех членов Совета, скрепою секретаря и приложением лицейской печати. В свидетельстве на Демидовскую медаль подписывается и инспектор.

Директор (подпись)
Профессор Семеновский
В должности профессора П. Федоров
Профессор Дм. Байков
В должности профессора К. Ушинский
В должности профессора С. Львовский

г) О НАУЧНЫХ РАБОТАХ СТУДЕНТОВ ЯРОСЛАВСКОГО ЛИЦЕЯ НА ТЕМУ, ПРЕДЛОЖЕННУЮ К. Д. УШИНСКИМ (ИЗ ОТЧЕТА ЯРОСЛАВСКОГО ЛИЦЕЯ ЗА 1847 Г.)*

...На истекший академический год для рассуждения на медали была выдана тема исправляющим должность профессора г. Ушинским: образование присутственных мест при Петре Великом. Соискателей явилось

* Отчет напечатан в приложении к книге Ушинского «О камеральном образовании» (М. 1848 г.). Взятые в кавычки слова отчета представляют собой выдержку из характеристики, данной обоим рассуждениям в отзыве К. Д. Ушинского.

двое. «Оба поданные рассуждения отличаются своей обширностью: одно заключает в себе 104 листа, а другое 208 листов. Нельзя не обратить внимания на эти труды: в самом деле, они и по величине своей и по содержанию доказывают, что наши студенты не довольствуются одним преследованием лекций.

Первое из этих рассуждений с эпиграфом из речи Феофана Прокоповича, сказанной им при погребении Петра Великого: «что се есть? до чего дожили, о Россияне! что видим? что делаем? Петра Великого погребаем!»— больше второго не только по объему, но и по самому количеству предметов,входящих в него; а именно, в нем разобрано и ясно изложено все областное управление, которое во втором рассуждении выпущено. Что касается до внутреннего достоинства этого рассуждения, то мы можем заметить, что автор читал и приготовлялся к этому рассуждению весьма много; но нехорошо обдуман план рассуждения, так что состав его почти случаен; от того же недостатка произошла чрезвычайная, часто утомительная многословность. Судя по множеству чрезвычайно верных и часто новых и блестящих мыслей, судя по обилию собранных материалов, можно сказать с уверенностью, что если бы это самое рассуждение было написано по строгому плану, выражено ясным и сжатым слогом, то оно могло бы превзойти своего соперника. Особенно хорошо развит в этом рассуждении переход от древних приказов через посредство петровских канцелярий к новым коллегиям Сената и ясно изложено Областное управление; поспешность избавила здесь автора от двух его самых существенных недостатков — многословности и напыщенности. Самые неудачные места те, где автор говорит вообще о преобразованиях Петра. Труд огромный, а особливо если возьмем в расчет краткость времени; прекрасных, новых, остроумных мыслей весьма много, но выполнение им не соответствует.

Второе рассуждение имеет своим эпиграфом следующие слова, взятые из похвального слова Петру Великому г. Никитенко: «из того, что он создал, ничего

не существовало, и что он создал, обречено вечному существованию. Не измеряйте одним царствованием пребывания его на земле: в его биографии преднаписана история многих царствований. Он столько же гений нашей будущности, сколько гений настоящего».

План этого рассуждения обдуман лучше, изложение яснее; но оно уступает первому в обилии предметов, хотя также имеет много новых и прекрасных мыслей. Первое лучше в частях, второе лучше в целом. Первое поражает вас чаще яркостью мыслей, зато утомляет множеством бесцветных страниц, во втором эта новость и яркость мысли встречаются реже, зато мысль развивается гораздо последовательнее, тверже. В первом лучше историческая сторона, во втором философская.

Первая часть этого второго рассуждения, где автор занимается историческим разбором управления Руси до Петра Великого, весьма обширна; с особенной подробностью и отчетливостью развита система древних приказов,— но самая эта обширность и подробность лишила автора возможности обозреть в целости свое историческое исследование и вывести положительные результаты.— Во второй части Сенат и некоторые из коллегий изложены прекрасно; но и в этом рассуждении излишняя многословность заметна, хотя менее, чем в первом. Взгляд на Петра и на его преобразование вообще хорош, имеет несколько оригинальности, но еще довольно шаток.

Общий недостаток обоих рассуждений тот, что в обоих нет сравнения с настоящим устройством присутственных мест.

Оба рассуждения чрезвычайно замечательны, трудно отдать решительное преимущество которому-нибудь из них; их достоинства и недостатки разны, но равносильны; по мнению предложившего тему оба эти рассуждения стоят полной и одинаковой награды».

Совет Лицея, рассмотревши относительные достоинства и недостатки обоих этих сочинений и признавая их одинаково достойными награды золотой медалью, приговорил: на основании устава § 64 и правил, утверж-

денных г. Попечителем Московского учебного округа § 31, отдать золотую медаль тому, в чью пользу решит жребий, а другому соискателю дать право на золотую медаль и выдать медаль серебряную.

После сего были вскрыты пакеты, заключающие имена авторов. Открылось, что первое рассуждение с эпиграфом из речи Феофана Прокоповича принадлежит своекоштному студенту 2-го отделения, г. Андрею Полозову; а с эпиграфом из похвального слова Петру Великому г. Никитенки — своекоштному студенту 2-го же отделения г. Алексею Потехину.

Вследствие этого определения Совета при настоящем торжественном собрании —

признаны достойными награды за отличные рассуждения по кафедре Государственного права золотою медалью Алексей Потехин; медалью серебряною, с правом приобретения золотой медали на свой счет — Андрей Полозов.

д) АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ОБ УДАЛЕНИИ К. Д. УШИНСКОГО ИЗ ЯРОСЛАВСКОГО ЛИЦЕЯ В 1849 г.*

...Прямые и трезвые взгляды и суждения К. Д. Ушинского о профессорской деятельности создавали у начальства представление о нем как о беспокойном элементе лицейской жизни. Лучшей характеристикой этих отношений начальства служит отзыв, сделанный о нем ревизовавшим лицей, вновь избранным почетным попечителем Демидовым, сообщившим результаты своей ревизии Министерству народного просвещения.

Демидов дает отзыв об Ушинском как о профессоре,

---

* Настоящий отрывок представляет собой извлечение из статьи С. Покровского «Из профессорской деятельности К. Д. Ушинского» («Вестник воспитания», 1911, № 9, стр. 74—77). Статья интересна тем, что в ней содержатся ссылки на дела Ярославского лицея, с которыми автор имел возможность ознакомиться еще в период до уничтожения этого архива, погибшего во время гражданской войны в 1918 г.

имеющем «большие дарования и отличные познания, но с большим самолюбием, развитым особенным отличием — назначением в исправление должности профессора почти по окончании курса наук. Ушинский имеет большое влияние на студентов; он мог бы быть полезным в лицее, но нужно иметь за ним постоянное наблюдение со справедливой строгостью в отношении к службе».

Гор. Ярославль. Дом, в котором жил К. Д. Ушинский (1846—1849), ныне улица Ушинского, дом № 30

Особенно курьезным в этом отзыве Демидова об Ушинском является то, что он советует ему «сначала поучить несколько лет в гимназии, где он мог бы приобресть большую опытность и необходимое хладнокровие при преподавании столь важных предметов взрослым уже молодым людям и приучился бы к строгому исполнению приказаний начальства».

Действительно, преподавание Ушинского носило особый характер увлечения своим предметом. По рассказам бывших студентов лицея 40-х годов, он превос-

ходно и увлекательно излагал свои лекции и много работал по государственному праву. Усиленно занимаясь юридическими науками, Ушинский во время преподавания в лицее, можно сказать, окончательно созрел и установился как профессор и ученый, но его увлечение при чтении лекций по энциклопедии законоведения и государственному праву считалось неуместным в такое неспокойное время, которое переживалось в конце 40-х годов в связи с западноевропейскими событиями. Естественно, что почетный попечитель лицея в том же отчете о ревизии одобряет старших, более опытных, по его мнению, наставников за то, что они «действуют совершенно согласно с директором», между тем как младшие — Ушинский и его товарищ Львовский, читавший в лицее политическую экономию, статистику и науку о торговле, особенно первый — «увлекаются иногда своей молодостью и имеют наклонность действовать по своему впечатлению».

Больше того, Демидов возлагал на молодых профессоров ответственность как за слабость управления лицеем, так и за самый упадок лицея, начинавший в то время сказываться от органического недостатка его внутреннего устройства.

«После 1846 года в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22—23 лет, которые не признавали в должной степени начальство директора и тем ослабили его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству, и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей».

В заключение своего доклада Демидов полагает, что при возобновлении несогласий в среде профессоров «необходимо будет для примера удалить из лицея одного из профессоров, того, который будет главной причиной раздора».

Свои замечания вместе с предположением о преобразовании лицея почетный попечитель представил министру народного просвещения. Предположение о преоб-

разовании лицея не получило осуществления, но замечания Демидова о лицейских порядках вызвали посещение лицея попечителем округа, увольнение директора, инспектора и предположение постепенно заменить всех настоящих преподавателей лицея новыми, более надежными.

Такое посещение попечителем округа лицея в 1849 г., очевидно, и имело роковое значение для дальнейшей деятельности в нем К. Д. Ушинского.

В начале учебного 1849 г. в сентябре оба молодые профессора, товарищи по московскому университету, одновременно поступившие в лицей, где они пользовались популярностью, подали директору лицея прошения: Львовский — об увольнении от занимаемой должности вследствие расстроенного здоровья, а Ушинский — об увольнении в Петербург или Москву для совещания «с тамошними медиками о болезни» (см. прошение К. Д. Ушинского в деле о его перемещении на службу в департамент духовных дел иностранных исповеданий. Архив Демидовского юридического лицея 1849 г., № 217).

Условия тяжелой лицейской службы, при крайне скудном содержании в 842 рубля за преподавание трех предметов, значительно надломили и без того слабое здоровье К. Д. Ушинского.

Видно было, что он никогда не вернется в Ярославль. Отпуск был взят для приискания себе места в Москве или Петербурге, а для занятия его кафедры у попечителя округа уже готов был свой кандидат. Спустя неделю после прошения Ушинского об отпуске, последний и был назначен в Ярославль в виде испытания к исправлению должности профессора на время «бытности» Ушинского в отпуске (см. Архив Демидовского юридического лицея 1849 г., дело № 212).

Этот отпуск продолжен был ему еще на месяц, что послужило поводом к прекращению выдачи ему жалованья и к передаче последнего испытуемому профессору.

е) ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА К. Д. УШИНСКОГО НАЧАЛЬНИКОМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ *

Министерство внутренних дел.
Начальник Ярославской губернии.
По канцелярии 21 декабря 1849 года № 9812
г. Ярославль.

Конфиденциально.

Господину товарищу министра
Народного Просвещения.

На отношение Вашего состояния за № 2268 имею честь уведомить, что наблюдение и заботливость за студентами Демидовского лицея со стороны начальных лиц, говоря собственно о настоящем времени, достаточны и полезны.

Обращаясь же к прошедшему времени (не более полугода тому назад), я находил: в студентах лицея большое своеволие, а в начальниках их нечто похожее на потачку, обращение с воспитанниками, так сказать, панибратское, и что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействия директору Лицея г. Тиличеву. Впрочем, отзыв этот до всех и каждого не должен касаться, *а следует отнести исключительно к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея.*

Когда пошли в обществе об этом толки и я получил о сем сведения, то, не теряя времени, дабы искоренить зло в самом начале, я через секретное мое отношение просил директора Лицея уведомить меня, в какой мере справедливы возрождающиеся толки о студентах лицея и о профессорах Ушинском и Львовском. Полученный

* ЦГИАЛ, ф. Министерства народного просвещения, д. № 247. Канцелярия МНПр. «О буйных поступках студентов Ярославского Демидовского лицея». Документ разыскан кандидатом пед. наук Н. В. Зикеевым и опубликован в журнале «Ученые записки Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского», вып. XIII (XXIII), 1948, стр. 141—142.

мной ответ, как вполне подтвердивший вышеозначенные сведения,— я немедленно препроводил к г. попечителю Демидовского лицея на дальнейшее распоряжение.

О чем, почтительнейше уведомляя, я имею честь доложить Вашему сиятельству, что хотя в настоящее время профессора — Ушинский и Львовский — переведены в другие места, но не остался ли в этом заведении, хотя в самой малой мере, дух своеволия, тем паче непокорности к начальству,— я бы показал, с своей стороны, ныне строжайше подтвердить директору лицея, чтобы он на предметы такого рода неупустительно обращал свое внимание. Я же, с своей стороны, выполняя свои обязанности, если что-либо с достоверностью узнаю непорядочное по внутреннему управлению Лицея, то не премину, ничего не скрывая, довести до сведения Вашего сиятельства.

Свиты его императорского величества генерал-майор *Бутурлин*.

ж) ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОБ УШИНСКОМ *

(Отрывки из писем И. В. Павлова к Ап. Ив. Малышеву) [5]

25 декабря ** ....

....Господи! как университет надоел! А выйдешь, еще больше будешь скучать. Что у нас и делается! Читал о студенческих лекциях при министре? *** Вот

---

* Переписка об Ушинском хранится в рукописном отделении Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. М., № 8223—5). Переписка представляет собой несколько писем студента И. В. Павлова к Ап. Ив. Малышеву, относящихся к концу 40-х и началу 50-х годов XIX в. Из этих писем перепечатывается только тот материал, который непосредственно касается университета и «трех ярославцев», с Ушинским в их числе. Подробнее о Павлове см. в примечании № 5 в конце книги.

** Год в подлиннике не проставлен. Судя по контексту, это должен быть 1848 г.

*** В 1848/49 г. был проделан в Московском университете опыт устройства публичных лекций студентов на разработанные ими темы. На этих лекциях присутствовал министр народного

тебе образчик! Говорят, что университет отчисляют от министерства народного просвещения и отдают генерал-губернатору *. Решительно все равно. Ничего не хочется говорить о нашем Alma ** университете!

Сюда съехались ярославцы — Львовский с семейством, Ушинский и Татаринов ***, которого вчера проводили в Тамбов,— он уехал за сестрами. В Москве он пробыл три дня; раз пять напился пьян, наделал скан-

---

просвещения С. С. Уваров. Возможно, что опыт этот был распространением практиковавшихся в университете с давних пор педагогических упражнений, организованных с целью подготовки студентов к педагогической деятельности. Согласно уставу, при университете функционировал так называемый «Педагогический институт», в котором студенты под руководством профессоров выполняли упражнения по составлению сочинений с целью устного произнесения их в присутствии товарищей. Работа эта велась, главным образом, на историко-филологическом и физико-математическом факультетах. Наличие таких студенческих работ, читавшихся в узком кругу факультета, и могло подать идею устройства публичных общеуниверситетских студенческих лекций, одобренную министром. Для 1848/49 г., когда подозрительность царского правительства к проявлениям всякого рода самодеятельности в России достигла высшего напряжения, такого рода опыт был весьма рискованным. Резолюция Николая I на донесении об этом опыте гласила: «Подобные речи с кафедры считаю полезными для тех, кто собирается служить по учебной или ученой части; для прочих считаю сие положительно вредным, так как вселяет привычку и желание блистать красноречием, что противно духу наших постановлений и вовсе бесполезно» (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина М. П.», кн. X, СПб., 1896, стр. 145).

* 7 янв. 1849 г. А. В. Никитенко («Записки и дневник», СПб., 1893, т. I, стр. 502—3) записал: «В городе невероятные слухи о закрытии университета. Проект этот приписывают Ростовцеву, который будто бы подал государю записку о преобразовании всего воспитания, образования и самой науки в России, и где он предлагает на место университета учредить в Петербурге и в Москве два большие кадетские корпуса, где науки преподавались бы специально только людям высшего сословия, готовящимся к службе».

** Alma mater — латинское выражение («кормилица-мать»), которое в переносном смысле применялось к университету как к учреждению, питающему духовной пищей.

*** Пользуясь каникулами, ярославцы регулярно съезжались в Москву, чтобы встретиться с знакомыми и друзьями.

дальезу и орреру, одним словом — все тот же. Политические мнения он всегда привозит из Ярославля странные... Мы его понаправили и отпустили. Глядишь, опять с пахвей сбился *. Такой уж человек.

С Ушинским я провел вместе несколько часов. Что это, братец, как мы умны! Посмотришь на других, просто ужахнешься (цитат из институтского батьки). Как ты думаешь, что говорил мне этот живой и не глупый (действительно не глупый) юноша по поводу — понимаешь — современности? да то, что в «Débats» и в «Siècle ** писали. — «Наслажденье, говорит, наслажденье... да разве можно наслаждаться без злополучия? Не будь его, не было б и радости. Разве антитез не есть необходимый момент бытия?» и так далее из Гегеля, понимаете.— Зачем же, я говорю, Константин Дмитриевич, вы кушаете перед шампанским хороший сыр, а не кусок сушеного навозу? *** Лучше было бы по логике. Антитез, понимаете! ...— «Вы, говорит, юноша». Я так и покатился со смеху. Ребенок говорит мне, что я юноша. Эти плохие «вилозовы» мешают различность с противоположностью, живой верден с абстрактным зейном.

Львовский всех их умнее. Татаринов на меня произвел самое ужасное впечатление. Таившаяся в душе мысль превратилась, наконец, в осязательное убеждение: он *недоносок*, чтобы не сказать более. Почему я в этом убедился? Шпекинизм **** мешает мне говорить.

---

* Старинное выражение — сбиться с толку.

** Наименование французских политических журналов.

*** В подлиннике другое, неупотребительное в печати слово.

**** Шпекинизм — от фамилии Шпекина, почтмейстера в комедии Гоголя «Ревизор», практиковавшего распечатывание частной переписки.— прием, к которому прибегало и самодержавное правительство, в целях осведомления о мнениях своих подданных Опасение шпекинизма говорит о том, что по политическим соображениям автор письма о многом умалчивал и предпочитал говорить только намеками и что разговаривал он с Ушинским на темы политические.

1849 г. 21 января. ...На место Редкина поступил — забыл фамилию *. Был прежде в К. Сюда прислали не для ученых, а более для политических целей. Он на первой лекции развивал ту мысль, что монархическое неограниченное правление есть идеал, к которому стремится все человечество с начала исторического периода.

Ярославцы давно уже уехали. С Ушинским я сошелся как нельзя больше. Чудная натура! Несмотря на свою странность, он мне напоминает Кароля ** (что касается до недостатков). Но он их выкупает своей жизненаполненностью и детской чистотой души. Если бы я был женщина, я бы в него влюбился без ума.

8 апреля. Тяжело было на сердце, а на мыслях черно... Вот и приехал я в Британию с горя выпить. Машина (в Британии теперь прекрасная заграничная машина), играли что-то минорное, очень жалостливое. Я сел себе в уголок, а слезы так и льются.

8 мая 1851 г. *** В Петербурге виделся с нашими

---

* П. Г. Редкин (1808—1891), известный педагог, юрист, проф. Московского университета по энциклопедии законоведения. В 1847 г. вместе с Т. Н. Грановским и К. Д. Кавелиным в виде протеста против поведения проф. Крылова подал заявление об увольнении. Так как Крылов пользовался большим покровительством администрации, отставка Редкина и Кавелина была принята, Грановскому было предписано продолжать преподавание.

** Кароль — действующее лицо в романе Оноре де-Бальзака «Музей древностей». Его полное имя — Шарль-Мари-Виктор-Анж Кароль, маркиз д'Эгриньон. Бальзак поясняет, что «имя Кароль некогда было прославлено одним из самых могучих вождей... Кароли никогда не склоняли головы ни перед королевской властью, ни перед городами, ни перед церковью, ни перед богатством». Герой романа — разорившийся в период французской революции дворянин, лишившийся всех своих земельных богатств, но не эмигрировавший за границу. «Благодаря мужеству в отстаивании своих мнений, безупречному благородству дворянина и необычайно достойному поведению Мари д'Эгриньон заслужил искреннее уважение окружающих. Его злоключения, страстность и постоянство убеждений были предметом всеобщего почтения».

*** К этому времени автор письма окончил университет по медицинскому факультету и, получив назначение консультантом при Оренбургских госпиталях с $1^1/_2$ тыс. жалованья и казенной квартирой, направился в Петербург, где имел возможность

московскими. Татаринов бухгалтером в думе. Он сделался чист, приличен, руками не машет, ничем не восторгается и по-французски не говорит. О водке говорить нечего,— совсем перестал пить. Львовский в Петербурге как рыбка в воде. Ушинский совсем напротив. Я его еще больше полюбил *. Он поумнел необыкновенно. В Москве все то же. Бабст ** назначен профессором политической экономии в Казань ...

свидеться с своими знакомыми, тремя «ярославцами», так или иначе устроившимися на работе после своего ухода из Ярославля.

* Ушинский в это время уже около года состоял на службе по Министерству внутренних дел в департаменте духовных дел иностранных исповеданий в должности помощника столоначальника, получая ничтожное содержание в размере 400 рублей в год, но энергично пытаясь продолжить научную работу, начатую им в Ярославском лицее, и закрепить свое сотрудничество в одном из журналов («Современник», «Вестник русского географического общества», «Библиотека для чтения»).

** Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881) — экономист, окончил Московский университет.

3. МАТЕРИАЛЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРОМЕЖУТОЧНОМУ ПЕРИОДУ МЕЖДУ УДАЛЕНИЕМ ИЗ ЯРОСЛАВСКОГО ЛИЦЕЯ И ПОСТУПЛЕНИЕМ В ГАТЧИНСКИЙ ИНСТИТУТ (1849—1854 гг.)

АЛЬБОМ С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ СТИХОТВОРЕНИЯМИ, ПЕРЕПИСАННЫМИ РУКОЙ К. Д. УШИНСКОГО *

1. Памяти Рылеева.

1.

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —

---

* Альбом хранился в педагогическом кабинете Государственного педагогического института им. А. И. Герцена по описи за № 11. К сожалению, в период блокады Ленинграда альбом приведен в негодность, и от него осталась только копия, перепечатанная на машинке. Как видно из этой копии, в альбоме было переписано рукой Ушинского 8 революционных стихотворений первой половины XIX в.: 1 — стихотворение Н. Огарева, посвященное памяти Рылеева; 2— небольшой отрывок из произведения Мицкевича, содержащий проклятие царю, убийце Рылеева; затем стихотворения самого К. Ф. Рылеева: 3 — «К временщику»; 4 — отрывок — «Свободы гордой вдохновенье»; 5 — «Вере Николаевне Столыпиной»; 6 — «Гражданин»; 7 — четверостишие «Тюрьма мне в честь»; 8 — отрывки из поэмы «Наливайко»: а) «Киев», б) «Смерть Чигиринского старосты и в) «Исповедь Наливайки». Вопрос о времени этих записей может быть решен только так, что они относятся ко времени после ухода Ушинского из Ярославского лицея и начала его работы в Министерстве внутренних дел по департаменту иностранных исповеданий. От этого времени сохранился целый ряд альбомов,

Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам:
Мы, дети, с радостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означен жизни всей.

Рылеев был мне первым светом...
Отец! по-духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой!
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья,
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне —
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра:
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

Н. Огарев.

заведенных в семье Ушинского, женившегося в начале 1851 г.: 3 альбома (один с революционными стихами) сохранились у Веры Константиновны, 1 — у Надежды Константиновны. Первые оказались в кабинете педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, последний в «Пушкинском доме», ф. 316, № 70.

2.

* * *

Что сталося с вами?...
Рылеева честная шея,
Которую братски сжимал я
в объятьях моих,
В петле задохнулась по воле
царя-лиходея...
Проклятье народам, губящим
пророков своих!

Мицкевич

3. К временщику

Надменный временщик, и
подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец,
и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной
страны своей,
Взнесенный в важный сан
пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением
дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой
ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу,
подлец!
Из уст твоих хула достойный
хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобою
уничиженьем,
Могу ль унизиться твоим пре-
небреженьем,
Коль сам с презреньем я на тебя
гляжу,
И горд, что чувств твоих в себе
не нахожу?
Что сей кимвальный звук
твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой
величавый?
Ах! Лучше скрыть себя в
безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и
подлою душой

Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне, и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! * и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим,
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О, муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он:
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи!
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь:
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел

---

* *Сеян* (1-й век н. э.) — префект преторианской гвардии, составивший заговор против императора Тиберия и задушенный по приказу последнего.

до нищеты,
Селения лишил их прежней
красоты...
Тогда вострепещи, о, времен-
щик надменный!
Народ тиранствами ужасен
разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохра-
нит тебя,
Все трепещи, тиран! — за зло
и вероломство
Тебе свой приговор произне-
сет потомство!

4.

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствует народ...
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.
Под адским игом самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует ему.
Я видел рабскую Россию
Перед святыней алтаря:
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

5. Вере Николаевне Столыпиной.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою —
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: «знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов!»

6. Гражданин.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека;
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

7.

Тюрьма мне в честь — не в укоризну;
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?

8.

Наливайко.

(Отрывки из поэмы)

а) Киев.

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха.
Дряхлеет Киев над Днепром.
Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с брегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.

Среди хозар и печенегов
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов.
Народам диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.
Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней,
Все Русь утратила постыдно
Междоусобием князей:
Дворцы, сребро, врата златые,
Толпы граждан, толпы детей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедимин нанес удар.
Прошло владычество татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Давить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой,
Стоит, как памятник надгробный,
Над угнетенною страной!

б) Смерть Чигиринского старосты.

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой,
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь, бурный конь летит,
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт
Как облака во след несется...
Летит... привстал на стременах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и иудит и торопит...
Как точка, перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И, наконец, на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной
Вдруг показался на коне

Красивый всадник с пикой длинной...
Казак коня быстрей погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою.
Летит, как ястреб, витязь вслед;
Коня измученного колет
Или в ребро, или в хребет,
И в дальний бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется,
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...

в) Исповедь Наливайки.

(Буйства и утеснения поляков на Украине переполнили меру терпения казацкого. Мститель их Наливайко, убив Чигиринского старосту, решился освободить отечество от ляхов, поправших святость договоров презрением к правам казаков и чистоту веры мучительным введением Унии. Перед исполнением сего важного предприятия, он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдает исповедь печерскому схимнику).

Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны;
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу,—
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..
Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;

Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным;
Казак в союзе с ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но все исчезло, как призрак.
Уж давно узнал казак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин. поляк —
Как стаи кровожадных вранов
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор;
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора!» мне шепчет голос тайный,
«Пора губить врагов Украйны!»
Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

4. К. Д. УШИНСКИЙ В ГАТЧИНСКОМ СИРОТСКОМ ИНСТИТУТЕ

а) ОТЧЕТ ПО ГАТЧИНСКОМУ НИКОЛАЕВСКОМУ СИРОТСКОМУ ИНСТИТУТУ ЗА 1857—58 УЧЕБНЫЙ ГОД *

1857/58 учебный год в Гатчинском Николаевском Сиротском Институте продолжался от 20-го августа 1857 г. до 12-го июня 1858 г.

Годичные испытания воспитанников Института по всем классам были начаты 6-го мая и окончены 12-го июня. Экзамены воспитанников выпускного класса производились в присутствии институтского начальства, членов Учебного Комитета, учрежденного при IV-м Отделении собственной его императорского величества канцелярии и депутатов от министерств. Из 40 воспитанников выпускного класса все размещены следующим образом: 9-ти воспитанникам предоставлено право держать экзамен для поступления в Университет, 9 воспитанников избраны на службу по министерству финансов, 12 воспитанников по министерству внутренних дел, 4 — по министерству юстиции и трое — в Государственный контроль, а 3-м пансионерам предоставлено самим избрать себе род службы. Затем в семи остальных клас-

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 6. Отчет за 1857/58 уч. год взят как образец отчетов по Гатчинскому Николаевскому сиротскому институту, которые за подписью почетного опекуна С. С. Ланского представлялись в императорскую канцелярию. В составлении подобных отчетов, конечно, принимал участие и инспектор классов, заполняя их фактическим цифровым материалом, но сама форма была установлена заранее и упрочена традицией. В архиве Чернышева сохранилось несколько таких отчетов.

сах Института осталось 517 и в малолетней школе 96, из которых по окончании испытаний 356 переведено в высший класс, 161 оставлено в прежних классах, 30 переведено из малолетней школы в классы Института и 11 исключено из Института по неблагонадежности к продолжению учения.

В настоящее время воспитанники Института размещены по классам следующим образом:

В VIII	классе	42
» VII	»	52
» VI	»	55
» V	»	68
» IV	»	74
» III	»	83
» II	»	91
» I	»	82
» Малолетней	школе	66
Итого		613

Кроме того в Институте слушают курс наук 22 вольноприходящих ученика.

Гатчинский Николаевский Сиротский Институт имеет следующие учебные пособия:

1) библиотеку для чтения в числе 7181 тома, 2) библиотеку учебных книг, в которой 12408 экземпляров; 3) физический кабинет, состоящий из 265 инструментов и снарядов; 4) собрание землемерных инструментов в числе 45; 5) минералогический кабинет из 876 штуфов; 6) зоологический кабинет, в числе 203 нумеров; 7) гербарий С.-Петербургской флоры в 350 видов; 8) нумизматическое собрание, в котором находится 2903 разных монет и медалей; 9) химическая лаборатория с 85 приборами; 10) собрание разного рода рисунков, а также гипсовых голов; для упражнений в рисовании 535; 11) собрание геометрических моделей в числе 128; 12) глобусов 7 и географических карт 120; 13) гимнастических снарядов 160; 14) музыкальных инструмен-

тов 55; 15) бюстов, рисунков, разного рода таблиц и карт, размещенных по стенам рекреационных зал,— 120.

Личный состав по учебной части

Должностные лица

При начале курса состояло:

а) Собственно по учебной части:

Инспектор классов и его помощник	2
Преподавателей	38

б) По части воспитания:

Старших надзирателей	2
Классных надзирателей	26
Надзирательница при Малолетней школе	1

Примечание. Из числа классных надзирателей 7 занимались также преподаванием, так что всего преподавателей в начале истекшего учебного года было 45.

В течение учебного года поступило	6
Выбыло	4
Затем к концу годичного курса состояло	51

Лица, вновь поступившие на службу:

Патер Ивашкевич — законоучителем римско-католического вероисповедания; титулярный советник Дорошенко — преподавателем русского языка; статский советник Сахаров — преподавателем делопроизводства и судопроизводства; кандидат прав Кокорев — преподавателем государственных учреждений; коллежский ассесор Рачковский — преподавателем математики; не имеющий чина Петров — учителем чистописания; классными надзирателями — титулярные советники: Миллер-Красовский, Малютин, Михельсон и губернский секретарь Мишин.

Выбыли: преподаватели — коллежский советник Вельдбрехт, надворный советник Рождественский, титулярный советник Полевой, патер Пункевич и классный надзиратель титулярный советник Аголют.

Воспитанники

К началу 1857—58 учебного года состояло воспитанников:

в пяти классах общего курса и в трех специальных с их параллельными отделениями	557
в Малолетней школе	78
вольноприходящих	22
	657

В течение года вновь поступило:

в классы	24
Малолетнюю школу	18
	42

В течение года выбыло:

умерших	5
взятых родителями на свое попечение	7
В Академию Художеств	1
	13

Из этого числа по окончании экзаменов выбыло:

окончивших полный курс учения в Институте	40
исключенных, как не подававших никакой надежды к продолжению учения	11
Итого выбыло	51
Затем будет состоять в классах и в Малолетней школе с вольноприходящими	635

В женском пансионе, находящемся при Гатчинском Институте, после общих испытаний произведен был выпуск девиц — третий со времени учреждения его. Всех выпущено 12, с правами к занятию должностей домашних наставниц 10, с аттестатами, но без прав 2. Общее испытание девицам выпускного класса было произведе-

но в присутствии его императорского высочества Петра Георгиевича Ольденбургского.

Имея счастье повергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества краткий отчет о состоянии учебной части в Гатчинском николаевском Сиротском институте, долгом считаю свидетельствовать, что благодетельная цель заведения с каждым годом все более и более достигается: оно дает приют, физическое, нравственное и умственное воспитание множеству сирот, и воспитанники Института, размещаемые в различных местах государственной службы, вносят туда ту честную и полезную деятельность и ту ревность к пользе Отечества, которыми они единственно могут доказать, что они чувствуют все, чем обязаны щедротам монаршим.

Подписано: Почетный опекун *Сергей Ланской.*

б) ДЕЛО О ВОСПИТАННИКАХ, ПОМЕЩЕННЫХ НА КРАСНУЮ И ЧЕРНУЮ ДОСКИ (НАЧАЛОСЬ 1 МАРТА 1845 г.)*

Господину директору Гатчинского Николаевского сиротского института

Предъявить на утверждение г. почетного опекуна.
Согласен. *С. Ланской*

Исправляющего должность инспектора классов
Ушинского

Рапорт

Честь имею представить вашему высокородию 1) список воспитанников, которые по третным отметкам

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 6. Рапорт Ушинского, представленный им по окончании первого года его работы в Гатчинском институте, представляет собой образец традиционно выполнявшихся в институте учебно-воспитательных мер. Это первый и последний рапорт Ушинского в этом роде. Вместе с тем он оказался последним и в делах Гатчинского института. Нужно думать, что Ушинский нашел аргументы, при помощи которых ему удалось убедить администрацию института в педагогической нецелесообразности такого рода мер.

в успехах и по поведению могут быть удостоены к помещению на красную доску и 2) тех, имена коих должны быть сняты с нее.

1. Воспитанники, заслуживающие помещения на красную доску:

2-го пар. III класса Николай Карасинский

1-го пар. II класса Дмитрий Симоненко, Михаил Прохоров

2-го пар. II класса Георгий Кристепзен

3-го пар. II класса Николай Татарчук

2-го пар. I класса Александр Аристов

3-го пар. I класса Александр Ковалев.

2. Имя воспитанника 3-го пар. III класса Николая Ляпунова, как много ослабевшего в занятиях против прежнего, не может оставаться на красной доске. — Воспитанника же 3-го пар. IV класса Николая Блюма за слабые успехи в учении долгом считаю представить к исключению из старших, а на место его покорнейше прошу назначить как лучшего ученика этого класса, Василия Волкова.

И. д. инспектора классов *К. Ушинский.*

в) МАТЕРИАЛЫ ПО ОБВИНЕНИЮ К. Д. УШИНСКОГО В САМОВОЛЬНОМ НАРУШЕНИИ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО «НАСТАВЛЕНИЯ», ПРИНЯТОГО В РУКОВОДСТВО В ГАТЧИНСКОМ ИНСТИТУТЕ *

1. Рапорт и. д. инспектора классов К. Д. Ушинского на имя директора Гатчинского института от 1.XI. 1855 г. за № 220.

Находя необходимым при преподавании русского языка внести единообразие и постепенность в практических упражнениях, я составил по этому предмету подробные правила для всех классов. Правила эти бы-

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 6. Подчиняясь некоторым давно установившимся в Гатчинском институте традициям учебной жизни, Ушинский в то же время серьезное внимание обратил с первых дней своей работы на улучшение методов

ли прочитаны мной всем преподавателям русского языка, исправлены с общего согласия в некоторых частях и единогласно признаны полезными. Представляя их на утверждение начальства, я всепокорнейше прошу позволить мне принять их в руководство немедленно, чтобы и в этом году практические упражнения по русскому языку могли быть приведены в порядок.

К. Ушинский.

2. Директору Гатчинского Николаевского Сиротского Института.

До сведения моего дошло, что некоторые преподаватели при институте не исполняют законных требований и. д. инспектора классов, относящихся до учебной части и даже входят в полемическую переписку, вопреки правилам подчиненности их по службе. Объявить учителям, чтобы они отнюдь не позволяли себе уклоняться от всех требований и. д. инспектора классов, признанных начальством полезными и данным в руководство программам не противными. Особенно подтвердить им, чтобы занимались своим делом, а не марали бумаг.

Почетный опекун Института *С. Ланской.*

преподавания. С этой целью он стал созывать конференции преподавателей. Материалы конференции преподавателей русского языка, происходившей под руководством Ушинского, напечатаны в приложении ко 2-му тому настоящего Собрания сочинений Ушинского (см. стр. 575). Однако, несмотря на то, что изменения в методах работы по русскому языку были обоснованы педагогически и введены с согласия директора и почетного опекуна, они вызвали недовольство со стороны преподавателей и обвинения по адресу Ушинского в том, что он самовольно нарушил высочайше утвержденное «Наставление» о преподавании русского языка, принятое в Гатчинском институте. Как только Ушинский был переведен в Смольный институт, сейчас же со стороны его преемника были выдвинуты обвинения в том, что Ушинский самовольно нарушил то, что не подлежало нарушению. Подробности дела видны из приводимых ниже материалов.

3. Записка директора Гатчинского института Голохвастова на имя почетного опекуна института С. С. Ланского от 29 февр. 1860 г. № 231.

Инспектор классов Панченко при рапорте своем 19 февраля представил мне для сведения записку, составленную им по приказанию Вашего высокопревосходительства о преподавании русского языка и словесности в институте. В ней к крайнему удивлению моему, прочел я, что бывший инспектор классов, Ушинский, находя изданную в 1852 г. программу для преподавания русского языка неудовлетворительной, предложил г. г. преподавателям заниматься одной только грамматикой во 2-м, 3-м и 4-м классах, оставив вовсе практические упражнения. Из слов этих не должно заключить, что г. Ушинский действовал по собственному произволу, так как он по вступлении своем в должность собирал конференцию из учителей русского языка и распоряжения свои сообразовал с постановлениями означенной конференции, выраженными в протоколе, подписанном всеми учителями и при сем прилагаемом. Что же касается до того, будто Ушинский отменил вовсе практические упражнения во 2-м, 3-м и 4-м классах, то я положительно знаю, что им такого распоряжения не было сделано и воспитанники постоянно занимались ими,— но для большего удостоверения в этом имею честь представить при сем подлинные, истребованные мною от учителей русского языка сведения о занятиях их с воспитанниками. В них ясно выражено, что во 2-м, 3-м и 4-м классах занимались при Ушинском не одной только грамматикой, но и практическими упражнениями, равно как в 5-м, 6-м, 7-м и 8-м классах воспитанники писали постоянно сочинения на заданные темы.

Из всего вышеизложенного мною Ваше высокопревосходительство усмотреть изволите, что между предположениями г. Панченко и существующим порядком преподавания русского языка в Институте нет различия в главных основаниях. Если бы оно встретилось в каких-либо подробностях, то легко могло бы быть от-

странено обсуждением предположений г. инспектора на конференции.

По долгу справедливости я счел долгом оправдать г. Ушинского, а вместе с тем и себя, потому что, допустив такое несовершенное преподавание, как то, о котором говорит Панченко, я подлежал бы по справедливости строжайшей ответственности.

Показания учителей:

Учитель русского языка *Малютин* 23 февр. 1860 г. доносит, что в 1858/59 г. имели место в работе самые разнообразные письменные сочинения. Выделен 1 урок в неделю специально для письменных упражнений. В течение учебного года с августа 1859 г. было 29 таких уроков: из них — 17 сочинения и 12 упражнения.

Учитель русского языка *Иванов* 23 февр. 1860 г. В круг занятий по русскому языку входят кроме грамматики следующие практические упражнения: чтение и рассказ прочитанного, письмо под диктовку, заучивание наизусть басен, пересказ содержания их. В настоящее время обращено внимание главным образом на практические упражнения. При бывшем же инспекторе Ушинском занятия русским языком сосредоточивались преимущественно на изучении грамматики, потому что с устранением программ преподавания русского языка, составленных Гурьевым, был введен учебник Смирнова, которым определялось содержание занятий русским языком и методы преподавания. Чтобы пройти во 2-м классе один курс означенного учебника, который велик по объему и труден по содержанию, необходимо было посвятить большую часть уроков на грамматику, тем более, что на экзамене от учеников требовалось делать грамматический разбор, ответить на несколько вопросов из грамматики и написать несколько строчек под диктовку. Таким образом требования на экзамене определили собой и годичные занятия учеников. Ученики смотрели на грамматику как на необ-

ходимость, а на практические упражнения, исключая письмо под диктовку, как на предмет посторонний. Преподаватель же для неукоснительного исполнения требований инспектора должен был почти все время употреблять на занятия уроками из грамматики.

Учитель русского языка *Кисловский* 23 февр. 1860 г. 1) Преподавание русского языка в средних классах института не ограничивалось одной грамматикой, но сопровождалось и практическими упражнениями в языке; 2) эти упражнения с того времени, как программа русского языка, составленная Гурьевым, была признана Ушинским неудовлетворительной, назначались каждый год самим Ушинским, и очень мало упражнений одного года походили на упражнения других лет. Так в 1856/57 г. кроме изучения теории языка практически по учебнику Смирнова, воспитанники 3-го класса занимались чтением и прочитанное передавали изустно и письменно своими словами. Для этого предварительно назначалось два раза в месяц из «Чтения» Михайлова, введенного Ушинским в этот класс, по небольшому отрывку, состоявшему строк из 10 не больше. Воспитанники обязаны были приготовить задание во время репетиции. Сверх того, они два раза в месяц писали под диктовку, учили наизусть басни и перелагали их в прозу.— В 1857/58 г. с целью обогащения воспитанников материалами, нужными для слушания ими в V классе пиитики, Ушинский предложил басни отнести к упражнениям 2-го класса, а в 3-м заняться сказками. На эти сказки были перенесены все дотоле производившиеся на баснях и задаваемых отрывках из «Чтения» Михайлова практические упражнения. Воспитанники писали их под диктовку, учили наизусть, излагали вкратце изустно и письменно их содержание и объясняли грамматическое построение некоторых из их периодов; сверх того, учителям поставлено было в обязанность ознакомить учащихся с наиболее характеристическими особенностями и историей этого вида поэтических произведений для отличия его от других видов. — В 1858/59 г. сказки заменены составлением

сложных периодов по вопросам и по предложенному плану. Чтение совершенно оставлено как по недостатку времени для подробного прохождения теории языка по учебнику Смирнова, так и потому, что учащиеся, приготовляя уроки по другим предметам, преподаваемым на русском языке, каждый день упражняются в чтении и привыкают прочитанное передавать своими словами. В этом году «Чтения» Михайлова совсем не раздавались воспитанникам 3-го класса.— 3) Из сказанного следует, что практические упражнения в русском языке существовали и в предшествовавшие годы.

Учитель русского языка *Голицынский* 25 февр. 1860 г. 1) Во все время преподавания мной русского языка письменные упражнения воспитанников составляли одно из важнейших классных занятий. 2) Содержание сочинений как по времени, так и по классам было различно. В первые годы преподавапия в V-м классе, руководствуясь «подробной программой преподавания» русского языка и его словесности, я упражнял воспитанников исключительно в одном роде сочинений, основанном на, так называемом, обобщении фактов. Когда же конференция преподавателей отечественного языка, созванная с разрешения Вашего превосходительства бывшим инспектором классов Ушинским, этот род сочинений, своей непрактичностью, не только не развивающей, но притупляющей умственную деятельность, признала не достигающим цели образования воспитанников в искусстве владеть родным языком и свободно выражать на нем свои мысли, и потому заменила такими упражнениями, которые бы давали более пищи уму и воображению ученика как богатством содержания, так и красотой формы и которые, между прочим, знакомили бы его с нашими лучшими писателями как образцами для подражания; — тогда я согласно положению конференции стал задавать кроме диктанта переложения из стихотворений в прозу и рассказы содержания целого прочитанного сочинения. Такими же темами только с усиленным требованием в отношении связи, пол-

ноты и ясности изложения занимаю и теперь воспитанников VI-го класса. Для учеников двух старших классов предметы сочинений берутся из истории словесности, как-то: переводы с церковно-славянского языка, и критические на основании мной указанных источников разборы замечательных русских авторов. 3) Сколько сочинений воспитанники каждого класса доставляли мне ежемесячно, с совершенной точностью определить не могу, потому что а) в деле, успех которого главнейшим образом зависит от любви к предмету и душевного настроения, как необходимых условий при составлении какого бы то ни было, даже ученического сочинения, трудно и едва ли возможно обязывать ученика срочной подачей ежемесячных или еженедельных сочинений; б) число таких сочинений находится в тесной зависимости также от объема и содержания их: иное можно написать в несколько часов, а на добросовестную обработку другого потребуется посвятить при других занятиях месяц и больше. Руководствуясь изложенным сейчас соображением, я позволил себе не стеснять учеников особенно 7 и 8 классов срочной работой, но вместе с тем неусыпно следил за тем, чтобы они не оставались без дела. В доказательство того, до каких размеров доходят их письменные труды, имею честь представить несколько черновых тетрадей воспитанников VI-го класса различных категорий. Выбор свой останавливаю на воспитанниках этого класса на том основании, что при большем, чем в двух старших классах, количестве уроков по русскому языку, а также при отсутствии тех серьезных и многочисленных работ, какими обременены ученики 7 и 8 классов, я имею возможность более следить за тем, сколько и как занимаются они чтением, обращаю особенное внимание на письменные упражнения, как на результат их знакомства с русскими писателями и как на поверку того, приготовлены ли они чтением к успешному прохождению курса истории словесности. Из этих тетрадей Ваше превосходительство изволите усмотреть как степень знакомства учеников почти со всеми лучшими новейшими писателями, так и

то, что на долю некоторых воспитанников приходится до двух сочинений ежемесячно, на долю других по их способности и прилежанию даже менее одного.

4. Предложение директора Института Голохвастова инспектору классов Гатчинского института г. Панченко от 8 марта 1860 г.

По прочтении составленной Вами записки от 19 февраля с. г. за № 28 и соображении оной с достоверными сведениями о занятиях воспитанников, я представлял возражения мои по означенной записке на благоусмотрение г. почетного опекуна, управляющего институтом, и его высокопревосходительство изволил написать следующую резолюцию: «недоумения должны быть разъясняемы на конференциях». Имея в виду, что встречаемые потребности в изменении чего-либо в предметах преподавания в институте должны быть для общей пользы обсуждаемы в конференциях, между тем предположения, в записке Вашей прописанные, не были еще внесены на рассмотрение, я нахожу необходимым, оставляя исполнение по записке Вашей до нового учебного курса, предложить Вашему высокородию, сообщить теперь же копии с опой всем учителям, занимающимся в институте преподаванием русского языка и старшим учителям других предметов специального курса для представления каждым из них соображений своих на конференции, которая назначена будет мною циркулярным извещением после праздников.

Директор института *Голохвастов.*

5. МАТЕРИАЛЫ О РЕДАКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Д. УШИНСКОГО

а) ПРОГРАММА КРИТИКО-ФИЛОСОФСКОГО, ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «УБЕЖДЕНИЕ» *

Журнал «Убеждение» предполагается издавать в С.-Петербурге выпусками от 10 до 15 листов через каждые два месяца или ежемесячно полувыпусками от 5 до 8 листов с подпиской на полгода.

В журнале сем предполагается помещать:

1. Оригинальные и переводные статьи философского, психологического и педагогического содержания.

---

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 16. Просьбу о разрешении ему издавать журнал «Убеждение» по приведенной программе Ушинский подал в Министерство народного просвещения 10. IV 1859 г. Попытка—очень характерная для Ушинского. Только что поступивший в начале 1859 г. в Смольный институт с ответственной задачей реорганизовать учебную часть этого заведения, Ушинский видел впереди себя широкое поле общественно-педагогической работы. Привыкнув в течение предшествующих лет к напряженной журнальной деятельности, но деятельности подневольной, Ушинский не мог не мечтать о том, чтобы развернуть собственную издательскую деятельность, хотя совершенно непонятно, как он предполагал справиться с неизбежными финансовыми затруднениями. Наименование, данное им журналу, говорило о том, что Ушинский предполагает посвятить журнал развитию своих давно сложившихся взглядов, которые он считал одинаково важными и в широкой общественной жизни и в узкой педагогической области. «Главнейшая дорога человеческого воспитания,— писал Ушинский,— есть убеждение, а на убеждение можно действовать только убеждением». Убеждение—лучший, по мнению Ушинского, метод воспитания. Но Ушинский имел в виду обслужить своим журналом не только школу, но и общественную жизнь, коренной недостаток которой он видел

2. Критические обзоры различных философских, психологических и педагогических систем с религиозно-нравственной точки зрения.

3. Критико-философский разбор замечательнейших произведений как русской, так и иностранной литературы.

4. Обсуждение современных событий и вопросов общественной и семейной жизни с их нравственной, психологической и философской стороны.

5. Критика метод преподавания и учебников как русских, так и иностранных.

6. Рассказы различных случаев жизни, как истинных, так и вымышленных, в которых наглядным образом решаются какие-нибудь психологические вопросы.

7. Различные мелкие психологические, педагогические и философские замечания.

К. Ушинский.

в отсутствии в обществе твердых убеждений. «Общество без высказанных общественных убеждений — самое опасное общество для правительства». Своим журналом он имел в виду служить делу создания общественных убеждений. Получив заявление Ушинского, министр народного просвещения Е. П. Ковалевский запросил Совет воспитательного общества, в ведении которого находился Смольный институт, не имеется ли препятствий к тому, чтобы Ушинский был издателем означенного журнала. Неизвестно, что конкретно ответил Совет. Но с 1860 г. Ушинский состоит уже редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Нужно думать, что министр уговорил Ушинского сделаться редактором министерского органа и предоставил ему широкие полномочия. Под редакцией Ушинского «Журнал Министерства народного просвещения» начал выходить с июля 1860 г. Ушинский быстро реорганизовал журнал, преобразовав его из прежнего бесформенного издания в специально-педагогический орган. Назначенный в конце 1861 г. новый министр Путятин выразил свое твердое намерение вернуть журнал к прежней форме. Ушинский тотчас же оставил редакторскую деятельность, закончив редактирование ноябрем 1861 г. Через месяц появился новый министр А. В. Головнин, который в феврале 1864 г. предложил Ушинскому вновь принять редактирование журнала, но Ушинский от этого предложения отказался. (Подробная справка о попытках реорганизации журнала — во 2-м томе настоящего собрания, стр. 638.)

б) ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ИВАНУ ДАВЫДОВИЧУ ДЕЛЯНОВУ

Объяснительная записка по вопросу о предполагаемых изменениях в программе журнала Министерства Народного Просвещения *

Вашему превосходительству известно, что в половине прошедшего года мне предложена была редакция журнала М. Н. П. с тою целью, чтобы, во 1-х, из журнала совершенно бесхарактерного, в котором в продолжение более тридцати лет помещались статьи, не принимаемые другими журналами, и громаднейшая медицинская диссертация об устройстве заграничных клиник попадалась рядом с переводом греческой трагедии, со статьею о выделке лаков, с юмористическим разбором стихотворений Юлии Жадовской и т. п.— сделать специальный журнал Министерства, т. е. говорить о том предмете, которым Министерство занимается, — о народном образовании.

Кроме того, ваше превосходительство и бывший министр народного просвещения полагали, что мои педагогические и философские воззрения, выраженные мною в прежних моих печатных статьях, могут иметь полез-

---

* ЦГИАЛ, ф. 733, Департамент нар. просвещ., канцелярия ст. 1, опись 5 1861 г., дело № 138965, лл. 3—9. Объяснительная записка, написанная Ушинским директору департамента народного просвещения И. Д. Делянову после того, как министр Путятин выразил намерение вернуть журнал Министерства народного просвещения к его первоначальной, «бесхарактерной», по выражению Ушинского, форме, прекрасно рисует ту обстановку, в которой приходилось работать Ушинскому, редактируя журнал; Ушинский исчерпывающе очертил положение дел журнала и разъяснил всю необходимость для министерства сохранить педагогическое лицо журнала. Когда записка была доложена министру, последний через секретаря сообщил Делянову, что в 1862 г. журнал должен издаваться на прежних основаниях. Получив это сообщение, Ушинский с 1 декабря прекратил редактирование журнала.— Объяснительная записка Ушинского публикуется впервые.

ное влияние на воспитателей юношества, а через них и на самое молодое поколение.

Таким образом мне оставалось, удовлетворяя этим двум целям, сделать журнал педагогическим и, сколько возможно, популярно-философским, имея преимущественно в виду учителей гимназий и уездных училищ, для которых этот журнал назначается, точно так же, как морской для моряков, артиллерийский для артиллеристов и т. д. Это я старался сделать в продолжение 14-ти месяцев моей редакции (первая книжка журнала по новой программе вышла в июле прошедшего года), и если вы благосклонно извините мне некоторые ошибки, неизбежные при каждом начале дела, то, может быть, согласитесь, что я не совсем сбился с дороги, ведущей к избранным целям.

Я застал журнал в жалком виде: несмотря на свое разнообразное ученое содержание, которое хотят придать ему снова, он не имел подписчиков, и кроме того, январская книжка издавалась в марте месяце, а достигала провинции в июне. Согласитесь, что поднять журнал, который выходил так в продолжение 30-ти лет и который в продолжение этого времени публика привыкла считать официальным хламом,— нельзя было надеяться ни в год ни в два; тем более, что и в новом своем виде он должен был удерживать серьезный и притом специальный характер. Это предвидел и бывший министр и, передавая мне журнал, говорил мне, чтобы я не надеялся на подписчиков.

Прежде выхода первой книжки журнала появились уже газетные нападки на то, что мы стесним деятельность частных педагогических журналов. Имея это в виду и думая, что Министерство должно споспешествовать, а не затруднять развития здравых идей о воспитании в обществе, я решился преимущественно ограничиться тою областью педагогики, которая имеет предметом общественное воспитание, предоставив частным педагогическим журналам область воспитания семейного, и следовательно, частных подписчиков.

Зная направление большинства наших журналов,

вы, вероятно, не обвините меня за те иногда очень простые нападки, которыми высказались некоторые из них, в особенности против моих статей; объяснить себе также легко и то, почему другие, более умеренные журналы, упорно молчали о журнале Министерства и даже отказывались принимать какие бы то ни было статьи о нем. Для этого довольно уже было, чтобы они заподозрили во мне правительственный орган, говорящий с чужого голоса, что даже и выразил один журнал печатно.

Таким образом, журнал Министерства и в новом своем виде не мог воспользоваться могуществом рекламы; а с другой стороны, по достоинству министерского журнала не мог прибегать в этом случае к тем средствам, к которым прибегают обыкновенно новые журналы.

Выступая на журнальное поприще при таких неблагоприятных условиях, я должен был, кроме того, добровольно отказаться от единственного средства, которое преимущественно привлекает внимание массы публики, раскупающей журналы, должен был отказаться от журнальной перебранки; во 1-х, потому, что она не совместна с достоинством министерского журнала; во 2-х, потому, что если бы мы стали обличать анархические и материалистические тенденции в тех и других журнальных статьях, то нас совершенно справедливо обвинили бы в печатном доносе разом на писателей, журналы и цензоров, и тогда, конечно, всякое полезное влияние журнала сделалось бы невозможным.

Вот почему я должен был ограничиться только положительными статьями, указывающими прямой путь, но не обличающими кривых, т. е. самыми неблагодарными в отношении подписчиков. Я был уверен, не разуверился и теперь, что если журнал Министерства выдержит свой характер и, не мешаясь ни в какие политические соображения, будет иметь в виду одно благо народа, его истинное нравственное и умственное образование, то, наконец, общество обратится к нему с доверием.

Но уже месяцев через 7-мь или 8-мь после издания журнала под новой редакцией, начались с двух различ-

ных сторон нападки на журнал, до которого прежде не было никому ровно никакого дела: одни упрекали его в том, что у него почти не прибавляется число подписчиков; другие в том, что он не обличает анархических и материалистических тенденций других журналов, и в то же время в том, что он не приносит дохода Министерству. Справедливы ли были эти нападки?

Можно ли было ожидать, чтобы журнал, не имевший частных подписчиков в продолжение 30-ти лет, приобрел их в продолжение нескольких месяцев? Какой из официальных министерских журналов имеет частных подписчиков и приносит доход Министерству? Привыкла ли уже наша русская публика настолько заниматься делом общественного воспитания, чтобы выписывать довольно дорогой журнал, специально назначенный для учителей общественных заведений? Прилично ли бы было журналу Министерства прибегать к тем средствам, которыми часто новые журналы закликают подписчиков?

Что касается до нападок с другой стороны, то я недоумеваю, как объяснить их. Не трудно, кажется, было видеть, что если бы мы открыто стали обличать вредные стремления в тех или других журналах, т. е., другими словами, при существовании цензурного управления печатать доносы разом на писателей, журналы и цензоров, то мало бы выиграли этим в уважении публики и мало принесли бы доходов министерству. Такие требования от журнала, получившего по высочайшему же повелению определенную цель заниматься делом народного образования, были, наконец, выражены официально. Но почему не сделано этих требований всем прочим официальным журналам?

В последнее время, так как у журнала мало частных подписчиков, то его стали обвинять уже в бесполезности, говоря, что его никто не читает, что он заваливает только бесполезно кладовые Министерства и т. под. Но позвольте довести до вашего сведения, что мы не сдали в кладовые еще ни одного номера и что оставшихся номеров у нас очень немного, 60 или 70, т. е. меньше

того, что должен иметь каждый журнал на всякий случай и особенно журнал Министерства, который может быть подарен или выписан при открытии нового заведения, учреждении библиотеки и т. п.

Если же кладовые Министерства завалены журналом, то это журналом того времени, когда в нем помещались ученые статьи по всем наукам; а наша крошечная редакция завалена журналами чужими, а не нашими. Что касается до обвинения, что нас не читают, то я полагаю, что оно несправедливо: журнал Министерства читается теми, для кого он назначен — учителями гимназий и уездных училищ, чему служат доказательством как письма от этих лиц, получаемые редакцией, так отчасти и те яростные нападки, которые только что начинаются в журналах, придерживающихся совершенно противоположных убеждений, и, наконец, отзывы из провинций, печатаемые в других журналах, составляемые учителями же гимназий и в которых выражается иногда немалое удивление, что журнал Министерства начинает, наконец, появляться своевременно и представляет интерес для читателей.

Не странно ли же, ваше превосходительство, что в то время, когда книжки журнала опаздывали полугодиями, когда об нем нигде и не упоминалось, — не было на него никаких нападок со стороны правительственной и что они начинаются именно теперь, когда журнал только что начинает обращать на себя внимание литературы и общества?.. Неужели же возможно в 14-ть месяцев исправить дело, которое портилось 30 лет?

Извините, ваше превосходительство, но я осмелюсь заметить, что едва ли будет справедливо осуждать журнал Министерства по числу его подписчиков, а не по его внутреннему содержанию, о котором из осуждающих, однако, никто не говорит ни слова. Если принять мерилом журнального достоинства число подписчиков, то, конечно, пальму первенства придется отдать «Домашней беседе», «Искре», «Сыну отечества» и «Современнику».

Нам говорят, что журнал должен существовать своими собственными средствами, а не на счет гимназий и уездных училищ; но какой же официальный журнал существует собственными средствами и кто же будет читать педагогический журнал, если его не будут читать лица, подведомственные Министерству народного просвещения, учителя гимназий и уездных училищ, которые по большей части учат также в корпусах и женских учебных заведениях? Духовные же семинарии начинают выписывать журнал.

Если цель действовать благотворно на наставников учебных заведений, а чрез них на детство и юношество, кажется слишком узкою и недостойною ничтожных пожертвований со стороны Министерства, от которого для этой цели журнал получает ежегодно только три тысячи рублей, то назначение его, без сомнения, должно быть изменено. Но я никак не думаю, чтобы у журнала увеличилось число подписчиков, если в нем попрежнему станут помещать quasi ученые статьи по всем отделам наук. Разве «Известия Академии» выписываются многими? Разве журнал Министерства не имеет уже печального и долголетнего опыта в этом отношении? Еженедельная форма нисколько не пособит, и притом эта форма, пригодная для распространения новостей всякого рода, самая неудобная для ученых журналов, которые скорее могут выходить в виде четырехмесячных английских обозрений или в виде сборников статей. Если же предположить, что ученые статьи журнала будут изложены популярно, в виде тех полудетских статеек, которые помещаются, например, в журнале «Учитель», то гораздо удобнее будет (если уже полезно издавать их) издавать подобным образом изложенные начатки наук в виде отдельных книжек, прилагаемых при журнале и которые могли бы продаваться отдельно от него. Соединение же настоящих ученых статей с такою полудетскою болтовнею едва ли будет прилично и едва ли достигнет какой-нибудь полезной цели.

Кроме того, Министерство, как мне кажется, ошибается, надеясь найти многих ученых сотрудников:

официальный характер журнала удержит не одного из них от помещения в нем своих статей. Статьи писателей известных, имеющие ученое и вместе занимательное содержание, появляются очень редко и приобретаются журналами за самую дорогую цену. Статьи сухого ученого содержания читаются немногими специалистами; а так как специальностей в науке нынче очень много, то едва ли кто-нибудь, занимающийся, например, математикою, станет выписывать журнал Министерства, потому что в нем в год или в два года раз появится дельная математическая статья, и т. д.; тем более, что специалисты будут по большей части получать журнал даром, из учебных заведений, и, вероятно, предпочтут употребить свои деньги на выписку иностранного журнала, специально трактующего об их предмете. Кроме того, следует заметить, что журнал, трактующий о всех науках, должен иметь, если хочет быть порядочным, не одного, а нескольких редакторов. Неловко же будет журналу Министерства отличаться таким всезнанием, каким отличаются иные журналы, трактующие о всех науках: в нем совершенно не на месте будут промахи против химии, математики, истории, политической экономии и проч. Ни один сколько-нибудь добросовестный человек не возьмется за редакцию такого общеученого журнала и еще от имени Министерства просвещения.

В заключение я считаю себя обязанным выразить следующие убеждения:

1) что настоящее педагогическое направление журнала соответствует более всего предмету деятельности Министерства, которое более должно заботиться об образовании народа, чем о движении науки вперед;

2) что правительство не теряет даром своих денег, распространяя между наставниками юношества здоровые нравственные убеждения и полезные сведения по делу воспитания;

3) что официальный журнал, падавший 30 лет, может быть поднят не скоро, особенно без эксцентриче-

ских средств, какими, например, поднят был на время Морской Сборник или Военный Журнал;

4) что направление журнала должно оставить прежнее, но что возможно сделать его еще гораздо полезнее. Для этой последней цели я полагал бы уместным: а) издавать при журнале в виде приложений и продавать отдельно по дешевой цене те сочинения, которые Министерство сочтет полезным распространить в публике, б) пригласить специальных ученых по разным отделам науки разбирать в журнале все выходящие на русском и отчасти на иностранных языках книги научного содержания и тем пополнить чувствительный и очень вредный недостаток добросовестной и дельной критики в нашей литературе, где выходящие сочинения оцениваются безымянными рецензентами по личной прихоти и по большей части с единственною целью написать забавную статейку. Если такой критический отдел установить хорошо и провести несколько лет, то публика привыкнет отыскивать в журнале Министерства дельную и беспристрастную оценку выходящих сочинений.

Но легко понять, что такой критический отдел, который мог бы мало-помалу приобрести частных подписчиков журналу, оказал бы большую пользу не только для учебных заведений и ученого сословия, но и для всей русской литературы, не может быть установлен одними частными усилиями без содействия Министерства и без некоторых издержек с его стороны, которые, впрочем, не могут быть очень значительны.

В таком критическом отделе могли бы принять участие специальные ученые по каждому предмету, к которым с этою целью могло бы обратиться Министерство: академики, профессора и в особенности члены ученого комитета, так как и в настоящее время этот кабинет занимается уже разбором ученых и учебных сочинений, но мнения его остаются неизвестными публике, а в официальной части журнала печатается только окончательное заключение, что книга такая-то принята как руководство и т. под.

Нет сомнения, что такое пополнение существенного недостатка в нашей литературе мало-помалу привлекло бы к журналу участвующих. Но, принимая в расчет небольшое количество людей, занимающихся у нас серьезно учебною частью и науками, никогда нельзя ожидать, чтобы число таких подписчиков было значительно.

Резолюция. Г. Сергиевский сообщил мне по приказанию г. министра, что журнал Министерства Нар. Пр. в 1862 г. должен издаваться на прежних основаниях.

И. Делянов.

10 октября 1861 г.

6. ПЕРЕПИСКА К. Д. УШИНСКОГО С НАЧАЛЬНИЦЕЙ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА М. П. ЛЕОНТЬЕВОЙ *

*а) Ваше превосходительство,
милостивая государыня Мария Павловна!*

На предложение вашего превосходительства, сообщенное мне временным членом Совета женских учебных заведений, господином попечителем С.-Петербургского учебного округа (Делянов), занять должность инспектора классов при Воспитательном обществе благородных девиц и Александровском училище имею честь уведомить, что я согласен принять на себя эту должность и вместе с тем почтительнейше прошу ваше превосходительство об исходатайствовании на то высочайшего соизволения.

С чувством глубочайшего уважения и совершенной преданности честь имею быть вашего превосходительства всепокорнейший слуга *К. Ушинский.*

8 декабря 1858 г.

---

* Официальная переписка К. Д. Ушинского с начальницей Смольного института Марьей Павловной Леонтьевой[6] представлена пока тремя письмами Ушинского. Из них первые два письма опубликованы в книге З. Е. Мордвиновой «Статс-дама М. П. Леонтьева» (СПб., 1902, стр. 180—183); последнее, 3-е, письмо (ЦГАДА, ф. Чернышева В. И., 1203, № 8) еще не опубликовано. В свое время оно было разыскано Чернышевым в делах Смольного института. В биографическом отношении оно важно потому, что вскрывает ту напряженность отношений, которая установилась между Леонтьевой и Ушинским к началу 1862 г., причем последний сохранил до конца непреклонность своей воли в отношении последовательного проведения нового положения об учебной работе института.

б) Ваше превосходительство,
милостивая государыня Мария Павловна!

Несмотря на все мое желание быть в институте на экзаменах, расписание которых я получил от г. Печкина, я никак не могу сделать этого в настоящее время. Сначала моя собственная болезнь удерживала меня, а теперь болезнь моей жены не позволяет мне поскорее познакомиться с институтом, хотя я сам очень бы желал этого. Впрочем, при первой возможности я поспешу приехать в С.-Петербург.

Позвольте принести вашему превосходительству мою искреннейшую признательность за лестное для меня внимание ваше, которое вы оказали в устройстве моей будущей квартиры; но вместе с тем смею утруждать вас моей покорнейшей просьбой позволить приготовить в ней только три комнатки, назначенные для кабинета; все же остальные переделки, так как семья моя останется до весны в Гатчине, могут быть при мне. Кроме того, я боюсь, что перекраска полов после переделки печей потребует для высушки очень продолжительного времени; но может быть, возможно так переделать печи, чтобы полов не пришлось перекрашивать?

На-днях у меня был г. Гольдфридрих с письмом от г. Шванебаха. Не будучи еще сам утвержден в моей должности, я не могу принять на себя права располагать открывшимся в институте местом учителя немецкого языка; что же касается моего личного мнения о г. Гольдфридрихе, то он показался мне человеком, знающим дело, за которое берется; а сам он выразил желание, если явятся другие искатели того же места, быть допущенным к пробной лекции наравне с прочими.

Удостойте принять благосклонно, ваше превосходительство, мои почтительнейшие уверения в том глубочайшем уважении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть вашего превосходительства всепокорнейшим слугой.

К. Ушинский.

Гатчино 1859 г. 21 января.

На письме рукой М. П. Леонтьевой пометка: «отвечала 22-го, что работы в квартире производятся по его указанию, что доклад Совета об утверждении его инспектором классов высочайше утвержден 16-го, — и надеюсь, что денежное вспомоществование получено им будет в надлежащее время. Учительских свободных мест теперь нет. Г. Гедте, подававший просьбу об отставке, по общему желанию остается в заведении».

в) Ответ К. Д. Ушинского на сообщенную ему «Пояснительную записку» начальницы Смольного института об очередных выпусках воспитанниц института

На сообщенную мне по приказанию вашего превосходительства пояснительную записку о выпусках воспитанниц Общества благородных девиц, честь имею почтительнейше представить свое мнение:

1. При размещении девиц из трехгодичных классов в годичные принят был порядок, который удостоился предварительно высочайшего одобрения, а самое размещение было сделано с разрешения вашего превосходительства и местного совета. При этом были приняты в соображение, с одной стороны, успехи девиц в науках, а с другой, их возраст, так что ни одна из находящихся ныне в Институте девиц не будет вынуждена оставить заведение ранее 16-тилетнего возраста. Если же бы немногие из девиц по отличным способностям и особенным успехам в науках достигли первого, т. е. выпускного класса ранее 17 и даже 16 лет и родители их пожелали бы оставить их еще в заведении, то таких девиц, как отличнейших, всегда возможно будет поместить в специальный класс, где они с пользой для себя пробудут еще два года. Все сие уже было представлено мною предварительно, еще в 1859 г., по поводу вопросов в бозе почившей государыни императрицы, присланных из Ниццы.

2. Такое размещение девиц по классам, сообразно их познаниям и возрасту, а не по годам приемов, утверждено Советом 9 апреля 1860 года, а с 12 апреля того же

года начато преподавание во всех классах по новому порядку. Если же теперь возвратиться к старому порядку и вновь разместить девиц не по познаниям, а по годам приемов, то в Обществе благородных девиц образуются такие смешанные высшие и средние классы, в которых преподавание будет совершенно невозможно: одни из девиц одного и того же класса не будут знать начала науки, другие не будут знать средины, а третьи, и самые способные, принуждены будут бесполезно проходить вновь то, что раз было пройдено и, следовательно, терять напрасно время и привыкать к лени.

3. В пояснительной записке, сообщенной мне по приказанию вашего превосходительства, сказано, что лишь воспитанницы двух младших классов (VII-го и VI-го) будут подлежать выпускам по новому порядку; но для этого их следует перевести в высшие классы, а классы эти будут заняты девицами прежних приемов, переводы которых приостановятся, — таким образом введение высочайше утвержденного преобразования будет совершенно остановлено.

4. Общество благородных девиц, как заведение воспитательное и учебное, должно, как мне кажется, иметь целью дать известное образование девице, а не продержать ее в своих стенах определенное число лет, а потому не имеет никакого основания сообразоваться с желаниями тех родителей, которые, отдавая в заведение свою дочь, желали только продержать ее там определенное число лет.

5. Вследствие всех сих соображений я прошу всепокорнейше и при предстоящих переводах девиц из класса в класс дозволить руководствоваться высочайше утвержденными проектами и допустить переводы девиц по результатам экзаменов, как это выражено и в высочайше утвержденном Уставе женских учебных заведений (примечание к ст. 129, § 14) и в том порядке, который принят для этого в проекте, удостоенном также высочайшего утверждения.

6. Переводы девиц из класса в класс должны быть сделаны по отзывам преподавателей об успехах девиц и

по однообразным правилам. Всякая неопределенность в этом отношении может показаться произволом, который весьма вреден в деле воспитания и учения.

7. Так как в уставе женских учебных заведений и в проектах, вследствие высочайшего утверждения которых совершено преобразование в Обществе благородных девиц, существуют положительные правила для выпусков и переводов воспитанниц сего заведения, то эти правила не могут быть иначе отменены или изменены, как высочайшей же властью, до тех же пор они будут приводиться в исполнение безостановочно; а так как теперь наступило время выпуска и переводов, то не благоугодно ли будет вашему превосходительству заранее исходатайствовать то или другое изменение в высочайше утвержденных постановлениях.

Инспектор классов *К. Ушинский.*

Января 27 дня 1862 г.

7. ПРОТЕСТ К. Д. УШИНСКОГО ПРОТИВ ОБВИНЕНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ ЕМУ ПО ЖАЛОБЕ НАЧАЛЬНИЦЫ НА ОСНОВАНИИ ДОНОСА ГРЕЧУЛЕВИЧА

а) ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ УШИНСКИМ ОДНОМУ ИЗ ЧЛЕНОВ СОВЕТА ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В ОТВЕТ НА ПРЕДЪЯВЛЕННЫЕ ЕМУ ОБВИНЕНИЯ *

В январе текущего года, при поступлении вашего сиятельства в должность члена по учебной части, г-жа начальница отозвалась вам с отличной похвалою обо мне, в особенности выражала свое удовольствие за хороший выбор преподавателей.

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 9. Подлинный документ пока неизвестен. Но В. И. Чернышеву удалось получить в семье К. Д. Ушинского черновик той объяснительной записки, которую написал Ушинский в опровержение возведенных на него обвинений. Как можно думать, записка была представлена старшему члену Совета Воспитательного общества С. С. Ланскому, который лично объявил Ушинскому о жалобе на него. Из объяснения Ушинского совершенно ясно, что законоучитель института, прот. Гречулевич, наблюдая все растущие несогласия между Ушинским и начальницей, послал ей свой донос на Ушинского, а последняя, основываясь на этом документе, составила жалобу на Ушинского и приглашенных им преподавателей. Характерно, что Ушинскому пришлось отвечать на обвинение, полностью ему не предъявленное и надлежащим образом не мотивированное. Ввиду этого Ушинский настаивал на гласном расследовании всего дела. Разумеется, о расследовании не могло быть и речи, и Ушинскому, вероятно, при первом же оповещении его о поступившей жалобе было дано понять, что единственным выходом для него является оставление им работы в институте. Поэтому вслед за объяснительной запиской Ушинский представил в Совет Воспитательного общества свое прошение об увольнении от занимаемой должности в связи с расстроенным здоровьем и необходимостью лечения за границей.

Через две или три недели, во время которых не было уроков, г-жа начальница начала уже жаловаться вашему сиятельству на меня, а через два месяца подала письменную жалобу как на меня, так и на выбранных мною преподавателей.

Причинами такой внезапной перемены в расположении ее превосходительства ко мне и к новым преподавателям были следующие:

1. Я отказался выполнить сначала словесные, а потом уже письменные требования г-жи начальницы в отношении выпусков, потому что эти требования противоречили высочайше утвержденному журналу Главного совета женских учебных заведений и совершенно останавливали реформу, вводимую по высочайшему же повелению. Копию с сего требования, равно как и мой ответ на него, честь имею при сем приложить. Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний и с тех пор перестала говорить со мною, и тогда появились всякого рода обвинения против меня.

2. Его императорское высочество, присутствуя при выпускном экзамене, соизволил приказать садиться г.г. экзаминаторам, и они экзаменовали сидя, во все продолжение экзамена в 1 классе Общества, в присутствии его императорского высочества, вашего сиятельства, его превосходительства барона Фридриха и г-жи начальницы, прибывшей на экзамен позднее; но когда стали экзаменовать 1-й класс Училища, то г-жа начальница приказала одному из экзаминаторов, а именно г-ну Водовозову, встать и, несмотря на то, что я сообщил ей через посредство вашего сиятельства, по чьему соизволению преподаватели экзаменуют сидя, повторила свое приказание. Вследствие чего некоторые из г.г. преподавателей, считая себя оскорбленными при целом классе своих учениц, на другой же день подали мне просьбы об отставке. В числе этих преподавателей были именно те, на которых теперь жалуется ее превосходительство. Соблюдая пользу заведений, я уговорил преподавателей объясниться с г-жею начальни-

цею, и действительно они удовлетворились ее объяснением и уверениями в том, что она ими дорожит, понимая, какую пользу они приносят девицам, и остались на службе.

3. Г-жа начальница объявила мне свое желание, чтобы 7 лучших девиц в III классе остались в нем на другой год, так как и для меня небесполезно будет представить отличный выпуск в 1864 году, когда предполагается празднование столетия Смольного института; на что я отвечал ее превосходительству, что выпуск и без этой меры будет хорош и что эту меру я считаю положительно вредною для девиц.

Присутствуя потом на переводных конференциях (где по правилам, высочайше утвержденным, должны присутствовать только г-жи инспектрисы, классные дамы, инспектор классов, его помощник и преподаватели), г-жа начальница выразила то же желание, причем я и некоторые из г.г. преподавателей заявили свое мнение о вреде этой меры. Вашему сиятельству угодно было уступить желанию г-жи начальницы на том основании, что эти 7 девиц сами выразили желание остаться в классе. Но когда через несколько дней я пришел в III класс, то оставшиеся девицы обратились ко мне с просьбою перевести их, так как они вовсе не желают оставаться и если выразили на то свое согласие, то единственно по той причине, что их уговорил к тому мой помощник г. Налетов, которому я вовсе не поручал этого делать. Я сказал девицам, чтобы они с своею просьбою обратились к г-же начальнице немедленно и заявил вашему сиятельству об этом происшествии.

4. В тот же день, вечером, призвал я моего помощника для объяснения и сказал, что при таком антагонизме между инспектором и его помощником, который по закону не имеет никакой отдельной самостоятельной части, а исполняет единственно поручения инспектора, служить нам вместе становится трудно. Г-н Налетов немедленно выразил желание подать просьбу об отставке; я же не уговаривал его остаться, потому что уже давно был недоволен им и из последних работ его

при переводах и выпусках вполне убедился, как мало он способен мне помочь даже в составлении простой бумаги. Г-н Налетов вместо того, чтобы подать просьбу мне, как следует по закону, подал ее г-же начальнице. Это оскорбление в лице моем непосредственного начальника не помешало, однакоже, г-же начальнице выразить свое непременное желание, чтобы г-н Налетов остался моим помощником, хотя выбор помощника по закону предоставлен инспектору классов.

5. Ваше сиятельство сами были свидетели, как при подаче мною в Совет программы распределения уроков г-жа начальница выразила в самых жестких выражениях крайнее свое неудовольствие на то, что я по ее требованию не уменьшил числа уроков, хотя число их не превышало того, которое утверждено высочайшей властью. Вследствие всех сих неудовольствий, вызванных единственно тем, что я осмелился отстаивать, против желаний ее превосходительства, исполнение высочайше утвержденных правил и реформу, вводимую по высочайшему же повелению, г-жа начальница:

1) Неоднократно жаловалась на меня вашему сиятельству, но вы нашли мои оправдания справедливыми.

2) Принесла личную жалобу ее императорскому величеству, но государыня императрица удостоила выслушать мои оправдания и повелено представить ей подробный доклад о числе и назначении уроков.

3) Тогда г-жа начальница подала на меня и на некоторых преподавателей письменную жалобу, из которой вам угодно было прочесть мне только те пункты, которые лично до меня относятся и предмет для которых взят из моей домашней жизни и моих домашних разговоров, сделавшихся известными начальнице по доносу законоучителя Гречулевича, а именно:

А. Будто я, призвав двух законоучителей на совещание по предмету закона божия, принял их в халате. На сие честь имею объяснить, что, во-первых, формального совещания у нас не было, так как формальные конференции собираются в библиотеке Общества и состоят

из всех учителей; там рассматриваются всегда все программы, что же касается программы по закону божию, то я давно уже поручил составить ее самим г.г. законоучителям, но от них еще не получил. Я же пригласил г.г. законоучителей к себе для того только, чтобы переговорить с ними о некоторых выражениях, употребленных мною в том объяснении распределения уроков, которое я приготовлял тогда для вашего сиятельства. Такие совещания с учителями бывают у меня ежедневно. Вот почему и в этот раз г.г. законоучители, свящ. Гречулевич и свящ. Головин, нашли у меня четырех преподавателей самых разнообразных предметов: преподавателя физики г. Пугачевского, преподавателя географии г. Лядова, преподавателя французского языка г. Семенова. Я прочел законоучителям те выражения, в которых затруднялся, и по этому поводу начался между мною и г. Гречулевичем спор, в котором, впрочем, принимали участие все. Из этого уже видно, что это не была официальная конференция, а просто частная беседа. Во-вторых, если я был в халате, то никому, кажется, не запрещено ходить дома в чем угодно. Я же в этот день был болен, и у меня лежали припарки из сала на груди и на спине, мешавшие мне надеть какой-нибудь другой костюм. В-третьих, я никак не предполагал, чтобы свящ. Гречулевич обиделся моим домашним костюмом, потому что, выходя от меня, он простился очень дружелюбно и даже выразил надежду, что спор наш останется без последствий, иначе я охотно бы перед ним извинился в том, что, будучи болен, пригласил его к себе. В-четвертых, доказательством, что это был только частный разговор, может служить и то, что я не придал никакого официального значения словам свящ. Гречулевича, когда он утверждал, что я будто бы не имею права вмешиваться в преподавание закона божия, хотя по закону я обязан наблюдать за преподаванием этого предмета так же, как и за преподаванием других, и всякий раз за неудачные экзамены в нем подвергался замечаниям государыни императрицы. Если бы я придавал официальное значе-

ние нашему свиданию со свящ. Гречулевичем, то мог бы видеть в этих словах оскорбление начальника.

Б. Обвиняют меня в том, что я курил при г.г. законоучителях, но курить у себя дома никому, кажется, не запрещается. Курили, спорили и шутили все присутствующие, и, конечно, никто из них, кроме свящ. Гречулевича, не мог предполагать, что этот частный разговор будет иметь официальные последствия.

В. На обвинение в том, что будто бы я при этом споре выразил нежелание нигде не встречаться с преосвященным митрополитом Филаретом, честь имею объяснить: первое, что о митрополите собственно разговора не было, а был о катехизисе, им составленном, и о способе пользования этим руководством: второе, что если я, может быть, и употребил какую-нибудь фразу вроде той, которая приводится в обвинении, то, без всякого сомнения, она имела не тот смысл, который получила, когда ее передали отдельно, вырвав из целого, длинного спора. Так можно обвинить каждого после получасового разговора и в чем угодно, и если уж угодно обвинять меня за домашний разговор, то следует, по крайней мере, принять во внимание сущность разговора, а не отдельные фразы. Сущность же моего спора с свящ. Гречулевичем, в котором принимали участие все присутствовавшие при этом, состояла в следующем. Я вооружился против буквального изучения катехизиса и доказывал, что наизусть следует изучать только молитвы и тексты, взятые из св. писания, а не текст учебника, и что преосвященный Филарет, вероятно, не для того писал свой катехизис, чтобы его зубрили от доски до доски, и что если бы сам преосвященный этого требовал, то поступал бы против правил педагогики. Говорил я еще кроме того, что буквальное зубрение каких бы то ни было учебников способно только убить живое чувство веры, врожденное человеку, и что оно принесло у нас уже много зла и остановило навсегда нравственно-религиозное развитие многих людей. Законоучитель же Гречулевич доказывал, что дети должны непременно отвечать словами катехизиса и что если они не все так понимают,

как говорят, то это необходимо для присутствующих на экзаменах духовных особ; на что я отвечал, что в таком случае это будет весьма неприличный обман, да и ненужный, так как приезжающие к нам на экзамен духовные лица обыкновенно дают вопросы, доступные детскому пониманию, и вовсе не требуют буквальных ответов. Потом разговор перешел на журнал «Странник», издаваемый свящ. Гречулевичем, и я не ручаюсь, чтобы самолюбие редактора не было задето моими заметками; но над журналом свящ. Гречулевича даже печатно издеваются лучшие духовные журналы.

Г. Обвиняют меня также в том, что когда-то и кому-то я говорил, что всегда предпочту преподавателя атеиста, но человека честного и правдивого, ханже и фарисею. Не помню, так ли и кому это говорил, но это действительно мое мнение, хотя и вовсе не значит того, чтобы я искал или терпел на службе заведомых атеистов. Я желал бы, чтоб все люди были религиозны, признаю религию необходимым основанием воспитания; мои собственные убеждения в этом отношении заявлены печатно. Я стараюсь внушить те же идеи и всем, кто занимается делом воспитания, и в том ссылаюсь на свящ. Головина, бывшего неоднократно свидетелем и участником подобных бесед; но считал всегда и считаю теперь, что ханжа хуже атеиста; потому что в ханже к неверию атеиста присоединяется еще ложь, лицемерие и страшная дерзость, так как он имя божие употребляет для своих корыстных целей.

Вот и все объявленные мне обвинения. Но я не могу понять, ваше сиятельство, почему мнения мои, выраженные мною в кабинетных разговорах и в разное время, я обязан теперь защищать официально? Неужели только потому, что я осмелился настаивать на исполнении высочайше утвержденных правил? Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и открытому исследованию, и убедительнейше прошу вас назначить надо мною формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои до-

машние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода!..

В жалобе, поданной г-жею начальницей, обвиняются еще некоторые преподаватели. Но позвольте выразить вам мое глубокое огорчение, что эти обвинения, по неизвестной мне причине, скрыты от меня, тогда как по закону они прямо должны бы быть мне переданы для расследования их справедливости.

В продолжение всей моей службы я не слышал от г-жи начальницы ни одного обвинения на новых, приисканных мною преподавателей, кроме мелочных обвинений в том, что они иногда не ладят с классными дамами, привыкшими к старым порядкам. Не только эти мелочные обвинения, но даже и слухи, доходившие до меня со стороны, я не оставлял без должных разысканий, причем убедился, что именно эти слухи, доходившие до меня разными путями, были чистые сплетни. Что это было действительно так, в этом я ссылаюсь на г-жу инспектрису Александровского училища, которую я всегда просил разузнать от классных дам, насколько тот или другой слух справедлив, и всякий раз оказывалось, что эти слухи не имели никакого основания. Одни только классные дамы, присутствуя на каждой лекции, могут всегда знать, что читал и чего не читал преподаватель. Для избежания же всяких недоразумений, я циркулярно предписал не сообщать девицам ни книг, ни тетрадей иначе, как через руки классных дам. Я даже ввел в том отношении бóльшую осторожность, чем была до меня, потому что разделил сочинения русских авторов на отдельные части, с тем, чтобы возможно было давать в руки воспитанницам только то, что прилично их полу и возрасту. Без сомнения, г-жа инспектриса сообщала обо всех этих розысках и г-же начальнице; почему же она тогда не сообщила мне своих опасений?

Если же я не удалял преподавателей по одним слухам и сплетням, то согласитесь сами, ваше сиятельство, что какой же порядочный человек пошел бы по моему

приглашению служить в Смольный институт, зная, что не нужно доказанного факта, а довольно одной сплетни, чтобы его могли удалить со службы.

В заключение прошу всепокорнейше ваше сиятельство сообщить мне, в чем обвиняют определенных мною преподавателей, для того, чтобы я мог сделать надлежащий розыск: это моя прямая обязанность. Если же это признано будет невозможным, то убедительнейше прошу ваше сиятельство, по крайней мере, объявить мне, каким поступком заслужил я то недоверие, которое выражено мне при этом деле? Неужели только тем, что употреблял все свои силы, чтобы оградить от нарушений высочайше утвержденные положения и отказался выполнить те требования г-жи начальницы, которые противоречили высочайше утвержденным постановлениям? Другой вины за собою по службе в Смольном институте я никакой не знаю, и справедливость этого еще раз прошу ваше сиятельство обнаружить формальным исследованием. На это по закону имеет право всякий обвиненный, а мне не показали даже бумаги, в которой меня обвиняют. Как прямого моего начальника, прошу вас покорнейше, ваше сиятельство, чтобы и со мною было поступлено по закону; я не желаю, чтобы на мне совершенно безвинно осталось пятно, что я не оправдал высочайшего доверия, тогда как вся моя деятельность к тому только была направлена. Вам, ваше сиятельство, мало известна моя служба, но прошу вас покорнейше с расспросом о ней обратиться к моим прежним начальникам, а именно, г-ну попечителю С.-Петербургского учебного округа Ивану Давидовичу Делянову, который долго уговаривал меня принять тяжелую и опасную должность инспектора классов при Смольном институте, и который знает, как началась теперешняя реформа; г-ну члену Государственного совета Авраму Сергеевичу Норову, который был свидетелем, каких трудов мне стоило введение этой реформы; г-ну товарищу министра иностранных дел Николаю Алексеевичу Муханову, настояниям которого я обязан тем, что мог ее окончить; прошу вас

также спросите обо мне члена Государственного совета Евграфа Петровича Ковалевского, который знает меня как редактора журнала Министерства народного просвещения. Я уверен, что все эти лица будут удивлены, как я мог так скоро заслужить недоверие начальства. Неужели это награда мне за все трехлетние труды мои по введению реформы в Общество благородных девиц и Александровское училище? Неужели можно было ожидать, чтобы все эти нововведения не вызвали на меня обвинений в тех, кто не хочет привыкать к новому порядку? Нет, ваше сиятельство, я трудился добросовестно на пользу двух заведений и не далее, как три месяца тому назад, г-жа начальница свидетельствовала об этом перед государыней императрицей и не прошло двух месяцев, как она говорила то же самое вам. Какое же преступление сделал я в это время?

Не думайте, однако, ваше сиятельство, что я напрашиваюсь на какую-нибудь награду. Нет, я желаю только справедливости, и, кажется, я имею полное право просить об одном, чтобы, проверив мою служебную деятельность, засвидетельствовали, что я служил честно и ничем не нарушил высочайшего доверия и исполнил свой долг.

б) В СОВЕТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЧИЛИЩА *

Инспектора классов сих заведений
коллежского советника Константина
Ушинского

Прошение.

Расстройство здоровья заставляет меня уехать заграницу на продолжительное время, вследствие чего почтительнейше прошу Совет исходатайствовать мне

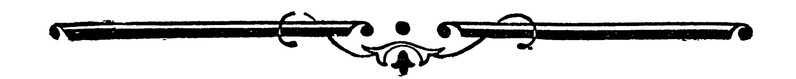
* Ленинградский областной исторический архив, ф. 9, д. 7180.

увольнение от занимаемой мной должности инспектора классов. Но так как семья моя только в мае месяце отправится заграницу, то я прошу покорнейше у Совета позволения остаться ей на казенной, занимаемой мною ныне квартире до конца мая месяца текущего года.

Коллежский советник *К. Ушинский.*

Марта 22 дня 1862 г.

8. ПЕРЕПИСКА К. Д. УШИНСКОГО С АДМИНИСТРАЦИЕЙ IV ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В СВЯЗИ С ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКОЙ *

а) ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕМУ IV ОТДЕЛЕНИЕМ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ ПРИНЦУ ПЕТРУ ГЕОРГИЕВИЧУ ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

Прошение

Инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища, коллежского советника К. Ушинского.

Ваше императорское высочество!

Расстройство груди принуждает меня ехать заграницу на год, а потому я и подал в местный Совет воспитательного общества благородных девиц и С.-Петер-

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 13. Переписка Ушинского с администрацией IV отделения императорской канцелярии после выезда за границу представляет значительный интерес в биографическом отношении. С одной стороны, здоровье К. Д. Ушинского улучшалось медленно, с другой, командировка первоначально была дана ему только на год, в течение которого он не успел выполнить поставленную ему задачу. Между тем, за границей Ушинский надеялся осуществить замысел большой научной работы по педагогике, и независимо от этого ему хотелось продлить свое пребывание на службе в императорской канцелярии, чтобы выслужить хотя бы половинную пенсию. Эти обстоятельства заставляли его писать разным лицам и находить всякие объяснения тому обстоятельству, что многочисленные задачи, ему поставленные, не могут быть выполнены так скоро, как это могло казаться издали. Выполнив основную задачу, ему постав-

бургского Александровского училища прошение об увольнении меня от должности инспектора классов. Но чувствуя себя в силах и заграницей быть полезным для учебных заведений, имеющих счастье находиться под начальством Вашего императорского высочества, я осмеливаюсь прибегнуть к Вам с моею всепокорнейшею просьбой — позволить мне остаться членом Учебного комитета при IV отделении собственной его императорского величества канцелярии с оставлением мне получаемого мною ныне годового содержания по должности инспектора классов.

Находясь уже шестнадцатый год на государственной службе и восьмой год на службе в учебных заведениях, имеющих счастье состоять под начальством Вашего императорского высочества, окончив реформу двух обширных учебных заведений, я позволяю себе просить об оказании мне этой милости.

Управляющий Министерством народного просвещения, узнав, что я необходимо должен ехать заграницу,

---

ленную,— обзор женских учебных заведений за границей, составив официальный отчет, приложив к нему 7 напечатанных писем о «Педагогической поездке по Швейцарии» и издав книжку «Родное слово», г. 1-й и 2-й, и «Руководство для работы по «Родному слову», Ушинский считал, что поручение, данное ему при командировке, было выполнено, — и в 1864 г., в связи с истечением 18 лет служебной деятельности, просил о назначении ему половинной пенсии. Но ему было разрешено работать еще два года на прежнем основании с тем, чтобы был написан и издан полный курс педагогики для женских учебных заведений. Таким образом, с 1864 г. Ушинский мог отдаться исключительно работе над «Педагогической антропологией». Работа эта, как по причине болезни Ушинского, так равным образом и по другим обстоятельствам, подвигалась не так быстро: в 1867 г. был издан ее первый том, в 1869 г. — второй. Предполагалось закончить работу третьим томом. Как показывают разыскания, сделанные Н. В. Зикеевым в его кандидатской диссертации, Ушинскому, ввиду его болезни и разросшегося объема его труда, давались дальнейшие отсрочки и командировки за границу. В 1870 г., когда Ушинский собирался приняться за III том «Антропологии», ему разрешено было работать в любом месте — за границей или на Южном берегу Крыма. Однако недуг, давно подтачивавший силы Ушинского, окончательно свалил его.

предложил мне принять от него поручение: осмотреть образцовые народные школы и описать меры, какими приготовляются для них наставники с тем, чтобы я считался причисленным к министерству. Я принял это предложение, но желаю, чтобы моя главная служба осталась под начальством Вашего императорского высочества.

Благосклонное внимание Вашего высочества к моим небольшим заслугам внушает мне смелость надеяться, что просьба моя будет услышана, и если Вашему высочеству благоугодно было бы оставить меня членом учебного комитета с откомандированием заграницу на год, то я надеюсь, что сведения, которые я мог бы собрать там в образцовых женских учебных заведениях, сиротских институтах и учительских семинариях, не остались бы бесполезными при соображениях тех новых учреждений и преобразований, которые Ваше высочество изволите предпринимать.

Ваше императорское высочество! Дав мне средства поправить мое расстроенное здоровье и оставив меня под Вашим начальством, Вы откроете мне возможность заслужить хотя отчасти ту высочайшую милость, которой осмеливаюсь испрашивать.

Коллежский советник *К. Ушинский.*

Марта 22 дня 1862 г.

Резолюция на прошении: «Ее императорское величество, уволив инспектора классов Общества благородных девиц и Александровского училища, коллежского советника Ушинского от занимаемой им должности, всемилостивейше повелеть изволила причислить его в качестве члена по состоящему при IV отделении учебному комитету с сохранением, впредь до особого распоряжения, получаемого им ныне содержания (за исключением 200 рублей, производящихся ему за преподавание педагогики), т. е. двух тысяч двухсот тридцати (2230) рублей, отнеся сей расход на счет процентов с общего запасного капитала и с пожалованием ему из сего же источника тысячи ста пятнадцати (1115) рублей в едино-

временное пособие на поездку заграницу; причем возложить на него поручение осмотреть некоторые из замечательнейших заграничных училищ и представить по возвращении возможно подробное об устройстве и управлении заведений описание.

В С.-Петербурге 12 апреля 1862 г. Действительный статский советник *Шторх*».

б) ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. ГОЛОВНИНА НА ИМЯ ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

Ваше императорское высочество!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему высочайше соизволил на причисление состоящего в ведомстве IV отделения собственной его императорского величества канцелярии коллежского советника Ушинского к Министерству народного просвещения и на командирование его для исполнения некоторых поручений заграницу на один год.

Между тем коллежский советник Ушинский просит об оставлении его на службе также и в ведомстве помянутого отделения.

Не встречая с своей стороны к сему препятствия, я имею честь означенную просьбу Ушинского сообщить по принадлежности на благоусмотрение Вашего императорского высочества, покорнейше прося о распоряжении, какое благоугодно будет сделать по этому предмету, почтить меня уведомлением.

А. Головнин.

23 марта 1862 г.

По вопросу о причислении Ушинского к Министерству просвещения была какая-то дополнительная переписка, в результате которой в деле осталась только небольшая записка Головнина к принцу Ольденбургскому, в которой он сообщает: «Коллежский советник

Ушинский по известным Вашему высочеству причинам не может быть причислен к Министерству народного просвещения. 19 апреля 1862 года».

в) В IV ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

командированного заграницу для обзора женских учебных заведений коллежского советника Константина Ушинского

Рапорт.

Представляя при сем краткий отчет о деятельности моей заграницей за истекшие месяцы, вместе с тем честь имею почтительнейше уведомить, что с наступлением весны я намерен отправиться снова для дальнейшего обзора женских учебных заведений Франции и Германии. Подробный же отчет о моей поездке я представлю по возвращении моем в С.-Петербург, где немедленно займусь обработкой собранных мной материалов. При сем честь имею присовокупить, что если до сих пор осмотрено мною менее заведений, чем можно было бы ожидать от девятимесячного моего пребывания заграницей, то это произошло от сильного расстройства моего здоровья, на поправление которого я принужден был употребить большую часть времени.

Коллежский советник *К. Ушинский*.

Швейцария. Водский кантон. Веве.
1863 год, февраля 5-го

г) ПИСЬМО УШИНСКОГО НА ИМЯ Н. И. ШТОРХА

Ваше превосходительство, милостивый государь

Николай Иванович!

Из краткого отчета, который я представляю, Вы изволите увидеть, как неудачна была моя заграничная поездка и как много времени потратил я на разные

лечебные курсы, которые кроме того и не принесли мне всей ожидаемой пользы, так как медики говорят, что мне необходимо еще провести одну зиму в теплом климате, если я рассчитываю на прочное восстановление моего здоровья. Но как же это сделать, не выходя в отставку? А выйти в отставку, прослужа 17 лет, за год до права на полупенсию и при моем многочисленном семействе, конечно, невозможно. В мае я надеюсь быть в Петербурге, а там, что бог даст.

Будьте ко мне добры попрежнему, многоуважаемый Николай Иванович, и потрудитесь замолвить за меня доброе словечко его императорскому высочеству, если ему угодно будет взглянуть на мой отчет и заметить, что я слишком мало сделал по возложенному на меня поручению. Мне и самому прискорбно, что из собранных мной материалов я не буду в состоянии составить *систематического* и сколько-нибудь полного описания заграничных женских учебных заведений, а должен буду ограничиться отдельными описаниями тех, которые видел.

Полный и подробный отчет о моей поездке я составлю и представлю в С.-Петербурге; а здесь невозможно достать русского писаря, сам же я плохо пишу, да и грудная боль не дозволяет долго сидеть за письмом.

Поручая себя Вашему благосклонному вниманию, я прошу Вас принять искреннее уверение в том глубочайшем уважении и совершенной преданности, с которыми честь имею быть Вашего превосходительства всепокорнейшим слугою.

К. Ушинский.

Веве. 1863 г. 5-го февраля.

д) ПРОШЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО НА ИМЯ ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

Апреля 24-го дня сего 1863 года истекает срок моей командировки, но, желая воспользоваться удобным случаем, доставляющим мне возможность на общем съезде германских педагогов, назначенном в Мангейме от 26

до 28 мая (нов. ст.), ознакомиться как с самими личностями, так и с учебной литературой на предполагаемой здесь выставке, я осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше императорское высочество разрешить мне продлить срок моей командировки до вышеозначенного времени.

К. Ушинский.

26 марта/7 апреля 1863 г.

Адрес: Baden, Heidelberg, «Russischer Hof».

Пометка на прошении: «Доложено его императорскому высочеству 4 апреля 1863 г. Повелено ходатайствовать о продолжении срока командировки по 1-е июня 1863 г.».

Другая пометка: «Ее императорским величеством всемилостивейше повелено: испросить у государя императора высочайшее разрешение на продолжение срока заграничной командировки г. Ушинского еще на один год.

В С.-Петербурге 11-го апреля 1863 г.

Действительный статский советник *Н. Шторх*».

В докладе на имя государя, заготовленном по повелению императрицы, было сказано, что «государыня императрица, благоволив принять во внимание, что Ушинский, проболев большую часть зимы, не имел возможности вполне окончить возложенное на него поручение и что по отзыву медиков ему необходимо провести еще зиму в теплом климате,— высочайше повелеть соизволила испросить всемилостивейшее его величества дозволение на продолжение ему заграничной командировки на прежнем основании еще на год со времени окончания прежнего срока».

е) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО НА ИМЯ Н. И. ШТОРХ

Ваше превосходительство, милостивый государь

Николай Иванович!

В Мангейме готовится большое собрание педагогов Германии и Швейцарии и выставка учебников, учебных пособий и различных классных принадлежностей,

на которой я мог бы запастись весьма полезными для меня сведениями. Но собрание это назначено от 25 до 29 мая (нового стиля), а срок моей командировки оканчивается 6-го мая (того же стиля). Вот что побудило меня написать его императорскому высочеству просьбу об отсрочке моей командировки еще на месяц. Будьте попрежнему благосклонны ко мне, Ваше превосходительство, и исходатайствуйте у его высочества милостивое разрешение на мою покорнейшую просьбу, чем еще раз много меня обяжете.

Примите искренние уверения в том глубочайшем уважении и совершенной преданности, с которыми честь имею быть Вашего превосходительства всепокорнейшим слугою.

К. Ушинский.

10 апр. (нов. ст.) 1863 г. Париж

ж) ПРОШЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО НА ИМЯ ПРИНЦА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО

Имея настоятельную необходимость присутствовать при размежевании земель в принадлежащем мне имении Черниговской губернии и воспользовавшись наступившим вакационным временем в учебных заведениях, я возвратился в Россию и прошу всепокорнейше Ваше императорское высочество дозволить мне съездить в имение мое с тем, чтобы я мог получить новый паспорт на выезд заграницу от Черниговского гражданского губернатора, так как срок прежнего моего паспорта уже истек.

К. Ушинский.

7 июня 1863 г.

Из пометок на прошении видно, что —

а) 9-го июня Ушинский получил свидетельство «для свободного проезда» по собственной надобности;

б) начальнику Черниговской губернии отправлено отношение, в котором объяснялось, что командиро-

ванный по высочайшему повелению заграницу с ученой целью коллежский советник Константин Ушинский сроком до 24 апреля 1864 года, по устройстве своих дел должен отправиться заграницу, для чего и должен получить заграничный паспорт от начальника Черниговской губернии;

в) в заграничном паспорте, полученном от черниговского губернатора 15 июля 1863 года, сказано, что Ушинский отправляется в Австрию, Германию, Францию, Италию и Англию.

з) В IV ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

командированного заграницу коллежского советника Константина Ушинского

Рапорт.

Честь имею почтительнейше уведомить, что, хотя срок выданного мне паспорта окончился сего 24 апреля, но недавно лишь приостановившееся горловое кровотечение вынуждает меня по настоятельному совету пользующего меня медика, свидетельство которого при сем прилагаю, а равно и известного русского врача г. Пирогова, замедлить несколько моим возвращением до окончательного установления теплой погоды. При этом считаю необходимым присовокупить, что г. Пирогов, выехавший в настоящее время в Берлин, без сомнения, не откажется при приезде своем в Россию письменно засвидетельствовать поданный мне настоятельный совет промедлить своим возвращением в С.-Петербург до последних чисел мая.

Коллежский советник *К. Ушинский.*

Гейдельберг 24 апреля 1864 года.

и) РАПОРТ К. Д. УШИНСКОГО ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩЕМУ IV ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИНЦУ ПЕТРУ ГЕОРГИЕВИЧУ ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

Честь имею представить при сем Вашему императорскому высочеству отчет по возложенному на меня поручению обозреть заграничные женские учебные заведения. Обозрение это не вполне удовлетворило той программе, которую, отъезжая заграницу, я надеялся выполнить. Учебных заведений Англии, Шотландии и Австрии я совершенно не видел, а в Северной Германии видел только прусские. С особенной подробностью осмотрел я швейцарские, южно- и среднегерманские заведения; во Франции осмотрел я немногое; в Бельгии оставался несколько долее. Причиною такого недостаточного обзора было мое крайне расстроенное здоровье. По настояниям докторов я должен был обе зимы оставаться на месте; последняя же зима, очень суровая и продолжительная, задержала меня неожиданно долго, так что на обзор учебных заведений от каждого года мне оставалось только лето и то за вычетом вакационного времени. Впрочем, я видел по нескольку заведений каждого рода в каждой стране и замечательнейшие изучал в подробности. Зимою же, по необходимости оставаясь на месте, я воспользовался тем, что видел в лучших заграничных школах и составил наставление для учащих, как преподавать детям отечественный язык, и соответствующую наставлению книгу для учащихся, которые я буду иметь честь представить, как только они выйдут из печати.

Что касается до состояния моего здоровья, то заграничные доктора, а равно и известный русский врач, г. Пирогов, положительно запретили мне проводить зиму в С.-Петербурге под опасением быстрого развития тяготящей меня болезни, а потому, несмотря на все мое желание приносить посильную пользу на службе и доказать на деле всю мою признательность за высочайшее ко мне внимание, я, к великому для меня огорчению, нахожу себя вынужденным просить Ваше импе-

раторское высочество об увольнении меня от службы с 4 ноября сего года, так как к этому сроку исполнится десятилетие моей служебной деятельности по учреждениям императрицы Марии, и об исходатайствовании мне причитающегося пенсиона. Всего же на государственной службе состою я 19-й год. Смею уверить Ваше императорское высочество, что одна только невозможность соединить требования моего здоровья со службой по учреждениям императрицы Марии заставляет меня просить об отставке, так как после всех благодеяний, оказанных мне государыней императрицей по представлению Вашего императорского высочества, я не осмеливаюсь просить ни о чем более.

Коллежский советник *К. Ушинский.*

10 сентября 1864 г.

За исключением подписи, весь рапорт написан рукой писаря. На рапорте положена следующая резолюция принца Ольденбургского:

«Признавая деятельность и педагогические познания г. Ушинского весьма полезными для высочайше вверенного мне ведомства, я решаю сохранить его для сего последнего. А потому ходатайствую перед государыней императрицей о дозволении Ушинскому пробыть два года на прежнем основании с тем, чтобы в это время он написал и представил мне полный курс педагогики для наших заведений, так как в подобном руководстве с специальными применениями оного к особенностям женского воспитания уже давно чувствуется, с одной стороны, недостаток, а с другой — необходимая потребность».

9. ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. Д. УШИНСКОГО С РЕДАКТОРАМИ И ИЗДАТЕЛЯМИ

а) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО А. А. КРАЕВСКОМУ *

Препровождаю Вам статейку, которую обещал, и прошу Вас покорнейше поместить ее в одном из ближайших номеров газеты «Голос». Я бы хотел просмотреть корректуру, но если это неудобно, то полагаюсь на редакцию. Впрочем прошу напечатать без перемены. Я ссылаюсь на последний номер «Современной летописи», но забыл, какой будет это номер по счету. Точно так же не помню я наверное, *Мухлинский* ли называется тот сумасшедший поляк, который называл русских татарами и о котором упоминается в последнем номере «Современной летописи». У Вас этот номер под рукою, а потому прошу Вас, проверьте фамилию и поставьте цифру. Я бы очень желал, чтобы статья моя напечаталась на видном месте и по возможности скорее, чтобы г. *Катков* не полагал, что над ответом много думали. Прошу Вас сообщить мне ответ «Московских ведомостей», если он будет.

Примите уверение в том искреннем уважении, с которым имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

К. Ушинский.

16 г. Павловск.

---

* Подлинник письма Ушинского хранится в рукописном отделении Краснознаменной публичной ордена В. И. Ленина библиотеки им. Салтыкова-Щедрина под шифром: Ушинский, 1864. При письме препровождалась статья «Чего хотят московские педагоги», напечатанная А. Краевским в газете «Голос» (1864, 2 августа, № 210) с подписью Н. Ввиду изложенного нужно думать, что дата письма Ушинского «16» означает 16 июля 1864 г.

Адрес мой: в Павловск, в Матросскую слободку, в Зверинецкую улицу, дача Выжигина.

Прилагаемый листок из немецкой книги прошу Вас возвратить.

Статью прошу оставить без подписи (перед этим было написано и зачеркнуто «под статьей прошу подписать буквы «Х и К» или — «К. Х.» (или У.)». Все это зачеркнуто и написано: «лучше ничего не подписывать»).

б) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО ТОВАРИЩУ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И. Д. ДЕЛЯНОВУ *

Ваше превосходительство, милостивый государь, Иван Давыдович!

Простите великодушно, что я решаюсь утруждать Вас этим длинным письмом, но ваше благосклонное внимание ко мне давно уже приучило меня прибегать к вам за помощью и советом во всех затруднительных случаях.

---

* ЦГИАЛ, фонд департамента народного просвещения, 1866, дело № 141280, карт. № 3384. Письмо впервые опубликовано В. З. Смирновым (журн. «Сов. педагогика», 1946, № 10—11). Как сообщает автор публикации, подробно ознакомившийся с архивами департамента народного просвещения, материалы этих архивов не дают прямого ответа на вопрос, действительно ли было у Толстого намерение отнести книгу Ушинского в разряд вредных книг. «Делянов в своем официальном письме от 1-го июля 1866 г. № 5422 писал Ушинскому, что из материалов министерства не видно, чтобы против книги «Родное слово» министром были написаны слова «вредная книга». Нами также не обнаружены,— пишет В. З. Смирнов,— какие-либо документы, свидетельствующие о наличии такой или подобной ей надписи» (стр. 81—82). В то же время ни в одном списке рекомендованных книг, просмотренных В. З. Смирновым, вплоть до 1871 г., «Родное слово» не обнаружено. С другой стороны, не может быть сомнения в том, что книги Ушинского с момента их выхода были взяты под подозрение «благонамеренной частью» общества. В 1867 г был изъят «Детский мир» из начальных классов средних учебных заведений, и в том же году начались энергичные обвинения по

До меня дошел слух, что господин министр, рассматривая список книг, одобренных «Ученым комитетом», написал против моей книжонки «Родное слово» весьма жесткие слова: «вредная книга». Я имел честь представить вам, года два тому назад, эту азбуку, назначенную для детей от 6 до 8 лет, конечно, не ожидая, чтобы вы обратили на нее внимание. Теперь же убедительно прошу Ваше превосходительство взглянуть на нее, и вы с первого взгляда убедитесь, что слова «вредная книга» никак не могли к ней относиться. В ней, кроме азбуки и первых упражнений в чтении и письме, помещены только самые детские стишки, русские сказочки и отрывки из детских воспоминаний о праздниках и обрядах православной церкви, которые, как вам известно, я всегда так горячо любил и уважал; словом, все то, что каждый добрый отец, и притом чисто русский, может смело дать в руки своему ребенку. Государыня императрица удостоила эту книгу своего внимания и в Ницце пожаловала мне за нее перстень; ее не побоялась дать в руки великому князю Павлу Александровичу: каким же образом она попала теперь в число вредных книг, а я в число вредных писателей? Каким образом после этого мне поручено написать педагогику для руководства учителей?

Вы, Ваше превосходительство, знаете меня давно и потому, без сомнения, убеждены, что написать с намерением что-нибудь вредное для детей я положительно *не мог*; вы были даже так добры, что не раз пробегали те журнальные нападки, в которых не щадили меня в то время, когда почти опасно было вступаться за интересы религиозного и нравственного воспитания;

адресу Ушинского, направленные против «Родного слова» (см. Приложения к V и VI тт. настоящего собрания сочинений К. Д. Ушинского). Министр мог не писать ничего, но он мог дать оценку, в силу которой книга Ушинского не попала в число рекомендованных книг. Об этом Ушинский мог получить достоверные сведения от своих корреспондентов, работавших в Министерстве народного просвещения.

каким же образом попал я в число вредных писателей, когда убедились все в необходимости того направления, которое я постоянно отстаивал?

Если бы мои книги названы были плохими учебниками, то я сам сознаю, что должны быть написаны лучшие, но название *вредных книг* кладет самую оскорбительную печать на всю мою педагогическую деятельность. За что же это? Неужели за то, что я всегда шел прямой дорогой?

Вот какое обстоятельство заставляет меня прибегнуть к Вашему превосходительству с всепокорнейшей просьбой взять на себя труд передать господину министру то, что Вы знаете обо мне и моих книгах. Если господин министр нашел что-нибудь вредное в моих книгах, то, без сомнения, оно попало туда против моей воли, и я готов это место изменить или выбросить. Во всяком случае я прошу, чтобы мне позволено было лично оправдать перед господином министром себя и свои книги, так как в будущем месяце я предполагаю быть в Петербурге и, по крайней мере, во внимание к моим добрым намерениям не признавать их вредными, а просто позволить переделать или прекратить издание: признание моих книг *вредными* слишком тяжело отзовется на судьбе моей и моего семейства; а за что?

Если моим книгам приписывается какое-нибудь влияние на вредный образ мыслей, оказавшийся в нашем юношестве, то это величайшая несправедливость. Первая моя детская книга вышла в 1861 г., а беспорядки в университетах начались в 1862-м. Дети, учившиеся читать и писать по моим книгам, еще и теперь в гимназиях; то же юношество, которое выказало такие антирусские стремления, училось по старым учебникам. Конечно, я не думаю приписывать моим книгам никакого большого влияния, но во всяком случае я думал принести ими пользу, а не вред первоначальному преподаванию отечественного языка, и везде у меня выразилось желание сохранить и усилить в детях уважение ко всему, что мы с справедливой гордостью можем назвать русским, за что в свое время, как Вам из-

вестно, я не мало перенес печатных оскорблений. Если я не умел сделать моих книг для чтения чисто *русскими*, то именно потому, что оригинальные детские статьи пишутся не легко; теперь же я приготовил целый ряд статей из русской географии и истории, которые думал прибавить уже к существующим в моих книгах, выбросив и остальные, переделанные с немецкого; но, конечно, признание моих книг вредными, столь противоречащее с признаниями двух прежних министерств, остановит навсегда мою педагогическую деятельность.

Вот причины, побудившие меня утруждать Ваше внимание столь длинным письмом. Простите же меня великодушно и удостойте принять уверения в том глубочайшем уважении и совершенной преданности, с которыми честь имею быть Вашего превосходительства всепокорнейшим слугой.

К. Ушинский.

Веве, 26/14 июня 1866 г.

[В рукописи год не обозначен].

в) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО С. С. ДУДЫШКИНУ *

12 авг. 1866 г. С.-Петербург

Милостивый государь, Степан Степанович!

Еще в марте Яков Павлович Пугачевский передал Вам две главы из моей «Педагогической антропологии» и, справляясь потом два раза, уведомил меня, что Вы высказали непременное желание поместить их в «Отечественных записках». Но вот уже и август, а статьи мои все не появляются в печати, тогда как по многим *очень важным* для меня обстоятельствам я желал бы поскорее видеть их в печати. Сделайте одолжение, уведомьте меня, какой месяц Вы для них назначили, и нельзя ли под первой главой отметить, что она получена в марте. Вы легко угадаете причину такого желания.

---

* ЦГАДА, ф. Чернышева В. И. 1203, № 16.

Я остановился в квартире г-на Пугачевского, у Смольного, в Одесской улице, дом Старчикова, № кв. 17, Константину Ушинскому.

С искренним уважением имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

К. Ушинский.

P. S. Если Вам нужно переговорить со мной лично по поводу статей, то потрудитесь назначить день, когда я Вас наверное застану, так как я в скором времени опять уезжаю заграницу и у меня очень много дела.

г) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО ИЗДАТЕЛЮ Ф. С. СУЩИНСКОМУ *

Милостивый государь, Фердинанд Семенович!

Потрудитесь выдать г-ну Литову тысячу семьсот экз. «Родного слова» обеих частей и к ним шестьдесят восемь книг для учителей, а с него получить векселя в шестимесячной отсрочке на *восемьсот тридцать три* рубля (833 р.). Если же г. Литов пожелает взять 2-й части моей *Антропологии*, то пусть и на это выдаст шестимесячный вексель на сумму, которая придется по числу экземпляров, считая уступки с объявленной цены 20% (двадцать процентов). Векселя же прошу оставить у себя до моего востребования.

С истинным уважением остаюсь искренне Вам преданным

К. Ушинский.

1869 г. 12 июля
Богданка

На след. странице карандашом:

15 Антропологии т. 2-й . . . . 24 р.
154 «Родное слово» для учащих (28 к.) . . . 43 р. 12 к.
67 р. 12 к.

Означенные книги получил и вексель в 900 руб. выдал за С. И. Литова

Кузьминский (неразборчиво)

* Кабинет педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, по описи № 7.

На обороте: На углу Могилевской и Канонерской, дом Петрашевского. Фердинанду Семеновичу Сущинскому от К. Ушинского.

д) ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНОМУ ИЗДАТЕЛЮ*

. . . .

не менее 10 т. учебников и 5 т. руководств к ним. Для удаления всяких подозрений я бы высылал их Вам из Киева к 1-й части «Родного слова» прописи, а к остальным книгам заглавные листы и оглавления в том числе экземпляров, в котором бы Вы купили у меня книгу. Если это предложение Вам понравится, то благоволите сделать подробный расчет, во что обойдется Ваша печать книги в Москве. Бумагу я употребляю в 3-25 к. двойной лист (в 32 стр.). Прописи и заглавные листы и оглавления я выслал бы Вам готовые. Если бы стоимость издания в Москве не была бы дороже, чем в Петербурге, то это дело могло бы пойти. Для образца приведу Вам, что стоит мое издание 1-й части «Родного слова» без прописей по счету г-на Сущинского:

Набор и верстка 2 $^{24}/_{32}$ листа по 17 рублей за лист — 46 рублей 80 коп., и так как набор не разбирается, то — половина	23 р. 40 к.
Печать по 2 р. 50 к. за 20.000 экз.	150 р.
Набор обертки	3 р.
Печатание обертки	20 р.
Бумага цветная 10 ст. 400 л. по 6 р. 50 к. . .	70 р. 50 к.
Брошюровка по $^1/_2$ коп.	100 р.
Итого	386 р. 90 к.
Да бумаги издержано 119 ст., что по 3 р. 25 к. составляет	386 р. 75 к.
Все издание 20 тыс. экз. «Родного слова» ч. 1-я без прописей стоит	773 р. 65 к.

* Кабинет педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена по описи № 8. Начало письма не сохранилось. Письмо адресовано в Москву и относится к 1869—1870 гг., когда Ушинский, намереваясь окончательно поселиться в Киеве, устраивал свои дела с издателями.

Прицenитесь в Москве; если издание обойдется не дороже, то Вы и могли бы взять печать на себя; а на следующее издание «Детского мира» можно бы и его также устроить. Пусть бы Глазунов печатал для себя, сколько ему нужно, а Вы для себя, и более я ни с кем бы дела не имел. Пожалуйста, сообразите и вышлите Ваши условия.

Деньги я попрошу Вас выслать через книгопродавца Литова, потому что я еще не нашел постоянной квартиры. Если же это неудобно, то деньги вышлите в Киев *до востребования с почты на мое имя,* а письмо о том, что деньги посланы, через Литова.

За сим, пожелав Вам всего лучшего, остаюсь Вашим покорнейшим слугой.

К. Ушинский.

е) ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО ИЗДАТЕЛЮ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ... *

Милостивый государь, Федор Иванович!

Я согласен на уплату по 800 руб. в месяц по вашему счету, но прошу Вас начать высылку с 1-го ноября, ибо жене будут необходимы деньги, а потом высылать ей аккуратно по 800 руб. каждый месяц.

Вы напрасно думаете, что дело о передаче печатания Вам может быть отложено. Правда, теперь печатается опять новое издание, но ведь печатание то одной, то другой книги идет у меня беспрестанно; и вероятно, что мы еще не успеем столковаться с Вами, получить здесь бумагу и наложить на нее штемпеля, как потребуется уже и новое издание той или другой книги.

В присылке сюда, в Киев, из Москвы ста стоп бумаги я тоже не вижу большой трудности, а как из каждого

* Кабинет педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, по описи № 6.

двойного листа может выйти восемь штемпелеванных четверток, то ста стоп станет года на три и более.

Попросив Вас еще раз аккуратно высылать жене моей в Киев по 800 руб. каждое первое число (по адресу, который я уже писал Вам: Тарасьевская ул., дом Ивановской, Надежде Семеновне Ушинской) — и пожелав Вам всего лучшего, остаюсь искренно Вам преданный

К. Ушинский.

21 окт. 1870 г.
Киев.

10. ОБ УЧАСТИИ К. Д. УШИНСКОГО В ЗАСЕДАНИЯХ САНКТИЕТЕРБУРГСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ *

I

В педагогическом собрании *19-го сентября 1864 г.* участвовали 35 членов и 6 гостей, в том числе 7 дам. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

. . . .

. . . .

III) Член собрания г. Половцов, согласно постановлению последнего заседания до вакаций, прочел свои соображения о возбужденном им «женском вопросе», приглашая женских членов собрания заняться обсуждением вопроса *об устройстве в России женских семинарий для приготовления сельских учительниц.*

Собрание определило: составить особую комиссию из желающих членов с тем, чтобы по обсуждении этого вопроса комиссия представила свои соображения собранию.

Г.г. Косинский, Ушинский, Модзалевский, Семенов, Шарловский и г-жа Филиппова заявили желание участвовать в комиссии, председателем коей избран г. Ушинский.

IV) В прениях по вопросу г. Паульсона: «*Наука ли педагогика и какая именно?*» принимали участие г.г. Ушинский, Модзалевский и Пятковский.

---

* Протоколы Санктпетербургского педагогического общества (журн. «Учитель», 1864, стр. 775—6, 811, 845; 1865, стр. 157—158, 197—198).

Г. Ушинский признавал педагогику *искусством* на том основании, что она, как вообще всякое другое искусство, производит новое, различное от того, что уже существует в природе. Человек воспитывается по идее, и воспитание *создает нравственного человека*. Основанием воспитанию, служить и руководить им должна *философская идея*, определяющая и цель всего воспитания. Физиология и психология доставляют только некоторые, весьма важные средства для воспитания, но не могут служить основанием ему.

Референт, объяснив, что он поднял этот вопрос преимущественно с практической целью, чтобы доказать *необходимость теоретического изучения педагогики*, так как большая часть наших воспитателей и преподавателей вовсе не признают этого необходимым, сказал, что он считает педагогику *не самостоятельною*, а *прикладною наукой*, как сельское хозяйство, технология и т. д., основывающеюся, главным образом, на физиологических и психологических законах. — Так как для приложения теоретических научных данных на практике необходимы известное уменье и искусство, то в этом отношении и педагогику можно считать *искусством*.

Что же касается окончательной цели воспитания, то она, по мнению Паульсона, не должна быть выставляема a priori, на основании известного философского учения, а выводима из опыта.

Г. *Модзалевский*, находя оба определения педагогики, как искусство и как наука, односторонними, заметил, что надобно было бы подробнее указать на причины несамостоятельности педагогической науки и на практическую сторону воспитания как искусства.

Г. *Пятковский* согласился с Ушинским.

Г. председатель по поводу этого прения разъяснил, в каком смысле, по его мнению, педагогика должна быть признана наукой. Науки бывают: 1) чистые, не заимствующие,— педагогика не есть такая наука; 2) прикладные, заимствующие свои основания из других наук, педагогика относится к числу таких наук; 3) наука

есть предмет, требующий изучения,— педагогика также требует этого; наконец, 4) наука есть всякая теория, обобщение, вывод из практики, из опыта, из других наук: педагогика и в этом смысле должна быть признана наукой.

Г. референт предложил отложить дальнейшие прения до следующего заседания, заявив, что он представит спорные пункты в особых тезисах.

V) По приглашению г. председателя предложены были следующие вопросы для обсуждения в собрании:

1. О преподавании русской словесности — Г. Пятковским.

2. Из огня да в полымя в обучении — г. Семеновым.

3. Г. Ушинский предложил сообщить в следующем заседании свои наблюдения о высшем женском образовании заграницей.

Протокол заседания СПб. педагогического собрания 19 сент. 1864 г. (журн. «Учитель», 1864, ноябрь, № 20, стр. 775—776).

II

В педагогическом собрании *3-го октября 1864 г.* присутствовали 53 члена и 23 гостя, в том числе 23 дамы. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

I) Г. *Половцов* прочел о педагогических учреждениях в России, как дополнение к «Женскому вопросу» и сообщил при этом много весьма интересных училищных статистических данных; собрание положило с согласия г. Половцова напечатать его сообщения в журнале «Учитель».

II) Г. *Ушинский* сообщил о состоянии высшего женского воспитания заграницей. Подражания и заимствования заслуживают только очень немногие женские училища, напр., школы в Берне Фрёлиха, Елизаветинское училище в Берлине,— составляющие отрадные исключения. Вообще же состояние женского воспитания и училищ заграницей, по замечаниям г. Ушинского, весьма неудовлетворительно.

III) Г. *Паульсон* представил следующие тезисы по вопросу: *наука ли педагогика и какая именно?*

1. Педагогика есть наука реальная, прикладная. Главными основами ей служат физиология и опытная психология.

2. Кроме того, она заимствует свои правила: а) из гигиены и диететики; б) этики и логики; в) социальных наук и г) истории. Следовательно, все эти науки вспомогательные науки педагогики.

3. Прикладную науку не следует смешивать с искусством. Практическая сторона прикладной науки может назваться искусством только в смысле более или менее сложной техники.

4. Знание философских систем необходимо педагогу-теоретику только потому, что без этого знания трудно вполне уразуметь педагогику в ее историческом развитии. Для дальнейшей же разработки ее это знание не нужно.

Оппонентами объявили себя:

г. Ушинский — против всех тезисов

г. Пятковский — против 1-го

г. г. Зон, Ремезов, Половцов — против 2-го

г. Пятковский — против 3-го

г.г. Пятковский, Ремезов, Шарловский — против 4-го.

Обсуждался только 1-й тезис. Прения шли в прежнем направлении и состояли в дальнейшем развитии мнений, высказанных по тому же вопросу в предшествовавшее заседание.

Г. Ушинский продолжал выяснять необходимость философских оснований для педагогики как научной системы и для определения целей воспитания. Г. Паульсон, не соглашаясь с этим, указывал особенно на физиологию и опытную психологию как на основания педагогики.

Продолжение обсуждения 1-го и всех остальных тезисов было отложено до следующего заседания.

Протокол заседаний СПб. педагогического собрания 3-го октября 1864 г. (журн. «Учитель», 1864, ноябрь, № 21, стр. 811).

III

Педагогическое собрание *7-го ноября 1864 г.* было годовое. В нем участвовало 49 членов. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

. . . .

III) По прочтении отчета, согласно с постановлением педагогического собрания 3-го ноября 1862 г., произведены были выборы должностных лиц, и выбраны прежние лица, а именно: в председатели — П. Г. Редкин; в вице-председатели — Ф. Ф. Эвальд; в секретари — Н. Х. Вессель и И. И. Паульсон.

IV) По совершении выборов г. Ушинский прочел первую часть обещанного им реферата «Педагогика как искусство».

IV

В педагогическом собрании 21-го ноября присутствовали 54 члена и 32 гостя, в том числе 24 дамы. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

I. Г. Половцов сообщил свои заметки о посещении школы сельских учительниц при Комитете грамотности.

II. Г. Модзалевский прочел отчет о заседаниях комиссии, назначенной для обсуждения вопроса об устройстве семинарии для приготовления учительниц. Постановлено представить отчет на обсуждение собрания и потом напечатать с теми изменениями, которые сделаны будут при обсуждении.

Протоколы заседаний СПб. педагогического собрания 7-го и 21-го ноября 1864 г. (журн. «Учитель», 1864, ноябрь, № 22, стр. 845).

V

В педагогическом собрании *5-го декабря 1864 г.* присутствовали 32 члена и 19 гостей, в том числе 8 дам. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

. . . .

. . . .

III. Секретарь комиссии об устройстве училища для приготовления народных учительниц, г. Половцов, сообщил следующие тезисы, составленные комиссией:

1. Распространение образования в простом народе посредством женщин необходимо для благосостояния общества. Эта необходимость подтверждается в последнее время и статистическими данными, фактически доказывающими возрастающую в России потребность в образовании женской части народонаселения.

2. Низкая степень современного образования русской женщины требует педагогической подготовки будущих учительниц, что и приводит к необходимости устроить специальные училища для приготовления учительниц с образцовыми при таких училищах школами.

3. В эти училища принимаются лица с познаниями, соответствующими курсу женских училищ 2-го разряда и училищ для девиц духовного звания.

4. При такой предварительной подготовке поступающих в специальные училища курс их достаточно продлить на 3, или, по крайней мере, на два года, что и подтверждается приложенной программой.

5. Учебные занятия в специальном училище распадаются: а) на повторительный курс общих предметов в педагогическом направлении и б) на ознакомление как с теоретической, так и с практической стороной педагогического дела.

6. Инициатива в деле образования народных учительниц должна принадлежать преимущественно самому обществу при содействии и контроле правительства.

7. Для устройства таких специальных училищ необходимо учреждение в разных местностях особых комитетов.

8. Эти комитеты могли бы получать средства, необходимые для достижения упомянутой цели как из частных пожертвований своих членов-благотворителей, так и от тех местных правительственных учреждений, на которых в настоящее время лежит забота о народном образовании. Сюда относятся, главным образом, училищные советы, городские думы, земские учреждения и сельские общины.

9. Фактическим доказательством возможности осуществить предположение как об образовании таких специальных училищ, так и о средствах на содержание их, служит петербургская школа сельских учительниц.

Оппонентами объявили себя:

Против 1-го тезиса: г. г. Пятковский, Эвальд, Вессель, Паульсон, Сент-Илер, Зон.

Против 2-го тезиса: г. г. Паульсон, Сент-Илер, Пятковский.

Против 3 и 4-го тезисов: г. г. Паульсон, Вессель, Ремезов, Джурич.

Против 5-го тезиса: г. г. Паульсон, Зон, Эвальд, Ремезов, Сент-Илер.

Против 6-го тезиса: г. г. Эвальд И., Зон.

Протокол СПб. педагогического собрания 5-го декабря 1864 г. (журн. «Учитель», 1865, стр. 157—158).

VI

В педагогическом собрании *16 января 1865 г.* присутствовали 28 членов и 24 гостя, в том числе 7 дам. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

. . . .

Ш) По обсуждении первых 5 тезисов, выставленных комиссией по вопросу об устройстве училищ для образования учительниц, в котором участвовали г. г. Модзалевский, Половцов и Косинский (как референты) и Эвальд И., Сент-Илер, Шарловский, Тибо-Бриньол, Паульсон, Ремезов и Вессель, — признано было необходимым — а) разделить 1-й тезис на два и изменить редакцию всех 5 тезисов следующим образом:

1. Распространение образования в народе зависит в значительной степени от участия женщины.

2. Статистические данные показывают как возрастающую в России потребность в образовании женской части народонаселения, так и готовность женщины посвятить себя делу народного обучения.

3. Для приготовления хороших учительниц необходимо устроить особые училища с образцовыми при них школами.

4. Желающие поступить в эти училища должны быть не моложе 15 лет и иметь познания, соответствующие, по крайней мере, курсу приходских училищ, т. е. знание главнейших молитв, уменье читать и писать и первые четыре арифметические действия.

5. При такой пичтожной предварительной подготовке поступающих в эти училища для образования учительниц курс их необходимо продлить, по крайней мере, на три года.

6. Учебный курс этих училищ разделяется на общий и специальный по прилагаемой программе.

Эту программу собрание поручило комиссии представить в следующее заседание.

VII

В педагогическом собрании *6-го февраля 1865 г.* присутствовали 36 членов и 11 гостей, в том числе 9 дам. Председательствовал П. Г. Редкин.

Занятия состояли в обсуждении учебной программы заведений для приготовления сельских учительниц,

которая была сообщена в общих чертах г. референтом Модзалевским.

Г. Вессель заметил относительно программы по русскому языку, что объем этого учебного предмета, заключающий в себе *ознакомление с русской словесностью* для того, чтобы будущие учительницы могли впоследствии руководить чтением учениц и самостоятельно продолжать свои занятия словесностью, слишком велик для трехлетнего курса, принимая в соображение ограниченные познания поступающих в предположенные училища для приготовления учительниц. По мнению г. Весселя, преподавание русского языка должно ограничиваться обучением сознательному чтению и правильному связному изложению мыслей устно и письменно в круге понятий учащихся и в практическом ознакомлении с церковно-славянским языком посредством чтения и переводов с этого языка на русский. Вместе с этим г. Вессель выразил желание, чтобы программа изложена была определеннее и точнее.

Г. Сент-Илер возражал на это, что судить по программе о том, можно ли пройти означенный в ней курс того или другого предмета в известное время, весьма трудно, потому что все зависит от преподавателей.

Г. Зон находил необходимым, чтобы была начертана программа не для учениц, а для учителей с обозначением методов преподавания, дабы этим показать различие преподавания в предполагаемых училищах для приготовления учительниц от других учебных заведений; иначе общество не поймет, почему необходимы для этого особые училища.

Г. Паульсон полагал, что предварительно следовало бы подробно определить себе учебную программу, обозначив в ней минимум познаний и потом по ней уже составить объяснительную статью, чтобы заинтересовать общество делом приготовления учительниц.

Вследствие этих прений постановлено было: составить более подробную программу учебного курса предполагаемых училищ для приготовления сельских учительниц, особенно подготовки дидактики.

VIII

В педагогическом собрании *20 февраля 1865 г.* присутствовали 35 членов и 14 гостей, в том числе 9 дам. Председательствовал П. Г. Редкин. Занятия были следующие:

. . . .

II) Окончено обсуждение учебной программы училища для приготовления (сельских) учительниц и трех последних тезисов по вопросу об устройстве таких училищ.

Определено: исправить реферат по этому вопросу и учебную программу согласно с замечаниями и прочесть в следующем или в одном из ближайших собраний.

Протокол заседаний СПб. педагогического собрания 16-го янв., 6 и 20-го февраля 1865 г. (журн. «Учитель», 1865, стр. 197—198).

11. ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ О СЛУЖБЕ К. Д. УШИНСКОГО *

а) ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

о службе инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища коллежского советника Ушинского **.

1. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получае-

* Как документы, точно отмечающие основные даты служебной карьеры того или иного лица, формулярные списки о службе имеют первостепенное биографическое значение, хотя и не исчерпывающее. О службе К. Д. Ушинского сохранилось несколько списков: из Ярославского лицея, из Министерства внутренних дел, департамента иностранных исповеданий, из Гатчинского института, из Министерства народного просвещения, из Смольного института, из IV отделения императорской канцелярии. Принимая во внимание, что списки, в основном совпадающие, различаются все же в объеме и характере имеющихся в них сведений, нельзя ограничиться одним каким-нибудь случайно подвернувшимся. Из 6 списков для настоящего тома отобраны три, наиболее характерных: а) формулярный список, составленный в Смольном институте и доведенный до ноября 1861 г., когда Ушинский был отставлен от должности редактора «Журнала Министерства народного просвещения»: это один из наиболее полных списков; б) второй список — из Министерства народного просвещения, составленный там в связи с назначением Ушинского на должность редактора «Журнала Министерства народного просвещения»: этот список доведен тоже до ноября 1861 г., но закончен 19 апреля 1862 г. и заключает в себе данные, не имеющиеся в других списках, например, об имущественном положении Ушинского в 1860 г.; в) наконец, последний список, составленный в IV отделении императорской канцелярии, месте последней службы Ушинского, отличается большой краткостью и канцелярской лаконичностью, но зато доведен до последних дней жизни Ушинского, и его последней датой является день и год смерти Ушинского.

** ЦГИАЛ, фонд собственной его величества канцелярии IV отделения III экспедиции, 1862 г., № 4731, лл. 5 — 12.

мое содержание — Коллежский Советник Константин Дмитриевич Ушинский.

Инспектор классов Императорского воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. От роду 38 лет, вероисповедания православного.

Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов.

Получает в год:

жалов.	900 руб.
постеп. прибав.	180 »
столов.	300 »
экипаж	350 »
по спец. классу жалов.	500 »
за преподавание педагог.	200 »
	2430 руб.

II. Из какого звания происходит? — Из дворян.

III и IV — Есть ли имение у него самого и у родителей? — Нет.

V. родовое, благоприобретенное? — Нет.

V и VI — у жены, буде женат? Родовое, благоприобретенное? — Нет.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную, не было ли каких особенных по службе деяний или отличий, не было ли особенно кроме чинов, чем награждаем и в какое время, сверх того, если находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным: то когда, и за что именно был предан суду, и чем дело кончено?

VIII. Годы. IX. Месяцы и числа.

По окончании курса в Московском университете с степенью кандидата в 1844 году в службу вступил исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов казенного

управления и финансов при Ярославском Демидовском лицее, тысяча восемьсот сорок шестого года, августа второго дня — 1846, августа 2.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 1849 г. сентября 25 произведен по степени кандидата в коллежские секретари со старшинством с тысяча восемьсот сорок шестого года, августа второго дня — 1846, августа 2.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, согласно желанию его, перемещен в департамент духовных дел иностранных исповеданий помощником столоначальника 1850, февраля 6.

Из суммы, всемилостивейше пожалованной на департамент, получил награду 250 р. сер., 1850, сен.14.

Высочайшим приказом 16 декабря 1850 г. произведен в титулярные советники со старшинством с 1850 г., августа 2.

Был командирован управляющим Министерством внутренних дел в Черниговскую губ. 1851 г. Июля 11 дня и, окончив с успехом поручение, возвратился из командировки 17 апреля 1852 г.

Высочайшим приказом 1 октября 1852 г. № 200 произведен за отличие в коллежские ассесоры, со старшинством с 1852, октября 10.

За упразднением 111 Отделения департамента духовных дел иностранных исповеданий, по высоч. утвержденному в 16 день июня 1854 г. мнению Государственного совета высочайшим приказом по гражданскому ведомству, отданным 1 августа 1854 г. за № 152, уволен от службы за штатом, 1854 г., августа 1.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 3 апреля 1855 г. за № 63, прописанному в журнале С. Петербургского Опекунского совета 26 того апреля определен старшим учителем русской словесности и юридических предметов при Императорском Гатчинском Николаевском сиротском институте с 1854, ноября 4.

По постановлению С.-Петербургского Опекунского совета, 14 июня 1855 г. состоявшемуся, поручено исправление должности Инспектора классов при инсти-

туте, с прекращением преподавания уроков русской словесности и юридических предметов. По императорскому ее императорского величества соизволению, последовавшему на всеподданейший доклад С.-Петербургского Опекунского совета в 28 день апреля 1856 г., и состоявшемуся высочайшему приказу по гражданскому ведомству 2 июня того же года за № 108, утвержден инспектором классов при императорском Гатчинском Николаевском сиротском институте со времени исправления сей должности, т. е. с 1855, июня 30.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 июня 1856 г. за № 116 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 1856, января 14.

На основании всемилостивейшего манифеста от 21 августа 1856 г. имеет бронзовую на Андреевской ленте медаль в память войны 1853—1856 годов.

По случаю увольнения в отпуск г. директора института на три месяца, поручено исправление должности его по журналу С. Петербургского Опекунского совета, 1857, июля 16.

По высочайшему его императорского величества соизволению, последовавшему на всеподданнейший доклад С.-Петербургского Опекунского совета, за отлично усердную и полезную службу получил в награду 450 р. — 1858, июля 9.

С разрешения господина почетного опекуна, поручено преподавание юридических предметов в старших классах института с 1858, августа 1.

Высочайшим приказом по ведомству учреждений императрицы Марии 25 января 1859 г. № 2 переведен инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища — 1859, января 16.

Всемилостивейше пожаловано на подъем и обзаведение по случаю перевода в означенную должность 450 руб. сер. — 1859, февр. 7.

Вступил в должность инспектора классов — 1859, февр. 10.

По случаю выпуска воспитанниц общества и училища, всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень — 1860, февраля 27.

Определен с сохранением настоящей должности редактором «Журнала министерства народного просвещения» с производством содержания по 1280 р. 64 к. сер. в год — 1860, в марте.

Из сумм Воспитательного общества всемилостивейше пожаловано единовременное пособие на лечение 700 р. сер. — 1860, июня 9.

Правительствующим сенатом произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1 января 1860 г., о чем отдано в приказе по IV отделению собственной его императорского величества канцелярии 11 октября, 1860 г. за № 5 — 1860, октября 11.

Приказом министра народного просвещения от 24 ноября 1861 г. № 37 уволен от должности редактора журнала, согласно прошению по болезни — 1861, ноября 24.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно — не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что предан суду, когда и чем дело кончено — не был.

XII. К продолжению статской службы способен и повышения чином достоин, если же нет, то по каким причинам?— Способен и достоин.

XIII. Был ли в отпусках, когда и на сколько времени, являлся ли на срок, и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительною — был в 1849 г. на 28 дней и с разрешения товарища министра народного просвещения продолжил еще на один месяц, по истечении же сего отпуска продолжил еще на 28 дней, по истечении коего явился на службу в срок. В 1858 и 1859 гг. на каникулярное время. В 1860 и 1861 гг. на 29 дней свыше каникулярного времени и являлся в срок.

XIV. Был ли в отставке с награждением чина, или без оного, когда и с которого по какое именно время. — Находился не у дел с 1 августа 1854 по 4 ноября того же года.

XV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно: год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания. — Женат на девице Надежде Семеновне. Имеет детей: сына Павла, родившегося 12 октября 1852 года, и дочь Веру, родившуюся 9 июня 1855 года; находятся при нем. Жена и дети вероисповедания православного.

Так же дочь Надежду, род. 9 сентября 1856 года и сыновей: Константина, род. 17 февраля 1859 г., и Владимира, род. 6 февраля 1861 г., находятся также при нем, вероисповедания православного.

Член Совета, генерал-лейтенант барон Фредерикс.

Правитель канцелярии Совета Леонид Бутовский.

Правитель канцелярии статский советник Николай Козлов.

б) ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК УШИНСКОГО 1861 г. *

Копия.

Формулярный список о службе бывшего редактора Журнала министерства народного просвещения коллежского советника Ушинского. Составлен по 24 ноября 1861 года.

I

Коллежский советник Константин Дмитриевич Ушинский. Инспектор классов Императорского Воспитательного Общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища и бывший

* ЦГАДА, фонд Чернышева В. И. 1203, № 10. Дело департамента народного просвещения о преобразовании «Журнала Министерства народного просвещения» 1 марта 1860 г.—19 апреля 1862 г., лл. 1—14.

редактор журнала Министерства народного просвещения (родился в 1825 году), вероисповедания православного. Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов. Получал по редакции — жалованья 857 р. 76 коп., столовых 428 р. 88 коп., итого 1286 р. 74 коп.

II

Из дворян.

III

За ним состоит Черниговской губернии, в Новгород-северском уезде 100 десятин земли, на которых поселена 21 душа крестьян (родовое имение).

VI

Черниговской губернии в Глуховском уезде 800 десятин земли с населенными на них 60 душами крестьян (имение жены, благоприобретенное).

VII

По окончании курса в Императорском Московском Университете с степенью кандидата, в 1844 году, в службу вступил исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов, казенного управления, финансов при Ярославском Демидовском лицее 1846 года, августа 2 дня.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 1849 года, сентября 25, произведен по степени кандидата в коллежские секретари со старшинством с 1846 года, августа 2 дня.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, согласно желанию его, перемещен в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, помощником столоначальника, 1850 года, 6 февраля.

Из суммы, всемилостивейше пожалованной на Департамент, получил в награду 250 рублей серебром 1850 года, 14 сентября.

Высочайшим приказом 16 декабря 1850 года произведен в титулярные советники со старшинством с 1850 года, августа 2.

Был командирован управляющим министерством внутренних дел в Черниговскую губернию 1851 года, июля 11 дня и, окончив с успехом поручение, возвратился из командировки 17 апреля 1852 года.

Высочайшим приказом 1 октября 1852 года, № 200, произведен за отличие в коллежские ассесоры со старшинством с 1852 года, октября 10.

За упразднением 3 Отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий, по высочайше утвержденному в 16 день июня 1854 года мнению Государственного Совета, высочайшим приказом по гражданскому ведомству, отданным 1 августа 1854 года за № 152, уволен от службы за штатом 1854 года, августа 1 дня.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 3 апреля 1855 года за № 63, прописанному в журнале С.-Петербургского Опекунского Совета 26 того же апреля, определен старшим учителем русской словесности и юридических предметов при Императорском Гатчинском Николаевском сиротском Институте с 1854 года, ноября 4.

По постановлению С.-Петербургского Опекунского Совета, 14 июня 1855 года состоявшемуся, поручено исправление должности инспектора классов при Институте, с прекращением преподавания уроков русской словесности и юридических предметов.

По высочайшему ее императорского величества соизволению, последовавшему на всеподданнейший доклад С.-Петербургского Опекунского Совета в 28 день апреля 1856 года и состоявшемуся высочайшему приказу по гражданскому ведомству 2 июня того же года за № 108, утвержден инспектором классов при Императорском Гатчинском Николаевском сиротском инсти-

туте со времени исправления сей должности, т. е. с 1855 года, июня 30.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 17 июня 1856 года за № 116, произведен в надворные советники со старшинством с 1856 года, января 14.

На основании всемилостивейшего манифеста от 26 августа 1856 года имеет бронзовую, на Андреевской ленте, медаль в память войны 1853—1856 годов.

По случаю увольнения в отпуск г. директора Института на три месяца, поручено исправление должности его по журналу С.-Петербургского Опекунского Совета 1857 года, июля 16.

По высочайшему ее императорского величества соизволению, последовавшему на всеподданнейший доклад С.-Петербургского Опекунского Совета, за отлично усердную и полезную службу получил в награду 450 руб. серебром, 1858 года, июля 9.

С разрешения г. Почетного опекуна поручено преподавание юридических предметов в старших классах Института с 1858 года 1 августа.

Высочайшим приказом по ведомству учреждений Императрицы Марии, 25 января 1859 года № 2, переведен инспектором классов Воспитательного Общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища, 1859 года, января 16.

Правительствующим Сенатом произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 1860 года, января 14.

По случаю выпуска воспитанниц Общества и училища всемилостивейше пожалован бриллиантовым перстнем, 1860 года, февраля 27.

Приказом Министра Народного Просвещения № 37 уволен, согласно прошению, по болезни, от должности редактора журнала Министерства Народного Просвещения, 1861 года, ноября 24.

XII

Аттестовался способным и достойным (к продолжению службы и к повышению чином).

XIII

Был в отпусках: в 1849 году на 28 дней, и с разрешения товарища министра народного просвещения продолжил еще на один месяц, по истечении же сего отпуска, продолжил еще на 28 дней, по истечении коего явился на службу в срок, и в 1858 году на каникулярное время. В 1860 году с 10 мая на 28 дней и в срок явился.

XIV

Находился не у дел с 1 августа 1854 по 4 ноября того же года.

XV

Женат на девице Надежде Семеновне, имеет детей: сына Павла, родившегося 12 октября 1852 года, и дочь Веру, родившуюся 9 июня 1855 года: находятся при нем; жена и дети — вероисповедания православного.

г) ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

о службе инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища, коллежского советника Ушинского Константина Дмитриевича

1862 год *

Коллежский советник К. Д. Ушинский. Инспектор классов Воспитательного общества и Александровского училища.

От роду 38 лет.

Вероисповедания православного.

Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 г.

Из дворян.

Имения не имеет.

---

* ЦГИАЛ, дело IV отделения собственной его величества канцелярии, № 4631.

По окончании университета в 1844 г. со степенью кандидата вступил и. д. профессора энциклопедии законоведения, государственных законов, казенного управления и финансов при Ярославском Демидовском лицее 1846 г., 2-го августа.

Приказом по гражданскому ведомству перемещен в департамент иностранных исповеданий помощником столоначальника 6-го февраля 1850 г.

Командирован министерством внутренних дел в Черниговскую губернию 1851 г. 11 июля и, окончив поручение с успехом, возвратился из командировки 17 апреля 1852 года.

Произведен в коллежские ассесоры 1 октября 1852 г.

За упразднением департамента 1 августа 1854 г. уволен от службы по штату. Находился не у дел с 1 августа 1854 г. по 4 ноября того же года.

Назначен старшим учителем русской словесности и юридических предметов в Гатчинский Николаевский сиротский институт 4 ноября 1854 г.

По постановлению опекунского совета назначен инспектором классов при Гатчинском Николаевском сиротском институте с 14 апреля 1855 г.

За выслугу лет произведен в надворные советники 14 января 1856 г.

В связи с отпуском директора по приказу Опекунского совета исполнял обязанности директора с 16 июля 1857 г.

С разрешения почетного опекуна поручено преподавание юридических наук в старших классах Гатчинского Николаевского сиротского института с 1 августа 1858 г.

Приказом по ведомству им-цы Марии переведен инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища 16 янв. 1859 г.

Вступил в должность инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища 10 февраля 1859 г.

Определен с сохранением должности инспектора

редактором журнала Министерства народного просвещения с жалованьем 1280 р. 64 коп. серебром в марте 1860 г.

Семейный портрет Ушинского. Дети слева направо: Павел (1852 г.), Владимир (1861 г.), Константин (1859 г.), Вера (1855 г.), Надежда (1856 г.)

Произведен Сенатом за выслугу лет в Коллежские советники с 14 января 1860 г.

Согласно прошению по болезни приказом Министерства народного просвещения уволен от должности редактора Журнала министерства народного просвещения 24 ноября 1861 года.

Приказом № 4 от 9 июля 1862 г. командируется заграницу с причислением к учебному комитету, состоящему при IV отделении собственной его величества канцелярии, на 1 год.

Приказом 28 апр. 1863 г. командировка заграницу продлена сроком на 1 год.

Приказом 21 ноября 1864 года командировка заграницу продлена на два года.

Приказом 31 ноября 1866 г. срок командировки продолжен по 1 мая 1867 г.

20-го октября 1868 г. произведен за выслугу лет в статские советники.

21 дек. 1870 года К. Д. Ушинский скончался.

12. ИЗ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ К. Д. УШИНСКОГО*

а) СОСТАВ СЕМЬИ К. Д. УШИНСКОГО (ПО ДАННЫМ АРХИВОВ)

«Женат на девице Надежде Семеновне, имеет детей: сына Павла, родившегося 12 октября 1852 г.; дочь Веру, родившуюся 9 июня 1855 г.; дочь Надежду, родившуюся 9 сентября 1856 г.; сыновей — Константина, родившегося 17 февраля 1859 г.; Владимира, родившегося 6 февраля 1861 г., и дочь Ольгу, родившуюся 1 ноября 1867 г. — Находятся при нем. Жена и дети вероисповедания православного» (из послужных списков).

Из других материалов известно, что старший сын Ушинского, Павел, летом 1870 г. во время поездки на охоту нечаянно покончил с собой; в 1905 г. Надежды Семеновны Ушинской и сына Владимира уже не было в живых; к началу Великой Октябрьской революции оставались в живых — Вера, бывшая замужем за итальянским подданным Потто, Надежда и Константин.

---

* Данные о семейной жизни Ушинского очень немногочисленны. Ниже приводятся следующие материалы, извлеченные частью из послужных списков, частью из семейного архива Ушинского: а) о составе семьи Ушинского; б) стихи К. Д. Ушинского в альбом его жены; в) запись Ушинского 23. IX. 1857 г. в альбоме жены; г) распоряжение по хутору, относящееся ко второй половине 1868 г., когда Ушинский намсревался окончательно оставить Петербург и устроить свою жизнь на хуторе.

б) СТИХИ К. Д. УШИНСКОГО В АЛЬБОМ ЕГО ЖЕНЫ *

Январь 5. 1852 г. Хутор Богданка (л. 36 об.)

Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Вступивши в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай, проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

К. У.

1852 г. с 15 на 16 сентября, Новгород-северск.

«Я согласна».

Как часто я, мой милый друг,
Смотрел с тоскою безотрадной
На все живущее вокруг,
Добычу глупости и скуки жадной!
Как часто я, угрюмый, одинокий,
Глядел на жизнь как на служенье
Судьбе и глупой и жестокой.
И видел в ней одно бесплодное боренье!
И мысль моя напрасно пробегала
Пустыни света и людей
И жизнь от глада замирала
В груди тоскующей моей.
Так смотрит кормчий безутешный
На неподвижную морскую пелену
И молит небо безуспешно
Поднять усталую волну.
Но ветр дохнул, исчезла тишина,
Очнулся воздух, вздрогнула волна,
Надулся парус, и корабль исчез
В веселой синеве небес.
Так жизнь в душе моей проснулась,
Призыву милому откликнулась она,
Весельем сердце встрепенулось,
И снова счастьем грудь полна.
И нет тоски и убежало горе,
И снова цель видна
В безбрежном море.

К. Ушинский.

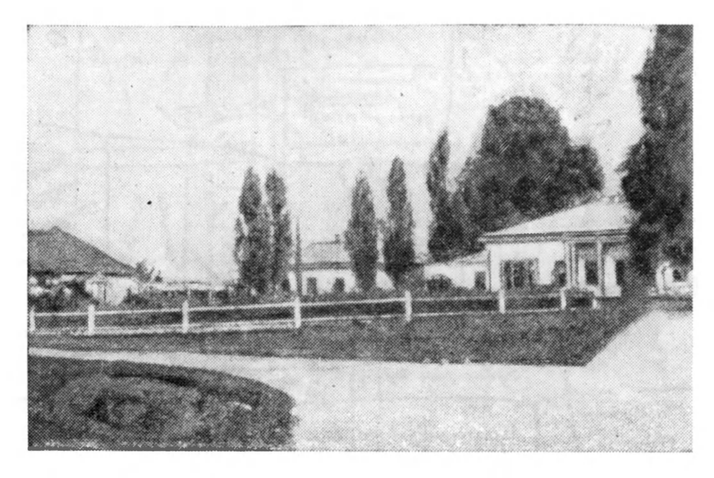
в) ЗАПИСЬ К. Д. УШИНСКОГО В АЛЬБОМ ЖЕНЫ

23 сентября 1857 г. Гатчино.

Вот уже более трех месяцев как мы расстались. Сначала я ждал тебя с большим нетерпением, но когда я

* Архив «Пушкинского дома», ф. 316, № 70. Альбом Н. С. Ушинской.

занялся приготовлениями к твоему приезду, время стало итти незаметнее. Как приятно было мне приготовить для тебя комнаты, мебель и даже мелочи! Желал бы от души, чтобы тебе было так же приятно взглянуть на все эти следы моей заботы о тебе, того, что я о тебе думал, ждал тебя, фантазировал, как взглянешь ты на мой сюрприз, удивишься, обрадуешься и крепко меня

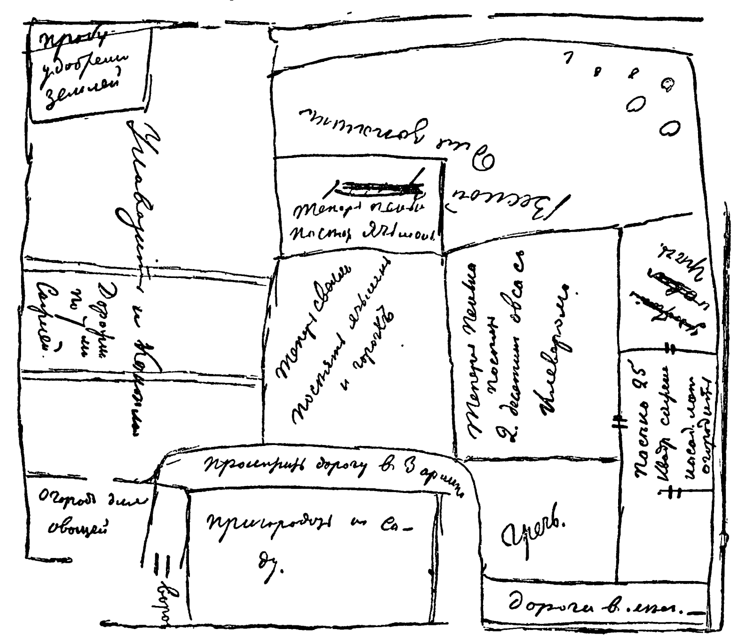
Хутор Богданка бывшей Черниговской губ. — имение жены Ушинского

обнимешь. Но где-то ты теперь? Ах, какая тоска сидеть одному да еще больному и ждать с минуты на минуту, несмотря на то, что рассудок говорит, что ты не можешь еще приехать так скоро!

г) РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО ХУТОРУ

1. *В саду*. Сад огородить, примежевав от огорода всего сорок саженей. Клубнику по вечерам поливать немного, если будут жары. Выкорчевать и распахать место под вишняк к 14 сентября, где показано. 17-го сентября, когда придет садовник, дать ему двух рабочих для посадки кустов и вишен, где следует. К 15 ок-

тября вспахать все примежованное к саду место и дать садовнику трех рабочих для посадки деревьев и обвязки их очеретом. Старые деревья обмазать глиной с навозом. Разбить клумбы, где показано, и из Змижнева

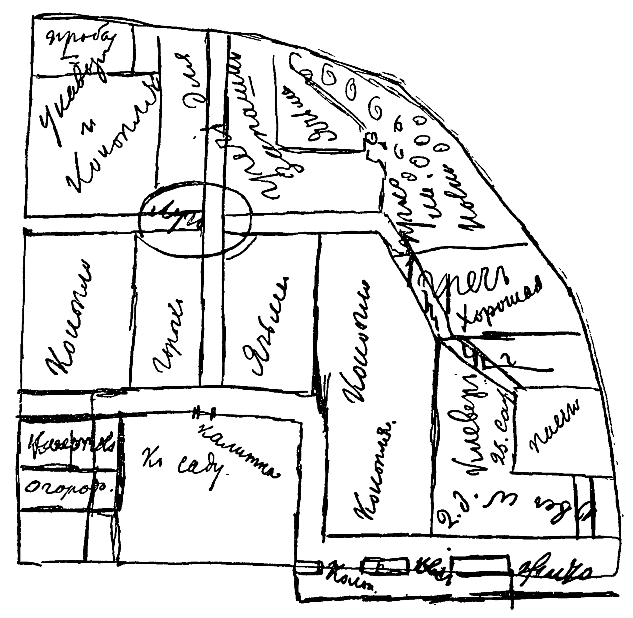

Составленный К. Д. Ушинским проект разработки усадебной земли в хуторе Богданка

привезти роз и лилий и посадить. Вырыть парники, где показано, и сделать сруб, для которого дерева купить. Зимой сделать рамы. Завалить навозом землю, что из пруда.

2. *В пасеке.* Без пасечника от Якова Степановича пчел не подрезывать, а если замедлит, то за ним послать. Сложить, сколько можно, хороших ульев в переднюю. Предварительно сделать заставки на окна в переднюю и сени; хорошие, так чтоб могли остаться. Купить

термометр. Парадных комнат не топить. Кормового меда оставить немного. Оставить приломка. Дать пуд меду Софье Дмитриевне и ½ пуда Кистерову. Если где случатся пустые ульи, то купить. Для экономии оставить 1 пуд меду. Обгородить показанное место для пасеки.

Составленный К. Д. Ушинским проект разработки усадебной земли в хуторе Богданка

3. *В зданиях.* Конюшни выстроить и вырыть по бокам рвы для навоза, сажени 1½ шириною, как сказано. Поправить хлев для остального скота. Крыши везде поправить. В полу амбаров щели забить обаполами. Покупать дерево, кругляков для флигеля и избы.

4. *В доме.* Выкрасить двери и окна, исключая передней, где будут пчелы, и поскорее, чтобы успело просохнуть. Прибить наличники и исправить рамы, как сказано по договору. Принять и поставить мебель, как

будет готова. Поправить кладовую и покрыть железом. Поправить обе печи в жилых комнатах. Жилые комнаты вычистить и обклеить. Поправить штукатурку на кладовой и во всем доме. Выкрасить столбы и решетку на крыльце.

5. *В огороде.* Убрать пеньку и свеклу. Унавоживать огород далее как можно, и своими, и наймом. За сараями или где экономка укажет, приготовить огород для овощей.

6. *В полях.* Привести в известность испольщиков; разыскать благующие или захваченные нивы но списку. Составить списки испольщиков, что кем взято и какие работы, и сколько привез. Сделать пробу удобрения землей из пруда, посеяв жито.

7. *Особенные работы.* Вырыть сажалку и поднять плотину на 1 арш. за 36 руб. Поправить дрожки. Купить и справить телеги, сохи и бороны. Уговорить Зубковского продать перед хутором две или три десятины. При следствии сделать, как сказал, на особом листе.

8. *По винокурне.* Заказать и вывезти 30 тыс. кирпича; сложить и укрепить, чтобы не повредило водой. Спрятать в амбар мельника брусья. Сдать ему медь и получить 139 руб. остальных. Сдать Иос... железные обручи и получить по 1 руб. за пуд (десять руб. задатку получено). Клепку спрятать, или употребить для полов и крыши. Нельзя ли один чан врыть в саду для сбора дождевой воды? Чан не очень большой, врыть за ледником. У него же взять железа на шипы и сохи по 1 руб. 20 коп., как условлено.

9. *Скот и птица.* Негодное продать. Купить две хороших коровы (обещ. Яков Степанович). Породистую свинью. Кур, гусей, индюков, кабанчиков выкормить. К весне купить 4-х дойных кобыл с жеребятами.

10. *По продуктам.* Все сберегать. Коноплю перебивать на масло и продавать. Сено продавать, если цена будет хороша, но оставить вволю для скота и лошадей на лето.

К. Ушинский.

1868 г. 3 авг.

13. СМЕРТЬ УШИНСКОГО

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ПРИЧИНАХ СМЕРТИ К. Д. УШИНСКОГО *

Страдая хроническим воспалением легких (pneumonia chronica catarolaris), свойство его долголетнего хронического страдания требовало вместе с хорошими климатическими условиями почти абсолютного воздержания от всякой напряженной деятельности, и я не могу поэтому сомневаться, что именно усиленные ученые литературные работы Ушинского, которыми ознаменовались последние годы его жизни, с медицинской точки зрения были для него пагубны, потому что они истощили его слабые физические силы и были существенной причиной его преждевременной кончины.

Доктор медицины, экстра-ординарный профессор университета св. Владимира

Шкляревский.

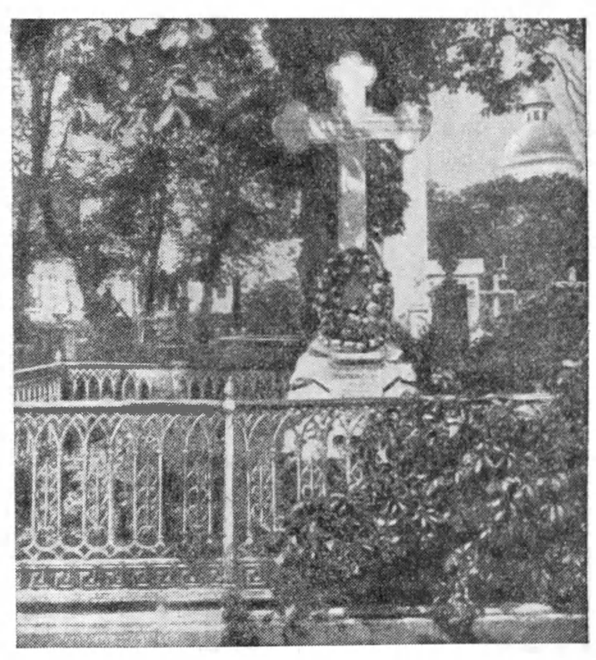
---

* ЦГАДА, фонд Чернышева В. И. 1203, № 10. Копию медицинского заключения Чернышев получил в семье Ушинского.

Надпись на памятнике на могиле К. Д. Ушинского

Памятник на могиле К. Д. Ушинского при Выдубицком монастыре (вблизи Киева)

14. К. Д. УШИНСКИЙ В ПАМЯТИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ *

А) ПОЛОЖЕНИЕ О ПРЕМИИ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО **

1. Из процентов на капитал в шесть тысяч рублей в государственных процентных бумагах, переданный на вечные времена Педагогическому музею военно-

---

* Преждевременная смерть Ушинского, прервавшая его творческую работу в период наивысшего ее расцвета, была горестно воспринята передовой педагогической общественностью, которая реагировала на эту невознаградимую утерю всевозможными попытками увековечить память великого русского педагога, реализовать его педагогические идеи и развить их дальше. Наиболее выдающимися фактами этого отношения к К. Д. Ушинскому явились — учреждение за выдающиеся научно-педагогические сочинения премии при Педагогическом музее военно-учебных заведений, учреждение аналогичной премии при Академии наук, объявление всероссийской подписки на памятник Ушинскому. Документы об этих проявлениях общественного внимания к великому русскому педагогу приводятся ниже, но ими не исчерпывается все, что было сделано для увековечения памяти Ушинского: устраивались многочисленные школы и читальни имени Ушинского, при Санктпетербургском педагогическом обществе была организована комиссия имени Ушинского, организовались педагогические курсы его имени, всероссийские съезды, собрания в память Ушинского и т. д. Все эти многочисленные попытки педагогической общественности увековечить память К. Д. Ушинского и с ним связать дальнейшее развитие передовой педагогики в России носили однакоже в дореволюционное время частный характер разрозненных мероприятий и осуществлялись сплошь и рядом в борьбе с правительственной властью, или преследовавшей учреждения имени Ушинского, или тормозившей их развертывание. Изучение всей той творческой работы, которая организовалась на протяжении многих десятилетий вокруг имени Ушинского, могло бы составить предмет поучительного исследования.

** Положение разработано Педагогическим музеем военно-

учебных заведений семьею Константина Дмитриевича Ушинского, учреждается премия его имени за лучшее сочинение по народному образованию в России.

2. Премия может быть присуждаема за выдающиеся по своим достоинствам педагогические труды следующих родов:

а) книги для классного чтения, предназначаемые для народных школ (сельских, городских, воскресных и т. д.), как общеобразовательного, так равно и литературного, исторического, географического или естественно-исторического содержания;

б) сочинения, обнимающие методику всех предметов начальной народной школы, или группы предметов и, наконец, одного какого-либо предмета;

в) сочинения общепедагогического характера: по истории народного образования в России, по истории движения педагогических идей в России, по организации русской народной школы и т. п.; и

учебных заведений в связи с истекшим 25-летием со дня смерти К. Д. Ушинского. Капитал на учреждение премии в сумме 6 тысяч рублей был пожертвован детьми Ушинского — Надеждой Константиновной и Константином Константиновичем, выразившими свое согласие с проектом Положения. Учреждение премии вызвало большое оживление в педагогическом мире, и через каждые три года, начиная с 1899 г. (1901, 1904, 1907, 1910 и след.), поступало на конкурсы большое количество педагогических работ, претендовавших на премии (в 1899 г.— 12 работ, в 1901 г.— 5, в 1904 г.— 4, в 1907 г. — 15 и т. д.). Учебно-воспитательный комитет музея предъявлял, однакоже, большую требовательность к авторам, и в первые два конкурса ни один из авторов премии не получил. Отклонялись даже такие педагогические авторитеты, как Демков, Нечаев, Каптерев. Первую премию получила П. А. Зюкова за составленную ею книгу для классного чтения «Товарищ», в которой она пыталась следовать методическим идеям К. Д. Ушинского. Следующая премия была присуждена за труд «Общее дело», изданный под ред. В. С. Костромитиной. В 1910 г. премия Ушинского была присуждена проф. П. Ф. Каптереву за его труд «История русской педагогии». Полный обзор работ по присуждению премий, составленный по архивным документам, был опубликован Н. И. Алпатовым в 1945 г. в журнале «Советская педагогика», № 12. Порознь материалы о присуждении премий имени Ушинского публиковались в протоколах

г) по истории организации женского образования в России.

Примечание. Усмотрению учебно-воспитательного комитета Педагогического музея предоставляется, руководясь указаниями опыта, объявлять конкурс на сочинения всех четырех родов или только некоторых.

3. Премия, начиная с 1898 г., присуждается каждые три года ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинского 21 декабря и составляется из процентов, накопившихся в течение истекших трех лет как с основного капитала, так и тех приращений к нему, которые могут образоваться из новых пожертвований на эту же премию и от причисления к капиталу невыданных очередных премий.

Примечание 1-е. Лицам, рассматривавшим представленные на конкурс сочинения и давшим о них мотивированное мнение, могут быть выдаваемы медали.

Примечание 2-е. Рецензии премированных сочинений печатаются в отчетах Педагогического музея.

4. Премия может быть присуждаема лишь в полном размере.

Примечание. В случае дальнейшего увеличения капитала может быть присуждаемо и несколько премий.

5. Присуждение премий и медалей производится в заседании Учебно-воспитательного комитета Педагогического музея. Комитету этому предоставляется право приглашать для рассмотрения представленных на конкурс сочинений и к участию в заседаниях по присуждению премии с правом голоса необходи-

---

учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений, в «Справочном листке» Санктпетербургского педагогического общества, в журналах «Русская школа», «Вестник воспитания» и других органах печати.

мое число лиц, содействие которых будет признано им полезным.

6. Заседание Комитета по присуждению премии К. Д. Ушинского считается состоявшимся при участии в нем не менее 12 лиц, имеющих право голоса. Решения принимаются по большинству двух третей голосов. Протокол о присуждении премии подписывается всеми лицами, участвовавшими в заседании, и включается в ежегодный отчет о деятельности музея.

Примечание. Учебно-воспитательный комитет Педагогического музея своевременно публикует во всеобщее сведение как о программе конкурса, так и о присуждаемых премиях.

7. Конкурсу подлежат сочинения как рукописные, представленные для этой цели в Педагогический музей, так и печатные, вышедшие в свет со времени последнего конкурса на данный род сочинений.

Примечание. К первому конкурсу представляются печатные произведения, вышедшие в последние три года.

8. Рукописи, представляемые на конкурс, доставляются в Педагогический музей не позже 1-го мая того года, в который назначен конкурс. Они должны быть написаны на русском языке и четким почерком. В случае желания автора скрыть свою фамилию, дозволяется снабжать рукописи девизом и прилагать особый запечатанный пакет с тем же девизом и со вложением в него записи с обозначением фамилии автора и его местожительства.

Примечание. Представленные на конкурс рукописи могут быть взяты обратно или самими авторами или по доверенности, надлежащим образом засвидетельствованной.

9. Печатные сочинения рассматриваются или по просьбе автора, или по указанию какого-либо из членов Учебно-воспитательного комитета.

Примечание. Время представления их авторами то же, что и для рукописей.

10. Премии за рукописные сочинения выдаются только по напечатании их, и в таком случае до выдачи автору премии ему выдается удостоверение о присуждении премии. Право на получение премии сохраняется за автором рукописного сочинения в течение 3-х лет. Премии, не взятые авторами в течение этого срока, причисляются к основному капиталу, после чего авторы теряют право на получение их.

11. Относительно хранения и отчетности расходования причислений на капитал имени К. Д. Ушинского распространяются общие на сей предмет правила, установленные положением о Педагогическом музее военных заведений.

12. В случае закрытия Педагогического музея военно-учебных заведений капитал этот передается в одно из правительственных учреждений: при жизни жертвователей — по их выбору, а после их смерти — по решению учебно-воспитательного Комитета Педагогического музея.

(Положение о премии имени Ушинского опубликовано в сборнике «Памяти К. Д. Ушинского». СПб., 1896, стр. 207—212.)

Б) О ПРИСУЖДЕНИИ АКАДЕМИЕЙ НАУК ПРЕМИИ ИМЕНИ К. Д. УШИНСКОГО ЗА СОЧИНЕНИЕ ВИКТОРА АНРИ — «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ, ЕЕ МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ», М., 1900 *

Так как представленное на конкурс сочинение не удовлетворяло условиям, комиссия на основании § 5 «Положения о премиях К. Д. Ушинского» остановилась на сочинении Виктора Анри. Под условия оно подходит вполне, несмотря на французскую фамилию

* Отчет о деятельности императорской Академии наук за 1901 г., стр. 128—130. К сожалению, ни об учредителе капитала для премий при Академии наук, ни о последующих присуждениях премий, ни об условиях присуждения не удалось ничего узнать.

автора и даже на то, что, повидимому, он не русский подданный:

а) оно не переводное, а написанное прямо на русском языке, которым автор, воспитанник одной из С.-Петербургских гимназий, владеет вполне свободно; б) при составлении книги автор пользовался своими собственными экспериментально-психологическими исследованиями, которыми он составил себе почетное имя, и, сверх того, половину книги посвящает изложению таких сведений, которых нельзя найти ни в каком другом сочинении, именно: он дает общее описание методов, которые употреблялись и могут употребляться при исследовании над детьми в школах, и излагает правила, которые должны быть соблюдаемы при разработке собранного материала.

Во второй части сочинения автор группирует результаты экспериментально-психологических исследований по тем вопросам, которые важны в глазах педагога, и дает беспристрастную картину современного отношения экспериментальной психологии к педагогике.

Академия увенчала сочинение Анри половинной премией К. Д. Ушинского в размере 400 рублей.

В) ОТ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПО ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРЕШЕННОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОДПИСКЕ НА ПАМЯТНИК ПЕДАГОГУ КОНСТАНТИНУ ДМИТРИЕВИЧУ УШИНСКОМУ *

Россия впервые собирается увековечить память учителя-воспитателя своего народа.

Повсеместно с глубоким уважением будет вспоминаться имя стойкого борца за народную школу, за нравственно-свободного учителя, за науку о воспитании.

* Обращение Особого комитета, призывавшее за подписью руководящих деятелей Педагогической академии к всероссийской подписке на памятник великому русскому педагогу, опубликовано в 1911 г. Оно говорит о том, что популярность Ушинского-педагога выросла настолько, что была осознана определенная потребность около его имени концентрировать всю научно-пе-

ОТЪ ОСОБАГО КОМИТЕТА
по ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной Всероссійской подпискѣ на памятникъ педагогу
Константину Дмитріевичу УШИНСКОМУ.

Россія впервые собирается увѣковѣчить память учителя-воспитателя своего народа.

Повсемѣстно съ глубокимъ уваженіемъ будетъ вспоминаться имя стойкаго борца за народную школу, за нравственно свободнаго учителя, за науку о воспитаніи.

Среди тьмы народнаго невѣжества и борьбы мелкихъ страстей повсюду прозвучитъ завѣтъ **К. Д. Ушинскаго** „сдѣлать дѣтей нашихъ лучше насъ“ и, быть можетъ, дѣйствительно придетъ то время, когда потомки наши, по словамъ **Ушинскаго**, будутъ съ удивленіемъ вспоминать, какъ мы долго пренебрегали дѣломъ воспитанія и какъ много страдали отъ этой небрежности.

К. Д. УШИНСКІЙ.

Возбуждая вѣру въ будущее русской педагогической науки, положивъ первый фундаментъ нашей педагогической психологіи и горячо выясняя необходимость широкаго антропологическаго образованія для педагоговъ, **Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій** оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Его основныя мысли о воспитаніи стали также близки сердцу всѣхъ, кто думаетъ о будущемъ нашей родины, какъ еще до сихъ поръ близко сердцу нашихъ дѣтей его „Родное Слово“.

Родина теперь должна открыто и громко признать славу своего великаго сына. Памятникъ **Ушинскому** наглядно покажетъ, какъ дороги русской землѣ его завѣты.

Надо вѣрить, что недостатокъ пожертвованій не заставитъ надолго откладывать осуществленіе этого дѣла. Всенародный памятникъ **Ушинскому** будетъ вѣчнымъ символомъ нашей вѣры въ силу просвѣщенія.

Этотъ памятникъ долженъ быть живымъ и пробуждающимъ жизнь. Подъ его сѣнью должна расти педагогическая работа и зрѣть научная мысль. Для **Ушинскаго** мало одной бронзовой статуи. Подъ нее слѣдовало бы подвести широкій фундаментъ общеполезнаго просвѣтительнаго учрежденія. Отъ успѣха подписки будетъ зависѣть, въ какой степени удастся осуществить это желаніе.

Пожертвованія направляются въ Особый Комитетъ по подпискѣ на памятникъ К. Д. Ушинскому (СПБ., Владимірскій, 7, Педагогическая Академія) и во всѣ губернскія и уѣздныя Казначейства.

Предсѣдатель: Почетный Президентъ Педагогической Академіи Генералъ отъ Инфантеріи *А. Н. Макаровъ*
Товарищи Предсѣдателя: Президентъ Педагогической Академіи,
Членъ Государственнаго Совѣта, профессоръ *А. В. Васильевъ*
Членъ Государственнаго Совѣта, профессоръ *М. М. Ковалевскій*
Членъ Комитета Педагогической Академіи, профессоръ *В. И. Вартановъ*
Секретарь: Вице-Президентъ Педагогической Академіи, профессоръ *А. П. Нечаевъ*

Объявление о подписке на памятник К. Д. Ушинскому.

Среди тьмы народного невежества и борьбы мелких страстей повсюду прозвучит завет *К. Д. Ушинского* «сделать детей наших лучше нас» и быть может, действительно придет то время, когда потомки наши, по словам Ушинского, будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много страдали от этой небрежности. Возбуждая веру в будущее русской педагогической науки, положив первый фундамент нашей педагогической психологии и горячо выясняя необходимость широкого антропологического образовании для педагогов, *Константин Дмитриевич Ушинский* оставил глубокий след в истории нашего просвещения. Его основные мысли о воспитании стали так же близки сердцу всех, кто думает о будущем нашей родины, как еще до сих пор близко сердцу наших детей его «Родное слово».

Родина должна теперь открыто и громко признать славу своего великого сына. Памятник *Ушинскому* наглядно покажет, как дороги русской земле его заветы.

Надо верить, что недостаток пожертвований не заставит надолго откладывать осуществление этого дела. Всенародный памятник *Ушинскому* будет вечным символом нашей веры в силу просвещения.

Этот памятник должен быть живым и пробуждающим жизнь. Под его сенью должна расти педагогическая работа и зреть научная мысль. Для *Ушинского*

дагогическую работу в стране. В 1914 г. была сделана публикация о результатах подписки на памятник К. Д. Ушинскому за 1911—1912 гг. (Педагогический сборник 1914 г. № 2, стр. 258—259) за подписью председателя и секретаря Особого комитета. Из опубликованных данных видно, что разным учреждениям и отдельным лицам было разослано 1883 подписных листа, причем за отчетное время возвращено 185 листов пустыми и 321 лист с записями пожертвований. Сумма внесенных пожертвований Комитетом однакоже не объявлена.— Разгоревшаяся в 1914 году мировая война и последовавшие за ней дальнейшие события, очевидно, помешали довести до конца то дело, которое стало возможным осуществить только в общественном строе, возникшем в результате Великой Октябрьской революции.

мало одной бронзовой статуи. Под нее следовало бы подвести широкий фундамент общеполезного просветительного учреждения. От успеха подписки будет зависеть, в какой степени удастся осуществить это желание.

Пожертвования направляются в Особый комитет по подписке на памятник К. Д. Ушинскому (СПб., Владимирский, 7, Педагогическая академия) и во все губернские и уездные казначейства.

Председатель: Почетный президент Педагогической академии, генерал от инфантерии *А. Н. Макаров.*

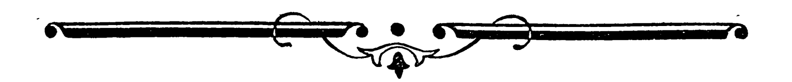
Товарищи председателя: Президент Педагогической академии, член Государственного совета, проф. *А. В. Васильев.*

Член Государственного Совета, проф. *М. М. Ковалевский.*

Член Комитета Педагогической академии, профессор *В. И. Вартанов.*

Секретарь: Вице-президент Педагогической академии, профессор *А. П. Нечаев.*

ОТ РЕДАКЦИИ

В дореволюционной России не могло быть единого отношения к Ушинскому. Представители различных течений (прогрессивного и реакционного) неодинаково оценивали его значение даже в том случае, когда они соглашались в положительной оценке педагогического авторитета Ушинского. Только после Великой Октябрьской социалистической революции могло установиться единое общенародное признание Ушинского как великого русского педагога. Педагогические идеи К. Д. Ушинского нашли высокую оценку в рядах выступлений таких виднейших представителей партии и Советского государства, как М. И. Калинин и Н. К. Крупская. Н. К. Крупская неоднократно поднимала вопрос об использовании и переработке для начальных школ «Родного слова» Ушинского; М. И. Калинин назвал идеи Ушинского настоящими педагогическими идеями, которые только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены. Для реализации педагогических идей Ушинского в практике сотен тысяч учителей был открыт таким образом неограниченный простор. 75-летняя годовщина смерти К. Д. Ушинского (3.I. 1946 г.) превратилась в СССР в настоящее всенародное чествование его как великого русского педагога. Только в СССР осуществился ряд мероприятий общегосударственного значения, действительно увековечивающих память Ушинского в нашей стране: мероприятия эти явились результатом уже не частной, разрозненной, но всенародной, государственной инициативы. Такими мероприятиями явились — издание сочинений Ушинского массовыми тиражами, сооружение памятника К. Д. Ушинскому в Ленинграде, присвоение его имени ряду учреждений, учреждение стипендий его имени для учащихся, учреждение серебряной медали К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогических наук, установление мемориальных досок в местах, связанных с жизнью и деятельностью К. Д. Ушинского, и установление бронзового бюста К. Д. Ушинского в конференц-зале Академии педагогических наук РСФСР.

г. Мероприятия по увековечению памяти К. Д. Ушинского в СССР

В СОВНАРКОМЕ СССР

а) О 75-ЛЕТИИ СО ДНЯ СМЕРТИ К. Д. УШИНСКОГО *

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. В связи с исполняющимся 3-го января 1946 г. 75-летием со дня смерти великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского учредить Всесоюзный Комитет по проведению 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского в следующем составе: Потемкин В. П. (председатель), Волгин В. П., Галкин И. С., Гладков Ф. В., Головин Н. М., Греков Б. Д., Еголин А. М., Жураковский Г. Е., Каиров И. А., Кафтанов С. В., Константинов Н. А., Корнилов К. Н., Марков В. Н., Медынский Е. Н., Мещанинов И. И., Обнорский С. П., Свадковский И. Ф., Струминский В. Я., Чехов Н. В., Яковлев Н. Н.

2. Возложить на Всесоюзный Комитет по проведению 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского разработку мероприятий по увековечению памяти К. Д. Ушинского и проведение в гг. Москве и Ленинграде торжественных заседаний в день 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского.

3. Издать собрание сочинений К. Д. Ушинского, приурочив выход первого тома к 3 января 1946 г.

4. Воздвигнуть в г. Ленинграде памятник К. Д. Ушинскому.

---

* Опубликовано в газете «Известия» от 15 сентября 1945 г.

б) О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ К. Д. УШИНСКОГО *

В связи с исполняющимся 75-летием со дня смерти великого русского педагога К. Д. Ушинского, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Присвоить имя К. Д. Ушинского:

а) Государственной библиотеке по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР в г. Москве;

б) первому педагогическому училищу в г. Москве;

в) 47-й средней школе в г. Ленинграде;

г) Ярославскому педагогическому институту.

2. Переименовать Красную улицу в г. Ярославле в улицу имени К. Д. Ушинского.

3. Учредить стипендии имени К. Д. Ушинского:

а) в Академии педагогических наук РСФСР 4 аспирантских стипендии по 800 рублей и 2 докторантских стипендии по 1300 рублей в месяц, назначаемые Президиумом Академии педагогических наук РСФСР;

б) в Московском ордена Ленина Государственном университете имени М. В. Ломоносова для студентов — 2 стипендии по 400 рублей в месяц и для аспирантов — 1 стипендию в 800 рублей в месяц;

в) в Московском Государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина — 2 стипендии для студентов по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам — 2 стипендии по 800 рублей в месяц;

г) в Ленинградском Государственном педагогическом институте имени Герцена для студентов— 2 стипендии по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам — 2 стипендии по 800 рублей в месяц;

д) в Ярославском педагогическом институте —

---

* Опубликовано в газете «Известия» от 1 января 1946 г.

2 стипендии для студентов по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам — 2 стипендии по 800 рублей в месяц.

4. Учредить две премии имени К. Д. Ушинского за выдающиеся труды в области педагогических наук: первая премия в 25 тысяч рублей, вторая премия в 10 тысяч рублей. Установить, что присуждение премий производится ежегодно Президиумом Академии педагогических наук РСФСР.

5. Учредить серебряную медаль К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогических наук.

Установить, что медалью К. Д. Ушинского награждает Народный Комиссариат просвещения РСФСР по представлению Президиума Академии педагогических наук РСФСР.

6. Установить мемориальные доски в местах, связанных с жизнью и деятельностью К. Д. Ушинского:

а) в Москве, на здании Московского ордена Ленина Государственного университета имени М. В. Ломоносова, где К. Д. Ушинский учился;

б) в Ленинграде, на здании бывшего Смольного института (флигель), где К.Д. Ушинский жил;

в) в г. Ярославле на доме, в котором жил К. Д. Ушинский, на улице имени К. Д. Ушинского, д. № 30.

7. Установить бронзовый бюст К. Д. Ушинского в конференц-зале Академии педагогических наук РСФСР.

Утверждено постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 июня 1946 года.

в) ПОЛОЖЕНИЕ О МЕДАЛИ К. Д. УШИНСКОГО

1. Медалью К. Д. Ушинского награждаются особо отличившиеся учителя и деятели в области педагогических наук за успешное разрешение вопросов теории и истории педагогики, психологии, дефектологии, школь-

ной гигиены, совершенствования методов обучения, за создание образцовых учебников и учебных пособий для начальной, семилетней и средней школы, педагогических училищ и по педагогическим наукам для высшей школы.

2. Кандидатов к награждению медалью К. Д. Ушинского с приложением работ представляют в Президиум Академии педагогических наук РСФСР: краевые, областные отделы народного образования, Министерства просвещения автономных республик и городские отделы народного образования городов республиканского подчинения, университеты, научно-исследовательские институты, разрабатывающие педагогические вопросы, а также педагогические и учительские институты РСФСР.

3. Президиум Академии педагогических наук РСФСР представляет кандидатов к награждению медалью К. Д. Ушинского на рассмотрение и утверждение министру просвещения РСФСР.

4. Вручение медали К. Д. Ушинского производится министром просвещения РСФСР.

5. Медаль К. Д. Ушинского носится на правой стороне груди.

Описание медали К. Д. Ушинского

Медаль имеет форму правильного круга, диаметром в 27 мм, изготовляется из серебра и оксидируется.

На лицевой стороне медали прямое рельефное погрудное изображение К. Д. Ушинского.

По окружности медали, в нижней части, надпись: «К. Д. Ушинский», в центре с одной стороны изображения Ушинского «1824 г.» и с другой стороны изображения «1871 г.». На оборотной стороне медали: в верхней части надпись «РСФСР», в центре — «За заслуги в области педагогических наук».

Надписи на медали выпуклые.

Медаль при помощи ушка и кольца соединена с четырехугольной колодкой, обтянутой белой шелковой муаровой лентой, шириной в 20 мм. Посередине ленты две продольные синие полоски, шириной по 3 мм, разделяемые белой полоской в 1 мм. Боковые края ленты окаймлены синей полоской, шириной в 1 мм.

Утверждено постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 июля 1946 года.

г) ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ПРИСУЖДЕНИЯ ПРЕМИЙ ИМЕНИ К. Д. УШИНСКОГО

1. Премии им. К. Д. Ушинского присуждаются Президиумом Академии педагогических наук РСФСР ежегодно за выдающиеся труды в области педагогических наук: первая премия — в 25 тыс. руб., вторая премия — в 10 тыс. рублей.

2. Премии им. К. Д. Ушинского присуждаются за работы по вопросам теории и истории педагогики, методов обучения, школьной гигиены, психологии, дефектологии, за учебники и учебные пособия по всем предметам для начальной и средней школы и по педагогическим наукам для высшей школы.

3. Работы на соискание премии им. К. Д. Ушинского могут представляться научно-исследовательскими, педагогическими и учительскими институтами, отдельными лицами и авторскими коллективами.

4. Работы представляются в двух экземплярах, отпечатанные на пишущей машинке или типографским способом.

5. Для рассмотрения и оценки работ, представляемых на соискание премий им. К. Д. Ушинского, организуется комиссия, состав которой утверждается Президиумом Академии педагогических наук РСФСР.

6. Работа на соискание премии им. К. Д. Ушинского представляется в комиссию с надписью «На соискание премии им. К. Д. Ушинского» не позднее 1 июля года присуждения премии. Комиссия обязана рассмотреть работы и представить на утверждение Президиума Академии педагогических наук РСФСР кандидатов на премию не позже 1 ноября года присуждения премии.

Президиум Академии педагогических наук РСФСР присуждает премии не позднее 1 декабря.

7. Заседания комиссии созываются председателем комиссии и считаются действительными при наличии не менее $^2/_3$ состава членов комиссии.

8. Решения комиссии по вопросам выдвижения кандидатов на премии принимаются простым большинством, закрытым голосованием. Протоколы комиссии подписываются председателем и членами комиссии. Решения комиссии утверждаются Президиумом Академии педагогических наук РСФСР.

9. Архив и дела комиссии по присуждению премий им. К. Д. Ушинского хранятся в научном архиве Президиума Академии педагогических наук РСФСР.

10. Академия педагогических наук РСФСР опубликовывает премированные работы, которые не были изданы до присуждения за них премий им. К. Д. Ушинского. На заглавном листе работы, удостоенной премии им. К. Д. Ушинского, делается надпись о присуждении премии.

Рецензии на работы, удостоенные присуждения премий им. К. Д. Ушинского, публикуются в изданиях Академии, в «Учительской газете» и других органах печати.

11. Порядок распределения премий, присужденных авторским коллективам, определяется этими коллективами.

д) К. Д. УШИНСКИЙ — ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕДАГОГ *

3 января исполнилось 75 лет со дня кончины Константина Дмитриевича Ушинского.

Советским правительством постановлено отметить эту дату торжественными собраниями, посвященными памяти великого русского педагога. Имя Ушинского присваивается ряду учебных заведений страны. В университетах и педагогических институтах учреждаются стипендии имени Ушинского. В Ленинграде воздвигается памятник творцу «Детского мира» и «Родного

* Речь президента Академии педагогических наук РСФСР В. П. Потемкина на торжественном заседании, посвященнном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского (опубликована в журн. «Советская педагогика», № 12, 1945).

слова». Бронзовый бюст Константина Дмитриевича украсит конференц-залу Академии педагогических наук. Для награждения наиболее выдающихся учителей и работников педагогической науки учреждается серебряная медаль имени Ушинского.

День 3 января 1946 г. является подлинным праздником советской педагогической науки, учительства, школы.

В истории русского просвещения Ушинскому принадлежит почетнейшее место. Один из наиболее одаренных, образованных и передовых людей своего времени, основоположник науки о воспитании, смелый преобразователь школы, он отдал всю свою жизнь жертвенному служению делу народного образования. Великий русский педагог был героем и подвижником своего высокого призвания. За это и воздается ему ныне всенародная дань признательности и почитания.

Но Ушинский принадлежит не только прошлому: он продолжает жить и в нашей современности. Идеи создателя «Детского мира», «Родного слова», «Педагогической антропологии» сохраняют по сей день свою творческую силу. Под гнетом царизма нельзя было ни раскрыть их во всей полноте, ни, тем более, претворить их в действительность. Возможно все это стало лишь тогда, когда Октябрьский социалистический переворот сбросил иго самодержавия, освободил трудящихся от ярма помещичьей и капиталистической эксплуатации, открыл широкий простор могучим силам народа, положил начало великой культурной революции, сделав образование и науку достоянием широких масс.

Тесно и душно было Ушинскому в «тюрьме самодержавия», где, по его собственным словам, не было даже стен, чтобы разбить себе голову. Двадцатидвухлетним профессором Демидовского лицея по кафедре энциклопедии законоведения Ушинский с увлечением развивает перед слушателями смелые мысли о несостоятельности так называемой камеральной науки, завезенной в Россию из Германии. Взамен узко практических и пошлых наставлений, как лучше управлять государственными

имуществами и извлекать выгоду из промышленных предприятий, молодой Ушинский доказывает необходимость глубокого изучения народного хозяйства, народного права и быта. В этих требованиях слышатся отзвуки страстной проповеди властителя дум тогдашней молодежи — Белинского, провозгласившего идею народности, отзвуки глубокомысленных университетских чтений — лекций юриста-философа Редкина, вдохновенных речей профессора-гуманиста Грановского. Пламенный последователь их идей — он своими выступлениями как бы бросил вызов министру Уварову, он не внемлет его строгим начальственным предостережениям «против чрезмерного стремления к высшим предметам, могущего поколебать порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний». Не хочет молодой энтузиаст науки смириться и перед реакцией, воцарившейся в России после февральской революции 1848 г. во Франции. Плодом ее явилась министерская инструкция 1850 г., которая обязывала ректоров и деканов наблюдать за преподаванием наук, дабы в нем не оказалось ничего «не согласного с учением православной церкви и с образом правления и духом государственных учреждений».

«Роскошные знания», т. е. науки философские и общественные, объявлялись под опалой и подвергались гонению. Преподавание логики и психологии поручалось профессорам богословия, те брались «сроднить» эти науки с «истинным откровением». Со свойственным ему бесстрашием Ушинский восставал против жандармской опеки учебного начальства, которая стеснительными формальностями «убивала живое дело» преподавания. Но все протесты молодого ученого оказывались тщетными. Вслед за «роскошными знаниями» пришлось и Ушинскому покинуть профессорскую кафедру.

Еще горшая неудача постигла Ушинского тогда, когда пять лет спустя, вернувшись к педагогической деятельности, он попытался вдохнуть новую жизнь в постановку женского среднего образования в России. Установление одинакового объема учебного курса

в так называемой «благородной» и «неблагородной» части Смольного института; наглядное обучение взамен словесного и формального; родной язык как основа образования; серьезная постановка естествознания, географии, истории, русской и иностранной литературы; организация педагогических классов для ознакомления будущих учительниц и матерей с основами науки о воспитании и обучении, — все эти смелые преобразования Ушинского были радостно приняты передовыми педагогами. Они вошли в плоть и кровь новейшей русской школы. Но привилегированные классы времени Ушинского не хотели и думать о серьезном образовании женщины. Женские училища при монастырях, где преобладало религиозное воспитание; частные пансионы и казенные институты, где девушек обучали танцам, манерам, болтовне на иностранном языке, где «кисейных барышень» учили чему-нибудь и как-нибудь, — такова была господствующая система женского образования в половине минувшего века.

Мог ли преображенный Ушинским Смольный институт, зажужжавший, как улей, закипевший новой жизнью, не растревожить закоснелых охранителей патриархальной старины? Мог ли и смелый преобразователь обучения и воспитания женской молодежи беспрепятственно развивать в нем свою деятельность? Ответ общеизвестен. Все знают о вынужденном уходе Ушинского из Смольного, об оскорбительной необходимости для него оправдываться против клеветы и доносов, о командировке — по существу высылке его заграницу, с иронически звучавшим поручением там заняться ознакомлением с постановкой дела женского образования.

В течение пятилетнего пребывания на чужбине Ушинский остается неизменно верен своим передовым общественным, научным и педагогическим идеалам. Он изучает учительские семинарии в различных кантонах Швейцарии... «Боже мой! — восклицает он. — Когда же мы увидим такие же характерные русские учебные заведения и во главе их такие же типические русские личности в высоко развитой облагороженной форме?

Когда подобные личности будут развивать в воспитателях благороднейшие черты истинно русского характера, а воспитатели будут вызывать этот характер в молодых поколениях русского народа?» Школа сама служит народу; школа воспитывает молодое поколение в духе лучших заветов — вот о чем мечтает Ушинский в путешествии своем за границу. «...Школу народную, школу дайте России и тогда, лет через 30, станет она на прямую дорогу...». Ушинский узнает, что распоряжением Дмитрия Толстого из министерских школ в России изъята его знаменитая книга для классного чтения «Детский мир». Пусть ее восторженно встретили учителя и горячо полюбила школа; пусть одобрило ее раньше, при Головнине, то же Министерство просвещения, пусть при этом в особую заслугу ставили богатство сообщаемых детям сведений о природе. Ныне, при наступлении реакции, именно обилие материала по естествознанию и признано было самым опасным пороком «Детского мира»: ведь оно воспитывает в детях материализм и даже—страшно сказать—нигилизм. Но сам Ушинский убежден вместе с Герценом, что «без естественных наук нет спасения человеку». Говоря о материализме, он указывает, «как много положительного внесла и продолжает вносить материалистическая философия в науку и мышление»; по его мнению, «искусство воспитания в особенности много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время». Разумеется, Ушинский оскорблен и возмущен расправой министерских мракобесов над его любимым детищем. Конечно, он не пойдет ни на какие сделки со своей педагогической совестью. Там же, заграницей, он создает свое классическое «Родное слово» — гениальное руководство для первоначального обучения, в котором ознакомление детей с природой занимает почетнейшее место.

Ни на пядь не отступает Ушинский от своих принципиальных позиций. В 1866 г. раздается выстрел Каракозова. За ним следует зловещий высочайший рескрипт, возлагающий на школу ответственность за

«пагубное лжеучение, распространившееся в обществе», и требующий искоренения «стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все для России искони священное — на религиозное верование, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям».

Ушинский не сдается. На основе наук, в том числе — на основании физиологии, биологии, социальных наук строит он свой фундаментальный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», также составленный заграницей и носящий вполне определенный отпечаток материалистических представлений автора. Ушинский восстает против распространенных руководств по педагогике, которые содержат своего рода педагогические рецепты, лишенные научной основы, не вытекающие из изучения свойств самой человеческой природы. С особым презрением говорит он о немецких книгах такого рода: они напоминают ему лечебники, написанные без знания анатомии и физиологии человека. «Педагогическая антропология» Ушинского — единственный в мировой литературе труд, который опрокидывал современные ему теории воспитания, представлял собою подлинную революцию в этой области, открывал широкую дорогу для создания педагогики как науки.

Смелость и прямодушие существуют и в письмах Ушинского. Насколько смел был Ушинский и какую чуткость он проявлял к прогрессивным веяниям эпохи, свидетельствуют, между прочим, его известные письма о воспитании наследника российского престола.

«Итти вперед необходимо, — пишет Ушинский. — Ход назад государственного организма есть его разрушение...». «... Все с лихорадочным напряжением требуют преобразования и улучшения...». «... Правительство обязано прислушаться к голосу лучших людей, голосу народа...». «Дело народного образования должно быть вручено самому народу». Ушинский предупреждает, что нельзя «рассчитывать на спокойствие», если подавлять требования народа. Подобно великому

своему современнику Чернышевскому, он предчувствует возможность революционного восстания. В народе проявляется «грозная потребность» в просвещении. Нетрудно понять, о чем думал Ушинский. Он говорил об индустриальном направлении века, говоря словами Ленина, — «на смену крепостной России идет Россия капиталистическая». Эта новая Россия требовала отказа от устаревшей системы воспитания и обучения и замены ее новой, более современной, более научной, более демократической. Индустриальное направление века, писал Ушинский, требовало в науке индустриализации.

Таким встает перед нами образ Ушинского — борца за истинное просвещение, за научные основы воспитания и обучения, за духовное раскрепощение русской женщины, за освободительные преобразования, за культуру, за народ. Непрерывная борьба с гасителями просвещения надломила его силы. Вернувшись на родину, он прожил всего три года; чахотка свела его в могилу, когда ему было всего 46 лет.

Когда Ушинский умирал, он несколько раз повторил, обращаясь к окружающим его близким людям: «Света! Света! Побольше света!» В этих предсмертных словах — волнующий смысл основного жизненного стремления великого русского педагога. Всю жизнь жаждал он света. Все силы положил он на то, чтобы пламенным горением своего духа, светочем свободы, знания и культуры рассеять мрак ненастного времени, когда суждено было ему жить.

Воздавая должную дань отцу русской школы, свободное и счастливое поколение Сталинской эпохи склоняет голову перед его благородной и чистой памятью. Словами надписи, начертанной на могиле Ушинского, можно сказать: «Да почиют от трудов своих (дела бо их ходят вслед за ними)». Достаточно известны «дела» Ушинского, которые пережил он и которые «ходят» вслед за ним. «Детский мир», «Родное слово», «Человек как предмет воспитания» — таковы величайшие творения, в которых увековечены для потомства лучшие заветы гениального русского педагога: народность как жи-

вая основа образования и культуры; школа, действительно отвечающая запросам народных масс и действительно служащая их интересам; родной язык как самое могущественное средство воспитания и обучения; широкое познание русской природы, русской истории, географии, литературы, искусства — как важнейший элемент общего образования, как источник святой любви к Родине; подготовка учащихся к творческому труду — этому истинному призванию человека, этому делу чести, доблести и славы; построение педагогики на научных основаниях; необходимость строгой рационализации всей системы школьного обучения; обязательность для учителей самой серьезной теоретической и практической подготовки к преподавательской деятельности.

Кто не согласится, что все эти требования Ушинского звучат ныне как нельзя более современно. Но для него они оставались только чаяниями. Для нас они являются руководящими принципами практической деятельности в области просвещения. Великая Октябрьская социалистическая революция, советский строй, неизменная забота и поддержка, оказываемые делу народного образования партией и правительством, живой общественный интерес к вопросам школы и воспитания, возникновение государственных центров научно-исследовательской мысли в области педагогики — всем этим создаются реальные возможности, при которых сбываются на наших глазах чаяния Ушинского. Все это освещается, осмысливается драгоценнейшим нашим духовным достоянием, какого не имел еще Ушинский, — великим светом всеобъемлющего учения марксизма-ленинизма. И все направляется к высочайшим целям — победе коммунизма волею великого нашего вождя Сталина. В день торжественного чествования памяти отца русской школы, учителя русских учителей, сердца и помыслы людей с благодарностью и любовью обращаются к великому и мудрому Сталину.

Д. Мемуарные материалы о К. Д. Ушинском *

Ю. С. Рехневский

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ

(НЕКРОЛОГ) **

В декабре минувшего года скончался в Одессе после продолжительной и тяжкой болезни наш известный педагогический писатель, бывший инспектор классов Смольного института и редактор «Журнала Министерства народного просвещения», Константин Дмитриевич Ушинский. Имя его в последние десять

---

* Наряду с официальными документами и материалами биографического характера должны быть поставлены воспоминания лиц, непосредственно встречавшихся и работавших совместно с Ушинским. Их значение в качестве биографических материалов исключительно важно, особенно в сравнении с теми опытами рассказов о жизни Ушинского, которые, не опираясь на изучение фактических данных, излагались на основании сведений, полученных из вторых и третьих рук. Для настоящего тома выделены в качестве мемуарного материала, имеющего значение первоисточника, воспоминания Ю. С. Рехневского, Л. Н. Модзалевского и Е. Н. Водовозовой.

** Рехневский Юлий Семенович (1824—1887). Его статья об Ушинском («Вестник Европы», 1871, № 2) является одним из самых ранних и самых обстоятельных очерков, посвященных фактическому обзору жизни и деятельности Ушинского. Очерк этот принадлежит лицу, близко знавшему Ушинского в течение всей его жизни. Рехневский учился вместе с Ушинским на юридическом факультете Московского университета. С начала 50-х годов оба работают в Петербурге. Рехневский был в курсе литературной работы Ушинского в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения» настолько, что корректуры статей Ушинского присылались на

лет получило у нас громкую известность: по составленным им книгам обучается все почти наше молодое поколение, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что «Детский Мир» и «Родное слово» Ушинского в истории нашего образования займут такое же место, какое в XVII-м столетии на Западе занимал известный «Orbis Sensualium pictus» Коменского, давший направление первоначальному умственному образованию многих поколений. Но оценка того влияния, какое имеют и будут иметь у нас труды Ушинского на успехи первоначального обучения, принадлежит будущему; заслуги же его как практического педагога, как инспектора и преобразователя двух перворазрядных учебных заведений, без сомнения, найдут своего историка в среде сотрудников Ушинского, непосредственных свидетелей и очевидцев его деятельности на этом поприще. В настоящей же заметке пишущий эти строки, как бывший товарищ Ушинского по университету, как близкий друг

квартиру Рехневского. По сообщению А. В. Старчевского, Рехневский был привлечен Ушинским в Гатчинский институт для преподавания. В «Журнале Министерства народного просвещения» Рехневский работал при Ушинском заместителем редактора, а после его ухода был редактором этого журнала. Есть поэтому все основания отнестись к сообщениям Рехневского с полным доверием, как к своего рода первоисточнику, что не исключает, разумеется, необходимости критического отношения к разным сообщениям этого первоисточника, начиная уже с первых его сообшений о знатном и старинном дворянском происхождении Ушинского. Целый ряд таких сообщений может быть сейчас подвергнут проверке и оценке на основании более достоверных данных, которых в распоряжении Рехневского, как и других первых биографов Ушинского, еще не было. За всем этим некролог Рехневского, как первый биографический очерк об Ушинском, данный его ближайшим товарищем и другом, не теряет своего первостепенного значения уже потому, что все последующие биографы (Фролков, Старчевский и др.) следовали за Рехневским и с его слов повторяли многочисленные данные об Ушинском с теми или иными видоизменениями. Между тем, именно очерк Рехневского как-то затерялся в большой литературе об Ушинском и не пользуется тем вниманием, какого он на самом деле заслуживает в качестве биографического материала.

его в продолжение более 30-ти лет, намерен сообщить, по личным своим воспоминаниям, несколько черт характера умершего друга, которые, может быть, пригодятся для будущего его биографа.

К. Д. Ушинский происходил из старинного малороссийского дворянского рода* и родился в г. Туле, в начале 1824-го года. Отец его долгое время служил в военной службе и впоследствии был уездным судьею в г. Новгород-Северске, Черниговской губернии; мать его была урожденная Гусак. Константин Дмитриевич получил первоначальное образование в родительском доме, а потом в Новгородсеверской гимназии, имевшей тогда хорошего руководителя в лице своего директора, известного Ильи Федоровича Тимковского, бывшего профессора харьковского университета. О первых годах жизни Ушинского и о гимназическом его учении у нас нет никаких сведений. Из рассказов его мы помним, что он, обучаясь в гимназии, жил в доме родителей, верстах в 4-х от города, и каждый день ходил пешком на уроки. Ушинский горячо любил и всегда вспоминал с восторгом то место, в котором провел первые годы юности. Дом его родителей стоял на высоком берегу Десны и был окружен садом, в котором росли вековые дубы. С детских лет он полюбил природу и деревенскую жизнь и сохранил эту любовь до самой смерти; только в деревне он был совершенно здоров и мог свободно предаваться своим любимым занятиям.

---

* Утверждение о происхождении Ушинского из старинного дворянского рода не вызывало никаких сомнений в течение второй половины XIX в., пока действительные документы еще не были известны, источником же для этих утверждений являлись впервые высказанные в некрологах и статьях об Ушинском непроверенные суждения о его предках. Но, как видно из опубликованных выше документов семьи Ушинского, отец его только в 1838 г. был причислен вместе со своими детьми к дворянскому званию за долголетнюю службу в армии и различных государственных учреждениях. Что касается матери Ушинского, то точных данных о ней, как это видно из противоречивых высказываний о ее происхождении, не имеется.

В сентябре 1840-го года пишущий эти строки поступил в числе полутораста других молодых людей в Московский университет студентом по юридическому факультету. Уже во время приемных экзаменов и первых лекций в университете, мы все обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого человека, почти мальчика, с черными выразительными глазами, с умным и чрезвычайно симпатическим лицом, которого живая и бойкая речь, с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лекций, тогдашних литературных и театральных явлений и всего того, что интересовало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждает всякий, выходящий из ряда обыкновенных, молодой человек. В то время студентам жилось хорошо в Московском университете. После изменения устава в тридцатых годах и обновления состава профессоров при попечителе графе С. Г. Строганове, большая часть кафедр занята была молодыми преподавателями, воспитанниками бывшего профессорского института, незадолго перед тем приехавшими из Германии, где они доканчивали свое образование. Мы, юристы, слушали всеобщую историю у Крюкова и Грановского, римское право у Крылова, политическую экономию и статистику у Чивилева. Преподавание их стояло на уровне европейской науки и побуждало слушателей к самостоятельному труду. Особенным сочувствием студентов пользовались два первые из названных профессоров, которых чтения, при всей основательности и глубине содержания, отличались еще необыкновенною художественностью формы. Но никто из тогдашних преподавателей не производил на нас такого глубокого впечатления, как профессор энциклопедии законоведения и государственного права П. Г. Р-н*. В его чтениях было именно то, что могло увлечь молодых людей, — был юношеский жар и глубо-

* П. Г. Р-н — Петр Григорьевич Редкин. В дальнейшем автор употребляет только его инициалы — П. Г.

кое убеждение. Он умел возбудить в своих учениках любовь к науке, потому что сам искренно, можно сказать, страстно любил науку, хотя эта любовь вовсе не была у него любовью науки для науки; это собственно была любовь для человечества, ибо П. Г. Редкин искренно верил и заставил нас верить, что наука и цивилизация могут и должны побороть всякое зло на земле, что они водворят свободу и мир и осчастливят людей! В сороковых годах такие идеалистические взгляды были еще возможны. Чтения П. Г., всегда увлекательные, переходили иногда в восторженные импровизации, которые производили на слушателей потрясающее действие. Эти лекции привлекали множество слушателей, не только юристов всех курсов, но даже медиков и математиков, и часто случалось, что студенты других факультетов, прослушав одну лекцию П. Г., переходили в юридический факультет единственно затем, чтобы иметь возможность постоянно слушать его лекции [a]. Чтения П. Г. имели для юристов особенное значение: в то время философия в университетах вовсе не преподавалась, и не будь П. Г., то для студентов философские знания оставались бы совершенно чуждыми, тем более, что другие преподаватели считали излишним давать своим курсам философскую основу. Курс гражданского права, читаемый Морошкиным, отличался большим богатством исторических и практических объяснений, но страдал совершенным отсутствием не только философских, но и всяких теоретических оснований; под именем же теории уголовного права предлагался слушателям довольно бессвязный обзор всевозможных теорий немецких криминалистов, без всякой критики и путеводной нити. Этот недостаток философского взгляда на юридические науки восполнялся до некоторой степени чтениями П. Г., который, сознавая бесполезность и

---

[a] В соседнем с университетом известном академическом трактире «Великобритания», если днем не было никого из студентов, то это считалось верным признаком, что в это время П. Г. читает лекцию в университете.

невозможность изучения права без надлежащей философской подготовки, посвящал целую половину курса краткому, но весьма отчетливому и удобопонятному очерку истории философии и обзору гегелевской философской системы. Лекции П. Г. имели решительное влияние на умственное развитие Ушинского и на дальнейшее направление его занятий; они впервые ознакомили его с философскими науками и возбудили к ним любовь, и если впоследствии Ушинский всякому занимавшему его явлению старался отыскать философское основание и во всех своих трудах строго следовал философским началам, то этим он преимущественно обязан П. Г.

Ушинский уже в то время поражал всех нас своими необыкновенными способностями. Имея не более 16-ти лет от роду, получив довольно посредственное первоначальное образование, какое только и можно было получить в наших провинциальных гимназиях 30-х годов, плохо зная в то время иностранные языки, он однако с необыкновенной легкостью и быстротою усваивал себе самые трудные философские и юридические теории, относясь к ним всегда критически. Нередко случалось, что после выслушания лекции, в которой нам преподавалась какая-либо слишком мудреная теория (напр. теория владения по римскому праву и разъяснению немецких юристов, или нибуровские идеи о древней римской истории), слушатели, плохо поняв суть дела, обращались к Ушинскому с просьбой изложить им всю эту мудрость по-своему, и он всегда успевал растолковать им сущность лекции совершенно верно и удобопонятно. Память у него была до такой степени объемиста, что он даже вполне знал ту часть статистики, в которой профессор Чивилев знакомил нас с профилями центральной Европы, с помощью исчисления всех горных вершин и проходов с показанием вышины их над уровнем моря. До такого совершенства никто из нас, товарищей Ушинского, никогда не доходил. Благодаря этой памяти, он почти вовсе не готовился к университетским экзаменам, и ему достаточно было в те-

чение года прослушать любой университетский курс, чтобы в мае месяце сдать переходный экзамен. Свободное от лекций время он посвящал чтению, которое уже тогда было у него весьма серьезно и разнообразно. Наиболее любимые в то время авторы его были Пушкин, Гёте, Гофман и Жан-Поль Рихтер, из которых он много переводил и ради которых весьма скоро изучил основательно немецкий язык. В истории он в то время с любовью изучал эпоху французской революции, к героям которой имел особенное пристрастие. Вольтера и Наполеона I-го он просто ненавидел, и это служило поводом к бесконечным спорам с товарищами, в числе которых было довольно много поклонников Наполеона и вольтерианцев. Эта ненависть к Вольтеру и Наполеону объясняется его убеждениями, которым он оставался верен во все продолжение своей жизни. Относясь критически ко всем явлениям науки и жизни и будучи весьма далек от всяких пиетистических или клерикальных направлений, он потому всегда был истинный христианин и человек глубоких религиозных убеждений, и вместе с тем считал величайшим благом свободу. В Наполеоне I-м он видел такого же врага свободы, какого христианство встретило в Вольтере. В последние годы университетского курса он начал весьма прилежно заниматься изучением философии и русской истории, которую основательно знал по источникам. Здоровье его уже тогда было весьма ненадежно, и городская жизнь действовала на него губительно. К концу академического года он обыкновенно, бледный, худой и харкающий кровью, отправлялся с земляками на родину, в Малороссию, которую страстно любил. Большею частью он и его товарищи совершали путешествие из Москвы до Брянска на долгих, в Брянске покупали лодку и спускались по Десне до Новгород-Северска. В деревне он меньше занимался, писал стихи, много гулял, удил рыбу и приезжал к сентябрю в Москву румяный, полный и совершенно здоровый. Ушинский и его малороссийские товарищи, возвращаясь в Москву после вакаций, обыкновенно привозили

с собою большие мешки малороссийского сала, которое для нас служило важным подспорьем во время частых финансовых кризисов.

Вообще, в частном студенческом быту Константин Дмитриевич был совершенный студент-демократ, живший, что называется, душа нараспашку и делившийся с товарищами последним рублем и последней трубкой табаку. Он вовсе не чуждался театров и известных трактиров Печкина и «Великобритании», которые заменяли для нас клубы и читальни, так как в них имелись всегда в нескольких экземплярах не только лучшие тогдашние журналы, но и вновь выходившие, наиболее тогда читаемые книги. Уже тогда Ушинский отличался некоторыми качествами, которые впоследствии наделали ему много врагов и принесли немало огорчений, — именно полнейшею независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убеждения, не взирая на то, как будет принята эта откровенность. Будучи отъявленным врагом всякой пошлости, всякого заискивания и низкопоклонства, он беспощадно казнил своими сарказмами тех из товарищей, которые, ввиду приближавшихся экзаменов, ездили к профессорам с визитами и поздравлениями, или старались обратить на себя внимание прилежным записыванием лекций у таких профессоров, которые читали по печатным книгам. Студенты-аристократы, любившие пускать пыль в глаза французскими фразами, рысаками, франтовскими мундирами и всякими модными затеями, страшно боялись Ушинского, которого остроты попадали очень метко. Впрочем, все эти выходки легко сходили с рук в университете, и Ушинский постоянно пользовался любовью всех своих товарищей. Впоследствии, в жизни, выходило совершенно другое. Недолюбливал также К. Д. некоторых профессоров; особенно часто страдал от его острых слов один профессор русской словесности, впрочем, человек весьма ученый и оказавший большие услуги науке, но читавший лекции с невыносимой аффектацией. Ненавистен был ему еще один профессор, которого те-

ория уголовного права не отличалась гуманностью взглядов.

В мае 1844-го года Константин Дмитриевич окончил университетский курс вторым кандидатом прав [a]. Тогдашний попечитель московского учебного округа, граф С. Г. Строганов, не мог не обратить внимания на его необыкновенные способности и многостороннее образование. В то время гр. Строганов задумал преобразовать Ярославский Демидовский лицей в высшее камеральное училище и старался обновить состав его преподавателей новыми, молодыми силами. С этой целью он предложил место профессоров в лицее некоторым наиболее талантливым кандидатам Московского университета, в том числе Львовскому, Татаринову и Ушинскому. Последний принял на себя преподавание энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов.

О жизни и деятельности Константина Дмитриевича в Ярославле автору этой заметки известно весьма немного, так как он, с 1844-го по 1852-й год, жил в другом конце России и только изредка переписывался с Ушинским. По рассказам бывших ярославских студентов 40-х годов, Ушинский превосходно и увлекательно излагал свои курсы в лицее и много работал по государственному праву. С какою легкостью он овладевал каждым предметом, как метки и самостоятельны были уже в то время его взгляды и суждения, это видно из речи его «О камеральном образовании», произнесенной в торжественном собрании лицея 18-го сентября 1848 г. и напечатанной в том же году в Москве, в университетской типографии. Речь эта прошла у нас почти незамеченною, хотя подобные самостоятельные научные произведения в то время составляли, как и теперь составляют, весьма редкие явления. Первую часть своей речи Ушинский посвящает критическому разбору систем немецких камералистов и находит, что они, соз-

[a] Первым кандидатом прав в 1844 году окончил курс, если не ошибаемся, князь В. Черкасский, нынешний московский городской голова.

давая науку камералистики, смешали науку и искусство: так как предмет науки не был ими схвачен, то осталось одно искусство. Вследствие такой ошибки, немецкие учебники камералистики, вместо того, чтобы излагать научным образом законы частного и общественного хозяйства, представляют сборники советов и наставлений по всем отраслям промышленной деятельности. Находя существование в этом виде камералистики как науки невозможным, Ушинский предлагает свою систему камеральных наук, в основание которой кладет изучение земли, изучение общества и изучение хозяйственной деятельности в том общем философском смысле, в каком изучали их Карл Риттер и Адам Смит; затем все технические знания, составляющие предмет искусства, а не науки, по мнению Ушинского, вовсе не должны входить в область камералистики как науки. Впоследствии, Ушинский эту же самую мысль проводил в отношении к педагогике; он не признавал наукой того, что немцы разумеют под наукой педагогики; по его мнению, педагогика есть не наука, а искусство, то-есть применение общих начал антропологии к воспитанию. Поэтому-то он, исполняя поручение правительства, которое возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, написал не педагогику, а антропологию.

Реформа Демидовского лицея, задуманная гр. Строгановым, повидимому, не вполне удалась. Ярославский камеральный факультет не получил надлежащего развития, число студентов в нем было незначительно, и все почти молодые профессора, которые должны были поднять уровень лицейского преподавания, в том числе и Ушинский, оставили службу в лицее и переселились в Петербург. Это переселение случилось, если не ошибаемся, в 1850-м году *.

Осенью 1852-го года автор этой заметки также переехал на жительство в Петербург и нашел здесь Ушин-

---

* Переселение Ушинского в Петербург совершилось в связи с полученным им отпуском для лечения болезни во второй половине 1849 г.

ского, уже женатого [а], служащего в Министерстве внутренних дел и деятельно занимающегося литературой.

В то время министерствами внутренних дел и уделов управлял А. Л. Перовский, привлекавший к себе на службу людей науки. У него, в числе начальников отделений и столоначальников, было немало магистров и докторов прав и философии; между прочим, к нему поступили на службу некоторые из профессоров Московского университета, оставившие учебную службу после смены попечителя гр. Строганова. Вероятно, при помощи своих профессоров Ушинский определился на службу в департамент иностранных исповеданий. Но к департаментской службе Ушинский, как сам часто говорил, был совершенно неспособен, и, повидимому, он не принимал никакого участия в производстве текущих дел департамента и даже редко туда являлся, занимаясь на дому составлением исторических записок и исполнением других подобного рода поручаемых ему работ. Не будучи особенно стесняем службою, он начал изучать английский язык и литературу, много занимался изучением философии и особенно пристрастился к землеведению. Усвоив себе философский взгляд Карла Риттера на землю и человека, он ревностно занимался исследованием воздействия природы на человека и человека на природу, и результатом этих исследований было несколько замечательных критических статей, написанных под влиянием риттеровских идей [б]. Первая, напечатанная им в Петербурге статья, если не ошибаемся, есть весьма живо написанный рассказ, под заглавием «Поездка на Волхов» [в]. Познакомившись, по поводу этой статьи, с редакторами «Современника», он стал деятельным сотрудником этого журнала и напечатал в нем

а К. Д. Ушинский был женат на Надежде Семеновне, урожденной Дорошенко.

б Сюда относятся статьи Ушинского: «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой», «Труды уральской экспедиции», «Соврем.», 1853, № 8, 9, 10 и 11; «Магазин землеведения и путешествий», критическая статья, «Соврем.», 1854, № 6; Рецензия путешествия в Персию Бларамберга и проч.

в «Соврем.», 1852, № 9.

много статей по предмету литературы, истории и землеведения [a]; некоторое время он составлял для него отдел иностранных известий. Впоследствии, разойдясь почему-то с редакцией «Современника», он стал печатать свои статьи в «Библиотеке для чтения», редактор которой г. Старчевский начал взваливать на него всю тяжелую журнальную работу, как-то: составление хроник и обозрений, разбор выходивших книг* и т. п. Этот беспрерывный и монотонный литературный труд совершенно расстраивал здоровье Ушинского, отнимал у него возможность продолжать научные занятия, а главное, плохо обеспечивал его в материальном отношении. Ушинского чуть не постигла тогда печальная судьба, загубившая не одного из наших талантливых писателей, — судьба литературного поденщика. Счастливый случай вывел его на другой путь и дал ему возможность применить свои познания и способности на таком поприще, на котором они принесли несомненную пользу его соотечественникам.

В 1855-м году Ушинский случайно встретился в Петербурге с П. В. Голохвастовым, бывшим начальником своим по Демидовскому лицею, занимавшим тогда место директора Гатчинского сиротского института.

а Вот заглавия некоторых из этих статей: «Литературный характер, или история гения, заимствованная из собственных чувств и признаний», Дизраэли, «Соврем.», 1853, № 5, 6, 7 и 8. «История одной французской эскадры», извлечение из книги принца Жуанвильского, «Соврем.», 1853, № 3. «Сведения о современном состоянии Турции», «Соврем.», 1854, № 6, 7 и 8.

* Сообщение не совсем точное. Как пишет в своих воспоминаниях А. В. Старчевский, до прихода Ушинского разбор выходивших книг обычно поручался О. И. Сенковскому. Библиография Сенковского имела настолько своеобразные черты, что ее не трудно узнать: попрежнему библиографическую работу в «Библиотеке для чтения» вел Сенковский и после вступления Ушинского в ряды сотрудников. В небольшом количестве библиографических разборов, помещавшихся в «Библиотеке для чтения», только 1—2 статьи могут условно быть приписаны Ушинскому. Обычным же занятием Ушинского в «Библиотеке для чтения», как видно из его переписки с Старчевским, были переводы с иностранного и иностранные известия, составляемые под заголовком «Заметки путешествующего вокруг света».

По предложению Голохвастова он принял должность преподавателя словесности и законов, а потом и инспектора классов в Гатчинском институте [a]. Переселившись в Гатчину, Ушинский ревностно принялся за исполнение новой для него обязанности руководителя учебной части в большом учебном заведении, составлявшем не одну школу, а так сказать целую систему школ, ибо в нем воспитывались и обучались в разных отделениях дети весьма различных возрастов, из коих одни учились азбуке, а другие слушали курсы законоведения. Осматривая библиотеку заведения, он нашел в ней довольно большое собрание педагогических сочинений первой четверти нынешнего столетия, и эта находка побудила его заняться изучением педагогики. Вот как описывает Ушинский в одном из своих писем первое знакомство свое с педагогической библиотекой:

«Помню я, как, поступив на службу в одно учебное заведение и рассматривая его библиотеку, довольно многотомную, нашел я целый шкаф с медицинскими книгами, хотя в этом заведении никогда не учили медицине. Их пожертвовал один купец, которому они достались за долги или по наследству... Наконец, смотрю, стоят два шкафа, запыленные, почернелые, запечатанные. Видно по всему, что их лет двадцать не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собрание педагогических книг. Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим, и, боже мой! от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был необык-

[a] Не можем не упомянуть, что приглашение Ушинского на службу в Гатчинский институт свидетельствует о благородстве души П. В. Голохвастова. Нужно заметить, что П. В., бывши директором Демидовского лицея, не совсем ладил с молодыми профессорами лицея. Несмотря на то, он, зная способности и высокие нравственные достоинства Ушинского, не задумался предложить ему должность главного своего помощника и руководителя учебной части в институте.

новенным у нас человеком [а]. Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет приводить свои идеи в исполнение; но вдруг обстоятельства переменились, — и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мертвою рукою, я думал: лучше бы было, еслиб он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи».

В Гатчине Ушинский начал изучать педагогическую литературу от Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта, и с тех пор, до конца жизни, вся деятельность его была посвящена исключительно науке воспитания. В единственном тогда педагогическом «Журнале для воспитания», издававшемся под редакцией Чумикова, печатались его педагогические статьи [б]. К этой же гатчинской эпохе жизни Ушинского относится начало наиболее важных его трудов — по составлению книг для первоначального обучения. Первую из этих книг — «Детский Мир и Хрестоматию» — он начал составлять еще в 1858-м году и напечатал ее в начале 1861-го года. Читая эту книжку, составленную, повидимому, из таких простых, легких и безыскусственных рассказов и описаний, с первого взгляда можно подумать, что составление ее не требовало особенного труда и усилия. Между тем, Ушинский посвятил ей целых три года усидчивого

[а] Это был Евг. Ос. Гугель, инспектор Гатчинского института.

[б] В «Журн. для воспитания» Ушинский поместил следующие статьи: «О пользе педагогической литературы», 1857, т. I; «О народности в общественном воспитании», 1857, т. II; «Школьная реформа в Северной Америке», 1858, т. III; «Внутреннее устройство Северо-американских школ», 1858, т. IV. Ему также принадлежит статья «Три элемента школы», 1857, т. I, подписанная, по некоторым причинам, псевдонимом Виссариона Жукова.

труда. За исключением статей хрестоматии, заимствованных большею частью из русских писателей, все остальное сочинено самим Ушинским, который сотни раз переделывал каждую статейку, стараясь изложить ее в таком виде, чтобы она вполне годилась для достижения назначенной цели — постепенного развития внимания и мыслительной способности детей. Каждая фраза в этой книге тщательно обдумана и обработана, и язык ее представляет замечательный образец простого, правильного, логического и художественного изложения мысли. Когда Ушинский задумал, наконец, печатать свой труд, то оказалось, что его успел предупредить г. Паульсон, издавший в 1860-м г. свою «Книгу для чтения», которая по цели и содержанию, до известной степени, сходилась с книгою Ушинского. Опасаясь окончательно разориться изданием «Детского мира», Ушинский долго не решался печатать его в значительном количестве экземпляров, и только, вследствие настоятельных просьб и убеждений друзей, напечатал в количестве 3600 экз., назначив продажную плату за два тома 1 р. 80 к. Книга имела громадный успех: в том же 1861-м году потребовались еще два издания, и автор был в состоянии понизить цену ее до 1 р. 20 к., делая еще значительную сбавку для учебных заведений[a].

---

[a] Приведем здесь не лишенные, может быть, интереса сведения о количестве разошедшихся экземпляров изданий Ушинского:

1) Детский мир и Хрестоматия, ч. I, 10 изданий .	135 000 экз.
2) » » » ч. II, 10 » .	105 000 »
3) Родное слово, год I, 10 изданий	215 000 »
4) » » » II, 9 »	171 000 »
5) Книга для учащих для двух первых годов, 9 изданий	26 000 »
6) Родное слово, год III, 2 издания	15 000 »
7) Книга для учащих для 3-го года, 2 издания . .	6 000 »
Итого . . .	673 000 экз.

Заметим, кстати, что в официальном «Каталоге учебных руководств и пособий по русскому языку, которые могут быть употребляемы в гимназиях и прогимназиях», напечатанном в «Журн. Мин. Нар. Пр.» за август 1867-го года, издания Ушин-

Улучшения, сделанные Ушинским в учебной части Гатчинского института, обратили на него внимание начальства IV-го отделения собственной е. и. в. канцелярии, и он, в 1859-м году, переведен был на место инспектора классов Императорского воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища (Смольного института), остававшееся вакантным после смерти Тимаева. Если не ошибаемся, он немало также обязан был назначением этим — своим письмам о воспитании, писанным для одной высокопоставленной особы, которые, к сожалению, не были напечатаны и едва ли сохранились в бумагах покойного. Мы не станем здесь говорить о преобразованиях, которые, по мысли и под руководством Ушинского, произведены были в 1860-м году в Смольном институте, так как предмет этот изложен в книге г. Лядова [a] и, вероятно, будет еще обстоятельно рассмотрен в составляемой ныне Г. Пятковским «Истории учреждений императрицы Марии Федоровны». Заметим только, что, вступив в управление учебною частью Смольного института, Ушинский успел обновить состав преподавателей и привлечь в это заведение весьма талантливых и приобревших ныне почетную известность в науке и

ского совершенно пропущены, из чего можно бы сделать заключение, что они *не могут* быть употребляемы в гимназиях и прогимназиях. Но, принимая во внимание, что «Детский мир» Ушинского был допущен к употреблению в гимназиях и уездных училищах еще в 1861-м г. министром Е. П. Ковалевским вследствие одобрения этой книги ученым комитетом («Журн. Мин. Нар. Пр.», часть официальная, 1861, 1 июня, № 9) и что книга эта в 1867 г. уже расходилась сотнями тысяч экземпляров и признавалась всеми нашими педагогами лучшею и ничем незаменимою книгою при первоначальном обучении, что, наконец, эта книга, как и все другие сочинения Ушинского, проникнута истинно-христианским и патриотическим духом,— мы полагаем, что пропуск ее в официальном «Каталоге» произошел вследствие какой-либо ошибки — во всяком случае, непростительной. (Ред. «Вестника Европы»).

[a] Исторический очерк столетней жизни Императорского воспитательного общества благородных девиц С.-Петербургского Александровского училища. Составил В. И. Лядов, стр. 61—79.

литературе деятелей, из коих назовем Я. П. Пугачевского, Н. Н. Раевского, В. Ф. Буссе, В. И. Лядова, А. И. Павловского, В. И. Водовозова, Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевского, барона М. О. Косинского, О. Ф. Миллера, Г. С. Дестуниса и М. И. Семевского. Все они составляли тесный дружеский кружок, которого центром был Ушинский, умевший сообщить ему свою любовь к делу воспитания. Они часто собирались у Ушинского и в откровенной дружеской беседе обменивались педагогическими идеями и наблюдениями, отчего происходило, что учебная часть в институте развивалась дружно и гармонически и преподавание давало превосходные результаты. Несмотря на значительные затруднения, Ушинский успел осуществить на деле в институте многие свои воспитательные идеи и совершить преобразования, за которые, вероятно, помянут его добрым словом воспитанницы института и их родители. Человек, более уступчивый, чем Ушинский, обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большею легкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили неимоверных трудов и усилий. Он шел прямым путем, не зная окольных дорог, добивался осуществления своих идей настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не щадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и расстроила его здоровье.

Педагогическая деятельность Ушинского обратила на себя внимание тогдашнего министра народного просвещения Е. П. Ковалевского. В то время министерство приступало к коренному преобразованию своих учебных заведений, которое приведено было к окончанию А. В. Головниным. Ученому комитету поручено было составить проект устава низших и средних училищ, и труд этот был окончен в феврале и напечатан в мартовской книжке журнала министерства. Печатая этот проект, министерство имело в виду вызвать замечания на него

со стороны лиц, принимавших участие в деле народного образования, причем признано было полезным сделать журнал министерства органом для таких замечаний и вообще для обсуждения педагогических вопросов и распространения педагогических знаний. Ушинскому предложена была должность редактора журнала министерства, и на него возложена обязанность преобразовать это издание в специальный педагогический журнал. В этом новом виде журнал министерства начал издаваться с июля 1860-го года и выходил под редакцией Ушинского до ноября 1861-го года. Не подлежит сомнению, что преобразование этого журнала, бывшего до того времени совершенно бесцветным, в издание, специально посвященное педагогике и наиболее близким к ней наукам, произвело несомненную пользу и значительно увеличило круг читателей журнала, которым прежде никто почти не интересовался. Однако новая редакция журнала не встретила особенного сочувствия к себе в тогдашней нашей периодической прессе. Ушинский, имея известные убеждения, несогласные с господствовавшим тогда в журнальной литературе направлением, считал невозможным и позорным для себя скрывать эти убеждения и высказывал их как в общем духе и направлении издания, так и в собственных своих статьях, особенно в психическо-воспитательном очерке, под заглавием «Труд» и в статье «О нравственном элементе в русском воспитании», а также в подстрочных примечаниях к напечатанному в журнале министерства переводу известного сочинения Гейма «Гегель и его время». Высказанные Ушинским взгляды возбудили против него резкие нападения со стороны некоторых журналов, причем, к сожалению, эти нападения были направлены не только против убеждений автора, но и против его личности. Ушинский на опыте убедился, что мы еще не научились относиться с уважением к личности людей, которых убеждений мы не разделяем. Не один, впрочем, Ушинский подвергался в то время глумлению со стороны наших, считавших себя передовыми,

органов печати: ему подвергались и такие люди, как Н. И. Пирогов.

Сменивший в управлении Министерством народного просвещения Е. П. Ковалевского граф Путятин имел в виду снова изменить программу журнала министерства и преобразовать его в периодическое издание, посвященное всем вообще наукам, вроде французского «Journal des Savants». Ушинский, не считая себя способным быть редактором такого энциклопедически-научного издания, в ноябре 1861-го вовсе оставил службу по Министерству народного просвещения [a].

Оставив службу по ведомству Министерства народного просвещения, Ушинский, однако, не перестал быть деятельным сотрудником журнала этого министерства, который сохранял еще некоторое время свою педагогическую программу. В мартовской книжке за 1862-й год появилась весьма замечательная критическая статья его по поводу педагогических сочинений Н. И. Пирогова, в которой подробно разобраны главные идеи и педагогические взгляды нашего великого хирурга и отдана должная дань заслугам его как писателя и как руководителя общественного образования в двух учебных округах. Деятельность Н. И. Пирогова на поприще воспитания, к сожалению, давно уже прекратилась; нас отделяет уже более чем десятилетний промежуток от того времени, когда каждая статья его, каждый циркуляр по управлению учебным округом с таким восхищением встречаемы были нашими педагогами. О заслугах Пирогова в деле воспитания, о проводимых им взглядах как-то забыло нынешнее поколение, и энтузиазм, возбужденный «Вопросами жизни», заметно охладел. В том самом городе, где еще так недавно, по поводу просьбы учеников о дозволении играть им в публичном те-

---

[a] Вступивший, в декабре 1861 г., после гр. Путятина, в управление Министерством народного просвещения А. В. Головнин предлагал Ушинскому снова поступить на службу по ведомству Министерства, но здоровье Ушинского, требовавшее тогда серьезного лечения, не дозволило ему принять это предложение.

атре, наш великий педагог, в статье «Быть и казаться», передавал сотрудникам по воспитанию свои светлые и глубокие психологические взгляды на душу ребенка и на опасность развивать в ней страсть ко всему кажущемуся, ко всякому блеску и мишуре, — в том самом городе мы ныне заботимся о приличной ливрее швейцаров при гимназиях. Ввиду такой забывчивости нашей о тех идеях, которым мы недавно сочувствовали, и о тех людях, кои проповедывали эти идеи, может быть, не совсем излишне будет привести здесь заключительные слова Ушинского, в которых он изображает заслуги и значение у нас Н. И. Пирогова.

«Мы надеемся, — говорит Ушинский, — что педагогическое поприще только что началось для Н. И. Пирогова (к сожалению, оно тогда окончилось); мы убеждены, что для его педагогической деятельности предстоит еще блестящая будущность; по крайней мере, мы желаем этого всеми силами нашей души. Никакие уставы, никакие реформы, никакие штаты не сделают ничего в такой практической и вместе духовной области, каково образование народа, если люди, подобные Н. И. Пирогову, не внесут в эту область всей живительной силы своего могучего и до глубины искреннего духа. Самый гениальный устав не сделает того, что может сделать один такой человек, потому что в образовании духа важна не форма, а самый дух... Мы знаем довольно, но мы желаем слабо; нас следует не столько учить, сколько возвысить и укрепить; нам нужен человек, пример которого увлекал бы нас, жизнь которого служила бы нам великим образцом, а другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаем в России, да и у других народов таких жизней немного. Если Н. И. Пирогов призывает нас к бескорыстной деятельности на пользу народа, если он говорит нам о нравственной силе духа, если он указывает нам необходимость нравственного самовоспитания, как единственного средства действовать благотворно на воспитание народа, если он говорит нам о религии, нравственности, любви к людям и любви к отечеству, бескорыстии, самопожерт-

вовании, то эти слова уже не одни громкие фразы, а дела, или укоряющие нас в бездействии, или призывающие нас к спасительной деятельности... Народ, из среды которого выходят такие личности, какова личность Н. И. Пирогова, может с уверенностью глядеть на свою будущность. Все эти журнальные критики затихли, все они скоро исчезнут без следа; но личности, подобные личности нашего почтенного хирурга и педагога, не боятся времени. Время — их искренний друг: оно мало-помалу взращает семена, ими посеянные, и выдвигает все ярче и ярче, ставит все выше и выше того, кого, может быть, вначале закрывали страсти и предрассудки современности... Мы убеждены, повторяем еще, что педагогическим способностям и наклонностям знаменитого хирурга, что его истинно-гуманной личности предстоит еще обширное поле педагогической деятельности. Может ли быть, чтобы такие люди долго оставались без дела, когда каждый день их жизни, потерянный для государства, есть величайшая потеря, потеря невознаградимая, особенно в такое важное переходное время, как наше. Но если, по несчастью, педагогическая деятельность Н. И. Пирогова остановилась на том, что он уже сделал, то и тогда почтенное имя его не умрет в истории русского просвещения. Наконец-то мы имеем посреди нас человека, на которого с гордостью можем указать нашим детям и внукам и по безукоризненной дороге которого можем вести смело наши молодые поколения. Пусть наша молодежь смотрит на этот образ — и будущность нашего отечества будет обеспечена. Литература наша любит рисовать мрачные характеры, любит развенчивать исторические личности, любит топтать в грязь прежние авторитеты; но ей не удастся поколебать того нравственного авторитета, который уже приобрел себе Н. И. Пирогов».

Вполне сочувствуя светлым и глубоко гуманным взглядам Пирогова на воспитание, Ушинский, однако, не разделял его убеждений относительно необходимости класть в основу общего образования классические языки и полагал, что если изучение организации языка

является лучшим средством духовного развития, то для такого развития следует употреблять не классические языки, а родной язык. Убеждения свои по этому вопросу Ушинский изложил как в цитируемой нами критической статье о сочинениях Пирогова, так и в статьях, которые он впоследствии печатал, если не ошибаемся, в газете «Голос». Для осуществления же своей задушевной мысли — положить в основу духовного развития родной язык — он составил всем известные руководства, под названием «Родное Слово» [a].

В начале мая 1862-го года Ушинский уехал с семейством заграницу. Кроме необходимости озаботиться поправлением расстроенного здоровья, он чувствовал необходимость нравственно отдохнуть на время от той кипучей жизни, которую он вел в последние два года, и той борьбы, которую должен был выдерживать по поводу издания журнала и преобразования Смольного института. Его влекло также заграницу желание наглядно ознакомиться с воспитанием народа в тех странах, где оно сделало наиболее существенные успехи. Наконец, он тогда решился посвятить остаток жизни воспитанию детей своих и серьезным педагогическим трудам и полагал, что для осуществления той и другой цели он найдет заграницей более средств, чем в России. Начальство IV-го отделения собственной е. и. в. канцелярии умело ценить высокие дарования Константина Дмитриевича и не согласилось уволить его вовсе от службы. Он был уволен только от должности инспектора классов Смоль-

---

[a] Константин Дмитриевич отдал своего старшего сына Павла не в общую, а в военную гимназию, не потому, чтобы желал готовить его для военной карьеры, а единственно из опасения, что молодой человек, поступив в общую гимназию и будучи обязан посвящать большую часть времени и труда изучению древних языков, не будет в состоянии достаточно успевать в других предметах. Сознавая, однако, необходимость и пользу знания древних языков, он заставил сына своего обучаться латинскому языку частным образом, у покойного воспитателя филологического института, хорошего филолога, В. В. Игнатовича, который давал ему уроки по воскресеньям. О несчастной судьбе, постигшей старшего сына Ушинского, скажем ниже.

ного института, с причислением, в качестве члена, к состоящему при IV-м отделении учебному комитету; причем ему дан был отпуск на продолжительное время заграницу и возложена на него обязанность составить руководство для воспитателей. С 1862 по 1867-й год Ушинский жил постоянно заграницей, большею частью в Швейцарии, близ Веве, и в Гейдельберге, где, между прочим, познакомился и сблизился с Н. И. Пироговым, жившим в то время в Гейдельберге в качестве руководителя научных занятий кандидатов к профессорскому званию, отправленных заграницу министерством народного просвещения. Почти каждый год Ушинский приезжал на некоторое время в Россию для издания своих сочинений, устройства своих дел и лечения кумысом в Самарской губернии.

Поселившись в Швейцарии, Ушинский начал заниматься изучением ее школьного устройства, в особенности народных школ, учительских семинарий и женских училищ. Результаты своих наблюдений он изложил в семи весьма любопытных письмах, напечатанных под заглавием «Педагогическая поездка по Швейцарии». В этих письмах он изложил школьное законодательство и организацию учебной части в Бернском кантоне и описал известное, состоящее под дирекцией Фрёлиха, женское училище Einwohner-Mädchenschule в Берне и учительские семинарии в Мюнхенбухзее и в Веттингене, получившие европейскую известность, благодаря трудам своих директоров Рюгга и Кеттигера. Письма Ушинского знакомят читателя не только с устройством и состоянием швейцарской школы, но еще с духом этого превосходного учреждения и с теми условиями, при которых оно могло достигнуть нынешнего своего совершенства. В Швейцарии Ушинский начал составлять свои книжки для первоначального обучения отечественному языку детей младшего возраста, изданные под заглавием «Родное слово», получившие у нас еще большую популярность, чем «Детский мир». Две первые книжки «Родного слова», предназначенные для детей от 6-ти до 9-тилетнего возраста и изданные в 1864-м

году, Ушинский старался приспособить не только к употреблению в училищах, но также и в домашнем воспитании, о правильном развитии которого в России он в особенности заботился. С этой целью он приложил к ним превосходное руководство для родителей и наставников под названием «Книга для учащих», вроде известного Дистерверговского «Der Unterricht in der Klein-Kinder-Schule». Эта книга для учащих Ушинского несомненно оказала огромные услуги нашему народному образованию, распространив между родителями и наставниками хороший метод первоначального обучения, которому у нас, вследствие отсутствия учительских семинарий, можно выучиться единственно по книгам. Третья книжка, или третий год, «Родного слова» есть единственный у нас опыт, так сказать, наглядного изложения грамматики. Она вышла в минувшем году, к ней также приложено руководство для преподавателей, в котором основательно разобраны недостатки нынешнего первоначального преподавания грамматики и изложен способ употребления нового учебника.

Последний труд Ушинского, к сожалению, едва ли оконченный, есть его опыт педагогической антропологии, изданный под заглавием «Человек как предмет воспитания». Труд этот задуман Ушинским весьма давно: материалы для него он готовил со времени вступления своего на педагогическое поприще, и первые его опыты общедоступного изложения начал антропологии в применении их к делу воспитания сделаны им были еще в 1860-м году, в статьях под заглавием «Психологические монографии. Внимание», напечатанных в «Журнале Мин. Нар. Просв.». Мы уже упомянули, что начальство IV-го отделения собств. е. и. в. канцелярии возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, или, как обыкновенно говорят, руководство к педагогике. Но Ушинский находил бесполезным писать руководство к науке педагогики в том смысле, как его понимают немецкие педагоги. Все немецкие учебники педагогики представляют не систему положений науки, а только собрание правил воспита-

тельной деятельности, таких правил, которых научные основания извлечены из весьма разнообразных отраслей знаний, входящих в систему наук антропологических. Педагогика, по мнению Ушинского, имеет такое же отношение к наукам, из которых извлекает свои положения, какое имеют лечебники или собрания медицинских советов и рецептов к наукам медицинским. Как никто не может сделаться хорошим медиком, изучив самые полные и лучшие лечебники, но не зная анатомии, физиологии и т. п., так точно, по мнению Ушинского, изучение самых лучших руководств к педагогике не создаст у нас хороших педагогов до тех пор, пока не будут распространены познания антропологические. В Германии, где философские знания составляют основу всякого высшего обучения, немецкие учебники вполне достигают своей цели. Но у нас философские знания распространены менее, чем где-либо, и мы по скудости университетского преподавания философских наук и по отсутствию сколько-нибудь удовлетворительных философских сочинений в нашей литературе, лишены всякой возможности приобретать эти знания. Поэтому-то, желая добросовестно исполнить принятую на себя обязанность, Ушинский не видел другого средства, как написать общепонятный учебник антропологии. Первый том этого сочинения, встреченный не совсем дружелюбно нашими официальными философами и педагогами [a], вышел в конце 1867-го года, и содержит в себе изложение необходимых для каждого педагога физиологических сведений и, из психологии, процесс сознания. Второй том, выпущенный в свет в 1869-м году, заключает в себе анализ процессов чувствований и воли. В третьем томе автор предполагал закончить часть психологическую, изложив в нем анализ тех духовных особенностей, которые составляют отличительную черту психической жизни человека, и затем изложить те педаго-

[a] См. рецензию Владиславлева в майской кн. «Ж.М.Н.Пр.» 1869 г. Первый том «Человека» Ушинского разошелся весь, и его ныне нет в продаже. Это едва ли не единственный у нас пример столь быстрой распродажи философского сочинения.

гические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из изложенных автором явлений человеческого организма и человеческой души. Большая часть этого последнего тома, сколько нам известно, была уже написана, но смерть автора помешала его изданию.

Пятилетнее пребывание Ушинского заграницей принесло обильные научные результаты. Укрепив свое здоровье, будучи удален от тех треволнений, которыми сопровождалась в России его служебная и литературная деятельность, Ушинский имел возможность исключительно посвятить себя научным трудам. Глубокое изучение философских и естественных наук, личное знакомство с лучшими их представителями и непосредственное наблюдение политической и социальной жизни наиболее развитых обществ сгладили некоторые слишком исключительные и резкие его взгляды и дали необыкновенное развитие его интеллектуальным силам. Вероятно, многим из здешних педагогов памятны замечательные прения, происходившие в 1865-м году в здешнем Педагогическом обществе, по поводу реферата Ушинского «Педагогика как искусство», в которых он поразил слушателей основательностью и многосторонностью своих познаний, глубиною анализа и силою диалектики. К сожалению, протокол этих прений, сколько нам известно, нигде не был напечатан.

В 1867-м году Ушинский возвратился в Россию. Им овладела тоска по родине, и он опасался, что, живя с семейством заграницею, не будет иметь возможности дать своим детям такое образование, которое бы могло их приготовить для жизни и деятельности в отечестве. Здоровье его до такой степени поправилось, что он считал для себя возможным жить если не в Петербурге, то в котором-либо из южных университетских городов, в Киеве или Одессе. Возвратившись в 1867-м году из-за границы, он большею частью жил в Петербурге, делая от времени до времени поездки заграницу, в Малороссию и в Крым. Хотя он бывал нередко болен, но казалось, что здоровью его не угрожала никакая серьезная опасность, и он мог бы еще долго жить и работать, ес-

ли бы не случилась страшная катастрофа в его семействе, которая окончательно разрушила его здоровье и свела его в могилу.

В марте 1870-го года Ушинский, постоянно избегавший оставаться в Петербурге весною, отправился через Вену в Крым для пользования кумысом, намереваясь в средине лета возвратиться к своему семейству в имение Ушинских, Богданку Черниговской губернии Новгород-северского уезда. Жена и дети Ушинского отправились из Петербурга прямо в деревню в начале июня. Старший сын Ушинских Павел, 17-тилетний молодой человек, которого первоначальным обучением занимался сам Константин Дмитриевич с необыкновенным усердием и любовью, тогда окончил полный гимназический курс с отличным успехом. Это был весьма способный молодой человек, отличавшийся необыкновенно симпатическим характером и прекрасными качествами души. Мы все, друзья и знакомые Ушинских, любили их Пашу, как собственное дитя. Этот-то старший из детей Ушинских имел несчастье ранить себя нечаянно на охоте, заряжая ружье, и умер на руках матери после 14-тичасового мучения. Константин Дмитриевич приехал домой из Крыма через несколько дней после смерти сына, вовсе не зная о случившемся. Он приехал совершенно здоровый и веселый и, поздоровавшись с семьей, сейчас спросил, где Паша. Домашние, желая хоть на несколько часов скрыть от него страшное горе, сказали, что Паша лег спать. Но в тот же вечер несчастный отец узнал от прислуги о постигшем его несчастье. Удар был слишком силен для нервной и впечатлительной натуры Ушинского. Услышав роковую весть, он упал в обморок, и с того времени здоровье его уже более не поправлялось. Он переехал с семейством в Киев, но усилившаяся болезнь заставила его искать более теплого климата, и он отправился в Одессу, где в конце октября слег в постель и скончался, окруженный горячо им любимою семьею, 21-го декабря минувшего года. Хотя в Одессе его лично никто почти не знал, однако весть о смерти талантливого педагога быстро распространилась в городе, и об-

щее сочувствие к высоким качествам его души и драгоценным трудам на пользу отечественного образования выразилось огромным стечением людей всех сословий, которые пожелали проводить его к месту последнего успокоения. К. Д. Ушинский умер 47-ми лет от роду.

Отрешившись на минуту от личных чувств, которые мы питали к покойному, мы смело и с полным убеждением можем сказать, что преждевременная кончина его есть большое несчастье и невознаградимая утрата для нашего общества и нашей науки. Личность его далеко выходила из ряда обыкновенных и представляла редкое соединение необыкновенных способностей ума, глубокой веры, высоких, истинно-христианских качеств души[а] и непоколебимой независимости характера. Обогатив нашу бедную педагогическую и учебную литературу драгоценными сочинениями, он не успокоился на лаврах, но работал неутомимо, работал не для славы, не для материальных выгод или почестей[б], а в полном сознании той глубокой христианской идеи, что от того, кому многое дается, многое и требуется.

Январь 1871 г.

[а] После смерти К. Д. Ушинского мы узнали от одного из самых близких его друзей, Я.П.П.-го, что ему часто передаваемы были Константином Дмитриевичем денежные суммы на взнос платы за бедных учащихся, на вспомоществование бедным и т.п., причем К. Д. обязал П-го ни под каким видом не объявлять, от кого получены эти деньги.

[б] Из формулярного списка Ушинского видно, что он в течение своей 26-тилетней службы получил две награды: в 1858 году —денежную награду в 450 руб., и в 1860 г., по случаю выпуска воспитанниц Смольного института,— бриллиантовый перстень.

Л. Н. Модзалевский

К БИОГРАФИИ К. Д. УШИНСКОГО

*(По поводу его биографического очерка)**

Недавно в Петербурге появился в свет «Краткий биографический очерк К. Д. Ушинского», составленный инспектором Нальчикской городской школы А. Ф. Фролковым. Эта небольшая, но прекрасно изданная книжка украшена гравированным на стали превосходным портретом знаменитого русского педагога, по сходству и совершенству исполнения превосходящим все прежде изданные. Имя Ушинского в настоящее время не только хорошо известно, но и близко сердцу каждого русского

---

* Замечания Модзалевского Льва Николаевича (1837—1896), одного из близких друзей Ушинского, его сотрудника по составлению «Родного слова» (газ. «Кавказ», 1881, № 259, 274, 281), представляют интерес — а) как дополнение к некоторым упущениям, сделанным в биографическом очерке А. Ф. Фролкова, б) как комментарий к переписке Модзалевского с Ушинским. Особенно интересными являются пояснения Модзалевского по вопросу о первоначальном назначении «Родного слова» Ушинского и о взгляде Ушинского на задачи учительских семинарий того времени. В то же время нельзя не отметить, что автору замечаний свойственны тенденции — а) к настойчивому подчеркиванию церковной религиозности Ушинского (эта тенденция объясняется все возраставшими в 80-х годах обвинениями в антирелигиозном направлении собранного в учебниках Ушинского научного материала), б) к либерально-благодушной оценке действий русского правительства второй половины XIX в. Обе тенденции, отражающие собственные настроения автора, дают не совсем правильное освещение личности Ушинского и требуют критического отношения.

школьного деятеля; влияние его даже на инородческие школы в России и у нас на Кавказе ныне уже настолько сильно и благодетельно, что мы считаем небезынтересным обратить внимание кавказских читателей на этот небольшой, но в высшей степени добросовестный и интересный труд нашего молодого кавказского педагога.

Нет сомнения, что для полной биографии К. Д.Ушинского, деятельность которого всегда отличалась глубиной убеждения и особенной страстностью, еще не настало время; многие из его противников, которым пришлось бы теперь краснеть за свои поступки против этого преобразователя русского воспитания, еще живы, а потому и спокойное отношение, и беспристрастная оценка педагогической деятельности покойного, как литературной, так и практическо-педагогической, пока еще совершенно невозможны. Для полной биографии его недостаточно собрано даже точных фактов и внешних данных из его многосторонней жизни, полной превратностей, увлечений и самых горьких разочарований, рано подкосивших жизнь этого замечательного деятеля. Только гг. Рехневский, Стоюнин и Чалый, вскоре же после смерти К. Д. (в 1870 г.), поделились с русским обществом некоторыми воспоминаниями о покойном и хотя несколькими, самыми крупными, штрихами обрисовали его светлую личность, как человека, ученого и педагога.

Вот почему на друзьях и вообще на всех знавших покойного лежит священная обязанность сообщить о К. Д. Ушинском все, что они знают и что только возможно теперь же сказать о нем, будь то за или против него; будущий биограф сумеет воспользоваться всем этим материалом — и замечательная личность этого честного бойца за русскую школу восстанет перед потомством во всей своей жизненной правде, а может быть — и во всем своем величии...

Ввиду такой скудости имеющегося под руками биографического материала, нельзя не придать особенного значения этому первому у нас своду всего, что уже из-

вестно об Ушинском из воспоминаний друзей, или из его собственных сочинений, с добавлением и лично известных автору «очерка» фактов из внешней и внутренней жизни покойного. Г. Фролков, сколько нам известно, в свои юношеские годы был домашним секретарем К. Д. в самый интересный и уже последний период его трудовой жизни, когда, в конце 60-х годов, он работал над своей «Антропологией», набрасывал планы и собирал материалы для дальнейших сочинений на пользу русской школы, из которых многое осталось в руках автора «Очерка»*. Желательно, чтобы все эти планы, программы, отрывки и наброски увидели свет, хотя бы при новом, полном собрании сочинений покойного, а пока будем благодарны и за то, что г. Фролков воспользовался этим драгоценным материалом при составлении своего живого и правдивого «Очерка», который с наслаждением прочтется не одними теми, кто уже знаком с личностью и заслугами К. Д., но и теми, кто желал бы с ним только впервые познакомиться. В труде г. Фролкова особенную цену имеет именно его горячее сочувствие к личности Ушинского,понимание его высоких принципов, его благородных стремлений, а равно и уменье, передавая внешние факты его жизни, очерчивать и нравственную физиономию дорогого для него человека. Короче сказать, влияние К. Д., как видно, глубоко отразилось на авторе; да оно и всегда было неотразимо для каждого свежего, восприимчивого человека, который только приходил в соприкосновение с нашим незабвенным педагогом-мыслителем.

Самое изложение и вообще литературная сторона в «Очерке» также не оставляют желать ничего лучшего. Остается лишь надеяться, что г. Фролков будет продолжать собирать материалы об Ушинском, пополняя

---

* Это ошибочное предположение автора опровергается перепиской Н. С. Ушинской с Я. П. Пугачевским (см. выше, стр. 228), из которой видно, что все оставленное К. Д. Ушинским рукописное наследство тщательно хранилось в его семье. а Фролков только привлекался для его разбора.

ими свой «Очерк» при каждом новом издании (в успехе этих изданий мы не сомневаемся), так чтобы со временем иметь право назвать свой труд не «Очерком», а единственно достойным памяти покойного заглавием: «Жизнь и сочинения К. Д. Ушинского, как преобразователя русского воспитания».

Я познакомился с покойным в 1860 году, в то время, когда он был всецело поглощен реформой институтской системы нашего женского воспитания, прототипом которой был Смольный монастырь с его интернатом на 700 воспитанниц. Этот рабски воспроизведенный и затем неподвижно застывший снимок с парижского Сен-Сира прошлого столетия представлял в 60-х годах, в обновительный период прошлого благословенного царствования, какой-то вопиющий анахронизм, а потому К. Д. напрягал все усилия к тому, чтобы, изменив учебную сторону заведения на современных педагогических началах, перестроить и воспитательную сторону его хотя бы настолько, чтобы она не препятствовала проведению этих начал в общем умственном, нравственном и религиозном развитии питомиц. В этом деле ему нужны были энергические и преданные делу помощники, между которыми г. Фролковым, к сожалению, не названы свящ. Головин, ныне покойный проф. Дестунис, преподававший историю, Раевский — известный составитель руководств по зоологии, барон Косинский — разрабатывающий методику математических наук, Н. Тимаев — автор исторических руководств, Массон и Лемини, учебники которых по новым иностранным языкам и до сих пор пользуются заслуженной известностью. Эти преподаватели, кроме уже названных г. Фролковым (Водовозов — словесник, Лядов — географ, Орест Миллер — словесник, Павловский — географ, Семевский — историк, Семенов — географ, Буссе — математик, Пугачевский — физик и др.), составляли дружную семью сотрудников и преданных последователей К. Д., а их заслуги для русской науки и русской школы хорошо известны у нас каждому школьному деятелю. Из женского персонала этого монастыря реформам Ушинского

сочувствовали только две, но весьма просвещенные и влиятельные инспектрисы: Е. Н. Обручева и А. К. Сент-Илер.

Несмотря на столь многочисленную когорту приверженцев, к которой и я когда-то имел честь принадлежать, почтенный реформатор имел и многочисленных врагов, которые состояли преимущественно из преподавателей и классных дам прежнего времени и которые группировались около тогдашней престарелой начальницы института М. П. Леонтьевой; самыми непримиримыми из них были: помощник Ушинского — Налетов и законоучитель о. Гречулевич, редактор пресловутого «Странника»*. У г. Фролкова совершенно обойден факт последней развязки этой напряженной борьбы, в которой К. Д., хотя и должен был покинуть поле сражения — Смольный монастырь, но имел счастье найти поддержку и покровительство в лице в бозе почившей императрицы Марии Александровны, поручившей ему отправиться за счет ведомства IV отделения заграницу и отдохнуть, заняться составлением руководства педагогики для женских учебных заведений.

Эта развязка, в дальнейших своих последствиях столь счастливая для К. Д., произошла следующим образом.

У покойного бывали так называемые четверги, в которые собирались к нему все друзья и сослуживцы, кто только пожелает. Тогда К. Д. жил в особом небольшом, но уютном сереньком флигеле, составлявшем частицу как бы целого городка, носившего общее название «Смольного монастыря». В карты не играли, но больше толковали о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, бывших тогда в полном ходу и одушевляющим образом действующих в

---

* «Странник» — церковно-религиозный журнал, основанный в 60-х годах Гречулевичем и продолжавший издаваться еще в первые десятилетия XX в. В журнале пропагандировались религиозные взгляды и подвергались обличению и оклеветанию все прогрессивные явления русской жизни.

особенности на Ушинского, да и на всех нас; но больше всего говорили и спорили, конечно, о смолянских делах, о программах, методах, о разных педагогических взглядах и системах, которыми в начале 60-х годов интересовалось вообще все образованное русское общество. К. Д. в это время был редактором «Журн. Министр. Народ. Просвещ.», приготовлял ко второму изданию свой «Детский мир» и всецело был предан педагогии. Нередко заходила речь, конечно, и о религиозном воспитании, самым горячим поборником которого был сам К. Д. Он не мог оставить без внимания того мертвящего формализма, который тогда господствовал и в преподавании религии, и в самом быте питомиц, которые весь курс закона божия учили наизусть, обязательно читали «Странник» о. Гречулевича и должны были много соблюдать постов, посещать церковные службы, творить множество земных поклонов и т. под. К. Д. находил, что подобный формализм может мертвящим образом действовать на сердца девушек и убивать в них живое религиозное чувство. Главным оппонентом в этих спорах о преподавании религии и вообще религиозном воспитании был законоучитель о. Гречулевич, который видел в подобных отзывах К. Д. как бы личное нападение на него. Самолюбие его было уязвлено. И вот однажды, в начале 1862 года, главноуправляющим ведомством императрицы Марии, принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским, пользовавшимся горячей любовью и искренним уважением и воспитанниц, и всех служащих, был получен обширный доклад начальницы института, кажется, за подписью и некоторых членов педагогического совета о том, что Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность.

На основании чисто официальных соображений его высочества принца, Ушинский был немедленно отстранен от исполнения служебных обязанностей и обязан представить объяснение по всем обвинительным пунктам, перечислять которые теперь же было бы утомительно и, может быть, преждевременно. Нет сомнения, что этот

интересный документ когда-нибудь также найдет место в печати, пока же достаточно сказать, что покойный был поражен этим событием, как громом; несколько суток, почти не вставая, писал обширное объяснение, значительно поседел и стал харкать кровью. Друзья и сослуживцы серьезно были напуганы положением неповинного страдальца, которому, действительно, угрожала беда вместе с его многочисленной семьей; но... он с сохранением всего прежнего содержания и с званием члена учебного комитета IV отделения вскоре же отправился в заграничную командировку. Продолжать прежнюю службу он, конечно, не мог и даже не желал, к удовольствию своих противников. Их цель была отчасти также достигнута: они избавились от неугомонного реформатора,— но его реформа, в главных основаниях, была не только сохранена за Смольным, но и применена также ко всем прочим женским институтам империи. Сущность ее довольно полно и верно передана г. Фролковым в его «Очерке». Память об Ушинском навсегда запечатлелась в благодарных сердцах питомиц его времени, избавленных им от того духовного и даже физического порабощения, на которые они были обрекаемы прежней системой.

По оставлении К. Д. Ушинским службы в Смольном и редакторских обязанностей по журналу «Минист. Народ. Просвещ.», в котором проводились им преобразовательные начала тогдашнего министра народ. прос. А. В. Головнина*, он с семейством переселился в Швейцарию, сперва в Веве, а потом в Интерлакен, откуда и было получено мною первое его письмо в Гейдельберг, от 12 августа 1862 года. Из 26 сохранившихся у меня писем покойного (с 62 по 68 год), полных самых горячих искренности и дружеской откровенности, можно извлечь немало таких страниц, которые вполне раскрывают внутренний мир и заветные убеждения покойного по

* Это ошибочное утверждение автора: А. В. Головнин не был министром в период, когда К. Д. Ушинский редактировал «Журнал Министерства Народного Просвещения».

разным общественным, политическим, философским и специально-педагогическим вопросам, разные отношения его к тогдашним событиям и деятелям, его сокровенные симпатии и антипатии... Здесь, среди прекрасной природы и самой мирной обстановки, впервые было приступлено им к составлению его знаменитого «Родного слова», над первой частью которого он проработал более двух лет.

Вот что, между прочим, писал он мне из Интерлакена: «О себе скажу, что провел это время гораздо хуже, чем надеялся. Здоровье мое (потрясенное вышеупомянутой мной катастрофой) против всякого ожидания, стало хуже, а недостаток деятельности и людей, к которым я привык, не могла мне заменить прекрасная природа Швейцарии. Я отдохнул душой только по приезде Якова Павловича Пугачевского, — дай бог ему здоровья! А теперь принялся за труд, и мне легче. Пишу покуда детскую книжку (здесь разумеется «Родное слово»); этот труд не превышает слабых сил моей расстроенной души. Если немного станет полегче, примусь за педагогику (т. е. за руководство к ней). Заведений я осмотрел еще очень мало, но как только кончу пить сыворотку, так и поеду по Швейцарии, впрочем — в два, три города не более. Что видел, то недурно, но не оправдало моих ожиданий: какая-то усталость заметна во всех, а многое еще следовало бы сделать... До зимы я побываю в Гейдельберге (я звал туда К. Д.), и если мне понравится и медицина разрешит, то поселюсь в нем на зиму.

Завидую Вам, что Вы живете в одном городе с Ник. Ив. Пироговым и часто с ним видитесь: для него одного стоит переселиться на зиму в Гейдельберг! Я никогда не видел этого человека, но едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважал бы более» и проч.

Н. И. Пирогова покойный знал преимущественно по его «Вопросам жизни» и по его плодотворной административно-педагогической деятельности в должности попечителя сперва Одесского, а потом Киевского учебных округов, а в своих письмах он неоднократно делает

о нем, особенно после личного знакомства с Н. И., самые восторженные отзывы. В письме из Веве от 3 ноября того же года, по поводу сообщенного мной известия о поездке нашего гениального хирурга в Италию, с целью извлечь пулю из той раны Гарибальди, которою были куплены единство и свобода Италии, Ушинский говорит: «Поступок Н. Ив. не мог увеличить моего уважения к нему только потому, что более уважать кого-нибудь, как я его уважаю, нельзя. Как бы я был счастлив, да, вероятно, и все порядочные русские люди, если бы эта поездка принесла действительную пользу итальянскому герою. Я даже не ожидаю, чтобы за это царь надулся на Ник. Ив.; каждый, вероятно, поймет, сколько благородства в этом поступке; а впрочем, таким людям, как Николай Иванович, нечего и думать об этом. Как бы мне хотелось видеть этого человека и познакомиться с ним,— вы, конечно, догадываетесь; но много было обстоятельств, которые не позволили мне на зиму перебраться в Гейдельберг».

Редактирование «Журнала министерства нар. просв.» от Ушинского перешло к его бывшему помощнику по редакции — Ю. С. Рехневскому, а потому К. Д. продолжал не только интересоваться ходом и направлением журнала, но и был деятельным его сотрудником, да и меня постоянно уговаривал продолжать работать для журнала. Осенью 1862 г. в нем печатались письма К. Д. о швейцарских школах, которые тогда имели тем больший интерес, что о Швейцарии у нас ничего не знали еще со времен Песталоцци... В нашем Министерстве народн. просв. А. В. Головниным был, также впервые со времен Екатерины II, поднят вопрос о народно-учительских семинариях, первый проект которых был выработан честнейшим тружеником и поборником народного образования А. С. Вороновым и напечатан в октябрьской книжке журнала. К. Д., уже успевший ознакомиться с устройством и деятельностью швейцарских семинарий, из которых ему особенно понравилась Кюснахтская, ясно видел недостатки этого кабинетного труда Воронова. «Теперь только я прочел,— пи-

сал К. Д. в том же письме,— этот проект* внимательно и теперь только увидел, что это за нелепая вещь — просто набор фраз!... Сначала я очень испугался, чтобы не утвердили такую штуку и не привели бы ее в исполнение; но потом, вчитываясь еще поглубже, успокоился: нельзя его привести в исполнение; он неисполним, а потому и безопасен. Он вреден только тем, что время уходит, а ничего порядочного не делается».

В заграничный период жизни Ушинского, его интерес к русской школе, к делу народного образования, можно сказать, разгорался еще сильнее, чему, конечно, немало содействовал и тот контраст, какой представляла западная народная школа с нашей, находившейся тогда (да, пожалуй, и теперь) еще в зачаточном состоянии. Но, при всем неудовольствии настоящим, нашего благородного печальника за русскую школу не покидала надежда на светлое ее будущее, за которое, казалось, ручался весь преобразовательный характер тогдашнего периода. «Теперь именно настает время,— продолжает К. Д. в том же письме,— когда России всего более нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные,— и много, много школ нам нужно! Иначе и свобода крестьян, и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, какую могли бы принести эти истинно великие шаги вперед». В одной швейцарской газете прочел я, после брани на Францию, Пруссию и разных немецких князьков: «одна только Россия идет твердыми и быстрыми шагами к прогрессу и делает дела на столетия!» Я нашел, что если это не совсем, то немножко правда; но школу, народную школу дайте ей — и тогда, лет через тридцать станет она на прямую дорогу. Вас ждет, господа, лучшее время, чем то, в которое мы

* Здесь в изложение автора определенно вкралась какая-то путаница: а) проекты учительских семинарий разрабатывались гораздо ранее, и одним из таких проектов был проект Ушинского, напечатанный в «Журнале Министерства народного просвещения» (1861, № 2, 3); б) в переписке с Ушинским речь идет не о проектах учительских семинарий, а проекте народных училищ, разрабатывавшемся в ученом комитете Министерства народного просвещения под руководством его председателя А. С. Воронова.

бились, как рыба об лед. Готовьтесь же с любовью, с увлечением к тому великому поприщу, которое вас ожидает»...

Будучи глубоко русским человеком, Ушинский также был в полном смысле «западником», хотя и относился строго критически к западной науке и образованности вообще, а к западной школе — в особенности, немецких же педагогов даже недолюбливал, за их, нередко, слишком сухой педантизм и излишнюю, чисто кабинетную теоретичность. Тогдашние журнальные споры о нарождавшейся русской народной школе сильно занимали К. Д., которому из его «прекрасного далека» были как бы виднее все увлечения наших крайних народников и почвенников, не только задававшихся вопросом: нужна ли русскому народу грамотность, но и решавших этот странный вопрос в совершенно отрицательном смысле. Вот что покойный, между прочим, писал мне, в том же цитированном уже письме от 3 января 1862 г. «То, что принес мне Сент-Илер (Карл Карлович — наш известный педагог) из русского педагогического мира, мало утешительно: видно,— «Кто в лес, кто по дрова». Хотят чего-то особенного от русской школы, не понимая того, что законы души и ее развития везде одинаковы. Народность нужна, необходима: но она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а «до горы ногами» — по малороссийской поговорке. Ради бога, не думайте, что великие просветители человечества жили для России даром и что нам все следует начинать снова: этак вместо открытого судопроизводства, проект которого не чета проекту училищ, следовало бы выдумать какое-нибудь запертое и запечатанное». Писавши эти строки, наш ученый педагог, конечно, и не подозревал, что несколько лет спустя в литературе русской будет воздвигнуто, под предводительством романиста гр. Л. Н. Толстого, целое гонение на европейскую* постановку дела в нашей народной школе

* Автор дает здесь неправильную оценку полемике, возгоревшейся в 70-х годах XIX в. по поводу статьи Л. Н. Толстого

и что голоса этих гонителей европейских начал в деле народного образования впоследствии будут раздаваться еще громче, чем в его время первых робких шагов на этом новом поприще. До Ушинского у нас не было педагогии в европейском смысле, а потому и не удивительно, что проект судебной реформы удался тогда гораздо более, чем проект народных училищ, над правильной организацией которых в России серьезно не задумывались со времен Бецкого и Янковича. Литературные труды Ушинского, а в особенности его «Педагогическая антропология», навсегда останутся тем краеугольным камнем в деле воспитания на всех его ступенях, с которого можно, пожалуй, пошатнуть, но никак не сдвинуть нашу народную школу. Сила научной истины — самая прочная и надежная сила, против которой, рано или поздно, должны будут отступить даже самые яростные враги европейско-русской школы.

Болезнь задержала К. Д. в Швейцарии долее, чем он сам того желал, и он, выдержав курс виноградного лечения в Веве и осмотрев в отечестве Песталоцци все, что было наиболее интересного в педагогическом отношении (особенно заинтересовался К. Д. знаменитой школой Фрёлиха в Берне), давно уже порывался перебраться в Германию, которая для него была еще terra incognita. Изучение ее школ стояло все еще на очереди. В письме из Веве от 6-го января 1863 года он писал мне следующее: «Я прохворал довольно долго, простудившись на возвратном пути из Женевы, а потом был занят оканчиванием известной вам книги (здесь разумеется опять «Родное слово»), которую опять переделал с начала до конца и все еще не окончил! Спешу потому, что в начале марта думаю снова пуститься в объезд и — уже по Германии, а в мае придется и в Петербург, откуда,

«О народном образовании», напечатанной Н. А. Некрасовым в журнале «Отечественные записки»: Л. Н. Толстой протестовал не против европейской постановки учебного дела, если понимать под этим термином научную постановку обучения, а против слепого подражания европейской педагогике, против вульгаризации методов учебной работы, принижавшей умственные способности ребенка и задерживавшей его умственное развитие.

впрочем, я думаю опять воротиться и проч.». Эта переделка «Родного слова» предпринималась Ушинским еще много раз, по мере того, как он обогащался новыми и новыми опытами и наблюдениями в заграничных начальных школах, и по мере того, как он вдумывался и вчитывался в русскую народную литературу или делал опыты обучения над собственными детьми. Г. Фролков совершенно справедливо замечает в своем «Очерке», что у покойного иная статья или глава из корректуры, которую он почти всегда держал сам, нередко выходила совершенно иною, чем она была в рукописи. Я сам был свидетелем того же творческого процесса, когда К. Д. работал над «Родным словом» в Веве и Гейдельберге, где он прочитывал мне, как гостю, некоторые места и тут же радикально переделывал их. Обилие новых и новых мыслей постоянно как бы препятствовало известному труду окончательно вылиться в одну определенную форму. Автор был постоянно недоволен собою и своим произведением. Это подтверждается и следующей выпиской из того же письма покойного ко мне: «читали ли вы мои письма (о швейцарских школах) в «Журн. министерства народ. просв.» и как они вам показались? Я получил их оттиски, просмотрел и нашел, что они вышли гораздо лучше, чем я ожидал. Если бы они печатались при мне, то они не были бы так растянуты. Однако, я доволен и тем, что в них найдут много полезного те преподаватели, которые захотят улучшить свой способ преподавания, а это — главное, потому что иметь влияние на сильных мира сего нечего и думать. Пиши там, что хочешь, а они все-таки распорядятся так, как сложатся обстоятельства и как натолкуют ближайшие». Впрочем, последний отзыв о «сильных мира сего» надо объяснить только особенной скромностью К. Д., ограничивавшего все свои желания влиянием на скромную учительскую среду. Тогдашний министр народного просвещения А. В. Головнин высоко ценил талант, познания и организаторские способности Ушинского, делал ему много весьма лестных предложений, о которых К. Д. сам упоминает в письмах ко мне и от которых он

постоянно отказывался, по приобретенному опытом недоверию к службе и к чиновничьей карьере вообще.

Многие считали покойного Ушинского человеком слишком кабинетным, а потому и мало практичным в жизни. Это несправедливо. Он всегда, и в особенности заграницей, крайне тяготился одиночеством, хотя и был окружен семьей, состоящей из жены и пятерых прекрасных деток. Ему постоянно нужны были люди, с которыми он мог бы иметь живой обмен мыслей и которых ему не могла заменить обширная переписка его с прежними друзьями и сотрудниками. Так, в Швейцарии он был чрезвычайно рад знакомству с весьма умным и просвещенным старцем — статс-секретарем Позеном, с которым виделся каждый день и много толковал о положении дел в России. Знакомство с Варенцовым[a], бывшим сперва профессором в Казани, а впоследствии — окружным инспектором в Одессе, также весьма оживило и утешило К. Д., который сразу сошелся с этой светлой личностью. В это время в Одессе еще готовились к открытию университета, о чем особенно хлопотал Варенцов, который и Ушинского уговаривал перенести свою ученую деятельность в этот новый рассадник науки и снова взяться за преподавание философско-юридических предметов. К. Д. хотя и не мог уже свернуть с избранного им научно-педагогического пути, но весьма заинтересовался судьбою будущего университета, а еще более — светлой личностью самого Варенцова, который зиму 1863 года проводил в Гейдельберге и успел здесь образовать вокруг себя кружок молодых русских с правильными еженедельными собраниями, на которых читались ученые статьи, исследования, сообщения, отзывы о новых книгах и т. под., причем нередко возникали оживленные прения.

«Что Варенцов? — спрашивал меня К. Д. в том же письме.— В Гейдельберге ли он и могу ли я найти его

---

[a] Бывшие друзья и почитатели В. Г. Варенцова давно озабочены составлением его биографии, для которой имеющиеся у меня письма покойного также могли бы представить интересный материал.

в марте? Это необыкновенно симпатичная личность, и видев его раз, нелегко потом забудешь. Где бродит Сент-Илер и будет ли еще в Гейдельберге Пирогов ко времени моего приезда? Не хотелось бы выехать из-за границы, не видав этой личности, о которой так много думалось и которой так много сочувствовалось». Вообще К. Д. всегда искал общения с людьми и всегда умел находить в них те хорошие стороны, которые могли служить нравственной связью между ним и его знакомым; этим, конечно, много объясняется и обаятельность его собственной личности, и сила его нравственного влияния на окружающих.

Работая над педагогией, усердно изучая практическую сторону западноевропейской школы, Ушинский внимательно следил и за политической жизнью Европы. Русская заграничная пресса также не могла не интересовать его многосторонний ум, но, судя по его отзывам о ней, мало удовлетворяла его взглядам...

...Летом 1863 года К. Д. один ездил в Петербург для устройства своих служебных и литературных дел, виделся неоднократно с министром А. В. Головниным, весьма дорожившим его советами, побывал в Малороссии с хозяйственными целями и в конце лета возвратился к оставленному им семейству, устроившись с этого времени в Гейдельберге, откуда в начале августа я имел радость получить его письмо с интересными новостями о положении дел в министерстве и наших общих друзьях. Я в это время был уже в Иене, где тогда процветал известный институт проф. Стоя. К. Д. весьма интересовался этим образцовым заведением и был намерен определить в него своего старшего сына Павла, столь безвременно погибшего впоследствии (см. «Очерк» г. Фролкова). Он желал доставить мальчика в Иену именно к тому времени, когда Стоевский институт отправится в свое обычное путешествие пешком, для которого на этот раз была избрана Тюрингия по направлению к Вартбургу. Школьное путешествие мальчуганов с походными ранцами, с привалами у горных ручьев и с ночлегами по деревням, с ботаническими ко-

робками и геологическими молотками, с путевыми журналами и охотничьими песнями,— все это заключало в себе столько развивающих и укрепляющих условий для юношества, что К. Д. от души желал для своего Паши удовольствие начать свою институтскую жизнь именно этим путешествием. К сожалению, мальчику не пришлось поспеть во-время, и он был определен к проф. Стою лишь в начале 1864 года, до того же времени стал посещать Гейдельбергский лицей, по объяснению К. Д., главным образом, для изучения латинского и немецкого языков.

Здесь кстати заметить, что Ушинский вовсе не был противником классической системы и даже сам положил основания латыни в образовании своего Паши, тем не менее, впоследствии, когда у нас была принята классическая система среднего образования на началах гр. Д. А. Толстого, он настолько возмущался ею, что никак не желал отдать сына в классическую гимназию и предпочел ей военную.

Перебравшись в Гейдельберг, К. Д. имел, наконец, возможность привести в исполнение свое давнишнее желание — воочию видеть немецкую школу, с которой он был знаком преимущественно из книг и других отзывов. «Завтра,— пишет он мне в конце августа,— я пускаюсь в педагогическую поездку через Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Вейсенфельс, прибуду и в Веймар (для проезда ко мне в Иену), но самая сложность поездки не дает мне возможности определить с точностью время моего прибытия» и проч. К несчастью, надломленное здоровье и на этот раз помешало Ушинскому выполнить весь план поездки. Уже от 3-го сентября я получил от него письмо, в котором он, извиняясь, уведомляет, что «на пути из Мюнхена в Лейпциг простудился и в Галле так захворал-было, что сел в вагон и продрал прямо домой». Передавая впечатления о своей экскурсии по немецким школам, он не без удивления говорит следующие похвалы католическим заведениям: «Мне удалось проникнуть в католические женские училища и женские их семинарии. Некоторые очень недур-

ны, особенно в Аугсбурге, в монастыре св. Урсулы. Здесь frau priorin Aquinata и ее ученицы-монахини просто очаровали меня. Понятия отличного педагога, с самым свободным образом мыслей и действий — в монахине с ее странным белым костюмом, в монахине, говорящей с посетителем не иначе, как через решетку,— все это долго не могло уместиться у меня в голове». И однакоже, уместилось — добавим мы, так как в Ушинском, при всей глубине и стойкости его взглядов, не было ни доктринерства, ни закоснелых предубеждений, которых вовсе не следует смешивать с убеждениями. Благодаря широте своего ума и честности сердца он всегда готов был отдать должное каждому, признать светлую сторону даже там, где менее всего ожидал найти ее; истинная человечность, а отсюда — чуткая отзывчивость на все, что носило на себе хотя бы зачатки добра, истинной красоты, составляли главную характерную черту в этом человеке, который по праву мог стать, хотя теоретически, во главе русского педагогического дела, чтобы не только своими светлыми идеалами, но и собственным примером, самой личностью своей освещать трудный путь каждому школьному деятелю на Руси.

Долгое пребывание заграницей, куда обыкновенно так рвутся праздные русские люди, вообще тяготило К. Д. Ушинского, который, несмотря на все свои неудачи и страдания на службе, все-таки жил одной жизнью с родиной и, изучая педагогическую литературу и школу Запада, весь остаток своих надломленных сил посвящал интересам родной страны. В письме из Гейдельберга от 11-го ноября он сетует, что получает мало писем из России, и, прося меня поделиться с ним известными мне новостями, добавляет: «Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные связи мои с Русью порвутся, и останусь я где-нибудь в Ницце или Женеве, как островок, затерянный посреди океана...

Да, вот одна грустная новость! Помяловский помер. В новом номере «Современника» был и некролог приложен. Живо представился мне этот голубоглазый, бледный молодой человек — ему не было еще и 30 лет. Несчастливится «Современнику». Из этих немногих слов ясно видно, что Ушинский горячо сочувствовал молодым и талантливым представителям тогдашнего нового направления и в жизни, и в литературе; а потому отзыв, сделанный об Ушинском (в сентябрьской книжке «Вестника Европы» по поводу того же биографического его очерка), как о человеке, не понимавшем нового направления, крайне несправедлив и только доказывает, насколько личность его еще мало знакома даже тем, кто берет на себя ответственность произнести приговор над этим замечательным нашим деятелем. К. Д. не разделял лишь крайних увлечений современной молодежи, не допускал беззаветного отрицания всего, что всегда было и будет свято для человечества: он желал России мирного прогресса «без ненавистей», и особенно любил народ, вовсе не будучи модным «народником»... Относить Ушинского, по его взглядам, убеждениям и идеалам, исключительно к 40-м годам, как это делает «Вестник Европы», так же крайне несправедливо, и достаточно опровергается уже сделанными нами выписками. Еще много сроков пройдет, а эти идеалы, всецело раскрыть которые когда-нибудь постарается его будущий биограф, будут наверное живы и свежи для русского молодого поколения, делу воспитания которого он посвятил самые зрелые годы своей жизни.

«У Пирогова бываю по субботам,— продолжает он в том же письме,— заглядываю в читальню (устроенную русскими в Гейдельберге); но больше сижу дома; пишу понемногу, уже окончательно переписываю свою книжонку (здесь также разумеется «Родное слово»), после которой сделаю прощальный поклон детской литературе,— а более читаю, погружаясь в неисчерпаемые глубины немецкой философии; а книги то и дело подваливают мне не один, а целых три гейдельбергских книгопродавца, так что я в последний раз даже выругал

носильщика, но, конечно, по-русски, на что он мне улыбнулся любезнейшим образом...».

Нападения тогдашних «Москов. ведомостей» на наше Министерство народ. просвещ. за его якобы реализм, который тогда некоторые публицисты приравнивали к нигилизму, крайне раздражали К. Д., и он даже написал статью против г. Каткова, кажется, для «Голоса», и еще летом читал ее мне. Статья была крайне сильная и резкая, и как и все полемические статьи и даже простые споры Ушинского с собеседниками, и я долго, но тщетно ждал ее появления, пока в том же письме он не разъяснил моего недоумения: «вы, вероятно, спросите, что же о статье промалчиваю я? Увы, она и до сих пор лежит в ящике: прочитал еще раз и раздумал посылать. Катков и сам знает, что он... и все, даже поклонники его, в глубине души в том уверены, что же я за дурак, чтобы говорить то, что всем известно? Терпеть не могу печатной полемики и тем еще раз доказываю, что «не от мира сего есмь». Кстати, его уж и бранят в «Современнике»; не поздоровится же Воронову (Андрею Степановичу) от таких защитников»... Насколько взгляды К. Д. на необходимость реальных знаний для России были верны, доказывается уже тем, что ныне само наше правительство приняло на себя заботу о распространении в массах практических прикладных знаний, могущих содействовать улучшению народного труда, расширению и усовершенствованию производительных сил России. Реальные знания, за которые 20 лет тому назад приходилось вести еще принципиальную борьбу, в настоящее время оказываются самыми необходимыми, а повсеместное учреждение профессиональных школ поставлено на ближайшую очередь. Понятно, что Ушинский даже стыдился борьбы с такими противниками, которые умышленно отожествляли реализм в образовании русского юношества с нигилизмом.

Впрочем, в следующем письме от 19-го ноября К. Д. приводит и другие мотивы, по которым он уклоняется от спора с защитниками классицизма, подозревая, что этот спор вовсе не имеет в виду педагогической стороны

дела, а преследует какие-то другие, скрытые цели. «На другой день по выезде вашем (из Гейдельберга),— пишет он мне,— прислал мне Ник. Ив. Пирогов статью из «Голоса», из коей я усмотрел, что между министерством и Катковым идет какая-то тайная борьба, причин которой мы не знаем, а можем только догадываться, что Катков нападает на партию... Впутываться в спор, которого не понимаешь, и смешно, и может оказаться очень глупым... Пирогов тоже не советовал мне вмешиваться в непонятный спор. Катков громко требует свободы печати, чтобы обнаружить ловких людей и их польские замыслы. Тут сам чорт ногу сломит». Переходя к более интересовавшим тогда К. Д. педагогическим вопросам, он добавляет: «переделываю слегка русские сказки и немецкие рассказы на лад русских сказок. Действительно, некоторые русские сказки — просто прелесть. Поэзии и здравого смысла — бездна! Я только теперь разнюхал, что это за сокровище для детской литературы. Меня обратили к ним мои же дети — вопросами и замечаниями: они же показали мне, что и переделать нужно».

Этим увлечением народной поэзией отчасти объясняется то обилие сказок, песен, пословиц, загадок, поговорок и тому под., которыми столь изобилует особенно первая часть «Родного слова»; кроме того, Ушинский оправдывал такой подбор статей еще и тем соображением, уже чисто педагогического характера, что названный учебник предназначался им исключительно для семейного употребления, и притом — в семействах преимущественно дворянско-городских, дети которых лишены самой возможности непосредственно наблюдать русскую народную жизнь и родную природу. Наш педагог думал, что этот существенный пробел может быть хотя отчасти восполнен книгой и картинкой. Для народной школы, куда впоследствии попало «Родное слово», а тем более для школы инородческой, оно никогда не предназначалось. Это ... явствует из самого содержания его: самый перечень дворянских игрушек на первых же страницах книжки, опи-

сание квартиры с кабинетом отца; детские воспоминания о рождестве и пасхе; вся обстановка описываемой жизни (платье, обувь, пища и т. п.), — все это носит на себе характер городской и далеко не простонародный. Предназначай Ушинский свою книгу для народной школы, он не стал бы уснащать ее сказками и побасенками, по пословице: «нечего дрова в лес носить». Такой здравомыслящий педагог, как К. Д., никогда не стал бы задаваться нелепой мыслью — развивать народные чувства в детях народа, или заставлять деревенских ребят знакомиться с сохой или бороной, и не автор виноват, если книга его попала не на свое место.

Не могу не вспомнить еще об одном, хотя и менее крупном недоразумении с «Родным словом», на первых же порах после его появления, когда счастливый автор был буквально засыпан благодарственными письмами, адресами, личными заявлениями от начальных учителей и учительниц и родителей за его подарок начинающим учение детям. К. Д., с которым мы тогда жили вместе (Фурштатск. ул, д. Кононова), был даже удивлен эффектом его книги; но прошло 2—3 месяца, как он стал получать самые печальные и даже дерзкие заявления от тех же лиц, упрекавших его в том, что он обманул ожидания и их, и детей, так как книжки, предназначенной на весь первый год, едва хватило на несколько месяцев, и далее она оказалась ненужной ни учащим, ни учащимся. Надо было видеть огорчение почтенного педагога, которому сразу была ясна причина такого недоразумения. Дело в том, что в половине 60-х годов в нашем обществе, как я уже упоминал, было всеобщее одушевление педагогическим делом, задачей развития детей, желанием ознакомить их скорее чуть ли не с последними выводами науки,— между тем, знакомства с методикой не было ни малейшего, даже у специалистов по профессии. Когда «Родное слово» было быстро раскуплено по школам и семействам, на него накинулись как на новинку; все картинки были живо пересмотрены, сказки прочитаны; загадки разгаданы — и книжка действительно утратила всякий дальнейший интерес, как

новая игрушка для маленьких детей. Между тем, вся именно деловая, серьезная сторона книжки, заимствованная автором преимущественно от швейцарского педагога Шера (по крайней мере, в общей системе упражнений)*, все формальные и практические цели обучения и развития, понимание которых возможно хотя при некотором знакомстве с психологией и логикой, этими хотя восторженными, но неудачными последователями Ушинского были оставлены без внимания; в большинстве случаев, они не только не понимали, но даже и не подозревали ни этих педагогических целей, ни дидактических средств к их достижению, а потому и не знали, что делать с «Родным словом» далее картинок и загадок. Это грустное обстоятельство и побудило К. Д. как можно скорее приступить к изданию своего «Наставления учащим», как пользоваться книжкой, после которого и все дальнейшие продолжатели, соревнователи, соперники и даже контрафакторы Ушинского, издавая свои начальные книги для чтения, стали непременно снабжать их «Наставлениями», хотя ни тогда, ни после не могли убить значения «Родного слова», пустившего столь глубокие корни в нашей начальной школе. Автор построил свой труд на известной, строго обдуманной педагогической идее и провел ее систе-

---

* Замечание Л. Н. Модзалевского о заимствованиях, сделанных К. Д. Ушинским у Шера, может дать неправильные представления о действительных отношениях К. Д. Ушинского к Шеру. Признавая необходимость и целесообразность заимствования передового опыта, в какой бы стране этот передовой опыт ни был обнаружен, и высоко ценя значение Шера в истории швейцарского образования, Ушинский в то же время решительно отрицал механическое перенесение какого бы то ни было опыта в русскую школу. О своих действительных отношениях к Шеру лучше всего рассказал сам Ушинский (т. VI, стр. 272—3). Он писал, что метод обучения чтению и письму, разработанный Шером, «отлично вводит в полное понимание этого процесса, но на практике многое в этом методе слишком систематично и может быть с пользой выпущено. Самые условия нашего языка не позволяли мне слишком близко придерживаться германских метод».

матически от начала до конца: в этом именно заключается сила его учебника, которой не могли сломить никакие ухищрения спекулянтов, ни даже сама высшая учебная администрация, еще в 1865 году объявившая «Родное слово» зловредной книгой [a]. Его распространение, даже в инородческих школах, не только не уменьшилось, но с каждым годом возрастало и не прекращалось вплоть до наших дней. Остается только пожалеть, что К. Д., занятый последние годы своей жизни исключительно своей педагогической антропологией, третьего тома которой он также не окончил, не успел привести в исполнение давнишнего своего желания переработать «Родное слово» собственно для народных школ.

Ограничившись некоторыми выписками из 10-ти первых писем ко мне незабвенного К. Д. Ушинского, я в настоящее время не считаю более возможным продолжать знакомство с ними читателей «Кавказа», тем более, что многие из суждений, взглядов, отзывов и приговоров покойного или носят чисто специальный характер, или неудобны для современной печати по своей полной откровенности, а иногда и резкости, в особенности по отношению к многим нашим, еще живым деятелям.

Мне хотелось только показать, как мало еще уяснена в нашей литературе нравственная личность Ушинского, о котором нередко приходится слышать и читать самые несообразные отзывы. Это был человек идеи прежде всего, идеалист в лучшем смысле этого слова: помимо науки и религии, он не допускал возможности истинного прогресса ни для русской школы в частности, ни для России вообще. Для доказательства той глубины и основательности, с которыми он относился к педагогическому делу, приведем еще одну и последнюю вы-

---

[a] «Вестник Европы» в той же сентябрьской книжке утверждает, что Ушинский был понят и оценен еще при жизни. Приводимый нами факт, упоминаемый и г. Фролковым, о преследовании учебника Министерством народ. просвещ., достаточно опровергнет мнение почтенного журнала.

писку из его письма из Веве, от 30-го марта 1866 года, в котором он высказывается по горячо поднятому в нашей печати, тогда очередному вопросу об учительских семинариях. «Вы знаете,— пишет он,— мои убеждения насчет семинарии, и хотя эти убеждения не нашли себе отзыва у нас, но я, тем не менее, остаюсь при них и думаю, что у нас прежде всего недостает педагогической идеи, из которой, как из здорового корня, могли бы развиваться все педагогические улучшения; а плодовитая педагогическая идея, по моему мнению, может быть развиваема только в университетах на прочном основании науки. Вековой традиции, которая, главным образом, ведет дело на Западе, у нас нет; да и идей, основанных на научном сознании, тоже нет; а потому я полагаю решительно невозможным образование у нас в настоящее время действительно хороших учительских семинарий, но это, конечно, не мешает учреждению необходимых школ для тренировки в дидактической практике, и устройство таких школ всего ближе, конечно, должно определяться назначением учителя: если он будет только учить читать и писать, то и следует прямо приучать его к этому нехитрому ремеслу, а если для этого выбирается еще определенный учебник, то дело еще более упрощается».

Этой философско-педагогической идеи наши университеты, как известно, не выработали и для педагогической литературы ничего не дали за последние 15 лет, т. е. с того времени, когда были писаны вышеприведенные строки. По средним учебным заведениям наше министерство пыталось только заменить эту идею бесчисленными параграфами инструкций и вообще мертвой регламентацией живого учебно-воспитательного дела. Таким образом, единственным представителем научной педагогии у нас до сих пор остается один Ушинский, влияние которого можно ясно видеть во всех трудах наших лучших педагогических писателей, составителей руководств, учебников и вообще во всей литературе, обнимающей круг элементарного образования. Те задачи, которые были поставлены в знаменитых «Вопросах

жизни» на-днях сошедшего в могилу Н. И. Пирогова, были научно разрешены одним Ушинским, который, поэтому, может быть по праву назван его последователем и главнейшим представителем, отцом русской педагогии. Мы твердо убеждены, что чем далее будет развиваться наша педагогическая литература и чем более будет совершенствоваться русская школа, тем более должно расти и значение К. Д. Ушинского, вдохнувшего идею в русское воспитание и указавшего ему путь к бесконечному развитию на тех же физико-психологических, или, вернее, антропологических началах, на которых оно уже установлено у образованнейших народов.

Таким образом, издание полной биографии К. Д. Ушинского и полного собрания его сочинений становится крайне необходимым у нас для скорейшей установки всего русского воспитания на незыблемых научных основаниях.

Е. Н. Водовозова

К. Д. УШИНСКИЙ В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ *

Из глухого деревенского захолустья я попала в институт, который был в ту пору закрытым интернатом, отделенным высокими стенами от всего человеческого, где одно женское поколение за другим, изолированное от всего живого, воспитывалось, как будто нарочно, для того, чтобы не понимать требований действительности и своих обязанностей, и оканчивало курс образования, не приобретая ни самых элементарных знаний, ни мало-мальски правильных воззрений на жизнь и людей, что я и описываю во второй части «Воспоминаний».

Я воспитывалась в Смольном не только тогда, когда в него не проникала ни одна человеческая мысль, когда в него не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями; при мне в его стенах, в качестве инспектора, появился К. Д. Ушинский, что и дало мне

* Водовозова Елизавета Николаевна (1844—1923), бывшая ученица Ушинского, на себе испытавшая силу его педагогического влияния, в 1911 г. издала воспоминания о своей жизни, в том числе и о Смольном институте и о работе Ушинского в этом учебном заведении, под заглавием «На заре жизни» (воспоминания переизданы в 1934 г. издательством Academia). Несмотря на то, что воспоминания получили литературно-художественную обработку, они не потеряли характера непосредственных и живых впечатлений, ценных именно своей правдивостью, даже если признать в них наличие некоторой идеализации образа Ушинского, неизжитой с институтских лет. Именно поэтому раздел книги Водовозовой, посвященный работе Ушинского в Смольном, здесь перепечатывается почти полностью.

возможность представить, как этот величайший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании. В очерках об институте за это время я описываю, как под влиянием реформ Ушинского, его замечательной личности и выдающегося ума постепенно начали меняться мировоззрения, стремления и мечты институток.

1. СМОЛЬНЫЙ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМ

Назначение Ушинского инспектором классов.— Его отношение к бывшим учителям.— Его преобразования и вступительная лекция

В самом начале 1859 года разнеслась молва, что инспектором классов в Смольном, на Николаевской и Александровской половинах, назначен Константин Дмитриевич Ушинский. Если бы кто-нибудь сказал нам тогда, что этому человеку суждено не только пошатнуть устои двух огромных институтов, незыблемо покоившиеся на основах безнравственной нравственности, ханжеской морали и рутинных схоластических приемов преподавания, и в корне изменить взгляды и мечты институток, мы, воспитанницы, ни за что не поверили бы этому. Перед появлением у нас Ушинского нам никто ничего не рассказывал о нем, а мы сами мало интересовались инспекторами вообще. Инспектор должен был наблюдать за преподаванием наших учителей, замещать их новыми, если кто-нибудь из них выбывал из строя, но это случалось лишь вследствие смерти или продолжительной болезни кого-либо из них, да и такие права его были скорее фиктивными. Наша всесильная начальница Леонтьева давно забрала в обоих институтах всю власть в свои руки и всегда действовала по своему личному усмотрению: ни один учитель не мог проникнуть к нам или оставаться у нас, если он

ей не нравился. Не имея ни малейшего представления о просвещенном абсолютизме, Леонтьева управляла двумя институтами, как монарх, не ограниченный никакими законами, по образцу восточных деспотов. Все отношения инспектора к воспитанницам состояли в том, что он от времени до времени посещал урок того или другого учителя и присутствовал на экзаменах.

Когда однажды у нас только что кончился какой-то урок и мы уже направились было к двери, чтобы выйти из класса, в него вбежал, буквально вбежал, среднего роста худощавый брюнет, который, не обращая внимания на наши реверансы и нервно комкая свою шляпу в руках, вдруг начал выкрикивать: «Ведь вы же здесь специально изучаете нравственность, а не знаете, что портить чужую вещь духами или другою дрянью неделикатно!.. Не каждый выносит эти пошлости! Наконец, почем вы знаете... может быть, я настолько беден, что не имею возможности купить другую шляпу ... Да куда вам думать о бедности! Не правда ли ... ведь это, fi donc, совсем унизительно!» И с этими словами он выбежал из класса.

Мы были так ошеломлены, что стояли неподвижно. И было отчего: хотя классные дамы ежедневно осыпали нас бранью, упреками и намеками на что-то гнусное с нашей стороны, но от мужского персонала, от наших учителей и инспектора, мы никогда не слыхали грубого слова. Для этого не было ни малейшего повода. Наши учителя редко вызывали плохих учениц, а хорошие твердо учили свои уроки. Если воспитанница не знала урока, ей ставили плохую отметку, и этим ограничивались все неприятности между учителями и нами. Учителя и инспектор обращались со всеми весьма вежливо. Что же касается вступления нового инспектора в институт (это случалось крайне редко), то он обыкновенно торжественно входил в класс в сопровождении инспектрисы. При этом она произносила по-французски: «monsieur, — рекомендую: воспитанницы такого-то класса», а обращаясь к нам,— «mesdemoiselles: ваш новый инспектор». Мы чинно приподнимались со

скамеек, кланялись и выслушивали несколько фраз нового инспектора, правда, стереотипных, но в чрезвычайно вежливой форме, в которых высказывалась уверенность, что мы своими успехами заставим его всегда вспоминать о проведенном с нами времени как о самом приятном для него. Затем начинался урок, во время которого учитель вызывал самых лучших воспитанниц, а инспектор старался ободрить конфузившихся и в конце концов высказывал, как он удивлен нашими успехами и хорошею подготовкою. «А это что за инспектор? Не успел появиться,— и уже осмеливается орать на нас, взрослых девушек, как на базарных мужиков! Наконец, даже не мы это сделали! Вероятно, кто-нибудь из другого отделения... А если бы и мы? Неужели такое преступление облить шляпу духами? Мы всегда так делали, и порядочные мужчины были только польщены этим! Какой-то невоспитанный, некомильфотный!.. И как приличны с нами эти разговоры о бедности!..» — рассуждали мы. Но долго останавливаться над этим вопросом не пришлось: раздался колокол, призывавший нас на урок немецкого языка.

За солидным немцем, отрастившим себе порядочное брюшко и неторопливо приближавшимся к скамейкам, нервною и стремительною походкою вошел в класс Ушинский. Он поклонился, попросил воспитанниц, сидевших на последней скамейке, подойти к его столу и приказал одной из них открыть книгу, но не на том месте, где был заданный урок, а на несколько страниц вперед, и переводить. «Мы этого еще не учили ...» — получил он в ответ. Но Ушинский заявил, что он желает знать, как воспитанницы переводят à livre ouvert. Из страницы, прочитанной каждою, одна могла перевести два-три слова, другая — несколько больше, а третья решительно ничего не знала. Когда же он предложил передать по-русски своими словами только что прочитанное, ни одна из нас ничего не могла ответить, никто не понимал даже, о чем идет речь.

На вопрос, сделанный учителю, сколько у нас в неделю уроков немецкого языка и сколько лет мы

учимся, он отвечал, что уже шестой год и что мы имеем по два урока в неделю. На это инспектор заметил:

— Вычитая каникулы и бесконечное число праздников, воспитанницы учатся, во всяком случае, не менее месяцев семи, следовательно, в году имеют, по крайней мере, пятьдесят шесть уроков... Ведь если бы они выучивали в каждый урок только несколько слов и на эти слова делали упражнения и переводы, то, подумайте сами, какой громадный запас слов они приобрели бы в двести восемьдесят ваших уроков! Между тем воспитанницы не понимают даже смысла прочитанного, хотя текст оригинала простой и легкий.

Учитель оправдывался тем, что вызваны были плохие ученицы, но еще более подчеркивал то, что в институте все внимание обращено на французский язык, что воспитанниц заставляют разговаривать по-немецки очень редко, да и то для проформы, и указывал на то, что сами они терпеть не могут немецкого языка.

Ушинский возражал, что для того, чтобы заставить воспитанниц полюбить немецкий язык, он, учитель, должен был отчасти читать, а отчасти сообщать им содержание лучших произведений Шиллера и Гёте.

— О, господин инспектор! — насмешливо-добродушно отвечал немец .— Уверяю вас... хотя они и в старшем классе, но ничего, решительно ничего не поймут в сочинениях этих писателей и не заинтересуются ими.

На это Ушинский заметил, что только идиота может не заинтересовать гениальное произведение.

Так как учитель в свое оправдание указывал на то, что инспектором были вызваны плохие ученицы, Ушинский предложил ему вызвать самых лучших и начал внимательно вслушиваться в их чтение. Когда одна из них начала бойко переводить, Ушинский заметил ей, что хотя она прекрасно понимает прочитанное, но по-русски выражается неправильно, и указывал ей, как нужно переводить то или другое немецкое выражение.

Когда мы поближе познакомились с Ушинским, мы заметили, что он так уходит в дело,— все равно, читал ли он лекцию, или слушал наши ответы,— что не видел и не слышал, что происходило вокруг. Но когда что-нибудь внезапно нарушало тишину, он вздрагивал, резко делал замечание нарушителю ее, не обращая ни малейшего внимания, к кому оно относилось — к воспитаннице, учителю или к классной даме. Так было и в этом случае. Дежурная дама, m-lle Тюфяева, внезапно с шумом отодвинула свой стул, встала с своего места, подошла к скамейке и начала что-то вырывать из рук одной воспитанницы. Как только она скрипнула стулом,— Ушинский быстро поднял голову и стал пристально всматриваться в нее, точно не понимая в первую минуту, что его отвлекло от дела. Но когда у нее завязалась борьба с ученицей, он привстал с своего места и резко закричал: «Перестаньте же, наконец, шуметь! Кто вас просит сидеть в классе? Учитель сам обязан поддерживать порядок!» И сейчас же уселся как ни в чем не бывало, продолжая занятия. Тюфяева побледнела, но промолчала,— может быть, от неожиданности. С институтской точки зрения замечание Ушинского, как по форме, так и по существу, могло считаться возмутительною дерзостью. Наши инспектора и учителя разговаривали с классными дамами не иначе, как с величайшим почтением. Если же приходилось о чем-нибудь их попросить или сделать самое ничтожное замечание (то и другое случалось крайне редко), то они обращались к ним, наклонив голову и с приятною галантностью: «m-lle N, простите великодушно, если я решаюсь вас беспокоить...» и т. п. А новый инспектор только что показался, и уже смеет кричать на нее, заслуженную классную даму, как на последнюю горничную! Между тем Ушинский, сделав ей такое неподходящее, по институтскому этикету, замечание, моментально забыл о ее существовании.

— Вы, кажется, немка? — спросил он у воспитанницы, которая только что переводила с немецкого на русский. Получив утвердительный ответ, он узнал и

от двух других воспитанниц, прекрасно ответивших на все его вопросы, что они хотя и русские, но дома говорили больше по-немецки, чем на родном языке.

— А, вот что! Значит, эти первые ученицы знанием языка обязаны семейству, а не учебному заведению! — сказал Ушинский, обращаясь к учителю, поклонился и повернулся, чтобы уходить, но Тюфяева загородила ему дорогу.

— Позвольте вам заметить, милостивый государь, что мы дежурим в классе по воле нашего начальства... что мы... что я.. я высоко чту мое начальство.

— Если вы уже обязаны здесь сидеть неизвестно зачем, то по, крайней мере, должны сидеть тихо, не скрипеть стулом, не шмыгать между скамейками, не вырывать бумаги у воспитанниц, не отвлекать их внимания от урока... Понимаете? — резко перебил ее Ушинский.

— Я, милостивый государь, служу здесь тридцать шесть лет ... мне, милостивый государь, седьмой десяток... да-с, седьмой десяток... я не привыкла к такому обращению... Это все, все будет доложено кому следует.

— Если вы дежурите с такой определенной целью, то и исполняйте ваши священные обязанности!..— С последними словами он вышел из класса.

Тюфяева возвратилась на свое место, но была так взволнована, что не брала даже чулка в руки, который она обыкновенно вязала; горько покачивая головой, она вдруг расплакалась и направилась к выходу. Воспитанницы в первый раз остались в классе с глазу на глаз с учителем. Все молчали. Наш немец что-то крепко призадумался, но это был один момент: он вдруг встрепенулся и, по заведенному порядку, начал вызывать учениц одну за другой. Ратманова, пользуясь отсутствием классной дамы, встала с своего места и, прикрывая рот и нос платком (указывая этим, что у нее кровь идет носом), смело вышла из класса, но не в ту дверь, в которую ей надлежало выйти для этого. Мы поняли, что она отправилась на «разведки». Нам тоже не сиделось, мы чувствовали сильнейшую по-

требность обсуждать происшедшее, а между тем приходилось ждать до звонка, мало того: необходимо было запастись терпением и на весь обед, так как в это время не очень-то удобно было болтать. Немец не обращал ни на что внимания, и мы то и дело оборачивались по сторонам: одна показывала другой на свою голову и вертела над нею рукою, выражая этим, что у нее бог знает что там творится, другая била себя в грудь и закатывала глаза, — это означало, что у нее разрывается сердце от муки из-за того, что приходится так долго молчать.

В столовую мы спустились без классной дамы. Когда мы шли по парам, Ратманова незаметно присоединилась к нам и сидела за обедом, загадочно улыбаясь. Подруги то и дело подталкивали ее соседок, умоляя их выспросить ее о том, что она успела узнать. «Удалось ли что-нибудь?» — спрашивали ее. Гордо подняв голову, она отвечала, что неудачи преследуют только трусих и идиоток.

Наступил конец и нашим страданиям. Когда мы возвратились в класс, Тюфяева, на наше счастье, ушла в свою комнату заливать горе кофеем. Сбившись в кучу, воспитанницы кричали, перебивая друг друга.

— Это какой-то ужасающий злец!

— Просто невежа!

— Не конфузится сознаться, что у него денег нет даже на покупку шляпы!

— Неправда, и опять неправда! — смело выскочила на его защиту воспитанница Ивановская.— Ушинский ... это, прежде всего, человек неземной красоты!

— Не ты ли облила его шляпу духами?

— Я не могла этого не сделать!.. Спускаюсь утром на нижний коридор и вдруг вижу — входит... Меня точно стрела пронзила! Я так была поражена его красотой!.. Дала ему пройти и сейчас же бросилась к вешалкам, облила его шляпу духами, вылила духи в карманы его пальто,— одним словом, весь флакончик опорожнила, благо он был под рукой.

Воспитанницы, однако, не одобрили поступка Ивановской. Хотя почти каждая из них делала то же самое, но в данном случае они ссылались на то, что стоило только взглянуть на Ушинского,—и каждая должна была бы понять, что он не оценит такого внимания. Хотя это суждение высказывалось post factum, но с ним все согласились, судили, рядили, и все-таки никто из нас не мог сообразить, почему Ушинский так обозлился только за то, что его одежду облили духами. Нашим учителям это обыкновенно нравилось: при встрече после этого они улыбались нам лишний раз. Особенно возмутило нас в Ушинском, как величайшая неблаговоспитанность с его стороны, что он осмелился кричать на нас, взрослых девиц, а также и то, как он разговаривал с m-lle Тюфяевой. Конечно, мы все были до невероятности счастливы, что он ее так «отбрил» и «унизил», но многие находили, что хотя она и классная дама, следовательно, гнусное существо, но все же она дама вообще, а каждый образованный мужчина должен относиться к даме по-рыцарски, с утонченною любезностью и почтением.

— Он не только невоспитанный человек, но и форсун!

— Он не форсун, а хвастун!

— Верно, верно! Постарался блеснуть перед нами даже знанием таблицы умножения! Он воображает, что мы без него не сумеем помножить число недельных уроков на семь месяцев!

— А ведь ты бы не сумела! — вдруг зацепила одна другую.

Но на них моментально зашикали за то, что они своими глупостями мешают говорить о серьезных вещах.

— Он, наверно, прогонит нашего немца! — кричали некоторые.

— Ого, руки-то коротки! Не сегодня-завтра Леонтьева его самого вытурит отсюда!.

— Много вы понимаете! Он сам может вышвырнуть целую дюжину таких начальниц, как наша. Ушинский—

это такая силища! .. Такая!.. Это просто что-то невероятное!..— говорила Ратманова.

— Какая там силища! Наглый человек — вот и все тут! — возражали некоторые.

— Разве вы можете оценить смелость, дерзость, силу, с которыми человек говорит правду в глаза? Классные дамы вам втемяшили в голову, что это дурно, вы презираете их, а сами повторяете за ними!.. Жалкие вы создания, даже просто, можно сказать, стадо баранов!— вдруг отрезала Ратманова.

Страшная буря негодования поднялась против нее, и, вероятно, окончилось бы тем, что многие жестоко перебранились бы между собой и уже наверно большая часть воспитанниц перестала бы разговаривать с нею на неделю-другую, но на этот раз все охвачены были новым, не испытанным еще настроением: хотелось обсуждать происшедшее, узнать как можно более новостей об инспекторе. Сознавая, что Ратманова обладает хорошею памятью и, будучи весьма толковой и неглупой, умеет точно передавать слышанное, воспитанницы упрашивали друг друга прекратить перебранку и умоляли свою оскорбительницу рассказать все, что она узнала. В другое время Ратманова не упустила бы случая «поломаться», но в эту минуту ее охватило сильное желание говорить; ее всегдашнее стремление «пофигурять» (так мы определяли ее желание первенствовать) взяло, наконец, верх над остальными ее соображениями, и она передала следующее.

По выходе из класса она, прежде чем завернуть за угол коридора, заметила прогуливающихся и разговаривающих между собою инспектрису и Ушинского. За углом ей все было слышно, но первой части разговора она не застала. Она пришла, когда Ушинский рассказывал m-me Сент-Илер о своем столкновении с Тюфяевой, но, не зная ее фамилии, он так характеризовал ее:

«Знаете, такая дряблая старушонка... хвастала тем, что высоко чтит начальство, что тридцать шесть лет служит здесь, что живет очень долго... Я хотел было

сообщить ей, что слоны живут еще дольше, что продолжительность жизни ценится только тогда, когда она полезна ближним, да не стоило терять времени с этой скудоумной головой! Но так как она грозила донести своему начальству, то я и предупреждаю вас об этом». Инспектриса, по мягкости своего характера, просила его о снисхождении к классным дамам, указывая на то, что некоторые из них, действительно, не блестят своим образованием, но где же взять образованных? Ушинский указывал, что если бы при приеме классных дам руководились правилом приглашать умственно развитых, а не особ, умеющих только «кадить всякой пошлости», то при старании, конечно, можно бы найти подходящих...

— «Кадить всякой пошлости!» — «Кадить всякой пошлости!» — «Какое чудесное выражение!» — подхватывали мы, ошеломленные столь новой для нас фразой.

— А что еще он сказал!— продолжала Ратманова.— «Нужно, — говорит,—создать иные условия для приема воспитательниц и *скорее выбросить весь теперешний старый хлам...*».

— Какой он умный! — всплеснули мы руками в восторженном изумлении.

— Не мешайте же слушать!— взывали другие, боясь проронить хотя слово Ратмановой, которая продолжала передавать его разговор с инспектрисой.

— «... выбросить старый хлам служащих, и сделать это как можно скорее необходимо уже потому, — говорил Ушинский,— что теперешние классные дамы притупляют умственные способности воспитанниц и озлобляют их сердца».

«Притупляют умственные способности и озлобляют сердца!» — повторили мы, как молитву, за Ратмановой. Вообще в Ушинском нас на первых порах поражали не только его ум и находчивость, но, кажется, более всего слова и выражения, так как, кроме официальных обыденных слов, мы до тех пор ни от кого ничего подобного не слыхали.

Инспектриса отвечала ему, что она, хотя и с большим трудом, может еще представить себе, что при приемах классных дам будут более, чем теперь, обращать внимание на их умственное развитие, но никогда,— она за это ручается,— ни одна начальница института не согласится на то, чтобы оставлять воспитанниц в классе с глазу на глаз с учителем. Это немыслимо уже потому, что идет вразрез со всем характером институтского воспитания, и такой обычай, по ее мнению, имеет основание: учитель во время урока занят своим делом, а классная дама обязана наблюдать, чтобы воспитанницы не занимались посторонним.

«О, когда начнут занятия новые учителя, они сумеют настолько заинтересовать воспитанниц, что те сами не будут заниматься ничем посторонним...»

«Вы, кажется, твердо верите в то, что вам удастся создать идеальный институт?»

«На идеальный не рассчитываю, но если бы я не верил в то, что мне удастся оздоровить это стоячее болото...»

— Ах ты, боже мой!.. Душка, Маша, неужели он так-таки и сказал: *стоячее болото*? Вот-то дерзкий! Ведь этими словами он унизил наш институт! Maman должна была его оборвать тотчас же. Ну, говори говори, что же наша инспектриса?

— Ни гу-гу! Да разве он только это говорил! Он вот еще что загнул: «Я, говорит, до сих пор думал только о том, как бы получше поставить преподавание, но те немногие дни, которые я провел здесь, показали, что мне придется вмешиваться — и в некоторые стороны воспитания... Если не будут уничтожены многие безнравственные обычаи, развращающие воспитанниц, они будут мешать их правильному развитию».

«Что же безнравственного вы нашли в наших обычаях?»

«Но разве не безнравственно заставлять учениц снимать пелеринки перед приходом учителя? Ведь в послеобеденное время я сам видел, что они сидят в

пелеринках; значит, тут дело идет не о том, чтобы приучать к холодной температуре...»

— На это maman весело расхохоталась.

«— Помилуйте, вы хотите не только перереформировать наш институт, но перереформировать всю жизнь женщины вообще, изменить даже все людские отношения! В таком случае вам придется восставать и против балов, на которые девушки являются декольтированными».

Ушинский не уступал и тоже весело смеялся.

«— Ну, в бальные порядки я вмешиваться не собираюсь... Но согласитесь сами: ведь с обнаженными плечами на балы являются для того, чтобы ловить женихов. А класс для институтки должен быть храмом науки! И вдруг здесь с раннего возраста приучают девушек оголять себя!.. Всеми силами буду добиваться уничтожения этого неприличного обычая».

Но тут колокол прервал их беседу, и Сент-Илер от всего сердца пожелала ему перестроить институт на идеальных началах, хотя сильно сомневалась в удаче; он тоже задушевно пожелал ей всего лучшего. Характер их беседы не носил ничего официального: они называли друг друга по имени и отчеству, разговаривали просто и дружески.

Колокол призывал и нас к чаю, хотя души наши рвались обсуждать без конца небывалые новости. До сих пор никто, ничто и никогда не волновало нас так, как это первое появление у нас Ушинского. Так же оживленно болтали мы и после чаю, когда пришли в дортуар, чтобы ложиться спать. Мы быстро разделись и, закутавшись в одеяла, разместились на нескольких кроватях. И на этот раз каждая спешила высказать свое мнение. Мы совсем не были подготовлены ни к самостоятельному мышлению, ни к критическому анализу. Мысли наши были какие-то коротенькие и несложные, высказывались отрывочно и непоследовательно. Наши чувства и выражения были не только стадными, но часто извращенными, язык наш страдал однообразием и бедностью выражения, запас слов был крайне

невелик. Но как бы то ни было, наша мысль зашевелилась впервые, нас охватил какой-то вихрь вопросов, глаза у всех блестели, щеки пылали, сердца трепетали. Мы сидели и рассуждали далеко за полночь, бросаясь к кроватям при каждом шуме из комнаты классной дамы.

— Он просто отчаянный какой-то! — было мнением большинства. Однако, несмотря на отзывы, не совсем благоприятные для Ушинского, мы сразу, инстинктивно почуяли в его личности что-то сильное, крупное и оригинальное. Эпитет отчаянного, который ему давали, польстил «отчаянным»: то одна, то другая обращала внимание подруг на то, что отчаянность уже вовсе не такой порок, как у нас принято думать. Вот он отчаянный, а между тем очень умный и, кажется, даже хороший: сейчас раскусил, что Тюфяева дрянь, а немец плохой учитель. Но не все соглашались с этим определением: умные и хорошие люди, утверждали они, непременно в то же время люди благовоспитанные, а его насмешки над нами и разговор с Тюфяевой показывают его невоспитанность. Другие в число его преступлений заносили и то, что он осмелился назвать наш институт «стоячим болотом», а «всем известно, что это — первоклассное заведение». Более всего трепались в институте выражения: «все говорят» и «всем известно»,— они казались многим сильнейшим подтверждением сказанного.

— А что в нем хорошего, в этом вашем институте?— с лицом, пылающим гневом, выскочила Ратманова.— Пусть говорит каждая все хорошее, что знает о нем!.. Разве то, что мы в нем ничему не научились, что мы холодали и голодали, как жалкие собаки, что нас всячески поносили классные дамы, что нашими воспитательницами были даже сумасшедшие, что мы ни в ком не находили защиты, что мы ни от кого не слыхали доброго слова? Ах, молчите, молчите вы, несчастные, с вашим первоклассным заведением, или, лучше сказать, с вашей первоклассной чушью и тупостью!

И действительно, все замолчали, сознавая справедливость ее слов.

— А все-таки он странный! Как это он не понимает, что ничего нет дурного в декольтировании? Это только красиво! Ведь если бы это было пошло и неприлично, то во дворцах и в аристократических домах на балах не являлись бы с голыми плечами?

Этот довод показался настолько веским и убедительным, что все присоединились к нему. Но тут же некоторые старались оправдать непонимание Ушинским таких простых вещей тем, что он, вероятно, очень ученый, сильно заучился, а потому и ничего не смыслит в жизни, особенно же в красоте.

— Небось, очень понял, что maman красива, а Тюфяева урод: он потому-то так и накричал на нее, а с красивою maman у него и дружеские разговоры.

— Не то, не то...— возражали ей:— Тюфяева — идиотка, а maman умна и умеет всех очаровать. Да он скоро и ее раскусит!.. Что-то будет завтра? Ах, если бы он подольше у нас остался! — восклицали воспитанницы, но тут же единогласно высказывали твердое убеждение, что ему у нас не сдобровать.

Через несколько дней после описанных событий Ушинский посетил урок русского языка учителя Соболевского, который преподавал во всех младших классах. Это был человек сухой, как скелет, длинный, как жердь, с низким лбом, с провалившимися щеками, с косыми глазами, с коротко подстриженными волосами, торчащими на голове, как у ежа. Самое неприятное в этом преподавателе было то, что он при своем чтении и объяснении брызгал слюною во все стороны, отчего сильно страдали воспитанницы, близко к нему сидящие. Его урок делился на две части: первую половину времени он спрашивал заданную страницу из грамматики, требуя, чтобы ее отвечали слово в слово, ничего не пополняя, не изменяя и не сокращая в ней. Диктантом он никогда не занимался, как будто не имел даже представления, что это следует делать, и дети разучились бы писать, если бы он не задавал списывать и выучивать басню за басней Крылова.

Самая характерная часть урока наступала тогда, когда Соболевский приказывал отвечать басню. Он всегда был недоволен ответом и каждой вызванной им девочке показывал, как следует декламировать. Начиналось настоящее представление. Зверей он изображал в лицах: лису, согнувшись в трипогибели, до невероятности скашивая свои и без того косые глаза, слова произносил дискантом, а чтобы напомнить о ее хвосте, откидывал одну руку назад, помахивая ею сзади тетрадкой, свернутой в трубочку. Когда дело шло о слоне, он поднимался на носки, а длинный хобот должны были указывать три тетради, свернутые в трубочку, и вложенные одна в другую. При этом, смотря по зверю, он то бегал и рычал, то, стоя на месте, передергивал плечами, оскаливая зубы.

Ушинский вошел на урок, как раз в ту минуту, когда Соболевский декламировал басню «Слон и моська». Когда он произнес слова: «Ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться», он старался все это драматизировать более, чем когда-нибудь. С изумлением смотрел на него Ушинский, не делая ни малейшего замечания, но, чтобы прекратить комедию, наконец, сказал: «Я буду диктовать». Когда после этого он просмотрел несколько тетрадей, то заметил, что некоторые воспитанницы делают в словах больше ошибок, чем букв, кивнул головой и вышел.

Оба они встретились на нижнем коридоре, и Ушинский заметил:

«— Вы, вероятно, слышали много похвал выразительному чтению, но у вас уже выходит целое представление... Так кривляться даже как-то унизительно для достоинства учителя».

Соболевский и тут не понял, что эти слова — его приговор, и отвечал, что он с трепетом будет ожидать окончательного решения г. инспектора. Ушинский резко отвернулся от него и начал искать свои калоши. Соболевский нашел их и уже нагнулся, чтобы подать их ему, но Ушинский со злостью вырвал их у него и произнес с запальчивостью:

«— Лакей на кафедре — уже совсем неподходящее дело!.. Это мое окончательное решение!»

«— Лакей на кафедре!», «Лакей на кафедре!» — повторяла одна воспитанница другой. — Господи, какие у него все чудные выражения! Знаешь, душка, я сейчас сошью маленькую тетрадку и буду записывать все его выражения...

Мы с большим нетерпением ждали посещения Ушинским урока нашего учителя литературы и словесности Старова, который считался у нас лучшим преподавателем. Мы тщательно готовили его уроки, а потому наперед праздновали победу.

Старов по натуре был человек порядочный, мягкий, добросердечный и обязательный. Он пользовался всеобщим расположением. В то время как мы считали минуты, когда окончится урок того или другого учителя, мы заслушивались Старова и каждый раз с нетерпением ожидали его урока. Мы проходили у него теорию прозы и поэзии, а также и литературу. Как у большинства других учителей, мы не имели и для его курса никакого учебника. Руководством для этого предмета нам служили листки, составляемые Старовым, которые мы, из любви к учителю, заучивали очень твердо и переписывали особенно изящно. Нужно сознаться, теория прозы и поэзии Старова была образцом самых нелепых определений, громких, напыщенных фраз, отрывочных сведений, не приведенных в систему. Но мы тогда не понимали этого и более других предметов любили учить уроки Старова, так как они были испещрены словами: «высокое», «прекрасное», «эстетическое», «идеал», и отрывками из произведений в стихах и в прозе, которые Старов, по нашему мнению, читал нам в совершенстве. Читал он несколько гробовым голосом, сопровождая чтение классическими жестами, но нам это чрезвычайно нравилось. В стихотворениях нас увлекала музыка и мелодичность стиха, в прозе — возвышенные выражения, и хотя до смысла мы не додумывались и наш учитель не объяснял нам его, но все же это нас увлекало более, чем сухое заучивание грамматики. Отрывки из

теории прозы и поэзии Старова нам очень мало давали и потому, что они были слишком отрывочны и служили пояснением мало для нас понятного определения какого-нибудь рода поэзии или прозы. Так же проходили мы у него и историю литературы. В его записках в хронологическом порядке были названы все произведения автора, с несколькими страницами объяснений при наиболее крупных из них. Сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках. Таким образом, мы не имели ни малейшего понятия ни о фабуле произведения, ни об идее, которая осуществлялась в том или другом художественном образе. Несмотря однако на все это, Старов был самым лучшим и даже единственно искренно любимым учителем. В то время когда остальные учителя держали себя с нами хотя и вежливо, но официально, он один неизменно относился к нам с самым теплым участием. К тому же он так возвеличивал, так идеализировал женщин вообще, — а это, конечно, не могло не льстить нам.

— Женщина, — слышали мы чуть не на каждой его лекции, — самое возвышенное, самое идеальное существо! Ей одной предназначено обновить мир, внести идеалы, уничтожить вражду, поселить любовь, внушить уважение... Только женщина, ее грация и прелесть, кротость и неземная доброта могут разогнать душевную тоску, тяжесть одиночества.

Мы, конечно, не имели ни малейшего представления, каким образом мы можем разгонять тоску одиночества, как мы будем обновлять мир и зачем его обновлять; ни малейшего понятия не имели мы и об идеалах, какие нам предназначено внести в мир, но все же из этих слов нам было ясно, что назначение женщины очень прекрасное, и мы весьма гордились этим.

Добрая натура Старова не выносила официальных отношений: встречая на коридоре толпу всегда поджидавших его девиц, он не только радушно со всеми раскланивался, но, замечая облачко на чьем-либо лице, нежно произносил: «Что затуманилась, зоренька ясная»

или что-нибудь в этом роде, всегда с экстазом декламируя множество стихов и вне классов, и во время уроков.

«— Ах, m-r Старов, — говорит ему одна воспитанница, — я сегодня буду наказана», — и она откровенно рассказывает ему, за что ей придется вынести наказание и кем оно назначено. Старов, как стрела, бросается к классной даме и, хватая ее за руки, со слезами на глазах, начинает ее умолять простить воспитанницу.

«— Вы добрая, прекрасная, хорошая. Может ли в вашем сердце, в сердце такого благороднейшего существа, как женщина, жить злое чувство! Нет, это невозможно! Карать... казнить... и кого-же?.. Такое юное, такое невинное существо!.. Возможно ли казнить юность за ее увлечения? Прощать, прощать — вот назначение женщины! Клянусь вам, прощающая женщина — это... это... ангел на небе! Нет, я не уйду отсюда! Я вымолю у вас прощение! Я стану перед вами на колени!»

Опасаясь, что Старов приведет это в исполнение, и польщенная прекрасными эпитетами, которые ей едва ли когда-нибудь приходилось слышать от мужчины, классная дама обыкновенно торопилась исполнить его желание. «Ах вы чудак! Добряк вы этакий! Ну, хорошо, хорошо, для вас я прощаю», — и она немедленно подзывала провинившуюся воспитанницу и громогласно объявляла, что прощает ее для г. Старова... Все садились за урок в самом добром, мирном настроении.

Начальство смотрело на Старова как на очень вежливого человека, прекрасного учителя, прощало ему его экстаз и эксцентричные выходки и нисколько не мешало нам, воспитанницам, окружать его толпою в коридоре, так как отлично знало, что характер его разговоров и вне классов, и на уроках неизменно один и тот же. И действительно, Старов везде был одним и тем же незлобивым, восторженным человеком, легко приходившим в экстаз, повидимому, часто даже без малейшего для этого повода. Вследствие своей ограниченности он как учитель не мог принести нам особенной

пользы, но зато не сделал никому не только ни малейшего вреда, но и какой бы то ни было неприятности. Восторженность его положительно была беспредельна: когда знаменитый артист Ольридж давал в Петербурге свои представления и публика во время антракта вызывала его, Старов пробрался на театральные подмостки, бросился перед ним на колени и поцеловал его руку.

Итак, мы считали Старова не только симпатичнейшим из людей, но и замечательным преподавателем и не находили ни малейшего пятнышка в его преподавании. Когда в первый раз после назначения Ушинского мы поджидали Старова на урок, мы вышли встретить его целой толпой. При его появлении мы тотчас начали рассказывать ему все «выходки» нового инспектора.

«— Несомненно, — говорил Старов грустно и задумчиво, — такое лакейство со стороны Соболевского некрасиво... Но зачем же такая резкость тона, за что оскорблять! Он человек семейный, бедняк, неразвитой, конечно, но совсем не злой...»

Когда мы сообщили ему, как Ушинский отнесся к нам за то, что мы облили его шляпу духами, он глубоко возмутился:

«— Господи! И к такой, можно сказать, поэтической черте характера юных созданий приурочивать этот... грубый материализм!» — И затем, несколько помолчав, он добавил уже совсем печально: «Что же, девицы, может быть, и мне придется расстаться с вами!»

«— Ну, уж этому не бывать! — закричали мы в один голос. — Если он вас не сумеет оценить... он, значит, уж совсем невежда! Мы все тогда восстанем! Мы ни за что этого не допустим!»

Старов обводил толпу институток восторженными глазами, которые без слов говорили: «прелестные создания», затем, раскачиваясь из стороны в сторону, как это всегда с ним бывало перед какой-нибудь наиболее восторженной импровизацией, он начал:

«— Вы не знаете, что творится в мире! О, как прелестны вы вашим неведением! Не теряйте его, этого лучшего сокровища юного сердца!»

Но мы перебили его, желая во что бы то ни стало с его помощью хотя несколько уяснить себе загадочный характер нового инспектора.

«— M-r Старов, скажите нам, пожалуйста, ваше мнение об Ушинском... Вы сказали... грубый материализм... Что это означает?» — приставали мы к нему.

«— Полноте, зачем вам это?.. Я, наконец, совсем не знаю г. Ушинского. Слышал, конечно... Как бы это вам объяснить... Видите ли... В большом ходу теперь новые идеи... Конечно... многие из них заслуживают полнейшего уважения. Мне говорили, что Ушинский... в высшей степени образованный человек... Он, говорят, поклонник новых идей! Что ж! Нам, старикам, по правде сказать, и давно пора очищать место для новых людей, для новых идей!»

Звонок прекратил наши расспросы, заставил нас опрометью бежать в класс. Мы не успели еще рассесться по скамейкам, как к нам вошла инспектриса, а за нею Ушинский. Он, к нашему удивлению, приветливо раскланялся со Старовым.

«— Вам угодно будет экзаменовать девиц? — обратился Старов к Ушинскому.

— Нет! я буду вас просить продолжать ваши занятия».

Старов начал вызывать воспитанниц и спрашивать заданный урок о Пушкине. Вызванная воспитанница прекрасно отвечала. «— Очень твердо заучено... — заметил Ушинский. — Но вместо фразистых слов учебника (о ужас! — эти, как он называл, «фразистые слова учебника» были записки самого Старова) расскажите мне содержание «Евгения Онегина»!

Старов начал объясняться за воспитанницу. В классе не существует библиотеки. Свой единственный экземпляр он, Старов, не может нам оставлять, так как об одном и том же писателе в один и тот же день читает нередко в двух-трех заведениях.

«— В таком случае я совсем не понимаю преподавания литературы! Вы обращались по этому поводу с запросом к администрации заведения?»

«— Дело здесь испокон века так ведется... Забота о библиотеке — не мое дело...»

«— Девицы, кто из вас читал «Мертвые души»? Потрудитесь встать...»

Никто не двигался с места.

«— Это невозможно! Вы, сударыня, читали? А вы? Но, может быть, что-нибудь другое читали из Гоголя? «Тараса Бульбу» знаете? Неужели и произведений Пушкина никто не читал? А Лермонтова, Грибоедова? Но это невозможно! Я просто этому не верю! Как! ни одна воспитанница, проходя курс русской литературы, не поинтересовалась прочесть ни одного наиболее капитального произведения!... Да ведь это, знаете, что-то уже совсем баснословное!» — Ушинский не получал ниоткуда никакого ответа и, все более горячась, обращался то к воспитанницам, то к учителю. «Но чем же набит ваш шкаф?» — И с этими словами он подбежал к шкафу, который был наполнен тетрадями, грифельными досками и другими классными принадлежностями; две-три полки были уставлены произведениями Анны Зонтаг, евангелием и несколькими дюжинами разнообразных учебников. Пожимая плечами, нервно перелистывая учебники, Ушинский, точно пораженный, несколько минут молча простоял у шкафа, затем быстро захлопнул его, подошел к столу и сел на свое место.

«— Что ж, потрудитесь продолжать занятия», — сказал он как-то вяло, обращаясь к Старову и вытирая платком пот, струившийся по его бледному лбу.

«— Какие тут занятия! — обиженно процедил сквозь зубы Старов, однако, вынул из портфеля один из томов Пушкина и начал читать стихотворение «Чернь», с каждой строчкой приходя все в больший экстаз. Последнее четверостишие:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...»

он читал, уже вскочив с места, с воспаленными глазами, голосом, прерывавшимся от волнения и выражавшим

все ядовитое презрение, какое только могло накопиться в этой доброй душе ко всем поборникам материализма, не умеющим ни понимать, ни ценить небесных вожделений и поэтических восторгов.

«— Но ведь воспитанницы незнакомы еще и с более капитальными произведениями Пушкина ... — заметил Ушинский.— Впрочем, продолжайте... Вы, вероятно, будете теперь им это объяснять?»

«— Что же тут объяснять! Они отлично все понимают... У этих девушек весьма сильно развито художественное чутье...»

« — Ого, даже художественное чутье!.. А чем бы, кажется, оно могло быть развито при таких условиях, — сказал Ушинский, не скрывая иронии, и, вызвав одну из воспитанниц, он попросил ее передать стихотворение своими словами. Но ни эта девица, ни другая, ни третья ничего не могли рассказать, хотя все слушали с напряженным вниманием.

Тогда в дело вмешалась инспектриса. Она заявила Ушинскому, что Старов — замечательный преподаватель, что воспитанницы чрезвычайно любят его предмет и много над ним работают, но в данную минуту они очень переконфузились и потому не могут отвечать.

«— Может быть, может быть, — недоверчиво улыбаясь, отвечал Ушинский. — Попробуем объясниться письменно! Пусть одна из воспитанниц вслух раза два прочтет стихотворение, и затем, девицы, потрудитесь своими словами, письменно, изложить прочитанное». — И он вышел в коридор.

Наша письменная работа оказалась в высшей степени бестолковою: у одних она представляла шумиху напыщенных фраз, не имеющих между собою элементарной логической и грамматической связи, у других черни приписывалось то, что говорил поэт, и наоборот, и при этом у тех и у других не мало было крупных орфографических ошибок. К счастью для нас, звонок помешал Ушинскому читать вслух наши сочинения, и он взял их с собой.

Мы скоро пришли к убеждению, что новый инспектор не уволит нашего общего любимца Старова только в том случае, если мы выступим на его защиту. Мы предполагали, что когда ученицы очень хвалят своего учителя, каждый обязан понимать, что при этом уже нельзя усомниться в его педагогических талантах. И мы решили защищать его до последней капли крови.

Нельзя сказать, чтобы мы не сознавали всей трудности задачи говорить с Ушинским, перед которым робеют и теряются даже учителя. Но нам казалось, что уклониться от этой обязанности было бы величайшею низостью.

Как плохо, однако, мы были вооружены для этого! Если между нами и были поэтессы, то ораторов, даже плохоньких, совсем не существовало. Мы наивно выражали наши детские мысли, не умели выделить главного от мелочей и при этом страшно конфузились всех, а тем более Ушинского. Но для любимого Старова никакая жертва не была тяжела. Мы условились между собою, что одна из нас во всем блеске выставит необыкновенную доброту Старова, другая укажет на его таланты, видимо, совсем неизвестные «господину инспектору».

Мы бросились к нему, как только он показался в коридоре.

«— Monsieur Ушинский!» — кричали мы, окружая его.

«— Ах, пожалуйста, не называйте вы меня monsieur: чересчур официально! Константин Дмитриевич, да и все тут!..»

Это неожиданное предложение так переконфузило нас, что мы забыли даже, о чем собирались с ним беседовать.

«— Что же вы хотели сказать? Ради бога, не конфузьтесь. Останавливайте, спрашивайте меня обо всем, что вам угодно... И не очень сердитесь за мою резкость, за мой, может быть, не совсем вежливый тон... Работы у меня гибель, я всегда так тороплюсь: вот для скорости иногда и отхвачу приставочку к речи, которою можно

было бы закруглить, смягчить то, что хочешь сказать... Ну, в чем же дело?»

Мы толкали ту, которая должна была начинать, но она могла только проговорить:

«— Вы недовольны Старовым! Ведь он же не виноват, что нам не дают книг! Вы его совсем не знаете!.. Он такой добрый!.. Просто даже чудный человек!»

«— Правда, правда: незлобивый, даже весьма недурной человек, но к сожалению, этого еще очень мало для преподавателя...»

«— Вы, должно быть, не знаете, что он поэт! Даже очень знаменитый поэт!» — лепетала Ивановская, обязанностью которой было выставить его таланты.

«— Не знал... не знал, что такой поэт существует! Да еще знаменитый! Гм... подите же!.. Какие же такие его произведения? Он уже, конечно, познакомил вас с ними и, может быть, даже не в отрывках только?»

Ивановская пролепетала, что у него есть чудное стихотворение «Молитва». Ушинский, в конце концов, уломал ее продекламировать его, и она начала дрожащим голосом:

«Как много песен погребальных
Еще ребенком я узнал,
И скорбный смысл их слов прощальных
Я часто юношей внимал.
Но никогда от дум печальных
Старов душой не унывал!
Создатель мира, царь всесильный,
Мне много, много подарил,
Когда веселостью обильной
Он трепет жизни домогильной
Во мне...»

« — Довольно... довольно! Это бог знает что такое! Ведь Старов уже много лет читает литературу в разных заведениях и мог бы понять, что в его стихотворении нет ни поэзии, ни мысли, ни чувства, ни образа. А он не стыдится показывать эту свою замогильную чепуху своим ученицам! Нет, воля ваша, это просто фразер и пустозвон!.. Не горюйте вы по нем... У меня в виду имеется для вас превосходный преподаватель. И если

в учителе вы ищете доброты... по-моему и одного ума достаточно... так ваш будущий учитель в то же время и очень добрый человек».

« — Чем же он лучше Старова?» — спрашивали мы, удивляясь, что с Ушинским можно разговаривать.

« — Да хотя бы тем, что он научит вас работать, заставит полюбить чтение, познакомит не только с названиями великих произведений, но с их содержанием и с идеями автора.

— А как его фамилия?

— Водовозов.

— Ну, уж одна фамилия чего стоит! — выпалила, расхохотавшись, одна из нас, неожиданно даже для себя самой.

« — Вы ошибаетесь, — значительно возразил Ушинский, решительно не переносивший не только ни малейшей пошлости, но и глупой остроты. — Он будет пригоден и для того, чтобы научить вас понимать, что достойно смеха и что не заслуживает его».

Переконфуженные резким замечанием Ушинского и обозленные провалом, воспитанницы ввалились в класс, ругая на чем свет своих ораторш, не умевших защитить Старова, и перекоряясь между собой. Хотя при этом сильно доставалось и Ушинскому, которого мы честили эпитетом «непроходимой злюки» за то, что он выгоняет даже добрых учителей, но когда несколько успокоились, то некоторые начали высказывать, что незачем-де было цитировать стихи Старова, которые, действительно, уже вовсе не так прекрасны, забывая о том, что еще недавно они так восторгались ими, что каждая переписывала их в свой альбомчик и знала наизусть. Это критическое отношение пошло и дальше: говорили, что хотя Старов и чудный человек и превосходно читает, но как-то от всех его лекций в голове ничего не остается.

На это Ратманова закричала во все горло: «Если бы сюда собрать всех мировых гениев прошлых, настоящих и будущих веков, все они вместе ни на иоту не просветили бы ваши дурацкие головы!» Поднялась страшная буря, — все набросились на Ратманову. На это,

как сумасшедшая, вбежала m-lle Лопарева: «Как вы смеете так орать? Хотя вы и выпускные, но в наказание будете стоять весь следующий урок». Она перед этим с кем-то разговаривала в коридоре, куда сейчас же и выбежала.

« — Не смейте подчиняться этому! Преспокойно садитесь, когда войдет учитель...» — кричали некоторые.

И действительно, когда в класс вошла Лопарева, а за нею учитель, мы, несмотря на наказание, преспокойно уселись на свои места. Это был первый протест, устроенный сообща всем классом без исключения. Лопарева густо покраснела от злости, но не решилась пикнуть, вероятно, поняв по выражению наших лиц, что на этот раз мы скорее сделаем скандал, чем подчинимся требованию.

Хотя Ушинский некоторым учителям отказал при первом же посещении уроков, но большая часть их оставалась у нас до официального утверждения его учебной реформы.

Воспитанница старшего класса Аня Ивановская отправила однажды письмо к своему отцу через классную даму Тюфяеву, в котором она просила его прислать ей денег. Ответ получился через ту же даму, у которой была родственница, несколько знакомая с г. Ивановским; она приносила о нем разные сплетни m-lle Тюфяевой. Ивановский на этот раз отказывался исполнить просьбу дочери за неимением денег. Тюфяева, прочитав письмо и передавая его Ивановской при ее подругах, начала попрекать ее тем, что она научилась «нос задирать», а между тем у отца ее ничего нет; если же что и перепадает ему, то он предпочитает тратить деньги на театры, чем посылать их дочери. Из этого примера Тюфяева сделала общий вывод и начала обычную свою канитель на тему, что-де от них, классных дам, теперь требуют бог знает чего, даже каких-то нежностей с воспитанницами, которые для них совершенно чужие, а вот и отец родной, а нежностей к дочери и особых забот о ней не проявляет.

Зная необыкновенную вспыльчивость Ивановской, воспитанницы незаметно, но ловко выталкивали ее локтями в задние ряды, и она, наконец, выбежала в коридор. В эту минуту проходил Ушинский и с большим участием обратился к ней, упрашивая ее оказать ему маленькое доверие — сказать, почему она так грустна. Она объяснила ему, что воспитанницы обязаны переписываться с родителями не иначе, как через классных дам. Такое правило существует, и тут уже ничего не поделаешь, но она злится на себя за то, что не постаралась, как другие ее подруги, переслать свое письмо через их родственников. К тому же ее оскорбляет то, что m-lle Тюфяева воспользовалась письмом ее отца для того, чтобы попрекать ее теми сплетнями, которые она собирает о нем у своей родственницы, с умыслом искажает его слова, чтобы унижать ее и часами говорить свои опостылевшие проповеди.

Ушинский горячо поблагодарил Ивановскую за доверие и сказал, что оно поможет ему обратить внимание на эту сторону жизни институток, что он поговорит об этом с кем следует и будет стараться уничтожить этот обычай. И действительно, мы узнали, что Ушинский со всей энергией, присущей его страстному темпераменту, говорил с принцем Ольденбургским, а также и на разных совещаниях о том, что обычай контролировать письма воспитанниц подрывает основы семейных уз и приучает их хитрить, лгать и обманывать. Развивая в воспитанницах рабские чувства, он не дает начальству возможности достигать единственной цели, к которой оно при этом стремится, т. е. мешать воспитанницам передавать родителям что бы то ни было непочтительное о начальстве. Когда им необходимо снестись с родственниками так, чтобы этого никто не знал, они умеют обходить это правило. Воспитанница, раздраженная тем, что не может по душе говорить с своими родителями, в своем секретном письме отделает начальство так, как это ей не пришло бы в голову, если бы ей не мешали быть откровенной с ними всегда, когда она того пожелает.

Однако Ушинскому, несмотря на красноречивые доказательства вреда этого обычая, не удалось его уничтожить, но он сильно ослабил его: в либеральную эпоху его инспекторства некоторые классные дамы начали передавать воспитанницам письма не распечатывая их, другие распечатывали лишь для проформы. Но, конечно, оставались и такие, которые не меняли своего поведения в этом отношении.

Зато Ушинскому удалось настоять на том, чтобы воспитанницы во время уроков не сидели без пелеринок; достиг он уничтожения и еще несравненно более вредного обычая. До его вступления воспитанницы не имели права предлагать вопросов учителям. Ушинский настоял на том, чтобы они спрашивали у них не только то, чего не понимают, но чтобы вообще урок носил характер живых бесед. Однако большинство нововведений, которых Ушинский достиг путем тяжелой борьбы с консервативным до дикости начальством, погрязшим в рутине и предрассудках, были уничтожены тотчас же после того, когда он сложил с себя звание инспектора и оставил институт.

Прошло недели три со дня вступления Константина Дмитриевича в должность инспектора. Пока никаких реформ еще не было введено; несмотря на это, буквально каждая встреча с ним, каждое его слово, все, что мы слыхали о том, что он объяснял в других классах, было для нас откровением, поражало нас, давало нам огромный материал для споров и бесед между собой. Иной раз то или другое в его словах, казалось нам, противоречило тому, что он говорил перед этим. Но нередко все это вдруг выяснялось каким-нибудь одним его замечанием, а затем постепенно мы сами стали доходить до разгадки некоторых его слов и поступков. То, что мы не понимали самых элементарных вещей, было естественным последствием нашей оторванности от жизни, нашего монастырского воспитания.

С водворением Ушинского мы, как по мановению волшебного жезла, проснулись, ожили, заволновались и не могли наговориться друг с другом. Раздоры и

пререкания между собой, даже отчаянные выходки против классных дам проявлялись теперь несравненно реже уже вследствие того, что мы были заняты другим. Еще так недавно наша жизнь протекала крайне однообразно, не давая нам никакого материала для живого общения между собой, и наши разговоры ограничивались рассказами друг другу о выходках классных дам и о наших мечтах подкузьмить так или иначе ту или другую из них. Теперь мы каждое слово и замечание Ушинского обсуждали со всех сторон и все более критически относились к прежним нашим взглядам. Мы постепенно примирились и с резкими выходками Ушинского, начиная мало-помалу сознавать, что они обыкновенно вызывались какою-нибудь глупостью с нашей стороны. Все искреннее и глубже проникались мы сознанием того, что Ушинский приносит нам действительную пользу, что он стремится сделать нашу жизнь более человеческою и содержательною, чем это было раньше. Наши дикие, специфически институтские взгляды незаметно сглаживались и заменялись воззрениями иного характера. Наш страх, что Ушинский будет уволен из института за то, что он с такою прямотою, смелостью и резкостью, не щадя мелкого самолюбия начальства, проводит свои взгляды и идеи, не только исчез, но заменился совершенно противоположным. Нам казалось уже, что такого человека, как Ушинский, никто не посмеет тронуть. Конечно, такое мнение говорило об отсутствии понимания жизни, но, как бы то ни было, наша вера во всемогущество Ушинского все росла и укреплялась слухами о нем. Мы знали, что его педагогическая и литературная деятельность, его блестящие успехи в Гатчинском институте, где он раньше был инспектором, обратили на него всеобщее внимание. Наши учителя, классные дамы, инспектриса открыто говорили о том (и это подтвердилось), что императрица Мария Александровна, желая поднять институтское образование, решилась ввести в нем многие реформы и сама указала министру народного просвещения Норову (члену совета института по учебной части)

на Ушинского как на желательного для этого человека. И для нас стало очевидным, почему Леонтьева до сих пор не уволила его. Мы твердо начали верить, что при энергии Ушинского реформы будут проведены, и безапелляционно решили, что он будет в институте таким же реформатором, каким был Петр Великий в России.

Как-то, когда до выпуска оставалось всего несколько месяцев (тогда выпуски бывали в марте), ко мне подошел Ушинский и спросил:

«— Не вы ли та воспитанница, которая вследствие падения с лестницы чуть не вдребезги разбила себе грудь и, испытывая жестокие боли, подвергая себя смертельной опасности, не пошла к доктору, опасаясь этим опозорить себя?»

Я почувствовала в его вопросе иронию и молчала; подруги, стоявшие подле, подтвердили, что это была именно я. Вдруг этот строгий, суровый человек, тонкие, крепко сжатые губы которого так редко улыбались, разразился громким, веселым смехом, а мне это показалось каким-то оскорбительным издевательством, и я повернулась, чтобы уйти даже без реверанса, что считалось у нас невежеством.

«— Что же вы сердитесь? Кажется, даже обиделись?»

«— Каждая на моем месте поступила бы так же...»

«— Ну нет! Если даже у всех вас такие «идеальные убеждения», то все-таки редко кто мог бы выдержать характер до конца. Право же, вы оказались настоящей героиней! Если у такой девочки, как вы, такой характер, столько силы воли, она может употребить их на что-нибудь более полезное. Одним словом, я хочу предложить вам, вместо того чтобы уехать домой после выпуска, остаться еще здесь и поучиться в новом, седьмом классе, который я устраиваю для выпускных. Уверяю вас... почитаете, подумаете, поработаете головой и даже на такой вопрос, который мы только что обсуждали, будете смотреть иначе».

Видя мои колебания, он добавил, что если я соглашусь, то должна буду спросить разрешения родителей, но что для этого еще много времени впереди.

Ушинский явился первым светлым лучом в царстве институтского мрака, пошлости, невежества и застоя. Нужно, однако, иметь в виду и то, что во второй половине 50-х годов во всей России занималась заря новой жизни, являлись проблески наступающей эпохи возрождения. В обществе распространялись новые идеи, вырабатывались новые идеалы, пробуждалось отрицательное отношение к окружающим явлениям русской действительности. Оживление среди воспитанниц, наступившее вслед за назначением к нам Ушинского, усиливалось вследствие того, что прогрессивные идеи стали проникать и к нам, несмотря на наши высокие стены и на полную монастырскую замкнутость нашей жизни. После непробудной спячки у нас вдруг зашевелился мозг, и мы стали обращаться к нашим родственникам с более живыми вопросами; поэтому каждый раз после приема родных одна из воспитанниц сообщала что-нибудь новенькое. Нечего и говорить о том, что все эти новые идеи в передаче институток и по форме и по содержанию носили характер не то наивный, не то комичный.

— Представьте, мой брат-студент утверждает, что скоро все люди, без исключения, будут равны между собой. Ведь это же значит, что никакой разницы не будет между генералами и солдатами, между крестьянами и высокопоставленными людьми! Все должны будут решительно все делать сами,— значит, даже люди знатные будут сами выносить грязную воду. Ведь, если это верно, значит, все на свете перевернется!

— А мой папа говорил, что у всех помещиков скоро отберут крестьян, что мужицкие дети будут учиться на одной скамейке с господскими, а мы — с нашими горничными...

— Мой дядя настаивает, чтобы после выпуска я сделалась учительницею и учила самых простых детей, а взрослым внушала мысль о том, что теперь стыдно мучить крестьян, что это даже очень гадко...

— Мой папа (он служит в министерстве) говорит, что человек должен гордиться бедностью, — это значит,

что он ничего не накрал, а что бо́льшая часть богачей богаты потому, что они наворовали на службе.

Все это мы обсуждали, обо всем вели бесконечные споры, судили-рядили вкось и вкривь, но хорошо было уже то, что у нас заработала голова.

Нашему оживлению и развитию помогало и то, что наш библиотечный шкаф, в котором никогда не было ни одной книги для чтения, наполнился номерами журнала «Рассвет» Кремпина и другими книгами, пригодными для чтения юношества. Произведения русских классиков появились в нашей библиотеке несколько позже.

Внимательно осматривая в институте каждый уголок, Ушинский заметил одну, всегда запертую комнату. Наконец, она была открыта перед ним, эта таинственная дверь. Каково же было его удивление: он увидел огромную комнату, заставленную по стенам старинными шкафами, с огромной коллекцией животного царства, с прекрасными для того времени коллекциями минералов, драгоценные физические инструменты, разнообразные гербарии.

Императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна, получив от кого-то эти сокровища, подарили их институту, где их никогда не употребляли в дело, где никто не показывал их воспитанницам. Ввиду того, что это были дары двух императриц, институтское начальство находило необходимым беречь их, т. е. крепко-накрепко запереть в большой отдельной комнате, о существовании которой, вероятно, уже давным-давно никто не вспоминал, кроме сторожа, наблюдению которого они были поручены, но и тот, видимо, не очень затруднял себя заботами о них, так как немало дорогих вещей оказалось испорченными молью.

Впоследствии Константин Дмитриевич не раз вспоминал при мне об этой находке, особенно приятно поразившей его. Считая необходимым ввести преподавание физики и естествознания вообще, он прекрасно знал, какое встретит затруднение: начальство, косо смотревшее на введение чего бы то ни было нового,

сделало бы все, чтобы затормозить преподавание этих предметов. Под предлогом того, что на покупку физических инструментов, различных коллекций и моделей пришлось бы затратить значительную сумму, начальство могло отложить введение преподавания естествознания в долгий ящик. К тому же в институте уже многие поговаривали о том, что производить физические опыты немыслимо в классе, а особого помещения для этого не имелось. И вдруг мечта Ушинского осуществляется так неожиданно! Сравнительно небольшую сумму, необходимую для ремонта испорченных вещей и на добавочные приобретения кое-чего, выдали без затруднения,— так поразил всех доклад Ушинского об его находке.

— Начальство увидало в этом чуть не перст божий, способствовавший мне в моих предприятиях, — смеясь, рассказывал он об этом.

Для присмотра за кабинетом был приставлен особый сторож. Комната, еще недавно постоянно запертая, с большим удобством послужила для уроков физики: для опытов в ней все было под руками учителя.

Этот музей тоже внес в жизнь институток некоторое оживление. Все видели вечно запертую комнату, однако никто не заинтересовался ею настолько, чтобы проникнуть в нее... «Он один все смеет, все может, из всего извлекает пользу, обо всем думает»,— рассуждали мы, проникаясь все большим благоговением к Ушинскому, и после находки музея начали смотреть на него, как на что-то вроде мага и волшебника.

Мы то и дело бегали осматривать музей, но скоро это было строго запрещено. Вместе с Ушинским туда приходил посторонний человек, выносил оттуда порченые чучела животных и приносил их обратно в исправленном виде. Так как вход в кабинет был запрещен до приведения его в порядок, то мы еще сильнее стремились заглянуть в него. Однажды все воспитанницы нашего класса, увидав, что Ушинский только что вышел из музея, вбежали в него. Никого не заметив и рассматривая животных, расставленных временно на полу,

одна из них, указывая подруге на зверька, утверждала, что то был соболь, другая настаивала на том, что это — куница. Вдруг из-за угла шкафа вышел молодой человек и проговорил:

«— Ни то, ни другое, mesdemoiselles,— это только ласка... Мне говорили, что институтки не умеют отличать корову от лошади? Правда?»

«— Какая мерзость! — закричала ему в упор одна из воспитанниц.

— Мы непременно пожалуемся на вас Ушинскому! — бросила ему другая».

«— Ах, барышни, барышни! Вы даже не понимаете, что жаловаться стыдно!..» со смехом возразил молодой человек, видимо, нисколько не испуганный их угрозою.

Девицы, как ошпаренные, выскочили из музея и чуть не со слезами передавали подругам этот эпизод. Мы долго обсуждали сообща, как проучить «нахала». Нам казалось это необходимым, так как в этом случае была затронута наша корпоративная честь. Но мы пришли к убеждению, что это немыслимо. Ушинский обыкновенно уходил и приходил вместе с молодым человеком (оставлять постороннего у нас не допускалось), и на этот раз он вышел, вероятно, лишь на несколько минут; следовательно, всякая «история» с нашей стороны причинила бы большую неприятность Ушинскому, и он мог бы посмотреть на это с очень нелестной для нас стороны.

Это маленькое приключение имело большое влияние на мою личную судьбу. Разве Ушинский не сдерживает порою улыбку, когда мы с ним разговариваем? Разве при наших рассуждениях с ним с его уст не срываются слова: «Как это странно, как это наивно!» А мой брат еще более бесцеремонно повторяет, когда я что-нибудь рассказываю ему об институтской жизни: «Как это глупо, как это пошло!». «Да... над нами все издеваются, все смотрят на нас как на последних дур! Учиться, учиться надо!»— вот какие мысли обуревали теперь мою голову, вот что ясно и определенно сложилось теперь в моем уме.

В первый раз за всю мою институтскую жизнь я написала матери не казенное письмо: в нем я описывала появление у нас нового инспектора, оживление и волнение, которое нас всех охватило, предстоящие у нас реформы, устройство нового класса, в котором будут преподавать новые учителя, извещала ее о том, что Ушинский предложил мне остаться в нем, и просила на это ее разрешения; об этом я писала и моему дядюшке.

Начались выпускные экзамены; подготовление к ним и в то же время чтение только что доставленных нам книг, новые мысли, взгляды и вопросы, перегонявшие и сменявшие друг друга, образовали в моей голове невообразимый хаос. Вследствие своей наивности и невежества, я решила, что, наверное, существует такое руководство, которое может мне выяснить, чем и как было бы полезно заниматься, что мне следует читать раньше и что позже. Это заставило меня обратиться к одной подруге с просьбою, чтобы она попросила своего брата-студента снабдить меня таким руководством. Как она формулировала мое желание своему брату, я не знаю, но он прислал мне книгу Павского: «Филологические наблюдения над составом русского языка».

Боже мой, сколько мучений вынесла я из-за этой книги! Я отнеслась к ней как к кладезю величайшей премудрости, твердо верила в то, что как только я ее осилю, передо мной выяснится все и в жизни, и в книгах. Но ужас охватил меня с первой же страницы. Я решительно ничего не понимала, перечитывала каждый период по многу раз, твердила наизусть, но в голове не прояснялось, а только затемнялось. Тогда я решила записывать в тетрадь непонятные для меня слова и выражения, рассчитывая на то, что объяснения Ушинского дадут мне ключ к уразумению глубины премудрости Павского, но для этого я считала необходимым прочитать книгу до конца. Однако с каждой страницей я приходила все в большее отчаяние, и вместе с непонятными для меня фразами, выписываемыми из Павского, и вопросами по этому поводу я заносила и

отчаянные вопли моего сердца о моем умственном убожестве.

В это время я получила от родных разрешение на продолжение образования. Как диаметрально противоположны были по своему содержанию письма дяди и матери! Дядя писал мне, что мое желание остаться в институте весьма удобно для него и для его жены: ввиду того, что моя мать не может взять меня к себе, я должна была бы жить в его семействе, а он находит меня слишком молодою для того, чтобы вывозить в свет и на балы. Моя же мать выражала изумление, что я вдруг пожелала учиться и для этого решаюсь даже остаться в институте; она приписывала перемену, совершившуюся во мне, всецело влиянию Ушинского. «До сих пор,— прибавила она,— ты писала мне деревянные, официальные письма, глубоко огорчавшие меня. Если такая перемена могла произойти с тобой, которую я считала совсем окаменевшею, то это мог произвести только гениальный педагог». Она умоляла меня передать Ушинскому не только свое глубочайшее уважение, но и изумление, что он даже такой ленивой девочке, как я, мог внушить желание учиться. Она приказывала мне сказать от ее имени этому «необыкновенному человеку», что ее мечта о таком величайшем счастье, как продолжение мною образования, вероятно, разлетится в прах. Она объясняла, что я была принята в институт по баллотировке, следовательно, имею право воспитываться на казенный счет только до выпуска; за остальное образование мое в институте ей пришлось бы, несомненно, платить, а для этого у нее нет никаких средств.

Хотя мне был очень неприятен конец письма, напоминавший о бедности, но я поняла, что скрывать это от Ушинского не имеет смысла. Моя мать была особа энергичная и, долго не получая от меня ответа, могла еще ярче изобразить ему свое тяжелое материальное положение. Вследствие этого я решила сама кое-что прочитать Ушинскому из письма матери, но никоим образом не доводить до его сведения ее похвалы о нем:

мне казалось, что он мог принять их за ее желание «подлизаться» к нему. В то же время я собиралась поговорить с Ушинским и насчет книги Павского. Я решила напрямик высказать ему, что совсем не поняла содержания этой книги и что это, вероятно, заставит его отказать мне в приеме на новые курсы. Я находила, что скрывать это от него было бы не только наглым обманом, но и совершенно лишним; мои занятия, конечно, скоро покажут ему отсутствие у меня умственных способностей. Как это ни странно, мне гораздо легче было сознаться в этом, чем в бедности, несмотря на то, что Ушинский так открыто издевался над теми, кто стыдился ее. Стыд за свою бедность исчез у нас позже всех других недостатков и диких взглядов, усвоенных в институте.

Стараясь поймать удобный момент для переговоров с инспектором, я расхаживала по коридору с письмом матери, с книгою Павского и с тетрадкой, в которой были отмечены непонятные для меня слова и выражения. Но когда мне посчастливилось встретить Ушинского, я переконфузилась и стала бессвязно бормотать, что не могу перейти во вновь устраиваемый им класс, потому что не понимаю Павского; к тому же, и казна не будет меня держать бесплатно после моего выпуска. Он не мог сразу понять мой бестолковый лепет. Продолжая объяснять ему свои недоразумения, я подала ему книгу, а сама начала пробегать по тетради вопросы, которые собиралась ему сделать, как вдруг услыхала с верхней площадки, что меня зовет к себе инспектриса. Я окончательно растерялась и в рассеянности сунула ему в руки письмо, книгу и тетрадь с просьбою, чтобы он сам прочитал. Когда через несколько минут я вспомнила, что письмо в руках Ушинского, что он узнает даже содержание моей тетради,— я пришла в отчаяние, но дело было сделано.

Возвращая мне Павского, Ушинский заметил, что на основании совсем неподходящего чтения нелепо приходить в отчаяние. «Прочел я и вашу тетрадочку... Что же... в полном смысле полна «сердца горестных замет»! Это все трогательно!... Ваши замечания еще

более побуждают меня уговаривать вас остаться в институте, чтобы вы имели возможность серьезно поработать. Со всеми вашими недоразумениями можете обращаться ко мне. Только никогда не читайте книг, не посоветовавшись раньше со мною, а Павского, пожалуйста, не раскрывайте больше». Относительно платы за будущее мое обучение в институте он добавил, что постарается все уладить.

Не прошло после этого и месяца, как он вошел в наш класс, вызвал меня и сказал: «Вы будете стипендиаткой экзарха Грузии, который уже отправил в контору вполне достаточную сумму на ваше образование». Я сделала обычный реверанс, не сказав ему ни слова признательности, не имея ни малейшего представления о том, как трудно вообще выхлопотать какую бы то ни было стипендию, а тем более такую значительную, какая была внесена за меня, сколько хлопот и трудов стоило Ушинскому ее добиться. Всю силу великодушия этого благороднейшего человека я поняла гораздо позже: продолжая знакомство с Ушинским и после выпуска из института, я лично была не раз свидетельницею того, как он не только приходил на помощь советом, но и доставал работу нуждающимся, выхлопатывал им стипендии, а за некоторых вносил деньги из своего кармана. В последнем случае он неизменно просил не называть его имени тем, кому он помогал.

Выпускные экзамены окончены, а вот и выпуск. Церковь переполнена народом. Мои подруги, не пожелавшие продолжать своего образования, в первый раз, как птички из клетки, вылетают на волю. Все они в пышных белых платьях, в белых кушаках, в белых перчатках. Недостает только крыльев, чтобы походить на ангелов. Теперь, когда институты сделались полузакрытыми интернатами, когда институтки, оставляя школьную скамью, имеют хотя какое-нибудь представление о жизни, они уже не могут испытывать при выпуске такого волнения, какое испытывали воспитанницы дореформенного периода. Некоторыми из них овладевал невообразимый страх за будущее, и они

ожидали чего-то страшного сейчас, сию минуту, точно вот-вот их поведут на эшафот; другие твердо верили в какое-то сказочное счастье, которое сразу свалится на их головы, как только они переступят порог института. Каковы бы ни были их надежды, все они были крайне взволнованы, и это отражалось на их лицах: у многих стояли в глазах слезы, щеки, даже у бледных воспитанниц, горели румянцем. Еще вчера, в неуклюжем форменном платье, девушка не отличалась особенною миловидностью, а сегодня в рамке пышных белокурых или черных волос, она имела прелестный и грациозный вид. А я стояла тут же в своем форменном платье.

Безысходное отчаяние вдруг овладело мною. Мне сделалось невыразимо завидно и тяжело смотреть на подруг, навсегда оставлявших институт, а я меняла возможную свободу на прежнюю кабалу и неволю. «Счастливицы! — думала я. — Завтра их не разбудит ни свет ни заря проклятый колокол, вместо криков бранчливых дам их горячо прижмут к сердцу родные руки! Зачем, зачем я осталась? Ничего не выйдет из моего ученья, да и на что оно мне пригодится?» Я бросила взгляд на присутствующих в церкви: среди мужчин и пестро разодетых дам, родственников выпускных, резко выделялись стройные фигуры в белом, говорившие о чистоте, невинности и юной прелести. В углу я заметила серьезную фигуру Ушинского. У меня закипела злоба против него, как против человека, который уговорил меня остаться в институте. Чтобы не разрыдаться, я вышла из церкви, и в первый раз в жизни никто не обратил на это никакого внимания.

Когда я пришла в класс, он был совершенно пуст. Тоска одиночества, непоправимая ошибка, которую, как мне казалось, я сделала, добровольно оставшись в прежней тюрьме, письма матери и дяди в ответ на мою просьбу остаться — все представлялось мне теперь в новом, несравненно более мрачном свете, чем прежде. И я в отчаянии, упав лицом на пюпитр, рыдала, рыдала без конца. Вдруг я услыхала позади себя торопливые, нервные шаги Ушинского. Бежать уже было поздно, и

я почувствовала, что если он со мной заговорит, я выскажу ему все в глаза. На его вопрос о том, что я делаю, я в первую минуту молчала, из боязни, что голос выдаст мои слезы.

«— Чего вы вечно конфузитесь? — начал он, подвигая свой стул к моей скамейке и положив свой портфель на пюпитр. — Вы годитесь мне в дочери и могли бы без стеснения разговаривать со мною. Скажите-ка откровенно, ведь вам взгрустнулось потому, что не удалось сегодня, как подругам, надеть беленькое платьице и беленький кушачок? Пожалуйста, отвечайте откровенно; да не смущайтесь вы бога ради!»

Я не только не намерена была смущаться, но почувствовала, что на меня напала даже «отчаянность», совсем исчезнувшая в последнее время. Я отвечала, что конфузиться не буду: все равно он всегда издевается над нами... Он ответил, что такое мнение крайне для него прискорбно, но он все-таки надеется, что это только недоразумение. И он начал говорить о том, что вследствие оторванности нашей от жизни наши взгляды и выражения нередко оказываются действительно странными, иногда даже комичными... Очень возможно, что как-нибудь, слушая нас, он улыбнулся, но он не предполагал с нашей стороны такой обидчивости, такого недоверия к нему. Издеваться над кем-нибудь из нас здравомыслящий человек не может: мы не виноваты в том, что нас здесь ничему путному не научили, что нам привили дикие понятия... Наконец, он спросил, что я делала до сих пор, как возвратилась из церкви, и получил в ответ, что ничего не делала. Он выразил удивление, как это можно целых два часа просидеть ничего не делая, даже без собеседника, говорил и о том, что человек, серьезно предполагающий работать, должен давать себе отчет в каждом проведенном часе.

Злое мрачное настроение охватывало меня все сильнее. Мне казалось, что я своими заметками о Павском, а теперь и своими ответами достаточно унизила себя в его глазах, что теперь мне уже нечего терять в его мнении, и стала высыпать перед ним все, что думала перед

его приходом. Он ошибается, говорила я ему, предполагая, что я взволновалась из-за того, что не могла надеть белое платье. Я несравненно более пуста, чем он думает, и вовсе не желаю казаться лучше, чем есть. Так вот, я считаю своею обязанностью признаться ему, что прихожу в отчаяние оттого, что согласилась остаться в институте продолжать учение, которое меня вовсе не привлекает, а нередко кажется даже постылым. Да и к чему это учение? В ученые лезть я не собираюсь, а «синим чулком» называться не хочу.

«— Да чего это вы из кожи лезете показать мне всю вашу институтскую пустоту? Раз вы уже более откровенны, чем это даже требуется в данном случае, то скажите по правде: вы, вероятно, думаете всеми этими словами уязвить меня, причинить мне боль? А между тем вы одна будете в накладе, если уедете с такой пустой головой... Если вы решили не учиться, так вам, конечно, лучше просить родственников взять вас завтра же отсюда».

Этот ответ меня и переконфузил, и разобидел, и я, еле сдерживая рыдания, начала жаловаться ему на то, что теперь взять меня из института уже немыслимо. Моя мать не может приехать за мной, следовательно, я вынуждена буду жить в семье дяди, а он находит, что я слишком молода, чтобы вывозить меня на балы, точно я просила когда-нибудь его об этом. Несчастнее меня нет человека на свете! Моя мать, моя родная мать, вместо того, чтобы выразить желание повидать меня, обнять родную дочь после долгой разлуки, только в восторг приходит оттого, что я могу продолжать свое учение.

« — Вы не имеете ни малейшего нравственного права так говорить о своей матери! Это, знаете ли, даже совсем нехорошо с вашей стороны! Я читал ее письмо к вам и сам получил от нее недавно письмо (я узнала потом от матери, что она благодарила его за хлопоты о стипендии для меня) и нахожу, что она — на редкость разумная женщина: вместо жалких слов, поцелуев, объятий и всех этих дешевых сентиментов, она горячо выска-

зывает одно желание — чтобы ее дочь была образованной девушкой, чтобы она училась и трудилась.

Мое злобное настроение против Ушинского как-то сразу рассеялось, и мне вдруг страшно захотелось узнать, что он ответит на один мой вопрос.

« — Когда вы прочли письмо моей матери... (я вам отдала его по рассеянности)... она так превозносит вас... вы могли подумать, что она к вам подлизывается...»

Ушинский расхохотался.

« — Ну, казните меня. Право же, немыслимо оставаться серьезным, слушая иногда, как вы выражаетесь! Уверяю вас, я не нашел, что ваша матушка подлизывается ко мне. Я уже говорил вам, что я лучшего мнения о ней по ее письмам, чем ее родная дочь. А вот за вашу заботу о моей нравственности,— ведь вы боитесь, чтобы похвалы не вскружили мне голову,— я приношу вам глубочайшую благодарность... Мне кажется, что тучи рассеялись, и теперь можно приступить к делу. Итак, решено, вы останетесь здесь, несмотря на ваше отчаяние! Так принимайтесь же за чтение! Я захватил для вас восьмой том Белинского и несколько томов Пушкина... Окажите мне маленькое доверие. Начинайте сейчас же читать «Евгения Онегина», а затем немедленно прочитайте критику Белинского на это произведение. Так читайте и остальные сочинения Пушкина. Я бы желал также, чтобы вы по этому поводу написали все, что вам придет в голову. Если вы добросовестно отнесетесь к моей просьбе, даю вам слово, что вашу досаду как рукой снимет».

Как мне было совестно всего того, что я наговорила Ушинскому! Мне так хотелось просить его простить меня за все мои глупости, но порыв отчаяния прошел, а вместе с этим улетучился и подъем смелости, когда я только и могла говорить все, что мне приходило в голову. Мною овладела обычная конфузливость, и я знала, что, если бы в эту минуту встретила Ушинского, я бы не решилась произнести ни одного слова. Мое волнение быстро улеглось уже потому, что мне удалось высказать все, что меня так смущало. Этому душевному

умиротворению помогло и чувство благодарности и надежда, что при Ушинском все в институте изменится к лучшему. Наконец-то и в этой казарме, думала я, появился человек, который действительно заботится о нас, с которым можно поговорить и посоветоваться, который, несмотря на мои пошлые выходки, не только не отвернулся от меня, но поспешил даже оказать новую услугу,— и при этих мыслях теплая струйка крови прилила к моему сердцу и согрела его. Что из того, что меня не интересует чтение, думала я: Ушинский сделал для меня все, что мог, и я оказалась бы неблагодарной, если бы не исполнила немедленно его желания.

Хотя вновь устроенный класс именовался теоретически-специальным, но это было не совсем точное название: кроме естествознания, физики и педагогики, в нем проходили курс наук по программе среднеучебных заведений, но в более расширенном виде, чем в нашем прежнем выпускном классе. К тому же из этого седьмого класса желающие могли переходить в специальный класс, где во второй год своего пребывания воспитанницы должны были обучать детей кофейного класса под руководством учителей. Воспитанницы, оставленные во вновь сформированном классе, в числе которых была и я, поступая на новые курсы, переходили, собственно, в седьмой класс, но в ту минуту он не мог так называться потому, что при прежнем делении не было шестого класса.

Относительно воспитанниц, очутившихся в совершенно новом положении, т. е. не вышедших из института по собственному желанию, не было установлено никаких правил: выпуск был в марте, а занятия в седьмом классе должны были начаться не ранее как через месяц, да и это не было еще точно определено. Какие классные дамы должны были руководить этими воспитанницами, что они должны были заставлять их делать до начала занятий, на это не было получено никаких инструкций. Классные дамы заявили, что они вовсе не желают торчать с нами, раз это не вменено

им в обязанность. И действительно, они не обращали на нас ни малейшего внимания. «Пусть их околачиваются как знают»,— говорили они про нас, и мы в полном смысле слова околачивались: кто из нас сидел в классе, кто в дортуаре, кто отправлялся в лазарет.

Времени для чтения было много, и я последовала совету Ушинского. Чем более я читала, тем более увлекалась чтением. Я скоро поняла, что прежде меня не прельщало чтение классиков только потому, что оно было отрывочно, а объяснения Старова лишь сбивали с толку. В несколько дней я так пристрастилась к чтению, что институтский колокол, отрывавший меня от него, сделался моим злейшим врагом. Я забыла все на свете и читала, читала без конца, читала днем, захватывая и большую часть ночи. Чтение так поглотило меня, что когда однажды я столкнулась с maman, выразившей удивление, что я не посещаю ее теперь, когда у меня так много свободного времени, я поблагодарила ее и сказала ей о том, какую работу дал мне Ушинский. Несколько позже я очень пожалела, что легкомыслие, а может быть, и некоторая потребность протеста, заставили меня при этом прибавить: «Как обидно, что нас прежде никто не заставлял читать произведения русских писателей!» Хотя я заметила, что maman как-то особенно сухо простилась со мной, но я уже несравненно меньше придавала значения всему тому, что происходило вокруг: вся погруженная в новый мир идей и случайно оторванная от чтения, я торопилась снова погрузиться в него. За обедами и завтраками я с восторгом передавала подругам, какие интересные вещи я читаю. Скоро все они точно так же набросились на чтение.

Узнал об этом Ушинский и немедленно прислал нам остальные тома Пушкина, Белинского и других русских писателей, кажется, из своей библиотеки.

Мы с великим нетерпением ожидали лекций Ушинского, но так как занятия все еще не начинались, у нас явилась мысль просить его прочитать нам что-нибудь. В то время, о котором я говорю, он особенно сильно

был завален работою и разносторонними заботами, связанными с преобразованиями в институте. Несмотря на это, он с восторгом отнесся к нашей просьбе и заявил, что у него как раз теперь свободный час, и он сию минуту может приступить к чтению. Хотя в это время в классе сидело всего лишь несколько человек, он сказал, что прочтет вступительную лекцию в педагогику.

Он начал ее с того, что доказал всю пошлость, все ничтожество, весь вред, все нравственное убожество наших надежд и несбыточных стремлений к богатству, к нарядам, блестящим балам и светским развлечениям.

«— Вы должны, вы обязаны,— говорил он,— зажечь в своем сердце не мечты о светской суете, на что так падки пустые, жалкие создания, а чистый пламень, неутолимую, неугасимую жажду к приобретению знаний и развить в себе, прежде всего, любовь к труду, без этого жизнь ваша не будет ни достойной уважения, ни счастливой. Труд возвысит ваш ум, облагородит ваше сердце и наглядно покажет вам всю призрачность ваших мечтаний; он даст вам силу забывать горе, тяжелые утраты, лишения и невзгоды, чем так щедро усеян жизненный путь каждого человека; он доставит вам чистое наслаждение, нравственное удовлетворение и сознание, что вы недаром живете на свете. Все в жизни может обмануть, все мечты могут оказаться пустыми иллюзиями, только умственный труд, один он никогда никого не обманывает: отдаваясь ему, всегда приносишь пользу и себе, и другим. Постоянно расширяя умственный кругозор, он мало-помалу будет открывать вам все новый и новый интерес к жизни, заставит все больше любить ее не ради эгоистических наслаждений и светских утех... Постоянный умственный труд разовьет в душе вашей чистейшую, возвышенную любовь к ближнему, а только такая любовь дает честное, благородное и истинное счастье. И этого может и должен добиваться каждый, если он не фразер и не болтун, если у него не дряблая натуришка, если в груди его бьется человеческое сердце, способное любить не одного

себя. Добиться этого величайшего на земле счастья может каждый, *следовательно, человека можно считать кузнецом своего счастья*».

От пламенного, восторженного апофеоза труда Ушинский перешел к определению, что такое материнская любовь и какою она должна быть. Любовь к своему детенышу заложена в сердце каждого животного: хищные звери — медведица, волчица — защищают его с опасностью для собственной жизни, нередко падая мертвыми в борьбе с врагом; они питают его собственной грудью, согревают собственным телом, бросают в нору сухую траву, листья, чтобы ему мягче было спать. Возможно ли, чтобы женщина, разумное существо, заботилась, как и зверь, *только* о физическом благосостоянии и сохранении жизни своего ребенка? Инстинктивно сознавая это, женщина к естественной заботе, вложенной в ее сердце матерью-природою, присоединила еще любовь, которую она считает человеческою, но в громадном большинстве случаев ее следует назвать кукольной, так как она является результатом мелкого тщеславия. Тут он привел в пример матерей, употребляющих все средства, чтобы красивее разодеть ребенка, сделать его миловиднее,— они играют с ним, как дитя с игрушкой. Уже с раннего возраста воспитатели должны развить в ребенке потребность к труду, привить ему стремление к образованию и самообразованию, а затем внушить ему мысль о его обязанности просвещать простой народ,— «ваших крепостных, так называемых, ваших рабов, по милости которых вы находитесь здесь, получаете образование, существуете, веселитесь, ублажаете себя мечтами, а он, этот раб ваш, как машина, как вьючное животное, работает на вас, не покладая рук, не допивая и не доедая, погруженный в мрак невежества и нищеты».

Теперь все эти мысли давным-давно вошли в общее сознание, всосались в плоть и кровь образованных людей, но тогда (1860 г.), накануне освобождения крестьян, они были новостью для русских женщин вообще, а тем более для нас, институток, до тех пор не слыхав-

ших умного слова, зараженных пошлыми стремлениями, которые Ушинский разбивал так беспощадно.

Все, что я передаю о первой вступительной лекции Ушинского — бледный, слабый конспект его речи, тогда же кратко набросанный мною и притом лишь в главных чертах.

Чтобы понять, какое потрясающее впечатление произвела на нас эта вступительная лекция, нужно иметь в виду не только то, что идеи, высказанные в ней, были совершенно новы для нас, но и то, что Ушинский высказывал их с пылкою страстью и выразительностью, с необыкновенною силою и блестящею эрудицией, которыми он так отличался. Что же мудреного в том, что эта речь огненными буквами запечатлелась в наших сердцах, что у всех нас во время ее текли по щекам слезы!

Вся внешность Ушинского сильно содействовала тому, чтобы его слова глубоко запали в душу. Худощавый, крайне нервный, он был выше среднего роста. Из-под его черных густых бровей дугою лихорадочно сверкали темнокарие глаза. Его выразительное, с тонкими чертами лицо, его прекрасно очерченный высокий лоб, говоривший о недюжинном уме, резко выделялся своею бледностью в рамке черных, как смоль, волос и черных бакенов кругом щек и подбородка, напоминавших короткую густую бороду. Его тонкие, бескровные губы, его суровый вид и проницательный взор, который, казалось, видит человека насквозь, красноречиво говорили о присутствии сильного характера и упорной воли. Мне кажется, если бы знаменитый русский художник В. М. Васнецов увидел Ушинского, он написал бы с него для какого-нибудь собора тип вдохновенного пророка-фанатика, глаза которого во время проповеди мечут искры, а лицо становится необыкновенно строгим и суровым. Тот, кто видал Ушинского хотя раз, навсегда запоминал лицо этого человека, резко выделявшегося из толпы даже своею внешностью.

Много десятков лет прошло с тех пор, мой жизненный путь окончен, и я у двери гроба, но до сих пор не могу

забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы, заставила трепетать наши сердца человеческими чувствами, пробудила в нас благородные свойства души, которые без него должны были потухнуть. Одна эта лекция сделала для нас уже невозможным возврат к прежним взглядам, по крайней мере, в области элементарных вопросов этики, а мы прослушали целый ряд его лекций, беседовали с ним по поводу различных жизненных явлений.

Дальнейшему изменению наших взглядов, совершенному перевороту в нашем умственном и нравственном миросозерцании содействовали и новые преподаватели. Тем не менее все шло от Ушинского и через него, он был наставником и руководителем не только для нас, но и для приглашенных им учителей, главным виновником нашего полного перерождения. Наша жизнь, если можно так выразиться, раскололась на две диаметрально противоположные части: на беспросветное, бессмысленное, жалкое прозябание до его вступления и на только что наступившую новую эру, полную живого интереса, стремлений к знанию, к мыслям и мечтам, облагораживающим душу. Постоянное чтение книг, выбором которых руководили опытные наставники, шевелило наш мозг и быстро расширяло наш умственный кругозор.

И теперь еще, каждый раз, когда мой взор встречает портрет Ушинского, этого великого педагога, я вспоминаю его вступительную лекцию: необыкновенное волнение и глубочайшая признательность охватывают мою душу, и мне так хочется преклонить колени перед светлым образом этого замечательного человека.

С благоговением сохраняя в наших сердцах память о заветах великого учителя, я должна сознаться, что не все его ученицы могли сделаться «кузнецами своего счастья». От наших отцов и матерей, пропитанных вожделениями крепостнической эпохи и узкоэгоистическими принципами, мы не могли получить в наследство надлежащего закала для альтруистических устоев. Он

утверждал, что высшее счастье человека состоит исключительно в служении народу, что личное счастье ничто: оно эфемерно, призрачно, часто не дает даже нравственного удовлетворения, а потому оно и должно быть принесено на алтарь служения народу. Выполнение такого сурового требования было не по силам большинству молодых существ, только что вступавших в жизнь, которых она опутывала всеми своими чарами, которых она так заманчиво, так властно манила испытать личное счастье.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ

Деятельность Ушинского. — Отношение учащихся к новшествам. — Перемена взглядов воспитанниц. — Блестящий успех реформ. — Речь Ушинского по поводу освобождения крестьян. — Воскресные занятия с горничными. — Клевета и доносы. — Реакция. — Выход Ушинского в отставку

Если я начну рассказывать о том, какое оживленное время переживали мы, когда к нам приглашены были новые преподаватели, читатель, конечно, придет к выводу, что Ушинский был талантливым педагогом, разумным реформатором и энергичным организатором, но это будет еще слабой оценкой его деятельности, и притом останется совсем невыясненным вопрос, как могла сложиться такая крупная сила, откуда он мог приобрести столь всестороннее образование, каким образом мог он стоять по своим педагогическим идеям, совсем незнакомым тогда русскому обществу, на одном уровне с величайшими педагогами западноевропейских культурных стран. Чтобы это понять, нужно познакомиться хотя с главными моментами его предшествующей деятельности.

В 1840 г. Ушинский поступил на юридический факультет Московского университета и, несмотря на то, что ему было тогда лишь шестнадцать лет, начал заниматься очень серьезно, но особенно увлекался он лекциями Грановского и Редкина, профессора энцик-

лопедии законоведения и государственного права. Редкин прочел своим слушателям ряд блестящих лекций по истории философии права, которые произвели на Ушинского потрясающее впечатление, и он со всем пылом страсти отдался изучению философии.

Уже с самого вступления в университет Ушинский обратил на себя внимание как своих товарищей, так и профессоров. Обладая большим природным умом, остроумием, быстрым соображением и изумительною памятью, он не только легко усваивал основную мысль лекции, но и ее подробности. Те из его товарищей, которым плохо давались наиболее трудные философские и юридические теории, обращались к Ушинскому с просьбою излагать им эти лекции в популярной форме. Это очень рано приучило его к популяризации науки и оказало ему впоследствии, когда он окончательно сделался педагогом, огромную услугу.

В свободное от лекций время он весь уходил в чтение русских писателей и изучение французского и немецкого языков, которые он знал еще раньше, но не настолько основательно, чтобы легко читать иностранных классиков в подлиннике; этого он вполне достиг во время университетского курса.

Уже на университетской скамье Ушинский отличался полнейшею независимостью характера и привычкою высказывать откровенно свои убеждения, не обращая внимания на то, как это будет принято. Он был отъявленным врагом всякой пошлости, всякого заискивания и низкопоклонства и беспощадно казнил своими меткими сарказмами тех из товарищей, которые ввиду приближающихся экзаменов ездили к профессорам с визитами и поздравлениями.

Ушинский много тратил времени на уроки, которые давал ради заработка. Лихорадочно-трудовая жизнь, полная научных и литературных интересов, послужила прекрасной школой для выработки твердого характера и сильной воли, уменья много и упорно работать.

Через два года после блистательного окончания университета, имея от роду всего лишь 22 года, Ушин-

ский получил профессорскую кафедру в Ярославском Демидовском лицее, где читал лекции энциклопедии законоведения, истории законодательств и финансового права и обратил на себя внимание не только как талантливый лектор, но и как человек с самостоятельными, оригинальными взглядами.

После четырех лет профессорства, т. е. в 1850 г., ему пришлось навсегда оставить лицей. То были тяжелые времена сурового николаевского режима, особенно подавлявшего преподавание в высших учебных заведениях. От преподавателей лицея потребовали, чтобы они представили подробные программы читаемых ими лекций, притом не только с распределением курсов всех предметов по дням и часам, но и с точным указанием того, что они намерены цитировать из того или другого автора. Ушинский же доказывал, что преподавание вообще, а тем более научное, «невозможно связывать такими формальностями», а потому и вышел из лицея.

Перебравшись в Петербург, Ушинский вынужден был сделаться чиновником Министерства внутренних дел. Хотя эта служба вознаграждалась крайне скудно, но давала ему много досуга, и он, по обыкновению, с жаром принялся за работу. В это время он изучил английский язык, занимался английской литературой, продолжал прежние занятия по философии и юридическим наукам. Результатом этих занятий и изучения трех иностранных языков был целый ряд самостоятельных трудов, а также и компилятивных статей в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения». Его труды обратили на себя внимание публики и критики, и за ним упрочилась репутация талантливого и образованного писателя.

В 1855 г. Ушинский был назначен преподавателем словесности и законоведения в Гатчинский сиротский институт, а затем и его инспектором. Здесь ему представилось огромное поле для применения своих педагогических способностей. Гатчинский институт состоял из учеников различных возрастов, начиная от детей,

обучавшихся азбуке, и кончая высшими классами с курсом законоведения. Ушинский тут впервые понял, что педагогическая деятельность — его главное призвание. Этому более всего содействовало то, что, осматривая библиотеку, он наткнулся на два запечатанных шкафа с значительным собранием педагогических сочинений.

Как только эта библиотека оказалась в его распоряжении, он весь погрузился в изучение педагогической литературы. Наряду с теоретическим изучением педагогики, он приобрел опытность и в практике воспитательного дела: ему не только приходилось следить за преподаванием учителей, но он и сам обучал огромное количество юношей. Этим, однако, не ограничивалась его тогдашняя деятельность: он в то же время писал педагогические статьи и начал заниматься одним из главных своих трудов для первоначального обучения — «Детским миром», напечатанным несколько позже.

Таким образом, когда Ушинский в 1859 г. был приглашен инспектором в Смольный, он уже пользовался некоторою литературною известностью, обратил на себя внимание улучшениями, сделанными в учебной части Гатчинского института, и был на редкость основательно вооружен знаниями и педагогическим опытом.

Облеченный полным доверием императрицы Марии Александровны, пожелавшей не только оживить преподавание в институте, но и обновить устарелый учебный строй, Ушинский написал проект преобразования обоих институтов Смольного, утвержденный в феврале 1860 года. По одному из его пунктов требовалось, чтобы воспитанниц переводили из класса в класс не раз в три года, как это было до тех пор, а каждый год. До нового проекта воспитанница, по окончании каждого трехлетнего курса, как бы плохо ни училась, все-таки переводилась в следующий, т. е. в старший, класс. При прежней системе и не могло быть иначе: невозможно было даже крайне плохую ученицу оставлять еще в младшем классе,— тогда бы ей пришлось шесть лет пробыть только в одном кофейном классе.

Неизбежным следствием такого порядка вещей было то, что плохие ученицы, ничему не научившись в младшем классе, переходили без всяких элементарных знаний в старший класс, в котором они приобретали еще меньше знаний, и выходили из института круглыми невеждами. По проекту Ушинского, курс учения на обоих половинах Смольного должен был продолжаться семь лет (до этого на Николаевской половине он продолжался девять, на Александровской — шесть лет). Преимущество семилетнего курса заключалось в том, что при ежегодных экзаменах и переходах из класса в класс это давало возможность малоуспешных воспитанниц оставлять еще на год в том же классе, чтобы они могли пройти то, что ими было упущено.

Учебные программы точно так же не только подвергались полному преобразованию, но введены были даже новые предметы, как, например, естествоведение и физика, которые должны были преподаваться не иначе, как с помощью моделей, чучел, рисунков, приборов, опытов. Я называю эти предметы новыми потому, что хотя в некоторых институтах их и преподавали, но большею частью на французском языке и притом без каких бы то ни было пособий и опытов,— одним словом, их преподавание скорее походило на пародию, на карикатуру, а не на преподавание естественно-научных предметов.

Серьезное внимание было обращено на языки и географию. Теперь, когда программы, выработанные Ушинским, в своих основных чертах приняты во всех средних женских учебных заведениях, когда они вошли, можно сказать, в плоть и кровь преподавателей, они, конечно, никого не поразят своею новизною, но тогда они произвели полный переворот в учебном деле, и все высказываемое Ушинским по этому поводу, как в его статьях, так и в различных педагогических совещаниях, было новостью. Так как далеко не все намеченное Ушинским было принято и сохранилось в программах женских учебных заведений, то я и упомяну здесь кой о чем, что он считал существенным. Он находил

необходимым сильно увеличить число уроков русского языка в младших классах: по его понятиям, учитель русского языка не должен ограничиваться преподаванием грамматики, а обязан давать ученицам ясное представление об окружающем, научить их рассуждать о знакомых предметах и правильно выражать свои мысли. Благодаря Ушинскому впервые заговорили о необходимости давать учащимся *право рассуждать и даже вменяли учителю в обязанность научить их этому.* Ушинский находил необходимым в среднем возрасте упражнять учениц в переводах с иностранных языков на русский, выбирая для этого очерки географического и исторического содержания. Он указывал, какой вред приносили прежние сочинения, в которых воспитанницы выставляли чувства, никогда не испытанные ими, или описывали явления природы, которых они никогда не наблюдали, либо высказывали мысли, слишком сложные и отвлеченные для юного возраста. Переводы с иностранных языков Ушинский считал для воспитанниц младшего возраста наиболее полезным упражнением. Но он вовсе не рекомендовал избегать и сочинений, а указывал на необходимость того, чтобы ученицы передавали в них виденное, слышанное или прочувствованное ими.

Ушинский чрезвычайно порицал тогдашнее преподавание словесности: оно почти всюду начиналось с определения родов и видов литературных произведений. Он указывал, что сначала необходимо изучать образцы каждого рода и вида этих произведений и уже на основании такого изучения составлять понятия о них. Возмущался он и преподаванием литературы, состоявшим из перечня имен писателей и краткого изложения их произведений. Он находил, что учитель обязан зорко следить за тем, чтобы ученица прочитывала целиком каждое классическое произведение и давала о нем подробный отчет то устно, то письменно; и только после этого, по его мнению, необходимо развивать критический взгляд на произведение, побуждая воспитанниц высказывать и собственное мнение. Он тре-

бовал также, чтобы их знакомили со всеми выдающимися произведениями не только русской, но и иностранной литературы.

Ушинский придавал огромное значение изучению иностранных языков, но находил мало толку в том, как оно до тех пор велось в институте. Практическое знание языков он считал делом второстепенной важности, а главное значение его видел в том, чтобы учащиеся могли свободно понимать и переводить прочитанное.

Учебные предметы распределены были по классам тоже совершенно иначе, чем прежде,— изменена была и продолжительность уроков: полуторачасовые уроки были заменены часовыми, с переменою в пятнадцать минут для отдыха, что было несравненно менее утомительно для слушательниц. В то время все вообще учебные программы чрезвычайно устарели, а программы женских среднеучебных заведений — тем более. Таким образом, Ушинский явился инициатором постановки как общей программы преподавания, так и распределения предметов по классам.

Ушинский находил, что поручить проведение реформ прежним учителям было немыслимо: сжившись с устарелыми методами преподавания и будучи в большинстве случаев людьми консервативными, они стали бы выполнять новые программы обучения на старый лад, чисто формально, и тогда его проект преобразования всего учебного дела, над которым он так много трудился, остался бы мертвою буквою. Он был глубоко прав. Его учебные программы (в главных основах) были приняты и в других институтах, но так как они применялись на практике большею частью прежними учителями (кроме вновь введенных предметов, для которых волей-неволей пришлось пригласить новых учителей), воспитанницы других институтов и не пережили той лучезарной поры умственного обновления и расцвета, которую переживали мы, институтки Смольного. Новые учебные программы у нас проводились в жизнь новыми учителями, выбранными Ушинским, под непосред-

ственным наблюдением и руководством этого величайшего русского педагога. К тому же он сам, своими собственными лекциями, беседами, разговорами, даже своею личностью, преисполненною пламенною, кипучею страстью к общественной просветительной деятельности, производил полный переворот в нашем миросозерцании, поддерживал наше стремление к занятиям и наш необычайный умственный подъем.

Ушинский смотрел на выбор новых учителей как на задачу чрезвычайно ответственную: от этого зависела вся будущность обновления преподавания. Тут необходимо было все предусмотреть, все предвидеть: новые преподаватели должны были не только знать свое дело и быть более или менее талантливыми педагогами, но должны были явиться истинными сотрудниками и товарищами Ушинского. Вместе с ним они должны были представлять одну семью, объединенную одними и теми же прогрессивными интересами, вполне ясно и отчетливо сознавать вред рутинного преподавания, выработать с помощью своего руководителя определенный взгляд на преподавание, соответствующий требованиям науки.

У Ушинского было много знакомых в учительской среде, но нужных для себя людей он искал всюду. Чтобы познакомиться с преподаванием как можно большего числа учителей, он усиленно посещал различные лекции, слушал преподавание не только в среднеучебных заведениях, но и в элементарных школах. Так он приехал однажды в Таврическую бесплатную школу, прослушал урок Косинского, подметил в нем опытность и талантливость в преподавании геометрии и пригласил его преподавателем в институт. Не стесняясь ни летами, ни дипломами, ни социальным положением, Ушинский приглашал каждого учителя, у которого находил то, что ему было нужно. При своих основательных научных знаниях, при исключительной педагогической талантливости, при настойчивости характера, он отличался еще удивительным умением быстро разгадывать способности ближнего. Все это

помогло ему найти действительно подходящих сотрудников. Из привлеченных им новых преподавателей назову лишь тех, которые так или иначе оставили след в общественной жизни, в преподавании или в литературе: Я. П. Пугачевский, преподаватель физики Н. И. Раевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, В. И. Водовозов, О. Ф. Миллер, Г. С. Дестунис, молодой священник-академист Головин и другие.

Объединив новых учителей в тесный дружеский кружок, всею душою преданный делу обновления преподавания, Ушинский устроил *учительские конференции*, чего никогда не существовало в стенах Смольного. На них обсуждалось применение новых программ и способов обучения, и делалось это с главною целью установить единство преподавания во всех предметах. Здесь же Ушинский давал советы и делал замечания учителям относительно только что прослушанных им лекций и занятий в классе.

Объединение учителей и живая связь между ними и инспектором поддерживались и журфиксами, устроенными Ушинским у себя по четвергам, на которые у него, кроме различных писателей, собирался тот же учительский кружок. Тут в приятельской беседе, запросто, они передавали друг другу свои мнения о способностях учениц и их суждения по поводу изучаемых ими исторических личностей и героев классических произведений, толковали и спорили о литературных, научных и политических новостях.

Таким образом, Ушинский сделался истинным вождем, духовным отцом и руководителем новых учителей. Нет ничего мудреного в том, что они оказались на высоте своего положения. Характер их преподавания был действительно диаметрально противоположен существовавшему прежде в Смольном. Вместо отрывочных знаний, сухо изложенных отвлеченным или высокопарным слогом, получился живой систематический курс.

Ушинский рекомендовал ученицам записывать лекции за учителями. При новой системе преподавания

избежать этого было довольно мудрено. Каждый учитель приносил с собою все, что было напечатано по его предмету наилучшего и популярного. Составляя лекцию того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитанным из указанных им книг. Так мы начали работать не только у преподавателя литературы В. И. Водовозова, но и у преподавателя географии Д. Д. Семенова, русской истории М. И. Семевского и у некоторых других. Если принять во внимание, что по каждому предмету воспитанницам приходилось чрезвычайно много читать и все прочитанное приводить в порядок, набрасывать конспекты и составлять лекции, то можно сказать без преувеличения, что при Ушинском мы работали совсем не по-институтски.

У нас шла до невероятности напряженная, лихорадочная работа. Каждую лекцию, по очереди, должны были составлять пять-шесть воспитанниц, остальные делали то же по другим предметам, а между тем в послеобеденное время каждой приходилось готовить еще уроки по двум, а то и по трем предметам. Вот почему большая часть девушек работала и по ночам. Самую лучшую работу учитель прочитывал в классе. Если воспитанница почему-нибудь не могла составить лекцию, она заявляла об этом учителю и должна была заняться ею в следующий раз. Никто не заподазривал ее в лености: работали прежде всего потому, что явился живой интерес к знанию, охвативший все наши душевные силы, все наши помыслы, но нельзя, конечно, отрицать и того, что известную роль здесь играли и соревнование, и боязнь осрамиться перед новыми учителями.

Когда к пяти часам кончались занятия с учителями и после обеда возвращались в класс, мы немедленно принимались за работу. Классным дамам не приходилось бранить нас ни за шум, ни за беготню по коридорам: в классе стояла полная тишина, прерываемая только шелестом переворачиваемых страниц и скрипом перьев. Такая же напряженная деятельность продолжалась и после чая, когда мы приходили ложиться спать.

Как только классная дама уходила в свою комнату, мы снимали передники и платья и, закутавшись в платки, свертывали свои салопчики, клали их на пол у кроватей и садились на них. На наших матрацах мы размещали книги и карандаши, укрепляли свечку в самодельный подсвечник из картона и принимались за дело. Хотя в дортуаре стоял большой стол и скамейки, но они помещались у того конца спальни, где находилась комната дамы; к тому же лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше. Если бы посторонний человек вошел ночью в дортуар, когда над кроватями торчали головы воспитанниц, склоненных над книгами, когда здесь и там уныло мерцали огоньки огарков, он мог бы подумать, что попал в какую-нибудь капеллу, где богомолки молятся у гробов с мощами.

Иметь свечку для ночи сделалось первою заботою. Наиболее услужливые из подруг каждый вечер разрезали перочинным ножом свою свечку на несколько частей и раздавали неимущим. Чуть, бывало, ночью, раздастся шум из комнаты классной дамы,— мы моментально тушим огни и полураздетые бросаемся в кровать под одеяло. Ни усовещивания классных дам, ни их брань за ночные бдения не могли уничтожить этого нового обычая.

Можно себе представить, как дико было классным дамам, получившим воспитание в том же институте и прослужившим в нем по многу лет, смотреть на все то новое, что делалось тогда в институте! Лекции некоторых учителей воспитанницы обращали в живую беседу с ними, беспрестанно вставали с своих мест, спрашивая их то о том, то о другом.

— Зачем понадобилось Лермонтову загрязнить образ поэтической Бэлы («Герой нашего времени»)? Он не должен был представлять ее так, что ради любви к Печорину она готова отказаться от родины и веры? Нравственная обязанность человека всегда оставаться патриотом,— заявляет одна.

— Для любимого человека,— срывается с своего места другая,— можно все принести в жертву!

— Для такого, как Печорин, ничем не следует жертвовать: он бездушный эгоист... Таких, как он, следует выгонять из России!

— Но он самый привлекательный человек на свете!..

— Да побойтесь же вы бога, господин учитель! Неужто о таких вещах вам дозволено рассуждать с воспитанницами, совсем еще девочками? — в ужасе обращается дежурная дама к учителю литературы.

— Да... да... пожалуйста, не мешайте! Это прекрасно, что они высказывают все, что думают! — простодушно отвечает учитель литературы и, не вступая в дальнейшие пререкания с классной дамою, переходит к обсуждению высказанного. Правда, нередко высказывались мнения до невероятности детские, даже дикие, но иными они и не могли быть у воспитанниц закрытого заведения. Учителя не только терпеливо, но даже с интересом выслушивали и обсуждали все высказанное каждою из нас.

Однажды Ушинский пришел на урок Д. Д. Семенова и взял со стола тетрадь, в которой был написан очерк о Белоруссии, составленный одною из воспитанниц как по его лекции, так и по материалам, им доставленным. Ушинский отошел читать к окну, а Семенов вызывал учениц и спрашивал их из только что у него пройденного. Ушинский от времени до времени прекращал чтение и прислушивался к бойким ответам учениц. Когда раздался звонок, мы окружили их обоих плотною стеною и начали живо болтать с ними, не обращая внимания на присутствие классной дамы.

— Я никогда не сомневался, что при новой системе преподавания вы будете делать успехи... Но вы превзошли мои самые смелые ожидания! Я знаю, какого труда это стоит вам без привычки к усидчивой работе!.. — растроганно говорил Ушинский, тароватый на порицание, но очень скупой на похвалу.

Несмотря на работу, требующую большой затраты сил, мы не хворали. Правда, две воспитанницы из нашего класса сильно отставали от подруг, но одна из них всегда была болезненною и малокровною, а у

другой — умственное развитие шло вперед вообще весьма медленно. Ее фамилия была Быстродумова, и уже в дореформенное время она получила кличку Тиходумовой. В высший класс она попала случайно: перед выпуском она умоляла Ушинского оставить ее в седьмом классе, но он не соглашался, ссылаясь на то, что хотя по отметкам она числится не из последних, но все же в высшем классе ей трудно будет учиться. Настойчивые мольбы Быстродумовой в конце концов заставили его исполнить ее просьбу.

Девочка употребляла всевозможные усилия, чтобы не отставать от подруг, но стала прихварывать, часто жаловалась на головную боль, по неделям лежала в лазарете. Ее ответы учителям и особенно письменные работы были сравнительно с другими довольно плохи. Но сила влияния Ушинского отразилась и на ней. Года через три после нашего окончательного выпуска Ушинский как-то приехал ко мне и рассказал следующее: гуляя по улице, он прочел на одной из вывесок «школа» и вошел в нее послушать урок, который уже начался. К нему вышла какая-то женщина, но он не спросил у нее фамилии учительницы, которая продолжала свою в высшей степени оживленную беседу с ученицами. Когда окончился урок, учительница (это была Быстродумова) повернулась в сторону Ушинского и вскрикнула от удивления, затем бросилась к нему и разрыдалась.

На другой день он получил от нее письмо, в котором она говорила, что накануне была взволнована неожиданною встречей с ним и не могла высказать свою признательность за все то добро, которое он ей сделал. Между прочим, она писала, что если бы не его влияние, она после выпуска продолжала бы жить так же, как и вся молодежь в семьях ее родственников, мелких чиновников, где девушки ведут борьбу с родными не за право учиться, как в других современных семьях, а за право приобрести новую тряпку, чтобы пленить сердце чиновника и продолжать такое же постылое существование, какое они вели в родительском доме.

«И меня ожидала та же участь: ведь институт до Вашего вступления в него не возбуждал более чистых стремлений»...

Но я забежала далеко вперед. Нравственный облик институток совершенно изменился. Сами мы не замечали в себе перемены, кроме того, конечно, что прежде некоторые из нас зубрили уроки, другие решительно ничего не делали, а теперь все работали серьезно, многие даже с страстным увлечением. Не так относились к этому наши родственники: то одна, то другая воспитанница сообщала подругам, что ее брат, отец или мать поражаются происшедшей с нею переменой, говорят, что она стала серьезнее, мягче, благоразумнее. Их изумляло, между прочим, и то, что еще недавно их «институточка», не находившая темы для разговора с ними в часы свиданий, оживленно рассказывала им теперь о том, что она читает, забрасывая их вопросами, просила, вместо того чтобы купить ей духи, достать ей те или другие книги. Традиционное обожание исчезло как по мановению волшебного жезла: никто из воспитанниц не вырезал на руках перочинным ножом инициалов имени того или другого учителя, никто не выкрикивал глупых слов обожания, никто не обливал их одежду духами. Даже Ивановская, проникнутая общим настроением, не высказывала более своих восторгов относительно «неземной красоты» Ушинского. Обожание казалось нам теперь уже чем-то пошлым и неуместным. Вместо него у нас явилась родственная, духовная связь с учителями и самое дружеское отношение к ним. Мы искали встречи с ними, чтобы поболтать, и бежали к ним в каждую перемену между уроками. В наиболее либеральный период нашей жизни некоторые из учителей приходили даже в сад побеседовать с нами, передавали нам содержание виденных ими в театре пьес, знакомили нас с игрою известных артистов, с явлениями общественной жизни и со стремлениями лучшей части общества. Конечно, все это было крайне отрывочно, но все же будило нашу мысль, усиливало интерес к духовной жизни.

Однажды веселая ватага воспитанниц, среди которой раздавались шутки и смех, прогуливалась в саду с учителем литературы, называя его по имени и отчеству, что прежде было немыслимо. Он также, обращаясь к ним, называл их по имени и отчеству. В эту минуту воспитанницы поровнялись с двумя классными дамами — Лопаревой и Тюфяевой, проходившими мимо с противоположной стороны.

— Боже, по именам называют! Скажите мне, скажите, что я ошиблась! — воскликнула m-lle Лопарева, склонная к сентиментальности, с ужасом хватая товарку за руку.

— Не ошиблись, моя милая, не ошиблись!.. Если они по канатам станут скакать с этими совратителями и со своим шалым инспектором, то и это меня уже больше не удивит... — отвечала Тюфяева.

Кратковременная эпоха реформ в Смольном была самым светлым воспоминанием нашей юности, нашей институтской жизни, только порою отравляемой злобным шипением классных дам, всеми силами души возненавидевших Ушинского и новых учителей.

Однажды императрица Мария Александровна посетила институт и долго разговаривала с Ушинским. Это убедило наше начальство в том, что государыня продолжает благосклонно относиться к нему. На первый же институтский бал после этого были приглашены Ушинский и все учителя — этого никогда еще не бывало у нас и едва ли могло быть без ведома императрицы.

Все это лишь усиливало злобу классных дам; раздражало их и то, что наша инспектриса продолжала дружить с инспектором. Классные дамы, еще недавно игравшие в институте доминирующую роль, сразу потеряли свое значение; вследствие этого они крепче сплотились между собой, держались как-то особняком и за свое унижение мстили пока одной только фразой, которую они частенько повторяли, вкладывая в нее и озлобленные вопли своего сердца, и угрозы по нашему адресу, и все свои злорадные надежды на будущее: «Не долго, не долго это продлится!..»

Наступил 1861 год. Когда положение 19 февраля было обнародовано, у нас отслужили молебен. Через несколько часов после возвращения из церкви вошел Ушинский и заявил, что он желает объяснить нам значение этого великого акта. В блестящем популярном сжатом очерке он набросал картину жизни помещиков во время крепостного права, познакомил нас с тем, как они забавлялись, сменяя пиры охотами и другими барскими затеями, указал и на жестокость многих из них к своим крепостным. Считая позором трудиться, рассказывал он, помещики сами или через управляющих обременяли своих крестьян непосильными трудом, оставляя их влачить жалкую жизнь, полную жестоких лишений, погруженных в беспросветный мрак невежества и унизительного рабства. Заключительный аккорд этой блестящей речи состоял в том, что акт освобождения крестьян налагает на всех нас обязанность уплатить им хотя ничтожную часть нашего долга. За наше образование, за возможность жить безбедно, за блага, приобретенные на счет векового рабства масс, мы, чтобы искупить тяжелый грех многих поколений, должны отдать все свои силы на просвещение народа. «И каждый, у кого в груди не камень, а сердце, искренно откликнется на этот призыв!» По словам Ушинского, с этого момента все обязаны нести в народ свой труд, знания и таланты, а на русских женщин наступившая эпоха освобождения налагает еще особую обязанность— раскрепоститься от предрассудков, специально тяготеющих над ними. Еще не так давно у нас не находили нужным даже учить женщину грамоте, но и теперь в семьях людей образованных, там, где считают необходимым давать высшее образование сыну, дочь учат как попало и кой-чему. И все, даже сами женщины, находят такой порядок вещей нормальным. Быть наставницею молодого поколения — великая и благородная задача, но в то же время в высшей степени трудная и сложная. Выполнять ее с успехом женщина может, только основательно вооружившись серьезными знаниями. Следовательно, женщины так же, как и мужчины, должны

получать высшее образование. «Вы обязаны,— говорил он, — проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердца ваших сестер и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами». Нужно помнить, что Ушинский говорил это еще в 1861 году.

Во время моего знакомства с Ушинским после выпуска, какие бы разговоры и споры он ни вел в кругу своих знакомых, мне никогда не приходилось слышать, чтобы он высказывал идеи социалистические или радикально-демократические: он всегда и всюду является лишь страстным поклонником, сторонником и пропагандистом просвещения вообще и распространения его среди простого народа в особенности, а также проповедником широкого образования женщин. Лишь в достижении женщиною высшего образования он видел альфу и омегу женского равноправия, его конечную цель и предел. Такими взглядами на женский вопрос были проникнуты в то время лишь наиболее прогрессивные люди русской интеллигенции; сами женщины, даже и наиболее передовые из них, под равноправием подразумевали тогда одинаковое с мужчинами право на высшее образование, а также и право на самостоятельный заработок.

Недели через две после своей речи Ушинский сообщил, что у нас будет открыта школа грамоты для горничных и что воспитанницы седьмого класса, желающие обучать их, могут заниматься с ними по воскресным дням. Все с восторгом выразили желание учить.

В одно из воскресений, после молебна, на котором присутствовали все наши горничные, воспитанницы приступили к занятиям с ними. Ушинский подходил к каждой скамейке и внимательно прислушивался к преподаванию молодых учительниц, а по окончании занятий указывал промахи в их приемах обучения.

Таким образом, новая воскресная школа приносила пользу и воспитанницам, и горничным.

Нашу воскресную школу для горничных скоро закрыли по неизвестной нам причине, но, будь мы поопытнее, мы поняли бы, что это было первым признаком наступившей в институте реакции. Очевидно, подул не тот ветер, который год тому назад принес нам освежающую струю чистого воздуха. И что-то странное началось у нас твориться.

По окончании классных занятий то одна дама, то другая забегала к своей товарке, отзывала ее в сторонку и оживленно перешептывалась с нею. Нередко обе они усаживались за столик и передавали друг другу новости с явным желанием, чтобы воспитанницы их слышали. «Этот gamin (уличный мальчишка), этот прохвост осмелился не отдать мне поклона», — сообщала одна из них. Другая отвечала ей, что «этот негодяй» так нагло посмотрел на нее вчера, а m-lle Лопаревой он даже засмеялся в лицо, что же касается m-lle Носович, то он не извинился перед нею даже тогда, когда толкнул ее при встрече... Фамилию преступника дамы не называли, но мы догадывались, что дело идет о ком-нибудь из молодых учителей.

Несомненно, что все эти новости были пошлою выдумкою: классных дам возмущало не только то, что они постепенно утрачивали свое значение, но и то, что от новых учителей они не видели галантной предупредительности и расшаркивания перед ними, к чему они так привыкли при прежних учителях. Еще более возмущало их то, что когда во время урока одна из них начинала войну с воспитанницею, т. е. отнимала у нее какую-нибудь бумажонку, учитель прекращал чтение лекций и не произносил ни слова до тех пор, пока она не садилась на свое место. Ушинский первый предъявил требование, чтобы в классе ни воспитанницы, ни классные дамы не нарушали тишины. После его столкновения с Тюфяевой никто из классных дам не осмеливался более мешать ему: с ним считались и его побаивались. Более или менее сдерживали они

себя и во время занятий учителей во весь первый год. Но как только появились первые признаки реакции, классные дамы начали придираться к воспитанницам, имея в виду прежде всего раздражить этим учителей, а через них насолить Ушинскому. Они то и дело начали вставать с своих мест во время уроков и расхаживать между скамейками. Как только воспитанница передвигала машинально книгу или тетрадь, дама громко бранила ее за это, тянула к себе с пюпитра что попало, обдергивала ее якобы за небрежный туалет и т. п. Вражда раздувалась все сильнее и разделила, наконец. все население института на два лагеря: па одной стороне стояли преподаватели с Ушинским во главе и воспитанницы, а в противоположной партии — весь женский персонал начальства и двое учителей, оставшихся в институте от дореформенного времени. Конечно, и классные дамы успокоились бы в конце концов, во всяком случае менее утруждали бы себя выдумками, если бы начальница Леонтьева твердо решила претерпеть до конца новшества Ушинского. Но решимости на это у нее хватило лишь на первое время, да и то потому только, что, с одной стороны, его реформы были санкционированы свыше, а с другой — она просто не поняла, что Ушинский был не из тех людей, которые вводят реформы только внешним образом, напоказ. К тому же, Леонтьева не имела представления о том, что преобразования так глубоко коснутся внутреннего быта института.

Когда она это поняла, она решила, что государыня, сама желавшая оживить умственную жизнь воспитанниц, не знала о том, как это перевернет вверх дном все устои института.

И вот на голову Ушинского мало-помалу начинают сыпаться самые неожиданные неприятности. Классным дамам стоило только заметить, что начальница недовольна инспектором, и у них явилась надежда, что не все еще потеряно, что старое можно вернуть, что новое долго не удержится... И они начали более, чем когда-нибудь, подлаживаться к Леонтьевой. Их примеру

скоро последовала и наша бесхарактерная инспектриса, m-me Сент-Илер.

Однажды она заявила нам, что хотя во время уроков нам и дозволено обращаться к учителям с вопросами, но мы должны помнить, что имеем право спрашивать их только о том, чего не понимаем из предмета, преподаваемого каждым из них. Но так как ей сделалось известным, что мы слишком широко воспользовались этой свободой, с шумом, криком и гиком, доходящими до полной непристойности (чего никогда не бывало), окружаем наших учителей в перемену, перебивая их и друг друга, болтаем с ними о всяких пустяках, — этого она не потерпит долее. Никоим образом не может она допустить и того, чтобы учителя приходили в сад вести с нами бесконечные беседы.

И так сразу был положен конец нашему живому общению с преподавателями. В классе водворилась полная тишина. Это было для нас крайне тяжелою незаслуженною карою: мы продолжали усердно работать и читать, но «проклятые вопросы» осаждали наши головы, а поговорить о них теперь было не с кем. Тогда некоторые из нас начали прибегать к такой хитрости: подавая учителю составленную лекцию, мы в конце ее, а то и посреди излагали (в скобках) то, что нас интересовало. У учителя литературы в эти скобки мы включали вопросы о том, почему герой или героиня такой-то повести поступили так, а не иначе. У учителя истории, — возможен ли в настоящее время на престоле такой жестокий царь, каким был Иван Грозный? Был ли Павел сумасшедшим или нормальным человеком? Правда ли, что его убили? Можно ли Петра I называть великим только за то, что он производил крупные реформы, а между тем являлся палачом своих подданных?

Через много лет после выпуска, когда меня как-то посетил Д. Д. Семенов (бывший у нас учителем географии), он сказал, что только что случайно нашел между своими бумагами исписанный лист, который живо напомнил ему «период скобок» (т. е. время, когда мы сносились с учителями посредством скобок). Вот в это

время одна воспитанница подала Семенову составленную ею лекцию о Малороссии, а в скобках обратилась к нему с курьезным вопросом, который он списал на память, так как лекцию должен был вернуть составительнице:

«На-днях мне дали для прочтения маленькую книжечку и сказали, что это стихотворения Михайлова. Но так как титульный лист был оторван, а на оберточной бумаге для безопасности от классной дамы было написано: «Перевод стихотворений Корнеля» (наше начальство считает его благонамеренным писателем), то я и не знаю, были ли стихотворения Михайлова оригинальными или переводными. Из них мне врезались, в память две строчки:

Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?

(Цитирую не по книге, а по памяти, но за смысл ручаюсь). Вот в чем дело, многоуважаемый Дмитрий Дмитриевич! Если это стихотворение Михайлова переводное и, следовательно, в этом двухстишье автор подразумевает жителей западных государств, то для меня оно понятно. Я недавно читала, что строй этих государств пришел в негодность; в одном месте книги было даже сказано: «гнилой Запад». Ведь не может же автор иметь в виду Россию после великого акта освобождения крестьян, когда прежним несчастным рабам дана свобода, когда, следовательно, все уже пользуются полной свободой и равенством? Не правда ли, такой ужас в России исчез с освобождением крестьян? Но если он существует и теперь, почему же все Вы, честные, добрые, великодушные наши преподаватели, не соединитесь вместе с великим нашим наставником и общими усилиями не уничтожите это страшное зло в России? Как подло со стороны «ведьм», что они прекратили наши беседы со всеми Вами! Пожалуйста, Дмитрий Дмитриевич, когда будете возвращать мне эту лекцию, ответьте мне на мой вопрос так, чтобы «ведьма» не могла заподозрить, что я спрашиваю Вас об этом в лекционной тетради».

— И вот как на грех, — рассказывал Семенов, — в один из четвергов я снес эту выписку Ушинскому. Преподаватели очень смеялись, когда я прочел им ее, а Ушинский, боже мой, я и сам был не рад, что познакомил его с содержанием этого курьеза! Он вскочил из-за стола и ну ходить по комнате в страшном волнении и говорил, говорил битых часа два, пока не раскашлялся и не разволновался так, что мы должны были разойтись по домам. Ушинского особенно возмущало то, что девочкам запрещают невинные беседы с учителями; это запрещение институтское начальство объясняло ему тем, что такие отношения с преподавателями будто бы лишают учениц женской скромности и комильфотности, но он был глубоко убежден, что даже при тупости классных дам, они не могли этого думать и что тут был умысел иной. Он заметил, что если нас, учителей, и поражает наивная болтовня девочек, их до невероятности ребячливое миросозерцание, то его оно только радует: из этих «скобок» видно, что у воспитанниц уже являются мысли относительно общественной жизни, а еще недавно у них были на уме лишь «кавалергарда шпоры».

Получая составленную лекцию, заключающую самые разнородные вопросы в скобках, учителя прекрасно справлялись с своей новой задачей: они старались удовлетворить любознательность своих учениц, отвечая на их вопросы в безразличной форме.

Нас, воспитанниц, начала удивлять необычная суетливость нашей инспектрисы, которая к тому же все усиливалась: она то возвращалась от начальницы, то отправлялась к ней, то призывала к себе классных дам. Однажды в дежурство m-lle Тюфяевой, когда мы ждали преподавателя русской истории М. И. Семевского, к нам вошла maman. Мы встали с своих мест с обычным приветствием, а она голосом, срывающимся от нервного возбуждения, произнесла (по обыкновению, по-французски):

— Этот невоспитанный мальчишка, который должен к вам притти сию минуту (он в то время был одним

из самых молодых), так непристойно-заносчиво держит себя здесь со всеми, что я считаю долгом проучить его за это. Теперь я выйду из класса, а как только он войдет, я возвращусь, пройду к противоположной двери в коридор, но когда я буду позади скамеек, m-lle Тюфяева, а за нею и все вы должны присоединиться ко мне, вставая со своих мест без всякого шума. Таким образом мы все выйдем из класса. Он останется один среди пустых стен! Может быть, хотя это образумит негодяя!

Почему этот скандал был устроен М. И. Семевскому, а не кому-нибудь другому из учителей, навсегда осталось неизвестным. Сам он категорически отрицал возводимые на него обвинения в том, что он при встрече с той или другой классной дамой толкал кого-нибудь из них, нагло и с издевательством смотрел им в глаза и т. п. При этом он совершенно справедливо указывал на то, что если бы что-нибудь подобное случилось с ним, то оскорбленная дама не стала бы ждать случая, а тут же подняла бы «историю», как это было при столкновении Ушинского с m-lle Тюфяевой.

К. Д. Ушинский уже после выпуска как-то спрашивал нескольких своих бывших учениц, чем они объясняют этот скандал, и те единогласно отвечали ему, что, по их мнению, он начат был с М. И. Семевского, как с самого молодого, и, наверно, устроен был бы и другим учителям, если бы он, Ушинский, тотчас и сразу не положил этому предела.

Что касается того, как могла инспектриса Сент-Илер, о которой Ушинский был такого хорошего мнения, не только играть главную роль в этой истории, но даже взять в ней на себя инициативу, то это вытекало из всего характера нашей трусливой, безвольной maman. Когда у нас наступила реакция, Леонтьева всеми своими действиями обнаружила полную решимость выжить Ушинского из института; maman, по обыкновению, тотчас испугалась за свое положение и тогда уже открыто стала на сторону врагов Ушинского.

Однако вернемся к инциденту. Как только мягкосердечная maman, на этот раз с каким-то злорадством

объявила свое оригинальное распоряжение, прозвонил колокол. Она быстро вышла, а вслед за нею появился учитель. Он поклонился Тюфяевой, но она не отдала ему поклона; мы привстали, чтобы раскланяться с ним, но в эту минуту вошла инспектриса. Мы продолжали стоять, а учитель, уже успевший сесть, снова встал с своего места и поклонился инспектрисе, но та только выше подняла голову и величественно направилась к противоположной двери.

Однако не все произошло так, как было предписано: вышла m-lle Тюфяева, а за нею последовали смущенные воспитанницы, но три из них продолжали сидеть в классе на своих местах: Ратманова, Саулова и я. Учитель как встал для поклона инспектрисе, так и продолжал стоять, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни он, ни мы трое, оставшиеся в классе, не произносили ни звука. Наконец, он сел и начал вынимать книги из портфеля, но затем быстро положил их обратно со словами: «При таких условиях я не могу читать!..», встал, раскланялся и вышел.

Весь этот инцидент продолжался несколько минут.

Вслед за уходом учителя в класс вошли все только что вышедшие из него. M-me Сент-Илер, бледная, со слезами, которые текли по щекам, обратилась к нам, оставшимся в классе, со словами, звучавшими гневом и возмущением:

— А вы трое, как осмелились вы поступить вопреки моему приказанию? За всю мою службу здесь еще не было примера, чтобы кто-нибудь позволил себе так дерзко нанести мне оскорбление! И это за то, что, кроме ласки и привета, вы ничего не видели с моей стороны?.. Я не верила, когда все кругом говорили мне, что вы в конце концов и относительно меня запятнаете черною неблагодарностью!

— Простите, maman, простите! — вдруг бросилась к ней, рыдая, Саулова, очень чувствительная девушка, которая чрезвычайно быстро увлекалась и еще быстрее остывала в своем увлечении. — Я необдуманно посту-

пила! Я не знала, maman, что это вас так огорчит! Вы лучшая, самая лучшая здесь!..

Инспектриса, ничего не отвечая и прикрывая глаза платком, молча направилась к себе, а Саулова бежала за ней, выкрикивая на все лады те же мольбы, и скоро получила прощение.

Вечером меня позвали к инспектрисе. Она начала с повторения уже сказанного, но так как я молчала, она вдруг спросила меня:

— Ты имеешь что-нибудь против меня лично? О, я могу смело задавать подобные вопросы... Я никому из вас не сделала зла! Напротив даже, всех вас, а особенно тебя, всегда защищала перед классными дамами!..

— Конечно, maman, я ничего не имею против вас! Даже не смею иметь!.. Уверяю вас, мне очень больно, что я вас огорчила!..

— Если бы это было так, то ты много раз могла бы сегодня же притти ко мне и попросить прощения.

— Я не могла... Это было против моих убеждений!

— Что?.. Повтори! — грозно настаивала она и, не дожидаясь ответа, разразилась искусственным смехом. — А, так вот чему вас научили новые учителя! Говорить высокопарные фразы!..

— Фразами, maman, называют слова, когда их повторяют без смысла. Вероятно, я понимаю, что значит убеждение, если решилась пострадать за него!..

— Опомнись!.. Знаешь ли ты, что я в первый раз в этих стенах слышу такие слова!.. Ваши учителя исковеркали, изломали вас!

— Прежде здесь не произносили таких слов, потому что не имели ни взглядов, ни убеждений...

— Если ты будешь сыпать твои фразы в гостиной, над тобой будут издеваться как над последней дурой и фразеркой.

Конечно, свою скромную мысль мне следовало отстаивать попроще, да и говорить с инспектрисой об убеждениях было более чем наивно, но ведь нужно помнить, что мы были еще почти детьми: никому из нас в это время не было более 16—17 лет.

— Будь же любезна, объясни мне, какое отношение имеют твои возвышенные убеждения к моим распоряжениям?

— Вы приказали, maman, воспитанницам уйти с лекции, чтобы наказать учителя за его неблаговоспитанность. При нас все учителя раскланиваются с классными дамами, даже теперь, когда те перестали отвечать на их поклоны. С нами все они очень вежливы и усердно заботятся о нашем просвещении. За что же нам наказывать их? Это было бы низостью с нашей стороны. Следовательно, ваше приказание было против моего убеждения.

— Пошла вон отсюда, скверная, до мозга костей исковерканная девчонка!..

Но когда я сделала реверанс, чтобы удалиться, инспектриса гневно закричала:

— На-днях тебя уволят из института, и я буду настаивать на этом даже более, чем на удалении Ратмановой. Твое пребывание — настоящая зараза для твоих подруг. Тут уже и твой дядюшка не спасет тебя!.. ты будешь уволена, и даже через несколько дней...

— Сейчас же извещу об этом моих родных!..

— Не ты известишь их о твоем увольнении, а учреждение, в котором ты воспитываешься! А теперь ты снимешь передник и будешь ходить без него вплоть до твоего удаления! И в церкви будешь стоять без передника и отдельно от других...

— Все ваши приказания, maman, я исполню, но *этому церковному наказанию*... извините... я взрослая девушка... я не могу подчиниться! Теперь, когда цепи рабства пали, вы наказываете меня как последнюю рабыню! Вот ваше христианское милосердие!.. Выгонять из института — ваше право, но наказывать меня в церкви — не позволю! — Последние фразы я уже выкрикивала дерзко и запальчиво, быстро сделала реверанс и повернулась, чтобы итти, когда она закричала: «С глаз долой!».

Для меня долго оставалось непонятным то, что инспектриса дала мне высказать кое-что, удостоила

меня даже своими возражениями, правда, ироническами, но согласно с нашими правилами, ей следовало бы прогнать меня при первых же моих словах. Только гораздо позже я поняла, что она у меня же, в моей запальчивой путаной фразистой детской речи черпала аргументы для доказательства перед Ушинским негодности и безнравственности новых учителей и новой системы образования и воспитания.

Мне и в голову не приходило сомневаться в моем увольнении: это объявила мне не Тюфяева, а инспектриса, которая никогда не прибегала к подобным угрозам. Когда я вышла от инспектрисы в коридор и встретила воспитанниц, я просила их передать дежурной даме, что почувствовала себя дурно и вынуждена сию минуту отправиться в лазарет, — это было для меня единственным средством обдумать мое положение.

Ночью, лежа в лазаретной постели и перебирая в уме все происшедшее, я нашла, что задача избежать наказания в церкви, считавшегося самым позорным для выпускной воспитанницы, еще была одною из легких по сравнению с другими моими заботами. Прежде всего мне необходимо было известить дядю о моем увольнении. Я прекрасно знала, что он, столь энергично защитивший меня против явной клеветы Тюфяевой полтора года назад, в настоящем случае примет сторону инспектрисы. Он всегда стоял за беспрекословное подчинение воле начальства, а я осмелилась выказать неповиновение и к тому же не раскаялась в своем поступке, — все это не только должно было усугубить мою вину в его глазах, но показаться ему настоящим преступлением. От него я могла ожидать всего: при известии о моем удалении он мог немедленно явиться к инспектрисе и, когда та объяснит ему, в чем дело, потребовать от меня, взрослой девушки, чтобы я коленопреклоненно просила у нее прощения. Эта мысль леденила кровь в моих жилах. Нет, ни за что не буду его извещать о моем удалении! К кому же обратиться? Моя мать жила в глухой деревне, очень далеко от Петербурга, и, получив от меня известие, могла прие-

хать за мной лишь через месяц-другой. Мне пришло в голову, что у меня остается единственная обязанность известить об этом Ушинского. Благодаря ему, я получаю стипендию: он должен узнать о том, что меня исключают, чтобы немедленно передать ее другому лицу (относительно стипендий у меня было самое смутное представление). Известить обо всем Ушинского меня побуждала и боязнь, что начальство доведет эту историю до его сведения в искаженном виде. И я всю ночь обдумывала письмо Ушинскому и на другой же день засела за него. Я рассказала ему, как инспектриса приказала нам оставить класс, когда войдет учитель истории, объяснила ему причину, не дозволившую мне повиноваться ей, изложила и мой разговор с maman, не утаив от него и моих выражений, так возмутивших ее. Я писала ему, что не сомневаюсь в моем увольнении из института, и ввиду этого просила его руководить моими занятиями вне стен заведения.

В субботу вечером, перед тем как воспитанницам приходилось итти в церковь, ко мне забежала Ратманова с известием, что инспектриса продолжает каждый день ходить к начальнице и что, несмотря на это, никто из них не вспоминал о нас. Но я все-таки опасалась, что инспектриса вспомнит свою угрозу насчет церкви, и, чтобы избежать этого наказания, слегла в постель. Это оказалось совершенно лишним: прошло более недели, а между тем никто не напоминал мне о моем исключении из института, и я отправилась в класс как ни в чем не бывало. Ушинский, после отсутствия своего вследствие болезни, опять начал читать лекции. В первый же раз после своего прихода он долго сидел у инспектрисы, но о чем они толковали между собой, для нас осталось неизвестным.

Я несколько раз после этого встречалась с Ушинским — и одна, и в обществе подруг, — но он ни разу не дал мне заметить, что получил мое письмо. По внешнему виду он становился все более угрюмым и болезненным: его и без того бледные исхудалые щеки осунулись еще более, лоб пожелтел, глаза горели лихо-

радочным огнем. Мы не решались подходить ни к нему, ни к учителям, и никто из них не разговаривал с нами более.

Г-жа З. Э. Мордвинова в своем биографическом очерке «Статс-дама М. П. Леонтьева» возмущается тем, что биографы Ушинского приписывают расстройство его здоровья неприятностям, клеветам и доносам, испытанным им в Смольном. Хотя биографы, говорит она, не называют фамилии Леонтьевой, но прежде всего имеют в виду именно ее, как особу, облеченную наибольшею властью в Смольном. Желая опровергнуть это и показать, что Леонтьева сочувствовала всему благородному и прекрасному, а следовательно, и реформам Ушинского, она старается доказать это, поместив в своей книге два подлинных письма (Леонтьевой и Ушинского), извлеченных из архивов, из которых видно, что в 1858 г. Леонтьева через Делянова (бывшего тогда членом совета женских учебных заведений и попечителем Петербургского учебного округа) предлагала Ушинскому занять должность инспектора в Смольном и что он на это согласился. Но эти письма не доказывают того, что желает доказать г-жа Мордвинова. Очень возможно, что Леонтьева предложила Ушинскому инспекторство уже тогда, когда узнала об этом мнение императрицы и Норова, которым биографы и приписывают назначение Ушинского, ссылаясь при этом на его собственные слова. Но если бы даже Леонтьева и совершенно самостоятельно выразила желание иметь инспектором Ушинского, то это еще совсем не говорит о ее сочувствии к нему, тем более, что в то время она ни разу не видала его.

Нужно заметить, что за несколько месяцев до приглашения Ушинского умер инспектор Смольного Тимаев, а на его место члены совета предложили принять на испытание Полевого, сына писателя, очень молодого человека, который весьма не понравился Леонтьевой. Желая как можно скорее избавиться от него, она предлагала нескольким лицам занять должность инспектора, но дело не налаживалось, и уже тогда она через Делянова обратилась к Ушинскому, который в то время

был инспектором Гатчинского института. Что же касается утверждения г-жи Мордвиновой, что Леонтьева не мешала проведению реформ в учебном деле, то это верно лишь в известной степени. Конечно, довольно мудрено было начальнице препятствовать их введению, когда они официально были утверждены свыше. Но, будучи особой до мозга костей дико консервативной, Леонтьева не могла индиферентно смотреть на какие бы то ни было перемены, а особенно когда заметила, что они в корне подтачивают нравы и обычаи института. Правда, она допустила беседы учениц с учителями во время уроков, но как только они приняли живой характер — этому был положен конец. Точно так же и в остальных реформах она старалась вытравить все живое.

Что же касается личности Ушинского, то как только Леонтьева поняла его характер, она начала делать все, чтобы отравить ему существование. Как она, так и классные дамы не могли сразу проявить ненависть, которую они почувствовали к нему: благосклонное отношение к нему императрицы заставляло их до поры до времени весьма дипломатично обращаться с ним. Да и сам Ушинский был не из тех, которых можно было легко и просто затереть. И вот потому-то, желая досаждать и мстить ему, они пока травили учителей. Да и могли ли не только сочувствовать друг другу, но маломальски переваривать один другого эти две личности — Леонтьева и Ушинский, столь различные между собой по своему характеру, понятиям и воззрениям? Леонтьева — осколок старины глубокой, особа с допотопными традициями и взглядами, с манерами, до комизма чопорными, с придворным высокомерием, с ханжеской моралью, требующая от каждого полного подчинения своему авторитету и подобострастного поклонения перед каждым своим словом, и он, Ушинский, — представитель новой жизни, носитель новых, прогрессивных идей, с энергией страстной натуры проводящий их в жизнь, до мозга костей демократ по своим убеждениям, считавший пошлостью и фокусами всякий этикет, всем

сердцем ненавидящий формализм и рутину, в чем бы они ни проявлялись! Такие же диаметрально противоположные цели преследовали обе эти личности и в воспитании: она, упорно стремившаяся к тому, чтобы воспитанниц двух огромных институтов привести к одному знаменателю, он — горячий защитник свободной мысли и индивидуального развития. У них была только одна черта, общая друг другу,— властолюбие, но, конечно, она лишь усиливала их взаимную ненависть и вражду. Нервный и болезненно-раздражительный, Ушинский, человек во всеоружии знаний, прекрасно знавший себе цену, не мог вынести препятствий при своем быстром шествии вперед по пути прогресса и новшеств и наносил удары своим врагам, не обращая ни малейшего внимания на их служебное положение. Властолюбивая Леонтьева, от которой до сих пор исходило все, что делалось в институте, которой всегда и во всем принадлежала власть и инициатива, не смела более вмешиваться в учебное дело. И прежде оно находилось в ведении инспектора, но, несмотря на это, она по своему произволу выбрасывала из заведения каждого учителя, который ей не нравился. Теперь же в выбор учителей она совсем не могла вмешиваться. Уже одним этим она была уязвлена в своем самовластии и самодержавии. К тому же, Ушинский отличался еще одною чертой характера, совершенно не переносной для институтского начальства: наблюдательный, остроумный, находчивый, резкий и прямой, с презрением относившийся к пошлости, он решительно не мог удержаться от сарказмов, а институтское начальство, по своему невежеству, представляло для этого широкое поле.

В то время, о котором я говорю, Ушинский уже пользовался большою известностью в обществе: его остроумные замечания, меткие выражения и характерные эпитеты о женском персонале Смольного ходили по городу и нередко оттуда переносились через наши стены. Как отравленные стрелы, вонзались они в сердца нашего высшего и низшего начальства и все бо́льшую ненависть возбуждали к Ушинскому. Преданные ему

друзья-учителя предостерегали его, говоря, что этим он создает себе особенно много врагов, которых и без того у него достаточно вследствие его реформаторской деятельности.

Наконец, начальство почувствовало, что настало время не только косвенно задевать Ушинского, нападая на учителей, и начало распускать лично о нем всевозможные клеветы. Мы, воспитанницы, слышали об обвинениях, сыпавшихся на него, но они доходили до нас в такой неопределенной форме, что мы не могли составить себе ни малейшего представления о борьбе, которую ему пришлось вынести.

Уже после выпуска, когда он однажды посетил меня, я в присутствии нескольких его знакомых просила рассказать нам, в чем обвиняло его институтское начальство и почему ему так скоро пришлось оставить институт. Константин Дмитриевич начал свой рассказ довольно спокойно, но скоро пришел в крайне нервное возбуждение, а через несколько минут бросал уже отрывочные фразы и, наконец, со словами: «Не могу!» совсем умолк. С тех пор я боялась беспокоить его тою же просьбою.

Вот что я могла узнать по этому поводу отчасти от него самого, а также и от близких к нему учителей, которым он тоже кое-что сообщал об этом.

Когда он понял, что классные дамы стараются своими «фокусами и мелочною пошлостью» раздражать учителей, он убедительно просил их не обращать на это ни малейшего внимания. И они, действительно, твердо держались данного ему слова. Но вот однажды М. И. Семевский пришел рассказать ему об описанном выше инциденте с ним. Ушинский взглянул на это как на простое недоразумение. Он смотрел на инспектрису как на единственную образованную, умную и порядочную женщину в нашем институте; к тому же она всегда выражала сочувствие его реформам. Правда, в беседах с ним она соглашалась далеко не со всеми его взглядами на воспитание, но тем более Ушинский верил в искренность ее сочувствия. Когда он узнал о

скандале, устроенном ею М. И. Семевскому, он не мог допустить, чтобы инспектриса без всякой причины могла ошельмовать человека, и решил, что, вероятно, она вынуждена была спешно увести куда-нибудь воспитанниц. Но когда через несколько дней получено было мое письмо, он понял, что ошибся. Он отправился к инспектрисе и заявил ей, что если она еще раз, не проверив надлежащим образом обвинений классных дам относительно учителей, найдет необходимым нанести кому-нибудь из них оскорбление и тем лишит воспитанниц лекции, он немедленно же оставит институт.

Вероятно, инспектриса, переговорив об этом с начальницею, не нашла возможным тотчас же довести свое дело до конца; вследствие этого и меня с Ратмановой решено было оставить в покое, но свою борьбу с Ушинским они не прекратили. Хотя в одном из писем к императрице, скоро после введения учебной реформы, Леонтьева хорошо аттестует ей Ушинского и новых учителей, но, вероятно, это нужно было по ее соображениям, тем более, что высшие власти находили тогда реформы Ушинского необходимыми; а затем настали другие времена. В наиболее острый период раздоров между начальницей и Ушинским, что происходило в конце третьего и последнего года его инспекторства, начальница все чаще намекала ему на то, что избранные им учителя оказались людьми невоспитанными. Но этим она не ограничилась и начала задавать ему вопросы, то под личиною добродушия, то не скрывая иронии, что учителя, может быть, и введены были им с целью пропагандировать опасные и вредные идеи. Еще чаще она упрекала его за то, что он, по ее словам, подкапывается под устои морального институтского воспитания, стараясь выбросить за борт как ненужный хлам всю женственность, скромность и другие особенности, составляющие главный фундамент воспитания молодой девушки. Она не говорила прямо, что она подразумевала под этим обвинением, и Ушинский объяснял его только тем, что лекции учителей после реформы приняли ха-

рактер дружеских бесед между ними и ученицами, — других преступлений он за собою не знал. Раздражало начальницу и то, что Ушинский открыто стремился к уничтожению власти классных дам. По этому поводу она объяснялась более определенно и говорила ему, что святое значение классной дамы как воспитательницы он решил свести на роль простого сторожа и привратника. Этих «уважаемых» наставниц, по ее словам, он, Ушинский, обрывал, обращался с ними надменно и тем ронял их авторитет перед воспитанницами. Ушинский отрицал надменность в обращении с ними, но настаивал на том, что их педагогическая система приносит воспитанницам огромный вред, и указывал на злоупотребления ими своею властью. Сильно уязвляло самолюбие Леонтьевой также и то, что Ушинский осмелился ломать и переделывать на свой лад не только учебные программы, для чего он, по ее словам, был призван, но и обычаи и нравы, установившиеся в институте, забывая, что нравственное воспитание поручено ей, одной только ей, как члену совета и как начальнице, утвержденной императрицею.

Были и недоразумения, начавшиеся с момента введения реформ, но тогда они смягчались уступчивостью с той или с другой стороны, впоследствии же они сильно обострились. Когда учебные программы были утверждены, учениц пришлось распределять по классам: лучшие из них были назначены в седьмой, высший класс, а следующих за ними, весьма значительную группу воспитанниц, Ушинский не находил возможным оставить в институте, так как они оказывались не только совершенно невежественными по всем предметам пройденного курса, но между ними находилось немало безграмотных, даже плохо читавших по-русски. Начальница настаивала на том, чтобы Ушинский все-таки оставил их в институте, а он находил, что им волею-неволею приходится явиться жертвами до невероятности неудовлетворительной системы прежнего преподавания. Он доказывал, что эти девушки, несомненно, могли бы еще многому научиться,

но только в том случае, если бы их образование и умственное развитие начато было с обучения первоначальной грамоте и предметам элементарного курса младшего класса. Между тем, вследствие их возраста он не имеет права посадить их в младший класс, а может устроить для них лишь особую параллель седьмого класса. Если в ней будут читать даже сокращенный курс и, насколько возможно популярный, то, по мнению Ушинского, и из этого для этих воспитанниц не будет никакой пользы. Они не только ничего не усвоили за все время своего воспитания, но, не работая головой в продолжение всего юного возраста, притупили свои способности и не будут в состоянии воспользоваться даже упрощенным курсом. Однако Леонтьева настояла на том, чтобы для них был устроен параллельный класс.

Предсказание Ушинского сбылось: воспитанницы этого класса плохо учились (как это ни странно, их называли «вдовами», и эта кличка так и осталась за ними). Перед их выпуском опять возникли пререкания между Леонтьевой и Ушинским, но теперь уже более острого характера, так как к этому времени их отношения ухудшились. Леонтьева настаивала на том, чтобы воспитанницам, учившимся в параллельном отделении, были выданы аттестаты; Ушинский наотрез отказался это сделать. Он находил, что аттестаты могут вводить в заблуждение родителей, которые часто только на основании их приглашают девушек в качестве преподавательниц. И воспитанницам параллельного отделения были выданы лишь свидетельства с обозначением успехов по каждому предмету, большею частью весьма плохих.

Последним моментом борьбы между этими двумя лицами было следующее: после окончания выпускных экзаменов, в начале марта 1862 года, императрица Мария Александровна приехала в Смольный, на Николаевскую половину, раздавать награды. Ушинский по списку вызывал каждую воспитанницу, которой государыня вручала награду. Когда это торжество окончилось, Ушинский, по институтскому этикету, должен

был моментально раскланяться с государыней и быстро отойти в сторону, уступив свое место начальнице. Но он не имел об этом ни малейшего понятия и продолжал стоять на своем месте. Государыня заговорила с ним и в то же время отправилась приветствовать воспитанниц, выстроенных по классам. Ушинский следовал за ней, отвечая на ее вопросы. Для людей, не посвященных в нравы института, в этом не было ничего особенного: императрица подходит к воспитанницам то одной, то другой группы, произносит слова приветствия, а когда идет далее, продолжает разговор с инспектором. Но институтское начальство находило, что честь сопровождать императрицу принадлежит только начальнице. Леонтьева дрожала от волнения, а классные дамы, усматривая в поведении Ушинского величайшее оскорбление, нагло нанесенное их начальнице, подошли к членам совета, присутствовавшим здесь, и просили их довести до сведения императрицы о «наглой проделке» Ушинского. Выпускные воспитанницы Николаевской половины, стоявшие поблизости и слышавшие весь разговор, были им возмущены, толпой двинулись к любимому инспектору и при государыне выразили ему свою благодарность за его труды и заботы о них. Государыня обратила на это внимание и сказала, что ее трогают добрые чувства воспитанниц к людям, потрудившимся на их пользу.

После этого положение Ушинского в институте сделалось невыносимым: на него не только посыпались клеветнические обвинения, но полетели даже доносы, на которые ему пришлось давать официальные объяснения. Пунктов обвинения оказалось так много, что на составление оправдания потребовалось почти двое суток, которые Ушинский провел, лишь изредка вставая с места. Когда он кончил работу, кровь хлынула у него горлом, а на следующий день он встал с постели страшно поседевшим. В конце того же марта 1862 года, ровно через три года после своего вступления в должность инспектора, Ушинский подал прошение об увольнении его от службы в Смольном. Вместе с

ним, кроме двух-трех, вышли и все преподаватели, введенные им.

Несправедливо было бы утверждать, что вечные дрязги, недоразумения, бессмысленные клеветы и доносы институтского начальства были единственными причинами, погубившими здоровье Ушинского: оно было слабо у него с юных лет, но несомненно, что из ряда вон тяжелая борьба, которую ему пришлось вести во все три года его инспекторства в связи с необыкновенно напряженною деятельностью, дала сильный толчок развитию болезни легких, которою он страдал во все время своей последующей короткой жизни. Тяжелая утрата Ушинским сына в 1870 году была другим роковым ударом в его жизни, и он умер в том же году от воспаления легких, всего лишь сорока семи лет от роду.

Моя задача состояла в том, чтобы показать, какой переворот произвел Ушинский в Смольном, в этом в то время совершенно отжившем учебно-воспитательном учреждении, и выяснить его влияние на учениц. Я хотела представить эту сторону деятельности великого русского педагога, потому что она была лишь намечена его биографами, но совсем не описана, а я могла это сделать как одна из его учениц, испытавшая на себе всю силу его влияния, и как свидетельница его преобразований в институте.

Библиографические материалы

I. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ К. Д. УШИНСКОГО,

напечатанных в I—XI томах настоящего издания*

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
1844		
1. Письмо к В. А. Черкасскому	—	XI, 137
2. Дневник	Остр.	XI, 11
1845		
3. Дневник	Остр.	XI, 26
1846		
4. Вводная лекция в курс камеральных наук	Остр.	I, 51
1847		
5. Вводные лекции в курс истории государственного права	Остр.	I, 77
1848		
6. Вводная лекция в курс истории государственного законодательства	Остр.	I, 105
7. О камеральном образовании (Речь на торжественном заседании лицея)	М., ун-ская типогр.	I, 121

* 1. Работы, не вошедшие в настоящее издание, в перечень не входят: они перечислены в приложениях к I и III тт.

2. Во 2-й графе наименования журналов, газет, авторов даются в сокращении: Острогорский, Собр. неизд. сочинений К. Д. Ушинского — *Остр.*; Чернышев, Собр. пед. соч. Ушинского, т. II (доп.) — *Черн.*; Современник — *Совр.*; Библиотека для чтения — *Б-ка чт.*; Вестник геогр. общ. — *Вестн.*; Журнал для воспитания — *Ж. в.*; Журнал министерства нар. просвещ. — *ЖМНПр.*; Сын отечества — *С. отеч.*; Голос — *Гол.*; Отечеств. записки — *От. зап.*; СПб. вед. — *СПб. в.*; Народная школа — *Нар. шк.*; Педагогический сборник — *Пед. сб.*; Тимощук «М. И. Семевский» — *Тимощук*; Модзалевский Л. Н. — *Модз.*; Черепнин, Имп. Воспит. общество — *Чер.*

3. Если работа сохранилась только в рукописи, то во 2-й графе против нее ставится знак — (тире).

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
1849		
8. Дневник 1849 г. (Отрывок) .	Остр.	XI, 42
1850		
9. Альбом революционных стихотворений	—	XI, 279
1852		
10. Рецензия на книгу Фролова А. «Магазин землеведения и путешествий», т. 1	Совр., VII	I, 254
11. Поездка за Волхов	Совр., IX	I, 250
1853		
12. История Французской эскадры	Совр., IV	I, 309
13. Труды Уральской экспедиции	Совр., VII, IX, X	I, 350
14. Обозрение иностранных географических журналов . . .	Вестн., V	I, 657
1854		
15. Рецензия на книгу Фролова А. «Магазин землеведения и путешествий», т. II	Совр., V VI	I, 512
16. Цивилизация и варварство .	Вестн., X	I, 667
17. Сейденгемский дворец . . .	Б-ка чт., VII, VIII	I, 557
18. Переписка с А. В. Старчевским (письма № 1 — 12)	—	XI, 142
19. О преступности в Англии и Франции	Там же, X	I, 624
1855		
20. Протокол конференции учителей русского языка в Гатчинском институте	—	II, 575

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
21. Переписка с А.В. Старчевским (письма № 13—24)	—	XI, 149
1856		
22. То же (письма № 25—26)	—	XI, 155
1857		
23. О пользе педагогической литературы	Ж. в., I	II, 15
24. Три элемента школы	Ж. в., V	II, 42
25. О народности в общественном воспитании	Ж. в., VII, VIII	II, 69
1858		
26. Школьные реформы в Северной Америке	Ж. в., I	II, 167
27. План книги, долженствующей иметь 25 изданий	—	VI, 337
28. О средствах распространения образования посредством грамотности	С. отеч., 2	II, 235
29. Внутреннее устройство североамериканских школ	Ж. в., XI	II, 204
1859		
30. Письмо Я. П. Пугачевскому (№ 1)	—	XI, 218
30а. Воспоминания об обучении в Новгородсеверской гимназии	Остр.	XI, 45
1860		
31. Педагогические материалы Смольного института (проект преобразований, программы, объяснительные записки)	Чер., III	II, 625
32. Программа журнала «Убеждение»	—	XI, 301

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
33. Труд в его психическом и воспитательном значении . .	ЖМНПр., VI	II, 333
34. Внимание. (Психологическая монография)	ЖМНПр., VIII, IX	II, 362
35. Личность. (Очерк из феноменологии)	—	X, 625
36. О нравственном элементе в русском воспитании	ЖМНПр., XI, XII	II, 425
37. О возможности устроить учительскую семинарию при Гатчинском сиротском институте	—	II, 579
1861		
38. Об устройстве специальных педагогических классов на 1861—2 г.	Черн., III	II, 319
39. Детский мир и Хрестоматия. Книга для классного чтения. (Окончательно исправленное и дополненное издание 1870 г.)	Ему предшествовали издания — 1—9-е (1861, 1863, 1864, 1865, 1867, 1868 и 1869 гг.)	IV
40. Представление в Совет Воспитательного общества об издании «Детского мира»	—	V, 11
41. Варианты 1-го издания «Детского мира», постепенно исключенные из последующих:		
Предисловие к 1-му изданию	1-е изд.	V, 17
Оглавление 1-го издания с пояснениями	Там же	V, 39
Таблица рисунков к 1-му изданию с пояснениями . . .	» »	V, 60
Статьи 1-го издания, изъятые из последующих	» »	V, 65
42. Варианты 2-го издания «Детского мира», изъятые из последующих:		

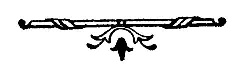
Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
Предисловие ко 2-му изданию	2-е изд.	V, 243
Оглавление 1-й части 2-го издания	Там же	V, 245
Особые примечания к 1-й части 2-го издания	» »	V, 249
Таблицы рисунков к 1-й части 2-го издания с пояснениями	» »	V, 260
Оглавление 2-й части 2-го издания	» »	V, 272
Особые примечания к статьям 2-й части	» »	V, 276
Таблица рисунков ко 2-й части с пояснениями	» »	V, 283
Статьи 2-го издания, изъятые из последующих	» »	V, 288
43. Воскресные школы	ЖМНПр., I	II, 489
44. Проект учительской семинарии	ЖМНПр., II, III	II, 515
45. Родное слово	ЖМНПр., V	II, 554
46. Вопросы о народных школах	С. отеч., № 18	II, 250
47. Ответ на рецензию Толля . .	ЖМНПр., XII	V, 307
47 а. Объяснит. записка Ушинского по вопросу о предложенном министром Путятиным новом изменении программы ЖМНПр.	—	XI, 303
1862		
48 Ответ начальнице Смольного на ее попытку приостановить реформу	—	XI, 314
49. Протест Ушинского против предъявленных ему по жалобе начальницы обвинений	Сов пед., 1941, № 3	XI, 317
50. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова	ЖМНПр., III	III, 11

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
51. Историческая записка о последних преобразованиях в Воспитательном обществе благородных девиц	—	II, 326
52. Переписка с А. И. Скребицким (письма № 1—3)	—	XI, 193
53. Письмо М. И. Семевскому (№ 1)	Тимощук	XI, 157
54. Переписка с Л. Н. Модзалевским (письма № 1—2) . .	Модз.	XI, 164
55. Педагогические заметки о Швейцарии	—	XI, 59
56. Педагогическая поездка по Швейцарии	ЖМНПр , XII	III, 87
1863		
57. Педагогическая поездка по Швейцарии	ЖМНПр., I, III, IV, VI	III, 87
58. Письмо к М. И. Семевскому (№ 2)	Тимощук	XI, 160
59. Переписка с Модзалевским (письма № 3—11)	Модз.	XI, 169
1864		
60. Родное слово для детей младшего возраста (год 1-й и 2-й) и книга для учащих	146 изданий	VI
61. О первоначальном преподавании русского языка	Пед. сб., I, II	V, 333
62. Отчет о командировке за границу	Черн.	III, 453
63. Чего хотят московские педагоги	Гол., № 210	III, 255
64. Письмо к М. И. Семевскому (№ 3)	Тимощук	XI, 162
65. Переписка с Л. Н. Модзалевским (письма № 12—19) .	Модз.	XI, 178

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
66. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания .	Пед. сб., № 10—11	VIII, 686
1865		
67. Одна из темных сторон германского воспитания	Гол., № 63	III, 262
68. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания . . .	Пед. сб., № 4, 5,7, 10—12	VIII, 686
69. Письмо управляющему МНПр И. Д. Делянову о «Детском мире»	Сов. пед., 1939, № 8—9	V, 361
70. Письмо министру просвещения А. В. Головнину о «Детском мире»	Там же	V, 367
71. Заметки о чистоте русского языка	Модз.	VII, 341
72. Предисловие к 5-му изд. «Детского мира»	Д. м., 5-е изд.	V, 357
73. О воспитании власти ребенка над своей нервной организацией	Пед. сб., апр.	X, 374
74. О воспитании привычек и навыков	Пед. сб., июль	X, 385
75. Письмо Л. Н. Модзалевскому (№ 20)	Модз.	XI, 180
76 Письмо Ушинского И. Д. Делянову по вопросу о запрещении «Родного слова» . . .	Сов пед., 1946, № 10—11	XI, 340
1866		
77. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания	Пед. сб., № 1	VIII, 734

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
78. Мнение о проекте реорганизации Гатчинского института	—	III, 627
79. Цветы московской педагогии на петербургской почве . . .	От. зап., 20	V, 377
80. Книга для первоначального чтения Радонежского и Филонова	Гол., № 291	III, 277
81. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания . . .	Пед. сб., № 2	VIII, 745
82. Педагогические приложения анализа памяти	Пед. сб., № 3	X, 410
83. Вопрос о душе в его современном состоянии	От. зап., 21, 22, 23	III, 339
84. Переписка с Л. Н. Модзалевским (письма № 21—23)	Модз.	XI, 187
1867		
85. Рассудочный процесс	Пед.сб.,№8—10	VIII, 686
86. Система образования, принятая в наших министерствах — военном и нар. просвещения	Гол., № 59	III, 283
87. Защитникам классических гимназий	Гол., № 81	III, 298
88. О необходимости сделать русские школы русскими	Гол., № 213	III, 306
89. О «Детском мире»	—	V, 412
90. Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии), т. I	1—13 изд.	VIII
1868		
91. Голод в России	Гол., № 17	III, 315
92. Что нам делать с своими детьми	Гол., № 102	III, 320

Наименование работы	Где или кем напечатана впервые	Том и страница настоящего издания
93. О необходимости ремесленных школ в столицах	СПб. в., № 103	III, 593
94. О чувствованиях	Пед. сб., № 4, 6, 11, 12	IX, 580
95. Письмо к Модзалевскому (№ 24)	Модз.	XI, 191
1869		
96. По поводу последнего диспута в СПб. университете	Гол., № 17	III, 334
97. Философский диспут в СПб. университете	СПб. в., № 15	III, 602
98. О чувствованиях	Пед. сб., № 1—2	IX, 580
99. Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии), т. II	1—13 изд.	IX
100. Переписка с Н. А. Корфом (письма № 1—2)	Песк.	XI, 200
101. Письмо к Пугачевскому (№ 2)	—	XI, 219
1870		
102. Родное слово. год 3-й (грамматика), и книга для учащих	1—23 изд.	VII
103. Общий взгляд на возникновение наших народных школ	Нар. шк., № 5	III, 607
104. Переписка с Н. А. Корфом (письма № 3—6)	Песк.	XI, 204
105. Переписка с Я. П. Пугачевским (письма № 3—4)	—	XI, 221
106. Материалы к III тому «Педагогической антропологии» . .	Остр.	X

II. АРХИВ К. Д. УШИНСКОГО*

1. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ЛЕНИНГРАДА (ЦГИАЛ)**

А. О деятельности К. Д. Ушинского

а) 1854—1859 гг. «О службе учителя русской словесности при Гатчинском сиротском институте, Ушинского». Переписка о службе Ушинского в качестве учителя русской словесности, старшего учителя и инспектора классов в Гатчинском сиротском институте, а также о переводе его на должность инспектора классов в Воспитательное общество благородных девиц. Формулярный список о службе со сведениями до 1858 г. (СПб. Опекунский совет ведомства учреждений имп. Марии, опись 18, 1854, д. 301, 46 листов).

---

* Материалы различных учреждений об Ушинском, а также рукописи некоторых его работ или копии с них хранятся преимущественно в архивах Москвы и Ленинграда. Наибольшее количество архивных материалов сосредоточено, как само собой понятно, в Ленинграде, с которым связаны были последние 20 лет жизни К. Д. Ушинского... В *Ленинграде* материалы об Ушинском сосредоточены: в Центральном Государственном историческом архиве Ленинграда (ЦГИАЛ), в архиве Института литературы Академии наук СССР («Пушкинский дом»), в рукописном отделении Краснознаменной Публичной ордена В. И. Ленина библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в кабинете педагогики Гос. пед. института им. А. И. Герцена. В *Москве* материалы об Ушинском находятся: в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), в рукописном отделении Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в архиве Московского государственного университета, в Московском областном архиве. В некоторых из этих учреждений поступления материалов об Ушинском были более или менее случайными, в других они органически связаны с тем, что туда систематически поступали материалы из учреждений, в которых работал Ушинский, или с тем, что туда поступали рукописи от наследников Ушинского... Уцелевшие в перечисленных 8 архивных учреждениях материалы об Ушинском и составляют то, что в целом именуется архивом Ушинского. Было бы преждевременным думать, что весь объем материалов об Ушинском уже установлен исчерпывающе. Но каждое из перечисленных учреждений имеет более или менее полный перечень своих материалов, по которым можно судить о том, что составляет содержание архива Ушинского в настоящий момент.

** Перечень материалов составлен консультантом ЦГИАЛ Л. И. Полянской.

б) 1860—1862 гг. «О преобразовании «Журнала Министерства народного просвещения» и о назначении редактором оного надворного советника Ушинского. Прошения Ушинского о предоставлении ему отпуска, об увольнении от должности редактора по состоянию здоровья, о причислении к Министерству народного просвещения. Формулярные списки о службе со сведениями по XI. 1861 г. (Департамент народного просвещения, Канцелярия, стол 1, опись 5, 1860, д. 138824, карт. 1065, 58 листов);

в) 1859—1867 гг. О том, что полезно было бы помещать в ученом или литературном отделении «Журнала Министерства народного просвещения» статьи, заключающие в себе опровержения превратных толкований, которые дозволяют себе редакторы некоторых из наших повременных изданий. Объяснительная записка К. Д. Ушинского о предполагаемых изменениях в программе «ЖМНПр» (без даты и подписи). (Тот же фонд, опись 5, 1861, д. 138965, карт. 1447, лл. 3—9).

г) «О проекте инспектора Ушинского о новом распределении классов, об изменении курсов с 3-годичных в 2-годичные в Воспитательном обществе и Александровском училище». Кроме проекта преобразования (от 16 мая 1859 г.), имеется подробная объяснительная записка Ушинского (от 20 апреля 1860 г.) к проектам программ учебного курса обоих заведений. И проект и записка с собственноручными подписями Ушинского. Выписки из журналов заседаний Главного совета женских учебных заведений и переписка о проведении проекта в жизнь (Главный совет женских учебных заведений ведомства учреждений имп-цы Марии, опись 1, 1859, д. 1206, 165 листов).

д) 1862—1865 гг. «Об изменениях в составе и курсе специального педагогического класса при Воспитательном обществе и СПб. Александровском училище». Записка Ушинского, излагающая его соображения (копия). Обсуждение проектируемого изменения (переписка Совета двух названных учебных заведений с IV отделением с. е. и. в. канцелярии). — (IV отделение с. е. и. в. канцелярии, 1 экспедиция, опись 22, 1862, д. 2891, 49 листов).

е) 1860 г. «О подготовке учителей начальных училищ». Две записки Ушинского (краткая и подробная) о подготовке учителей в особой учительской семинарии, которую он проектировал устроить при Гатчинском сиротском институте. Записки не подписанные. Авторство устанавливается по имеющимся пометам (Департамент народного просвещения, опись 88, 1860, д. 133890-а, карт. 2870, 48 листов).

ж) «О преобразовании Гатчинского сиротского николаевского института». В деле два документа с собственноручными подписями Ушинского:

1. «Мнение коллежского советника Ушинского о проекте преобразований, представленном из Гатчинского сиротского института» (лл. 158—185).

2. «Проект преобразований института, составленный Ушинским, дополнение к мнению, представленному им же по поводу Гатчинского проекта» (лл. 186—196). — (СПб. Опекунский совет ведомства учреждений имп-цы Марии, опись 18, 1862, д. 2103, ч. 1, 48 листов.)

з) 1862—1869 гг. «Дело... об увольнении от должности инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и СПб. Александровского училища коллежского советника Ушинского с причислением в качестве члена к Учебному комитету при IV отделениии и о командировании его на год заграницу». Цель командировки — осмотр наиболее выдающихся учебных заведений и представление их описания. Письма Ушинского из-за границы о ходе выполнения командировки, о состоянии его здоровья, а также различные ходатайства. Отчет об осмотре народных школ Швейцарии (1863 г.). Письмо принцу Ольденбургскому с поднесением II тома книги «Человек как предмет воспитания» и кратким обозначением содержания III тома (март 1869 г.). — (IV отделение с. е. и. в. канцелярии, III экспедиции, опись 39, 1862, д. 4631, 99 листов).

и) 1867 г. «Отчет командированного заграницу для осмотра женских учебных заведений коллежского советника Ушинского». Отчет о результатах осмотра заграничных женских учебных заведений. Сведения о детских приютах, детских садах, элементарных школах, высших женских школах, женских интернатах, семинариях для учительниц в Германии, Франции, Швейцарии и других странах. Отчет без подписи (IV отделение с. е. и. в. канцелярии, опись 18, лит. Б, 1867, д. 149, 303 листа).

к) 1869—1870 гг. «Бумаги д. с. с. Вышпеградского». Среди них составленные Ушинским:

1. Проект программы педагогического курса (10 июня 1869 г., лл. 119—130).
2. Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений (16 февраля 1870 г., лл. 131—148).
3. Программа педагогического курса для двух старших общих классов женских учебных заведений (16 февраля 1870 г., лл. 149—157).

Все три документа с собственноручной подписью Ушинского (IV отделение с. е. и. в. канцелярии, опись 18, лит. Б, 1869, д. 150).

Б. О рассмотрении книг К. Д. Ушинского Ученым комитетом Министерства народного просвещения

«Детский мир и Хрестоматия»

л) 1860 г. «Протокол заседания комитета о заслушанной записке Ушинского по поводу его книги, представленной на рассмотрение» (Ученый комитет главного правления училищ, опись 2, 1860, Журналы заседаний, лл. 444—445).

м) 1861 г. «Отзыв члена комитета Воронова о книге Ушинского (тот же фонд, 1861, лл. 29—32).

н) 1862—1863 гг. «Отзывы членов комитета Галахова и Бекетова о представленной на конкурс книге Ушинского» (тот же фонд, 1862—1863, лл. 416—422 и 470—483).

о) 1865 г. «О рассмотрении в Ученом комитете Министерства народного просвещения книги, составленной Бенедиктовым под заглавием «Книга для чтения». Письмо К. Д. Ушинского управляющему Министерством народного просвещения И. Д. Делянову от 18 июня 1865 г., в котором он доказывал, что книга Бенедиктова является плагиатом, так как заключает в себе большое количество перепечаток и заимствований из книги Ушинского «Детский мир». Автограф (Департамент народного просвещения. Разряд общих дел, опись 193, 1865, д. 143707, карт. 617, лл. 25—29).

«Письмо Ушинского министру народного просвещения от 10 июля 1865 г. с разбором книги Бенедиктова, изложением принципов составления своей книги и защитой авторских прав». Автограф (тот же фонд, лл. 38—43).

п) 1867 г. «Отзыв члена комитета Галахова о книге Ушинского» (Ученый комитет Министерства просвещения, опись 3, 1867, лл. 681—684).

«Родное слово»

р) 1864 г. «Отзыв члена комитета Весселя о книге Ушинского» (Ученый комитет Министерства народного просвещения, опись 3, 1863—1864, журналы заседаний, лл. 1126—1182).

с) «Письмо Ушинского (Веве, 26/14 июня 1866 г.), адресованное товарищу министра Делянову» (ф. Департамента народного просвещения, д. 141280, карт. 3384).

т) 1885 г. «Доклад члена комитета Кочетова с подробным разбором книги и предложением исключить ее из числа одобренных Министерством народного просвещения для народных училищ». Отзыв о книге члена комитета С.-Илера (приводятся данные о чрезвычайном ее распространении: с 1871 по 1885 г. разошлось около 2.660.000 экз. 1-й части и около 2.000.000 экз. 2-й ее части).— (Тот же фонд, Особый отдел, 1885, лл. 35—54).

у) 1889—1901 гг. «О книге сочинения Ушинского «Родное слово». Выписка из журнала заседаний Ученого комитета: пере-

смотр запрещения для народных школ книги Ушинского «Родное слово». Ходатайство дочери и сына К. Д. Ушинского о снятии запрещения. Сборник появившихся в печати за 1870—1896 гг. отзывов о книге. Разрешение книги для народных школ в 1901 г. по распоряжению министра народного просвещения (Департамент народного просвещения. Разряд начальных училищ, опись 171, 1889, д. 176670-а, карт. 4195, 167 листов).

ф) 1899—1900 гг. «Журнал заседаний комитета в связи с прошением К. К. Ушинского о допущении книги в народные училища в отмену запрещения 1885 г.». Отзывы членов комитета — Филонова, Сент-Илера, Семеки, Федорова, Кочетова. Постановление комитета о допущении «Родного слова» и «Руководства» к преподаванию по «Родному слову» в учительские библиотеки нар. училищ (Ученый комитет Министерства нар. просвещения, опись 3, 1900, Особый отдел, Журналы, 1-я часть, лл. 114-а—171).

х) 1902 г. «Отзыв члена комитета Филонова о книге Ушинского «Родное слово», год 3-й, и о книге «Руководство к преподаванию по «Родному слову», год 3-й (тот же фонд, 1902, ч. II, лл. 1533—1541).

Собрание педагогических сочинений Ушинского

ц) 1901 г. «Отзыв члена комитета Мироносицкого на книгу Ушинского изд. 1875 г. (Ученый комитет Министерства нар. просвещения, опись 3, 1900, Особый отдел, Журналы, 1901, ч. II, лл. 2099—2101) *.

2. АРХИВ ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

(«Пушкинский дом»)

А. *ф. 583, № 46.* «К. Д. Ушинский. Письма к Старчевскому и биографические материалы». (В переплетенном под этим наименованием томе заключаются 26 писем Ушинского к Старчевскому с 7.II. 1854 г. по 1.X.1856 г., оттиск статьи Старчевского «Мои воспоминания об Ушинском», черновик этой статьи и ряд газетных вырезок с воспоминаниями и речами об Ушинском.)

* В том же архиве (ЦГИАЛ, фонд МНПр, Канцелярия, 1849) Н. В. Зикеевым обнаружено «Дело о буйных поступках студентов Ярославского Демидовского лицея», в котором имеется характеристика, данная Ушинскому начальником Ярославской губ.

Б. *ф. 316* *

№ 1. Лекции Ушинского в Ярославском лицее (автогр.) — 30 л.

№ 2. То же (продолжение) — 36 л.

№ 3. Программа по родному языку (рукой неизв.) — 2 л.

№ 4. Черновые заметки по плану «Родного слова» — 7 л.

№ 5. Материалы к «Родному слову», год 2-й (автогр.)— тетрадь № 3 — 29 л.

№ 6. То же, тетрадь № 4 — 30 л.

№ 7. То же, тетрадь № 6 — 31 л.

№ 8. То же, тетрадь № 7 — 23 л.

№ 9. То же, тетрадь № 10 — 29 л.

№ 10. Материалы книги для чтения «Родное слово», 2 тетради — 50 л.

№ 11. То же. Глава о цветке — 11 л.

№ 12. Материалы к «Родному слову» — грамматика, 2 тетради — 73 л.

№ 13. Материалы к «Родному слову» — грамматика, тетради № 6, 7, 9; л. л. 11—68.

№ 14. То же. Стихотворения, тетрадь № 12 — 30 л.

№ 15. То же, тетрадь № 9, л. л. 13—28.

№ 16. Материалы к гл. IX, XXI сочинения «Человек как предмет воспитания» — 2 л.

№ 17. Материалы к главе о чувствованиях («Внутренние чувства или чувствования») — 94 л.

№ 18. Материалы к «Педагогической антропологии» (глава о внимании) — 116 л.

№ 19. Материалы к «Педагогической антропологии» (глава о чувствах) — 162 л.

№ 20. То же (глава о душевных чувствованиях) — 115 л.

№ 21. То же (глава о душевных стремлениях) — 92 л.

---

* Материалы, составляющие ф. 316 архива, пожертвованы в 1920 г. дочерью Ушинского — Н. К. Ушинской. Настоящий их перечень составляет ту опись, по которой хранятся материалы в архиве. Как легко видеть из перечня, материалы представляют собой черновые записи работ Ушинского, или законченные его статьи, напечатанные при жизни или после смерти Ушинского. Наибольшую ценность в ряду этих материалов представляют «Материалы к «Родному слову», «Материалы к «Педагогической антропологии», «Материалы к учебнику географии», а также отдельные статьи, означенные под № 34, 37, 49, 55, 61, 65 и др. Все эти материалы так или иначе использованы в предшествующих томах настоящего издания.

№ 22. То же (Педагогические приложения к главам о чувствах) — 65 л.

№ 23. То же (Чувственные состояния, наклонности и страсти) — 68 л.

№ 24. Материалы к «Педагогической антропологии», представляющие ряд выписок на четвертушках бумаги: вера, уверенность и пр. — 12 л.

№ 25. То же — чувствования, воля и пр. — 36 л.

№ 26. То же — сострадание, зависть, щедрость и пр.— 36 л.

№ 27. То же — нравственное воспитание — 33 л.

№ 28. То же — печаль, радость и пр. — 81 л.

№ 29. То же — рассудок, суждение и пр. — 31 л.

№ 30. То же — свобода воли, образование языка и др.—56 л.

№ 31. То же — труд, отдых и др. — 87 л.

№ 32. То же — эстетическое чувство — 22 л.

№ 33. Главные черты человеческого организма (из журн. «Пед. сб.», гл. XV — Педагогические приложения анализа памяти — 28 л.).

№ 34. О воспитании юношества (неоконченная рукопись, рукой неизв.) — 4 л.

№ 35. Статья о языке (рукой неизв.) — 6 л.

№ 36. О первоначальном преподавании русского языка (рукою неизв. Напечат. в Пед. сб., 1864, № 1—2) — 17 л.

№ 37. Историческая записка о последних преобразованиях в Воспитательном обществе (копия на машинке, не окончена) — 5 л.

№ 38. Программы педагогики для специальных классов женских учебных заведений (рукой неизв. с авторск. правкой) — 40 л.

№ 39. То же — 18 л.

№ 40. То же — 9 л.

№ 41. То же (копия с авторской правкой) — 10 л.

№ 42. Классный сборник. Пособие по русскому языку (черновой материал) — 14 л.

№ 43. Семинария для учительниц (рукою неизв.) — 12 л.

№ 44. То же — 20 л.

№ 45. Заметки о путешествии от Петербурга до Москвы— 42 л.

№ 46. Отчет командированного для осмотра женских учебных заведений (рукою неизв.) — 56 л.

№ 47. Детские приюты (из отчета, ч. 1) — 26 л.

№ 48. Элементарные школы (из отчета, ч. 2) — 51 л.

№ 49. Педагогические заметки о Швейцарии (автограф) — 72 л.

№ 50. Виды русского предложения (тетрадь) — 67 л.

№ 51. Заметки по химии — 2 л.

№ 52. Западная Азия (рукопись автора) — 12 л.

№ 53. Рассказы хуторянина (Звездочка, рогатый скот, Галка, собаки и др.) — 8 л.

№ 54. Из воспоминаний кавказского офицера (выписки из «Русского вестника», 1864, рукой неизв.) — 9 л.

№ 55. Личность (не окончено, переписано рукой писаря) — 12 л.

№ 56. Материалы и заметки по географии (2 тетради) —36 л.

№ 57. Материалы по составлению учебника русской истории — 16 л.

№ 58. Наши степи, Первый приезд в Москву и другие рассказы — 24 л.

№ 59. Перечень славянских слов в русской транскрипции — 1 л.

№ 60. Пир Ивана Грозного, Возвышение Москвы и другие рассказы — 13 л.

№ 61. План книги, долженствующей иметь 25 изданий, —8 л. (рукой неизвестного).

№ 62. Заработанные деньги и другие рассказы (правка Ушинского) — 8 л.

№ 63. Рассказы на темы из русской истории и географии (тетрадь) — 24 л.

№ 64. Рассказы из священной истории — 36 л.

№ 65. О «Детском мире» (с авторской правкой) — 4 л.

№ 66. Таблица спряжений латинского глагола *быть* — 1 л.

№ 67. Тезисы к реферату о логических суждениях — 3 л.

№ 68. Требование на выписку книг — 4 л.

№ 69. Записная книжка (записи по психологии и выписки из разных книг) — 105 л.

№ 70. Альбом с записями К. Д. Ушинского и Н. С. Ушинской — 87 л.

№ 71. Письмо к Головнипу о Глазунове (черновик) — 10 л.

№ 72. Письмо к Н. А. Корфу (сент. 1870 г., автограф) — 4 л.

№ 73. Записка к А. В. Мещерскому — 2 л.

№ 74. Письма к Я. П. Пугачевскому (копии) — 10 л.

№ 75. Письма к А. И. Скребицкому (копии) — 8 л.

№ 76. Черновики писем разным лицам по вопросу о продаже учебных книг (тетрадь) — 20 л.

№ 77. Письмо к Ушинскому неизвестн. лица — 2 л.

№ 78. Письма Н. А. Корфа к Ушинскому — 4 л.

№ 79. Материалы Васильева о работе Ушинского в Гатчинском институте — 4 л.

№ 80. Формулярный список К. Д. Ушинского — 24 л.

№ 81. Копии с документов из архива Гатчинского института — 68 л.

3. РУКОПИСНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ОРДЕНА В. И. ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

1. Письмо К. Д. Ушинского к А. А. Краевскому 16.VII. 1864 г. Шифр: Ушинский 1864.

Новые поступления в связи с исполнившимся 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского:

2. Четыре письма жены Ушинского, Надежды Семеновны Ушинской к Я. П. Пугачевскому (27.II.1871 г., 10.IV. 1871 г., два письма без даты, из которых одно относится ко второй половине 1871 г., другое — к середине 1872 г.).

3. Отчеты об издании и продаже сочинений Ушинского за 1899, 1902, 1905 и 1907 гг.

4. Переписка детей Ушинского — Надежды и Константина — в связи с устройством их денежных дел в начале Великой Октябрьской революции.

5. Отрывок из отчета К. Д. Ушинского о поездке заграницу, с авторскими поправками.

6. Переписка К. Д. Ушинского с разными лицами — С. С. Дудышкиным, Н. А. Корфом, М. П. Леонтьевой, Л. А. Меем, К. Н. Модзалевским, М. И. Семевским, Л. Н. Модзалевским, А. В. Старчевским. Вся переписка — в копиях на машинке.

7. Многочисленные газетные вырезки и журнальные оттиски, касающиеся К. Д. Ушинского.

4. КАБИНЕТ ПЕДАГОГИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА*

а) «Дневник, относящийся к гимназическим годам». Незаконченная рукопись К. Д. Ушинского на 9 листах писчей бумаги большого формата, заполненная по обеим сторонам. Рукопись представляет собой воспоминания Ушинского об обучении в Новгородсеверской гимназии. Заголовок, не отвечающий содержанию, дан кем-то из наследников Ушинского.

---

* Настоящий перечень рукописей, хранящихся в кабинете педагогики Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, любезно сообщен зав. кафедрой педагогики означенного института, проф. Н. Г. Казанским. Первоначально материалы эти были приобретены от дочери Ушинского В. К. Потто Пед. институтом им. Н. К. Крупской, а по упразднении последнего были переданы в кабинет педагогики Института им. А. И. Герцена. Во время блокады Ленинграда некоторые материалы погибли, и в настоящее время количество их сведено к 14 номерам, указанным в перечне.

б) «Дневник, относящийся к университетским годам». Рукопись К. Д. Ушинского на 27 листах писчей бумаги большого формата, сшитых в одну тетрадь. Первая запись в дневнике помечена: ноябрь 8, 1845 г., последняя — 23 апр. 1845 г. Первая дата, очевидно, ошибочна, так как первые страницы дневника относятся к 1844 г., как видно из ряда помет автора, в первой же записи автором отмечены только месяц и число и оставлено незаполненным место для года, которое кем-то впоследствии другими чернилами по недосмотру заполнено ошибочно.

в) «Цветы московской педагогии, распускающиеся в Петербурге». Рукопись на 37 листах писчей бумаги большого формата представляет черновик известной статьи Ушинского, опубликованной в журнале «Отечественные записки» за 1866 г.

г) Письма К. Д. Ушинского к Я. П. Пугачевскому: а) от 29.IX.1870 г., б) без даты и в) от 27 октября 1870 г. Автографы.

д) Письмо К. Д. Ушинского к А. И. Скребицкому от 23.IX. 1862 г. (копия на машинке).

е) Письмо Ушинского издателю Федору Ивановичу в Москву от 21 окт. 1870 г. (копия на машинке).

ж) Письмо Ушинского к издателю Фердинанду Семеновичу Сущевскому о выдаче Литову 1 700 экз. «Родного слова», ч. I и II, и 68 книг для учителей — от 12.VI.1869 г. (копия на машинке).

з) Письмо Ушинского (без начала) с изложением условий издания «Родного слова» в Москве. Письмо без даты, но, повидимому, относится к 1870 г. (копия на машинке).

и) «Распоряжение по хутору 3 авг. 1868 г». Рукопись на 3 страницах, писанная рукой К. Д. Ушинского и заключающая в себе 10 хозяйственных распоряжений по благоустройству хутора (возможно, Богданки). На обороте рукописи, а также на отдельном листке дана схема хуторской земли с указанием культур, сделанным карандашными надписями рукой Ушинского.

к) Дополнение ко 2-му тому «Антропологии», написанное рукой Ушинского на 3 страницах. Дополнение написано, очевидно, в период печатания 2-го тома и вошло в этот том полностью в гл. XXVIII, § 26.

л) Стихотворения из альбома Ушинского (копия на машинке, стр. 1—18).

м) Обязательство Ушинского как члена Киевского кредитного общества от 13 окт. 1870 г. (копия).

н) Билет действительного члена СПб Педагогического общества, К. Д. Ушинского, подписанный казначеем общества Д. Медниковым, удостоверившим, что годовой взнос 6 рублей получен 4.X.1869 г. (копия).

о) Письмо члена правления т-ства «В. В. Думнов и насл. бр. Салаевых» на имя Н. К. Ушинской от июля 3/15 дня 1918 г. с выражением согласия издать «Родное слово», ч. I и II в размере 100 000 экз.

5. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ В МОСКВЕ (ЦГАДА)

а) **Ф. МГУ,** 1940, № 510, «Личное дело К. Д. Ушинского». Дело содержит в себе документы, представленные Ушинским при поступлении в университет, а именно — о рождении, о дворянском звании, об окончании Новгородсеверской гимназии.

б) **Ф. В. И. Чернышева,** 1203 *.

№ 4. Дело Гатчинского института о воспитанниках, помещенных на красную и черную доски за 1855 г.

№ 5. Учебные годы Ушинского. Папка содержит наброски статьи Чернышева на эту тему и два документа — свидетельство об окончании Новгородсеверской гимназии и справку Московского университета об окончании Ушинским юридического факультета.

№ 6. Ушинский в Гатчинском институте. Папка содержит интересные материалы, добытые Чернышевым в 1908 г. как об архиве Гатчинского института, который незадолго перед тем был распродан администрацией в количестве 180 пудов, так и о

---

* В этом фонде заключается 19 папок, в которых сгруппированы собранные В. И. Чернышевым материалы, частью уже оформленные им и напечатанные, частью нуждавшиеся в дальнейших дополнениях и разработке. Василий Ильич Чернышев — один из первых исследователей дореволюционной России, предпринявший научную разработку педагогического наследства К. Д. Ушинского. Он вынужден был в первую очередь заняться собиранием литературного наследства Ушинского и в 1908 г. издал «Собрание педагогических сочинений» Ушинского, т. 2-й (дополнительный). Продолжая дальнейшие изыскания, он рассказал о них в статье «К литературно-педагогической деятельности Ушинского» («Русская школа», 1912, № 12). Независимо от этого, он опубликовал в виде предварительных этюдов к большой работе об Ушинском до 10 статей. Последняя из этих статей была опубликована им в 1917 г. в журнале «Педагогический сборник». Вслед за этим дальнейшая работа Чернышева над Ушинским прервалась, и в 1928 г. собранные им материалы он передал в Литературный музей, из которого они затем поступили в ЦГАДА. Из 19 папок 15-я представляется неоформленной, а 1, 2, 3-я заключают в себе статьи, уже напечатанные В. И. Чернышевым ранее. — В последнее время, в связи с 75-летием со дня смерти Ушинского, В. И. Чернышевым опубликованы две работы: первая по предложению Акад. наук СССР под заглавием «К. Д. Ушинский и его труды в отношении русского языка и литературы» («Изв. Акад. наук» по отд. языка и литературы, 1946, т. V, вып. 1); вторая по предложению Акад. пед. наук РСФСР под заглавием: «К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов («Известия Акад. пед. наук РСФСР», 1951, № 33).

некоторых документах о деятельности Ушинского в этом институте, случайно уцелевших в канцелярии института.

№ 7. Ушинский — редактор журнала Министерства народного просвещения. В папке собраны с характерной для Чернышева тщательностью материалы, характеризующие деятельность Ушинского как редактора, — его примечания к статьям, его вводные замечания к ним и т. п.

№ 8. Ушинский в Смольном институте. Папка исключительно полная: В. И. Чернышевым выписаны из дел Смольного института, доступ к которым был открыт ему не сразу, все материалы, характеризующие учебную работу Ушинского в Смольном институте.

№ 9. Объяснение Ушинского по поводу поданной на него начальницей Смольного института М. П. Леонтьевой жалобы. Этот исключительно редкий документ представляет собой черновик объяснения, поданного Ушинским в ответ на предъявленные ему обвинения. Подлинник объяснения не разыскан. Черновик же получен Чернышевым от членов семьи Ушинского.

№ 10. Формулярный список Ушинского с экземпляра, хранящегося в делах «Журнала Министерства народного просвещения». Список редкий и заключающий в себе данные, опускавшиеся в других списках.

№ 11. Документы о службе М. П. Леонтьевой — только начаты собиранием.

№ 12. Сотрудники Ушинского по реформе Смольного института. Собирание материалов тоже только намечено, и записан ряд отрывочных, случайных данных.

№ 13. Выписки из дела Ушинского о заграничной поездке. Выписки дают интересный материал для периода заграничной командировки Ушинского, насколько о нем можно судить по канцелярской переписке.

№ 14. О дне смерти К. Д. Ушинского. Устанавливается, что днем смерти Ушинского было не 21, а 22 декабря. Приводится медицинское свидетельство о причине преждевременной смерти Ушинского, данное лечившим Ушинского доктором, проф. Шкляревским.

№ 16. Биографические материалы об Ушинском. Собраны разнородные материалы в количестве 10 номеров, не вошедших в другие папки.

№ 17. Часть отчета о женских учебных заведениях, не вошедшая в официальный отчет Ушинского и заключающая в себе интересные рассуждения Ушинского о женском характере и задачах женского образования. Материал этот не удалось Чернышеву включить в опубликованный им отчет Ушинского; он включен в отчет, напечатанный в III томе настоящего собрания сочинений Ушинского (см. часть отчета, заключенную в скобки на стр 453—454 и 457—490).

№ 18. Начало статьи о логике в преподавании. Автор только начал собирать материал для этой интересной статьи.

№ 19. Отзыв Л. Н. Толстого о книге К. Д. Ушинского «Детский мир». Имеется в виду статья Толстого в «Ясной поляне» — «Об общественной деятельности на поприще народного образования».

В свое время В. И. Чернышеву стоило огромных трудов собирать эти материалы, в настоящее время многие из них, как, например, собранные в папках № 5, 8, 10, 13, 17, могут быть легко разысканы в других архивах.

6. РУКОПИСНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА

а) Ф. Черк. II, 15/5. Письмо К. Д. Ушинского к В. А. Черкасскому 8 августа 1844 г.

б) Ф. М., 8223/5. Письма И. В. Павлова Ап. Ив. Малышеву, в которых автор сообщает о завязавшемся близком знакомстве с Ушинским и о своих впечатлениях от этого знакомства. Письма относятся ко времени между 1848—1851 гг.

7. МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ АРХИВ

а) Ф. Московского учебного округа, д. № 249, 1 стол, 1848 г., лл. 7—8. Объяснение К. Д. Ушинского попечителю Московского учебного округа графу Г. С. Строганову по поводу представленного им для выписки списка книг.

б) Там же, д. 300. — «Проект правил для испытания студентов Демидовского лицея и для присуждения им разных наград». 1847, лл. 2—7.

8. АРХИВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В данный момент можно указать только личное дело Ушинского, уже переданное в ЦГАДА, а также журналы Совета Московского государственного университета за время с 1840 по 1845 г., когда его постановления так или иначе могли быть связаны с процессом обучения Ушинского. Понятно однакоже, что более глубокое изучение процесса развития Ушинского за время пребывания его в университете заставит обратиться ко многим документам архива, непосредственно с Ушинским не связанным, но имеющим косвенное к нему отношение.

III. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ О К. Д. УШИНСКОМ

(1857—1950 гг.)

Биографии, воспоминания, заметки о личности, деятельности и трудах его, известия об учреждениях имени Ушинского: премиях, школах, курсах, комиссиях, библиотеках, а также и чествованиях его памяти *.

1857

1. Фельетон. Русская литература («СПб. ведомости», 1857, № 171).

1а. *Добролюбов Н. А.* О педагогических журналах (отрывок). (Полное собрание сочинений, под ред. Е. В. Аничкова, т. II, стр. 44 и след.).

1б. Обзор педагогической литературы («Сын отечества», 1857, № 6, стр. 140).

1в. Обзор педагогической литературы («Сын отечества», 1857, № 50, стр. 1324).

---

* Задача составления исчерпывающей библиографии о педагогической литературе, порожденной произведениями великого русского педагога К. Д. Ушинского, является одной из весьма настоятельных. С одной стороны, важно не упустить из внимания хотя бы самые незначительные отзывы на те или иные произведения К. Д. Ушинского, поскольку они являются выражением того движения педагогической мысли, которое было вызвано творческой работой его в условиях демократического подъема 60-х годов. С другой стороны, важно произвести классификацию и критический отбор наиболее существенного и прогрессивного в этом все растущем материале, свидетельствующем о непрерывном процессе усвоения и переработки педагогических идей К. Д. Ушинского.

Однако выполнение библиографической работы во всем ее объеме дело весьма длительное и требующее настойчивых усилий специалистов. Настоящий хронологический указатель преследует задачу объединения того, что уже сделано. В дореволюционное время грандиозная попытка собирания литературы об Ушинском была осуществлена в 1908 г. В. И. Чернышевым; в наше время эта работа продолжена библиографами Государ-

1858

. . . .

1859

. . . .

1860

2. Преобразование «Журнала Министерства народного просвещения» («Русский педагогический вестник», 1860, т. III, стр. 354—355).

3. *Мильчевский О.* «О труде» г. Ушинского, помещенном в «ЖМНПр.» за июль 1860 г. («Русский педагогический вестник», 1860, т. IV, стр. 250—255).

4. *Стоюнин В.* Новая программа «Журнала Министерства народного просвещения» («Воспитание», 1860, т. VIII, кн. 12, отд. II, стр. 170—179).

1861

5. Объявление о продаже первого издания «Детского мира» (ц. 1 р. 80 к., с пересылкой 2 р. 30 к.). «Учитель», 1861, № 4 (16 февраля).

6. *Пиотровский И. А.* I. Погоня за лучшим (критические очерки). II. Мотивы общественного образования (по поводу пе-

---

ственной библиотеки по народному образованию им. К. Д. Ушинского и доведена до последних дней. Эти два списка и легли в основу того перечня, какой предлагается в настоящем томе. В дальнейшем этот перечень, естественно, будет дополняться и продолжаться. Исходя из него, можно будет продолжать дальнейшую библиографическую работу по критическому изучению и классификации литературы, посвященной К. Д. Ушинскому.

Перечень литературы, посвященной Ушинскому, состоит, таким образом, из двух частей. Первая часть—с 1857 по 1907 г.— принадлежит *В. И. Чернышеву.* Она перепечатывается в том виде, как она дана составителем. Однако ввиду того, что некоторые статьи и заметки об Ушинском в список Чернышева не вошли, они дополнительно внесены в него, но так, чтобы не нарушать той нумерации, какая установлена составителем, а именно: дополнения внесены по годам особым счетом — буквами, присоединенными к последним цифрам данного года в перечне Чернышева, т. е. 1а, 1б, или 25а, 25б, 25в и т. д.

Перечень литературы с 1908 г. принадлежит главным библиографам Государственной библиотеки по народному образованию имени К. Д. Ушинского — *Н. А. Зиневичу* и *В. А. Хрусталевой.*

дагогических статей г. Ушинского). («Современник», 1861 г., т. 87, № 5, стр. 118, № 6, стр. 291).

7. Обзор наиболее замечательных статей за февраль месяц 1861 г. («Русский педагогический вестник», 1861, № 6. Об Ушинском — стр. 69—70).

8. «Детский мир и Хрестоматия». Одобрение («Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 9, часть офиц., стр. 164).

9. *Филонов А.* О чтении и библиотеках («Журнал Министерства народного просвещения», 1861, сентябрь, отд. 1, стр. 205. Замечание о «Детском мире» Ушинского).

10. «Детский мир». Объявление о третьем издании («Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 12).

10а. *Воронов А. С.*, член ученого Комитета МНПР. Отзыв о книге К. Д. Ушинского «Детский мир» (ЦГИАЛ. Ученый комитет Главного правления училищ, опись 2, 1861, Журнал заседаний, л. л. 29—32. Материал напечатан в V томе наст. Собр. соч., стр. 516, 526—528).

10б. *Весский А.* (Модзалевский Л. Н.) «Детский мир» К. Д. Ушинского («Московские ведомости», 1861, № 7, см. V том наст. Собр. соч. Ушинского, стр. 518).

10в. «Детский мир» К. Д. Ушинского («Библиотека для чтения», 1861, № 1, в V томе наст. Собр. соч., стр. 518).

10г. *Леве А.*«Детский мир» К. Д. Ушинского («Воспитание», 1861, № 6, в наст. Собр. соч. см. т. V, стр. 519).

10д. (*Пиотровский И.*) «Детский мир» Ушинского К. («Современник», 1861, № 9, в наст. Собр. соч. Ушинского см. т. V, стр. 519).

10е. *Толль Ф.* «Детский мир» К. Ушинского («Учитель», 1861, № 19, в наст. Собр. соч. К. Д. Ушинского см. т. V, стр. 532 и сл.).

1862

11. Объявление о книге «Детский мир и Хрестоматия» («Журнал Министерства нар. просвещения», 1862, № 3).

12. *Семенов Д.* Первый год занятий объяснительным чтением и наглядным обучением по книге «Детский мир» («Журнал Министерства нар. просвещения», 1862, № 4. Отдельно: СПб., 1862).

13. *Радонежский А.* Два года занятий в педагогическом отделении при Новочеркасской гимназии («Журнал Министерства нар. просвещения», 1862, № 12. Об Ушинском — стр. 305—306).

14. (*Толстой Л. Н.*) Об общественной деятельности на поприще народного образования («Ясная поляна», 1862, август. Об Ушинском — стр. 41—56).

14а. *Галахов А. Д.*, член Ученого комитета МНПр. Отзыв о книге Ушинского «Детский мир» (ЦГИАЛ, Ученый комитет Главного правления училищ, опись 2, 1862—1863, л.л. 416—422, см. в наст. Собр. соч. т. V, стр. 516, 528—531).

14б. *Бекетов А. Н.*, член Ученого комитета МНПр. Отзыв о книге Ушинского «Детский мир» (ЦГИАЛ, тот же фонд, л. л. 470—483, в наст. Собр. соч. см. т. V, стр. 517).

1863

15. Объявлеппе о продаже 4-го издания «Детского мира» при посредстве Д. Семенова («Учитель», 1863, Справочный листок, стр. 42).

1864

16. *Лядов В.* Исторический очерк столетней жизни императорского воспитательного общества благородных девиц и Санкт-петербургского Александровского училища (СПб., 1864).

17. *Семенов Д.* Столетие Смольного монастыря («Отечественные записки», 1864, № 5. См. особ. стр. 405—409).

18. Протокол заседания СПб. педагогического собрапия 19.IX.1864 г. («Учитель», 1864, стр. 775—776).

19. То же, 3. X.1864 г. («Учитель», 1864, стр. 811).

20. » » 1864 г. («Учитель», 1864, стр. 812).

21. » » 7.XI. 1864 г. («Учитель», 1864, стр. 845).

22. Объявление о повых книгах К. Ушинского «Родпое слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» («Голос», 1864, № 308, 7. XI).

23. *Помяловский Н. Г.* Повести, рассказы и очерки, т. I, с портретом и биографией (СПб., 1865. Об Ушинском в биографии, стр. XXXVI).

23а. *Вессель Н. Х.* «Мнение о составленном г. Ушинским руководстве под заглавием «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» (ЦГИАЛ, ф. № 734, Ученый комитет МНПр, опись 1, дело 1, журналы заседаний 1863—1864 гг., стр. 1126—1132, — в наст. Собр. соч. Ушинского см. т. VI, стр. 363).

23б. «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» («Русский инвалид», 1864, № 276, в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 363—364).

23в. (*Модзалевский Л. Н.*) «Родное слово» и «Книга для учащих» К. Д. Ушинского («Голос», 1864, № 312, в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 364).

1865

24. Педагогическое собрание в Петербурге («Голос», 1865, № 36).

25. Чему учить в народных школах («Голос», 1865, № 166).

26. *Лебедев.* Книга для чтения П. Бенедиктова («Учитель», 1865, стр. 517). Рецензент устанавливает целый ряд заимствований, сделанных автором из книги Ушинского «Детский мир». О заимствованиях П. Бенедиктова из книги «Детский мир» см. также в письмах К. Д. Ушинского в Министерство просвещения в наст. Собр. соч. т. V, стр. 361 и 367).

27. О той же книге отзыв проф. Лавровского Н., составленный по поручению попечителя Харьковского учебного округа («Журнал для родителей и наставников», 1865, № 7, стр. 89—91. Здесь говорится о книге Бенедиктова, что она «почти вся набрана из статей «Детского мира» Ушинского и «Книги для чтения и практических упражнений в русском языке» Паульсона»).

28. Годовой отчет СПб. педагогического собрания за 1864—1865 год («Учитель», 1865, стр. 917).

28а. *С.-Илер К.* О преподавании естественных наук в общеобразовательных заведениях («Педагогический сборник», 1865, № 1).

28б. «Родное слово. Книга для учащих» («Книжный вестник», 1865, № 1).

28в. *Е. Э-н.* «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» К. Ушинского («Библиотека для чтения», 1865, № 2, янв., кн. 2).

28г. *Миллер О.* Народное направление в преподавании отечественного языка. «Родное слово» Ушинского («День», 1865, № 25).

28д. «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» К. Д. Ушинского («Журнал для родителей и наставников», 1865, № 4).

28е. «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» К. Д. Ушинского («Учитель», 1865, № 18).

1866

. . . .

1867

29. *Е.... ва.* Наше обучение грамоте («Голос», 1867, № 183).

30. *Филонов А.* Плоды педагогического озлобления (Ответ на статью «Цветы московской педагогии») ... («Современный листок», 1867, № 28—32. Отдельно: СПб., 1867).

30а. *Галахов А. Д.*, член Ученого комитета МНПр. Отзыв на книгу Ушинского «Детский мир» (ЦГИАЛ, Ученый комитет МНПр, опись 3, 1867, л.л. 681—684, в наст. Собр. соч. см. т. V, стр. 517).

30б. *Завьялов Н. П.* О значении и необходимости элементарной хрестоматии («ЖМНПр.», 1867, № 6, в наст. Собр. соч. т. V, стр. 521).

30в. Наша учебная литература («ЖМНПр.», 1867, № 10, в наст. Собр. соч. т. V, стр. 522, 552).

1868

31. Безотлагательная нужда помочь голодающим («Голос», 1868, № 17). Передовая статья по поводу письма К. Д. Ушинского.

32. *Слепцов А.* Где искать оснований здравой педагогике? («Современное обозрение», 1868, № 2).

33. *Агапиев А.* Новая школа. Наставление, как в русских школах иностранных поселенцев обучать но «Родному слову» Ушинского (Екатеринослав, 1868).

34. *Блинов Н.*, свящ. О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ (Вятка, 1868. Об Ушинском — стр. 16, 17 и др.).

35. *Корф Н. А.* Отчет члена Александровского уездного училищного совета за 1868 г. (Екатеринослав, 1868. Об Ушинском— стр. 158—164, 289—299 и др.).

35а. *Уварова П. С.* Письмо к Корфу Н. А. об Ушинском 7 января 1868 г. (Песковский М. Л., Корф Н. А. в письмах к нему разных лиц, СПб., 1895).

1869

36. Петербургская хроника. Диспут в СПб. университете («Голос», 1869, № 14).

37. О диспуте Владиславлева («Биржевые ведомости», 1869, № 13).

38. О том же («Космос», 1869, № 5).

39. О том же (СПб. ведомости, 1869, № 15, а также № 19— «Недельные очерки»).

40. О том же («Дело», 1869, № 2, стр. 153 и сл. Внутреннее обозрение).

41. *Медников Ф. Н.* и *Семевский М. И.* Обзор деятельности СПб. педагогического собрания с 1859 по 1867 г. (Летопись СПб. педагогического общества. Приложение к журналу «Народная школа», 1869, № 9).

42. Книги для народных школ и для народа («Голос», 1869, № 328, в наст. Собр. соч. т. VI, стр. 369).

43. *Милићевић М.* Како се учи кньига по Паулзону, Ушинскому и др. (Белград, 1869).

43а. О «Детском мире» К. Ушинского («Народная школа», 1869, № 4).

43б. «Родное слово», год 1-й и 2-й и «Книга для учащих» К. Д. Ушинского («Народная школа», 1869, № 1).

1870

44. *Юркевич П. Д.* План и силы для начальной школы («ЖМНПр.», 1870, № 3 и 4. Об Ушинском — стр. 19 и след.).

45. *Столпянский Н.П.* Дневник сельской школы (СПб., 1870) (ср. «Народная школа», 1871, № 5, стр. 66—67).

46. *Грушевский.* Обзор русских азбук (циркуляр по управлению Кавказским учебным округом, 1870, № 6 и 7, стр. 23—41, 13—35).

47. *Чижов В.* Родные напевы для развития слуха и голоса по «Родному слову» К. Ушинского, год. 1-й (Приложение к «Народной школе», 1870, и отдельно — 1870 г.).

48. *М. Б-ий.* Некролог К. Д. Ушинского («Одесский вестник», 1870, № 281).

49. *Кн. В. Д.* По поводу кончины К. Д. Ушинского («Одесский вестник», 1870, № 283, 29.XII).

50. Некролог К. Д. Ушинского («Педагогический сборник», 1870, № 12, стр. 1331).

51. *Заринский П.* Публичные педагогические лекции о преподавании в школах для солдат (Казань, 1870. Об Ушинском — стр. 190).

52. *Корф Н. А.* Отчет члена Александровского училищного Совета за 1869—1870 г. (Екатеринослав, 1870. Об Ушинском — стр. 118—120).

53. *Корф Н. А.* Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ (СПб., 1870).

53а. *Кемниц Е.* «Родное слово» К. Ушинского, год 3-й («Учитель», 1870, № 11—12, в наст. Собр. соч. см. т. VII, стр. 344).

1871

54. *Чечет И.* К некрологу К. Д. Ушинского («Одесский вестник», 1871, № 6).

55. О перенесении тела К. Д. Ушинского («Новороссийский телеграф», 1871, № 7, 10 янв.).

56. Некролог Ушинского К. Д. («Иллюстрированная газета», 1871, № 2).

57. Поминовение К. Д. Ушинского («Голос», 1871, 19 янв.).

58. *Медников Ф.* Некролог К. Д. Ушинского («Народная школа», 1871, № 1, стр. 48—50).

59. Некролог К. Д. Ушинского («Педагогический листок», 1871, № 1, стр. 59).

60. *Павловский М., Росиков Т.* Речи, произнесенные при выносе тела К. Д. Ушинского («Сын отечества», 1871, № 16, 20 янв. Перепечатка из «Одесского вестника»).

61. *Павловский М.*, прот. Речь при гробе К. Д. Ушинского («Херсонские епарх. вед.», 1871, № 1, стр. 21—23. Перепечатана в книге А. Фролкова об Ушинском на стр. 57 (см. № 97 настоящего списка).

62. К. Д. Ушинский. Некролог («Семья и школа», 1871, февр., кн. 2, стр. 160—162).

63. *Гривин А.* По поводу смерти г. Ушинского («Донские войсковые ведомости», 1871, № 17).

64. *Деркачев И.* Добрая встреча с Ушинским («Новороссийский телеграф», 1871, № 11).

65. *Рехневский Ю.* Ушинский К. Д. («Вестник Европы», 1871, № 2, см. в настоящем томе стр. 402).

66. О книгах К. Д. Ушинского («Вестник Европы», 1871, № 2, стр. 892—893, редакционная заметка).

67. *Стоюнин В.* К. Д. Ушинский («СПб. ведомости», 1871, № 49).

68. К. Д Ушинский и его педагогическая деятельность («Сияние», 1871, т. I, № 16, стр. 256—259).

69. К. Д. Ушинский. Биографический очерк («Сын отечества», будний номер, 1871, № 52).

70. *Сент-Илер К.* Педагогические курсы при второй военной гимназии («Педагогический сборник», 1871, № 2. Об Ушинском — стр. 155—157. Говорится об изучении слушателями курсов книги «Человек как предмет воспитания» и о ее значении для педагога).

71. *Белов И.* Крестьянская школа и крестьянские дети («Народная школа», 1871, № 4. Об Ушинском — стр. 10).

72. Стипендия в память К. Д. Ушинского в Новгородской земской учительской школе («Народная школа», 1871, № 4, стр. 31).

73. Русский гражданин. Митральеза в войне за реальное образование («Русский вестник», 1871, № 4. Об Ушинском — стр. 732—733).

74. *Деркачев И.* Руководящие правила при занятиях «Родным словом» (Херсон, 1871).

75. *Добровольский В.* Зорька. Книга для чтения в народных школах. Год 1-й, СПб., 1871 (Составлена по «Родному слову». Подробный разбор, объясняющий зависимость от Ушинского, дан А. Фролковым в журнале «Народная школа», 1872, № 1).

76. *П. Р(оцин).* Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики (Вильна, 1871. Об Ушинском — стр. 82).

76а. *Миропольский С. И.* Книга для чтения в начальной школе («ЖМНПр.», 1871, № 1, в наст. Собр. соч. т. V, стр. 522).

1872

77. Некролог К. Д. Ушинского (Календарь Гатцука на 1872 г.).

78. Некролог К. Д. Ушинского (Русский календарь на 1872 г. А. Суворина, стр. 409).

79. Присуждение премии в память К. Д. Ушинского («Народная школа», 1872, № 2, стр. 65).

80. *Юркевич П. Д.* Будущность звуковой методы («ЖМНПр.», 1872, № 4).

81. К. Д. Ушинский. Биография («Иллюстрированная газета», 1872, т. 30, № 32 и 33, стр. 97—98 и 119).

82. *Геннади Г. Н.* Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1870 г. («Русский архив», 1872, № 10. Об Ушинском — стр. 2017—2023).

83. Доклад Александровскому Училищному Совету членов его — Ф. Ф. Малеева, Д. Т. Гнедина, Е. И. Шабельского, Н. А. Корфа и фон-Шварца о произведенной каждым из них ревизии училищ за 1871—72 уч. год (Екатеринослав, 1872. Об Ушинском — стр. 47, 110, 215, 217 и др.).

1873

84. *Д(ебольс)кий Н. Г.* Несколько разъяснительных замечаний на психологическую часть сочинения К. Д. Ушинского — «Человек как предмет воспитания» («Педагогический сборник», 1873, № 1, 3).

85. Присуждение книгам Водовозова денежной премии имени К. Д. Ушинского («Семья и школа», 1873, № 3, отдел для родителей, стр. 269).

86. Объявление об издании «Народной школой» портрета К. Д. Ушинского шириной $^3/_4$, длиной 1 аршин, ценой 3 рубля с пересылкой, на скалке 4 рубля (объявление в журнале «Народная школа», 1873).

87. Портрет К. Д. Ушинского (приложение к № 4 «Народной школы», 1873, в размере страницы журнала).

88. *Медников Ф.* По поводу «Ответа г. Столпянского г. г. Медникову и Миропольскому» («Народная школа», 1873, № 10. Об Ушинском — стр. 2 и дальше).

89. *Бунаков Н.* Съезд народных учителей и учительниц Костромской губ. («Народная школа», 1873, № 10. Об Ушинском — стр. 31 и сл.).

1874

90. *Чалый М.* Материалы для биографии К. Д. Ушинского («Народная школа», 1874, № 4, стр. 44—49).

91. *Цветков К. И.* Новые идеи в нашей школе («Русский вестник», 1874, № 9. Об Ушинском — в конце статьи).

92. *Дебольский Н. Г.* Опыт разрешения некоторых педагогических вопросов («Семья и школа», 1874, № 11, 1875, № 2 и 3).

93. *Вессель Н. Х.* Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов, т. II, СПб., 1874. Об Ушинском — стр. 462—463, 495—496, 498, 527—528 и др.

94. *Тихомиров Д.* Опыт плана и конспекта элементарных занятий по родному языку, М., 1874. Применена к «Родному слову» и «Детскому миру».

1875

95. *Марков Е.* Последние могикане русской педагогики («Вестник Европы», 1875, № 5. Упоминается и о книгах Ушинского).

96. (*А. Скабичевский*). Мысли по поводу текущей литературы («Биржевые ведомости», 1875, № 111. Перепечатано в книге: *Зелинский В.* Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого, М., 1901, т. 7. Об Ушинском — стр. 183).

97. *Водовозов В.* Руководство к русской азбуке (СПб., 1875. Об Ушинском — стр. 6—8, 14—15).

98. *Малинин Н.* Начальное народное училище (М., 1875. Об Ушинском в разных местах).

99. Народное образование в Вятской губ. за последние 10 лет (1864—1874). (Вятка, 1875. Об Ушинском — на стр. 268).

1876

100. *Г-ц-т.* К. Д. Ушинский. С портретом («Грамотей», 1876, № 11, стр. 1—14).

101. *Булгаков Ф.* По поводу мыслей Ушинского об общественном воспитании («Женское образование», 1876, № 7, стр. 321).

102. *Корф Н. А.* Наш друг. Книга для чтения учащихся в школе и дома. (СПб., 1876. Об Ушинском — в предисловии).

102а. *Поливанов Л. И.* Руководство к преподаванию по «Родному слову». Приложение к 1 и 2-му году «Родного слова» К. Д. Ушинского («Учебно-воспитательная библиотека», 1876, т. 1, стр. 82—98, в наст. Собр. соч. Ушинского т. VI, стр. 371).

1877

103. *Барсов Н.* «Родина. Сборник для классного чтения», составл. А. Радонежским («Педагогический сборник», 1877, № 1. Критический отзыв, в котором говорится о «Детском мире» Ушинского и вообще о его книгах для чтения).

104. *М. Чумиков А. А.* («Народная школа», 1877, № 5. Об Ушинском— стр. 24).

105. *Весин С.* Необходимое дополнение к русским хрестоматиям. Логический разбор. Басистов — Ушинский — Полевой (СПб., 1877).

105а. *Миропольский С. И.* «Родное слово», год 1-й и 2-й «Книга для учащих» («Семья и школа», 1877, № 8, 11; в наст. Собр. соч. т. VI, стр. 373).

1878

106. *Иверсен В.* Программа бесед по книге Ушинского («Народная школа», 1878, № 3, стр. 7—19).

107. *Снегирев С.* О господствующих у нас методах обучения грамоте («Педагогический музей», 1878, № 9. Об Ушинском — глава III).

108. (*Модзалевский Л. Н.*). Свирель. Сборник детских песен. Тетрадь 1-я. Для школы (М., 1878. Об Ушинском — в предисловии).

109. Наглядно-звуковые прописи по «Родному слову» Ушинского. Пособие, состоящее из 400 немых картинок (СПб., 1878.)

109а. «Детский мир» К. Д. Ушинского (систематический обзор русской народно-учебной литературы) (СПб., 1878. В наст. Собр. соч т. V, стр. 523).

1879

110. Рассудите нас, господа народные учителя! (СПб., тип. М. А. Хана, 1879, стр. 16).

1880

111. *Тихомиров Д. И.* Школа и жизнь («Народная школа», 1880, № 1. Об Ушинском— стр. 29).

112. Народный учитель. Отношение народа к школе («Русский начальный учитель», 1880, № 5—6. Об Ушинском—стр. 55).

113. Наши деятели. Галлерея замечательных людей в России, в портретах и биографиях (т. VIII, изд. Баумана А. О. СПб., 1880. Об Ушинском — стр. 94—103).

114. *Грот Н. Я.* Психология чувствования в ее истории и главных основах (СПб., 1880. Об Ушинском — стр. 131—132, 400—401).

1881

115. Педагогические темы из «Родного слова» Ушинского («Русский начальный учитель», 1881, № 1, стр. 73. Предложение редакции).

116. Обучение русской грамоте («Русский начальный учитель», 1881, № 2. « О «Родном слове» Ушинского — стр. 102—107).

117. По поводу собрания народных учителей и учительниц во Владимирском городском училище («Русский начальный учитель», 1881, № 4. «О «Родном слове» Ушинского — стр. 268—269).

118. Работы народных учителей, присланные в ответ на предложения редакции («Русский начальный учитель», 1881, № 8—9, стр. 466—482; № 11, стр. 652—655. Объяснительное чтение статей «Родного слова»).

119. *Владиславлев М.* Психология (т. I, СПб., 1881. Об Ушинском — стр. 180).

120. *Фролков А.* К. Д. Ушинский. Краткий биографический очерк с гравированным портретом (СПб., 1881).

Рецензии: «Вестник Европы», 1881, № 9; «Женское образование», 1881, стр. 590 (Ф. Матвеев); «Народная школа», 1881, № 11, стр. 47 (Михайловский Я.); «Русский начальный учитель», 1881, № 12.

121. (*Модзалевский Л. Н.*) К биографии К. Д. Ушинского. По поводу его биографического очерка. Фельетон («Кавказ», 1881, № 259, 274, 281 и отдельно: Тифлис, 1881).

1882

122. *Баранов А.* Книга для чтения, примененная к тем народным школам, в которых начинают обучать родному языку по «Родному слову» К. Д. Ушинского (СПб., 1882).

123. *Люстрицкий В.* Очерк педагогической деятельности К. Д. Ушинского и его взгляд на общественное воспитание (Казань, 1882).

124. *Снегирев М.* Обзор господствующих методов обучения грамоте (М., 1882).

1883

125. *Н. Л.* Наши начальные хрестоматии по русскому языку («Женское образование», 1883, № 1. Об Ушинском — стр. 34—39).

126. Учительница. Несколько слов о пособиях по русскому языку («Педагогический листок», 1883, № 3. Об Ушинском — стр. 99—100, 102—103).

127. Учительские семинарии в Швейцарии. Отзыв о них Ушинского («Народная школа», 1883, № 6—7, стр. 68—70).

128. *Барсов А.* К вопросу о преподавании языка. Грамматика. («Русский филологический вестник», 1883, № 4. На стр. 67—76 разбираются взгляды Ушинского).

129. *Александров В.* Задача и организация школьного дела. (СПб., 1883). (Ср. «Русский начальный учитель», 1883, № 5. Об Ушинском — стр. 360).

130. Памяти К. Д. Ушинского («Киевлянин», 1883, № 277, 23 декабря).

131. Домашнее воспитание. Составлено по сочинениям Ушинского, Водовозова и др. (СПб., 1883).

132. Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1881—1882 г. (СПб., 1883. Об Ушинском — стр. 23).

1884

. . . .

1885

133. *Старчевский А.* Мои воспоминания о К. Д. Ушинском («Народная школа», 1885, № 1).

134. Русские педагогические деятели: К. Д. Ушинский («Воспитание и обучение», 1885, № 2, стр. 37—65).

135. *Амасийский.* Обучение грамоте и русскому языку в карельской школе («Русский начальный учитель», 1885, № 2. Об Ушинском — стр. 95).

136. *Каптерев П. Ф.* Педагогика — наука или искусство? («Педагогический сборник», 1885, № 12).

137. *Романченко И.* Конспект занятий по «Родному слову», М., 1885, изд. 2-е. (Об этой книге см. «Русский начальный учитель», 1885, № 5. Об Ушинском — стр. 291).

137а. (*Кочетов А.*) Волки в овечьей шкуре («Московские ведомости», 1885, № 224, в наст. Собр. соч. см. т VI, стр. 374).

137б. *Кочетов А.* Доклад 11 янв. 1885 г. Ученому комитету при МНПр о книге Ушинского «Родное слово» (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета, 1885, опись 3, особый отдел, л. л. 35—54, в наст. изд. Собр. соч. см. т. VI, стр. 386 и сл., а также 394—403).

137в. *Сент-Илер К. К.* Содоклад 11 янв. 1885 г. в Ученом комитете МНПр о книге Ушинского «Родное слово» (ЦГИАЛ,

Дела Ученого комитета, 1885, опись 3, особый отдел, л.л. 35—54; в наст. изд. Собр. соч. см. т. VI, стр. 386 и сл. и 403—405).

137г. *Сент-Илер К. К.* Докладная записка министру относительно запрещения 1-й части «Родного слова» Ушинского (июнь 1885 г.) (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета, 1885, опись 3, особый отдел, л.л. 35—54; в наст. Собр. соч. т. VI, стр. 386 и сл. и 405—408).

1886

138. *Максимов Е.* Книга для чтения в народной школе («Женское образование», 1886, № 1. Об Ушинском — стр. 5, 12, 13).

139. *Вембер П.* Очерк истории вопроса о преподавании грамматики («Народная школа», 1886, № 6—7. Об Ушинском — стр. 48—51).

140. *Семенов Д.* Водовозов В. И. как педагог («Русский начальный учитель», 1886, № 8—9. Об Ушинском — стр. 396—397).

141. *Бунаков Н.* Школьное дело. Учебный материал, проработанный на учительских съездах в 1872—1883 гг. (СПб. 1883, изд. 2-е. Об Ушинском — в гл. X).

1887

142. *Семенов Д. Д.* Опыт педагогической критики русской элементарно-учебной литературы («Воспитание и обучение», 1887. Об Ушинском — стр. 35 и сл.).

143. *Титова.* Ушинский К. Д. и Водовозов В. И. («Русская старина», 1887, № 2, стр. 471—494).

144. *Барсов Н. И.* Вышнеградский Н. А. и Осинин И. Т. («Сын отечества», 1887, № 102). Перепечатано в книге того же автора «Несколько исследований исторических и рассуждений о вопросах современных» (СПб , 1899. Об Ушинском — стр. 360).

145. *Семевский В. И.* Водовозов В. И. («Вестник Европы», 1887, № 11 и 12. Отдельно: СПб., 1888. Об Ушинском — стр. 51 и сл.).

146. *Белявский А.* Исторический очерк развития элементарной школы в биографиях замечательнейших педагогов и по уставам правительства. (Приложение к «Курсу воспитания и обучения» д-ра Линдера, Глухов, 1887. Об Ушинском — стр 84—97; также СПб , 1905. Ср. замечания Каптерева П Ф. в «Педагогическом сборнике», 1888, № 5, и в «Русской школе», 1906, № 12).

147. *Головщиков К.* Демидов Павел Григорьевич и история основанного им в Ярославле училища (Ярославль, 1887. Об Ушинском — стр. 116—118).

148. *Острогорский В.* и *Семенов Д.* Русские педагогические деятели: Пирогов Н. И., Ушинский К. Д., Корф Н. А. (М., 1887. Об Ушинском — перепечатка из № 134).

Рецензии: «Воспитание и обучение», 1887, № 1, стр. 15—16; «Вестник Европы», 1887, № 3 (перепечатка: «Педагогический сборник», 1887, № 5); «Народная школа», 1887, № 6—7, стр. 88; «Русский начальный учитель», 1887, № 6—7.

149. *Паульсон И.* Методика грамоты... ч. I, СПб., 1887. (Об Ушинском — стр. 324—326); ч. II, СПб., 1892 (Об Ушинском — стр. 372).

1888

150. *Каптерев П.* Очерки по истории русской педагогики. II. К. Д. Ушинский («Педагогический сборник», 1888, № 2, стр. 169; № 3, стр. 229).

151. *Деркачев И.* О книгах для сельских школ («Новости», 1888, № 143).

152. *Семенов Д. Д.* Новая струя в нашей педагогичсской литературе («Воспитание и обучение», 1888. Об Ушинском — стр. 279).

153. *Тихомиров Д.* О церковно-славянском чтении («Воспитание и обучение», 1888. Об Ушинском — стр. 414 и сл.).

154. *Семенов Д.* Русская книга для первоначального чтения в связи с школой («Женское образование», 1888, стр. 354—387. Об Ушинском — гл. I).

155. *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов (т. III, СПб., 1888).

155а. *Кочетов А. И.* Возражения в заседании Ученого комитета при МНПр на докладную записку Сент-Илера К. К. (см. № 137 г.). (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета при МНПр за 1889 г., опись 171, д. 176670а, карт. 4195, л.л. 1—167; в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 409).

1889

156. *Чалый М. К.* Воспоминания («Киевская старина», 1889, № 3, 4, 5, 6, 7, 8. Об Ушинском собственно только в № 8; в других характеризуется Новгородсеверская гимназия, в которой учился Ушинский).

157. *Семевский М. И.* Путевые очерки, заметки, наброски («Русская старина», 1889, № 10. Об Ушинском говорится на стр. 225—226).

158. Краткий обзор деятельнссти Педагогического музея военно-учебных заведений за 1887—88 г. (СПб., 1889. Об Ушинском — стр. 100).

158а. *Радонежский А. Е.* Мнение о книге Ушинского «Родное слово», доложенное в заседании Ученого комитета при МНПр, 17.III.1889 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета при МНПр за 1889 г., опись 171, д. 176670а, карт. 4195, л.л. 1—167; в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 411).

158б. *Кочетов А. И.* Разъяснение по докладу Радонежского А., доложенное в заседании Ученого комитета при МНПр, 24.III.

1889 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета при МНПр за 1889 г., опись 171, д. 176670а, карт. 4195, л.л. 1—167; в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 420).

1890

159. *Рогова О.* Лекции по детской литературе («Педагогический сборник», 1890, № 3. Об Ушинском — стр. 266—267).

160. *Музыкантов П.* К. Д. Ушинский («Русская старина», 1890, № 4).

161. Некролог — О. К. Семенова («Воспитание и обучение», 1890. Об Ушинском — стр. 110).

162. *Ш(елгунов) Н.* Очерки русской жизни («Русская мысль», 1890, № 12. Об Ушинском упоминается на стр. 212).

163. Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1888—1889 г. (СПб., 1890. Об Ушинском — стр. 124).

1891

164. *Острогорский В.* Педагог-идеалист («Вестник воспитания», 1891, № 1, стр. 76—93).

165. *Демков М.* О русском семейном воспитании («Вестник воспитания», 1891, № 4. Об Ушинском — стр. 42—43, 46, 50 и др.).

166. *Демков М.* Педагогическая и философская подготовка учителей средних учебных заведений («Русская школа,» 1891, № 2. Об Ушинском — стр. 62 и др.).

167. *Сент-Илер К.* Руководящие заметки по чтению народными учителями педагогических сочинений («Русский начальный учитель», 1891, № 4, 6—7. Об «Антропологии» Ушинского).

1892

168. *Семенов Д. Д.* Очерки начального народного образования в России. Кавказские начальные училища («Образование», 1892, № 1. Об Ушинском — стр. 61).

169. *Демков М. И.* О задачах русской педагогики («Русская школа», 1892, № 3. Об Ушинском — стр. 44—47).

170. *Сент-Илер К. К.* Воспитание (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 13, СПб., 1892. Об Ушинском — стр. 272).

171. *Песковский М. Л.* Ушинский К. Д. Его жизнь и педагогическая деятельность (СПб., 1892. С портретом Ушинского, выгравированным в Лейпциге Геданом).

Рецензии: «Русская школа», 1893, № 11, стр. 189—192 (Л. Н. Гарский, Л. Н. Модзалевский); Труды Педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества, вып. 1; то же — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. V (проф. Н. Ф. Сумцов); «Русские ведомости», 1893,

№ 175 (В. А.); «Новости», 1893, № 203 (Вл. Мч.).; «Философский ежегодник», год 1-й (1893), М., 1895 (Колубовский Я.); «Образование», 1895, № 12.

1893

172. *Снегирев В.* Психология (Харьков, 1893. Об Ушинском — стр. 112).

1894

173. *Демков М. И.* О самообразовании учителя («Русская школа», 1894, № 7—8. Об Ушинском — стр. 83—86 и др.).

174. *Бобровский С.* О наглядности при начальном обучении («Русская школа», 1894, № 7—8. Об Ушинском — стр. 181; то же № 9 и 10. Об Ушинском — стр. 230 и сл.).

175. *Тихомиров Д.* Педагогические курсы в Чернигове («Вестник воспитания», 1894, № 8. Об Ушинском — стр. 8).

176. *Скворцов Ир.*, проф. Ушинский как педагог-публицист («Вестник воспитания», 1894, № 8, стр. 182—199).

177. *Семенов Д. Д.* Мать и дитя. Мысли К. Д. Ушинского о семейном воспитании («На помощь матерям», 1894, ноябрь, стр. 316—321).

178. Частный почин в деле народного образования. Сборник статей. Издание Московского комитета грамотности (М., 1894. Об Ушинском — стр. 186, 191, 194, 198 и др.).

179. Краткие указания для готовящихся к преподавательской деятельности (вып. 1, Казань, 1894. Рекомендуются книги Ушинского).

179а. *Скворцов Ир.*, проф. Ушинский как психолог («Вестник воспитания», 1894, № 6).

1895

180. *Песковский М. Л.* Корф Н. А. в письмах к нему разных лиц (СПб., 1895. Об Ушинском — стр. 89, 125, 142, 147, 149, 172, 182—183, 207).

181. *Синицын Н.* Педагогические курсы в г. Чердынп («Вестник воспитания», 1895, № 6. Об Ушинском — стр. 112—113).

182. Памяти русского педагога К. Д. Ушинского («Гражданин», 1895, № 350, 20 дек.).

183. Памяти К. Д. Ушинского. С портретом («Жизнь и искусство», 1895, № 352, 21 дек.).

184. *Острогорский В.* Кого лишились мы четверть века назад («Мир божий», 1895, № 12, стр. 162—157).

185. Ушинский К. Д. Биография с портретом («Нива», 1895, № 52).

186. К. Д. Ушинский. К 25-летию его кончины (приложение к газете «Новое время», 1895, № 257, 16 дек., с портретом Ушинского).

187. (Панихида по Ушинскому). «Новое время», 1895, 22. XII, № 7119.
188. Чествование памяти Ушинского К. Д. («Новое время», 1895, 24.XII, № 7121).
189. По поводу 25-летия со дня смерти К. Д. Ушинского («Новости», 1895, 19.XII, № 349).
190. К чествованию памяти К. Д. Ушинского («Новости», 1895, 21.XII, № 351).
191. Чествование памяти К. Д. Ушинского («Новости», 1895, 22.XII, № 352, хроника в двух местах).
192. *Песковский М.* Памяти К. Д. Ушинского («Новости», 1895, 23 XII, № 353).
193. *Каптерев П.* Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского («Образование», 1895, № 1, стр. 1—27).
194 *Песковский М.* Ушинский К. Д., его деятельность и значение. Ввиду 25-летия со дня его смерти («Образование», 1895, № 12).
195. Из печати: чествование памяти К. Д. Ушинского («Педагогический еженедельник», 1895, № 52, стр. 581).
196. Памяти К. Д. Ушинского («Педагогический сборник», 1895, № 12, стр. 566).
197. *Семенов Д. Д.* Из пережитого: мое знакомство с К. Д. Ушинским («Русская школа», 1895, № 1 и 2).
198. *Семенов Д. Д.* Сочинения и педагогические идеи К. Д. Ушинского («Русская школа», 1895, № 7—8, стр. 28—47).
199. *Каптерев П. Ф.* Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания («Русская школа», 1895, № 12, стр. 65—73).
200. *Модзалевский Л. Н.* О народности в воспитании по Ушинскому («Русская школа», 1895, № 12, стр. 74—81).
201. *Корсакова Е. Я.* Чем обязана моя дочь К. Д. Ушинскому в своем начальном обучении («Русская школа», 1895, № 12, стр. 82—87).
202. Заседание Московского комитета грамотности, посвященное памяти К. Д. Ушинского («Русские ведомости», 1895, 23.XI, № 324).
203. *К. Д. Ушинский* («Приазовский край», 1895, № 336, 3.XII).
204. Чествование памяти К. Д. Ушинского (там же).
205. *П. Ш-в.* К. Д. Ушинский («Русские ведомости», 1895, 21.XII, № 352).
206. *Флеров А. П.* Ушинский К. Д. По поводу воспоминания о его великих заслугах для русской педагогии («Филологические записки», 1895, вып. VI, и отдельно: К. Д. Ушинский. Воспоминания о его великих заслугах для русской педагогии (Воронеж, 1895).
206а. «Родное слово» К. Ушинского, год 3-й, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II (Систематический обзор русской народно-учебной литературы. СПб., 1895, стр. 120).

1896

207. *Каптерев П. Ф.* Ушинский К. Д. По поводу 25-й годовщины его смерти («Всемирная иллюстрация», 1896, № 1405, с портретом и факсимиле Ушинского).

208. *Ермилов В.* Мысли К. Д. Ушинского о воспитании («Вестник воспитания», 1896, № 2, стр. 59—84).

209. *Ельницкий К. В.* Ушинский К. Д. («Городской и сельский учитель», 1896, вып. 1-й, стр. 21—24).

210. Из литературного мира: автор «Родного слова» («Книжки недели», 1896, № 4, стр. 328).

211. Чествование памяти К. Д. Ушинского («Исторический вестник», 1896, № 2, стр. 722—723).

212. *Зданевич М.* Беседа. Памяти К. Д. Ушинского («Кавказ», 1896, № 9).

213. *Родевич М.* Цветы на могилу К. Д. Ушинского. По поводу 25-летия со дня его кончины («Наблюдатель», 1896, № 2, стр. 209—223).

214. *Полетаев Н.* Несколько слов по поводу переписки Н. А. Корфа («Народное образование», 1896, № 8. Об Ушинском — стр. 51).

215. *Песковский М.* По заслугам и честь («Нива», Литературные приложения, 1896, № 2, стр. 309).

216. Постановление СПб. городской думы об учреждении стипендии имени К. Д. Ушинского в земской учительской школе и присвоении его имени пяти городским начальным училищам («Новое время», 1896, № 7263, 19 мая).

217. *Петербуржец.* Маленькая хроника: комиссия чествования памяти К. Д. Ушинского («Новое время», 1896, 2 октября, № 7420).

218. Общее собрание членов Педагогического общества взаимной помощи по вопросу об увековечении памяти К. Д. Ушинского («Новое время», 1896, 29 октября, № 7426).

219. В комиссии по увековечению памяти К. Д. Ушинского («Новое время», 1896, 25 ноября, № 7453).

220. Чествование памяти К. Д. Ушинского («Образование», 1896, № 1, отд. II, стр. 89).

221. *Семенов Д. Д.* Памяти К. Д. Ушинского («Образование», 1896, № 2).

222. Читальня имени К. Д. Ушинского («Образование», 1896, № 3, отд. II, стр. 93).

223. К. Д. Ушинский. Биографический очерк («Педагогический еженедельник», 1896, № 1, стр. 2 — перепечатка из «Нового времени»).

224. *Ельницкий К.* Ушинский К. Д. («Педагогический еженедельник», 1896, № 2, стр. 16).

225. Премия имени К. Д. Ушинского («Педагогический еженедельник», 1896, № 3, стр. 33 — перепечатка из «Нового времени»).

226. *Гольцев В. А.* Памяти К. Д. Ушинского («Педагогический листок», 1896, № 1).

227. *Тихомиров Д. И.* Значение книги Ушинского «Родное слово» («Педагогический листок», 1896, № 1).

228. *Соколова М. М.* Значение К. Д. Ушинского для нашей народной школы («Русская школа», 1896, № 1, стр. 32—36).

229. *Семенов Д. Д.* Педагогическая подготовка учителей заграницей и у нас («Русская школа», 1896, № 3. Об Ушинском — стр. 32 и сл.).

230. *Гуревич Я. Г.* Ушинский К. Д. как редактор «Журнала Министерства народного просвещения» («Русская школа», 1896, № 4).

231. Памяти К. Д. Ушинского («Русский начальный учитель», 1896, № 1, стр. 1—4).

232. *Бунаков Н.* Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский («Русский начальный учитель», 1896, № 4).

233. *Маккавейский Н. К.* Ушинский К. Д. и его педагогическая идея (Труды Киевской духовной академии, 1896, № 1, стр. 113—144; № 3, стр. 377—412; № 12, стр. 439—469 и отдельно: Киев, 1896).

234. *П. К.* Памяти К. Д. Ушинского («Церковно-приходская школа», 1896, кн. 7, февраль, стр. 33—41).

235. *Италинский А.* Ушинский К. Д., его жизнь, деятельность и значение (Приложение к Циркуляру по управлению Кавказским учебным округом за 1896 г., № 1 и отдельно: Гори, 1896).

236. Доклад общему собранию Комиссии по увековечению памяти К. Д. Ушинского (Справочный листок СПб. педагогического общества взаимной помощи, 1896, № 8).

237. Заключение Правления по докладу Комиссии имени К. Д. Ушинского (там же).

238. *Глинский Б. Б.* Миллер О. Ф. (СПб., 1896. Об Ушинском — стр. 30).

239. *Греков Ф. В.* Руководство к первоначальному обучению письму в связи с обучением чтению по методе Ушинского (М., 1896).

240. *Ельницкий К.* Избранные педагогические статьи (М., 1896. Об Ушинском — последняя, 35-я статья).

241. Комиссия по организации домашнего чтения. Программы домашнего чтения на второй год систематического курса. (М., 1896. Об Ушинском — стр. 113, 116).

242. *Тимощук В. Б.* Семевский М. И. (СПб., 1896. Об Ушинском — стр. 93 и сл В конце книги 3 письма Ушинского к Семевскому; в наст. Собр. соч. см. т. XI, стр. 157).

243. *Фролков А. Ф.* Ушинский К. Д. Его жизнь и значение (Владикавказ, 1896. Перепечатано из газеты «Казбек», 1896).

244. *Памяти К. Д. Ушинского.* По случаю 25-летия со дня его кончины (21 декабря 1870 г. — 21 декабря 1895 г.). (СПб., 1896). К книге приложен портрет К. Д. Ушинского, изображе-

ние его могилы и снимок с его письма к Н. А. Корфу от 27 сентября 1870 г.

Содержание книги: К читателям (стр. I—II).

Чествование памяти К. Д. Ушинского (стр. 1—6).

Речь свящ. В. Маренина (стр. 7—10).

Речь директора педагогического музея, генерал-майора А. Н. Макарова (стр. 11—14).

Песковский М. Л. Значение чествования К. Д. Ушинского, его заслуги и труды (стр. 15—40).

Каптерев П. Ф. Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания (стр. 41—56).

Корсакова Е. Я. Голос из семьи (стр. 57—66).

Семенов Д. Д. Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте по личным воспоминаниям автора (стр. 67—104).

Семенов Д. Д. Педагогические идеи К. Д. Ушинского (стр. 105—134).

Приложение к статье Семенова Д. Д. «Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте и программа педагогики, им составленная» (стр. 135—150).

Модзалевский Л. Н. О народности в воспитании по Ушинскому (стр. 151—162).

Приложения к статье Л. Н. Модзалевского:

а) Заметки К. Д. Ушинского, относящиеся к чистоте русского языка (стр. 163—164).

б) Прощальная речь Л. Н. Модзалевского, сказанная на товарищеском обеде в честь К. Д. Ушинского в сентябре 1864 г. (стр. 165—168).

Цветковский Ю. Ю. Мысли К. Д. Ушинского о воспитательно-образовательном значении родной природы и родного слова (стр. 169—182).

Аврамов В. Я. Значение К. Д. Ушинского для народных учителей и школ (стр. 183—198).

Гуревич Я. Г. Ушинский К. Д. как редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (стр. 199—206).

Премия в память К. Д. Ушинского, учрежденная его семьей (стр. 207—212).

(Все эти статьи и речи произнесены на чествовании памяти К. Д. Ушинского, устроенном петербургскими педагогами 22 декабря 1895 г. по случаю 25-летия со дня его смерти).

Рецензии: «Педагогический листок», 1896, № 4; «Русские ведомости», 1896, № 214 (5 августа); «Русская мысль», 1896, № 8, стр. 354; «Новое слово», 1896, № 2 (ноябрь); «Русское богатство», 1896, № 12, отд. II, стр. 50; «Педагогический сборник», 1898, № 1; «Вестник воспитания», 1898, № 7.

1897

245. *Арепьев Н. П.* Илья Петрович Деркачев («Русская школа», 1897, № 1. Об Ушинском — стр. 13, 24—25, 31).

246. *Модзалевский Л. Н.* Из педагогической автобиографии («Русская школа», 1897, № 3. Об Ушинском — стр. 29. Окончание — № 4. Об Ушинском — стр. 38 и далее, также в «Списке работ...» Отдельно: СПб., 1899. Об Ушинском — стр. 24 и сл.).

247. *Каптерев Н. Ф.* Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели («Русская школа», 1897, № 3, стр. 54—71. Ср. «Вестник воспитания», 1898, № 2, отд. II, стр. 12—14).

248. *Деркачев И. Н.* Ушинский К. Д. в Симферополе в 1870 г. («Русская школа», 1897, № 5—6, стр. 20—39).

249. О конкурсе на премию К. Д. Ушинского в 1899 г. («Русская школа», 1897, № 9, стр. 324).

250. *Семенов Д. Д.* Влияние школы и среды на развитие природного таланта («Вестник воспитания», 1897, № 2. Об Ушинском — стр. 176, 184—183).

251. *Васильевич.* Московские уездные краткосрочные педагогические курсы («Вестник воспитания», 1897, № 6. Об Ушинском — стр. 150).

252. Мысли К. Д. Ушинского о значении религии в деле воспитания («Народное образование», 1897, № 11).

253. *Острогорский А. Н.* Образование и воспитание. Ст. 1 — Взгляды Толстого, Ушинского, Пирогова («Педагогический сборник», 1897, № 3, стр. 227. Об Ушинском — стр. 237—244).

254. Краткий отчет Комиссии Ушинского общему собранию (Справочный листок СПб. педагогического общества, 1897, № 10).

255. *В. К.* Ушинский К. Д. перед судом церковно-педагогического официального органа печати («Саратовский листок», 1897, № 259, 2 декабря).

256. *Гольцев В. А.* Воспитание, нравственность, право. Сборник статей (2-е изд., М., 1897. Об Ушинском — стр. 103—115; перепечатка статьи № 226).

257. Торжественное собрание учебно-воспитательного комитета Педагогического музея, посвященное памяти К. Д. Ушинского (Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1895—96 г. СПб., 1897, стр. 59—61).

1898

258. *Лихачева Е. О.* Вышнеградский Н. А. в женских гимназиях («Русская школа», 1898, № 1. Об Ушинском — стр. 34—35).

259. *Назарьев В.* Вешние всходы («Вестник Европы», 1898, № 4. Об Ушинском — стр. 684).

260. *Семенов Д. Д.* Очерк педагогической деятельности И. И. Паульсона («Вестник воспитания», 1898, № 6. Об Ушинском — стр. 95 и др.).

261. *Глинский Б. Б.* Недуги образования («Исторический вестник», 1898, № 8. Об Ушинском — стр. 597—600).

262. Объявление о конкурсе на премию К. Д. Ушинского («Новое время», 1898, 20 сентября).

263. О конкурсе на премию К. Д. Ушинского («Русский начальный учитель», 1898, № 10).

264. Извещение о конкурсе на премию имени Ушинского («Образование», 1898, № 11, отд. II, стр. 95—96).

265. *Демков М. И.* Русская педагогика в главнейших ее представителях (М., 1898, Биография и статьи Ушинского — на стр. 247—269).

266. *Ермилов В.* В борьбе с рутиной (М., 1898. Об Ушинском — на стр. 111—131).

267. Записки старой смолянки (1833—1878). (СПб., 1898—1899, т. 1—2. Есть упоминания об Ушинском).

268. *Захарченко М. М.* Исторический очерк педагогических классов С.-Петербургского Александровского института 1848—1898 гг. (СПб., 1898. Об Ушинском — в главе 3-й).

269. *Каптерев П.* Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели (СПб., 1898. Об Ушинском — стр. 28—45, то же, что и под № 247).

1899

270. *Семенов Д. Д.* Раевский Н. И. («Вестник воспитания», 1899, № 1. Об Ушинском — стр. 164).

271. Премии имени К. Д Ушинского («Русская школа», 1899, № 3, стр. 308).

272. Учреждение премии К. Д. Ушинского («Исторический вестник», 1899, № 5, стр. 789).

273. Краткий отчет Комиссии К. Д. Ушинского («Справочный листок СПб. педагогического общества», № 14, 1899).

274. Хороший совет («Сын отечества», 1899, № 313).

275. Программа конкурса на премию имени К. Д. Ушинского («Новое время», 1899, 21 декабря).

276. *Ермилов В. Е.* Наш родной учитель К. Д. Ушинский (М., 1899, изд. «Детские чтения». (Рецензия — «Русская школа», 1899, № 1).

277. Ушинский К. Д. (Библиографический указатель материалов по истории русской школы: № 2, стр. 31—32; № 8, стр. 142. Приложение к «Педагогическому сборнику», 1899, № 7 и № 9. Есть и отдельное издание).

278. Конкурс на премию К. Д. Ушинского (Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1897—1898 г., СПб., 1899, стр. 65—68).

278а. *Чумиков А.* Мои цензурные мытарства («Русская старина», 1899, № 9, 12).

278б. Доклад о «Родном слове» К. Д. Ушинского в заседании Ученого комитета при МНПр 26.XI. 1899 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета за 1899—1900 гг., опись 3-я, особый отдел, журналы, л.л. 114а—171; в наст. Собр. соч см. т. VI, стр. 429 и сл.).

278в. *Сент-Илер К. К.* Возражение на доклад Филонова о «Родном слове» Ушинского в заседании Ученого комитета от

3. XII. 1899 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета при МНПр за 1899—1900 гг., опись 3-я, особый отдел, журналы, л.л. 114а—171; в наст. Собр. соч. Ушинского см. т. VI, стр. 436 и сл.).

278г. *Семека*, инспектор нар. уч-щ Петербургской губ. Мнение о книге Ушинского «Родное слово», доложенное в заседании Ученого комитета при МНПр 17.XII.1899 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета за 1899—1900 гг., опись 3-я, особый отдел, журналы, л.л. 114а—171; в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 439 и сл.).

1900

279. *Пугачевский Я. П.* (Библиографический указатель материалов по истории русской школы, № 4, стр. 68, где упоминается об отношениях Пугачевского к Ушинскому. См. Приложение к «Педагогическому сборнику», 1900, № 1 и отдельно).

280. О конкурсе сочинений на премию К. Д. Ушинского («Русская школа», 1900, стр. 125).

281. Отчет о Комиссии Ушинского («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1900, № 17).

282. Сведения о Комиссии Ушинского (там же, 1900, № 18).

283. Педагогические курсы имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1900, № 10—11, стр. 140, II отдел).

284. О премии имени Ушинского (извещение) («Образование», 1900, № 3, отд. II, стр. 111).

285. О конкурсе на премию имени К. Д. Ушинского («Русский начальный учитель», 1900, № 3).

286. *Ломан А. Л.* Леонтьева М. П. (Библиографический указатель материалов по истории русской школы, № 8, стр. 155—158. Приложение к «Педагогическому сборнику», 1900, № 11).

287. Чествование памяти К. Д. Ушинского. С портретом Ушинского и факсимиле («Педагогический листок», 1900, стр. 1071).

288. *Григорьев В. В.* Исторический очерк русской школы (М., 1900. Об Ушинском — стр. 391, 396).

289. Протокол Учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений по присуждению премии имени К. Д. Ушинского. (Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1899—1900 гг. СПб., 1900, вып. 1-й, стр. 125—134).

289а. *Федоров*. Мнение о «Книге для учащих по «Родному слову» Ушинского, доложенное в заседании Ученого комитета МНПр 7.I.1900 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета за 1899—1900 гг., опись 3-я, особый отдел, журналы, л л. 114а—171; в наст. Собр. соч. см. т. VI, стр. 444).

289б. *Кочетов А. И.* Заключительное слово по докладам о книге Ушинского «Родное слово», 14.I.1900 г. (ЦГИАЛ, Дела Ученого комитета за 1899—1900 гг., опись 3-я, особый отдел, журналы, л.л. 114а—171; в наст. Собр. изд. соч. см. т. VI, стр. 445).

1901

290. *Каптерев П.* Взгляд Ушинского на первоначальное воспитание детей («Воспитание и обучение», 1901, стр. 1—17).

291. *Румянцев Н.* Мысли К. Д. Ушинского о религиозном воспитании («Вера и церковь», 1901, февраль).

292. *Седов Л.* Ушинский о воспитании («Вестник воспитания», 1901, № 3, отд. I, стр. 1—35).

293. *Айхенвальд Ю.* Памяти К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1901, № 3, отд. I, стр. 36—48. Речь, произнесенная в открытом заседании Московского педагогического общества, посвященном памяти К. Д. Ушинского, 3 февраля 1901 г.).

294. Отчет Комиссии Ушинского за 1900 г. («Справочный листок СПб. педагогического общества, 1901, № 19).

295. Проект положения о педагогических курсах имени К. Д. Ушинского (там же, 1901, № 20).

296. Возвращение в народную школу Ушинского («Вестник воспитания», 1901, № 8, отд. IV, стр. 114).

297. *Ф. Ч.* Отголоски учительских съездов («Вестник воспитания», 1901, № 9, отд. IV. Об Ушинском — стр. 104).

298. *И. А.* (И. С. Абрамов). На родине Ушинского. Письмо из Черниговской губ. («Неделя», 1901, № 8).

299. *Волгин Ник.* К. Д. Ушинский («Отдых», 1901).

300. Книжное и журнальное обозрение. Памяти К. Д. Ушинского («Народное образование», 1901, № 4, стр. 392—398).

301. *Тихомиров Д. И.* Значение К. Д. Ушинского для народной школы («Педагогический листок», 1901, стр. 275—293).

302. *Тихомиров Д. И.* Автобиографический очерк («Педагогический листок», 1901, № 6. Об Ушинском — стр. 749).

303. *Соколова М. М.* Значение К. Д. Ушинского как автора книг «Родное слово» и «Детский мир» («Русская школа», 1901, № 2).

304. *Семенов Д. Д.* Педагогический этюд из семейной хроники («Русская школа», 1901, № 3. Об Ушинском — стр. 98).

305. *Карасев А.* На могиле К. Д. Ушинского («Русская школа», 1901, № 3, стр. 132, II отдел).

306. *Будде Е. Ф.* О значении Ушинского и его «Родного слова» в истории изучения и преподавания отечественного языка («Русская школа», 1901, № 7—8, стр. 231—257).

307. Конкурс на премию имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1901, № 7—8, отд. II, стр. 123).

308. *Бобровский С.* Из моих служебных воспоминаний («Русская школа», 1901, № 12. Об Ушинском — стр. 36).

309. *Калинин И.* Воспоминания об Ушинском («Русский начальный учитель», 1901, № 2, II отд., стр. 16).

310. *Будде Е. Ф.* Педагогические взгляды Ушинского и их значение (Труды и протоколы Казанского педагогического общества, 1901).

311. *Орелкин П.* и *Ладыженский В.* К. Д. Ушинский и «Родное слово» («Читатели народных библиотек», М., 1901).

312. Отчет о деятельности императ. Академии наук за 1901 год. О присуждении премии имени К. Д. Ушинского за сочинение В. Анри (стр. 128—130).

312а. *Александров Л. А.* Ушинский К. Д. как составитель «Детского мира» и «Родного слова» (Труды и протоколы Казанского педагогического общества при Казанском государств. университете, 1901).

312б. *Попруженко М.* Ушинский и его учебные книги (Одесса, 1901).

1902

313. Памяти К. Д. Ушинского («Русская школа», 1902, № 1, отдел II, стр. 93).

314. Отчет о деятельности Комиссии имени К. Д. Ушинского за 1901 г. («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1902, № 22).

315. История двух отчетов Комиссии имени К. Д. Ушинского (там же, 1902, № 23).

316. *Гуревич Я.* Д. Д. Семенов (некролог) («Русская школа», 1902, № 4. Об Ушинском — стр. 85—86).

317. В Комиссии имени Ушинского («Русская школа», 1902, № 5—6, отд. II, стр. 106).

318. Отчет о деятельности Комиссии имени К. Д. Ушинского за 1901 г. («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1902, № 22, стр. 46—51).

319. Учебные книги К. Д. Ушинского («Русская школа», 1902, № 10—11, отд. II, стр. 145).

320. *Хлебникова Р.* К. Д. Ушинский о задачах воскресной школы. Сообщение, читанное на заседании воскресной школы Екатеринодарского благотворительного общества («Русская школа», 1902, № 12, отд. II, стр. 68).

321. *Голубев.* Доклад на съезде учителей Московского земства о книге «Дружок» («Русский начальный учитель», 1902, № 1).

322. *Пожелания* съезда народных учителей («Русский начальный учитель», 1902, № 2. Об Ушинском — стр. 15).

323. *Петрушенко.* Заметки о классной книге для чтения («Русский начальный учитель», 1902, № 10).

324. *Старосивильский С.* К. Д. Ушинский («Русский филологический вестник», т. 47, Педагогический отдел, 1902, № 1 и 2).

325. *Налимов А.* Жуковский в «Детском мире» Ушинского («Воспитание и обучение», 1902, стр. 225—234).

326. *Д. Д. Семенов* (некролог) («Вестник воспитания», 1902, № 5. Об Ушинском — стр. 137).

327. О присуждении премии имени К. Д. Ушинского за сочинение В. Анри «Современное состояние экспериментальной педагогики, ее методы и задачи» («Вестник воспитания», 1902, №7).

328. Родной язык в начальной школе («Народное образование», 1902, № 7—8. Из «Правительственного вестника», 1902, № 106. Об Ушинском — стр. 14—15).

329. Из записок А. А. Чумикова («Русский архив», 1902, № 10. Об Ушинском — стр. 200—201, 205. Отдельно: М., 1902. Перепечатка: «Педагогический листок», 1905, № 7. Об Ушинском — стр. 533, 537).

330. Чествование памяти К. Д. Ушинского и Н. А. Некрасова в годичном собрании Комиссии Ушинского («Новости», 1902, 24.XII).

331. *Зелинский*. Методические указания и образцовые уроки по преподаванию русской элементарной грамматики (М., 1902).

332. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Из далекого прошлого. Воспоминания (М., 1902. Об Ушинском — стр. 190).

333. *Мордвинова З. Е.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева (СПб., 1902).

334. *Рачинский С. А.* Сельская школа (изд. 5-е, СПб., 1902. Об Ушинском — стр. 64—65. Ср. «Исторический вестник», 1889, № 1, где находится отзыв на 3-е издание этой книги и упоминается Ушинский, на стр. 322).

334а. *К. Д. Ушинский*. «Родное слово», год 1-й, изд. 123-е («Русский начальный учитель», 1902, № 8—9, рецензия).

334б. *Филонов А. Г.* Мнение о книгах Ушинского «Родное слово», год 3-й и «Руководство к преподаванию по «Родному слову», год 3-й, доложенное им в заседании Ученого комитета МНПр, в 1902 г. (ЦГИАЛ, ф. 734, опись 3, д. 99, журналы заседаний особого отдела 1902 г., л.л. 1532—1541; в наст. Собр. соч. см. т. VII, стр. 346).

1903

335. *Запанков Н.* О подготовке народного учителя в связи с идеями К. Д. Ушинского («Русская школа», 1903, № 2, стр. 137—138).

336. Отчет Комиссии имени К. Д. Ушинского за 1902 г. («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1903, № 24, стр. 57—77. О комиссии Ушинского также на стр. 110—112, 116—117. На стр. 109—110 — «О возбуждении ходатайства перед правительством об учреждении положения о педагогической коллегии имени К. Д. Ушинского»).

337. *А. Н.* Учительские курсы военного ведомства («Русская школа», 1903, № 10—11. Об Ушинском — стр. 89).

338. *Сакулин П.* Керченский педагогический кружок («Вестник воспитания», 1903, № 6, отд. VIII. Об Ушинском — стр. 74).

339. *Ельницкий К.* К. Д. Ушинский, его жизнь, деятельность и педагогические труды (СПб., 1903).

340. *Лубенец Т.* Педагогические беседы (СПб., 1903. Об Ушинском — беседа I, VIII и др.).

341. *Щеглов В. Г.* Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (Ярославль, 1903. Об Ушинском — стр. 145—146).

342. Протокол Учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений по присуждению премии имени К. Д. Ушинского в 1901 г. (Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1901—1902 гг.).

1904

343. *Синицкий Е.* К столетию Ярославского высшего учебного заведения имени Демидова («Вестник воспитания», 1904, № 1, отд. IV. Об Ушинском — стр. 129).

344. *И. М.* Первое публичное заседание педагогического отдела имени К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1904, № 4, отд. IV).

345. *И. М.* Второе публичное заседание педагогического отдела имени К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1904, № 6, отд. V).

346. *Лубенец Т.* Круговая тетрадь («Русская школа», 1904, № 1. Упоминаются школы имени Ушинского. Ср. «Вестник воспитания», 1904, № 4, отд. III, стр. 87—88).

347. Заседание Комиссии имени К. Д. Ушинского (речь А. П. Нечаева о К. Д. У.). («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1903—1904, № 26).

348. Отчет Комиссии имени К. Д. Ушинского за 1903 г. (там же, 1904, № 27).

349. Список членов Комиссии имени К. Д. Ушинского (там же, 1904, № 28).

350. *Гундобин*, проф. О взаимном отношении педагогики и медицины. Речь, произнесенная 28. II в первом публичном заседании педагогического отдела Комиссии имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1904, № 3).

351. *М. К-ов.* Первое публичное заседание педологического отдела имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1904, № 3).

352. *Вересов Павел.* Из тридцатилетней жизни сельского учителя («Русская школа», 1904, № 5—6. Об Ушинском — стр. 56—57).

353. *М. К-ов.* Второе публичное заседание педологического отдела имени К. Д. Ушинского 1 мая («Русская школа», 1904, № 7—8).

354. *М. К-ов.* Открытие лекций и практических занятий, организуемых педологическим отделом имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1904, № 10—11).

355. *К. Л-н.* Деятельность Московского педагогического общества в 1901—1902 учебном году («Русская школа», 1904, № 10—11. Об Ушинском — стр. 77).

356. *Налимов А.* Поэзия Тютчева в книгах Ушинского («Воспитание и обучение», 1904, стр. 171—174).

357. *Коноров М.* Педологический отдел имени К. Д. Ушинского («Педагогический сборник», 1904, № 10, 327—339).

358. *Ельницкий К.* Русские педагоги второй половины XIX столетия (СПб., 1904. Об Ушинском — стр. 3—27).

359. Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (СПб., 1904. Об Ушинском — стр. 28, 47, 124, 239).

1905

360. *Каптерев П.* Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского («Образование», 1905, № 1 (?). Ср. «Вестник воспитания», 1905, № 8, стр. 110—111).

361. Отчет Комиссии имени Ушинского за 1904 г. («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1905, № 29).

362. *Бунаков Н.* Просмотр русской литературы с педагогической точки зрения («Русский начальный учитель», 1905, № 1. Об Ушинском — стр. 15).

363. *Самойленко М. А.* Необходимый элемент в изучении русского языка («Русская школа», 1905, № 4. Об Ушинском — стр. 159—160).

364. *М. К.* Педагогические курсы имени К. Д. Ушинского («Русская школа», 1905, № 5—6).

365. *Кудрявцев А.* Заметки о процессе обучения грамоте («Русская школа», 1905, № 10—11. Об Ушинском — стр. 270).

366. *Каптерев П. Ф.* Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания («Русская школа», 1905, № 12, стр.65—73.Ср. «Вестник воспитания», 1906, № 2, стр. 174—175).

367. *И. М.* Педологические курсы имени К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1905, № 6).

368. Педологический отдел имени К. Д. Ушинского. Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1903—1904 гг. (СПб., вып. 1-й, стр. 173—176. То же при «Педагогическом сборнике», 1905, № 8).

369. *И. С. С-в.* Памяти педагога-гражданина («СПб. ведомости», 1905, 22 декабря, № 281).

370. *Петрищев Аф.* Заметки учителя (СПб., 1905. Об Ушинском — стр. 1, 3, 66, 132, 165, 311).

371. *Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов (СПб., 1905. Об Ушинском упоминается на стр. 20).

372. *Синицын Н.* Важнейшие вопросы общеобразовательной народной школы. Руководство для начального учителя (М., 1905).

373. *Чебышева-Дмитриева.* Вопросы начальной школы (СПб., 1905. О «Детском мире» Ушинского — на стр. 112, 113).

1906

374. Памяти К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1906, № 1, стр. 240—243).

375. К памяти К. Д. Ушинского («Вестник воспитания», 1906, № 2, стр. 256).

376. Юбилей Макарова А. Н. («Вестник воспитания», 1906, № 6. Об Ушинском — стр. 170).

377. *Вольковский Д. Л.* Памяти К. Д. Ушинского («Педагогический листок», 1906, № 1).

378. *П. Л-ский.* Заметки сельского учителя («Русский начальный учитель», 1906, отд. IV. Об Ушинском — стр. 152).

379. О Комиссии имени К. Д. Ушинского («Справочный листок СПб. педагогического общества», 1906, № 30, стр. 92, 96—98).

380. *Губкин И.* Общеобразовательная и педагогическая подготовка народного учителя («Русская школа», 1906, № 10. Об Ушинском — стр. 104).

381. *Черньшев В.* Забытые труды К. Д. Ушинского («ЖМНПр» — «Известия по народному образованию», 1906, № 12, стр. 113—148. Отдельно: СПб., 1907).

Рецензии: «Педагогический сборник», 1907, № 2; «Народное образование», 1907, № 2; «Учитель», 1907, № 2; «Русская школа», 1907, № 5—6; «Педагогический листок», 1907, № 7.

382. *Грунский Н.* Жизнь, деятельность и взгляды К. Д. Ушинского (сборник женской гимназии им. А. С. Пушкина в г. Юрьеве, т. I, Юрьев, 1906, Неофиц. часть, стр. 1—55. Ср. «Педагогический сборник», 1907, № 1, стр. 89—90).

383. *Ермилов В.* Идеалы воспитания. К. Д. Ушинский (М., 1906).

384. *Завьялов Н. Н.* Педагогическая хрестоматия (М., 1906. На стр. 372—465 помещены биография Ушинского и избранные места из его произведений).

385. *Запанков Н. А.* О подготовке народного учителя в связи с идеями К. Д. Ушинского (СПб., 1906).

Рецензии: «Вестник воспитания», 1906, № 1; «Русская мысль», 1906, № 9.

386. Протокол Учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений по присуждению премии имени К. Д. Ушинского в 1904 г. Заседание 13 декабря 1904 г. Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1904—1905 гг. (СПб.,1906, стр.150—166).

387. *Бунаков Н.* Сельская школа и народная жизнь (СПб., 1906. Об Ушинском — стр. 67).

388. Земские общеобразовательные курсы для народных учителей. Сборник статей для народных учителей (СПб., 1906). Издание Комиссии имени К. Д. Ушинского при СПб. педагогическом обществе.

1907

389. *А. Л.* Идеал народного воспитания и народной школы по мыслям К. Д. Ушинского и С. А. Рачинского («Народное образование», 1907, № 3, стр. 342—352).

390. Денежный отчет Комиссии имени К. Д. Ушинского за 1905—1906 гг. («Справочный листок СПб. педагогического обще-

ства», 1907, № 31, стр. 49. О Комиссии имени Ушинского см. также стр. 5).

391. *Бунаков Н. Ф.* Моя жизнь («Педагогический листок», 1907, № 3. Об Ушинском — стр. 155; № 4. Об Ушинском — стр. 217; № 6. Об Ушинском — стр. 355—356; № 7. Об Ушинском — стр. 428).

392. *Павлов А.* Частные (аульные) школы русской грамоты среди киргизов Уральской области («Русская школа», 1907, № 3. Об Ушинском — стр. 101).

393. Московское педагогическое общество («Русская школа», 1907, № 4. Об Ушинском — стр. 71).

394. Учреждение психопедологического института, состоящего при психоневрологическом институте в СПб. («Русская школа», 1907, № 12; «Разные известия и сообщения», стр. 95. Говорится, что часть пожертвованного В. Т. Зиминым капитала должна обратиться в фонд имени К. Д. Ушинского).

395. Заметка по поводу статьи В. Чернышева («ЖМНПр »— «Известия по народному образованию», 1907, № 4, стр. 109).

396. *Ивашкин А.* Наши книги для классного чтения (журнал «Для народного учителя», 1907, книжка 15).

397. *Первов П. Д.* Педагогическая хрестоматия (М., 1907).

398. *Полиевктов А.* Очерк истории педагогии (из «Вологодских епархиальных ведомостей»), Вологда, 1907.

399. Труды Первого Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902—1903 г. (М., 1907, т. 1—2).

Из постановлений съезда:

«Желательно устроить в Москве, как центре России, педагогический музей наподобие заграничных, коему было бы присвоено имя К. Д. Ушинского».

«Заключительное общее собрание съезда единогласно постановило ходатайствовать о том, чтобы Всероссийские учительские съезды созывались на общих основаниях через каждые три года и чтобы им было присвоено наименование съездов имени великого русского педагога К. Д. Ушинского подобно тому, как устраиваются у нас медицинские съезды имени Н. И. Пирогова».

400—404. См. также энциклопедические словари Брокгауза, Граната, Мейера, чешский Omnum slovnik nauçny, Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии, под редакцией Э. Л. Радлова (СПб., 1904), под словом Ушинский.

1908*

406. *Водовозова Е. Н.* Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского (журн. «Русское богатство», 1908, № 7—11).

---

* С 1908 по 1917 год перечень литературы об Ушинском составлен *Н. А. Зиневичем* (№ 405 пропущен).

407. *Лебедев А.* Первые работники в истории русской педагогики (памяти Пирогова, Ушинского и Юркевича) (журн. «Народное образование», 1908, № 7—8, стр. 1—20).

408. *Острогорский А.* Предисловие к материалам для тома III «Педагогической антропологии» (в кн. «Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, и материалы для биографии). (СПб., 1908, стр. V—IX).

1909

409. *Бунаков Н. Ф.* Записки Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью (1837—1905). (СПб., изд-во «Общественная польза», 1909. Об Ушинском — стр. 62—63).

410. *Демков М. И.* К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогические труды (М. И. Демков в кн.: «История русской педагогики», ч. III, М., 1909, стр. 360—392).

411. *Нечаев А. П.* Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения (изд. 2-е, т. I, СПб., 1909. Об Ушинском см. главу: «История экспериментального психологического направления», стр. 17—48).

412. *Острогорский В.* К. Д. Ушинский (Острогорский и Семенов — «Русские педагогические деятели», М., изд. Сытина, 1909, стр. 35—68).

1910

413. *Волкович В.* Друг народа — К. Д. Ушинский («Журнал Министерства народного просвещения», 1910, июль, стр. 1—78).

414. *Ермилов В.* Наш родной учитель (К. Д. Ушинский). Его детство, юность, мечты и труды. Биограф. очерк (М., изд. «Библиотеки для семьи и школы», 1910, 72 стр.; изд. 2-е, М., 1910, или в сборнике «Пойдем за ними», М., 1908).

415. *Золотарев С.* Очерки по истории педагогики на Западе и в России (СПб., 1910, изд. Башмаковых, стр. 155—168).

416. *Лебедев А.* Педагог русских педагогов (журн. «Педагогический листок», 1910, № 8, стр. 568—579).

417. *И. С.* (*Симонов И.*) Памяти К. Д. Ушинского (журн. «Педагогический сборник», 1910, № 12, стр. 489—506).

418. *Смирнов Ор.* Заветы К. Д. Ушинского (к 40-летию со дня смерти великого педагога-реформатора). (Журн. «Народный учитель», 1910, № 19—20, стр. 1—2).

419. *Чернышев В.* Ушинский о первоначальном преподавании русского языка (журн. «Педагогический листок», 1910, № 8, стр. 580—583).

420. *Чернышев В.* К. Д. Ушинский как распространитель начального обучения (журн. «Русский начальный учитель», 1910, № 10, стр. 316—320).

421. *Чернышев В.* К. Д. Ушинский как реформатор преподавания арифметики (журн. «Педагогический сборник», 1910, № 12, стр. 507—513).

422. *Чернышев В.* К литературно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского (к 40-летнему юбилею со дня смерти) (журн. «Русская школа», 1910, № 2, стр. 130—147).

423. *Чехов Н. В.* На могиле К. Д. Ушинского (журн. «Для народного учителя», М., 1910, № 11, стр. 14—16).

424. *Чехов Н. В.* На могиле К. Д. Ушинского (журн. «Для народного учителя», 1911, № 1, стр. 9—13).

1911

425. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни (СПб., 1911).

426. *Ивашкин А. Е.* К. Д. Ушинский и начальная школа (журн. «Для народного учителя», 1911, № 1, стр. 9—13).

427. «О всероссийской подписке на памятник К. Д. Ушинскому» (журн. «Педагогический сборник», 1911, август, стр. 183—184).

428. «От особого комитета по Высочайше разрешенной всероссийской подписке на памятник педагогу Константину Дмитриевичу Ушинскому» (журн. «Педагогический сборник», 1911, август, стр. 183—184).

429. *Покровский С.* Государственно-правовые воззрения К. Д. Ушинского (журн. «Вестник воспитания», 1911, № 5, стр. 1—20).

430. *Покровский С.* Страница из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Демидовском лицее (журн. «Вестник воспитания», 1911, № 9, стр. 55—77).

431. *Рождественин А.* Ушинский — национальный русский педагог (Казань, 1911, 15 стр.).

432. *Чернышев В.* Чего желал Ушинский для нашей школы (журн. «Русский начальный учитель», 1911, № 2, стр. 74—83).

1912

433. *Грунский Н. К.*, проф. Жизнь, деятельность и взгляды К. Д. Ушинского (Юрьев, 1912, изд. М. А. Тростникова, 71 стр. Рец.: А. Налимов, журн. «Русская школа», 1913, № 5—6, стр. 18—19).

434. *Демков М. И.* Старые и новые педагоги, их жизнь, мысли и труды (М., изд. Ступина, 1912. О К. Д. Ушинском — стр. 139—149).

435. «О конкурсе имени Ушинского» (журн. «Вестник воспитания», 1912, № 8, стр. 128).

436. *Чернышев В.* Мысли К. Д. Ушинского об обучении и наставниках (журн. «Педагогический сборник», 1912, № 1, стр. 1—20).

437. *Чернышев В.* Розыскания о К. Д. Ушинском (журн. «Русская школа», 1912, № 2, стр. 1—26).

438. *Чернышев В.* Письмо К. Д. Ушинского о голоде в России (в 1868 г.). (Журн. «Русская школа», 1912, № 3, стр. 1—6).

1913

439. *Волкович В. А.* Национальный воспитатель К. Д. Ушинский (СПб., изд. Вольф, 1913, 235 стр., с рис. Рец.: Золотарев, журн. «Русская школа», 1914, № 3, стр. 12—13).

440. «О конкурсе имени К. Д. Ушинского» (письмо в редакцию З. А. Макшаева). (Журн. «Педагогический сборник», 1913, январь, стр. 131).

441. *Поспелов И.* Памяти К. Д. Ушинского (журн. «Вестник воспитания», 1913, № 9, стр. 47—55).

442. *Черныше в В.* Участие К. Д. Ушинского в «Библиотеке для чтения». Собр. педагогич. соч. Ушинского (СПб., изд. 2-е, 1913, т. II, доп., стр. 325—326 (библиографическая заметка).

443. *Чернышев В.* Хронологический список книг, статей и переводов К. Д. Ушинского (1848—1870). Собр. педагогич. соч. Ушинского (СПб., т. II, доп., стр. 321—341).

444. *Чернышев В.* Список статей о К. Д. Ушинском (1857—1907). Собр. педагогич. соч. Ушинского (СПб., т. II, доп., стр. 342—370).

1914

445. «Второй Всероссийский съезд имени К. Д. Ушинского представителей учительских обществ взаимопомощи» (журн. «Народный учитель», 1914, № 6, стр. 14. О докладе Н. В. Чехова об организации Всероссийского учительского дома им. К. Д. Ушинского).

446. «День Ушинского» (газ. «Школа и жизнь», 1914, № 52, стр. 4).

447. *Зеленко Василий.* Съезд имени К. Д. Ушинского (краткий обзор работ). (Журн. «Школа и жизнь», 1914, № 5, стр. 6—10. Обзор работ Второго Всероссийского съезда обществ взаимопомощи — январь 1914 г.).

Отмечается выступление Н. В. Чехова о непоколебимости авторитета К. Д. Ушинского и о его значении для русской школы.

448. *Золотарев С.* 21 декабря — день Ушинского (газ. «Школа и жизнь», 1914, № 51, стр. 4—6).

449. *Кайданова О.* Устарело ли «Родное слово» Ушинского? (журн. «Школа и жизнь», 1914, № 44, стр. 1—3).

450. *Каптерев П. Ф.* Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели (изд. 2-е, «Земля», СПб., 1914, гл. IV, стр. 33—53).

451. *Новиков В.* К. Д. Ушинский (журн. «Кубанская школа», 1914, № 4).

452. «Отчет о деятельности особого комитета по высочайше разрешенной подписке на памятник К. Д. Ушинскому за 1911 и 1912 гг.» (журн. «Педагогический сборник», 1914, февраль, стр. 258—259).

453. *Тихомиров Д. И.* Всероссийская подписка на памятник К. Д. Ушинскому (журн. «Народный учитель», 1914, № 4, стр. 1—2).

454. *Серополко С.* Литература о К. Д. Ушинском (газ. «Школа и жизнь», 1914, № 51, стр. 12—13).

455. *Тулупов Н.* Заветы великого педагога (журн. «Для народного учителя», 1914, № 19—20, стр. 2—8).

456. *Чехов Н. В.* Памяти К. Д. Ушинского (тезисы). Дневник 2-го Всероссийского съезда имени К. Д. Ушинского (СПб., 1914, № 4, стр. 6).

457. *Чехов Н. В.* «Родное слово» для земских школ (памяти К. Д. Ушинского). (Журн. «Народный учитель», М., 1914, № 31—32, стр. 1—2).

458. *Чехов Н. В.* Памяти К. Д. Ушинского. Труды 2-го Всероссийского съезда имени К. Д. Ушинского (вып. 1-й, СПб., 1914, стр. 63—69).

1915

459. *Золотарев С. А.* День К. Д. Ушинского (журн. «Народный учитель», 1915, № 1).

460. *Калмыкова М.* Что связывает нас с временем и личностью К. Д. Ушинского (газ. «Школа и жизнь», 1915, № 1, стр. 1—4).

461. *Капралов Н.* Константин Дмитриевич Ушинский (к 45-й годовщине смерти знаменитого педагога). (Журн. «Для народного учителя», 1915, № 20, стр. 2—10).

462. *Каптерев Н. Ф.* История русской педагогики (Петроград, изд. 2-е, «Земля», 1915. Об Ушинском — стр. 548—580).

463. *Концевич Г.* Памяти К. Д. Ушинского. Кантата для смешанного хора. М., 1915, изд. автора, 2 стр.).

464. *Локтин А. А.* Чествование памяти К. Д. Ушинского в учительском обществе (Н.-Новгород). (Журн. «Учитель и школа», 1915, № 6, стр. 43—48).

465. «Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики» (журн. «Народный учитель», 1915, № 9).

466. *Острогорский А. Н.* Памяти К. Д. Ушинского (журн. «Педагогический сборник», 1915, № 10, стр. 87).

467. *П. Ф. М.* Чествование памяти К. Д. Ушинского в Московском обществе грамотности (журн. «Для народного учителя», М., 1915, № 1, стр. 18—24).

468. *Рубинштейн М.* Жизнь в понимании К. Д. Ушинского (журн. «Вестник воспитания», 1915, № 1, отд. I, стр. 68—69).

469. *Соловьев И.* Пробуждение педагогической мысли в эпоху 60-х годов (из прошлого нашей журналистики). («Журн. «Вестник воспитания», 1915, № 1, стр. 90—117. Пирогов, Ушинский, Добролюбов, их выступления в журналах в 60-х годах).

470. *Соловьев И. М.* Ушинский Константин Дмитриевич («Энциклопед. словарь русск. библиографич. ин-та», М., изд. Гранат, т. 42, изд. 7-е, перераб., стр. 563—571).

471. *Черепнин Н. П.* Педагогическая деятельность Ушинского и воспитательная реформа его в Смольном ин-те (в кн.: Черепнин Н. П., «Императорское воспитательное общество благородных девиц» (исторический очерк), т. II, Петроград, 1915, стр. 271—322).

472. *Чехов Н. В.* Национальное воспитание по Ушинскому (журн. «Педагогический листок», 1915, кн. 2, стр. 102—113).

473. Доклад, читанный в публичном заседании Московского об-ва грамотности, посвященном памяти К. Д. Ушинского, 14 декабря 1914 г.

474. *Девин П.* Реформа общеобразовательной школы по плану Ушинского (газ. «Школа и жизнь», 1916, № 37, стр. 1—8; № 38—40, стр. 3—9; № 44—46, стр. 2—8).

475. *Завьялов Н. Н.* Педагогическая хрестоматия (Петроград, изд. «Школа», 1916, на стр. 333—345 —краткий обзор жизни и общественно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского).

476. *Золотарев С.* К. Д. Ушинский и самоопределение русской школы (журн. «Русская школа», 1916, № 2—3, стр. 1—10).

477. *Обухов М.* Родоначальник современной русской педагогики К. Д. Ушинский. Реферат, читанный в общем собрании Учит. общества Уфимской губ. 5 января 1916 г., по поводу 45-летней годовщины со дня смерти К. Д. Ушинского (журн. «Для народного учителя», 1916, № 4, стр. 5—10).

478. *Шестов А. И.* Научная педагогика и русская школа. Характеристика педагогических взглядов Ушинского (Юрьев, 1916, стр. 49—69).

1917

479. *Исполатов С.* Национальное воспитание по воззрениям Ушинского и современная оценка его («Школа и жизнь Сибири», 1917, № 1, стр. 12—21).

480. *Колотинский* П. Памяти К. Д. Ушинского (журн. «Кубанская школа», 1917, № 1).

481. «Премия имени К. Д. Ушинского» (журн. «Вестник воспитания», 1917, № 2, разд. 10, стр. 93). (Премия за лучшее сочинение по народному образованию в России. Конкурс объявлен Педагогическим музеем военно-учебных заведений).

Литература о К. Д. Ушинском (1918—1950 гг.) *

1918

482. *Водовозова Е. Н.* Грезы и действительность (М., «Задруга», 1918, стр. 124). О встречах бывших воспитанниц Смоль-

* Составила *В. А. Хрусталева.*

ного института с Ушинским рассказывается в повести «К свету» (стр. 5, 11, 12, 15, 16, 58—64, 70—74).

483. *Чернышев В.* Заметки К. Д. Ушинского, относящиеся к чистоте русского языка («Педагогический сборник», 1918, январь — март, стр. 65—69). Приведен текст стилистических исправлений и замены иностранных слов русскими, сделанных К. Д. Ушинским в статье Л. П. Модзалевского «Введение в изучение педагогики».

1922

484. *Золотарев С. А.* Ушинский. В кн.: Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России (2-е изд., Вологда, 1922, стр. 136—147 (1-е изд.—1910 г.)

485. Почему институт назван в честь Ушинского. (В кн.: «Ежегодник» (1921—1922) Гос. Дальневосточного педагогического ин-та, Владивосток, 1922).

1925

486. *Познанский Н.* К истории трудового воспитания в дореволюционной России («Ученые записки Саратовского гос. им. Н. Г. Чернышевского университета», т. III, вып. 3-й, 1925, стр. 1—34). На фоне рассмотрения идеи трудового воспитания в работах русской интеллигенции XIX в. уделяется внимание высказываниям Ушинского о труде. В ряде указателей и работ эта статья Н. Н. Познанского ошибочно названа «Ушинский и его гимн в честь труда».

1927

487. *Медынский Е. Н.* Развитие педагогической мысли в России (начиная с XVIII в.) («Педагогическая энциклопедия», под ред. А. Г. Калашникова, М., изд. «Работник просвещения», 1927, т. I, стр. 388—389).

1929

488. *Медынский Е. Н.* Шестидесятые годы. К. Д. Ушинский. (В кн.: Медынский Е. Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества, т. III, «Русская педагогика», М., 1929, стр. 231—264.)

1934

489. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. (М.—Л., «Academia», 1934, т. I, стр. 534—624; т. II, стр. 120—124). Воспоминания Е. Н. Водовозовой о том, как под влиянием педагогической деятельности Ушинского изменялась постановка учебно-воспитательной работы в Смольном институте. Доносы на Ушинского и выход его в отставку. Встреча Е. Н. Водовозовой с Ушинским после окончания Смольного института (т. II).

1936

490. *Медынский Е. Н.* К. Д. Ушинский о методах занятий с неграмотными («Школа взрослых», 1936, № 1, стр. 43—49).

491. *Медынский Е. Н.* Педагогическая система Ушинского. В кн.: Медынский Е. Н. История русской педагогики с древнейших времен до великой пролетарской революции (М., 1936, стр. 180—211).

492. *Медынский Е. Н.* Педагогические взгляды К. Д. Ушинского («За коммунистическое просвещение», 1936, 22 декабря, № 175).

1937

493. *Гончаров Н. К.* Наглядность как дидактический принцип («Советская педагогика», 1937, № 5—6, стр. 53—64).

494. *Девин П. И.* Значение Ушинского в истории педагогики («Советская педагогика», 1937, № 2, стр. 93—96). Полемика с проф. Е. Н. Медынским (и другими авторами) по поводу противоречий оценки литературно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского (см. газ. «За коммунистическое просвещение», 1936, 22 декабря.) Автор рассматривает идеалистические философские и религиозные черты педагогической системы Ушинского как дань времени, но в то же время подчеркивает прогрессивность, широту и смелость педагогических исканий Ушинского, отраженных в его оригинальной педагогической системе, а также в области разработки учебно-воспитательных основ начальной школы, ее учебных планов, учебников и методических руководств для учителя.

495. *Мурманов Д.* Великий русский педагог и его судьи («Правда», 1937, 10 апреля, № 99, стр. 4). Автор резко выступает против тех деятелей педагогической науки, которые не замечают, что педагогическое творчество Ушинского высоко поднимается над ограниченностью его политического и философского мировоззрения. Статья призывает к изучению педагогического наследства Ушинского с марксистской точки зрения. Статья содействовала последующему серьезному научному изучению трудов Ушинского.

496. *Струминский В. Я.* Дидактические взгляды К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1937, № 3, стр. 10—23). Сводка высказываний Ушинского по вопросам дидактики и анализ их. По мнению В. Я. Струминского, Ушинский в своей дидактике сочетает психологические особенности ребенка с задачами учения.

497. *Струминский В. Я.* Методика преподавания родного языка в произведениях К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1937, № 4, стр. 40—52).

1938

498. *Аблов Н. Н.* Библиографический обзор литературы об Ушинском и его произведениях (1824—1870) («Советская педагогика», 1938, № 3, стр. 129—138). Два указателя: 1) Хронологический аннотированный указатель педагогических сочинений К. Д. Ушинского (с переводом на болгарский язык), учебников и методических руководств к ним, 54 названия.

2) Алфавитный аннотированный указатель литературы об общественно-педагогической деятельности К. Д. Ушинского; около 100 названий, почти все дореволюционные издания. По сравнению с библиографией В. Чернышева об Ушинском, опубликованной впервые в 1908 г. (см. Ушинский К. Д.— Собр. соч., т. 2-й, доп., СПб., 1908, или 1913, стр. 321—370), в указателе Н. Н. Аблова в части дореволюционной литературы более полно представлены библиографические работы самого В. Чернышева об Ушинском; включены ранее неопубликованные педагогические работы Ушинского, связанные с его организаторской работой в Смольном институте (проекты, объяснительные записки и пр.). С другой стороны, в указатель не вошел ряд статей о методических работах Ушинского, и произведены некоторые сокращения, не имеющие особого значения.

499. *Веселое А.* К истории звукового метода обучения («Советская педагогика», 1938, № 4, стр. 71—85). К. Д. Ушинский, В. П. Вахтеров, В. А. Флеров.

500. *Веселое А. Н.* Ушинский о народном учителе («Советская педагогика», 1938, № 3, стр. 68—78).

501. *Демещенко.* Родной язык в педагогической системе Ушинского («Советская педагогика», 1938, № 3, стр. 78—92).

502. *Желваков Н. А.* Помещичье-буржуазно-просветительная реформа и педагогическая теория 1860-х годов. «Хрестоматия по истории педагогики», т. IV. История русской педагогики с древних времен до Великой Октябрьской социалистической революции (ч. 1, М., Учпедгиз, 1938, стр. 357—359).

503. *Жильцов М. Д.* К. Д. Ушинский о запоминании учебного материала («Учительская газета», 1938, 19 ноября, № 156).

504. *Жильцов М. Д.* К. Д. Ушинский о наглядности обучения («Учительская газета», 1938, № 1, ноябрь, № 148).

505. *Медынский Е. Н.* Педагогическая система Ушинского. В кн.: Медынский Е. Н. История русской педагогики (М., Учпедгиз, 1938, гл. IX, стр. 193—224). Автор считает Ушинского великим русским педагогом, сыгравшим исключительно большую роль в развитии русской школы и педагогической науки в России. Особенно отмечается ценность его дидактических взглядов и методика воспитательного процесса.

506. *Парибок Н. М.* Из истории русской педагогики. Ушинский К. Д. о теории воспитания («Учительская газета», 1938, 1 июня, № 73).

507. *Сватиков Ф. Ф.* К. Д. Ушинский о воспитании и обучении детей («Дошкольное воспитание», 1938, № 7—8, стр. 32—50).

508. *Юров Д. Ф.* Анализ «Родного слова» Ушинского («Советская педагогика», 1938, № 3, стр. 93—106).

1939

509. *Иваницкий П. Д.* Рецензия на книгу — Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения, т. I и II, М., Учпедгиз, 1939. («Школа взрослых», 1939, № 10, стр. 56—59.) Рецензия с точки зрения обучения родному языку в школах взрослых.

510. *Струминский В. Я.* Библиографические указания. (В кн.: *Ушинский К. Д.* Избран. пед. соч., т. I, М., Учпедгиз, 1939, стр. 405—408.) 1) Перечень работ К. Д. Ушинского по общим теоретическим и педагогическим вопросам, за 1846—1870 гг., не вошедших в первый том. В перечень не вошли также специальные психологические статьи и методические работы, появившиеся после 1864 г. 2) Отдельные издания педагогических сочинений К. Д. Ушинского, 8 работ, с указанием выхода в свет первого и последнего издания до 1917 г. 3) Библиография об Ушинском, включающая книги и статьи, опубликованные после 1907 г. 14 названий; три из них советские издания.

511. *Струминский В. Я.* Историческое значение К. Д. Ушинского в русской педагогике. (В кн.: К. Д. Ушинский об учебно-воспитательной работе в школе, М., 1939, стр. 3—12.) Историко-критический анализ педагогической системы и деятельности Ушинского в связи с эволюцией его общественно-политических и религиозных взглядов. Заслуги Ушинского в области русской педагогики.

512. *Струминский В. Я.* Педагогическая система К. Д. Ушинского. (В кн.: Ушинский К. Д. Избр. пед. соч., т. I, М., 1939, стр. 5—88.) Историко-критический очерк, освещающий вопросы: Ушинский и его роль в общественно-педагогическом движении второй половины XIX в. Развитие педагогических взглядов Ушинского. Теоретические основы педагогики. Педагогические принципы Ушинского в их приложении к практике школьной работы.

513. *Струминский В. Я.* «Родное слово» К. Д. Ушинского как учебная книга для начальной школы. (В кн.: Ушинский К. Д. Избр. пед. соч., т. II, М., Учпедгиз, 1939, стр. 440—463).

514. *Тажибаев Т.* Общественно-политические воззрения К. Д. Ушинского («Ученые записки Казахского пед. ин-та им. Абая», т. I, 1939/40, стр. 97—115).

1940

515. *Ганелин Ш. И., Голант Е. Я.* К. Д. Ушинский. (В кн.: Ганелин Ш. И. и Голант Е. Я. История педагогики, М., 1940, стр. 271—282.) Жизнь, деятельность и основы педагогической

системы Ушинского. Принципы дидактики. Обучение родному языку. Подготовка учителя. Значение Ушинского в истории педагогики.

516. *Казанский Н.* Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (к 70-летию со дня смерти). («В помощь учителю», Л., 1940, № 12, стр. 3—7). Характеристика обучения в начальной школе времени Ушинского и его вклад в дело преобразования учебно-воспитательной работы в школе.

517. *Калинин М. И.* Роль и задачи политработников Красной Армии и Военно-морского флота. Речь на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической ордена Ленина Академии Красной Армии им. В. И. Ленина 19 сентября 1940 г. (В кн.: Калинин М.И. О коммунистическом воспитании и обучении. М., изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 41). Анализ высказываний Ушинского о требованиях к воспитателю.

518. *Козырев А. В.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский («В помощь учителю», г. Орджоникидзе, 1940, вып. 3 (6), стр. 13—27). Отмечая религиозные тенденции педагогического наследства Ушинского (как дань эпохе), автор характеризует Ушинского как самого крупного теоретика педагогики и методиста, автора учебных пособий для учащихся и руководств к ним.

519. *Константинов Н. А.* Рецензия на книги: 1) К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения (М., Учпедгиз, 1939, т. I и II). 2) К. Д. Ушинский об учебно-воспитательной работе в школе. (Отрывки из педагогических произведений.) (М., Учпедгиз, 1939, стр. 98; «Советская педагогика», 1940, № 9, стр. 103—107).

520. *Костин Н.* К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой о сочинениях в начальной школе («В помощь учителю», Л., 1940, № 5, стр. 4—8).

521. *Крупская Н. К.* К вопросу об изучении истории педагогики. (В кн.: Крупская Н. К. Избранные педагогические произведения. М.—Л., изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 284—288; «Советская педагогика», 1940, № 2, стр. 3—5.) Об изучении педагогических идей К. Д. Ушинского на фоне истории эпохи 60-х годов (Россия, Западная Европа, Америка) и о влиянии эпохи на развитие педагогических взглядов Ушинского.

522. *Куфаев В. И.* К. Д. Ушинский о воспитании детей в сиротских воспитательных заведениях (бюллетень «Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1940, № 2, стр. 7—20).

523. *Медынский Е. Н.* Народный русский педагог К. Д. Ушинский (бюллетень для комсомольских газет Прессбюро «Комсомольская правда», 1940, 1 февраля, № 15).

524. *Пайков Д. Г.* К. Д. Ушинский о методах общеобразовательно-воспитательной работы («Ученые записки Свердловского гос. пед. ин-та», вып. 3-й, 1940, стр. 140—157). Краткая биография, общественно-политические и педагогические взгля-

ды К. Д. Ушинского. Методические взгляды: метод объяснительного чтения; метод обучения письму, чтению и грамматике; метод преподавания арифметики.

525. *Панков Н. И.* Дидактические взгляды К. Д. Ушинского («Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учительского ин-та им. В. В. Куйбышева», вып. 4, 1940, стр. 85—144).

526. *Струминский В. Я.* Родной язык в школе (к 70-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 1870—1940). («Русский язык в школе», 1940, № 3, стр. 56—71).

1941

527. *Готалов-Готлиб А. Г.* Русская педагогическая журналистика первой половины XIX века и К.Д. Ушинский («Советская педагогика», 1941, № 3, стр. 79—90). В тексте статьи дается перечень и характеристика отдельных педагогических журналов, начиная с 1803 до 1864 г.; в подстрочных примечаниях указываются книги по истории русской журналистики и ряд книг и журнальных статей о педагогической деятельности К.Д. Ушинского и его сотрудничестве в педагогических журналах, всего 76 записей. Имеются сведения о педагогах, современниках и последователях Ушинского.

528. *Гмурман В.* К. Д. Ушинский о развитии речи («Учительская газета», 1941, 3 января, № 2).

529. *Калинин М. И.* Речь на Всероссийском совещании заведующих областными (краевыми) отделами народного образования и наркомов просвещения АССР 30 января 1941 г. (В кн.: Калинин М. И. О коммунистическом воспитания и обучении, М.—Л., изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 116—121.) Подчеркивается значение педагогических идей К. Д. Ушинского для советской школы.

530. *Нестеровская А.* К. Д. Ушинский о детском чтении («Детская литература», 1941, № 5, стр. 18—21). Анализ мыслей Ушинского о воспитательно-образовательном значении учебных и детских книг по вопросам: подготовка к жизни, уважение к умственному и физическому труду, воспитание самостоятельности, любовь к своему народу, его языку, поэзии и др.

531. *Редозубов С. П.* Краткий историко-критический обзор методов обучения грамоте в русской школе. (В кн.: К. Д. Ушинский, В. П. Вахтеров, В. А. Флеров об обучении грамоте, М., Учпедгиз, 1941, стр. 5—48.) Метод письма — чтения Ушинского. Краткий анализ методической системы Ушинского, Вахтерова и Флерова и использование их наследства в советской школе.

532. *Струминский В. Я* Замечательное наследство (к 70-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («Учительская газета», 1941, 3 января, № 2).

533. *Струминский В. Я.* Новые материалы о К. Д. Ушинском («Советская педагогика», 1941, № 3, стр. 62—78). Несколько очерков о новых документах, освещающих жизнь и деятель-

ность К. Д. Ушинского: о работе В. Чернышева по установлению всего написанного К. Д. Ушинским, опубликованию его произведений и по подготовке материалов для его биографии; сведения о годе рождения; чем вызван был уход Ушинского из редакции журнала «Современник». Влияние В. Г. Белинского на развитие педагогических идей К. Д. Ушинского.

534. *Струминский В. Я.* К. Д. Ушинский. (В кн.: «Справочная книга для учителя начальной школы», М., Учпедгиз, 1941, стр. 84—90). Краткая характеристика основных черт педагогической теории и педагогической деятельности К. Д. Ушинского.

535. *Струминский В. Я.* К. Д. Ушинский (к 70-летию со дня смерти). («Настольный календарь учителя на 1941 г.», М., 1941, стр. 206—216). Краткая биография. Подчеркивается борьба Ушинского против бюрократизма как в научной, так и в учебной работе. Заслуги Ушинского в деле разработки вопросов учебно-воспитательной работы в школе и создания учебников. Практическое применение теоретических положений Ушинского в школе.

536. *Чавдаров С. Х.* Дидактические принципы Ушинского и советская педагогика («Учительская газета», 1941, 11 апреля, № 44).

537. *Шимбирев П.* Мудрые мысли о воспитании («Учительская газета», 1941, 3 января, № 2).

1942

538. *Сватиков Ф. Ф.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский о народности и воспитании любви к родине («Начальная школа», 1942, № 8, стр. 7—12).

539. *Струминский В. Я.* «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинского (к 75-летию со дня выхода в свет). («Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 116—124). По мнению автора, эта работа Ушинского является первым опытом построения педагогической науки в России на психологической основе, в которой можно видеть материалистические тенденции.

1943

540. *Медынский Е. Н.* К. Д. Ушинский («Вожатый», 1943, № 4, стр. 24—26). Краткая характеристика педагогических взглядов Ушинского.

541. *Редозубов С. Н.* Ушинский о методике классного чтения («Начальная школа», 1943, № 11—12, стр. 8—13).

542. *Сироткин В.* Нужная книга. Рецензия на кн.: К. Д. Ушинский, В. Н. Вахтеров и В. А. Флеров об обучении грамоте. Составил С. П. Редозубов (М., Учпедгиз, 1941; «Начальная школа», 1943, № 2—3, стр. 46—49).

543. *Струминский В. Я.* К. Д. Ушинский (1824—1870) (М., «Молодая гвардия», 1943, 69 стр.). (Великие люди русского

народа). Детство и юность Ушинского. Характеристика педагогической деятельности Ушинского как создателя народной русской школы и оригинальной педагогической системы. Учебники для детей и методические руководства для учителя, созданные Ушинским. Деятельность Ушинского в Гатчинском и Смольном институтах. Заграничная командировка и научные труды последних лет.

1944

544. *Казанский Н. Г.* К. Д. Ушинский о развитии самостоятельности учащихся в процессе обучения («Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», Кыштым, т. 52, 1944, стр. 19—31). Анализ мыслей Ушинского о роли труда детей, о руководстве развитием самостоятельности мышления, о зависимости мышления от приучения детей к наблюдению и роли в этом естествознания.

545. *Кореневский Е.* К. Д. Ушинский о детском чтении («Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10).

546. *Медынский Е. Н.* Из истории русской педагогической мысли («Советская педагогика», 1944, № 1, стр. 11—17). На фоне анализа основных черт русской педагогики характеризуется педагогика Ушинского и его взгляды на педагогическое образование.

547. *Медынский Е. Н.* Критика немецкой педагогики в трудах русских педагогов («Советская педагогика», 1944, № 11—12, стр. 36—43).

548. *Медынский Е. Н.* Отец русской начальной школы («Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10). Задачи, содержание обучения и учитель народной школы в освещении Ушинского.

549. *Струминский В. Я.* Основоположник русской педагогической науки («Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10).

550. *Чувашев И. В.* К. Д. Ушинский о воспитании и первоначальном обучении детей дошкольного возраста («Дошкольное воспитание», 1944, № 8—9, стр. 33—37 и № 10, стр. 31—38).

1945

551. *Александров А. М.* Основные проблемы преподавания русского языка в педагогических трудах К. Д. Ушинского (Великий русский педагог К. Д. Ушинский, Ростов-на-Дону, 1945).

552. *Алпатов Н. И.* О премиях им. К. Д. Ушинского (Историческая заметка). («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 112—114). Справка о премиях им. К. Д. Ушинского с 1896 по 1910 г. и о лицах, получивших эту премию.

553. *Ананьев Б. Г.* Русская научная психология и ее роль в мировой педагогической науке («Советская педагогика», 1945, № 3, стр. 47—56). Подчеркивается роль языка в формировании психики ребенка как центральная идея психологической системы Ушинского (стр. 55).

554. *Ананьев Б. Г.* Ушинский — великий русский психолог («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 98—111). О роли Ушинского в создании русской психологии как системы науки и русской педагогической психологии в органической связи с его педагогическими взглядами. По мнению автора, Ушинский впервые в науке определил привычки и навыки как условные рефлексы, отметил, что сон есть торможение, и др.

555. *Арямов И. А.* Материалистические черты «фактической теории» Ушинского и его психолого-педагогическое учение («Советская педагогика», 1945, № 9, стр. 1—11).

556. Архив великого русского педагога («Смена», Л., 1945, 23 сентября, № 197. В «Пушкинском доме» Академии наук СССР).

557. *Бабушкина А. П.* Детские хрестоматии Ушинского («Вожатый», 1945, № 12, стр. 3—6). Приведены рассказы Ушинского из «Детского мира» и «Родного слова» и даны психолого-педагогические пояснения об их учебно-воспитательном значении.

558. *Бауман Н.* Мысли К. Д. Ушинского о нравственном воспитании («За педагогические кадры», газ. Моск. пед. ин-та, 1945, 31 декабря, № 43).

559. *Бокарев Н. И.* К. Д. Ушинский о воспитании и обучении (Великий русский педагог К. Д. Ушинский, Ростов-на-Дону, 1945).

560. *Болдырев Н.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («Производственное обучение», 1945, № 8, стр. 7—8). Жизнь, деятельность и характеристика педагогической системы Ушинского.

561. *Бондаревская Т. Н.* Овладеть педагогическим наследством К. Д. Ушинского (Великий русский педагог К. Д. Ушинский, Ростов-на-Дону, 1945).

562. *Бушля А. К.* Нравственное воспитание в педагогическом учении К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 77—82).

563. Великий русский педагог (75-летие со дня смерти К. Д. Ушинского). («Дружные ребята», 1945, № 11—12, стр. 13—17). Отрывок из воспоминаний Е. Водовозовой о педагогической деятельности Ушинского в Смольном институте (глава из повести «История моего детства»).

564. В Институте имени Ленина («Учительская газета», 1945, 3 октября, № 41).

565. Великий русский педагог К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). Тезисы для докладчиков (изд. Куйбышевск. обл. ин-та усоверш. учителей, стр. 14).

566. *Веселов А. Н.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский (1824—1870). Стенограмма лекции, прочит. А. Н. Веселовым собранию учителей 31 октября 1945 г. в Курском ин-те усоверш. учителей (Курск, 1945, 20 стр., Курский обл. отд. народного образования, Курский обл. институт усоверш. учителей). Краткие биографические сведения и характеристика педагогической системы и деятельности К. Д. Ушинского.

567. Выставка, посвященная великому русскому педагогу («Московский большевик», 1945, 18 декабря, № 295). Выставка в Гос. библиотеке по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР, посвященная К. Д. Ушинскому.

568. *Ганелин Ш. И.* Ушинский и средняя школа («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 68—76). Борьба учеников и соратников Ушинского за практическое осуществление его педагогических взглядов в средней школе. Отражение педагогических взглядов Ушинского на проекте Устава средней школы 1864 г.

569. *Голант Е.* Выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти). («Пропаганда и агитация», 1945, № 22, стр. 51—55). О жизни и деятельности, о народности как основной черте педагогической системы Ушинского и о его дидактике.

570. *Гончаров Н. К.* Материалистические черты педагогической системы К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 23—39) или кн.: Гончаров Н. К. Основы педагогики, М., Учпедгиз, 1947, стр. 161—187). Связь теории и практики, среда как воспитывающий фактор, познаваемость мира, наглядность обучения, объяснение происхождения языка и мышления как единого процесса, значение естествознания в обучении детей в начальной школе и другие черты.

571. *Груздев Н. Н.* Русские педагогические журналы до революции и некоторые вопросы современной школы («Советская педагогика», 1945, № 7, стр. 9—19). Краткие сведения о деятельности К. Д. Ушинского в журналах: «Журнал Министерства народного просвещения», «Педагогический сборник» и «Воспитание».

572. *Данилов М. А.* Дидактика К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 40—51). Основные черты дидактической системы Ушинского и главнейшие положения его теории обучения.

573. *Есипов Б. Н.* Личность К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 4—9). Черты личности Ушинского: требовательность к самому себе, искренность, правдивость, верность своим убеждениям и смелость их выражения, любовь к труду, служение народу и др.

574. *Желваков Н.* Ушинский об учителе («За педагогические кадры», газ. Моск. гор. пед. ин-та, 1945, 31 декабря, № 43).

575. *Жураковский Г. Е.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («За педагогические кадры», газ. Моск. гор. пед. ин-та, 1945, 31 декабря, № 43).

576. *Жураковский Г. Е.* К. Д. Ушинский («Вожатый», 1945, № 12, стр. 1—2). О детских годах, университетской жизни и последующей педагогической деятельности Ушинского.

577. *Зикеев Н. В.* Из истории педагогической подготовки учителей («Советская педагогика», 1945, № 5—6, стр. 24—30). О курсах при 2-й Петербургской военной гимназии. В числе пре-

подавателей состояли: К. Д. Ушинский, Л. Н. Модзалевский, К. К. Сент-Илер, Д. Д. Семенов.

578. *Зикеев Н. В.* Основные вехи жизни и деятельности К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 115—118).

579. *Зикеев Н. В.* Что читать учителю из работ Ушинского (к 75-летию со дня смерти). («Начальная школа, 1945, № 10—11, стр. 43—45). Рекомендательный указатель трудов К. Д. Ушинского и о нем.

580. *Зиневич Н. А.* и *Мензорова А. Г.* Литература о К. Д. Ушинском. Библиографический указатель («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 119—125). Хронологический, частично аннотированный указатель литературы о К. Д. Ушинском, опубликованной за 1907—1945 гг. Указатель в части дореволюционной литературы является продолжением библиографии об Ушинском, составленной В. Чернышевым (см. Ушинский К. Д. Собр. пед. соч., т. II, доп., СПб., 1908, или 1913). Указатель восполняет пробелы обзора Н. Н. Аблова (см. «Советская педагогика», 1938, № 3) и дополняет эти работы литературой, вышедшей за период 1938—1945 гг.; около 165 названий. Рекомендованная литература отмечена звездочкой.

581. Значение педагогического наследства К. Д. Ушинского для советского учительства («Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 1—4).

Черты педагогического наследства Ушинского, близкие советской педагогике: народность, значение родного языка для развития мышления; требования к учителю и к его подготовке.

582. К 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского. Архивные материалы о великом русском педагоге («Комсомольская правда», 1945, 7 октября, № 237). Документы, хранящиеся в Центральном историческом архиве в Ленинграде: Проект реорганизации учебного дела в Смольном ин-те. Записка о подготовке учителей начальных училищ. Письмо Ушинского, в котором он отстаивает необходимость классной библиотеки и просит отпустить для этого средства.

583. К 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского («Известия», 1945, 20 сентября, № 222). О первом заседании Всесоюзного комитета, посвященном памяти К. Д. Ушинского.

584. К 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского. Заседание Всесоюзного комитета (второе) («Учительская газета», 1945, 17 октября, № 43).

585. К 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского («Вечерняя Москва», 1945, 23 октября, № 250). Об издании Гос. библиотекой по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР библиографического указателя об Ушинском.

586. *Козырев А.* Ушинский (Ставрополь, Краевое кн-ство, 1945, 59 стр.). Несмотря на критический анализ общественно-политических взглядов Ушинского, автор вскрывает огромную

роль Ушинского в деле развития русской педагогической науки, создания народной школы, учебников для детей и методических руководств для учителя.

587. *Колбин А. Д.* К. Д. Ушинский о значении психологии для учителя (Великий русский педагог К. Д. Ушинский, Ростов-на-Дону, 1945).

588. Константин Дмитриевич Ушинский («Учительская газета», 1945, 26 сентября, № 40).

589. *Константинов Н. А.* Основоположник русской педагогической науки («Вечерняя Москва», 1945, 24 октября, № 251).

590. *Константинов Н. А.* Ушинский и Московский университет («Учительская газета», 1945, 10 октября, № 42). Краткая справка о пребывании Ушинского в Московском университете и связи с ним по окончании университета. Информация о мероприятиях в Московском университете в связи с 75-летием со дня смерти Ушинского.

591. *Коняхин А.* Страна чтит память великого педагога (Накануне 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского). («Московский комсомолец», 1945, 30 октября, № 13).

592. *Медынский Е. Н.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский (стенограмма публичной лекции действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Е. Н. Медынского, прочитанной 11 ноября 1944 г. в Круглом зале Дома Союзов (М., 1945, 25 стр.). (Лекцион. бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР). (Повтори. издание, Сталинград, 1947, 27 стр.). На фоне подъема общественного движения 60-х годов XIX в. в борьбе за идею народности (литература, музыка, живопись) дается характеристика педагогической системы и деятельности К. Д. Ушинского как борца против крепостнической школы.

593. *Медынский Е. Н.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 11—22). Педагогическая деятельность Ушинского и его борьба за развитие русской педагогической науки. Краткая характеристика педагогической системы Ушинского и ее влияние на развитие педагогики народов СССР.

594. *Медынский Е. Н.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («Известия», 1945, 4 октября, № 234).

595. *Медынский Е. Н.* Критика немецкой педагогики в трудах русских педагогов («Учительская газета», 1945, 3 января, № 2).

596. *Медынский Е. Н.* Отец русской педагогики («Учительская газета», 1945, 14 ноября, № 47). О заслугах К. Д. Ушинского в деле создания на научной базе: 1) теории педагогики, 2) обоснования вопросов педагогического образования, 3) учебных книг и методических руководств к ним, являющихся образцами книг по дидактике.

597. *Менчинская Н. А.* Вопросы мышления в работах К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1945, № 12, стр. 15—18).

598. Накануне 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского. Заседание Всесоюзного Комитета («Правда», 1945, 12 октября, № 244).

599. О 75-летии со дня смерти К. Д. Ушинского (в Совнаркоме СССР). («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 5; «Правда», 1945, 15 сентября, № 271; «Известия», 1945, 15 сентября, № 218.) Об учреждении Всесоюзного комитета по проведению 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского. Состав Комитета и о возложении на него разработки мероприятий по увековечению памяти К. Д. Ушинского, об издании собрания сочинений К. Д. Ушинского и установлении ему памятника в Ленинграде.

600. Памяти К. Д. Ушинского («Правда», 1945, 22 декабря). Информация о собрании отделения педагогики Академии педагогических наук РСФСР.

601. Педагогические идеи К. Д. Ушинского — в массы учительства («Учительская газета», 1945, 3 октября, № 41). Темы для рефератов заочной конференции читателей «Учительской газеты» и условия участия в ней.

602. Педагогическое наследство К. Д. Ушинского и практика нашей школы. Заочная конференция читателей «Учительской газеты» («Учительская газета», 1945, 14 ноября, № 47). Отклики на призыв «Учительской газеты» об участии в заочной конференции.

603. Первый том Собрания сочинений К. Д. Ушинского («Известия», 1945, 9 октября, № 238; «Учительская газета», 1945, 3 октября, № 41) в издании Академии педагогических наук РСФСР.

604. *Петерсон М.* «Родное слово» Ушинского («Вечерняя Москва», 1945, 11 декабря).

605. *Петрова Е. Н.* О некоторых принципах преподавания русского языка в системе Ушинского («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 52—67).

606. Подготовка к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского. Заседание Всесоюзного комитета («Учительская газета», 1945, 26 сентября, № 40).

607. *Потемкин В. П.* Ушинский, великий русский педагог («Советская педагогика», 1945, № 12).

608. *Робинсон М. Ф.* «Родное слово» К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 9—13).

609. *Савин Г. Н.* Великий русский педагог (Великий русский педагог К. Д. Ушинский, Ростов-на-Дону, 1945).

610. *Семенов Т.* Автор «Родного слова». На выставке в Гос. библиотеке по народному образованию («Вечерняя Москва», 1945, 20 декабря, № 297).

611. 75-летие со дня смерти К. Д. Ушинского. Выставка в Гос. библиотеке по народному образованию («Комсомольская правда», 1945, 18 декабря, № 295).

612. *Скаткин М. Н.* К. Д. Ушинский об изучении природы. («Начальная школа», 1945, № 6, стр. 24—28). Отрывки из работ и некоторый анализ методики естествознания К. Д. Ушинского.

613. *Соловьева О. И.* К. Д. Ушинский о семейном воспитании («Дошкольное воспитание», 1945, № 11—12, стр. 23—27).

614. *Струминский В. Я.* К. Д., Ушинский и его педагогическое наследство (вступит. статья к сборнику «К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения», Учпедгиз, 1945).

615. *Струминский В. Я.* О журнально-литературной деятельности К. Д. Ушинского в 1852—1856 гг. («Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 83—97). Библиографический обзор литературной деятельности Ушинского в период с 1852 по 1856 г. с указанием источников обзора. Раскрывается характер и содержание работ, написанных К. Д. Ушинским за этот период, и их отношение к его последующей педагогической, научной и практической деятельности.

616. *Струминский В. Я.* К. Д. Ушинский и начальная школа («Начальная школа», 1945, № 9, стр. 35—42). Роль Ушинского в разработке теории и практики начального образования и воспитания; краткая характеристика его педагогической системы.

617. *Струминский В. Я.* Ушинский о начальной школе («Учительская газета», 1945, 12 декабря, № 50).

618. Увековечение памяти Ушинского (Киев) («Правда», 1945, 11 октября, № 243).

619. *Шимбирев П. Н.* Великий русский педагог Ушинский (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). Тезисы для докладчиков (в кн.: К. Д. Ушинский. Об учебно-воспитательной работе, Грозный, Грозненск. обл. изд-во, 1945, стр. 7—19).

620. *Шимбирев П. Н.* Классики русской педагогики о методах нравственного воспитания («Начальная школа», 1945, № 6, стр. 1—6). Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Ушинский, Толстой.

621. 600 оригинальных рукописей («Учительская газета», 1945, 10 октября, № 42). Информация о рукописях Ушинского, хранящихся в Ленинградском ин-те литературы АН СССР («Пушкинский дом»). Большинство из них посвящено различным вопросам педагогики и психологии и представляют собой черновики, отрывки и варианты историко-географических очерков о том, что было в России за тысячу лет. Здесь же хранится оригинал формулярного списка Ушинского.

1946

622. *Александров С.* Великий русский педагог («Московский комсомолец», 1946, 3 января, № 2).

623. *Беликов А.* Великий русский педагог («Военное обучение», 1946, 4 января, № 1).

624. *Бонч-Осмоловская А.* Объяснительное чтение в свете идей Ушинского. В помощь школе (Метод. бюлл. Наркомпроса и ин-та усоверш. учителей Карело-Финской ССР, 1946, № 2, стр. 18—42).

625. *Булгаков В.* Ушинский в жизни (Извлечение из писем, дневников и воспоминаний его друзей и современников, из статей и биографических очерков). («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2.)

626. *Вигдорова Ф.* «Родное слово» («Комсомольская правда», 1946, 2 января, № 2).

627. *Волкович В.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («Вечерняя Москва», 1946, 2 января, № 2). Краткая характеристика педагогической деятельности.

628. Выставка, посвященная К. Д. Ушинскому (Гос. б-ка Союза ССР им. В. И. Ленина). («Литературная газета», 1946, 5 января, № 2).

629. *Ганелин Ш.* Педагог, психолог, методист («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2). Об органической связи психологии и педагогики и значении ее для конкретного разрешения методических вопросов учебно-воспитательной работы в работах Ушинского.

630. *Гельмонт А. М.* Изучение педагогического наследства К. Д. Ушинского работниками детских домов («Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1946, № 6,7, стр. 143—151).

631. *Голанов И. Г.* Родной язык в педагогической системе К. Д. Ушинского («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

632. *Данюшевский И. И.* Ушинский и детский дом («Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1946, № 6—7, стр. 20—39).

633. *Еголин А. М.* Великий русский педагог («Литературная газета», 1946, 5 января, № 2). О роли отечественного языка в воспитании и обучении.

634. *Еникеев Х. Р* Память в учении К. Д. Ушинского («Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. Тимирязева и Башкир. респуб. Психиатрич. больницы», вып. 2-й, 1946, стр. 27—31).

635. *Есипов Б. П.* и *Гончаров Н. К.* Педагогические идеи и педагогическая деятельность К. Д. Ушинского (в кн.: «Педагогика», Учебник для педагогич. училищ, изд. 3-е, М., Учпедгиз, 1946, стр. 459—470). Характеристика Ушинского как великого русского педагога. Анализ отдельных проблем его педагогического учения, включая и вопросы подготовки учителя.

636. *Жильцов М.* К. Д. Ушинский о значении и средствах прочного запоминания учащимися учебного материала («Советская педагогика», 1946, № 1—2, стр. 58—64).

637. *Жураковский Г.Е.* Выдающийся русский педагог («Большевик», 1946, № 19, стр. 59—64). Анализ педагогических взглядов и оценка научно-педагогической деятельности Ушинского в

связи с выходом в свет книги: Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения, М., 1945.

638. *Загоровский Н. Л.* К. Д. Ушинский о чувствах и их роли в психике человека («Известия Воронежского гос. пед. ин-та», т. VIII, вып. 1-й, 1946, стр. 33—47).

639. Заочная конференция читателей «Учительской газеты». Гармония воспитания. Об основных принципах учебно-воспитательной работы. Из рефератов участников заочной конференции «Ушинский и наша школа» («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2).

640. Заочная конференция читателей «Учительской газеты» (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского) («Учительская газета», 1946, 1 января, № 1). Краткие выдержки из представленных работ на тему: «Личность учителя».

641. *Зиневич Н. А.* Библиография статей и заметок, помещенных в газетах и журналах СССР в связи с 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского («Сборник информационных материалов Академии пед. наук РСФСР, 1946, № 12, стр. 23—40). Указатель составлен на основе материалов, имевшихся в библиотеках Москвы до 1 марта 1946 г. Включает: 1) Постановления правительства Союза ССР об ознаменовании 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского. 2) Произведения К. Д. Ушинского и книги, журнальные и газетные статьи о К. Д. Ушинском. 3) Материалы по ознаменованию 75-летия со дня смерти К. Д. Ушинского в разных городах СССР (хроника). Материалы хроники расположены по городам РСФСР, с выделением Москвы и Ленинграда, и по союзным и автономным республикам.

642. *Зиневич Н. А.* Всенародное чествование памяти К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1946, № 1—2, стр. 117—123). Перечислены работы и статьи, вышедшие в Советском Союзе на русском языке об Ушинском в связи с его чествованием. В конце имеется географический указатель, раскрывающий размах мероприятий по всему Советскому Союзу: сведения о научных сессиях и торжественных заседаниях в Москве, Ленинграде, Киеве.

643. *Зиневич Н. А.* и *Менворова А. Г.* К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти). Краткий библиографический указатель (М., 1946, 15 стр., изд-во Акад. пед. наук РСФСР). Рекомендательный указатель включает книги, журнальные и газетные статьи, опубликованные до 1917 г. и за советский период.

644. *Зиневич Н. А.* и *Менворова А. Г.* К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти). Краткий библиографический обзор («Дошкольное воспитание», 1946, № 1, стр. 42—46). Аннотированный указатель работ Ушинского и литературы о нем в связи с его высказываниями о воспитании детей дошкольного возраста и об его педагогической системе в целом; около 15 названий.

645. *Иванов П.* К. Д. Ушинский («В помощь школе», Метод. бюлл. Наркомпроса и Ин-та усовершенствования учителей Карело-Финской ССР, 1946, № 1, стр. 14—28). Доклад на торже-

ственном заседании Ученого совета Карело-Финского гос. университета, 3 января 1946 г. Жизнь и педагогическая деятельность, философские взгляды; мысли Ушинского о процессе ведения уроков.

646. К 75-летию со дня смерти великого русского педагога К. Д. Ушинского (1871—1946). Программа мероприятий (Иркутск, Иркутский гос. пед. ин-т, 1946, 4 стр.).

647. К 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского («Московский комсомолец», 1946, 3 января, № 2).

648. *Казанский И.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского) («Ленинградская правда», 1946, 3 января, № 2).

649. *Казанский Н. Г.* Неопубликованные рукописи К. Д. Ушинского («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2). В рукописи «Педагогические заметки о Швейцарии» противопоставляется организация учебно-воспитательной работы в школе Фрёлиха и в Смольном ин-те.

650. *Карлсон А.* «Родное слово» в советской школе (из опыта учителей Куйбышевского района Ленинграда). Материалы заочной конференции «Учительской газеты» («Учительская газета», 1946, 16 января, № 4).

651. *Карпинская Н. С.* Любимые сказки. Рецензия на книгу: Ушинский — Русские сказки, рассказанные К. Д. Ушинским. Рис. А. Лаптева, Детгиз, 1945 («Дошкольное воспитание», 1946, № 9—10, стр. 47—48).

652. Константин Дмитриевич Ушинский против мудреных слов. Заметки Ушинского («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2).

653. *Константинов Н.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский («Культурно-просветительная работа», 1946, № 1—2, стр. 26—29). Краткая характеристика жизни и деятельности Ушинского.

654. *Константинов Н. А.* Влияние педагогики 60-х годов XIX в. на педагогическую мысль отдельных народов СССР (поволжских татар, казахов, армян, грузин). («Известия Академии пед. наук РСФСР», вып. 5-й, 1946, стр. 147—162). Влияние педагогических идей Пирогова, Чернышевского, Добролюбова, Ушинского, Толстого на формирование педагогической мысли народов СССР.

655. *Константинов Н. А.* Народность как основа педагогической системы К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1946, № 4—5, стр. 59—65). Сущность идеи народности в понимании Ушинского. Значение русского и родного языка в педагогической системе Ушинского. Характеристика Ушинским системы воспитания в разных странах (Англия, Франция, Германия, США).

656. *Константинов Н. А.* Рецензия на книгу: К. Д. Ушинский. Избранные пед. соч. Составил В. Я. Струминский. Под ред. Е. Н. Медынского и И. Ф. Свадковского. Вступит.

статья и примеч. В. Я. Струминского. М., Учпедгиз, 1945 (Акад. пед. наук РСФСР). («Советская педагогика», 1946, № 10—11, стр. 111—112).

657. *Корнилов К. Н.* К. Д. Ушинский как психолог («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

658. *Лебедев А.* Ушинский о семейном воспитании (к 75-летию со дня смерти Ушинского). («Работница», 1946, № 1, стр. 15—16).

659. *Лемберг Р.* К. Д. Ушинский («Вестник Казахского филиала Академии наук СССР», 1946, № 2—3, стр. 69—72). Идея народности и воспитание в труде как самые характерные черты педагогического учения Ушинского. Ушинский — друг народов СССР.

660. *Лордкипанидзе Д. О.* С. Гогебашвили — последователь великого русского педагога К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1946, № 3, стр. 67—78). С. Гогебашвили — выдающийся грузинский педагог конца XIX в.

661. *Лялицкая С. Д.* К. Д. Ушинский о значении естествознания в деле воспитания детей («Естествознание в школе», 1946, № 5, стр. 11).

662. *Малаховский В. А.* К. Д. Ушинский о воспитательном значении родного языка («Советская педагогика», 1946, № 3, стр. 59—66). Русский язык, его особенности и свойства. Педагогические выводы К. Д. Ушинского из анализа языка. Примеры Ушинского, как следует осуществлять воспитательные задачи на уроках русского языка.

663. *Медынский Е. Н.* Великий русский педагог К. Д. Ушинский («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им.В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

664. *Медынский Е. Н.* К. Д. Ушинский — великий русский педагог. Статья для Прессбюро ТАСС, опубликованная 3 января 1946 г. в ряде местных газет: «Коммуна» (Воронеж); «Большевик Запорожья» (Запорожье); «Северный рабочий» (Ярославль); «Большевик» (Орехово-Зуево, Московской обл.); «Батумский рабочий» (Батуми, 10 января) и др.

665. *Медынский Е. Н.* Критика немецкой педагогики в трудах русских педагогов (дореволюционного и советского периодов). («Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 5-й, 1946, стр. 131—146). Отражение идеи народности в литературе, живописи, музыке и педагогике 60-х годов XIX в. Мысли Ушинского о том, что «общей системы народного образования для всех народов не существует», и о необоснованности претензий немецкой педагогики на всемирное господство. Критика Ушинским формализма в немецкой педагогике и в частности фребелизма.

666. *Митрофанова Е.*, учительница II класса 183-й женской школы г. Москвы. Опыт многих лет (реферат на заочной конференции читателей «Учительской газеты»)., (Учительская газета» 1946, 3 января, № 2).

667. Московский городской институт усовершенствования учителей. Программа научной сессии ин-та, посвященной чествованию К. Д. Ушинского в связи с 75-летием со дня смерти. М., 1946, 4 стр., Моск. гор. отд. нар. обр., Моск. гор. ин-т усовершенствования учителей).

668. О мероприятиях по увековечению памяти К. Д. Ушинского. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР 31 декабря 1945 г., № 3237 («Собр. пост. и расп. правит. СССР», 1946 г., № 1, стр. 7; «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 5—6). Перечислен ряд мероприятий: присвоение имени, переименование улиц, учреждений, установление стипендий, премий, медалей, установление мемориальных досок и бюста.

669. Об утверждении положения о порядке награждения медалью К. Д. Ушинского, ее образца и описания от 25 июня 1946 г., № 396. Положение о медали К. Д. Ушинского. Описание медали К. Д. Ушинского («Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР», 1946, № 6, стр. 80—81).

670. Об утверждении положения о порядке присуждения премий им. К. Д. Ушинского от 10 июля 1946 г., № 434. Положение о порядке присуждения премий им. К. Д. Ушинского («Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР», 1946, № 6, стр. 81—82).

671. *Петерсон М. Н.* О «Родном слове» К. Д. Ушинского, («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

672. *Перваков Г.*, зав. 45-й нач. школой ст. Борисоглебск. Самостоятельная работа школьника (Реферат на заочной конференции «Учительской газеты). («Учительская газета», 1946, 3 января, № 2).

673. *Полосин И. И.* К. Д. Ушинский. Его детство, отрочество и юность («Ученые записки Моск., гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

674. По пути великого педагога. Некоторые итоги заочной конференции читателей «Учительской газеты» («Учительская газета», 1946, 6 марта, № 13). По теме «Педагогическое наследство К. Д. Ушинского и наша школа».

675. *Попов С.* 75-летие со дня смерти К. Д. Ушинского («Народное образование», 1946, № 1—2, стр. 78—80). Хроника мероприятий по чествованию К. Д. Ушинского.

676. *Потемкин В. П.* Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, в Большом Зале Московской консерватории 3 января 1946 г. (В кн.: Потемкин В. П. Статьи и речи по вопросам народного образования, М.—Л., изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947, стр. 283—289; см. также в несколько измененной редакции: «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 7—11; «Начальная школа», 1946, № 1—2, стр. 1—5). Характеристика Ушинского как смелого преобразователя начальной школы, женского образования и борца за истинное просвещение народа.

677. *Пуни А. Ц.* К. Д. Ушинский о навыках («Теория и практика физической культуры», т. IX, вып. 1—2-й, 1946, стр. 13—15).

678. *Раскин Л. Е.* К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти). («Ленинград», 1946, № 1—2, стр. 46). О жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского и об его педагогической системе.

679. *Раскин Л. Е.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). («Звезда», 1946, № 1, стр. 122—125).

680. *Ривес С. М.* К. Д. Ушинский о методах нравственного воспитания («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

681. *Рождественский Н. С.* Обучение грамотному письму в освещении К. Д. Ушинского («Начальная школа», 1946, № 1—2, стр. 6—9).

682. *Рокачева-Антонова Н. Т.* Наглядность в педагогической системе К. Д. Ушинского («Сб. трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. К. Тимирязева и Башкирской психиатрической больницы», вып. 2-й, Уфа, 1946, стр. 32—39). Материалистическое и психологическое обоснование принципа наглядности в работах Ушинского и применение его в учебниках для детей разных возрастов.

683. *Рудик П. А.* К. Д. Ушинский (к 75-летию со дня смерти). («Теория и практика физической культуры», 1946, т. IX, вып. 1—2-й, стр. 1—12). Биография и характеристика научно-педагогической деятельности Ушинского.

684. *Саушкин Ю. Г.* Мысли К. Д. Ушинского о русской географии («География в школе», 1946, № 6, стр. 42—46).

685. 75-летие со дня смерти великого русского педагога К. Д. Ушинского (1824—1870). (Л., 1946, 1 лист, Гос. ордена Трудового Красного Знамени публичная б-ка имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Календарь знаменательных дат. 3 января, 1946).

686. *Случевский И. Ф.* О психологическом наследстве К. Д. Ушинского («Сборник трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. Тимирязева и Башкирск. респ. психиатрич. больницы», вып. 2-й, Уфа, 1946, стр. 19—26).

687. *Смигельский В. В.* К. Д. Ушинский о нравственном воспитании в семье («Семья и школа», 1946, № 6, стр. 15—20).

688. *Смирнов В. З.* Неизвестное письмо К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1946, № 10—11, стр. 81—84). Письмо товарищу министра просвещения Делянову по поводу издания «Родного слова» и оценки этой книги министром просвещения Д. Толстым как «вредной книги».

689. *Смирнов С. А.* Русский язык в педагогической системе Ушинского («Русский язык в школе», 1946, № 3—4, стр. 68—77).

690. *Смирнова А. В.* К. Д. Ушинский о личности воспитателя («Дошкольное воспитание», 1946, № 4, стр. 45—47).

691. *Струминский В. Я.* Архив К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1946, № 12, стр. 35—49). Опись и характеристика количественного роста архивных материалов о К. Д. Ушинском, обнаруженных до и после 1917 г. и в частности хранящихся в Институте литературы Академии наук СССР.

692. *Струминский В. Я.* Друг русского дитяти («Комсомольская правда», 1946, 2 января, № 2).

693. *Струминский В. Я.* Проблема народности воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского («Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 5-й, 1946, стр. 95—116).

694. *Тимергазин Ф. Н.* К. Д. Ушинский — автор учебников («Сб. трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. К. Тимирязева и Башкирс. психиатр. больницы», вып. 2-й, Уфа, 1946, стр. 40—49). О новом типе учебников, созданных Ушинским, дающих знания об окружающем мире и трудовой жизни людей. Анализ учебников с точки зрения детской психологии, развития устной и письменной речи и логического мышления ребенка.

695. *Трошкова Т.* Дорогое нам имя («Комсомольская правда», 1946, 2 января). Мысли Ушинского об учителе.

696. Ушинский и наша школа (Заочная конференция читателей «Учительской газеты», 1946, 3 января, № 2).

697. Ушинский и передовые педагоги братских народов (Из материалов заочной конференции читателей «Учительской газеты», 1946, 16 января, № 4). Отрывки из рефератов о влиянии на народную школу Армении, Грузии, Казахстана и Азербайджана в лице педагогов, современников Ушинского,— Гогебашвили, Мандиняна, Тер-Гевондяна, Тер-Давтяна, Агаяпа и Алтынсарина.

698. *Храмцов Ф. М.* Великий русский педагог (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского). Учебно-воспитательная работа в детских домах (Сборник, 1946, № 6—7, стр. 5—19).

699. *Чернышев В. И.* К. Д. Ушинский и его труды в отношении русского языка и русской литературы («Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, 1946, т. V).

700. Чествование памяти К. Д. Ушинского. Торжественное заседание в Большом зале Московской консерватории («Учительская газета», 1946, 12 января, № 3).

701. *Чижов Н. Д.* Памяти великого педагога («Сб. трудов кафедры психологии и педагогики Башкирского гос. пед. ин-та им. Тимирязева и Башкирск. психиатрич. больницы», вып. 2-й, Уфа, 1946, стр. 4—18). Преодоление Ушинским ограниченности и односторонности иноземной педагогики. Создание им оригинальной русской педагогической системы, построенной на принципе народности, а также учебников для детей и руководства учителя.

702. *Шабаева М. Ф.* Идея народности в педагогике Ушинского («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, Памяти К. Д. Ушинского, 1946).

703. *Шамахов Ф. Ф.* К. Д. Ушинский о воспитании (Томск, 1946, 36 стр.). (Областное лекционное бюро). Общественно-педагогическое движение 60-х годов XIX в. и жизнь К. Д. Ушинского. Народность и родной язык — как основные средства воспитания. Борьба Ушинского с формализмом в обучении и воспитании. Роль труда в педагогической системе Ушинского. Воспитание творческой личности.

704. *Шамахов Ф. Ф.* К. Д. Ушинский о воспитании и наша современность («Ученые записки Томского гос. пед. ин-та», т. 3, 1946, стр. 7—38). Общественно-педагогическое движение 60-х годов XIX в. и деятельность К. Д. Ушинского. Разработка Ушинским основных вопросов теории воспитания. Характеристика основных черт его педагогической системы: патриотизм, гуманизм, демократизм. Родной язык как основное средство воспитания народности. Борьба Ушинского с формализмом в обучении и воспитании. Роль труда в педагогической системе Ушинского и его мысли о воспитании творческой личности.

705. *Шейн А. А.* К. Д. Ушинский о воспитании мышления («Ученые записки Новосибирского гос. пед. ин-та», вып. 2-й, 1946, стр. 3—33).

706. *Шпильберг И.* Вступительная статья к сборнику «Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения» (Симферополь, 1946).

707. *Яковлева К.* Здесь учился К. Д. Ушинский («Комсомольская правда», 1946, 2 января, № 2). Выставка материалов, освещающих пребывание К. Д. Ушинского в Московском государственном университете.

1947

708. *Абрамсон Е. Н.* К. Д. Ушинский об учителе («Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та», вып. 9-й, 1947, стр. 79—87).

709. *Артемов А. А.* К. Д. Ушинский о языке и мысли об изучении иностранных языков («Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам», М., Учпедгиз, 1947, стр. 172—215).

710. *Бердышева А. И.* К. Д. Ушинский о воспитании детей в сиротских воспитательных заведениях (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

711. *Беренс А. Г.* О взглядах К. Д. Ушинского на географию и ее преподавание («Ученые записки Московского областного пед. ин-та», т. IX, вып. 4-й, 1947, стр. 371—398).

712. *Водовозова Е. Н.* История одного детства. Для детей обработала О. К. Невзглядова. Рис. Н. Петровой (изд. 4-е, М.—Л., Детгиз, 1947, 239 стр.). Переработка для детей мемуаров Е. Н. Водовозовой «На заре жизни». Последняя глава книги посвящена педагогической деятельности Ушинского в Смольном институте.

713. *Грабаров А. Н.* «Родное слово» К. Д. Ушинского и его значение для специальной педагогики («Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XLIX, вып. 3-й, 1947, стр. 33—46).

714. *Евсеенко Н. М.* Учение К. Д. Ушинского о дидактических принципах («Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. IX, Кафедра педагогики и психологии, 1947, стр. 47—63).

715. *Емельяненко Н. Н.* Ушинский о самостоятельной работе учащихся (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

716. *Зикеев Н. В.* Ученик и современник Ушинского Д. Д. Семенов («Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», т. VIII, Труды кафедры педагогики, вып. 1-й, изд. Моск. обл. пед. ин-та, 1947, стр. 115—131). Д. Д. Семенов, друг и последователь К. Д. Ушинского, восприняв передовые идеи своего учителя, много трудился над практическим осуществлением его общепедагогических и дидактических положений.

717. *Иванов С. В.* К. Д. Ушинский об уроке и условиях успешного обучения («Труды Воронежского гос. университета», т. XIV, вып. 2-й, 1947, стр. 157—177; имеется отдельный оттиск).

718. *Каноныкин Н. Н.* и *Щербакова Н. А.* Методика русского языка в начальной школе. Пособие для учителей начальной школы (3-е изд., испр. и доп., Л., Учпедгиз, 1947, стр. 475). Методика написана на основе критического тщательного изучения «Родного слова» Ушинского и с учетом методических указаний к нему.

719. *Кахновская О. Ф.* Родной язык в педагогической системе Ушинского (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

720. *Котельников В. И.* Жизнь и педагогическая деятельность К. Д. Ушинского (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

721. *Куляков И. Д.* К. Д. Ушинский об учителях (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

722. *Куляков И. Д.* К. Д. Ушинский о значении педагогической теории (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

723. *Лордкипанидзе Д. О.* Педагогическое учение К. Д. Ушинского и грузинская педагогическая мысль. Тезисы диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора педагогических наук (М., 1947, 16 стр., Научно-исследов. ин-т теории и истории педагогики Акад. пед. наук РСФСР).

724. *Львова В. Н.* Методика объяснительного чтения (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

725. *Медынский Е. Н.* К. Д. Ушинский (Сталинград, 1947).

726. *Медынский Е. Н.* К. Д. Ушинский (в кн.: Медынский Е. П., История педагогики, М., Учпедгиз, ч. II, гл. X, 1947, стр. 389—409). Жизнь и практическая педагогическая деятельность. Философские и психологические основы воспитания.

Цели воспитания. Народность и родное слово в педагогической системе Ушинского. Дидактические принципы. Учитель и его подготовка. Роль Ушинского в развитии народной школы и русской педагогики и др.

727. *Миротворцев К. Н.* К. Д. Ушинский о воспитательном значении труда («Труды Воронежского гос. ун-та», т. XIV, вып. 2-й, 1947, стр. 178—184).

728. *Надлер О. М.* Дидактические принципы К. Д. Ушинского (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

729. *Никольский Н. М.* К. Д. Ушинский о развитии речи учащихся (Методический сборник, вып. 1-й, Ульяновск, 1947).

730. *Пекарская Л. Ф.* К. Д. Ушинский о воспитании памяти (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

731. *Пенцова А. Г.* «Детский мир» и «Родное слово» К. Д. Ушинского («Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та», вып. 9-й, 1947, стр. 63—77).

732. *Петерсон М. Н.* К. Д. Ушинский и русский язык («Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 2-й, 1947, стр. 3—6).

733. *Познанский Н. Ф.* Значение К. Д. Ушинского в теории русской педагогики («Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та», вып. 9-й, 1947, стр. 27—46). На фоне расцвета культурной жизни России 60-х годов XIX в. в борьбе против крепостничества обрисован образ К. Д. Ушинского как борца за народную школу, за женское образование, за народную педагогику. Дается также характеристика состояния начальных и средних школ того времени.

734. *Полянская Л. И.* Документальные материалы о К. Д. Ушинском в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде («Советская педагогика», 1947, № 3, стр. 116—118). Документальные материалы характеризуют деятельность К. Д. Ушинского за период 1854—1870 гг. и освещают историю рассмотрения его книг Ученым комитетом Министерства народного просвещения («Детский мир» и «Родное слово»; Собрание педагогических сочинений). Материалы являются дополнением к статье В. Я. Струминского — Архив К. Д. Ушинского (см. «Советская педагогика», 1946, № 12, стр. 35—49).

735. *Райков Б. Е.* К. Д. Ушинский и естествознание («Естествознание в школе», 1947, № 1, стр. 44—51).

736. *Редозубов С. П.* Методика русского языка в начальной школе (М.—Л., Учпедгиз, 268 стр.). Методика написана на основе критического, тщательного изучения «Родного слова» Ушинского и с учетом методических указаний к нему.

737. *Савельева Н. Я.* Значение труда Ушинского в преподавании физики (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

738. *Скоморохов Н. Я.* Вопросы нравственного воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского («Ученые записки Ростовского на-Дону гос. пед. и учит. ин-тов, вып. 1-й (11), 1947, стр. 57—71).

739. *Струминский В. Я.* Первые шаги К. Д. Ушинского на педагогическом поприще («Советская педагогика», 1947, № 5, стр. 41—65). Создание педагогической системы Ушинского показывается на фоне его борьбы за единство теории и практики. В связи с этим освещается реформаторская деятельность Ушинского в Гатчинском сиротском институте.

740. *Тодорский К. И.* Прогрессивность и научность дидактики К. Д. Ушинского («Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», вып. XII, 1947, стр. 219—238). Борьба Ушинского против идеализма и вульгарного материализма, против стремления немецкой педагогики на всемирное господство. Критическое и творческое использование Ушинским всего ценного, что было в мировой философии, психологии и педагогике для создания основ русской народной педагогики.

741. *Федорова В. Н.* Естествознание в педагогической системе К. Д. Ушинского («Ученые записки Казанского Гос. пед. ин-та», Факультет естествознания, вып. V, 1947, стр. 115—128).

742. *Шварова Г. М.* Воспитание внимания (Материалы Алтайской краевой педагогической конференции, 1947).

743. *Яковлев М. А.* Художественная литература в произведениях Ушинского («Советская педагогика», 1947, № 4, стр. 56—67). Ушинский как педагог, художник слова и детский писатель, а также как составитель «Родного слова» и «Детского мира».

1948

744. *Аркавина В. Я.* Ушинский о преподавании иностранных языков («Иностранные языки в школе», 1948, № 3, стр. 93—97).

745. *Бабушкина А. Н.* К. Д. Ушинский (1824—1870). (В кн.: Бабушкина А. П., История русской детской литературы, М., Учпедгиз, 1948, стр. 330—344). В очерке подчеркиваются противоречия в общественно-политических взглядах Ушинского и даже их реакционность, но в то же время умело раскрывается борьба Ушинского за народную школу. Особенно отмечается педагогическое и дидактическое значение книг «Детский мир» и «Родное слово», а также влияние их на составление других книг для первоначального чтения и детскую литературу в целом.

746. Библиографическая справка о сочинениях К. Д. Ушинского за 1852—1856 гг. (В кн.: Ушинский К. Д., Собр. соч., т. I, М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 713—727). Перечень статей, рецензий и переводов, которые с большей или меньшей достоверностью могут быть приписаны Ушинскому.

747. *Данилов М. А.* Дидактика К. Д. Ушинского (под ред. действ. члена АПН РСФСР Е. Н. Медынского, М.-Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948, 172 стр., Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики, Пед. б-ка учителя). На основе обзора литературы о дидактических взглядах Ушинского, опубликованной в дореволюционный и советский периоды, дан критический анализ дидактики Ушинского, вскрыто ее значение для начального обучения. В книге имеется указатель литературы, охватывающий: 1) Труды и письма К. Д. Ушинского. 2) Алфавитный указатель дореволюционной литературы об Ушинском и его дидактике. 3) Алфавитный указатель литературы за советский период по 1948 г.; всего 167 названий: из них советских изданий около 93 названий; имеются библиографические сноски в подстрочных примечаниях. По сравнению с указателем Лордкипанидзе в части советских изданий указатель М. А. Данилова менее полон. Рецензии: 1) Зикеев Н. Против аполитичности и объективизма в истории дидактики («Народное образование», 1949, № 9, стр. 66—70). 2) Иванов С. В., Данилов М. А. Дидактика Ушинского, «Советская педагогика», 1949, № 3, стр. 117—120).

748. *Зикеев Н. В.* Три документа из профессорской деятельности К. Д. Ушинского в Ярославском лицее («Ученые записки Яросл. пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

749. *Иванов А. Г.* О психологических основах нравственного воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского («Ученые записки Яросл. пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

750. К изданию собрания сочинений К. Д. Ушинского («Советская педагогика», 1948, № 8, стр. 126—128).

751. *Лордкипанидзе Д. О.* Новые архивные материалы о «Родном слове» К. Д. Ушинского («Труды Института педагогических наук Грузинской ССР», вып. 4, 1948, стр. 125—179). 1) Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения 24 марта 1889 г., в котором слушались доклады и отзывы членов Комитета — Кочетова и Радонежского о «Родном слове». 2) Прошение Н. К. Ушинской (дочери К. Д. Ушинского) министру просвещения гр. И. Д. Делянову. 3) Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета Министерства просвещения 11 января 1900 г., включающая мнения, отзывы Филонова, Семеки, Федорова, Кочетова, а также заключение председательствующего Т. С. Аннина по поводу вышеуказанных мнений и заключение 13 членов Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения о допущении «Родного слова» в школы.

752. *Лордкипанидзе Д. О.* Педагогическое учение К. Д. Ушинского (под ред. действ. члена АПН РСФСР проф. Е. Н. Медынского, Тбилиси, Ин-т педагогических наук Грузинской ССР, 1948, 448 стр. Акад. педагогических наук РСФСР). Рец. Дани-

лов М. А. Серьезное использование педагогического наследства («Советская педагогика», 1948, № 11, стр 100—104).

753. *Медынский Е. Н.* Основы педагогической системы К. Д. Ушинского (в кн.: Ушинский К. Д., Собр. соч., т. 1, М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 24—40).

754. *Михайлов С. В.* Идея народности в педагогической системе К. Д Ушинского («Ученые записки Яросл. пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

755. Награждение медалью К. Д. Ушинского («Учительская газета», 1948, № 54, 23 декабря).

756. Перечень статей и материалов К. Д. Ушинского, не включенных во 2-й и 3-й тома Собрания его сочинений (в кн.: Ушинский К. Д. Собрание соч., т. 3, Педагогические статьи 1862—1870 гг. М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948, стр. 660—665). Представлены: а) анонимные статьи Ушинского, б) введения, заключения и примечания к статьям других авторов, в) оглавления журнала Министерства народного просвещения за 17 месяцев и программы его издания, г) переводы педагогических статей, 41 запись.

757. *Пурцеладзе С. Д.* Вопросы преподавания грамматики в методической системе К. Д. Ушинского («Труды Института педагогических наук Грузинской ССР», вып 4-й, 1948, 97—114 стр.).

758. *Райков Б. Е.* Ушинский о Дарвине и дарвинизме («Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 71, 1948, стр. 95—107).

759. *Струминский В. Я.* Об изданиях сочинений К. Д. Ушинского (историографический очерк). (В кн.: Ушинский К. Д. Собрание сочинений, т. I, М.—Л., изд. Акад. пед. паук РСФСР, 1948, стр. 8—23). Историографический очерк работ Ушинского охватывает: 1) Сочинения Ушинского, печатавшиеся и переиздававшиеся при его жизни. 2) Ненапечатанные и незаконченные произведения К. Д. Ушинского. 3) Издания сочинений К. Д. Ушинского, предпринятые после его смерти. 4) Сведения о новых разысканных архивных материалах об Ушинском. Указываются недостатки работы в собирании литературно-педагогического наследства и, в частности, отсутствие полного систематического библиографического указателя по Ушинскому. Приведен план издания сочинений Ушинского, принятый Институтом теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР.

760. *Струминский В. Я.* Об итогах изучения литературно-педагогического наследства К. Д. Ушинского («Ученые записки Яросл. пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

761. *Тажибаев Т.* Психология и педагогическая психология К. Д. Ушинского (Алма-Ата, Казахск. объед. гос. изд., 1948, 205 стр.). На основе изучения общественно-политических и философских взглядов рассматривается психологическая система Ушинского, положившего начало педагогической психологии в России. Раскрывается понимание Ушинским вопросов о един-

стве воспитания и обучения, о развитии сознания в процессе обучения, об органической связи педагогики и психологии и др. В книге имеется библиографический указатель, всего 213 названий. Около 50 названий — советские издания. Библиографическое описание во многих случаях страдает неточностью.

762. *Филатов В. С.* Учение Ушинского о воле и ее воспитании («Ученые записки Яросл пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

763. *Цветков И. М.* Воспитание трудолюбия у детей (по Ушинскому). («Ученые записки Яросл. пед. ин-та им. Ушинского», вып. XIII (XXIII), Ярославль, 1948).

1949

764. Замечания, рецензии и отзывы на книгу Ушинского «Родное слово», год 3-й, и «Руководство» к ней (в кн.: Ушинский К Д. Собр. соч., т. VII, изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 344—357). Аннотации на замечания, отзывы и статьи, опубликованные за 1870—1902 гг., 6 названий, за 1939—1949 гг. 7 названий.

765. *Зикеев Н. В.* Русский методист-географ Д. Д. Семенов («География в школе», 1949, № 5, стр. 36—41). О влиянии К. Д. Ушинского на разработку методики географии на основе местного материала.

766. *Иванов А. Г.* К. Д. Ушинский 1824—1870 гг. (биографический очерк). (Ярославль, 1949, 68 стр.). Биография К. Д. Ушинского с более детальным освещением его работы в Ярославском Демидовском лицее.

767. Издания книги «Родное слово», год 1-й и 2-й (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. VI, М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 344—346). Сведения об изданиях «Родного слова» по 1870 г. включительно взяты из «Хронологического списка книг, статей и переводов К. Д. Ушинского», составленного В. И. Чернышевым (см. Собр. пед. соч. К. Д. Ушинского, т. II, доп., СПб., 1908, или 1913, стр. 331—333, и дополнены сведениями о количестве изданий, вышедших к моменту революции 1917 г.).

768. Издания книги «Родное слово», год 3-й (в кн.: Ушинский К. Д., Собр. соч., т. VII, изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 343). Сведения об издании книги «Родное слово», год 3-й, за период 1870—1907 гг. (23 изд.) и «Руководства к преподаванию по «Родному слову»,ч. II, за период 1870—1908 гг.(12 изд.).

769. *Лихарева Т. А.* Автореферат диссертационной работы на тему «К. Д. Ушинский — автор учебников по первоначальному обучению», анализ «Родного слова» и «Детского мира», поданный в Институт теории и истории педагогики Академии пед. наук на соискание степени кандидата педагогических наук (М., 10 стр.).

770. Перечень рецензий о книге Ушинского «Детский мир», с краткими аннотациями, с перепечаткой нескольких рецензий

(в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. V, изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 515—569). Аннотации к рецензиям, расположенным в хронологическом порядке. Первые пять рецензий — это отзывы, которые заслушивались на заседаниях Ученого комитета Министерства просвещения, и другие рецензии и статьи за 1861—1909 гг. и за советский период до 1948 г.

771. Рецензии и другие отзывы на «Родное слово» К. Д. Ушинского (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. VI, изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 362—385). Аннотированный указатель рецензий (положительных и отрицательных), сгруппированных по четырем периодам: 1864—1885 гг., 1885—1900 гг., 1900—1917 гг., четвертый период — с начала Великой Октябрьской социалистической революции по 1948 г. Особый исторический интерес представляют первые два периода, на протяжении которых «Родное слово» Ушинского было проанализировано с точки зрения боровшихся двух направлений — прогрессивного и реакционного, возглавляемого Министерством народного просвещения).

772. *Самуйленков Д. Ф.* К. Д. Ушинский об учителе («Ученые записки Смоленского гос. пед. ин-та», сб. № 1, 1949, стр. 25—50).

773. *Струминский В. Я.* «Детский мир» и «Хрестоматия» К. Д. Ушинского (краткий историко-педагогический очерк) (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. V, М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 557—569). Как работал Ушинский над «Детским миром». «Детский мир» в практике русской дореволюционной школы.

774. *Успенская А. Ф.* Литературное творчество К. Д. Ушинского для детей младшего и дошкольного возраста («Ученые записки Гос. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 85, 1949, стр. 89—122).

775. *Черньшев В. И.* Перечень изданий «Детского мира» за первое десятилетие со времени его выхода в свет (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. V, М.—Л., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1949, стр. 512—514). К концу 1908 г. в обращении были 43-е издание 1-й части (СПб., 1908) и 37-е издание 2-й части (СПб., 1908). (Перечень перепечатан из кн.: Ушинский К. Д. Собр. пед. соч., т. II, доп., СПб., 1908 (или 1913), стр. 328—329).

776. *Шимбирев Н. Н.* Рецензия: Ушинский К. Д. Собр. соч., тт. I—V. Редакционная коллегия: А. М. Еголин (главный редактор), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский, изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1948—1949; «Советская книга», 1949, № 9, стр. 87—89.

1950

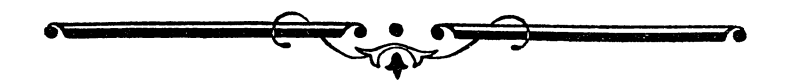
777. Библиографическая справка об изданиях «Педагогической антропологии» (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. IX, М., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1950, стр. 591—593).

778. *Зажурило В. К.* К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах. Редакция и вступительная статья проф. Н. Г. Казанского. (Пособие для учителей, учащихся пед. уч-щ, студентов пед. и учит. институтов). М.—Л., Учпедгиз, 1950, 132 стр.

779. *Кореневский Е. И.* К. Д. Ушинский — «Детский мир», «О первоначальном преподавании русского языка», «Родное слово» (в кн.: «Известия Акад. пед. наук РСФСР», вып. 27-й, 1950, стр. 44—66). Методика классного объяснительного чтения в работах К. Д. Ушинского.

780. *Лордкипанидзе Д. О.* Педагогическое учение К. Д. Ушинского (2-е изд., М., Учпедгиз, 1950, 368 стр.). Педагогическая деятельность, общественно-политические и философские взгляды рассматриваются в процессе их развития. Освещено влияние педагогического учения Ушинского на развитие педагогики Грузии. Первое издание вышло в 1948 г. В книге имеется библиография: 1) хронологический указатель трудов К. Д. Ушинского и литературы о нем за период 1847—1947 гг. В трудах выделены педагогические сочинения, учебники и руководства к ним, собрания сочинений, дневники и письма. 2) Алфавитный указатель педагогической литературы о К. Д. Ушинском дореволюционного и советского периода, 331 название, из них советских изданий — около 129 названий. 3) Архивные материалы, принадлежащие перу Ушинского. В части дореволюционных изданий автором использована фундаментальная библиография по Ушинскому, составленная В. Чернышевым. По сравнению с библиографическими указателями Н. Н. Аблова и Н. А. Зиневича и А. Г. Мензоровой и М. А. Данилова, опубликованными в 1938—1948 гг., в указателе Д. О. Лордкипанидзе представлены дополнительно работы, вскрывающие влияние К. Д. Ушинского на постановку обучения в кавказских школах, и работы по другим вопросам, опубликованные за 1945—1947 гг. как по РСФСР, так и Грузинской ССР на русском и грузинском языках.

781. Рецензии и заметки в печати о первых двух томах «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского (в кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. IX, М., изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1950, стр. 593—621). Аннотации на рецензии, расположенные в хронологическом порядке по четырем группам: 1) рецензии по поводу выхода в свет 1-го и 2-го томов «Педагогической антропологии». Сюда же отнесена и рецензия, появившаяся еще до выхода в свет 1-го тома; 2) рецензии на 8-е, сокращенное издание «Педагогической антропологии»; 3) рецензии и заметки о «Педагогической антропологии» в отдельных работах по психологии и философии, опубликованные до Великой Октябрьской революции; 4) статьи и исследования, появившиеся в советской педагогической литературе.

УКАЗАТЕЛЬ К БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМУ ПЕРЕЧНЮ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ УШИНСКОМ

I. Имена авторов, упоминаемых в перечне

Г

Д

Е

Ж

З

И

Н

О

П

Р

II. Статьи и заметки, не подписанные автором

№ 18—21, 24, 25, 28, 83, 99, 283, 295, 312, 368, 388, 393, 394, 473, 485, 564, 667

6. Библиография и рецензии, посвященные К. Д. Ушинскому, —№ 1, 2/б, 1/в, 7, 395, 603, 746, 750, 756, 777, 781

7. Разные безымянные статьи об Ушинском— № 2, 22, 30/в, 31, 36, 37—40, 42, 55, 66, 73, 86, 87, 252, 274, 296, 300, 376, 400—404, 446, 463, 563, 565, 581, 588, 601, 602, 652, 674, 696, 697

Дополнения и исправления к I–XI томам.

I. ДОПОЛНЕНИЯ*

КО II и III ТОМАМ

Отзыв члена Ученого комитета при МНПр Мироносицкого о книге «Собрание педагогических сочинений К. Д. Ушинского», СПб., 1875, стр. 11+634, цена 1 р. 50 к. **

В области вопросов общественного и семейного воспитания Ушинский был своего рода пророком. Многие из идей, им провозглашенных, только в настоящее время входят в сознание общества и проникают в жизнь и практику. Понятно, что педагоги нашего времени должны с обновленным интересом отнестись к статьям покойного писателя, собранным в книге, заглавие которой выше прописано. Во главе этих статей стоит чрезвычайно го-

---

* В процессе подготовки и оформления материалов для настоящего собрания сочинений К. Д. Ушинского был допущен ряд более или менее существенных пробелов и ошибок. В настоящий момент трудно констатировать все необходимые дополнения и исправить все допущенные ошибки. Однако то, что уже замечено в процессе работы, может быть исправлено сейчас. Редакция наметила следующие подразделения этих исправлений: I. Дополнения. II. Перевод иностранных текстов на русский язык. III. Недосмотры и ошибки.

** Во втором и третьем томах настоящего издания собраны педагогические статьи К. Д. Ушинского, как опубликованные им в различных журналах и газетах, так и оставшиеся в рукописях. Около половины этих статей впервые были изданы отдельным сборником в 1875 г. при участии семьи К. Д. Ушинского. Несмотря на большое впечатление, которое произвели эти статьи в начале 60-х годов, впечатление, составившее Ушинскому славу передового педагога, издание сборника этих статей не получило сколько-нибудь широкого отклика. Сборник в течение 30 лет не расходился. В этом сказалось частью общее понижение педагогического уровня, вызванное реакцией 2-й половины XIX в., а частью и то преследование, которому подвергались со стороны синода и министерства учебные книги Ушинского, вследствие чего практически оставалось неясным, допущен этот сборник

рячо и убедительно написанное рассуждение *«О пользе педагогической литературы»*, где автор, ревниво охраняющий высокое звание учителя и воспитателя, предостерегает и самих педагогов, и общество от рутинного взгляда на искусство воспитания, как на такое искусство, которое может быть предоставлено лично практике каждого отдельного преподавателя и нисколько не нуждается ни в каких научно-теоретических обоснованиях. Воспитательные и учебные приемы, обоснованные лишь на бессознательной практике, на удаче, Ушинский называет фокусами и горячо настаивает на необходимости теоретического изучения науки о воспитании и притом не для одних только профессиональных педагогов, но и для самого общества, раз оно дорожит судьбою подрастающего поколения. Интерес к вопросам воспитания со стороны общества несомненно способствовал бы возбуждению деятельности самих преподавателей, которая нуждается в постоянном одушевлении. «Надобно столько любви к детям, — говорит Ушинский, — чтобы в *одиночку* думать о них постоянно, и общество не имеет права требовать такой любви от него, если само не показывает участия к делу воспитания». С особенною настойчивостью Ушинский выдвигает в этой статье педагогическое значение психологии.

В следующем затем обширном трактате Ушинский рассматривает капитальный вопрос *«О народности в общественном воспитании»*. В первых семи главах этого трактата Ушинский дает блестящие характеристики воспитания в Германии, Англии, Франции и в Соединенных Штатах С. Америки. Цель этого интересного обзора систем воспитания, принятых у народов цивилизованного мира, та, чтобы показать, что система образования у каждого

статей Ушинского в учительские библиотеки, или нет. Между тем, бесплодные 15-летние усилия министерства, направленные к запрещению «Родного слова», привели, в конце концов, к тому, что в синоде и в министерстве началась обратная реакция — за признание Ушинского и за использование отрицательных сторон его педагогической системы. В 1901 г. «Родное слово» было допущено в начальную школу, 12 октября того же года был заслушан в Ученом комитете отзыв Мироносицкого о сборнике статей Ушинского, который, на основании этого отзыва, был допущен в учительские библиотеки низших учебных заведений и в ученические старшего возраста — средних. В результате этого постановления сборник быстро разошелся, и в 1905 г. вышло 2-е издание этого же сборника; к 1917 г. в обращении было уже 5-е его издание. Отзыв Мироносицкого, до сих пор неизвестный, печатается по архивной копии, изготовленной ЦГИАЛ (фонд 734, Ученый комитет МНПр, опись 3, дело № 96, Журналы заседаний Особого отдела, 1901, стр. 2098—2101). Отзыв этот является свидетельством того решительного поворота в сторону Ушинского, который сделали его прежние официальные противники из синода и Министерства нар. просвещения.

народа запечатлена его характером и отражает достоинства и недостатки этого характера, а потому «хвалить или порицать безусловно систему общественного воспитания того или другого народа и брать ее за образец, достойный подражания, все равно, что хвалить или порицать безусловно народный характер и стараться подражать ему». Воспитание, построенное на абстрактных или иностранных началах, будет действовать на развитие характера гораздо слабее, чем система, созданная самим народом» (стр. 97—98). В следующей главе Ушинский разбирает психологическую природу характера с целью отыскать черту национальности в характере человека, оценить ее значение для воспитания и определить ее силу. Наконец, в последней главе выясняется роль народности в воспитании.

«Воспитание, — говорит Ушинский, — если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным» (стр. 109).

Статья «*Школьная реформа в С. Америке*» проникнута задушевным желанием автора возбудить в русском обществе живой интерес к вопросам воспитания, который дал возможность американцам так широко поставить в своей стране воспитательное дело.

Замечательны статьи: «*Труд в его психическом и воспитательном значении*» и «*О нравственном элементе в русском воспитании*». В первой статье, которую по справедливости можно назвать вдохновенною проповедью чистого идеализма, автор, вопреки современным теориям экономического материализма, открывает во всякой человеческой деятельности, наряду с элементами экономическими, еще внутреннюю, духовную силу, которая одна животворна в нравственном смысле и служит источником человеческого достоинства и счастья. Во второй статье автор исследует вопрос о том, «насколько наше современное семейное и общественное воспитание имеет влияние на развитие нравственного чувства в нас и в наших детях». С замечательною для писателя светского определительностью поставлен и выяснен в этой статье вопрос о значении православия и церкви в русском народном воспитании.

Статья «*Педагогическая поездка по Швейцарии*» знакомит читателя с устройством швейцарских семинарий и народных школ, причем автор относится к ним критически, не ставит их в пример нарождавшимся в то время русским семинариям-школам. Для организации русских учительских семинарий Ушинский предложил свой «*Проект*», разработанный с великою тщательностью и знанием педагогического дела.

В кратком отзыве нет возможности исчерпать то богатое сокровище глубоких и плодотворных мыслей, которое заключается в сочинениях Ушинского, ныне почти забытых, бог весть по каким причинам. Даже в статьях, написанных по случайным поводам и уже утративших для нас интерес современности, внимательный читатель найдет много замечаний общего характера, крайне ценных для решения вопросов, выдвинутых и выдвигаемых на очередь в наше время. Такова, например, статья «*Ответ*

на рецензию г-на Толля». В ней мы встречаем много достойных внимания указаний о достоинствах детской школьной книги для чтения.

Для нашей русской школы и русской педагогии сочинения Ушинского — дорогой клад, утрата которого была бы невознаградима, — свечу, которая долго горела и еще горит ярким пламенем, нельзя «поставлять под спудом»...

Я полагал бы необходимым признать книгу «Собрание педагогических сочинений К. Д. Ушинского» *допущенною в учительские библиотеки низших учебных заведений и в ученические старшего возраста — средних.*

П. Мироносицкий.

11 октября 1901 г.

Определено: Согласиться с отзывом члена Мироносицкого о вышезаглавленной книге и представить об этом на благоусмотрение его превосходительства г. товарища министра.

Резолюция г. товарища министра: «Согласен. 13/X».

К V ТОМУ *

а) Докладная записка редактора «Журнала Министерства народного просвещения» К. Д. Ушинского на имя министра **

Представляя Вашему высокопревосходительству составленную мною книгу для классного чтения под заглавием: «Детский мир» и «Хрестоматия», имею честь почтительнейше просить, по рассмотрении ее в Ученом Комитете Главного Правления Училищ, — о принятии в число руководств по учебным заведениям Министерства народного просвещения. Цель представляемой мною книги и система, в ней принятая, а равно и способ ее употребления подробно изложены в предисловии и оглавлении. Если самая система книги и изложение находящихся в ней статей заслужат одобрение со стороны Ученого Комитета и вместе с тем

---

* В V томе настоящего издания собраны многочисленные отзывы и рецензии на книгу К. Д. Ушинского «Детский мир». Отзывы эти являются показателем того, как работала педагогическая мысль страны над вопросом о составлении книги для детского чтения, как, разбрасываясь в подробностях, рецензенты часто не видели основного и существенного в обсуждаемой книге. Материалы, собранные в V томе, должны быть дополнены следующими тремя: а) докладной запиской Ушинского о допущении его книги в число руководств для учебных заведений министерства просвещения, б) рецензией А. Бекетова 1862 г. и в) рецензией А. Д. Галахова, вторично рецензировавшего книгу Ушинского в 1867 г.

** ЦГИАЛ, ф. № 734, Ученый комитет МНПр, оп. 2, д. 5, Журналы заседаний, 1861, стр. 444—445.

указано будет ей место в преподавании в учебных заведениях Министерства, то я, сделав, по указанию Комитета, подлежащие изменения в моей книге, исправив в некоторых местах слог и корректурные недосмотры, и вместе с тем, сократив некоторые слишком растянутые, статьи, отчего книга не только не потеряет, но скорее выиграет; заменив иные рассказы легкого содержания — рассказами о важнейших открытиях и изобретениях, как, например: книгопечатания, паровых машин и т. п., и увеличив число объяснительных к статьям рисунков,— мог бы представить вместо одной — две книги для чтения в двух последовательных годичных курсах, каждая по цене от 30 до 40 копеек серебром».

Определено: составленную г. Ушинским книгу передать на рассмотрение г. члену Воронову.

б) Мнение А. Бекетова о книге г. К. Ушинского под заглавием «Детский мир и Хрестоматия», СПб., 1861 *

В сочинении г. Ушинского, представленном на конкурс «О книге для чтения», помещено весьма много статей по части естествознания, что, без сомнения, совершенно согласно с педагогическим назначением книги.

Вообще можно сказать, что статьи эти составлены старательно, и многие из них, как мне кажется, интересны для детей. Нельзя не заметить однакоже в них некоторых недостатков, на которые считаю долгом обратить особое внимание потому, что сочинение г. Ушинского заключает в себе многие из качеств хорошей книги для детского чтения и способно усовершенствоваться. Укажу преимущественно два недостатка, тесно между собою связанных: на неточность, которую допускает автор в своем изложении, и на ложность или сомнительность некоторых мыслей, им выражаемых. В книге, назначенной для постепенного сообщения детям здравых понятий об окружающем мире и для постепенного развития их суждения, невозможно допустить ни одной неточности, лучше вовсе умалчивать о предмете, чем сообщать о нем неверные или шаткие понятия. Мысль, запавшая однажды в юную голову, поселяется там самым прочным образом. Впоследствии трудно, иногда вовсе невозможно ее оттуда изгнать. Составляя статью для детей, необходимо взвешивать каждое слово, ни одного нельзя произносить, а тем более печатать, на ветер. Еще опаснее ложные мысли, которые, будучи крайне вредными сами по себе, еще заключают в себе всегда неточность, так как они не могут быть доказаны ничем.

Нельзя также не заметить, что сочинение г. Ушинского *местами весьма сухо, превышает нередко детские понятия* и, наконец, заключает в себе *ошибки*.

---

* ЦГИАЛ, ф. 734, Ученый комитет МНПр, оп. 2, д. 7, Журналы заседаний, 1862—1863 гг., стр. 470—483.

На все это буду указывать, пересматривая статью за статьею, не останавливаясь, впрочем, на каждой в отдельности, так как это было бы слишком длинно и не может считаться необходимым.

Пропуская статью о человеке, в которой в уста дитяти влагаются странным образом слова взрослого, так как эта статья не вся относится к естествознанию, перехожу к отделению II. Тут первая статья «Лошадь».

На 6-й же строке читаем следующее: «взглянув на лошадь, можно убедиться, что она и назначена для службы человеку и в упряжи и под верхом».

Для чего, спрашивается, здесь брошена эта неверная и вредная мысль? Не следует ли скорее объяснить детям, что человек умом своим поработил и лошадь и многих других животных и приобрел вообще большую власть над природою силою своего ума. Мне кажется, следует именно объяснить часто употребляемое выражение: все создано на потребу человеку, показав, что оно иносказательно, что было бы точнее, если бы сказать: *человеку дан ум, которым он все в природе может обратить себе на пользу.* Об этом могла бы быть составлена особая, интереснейшая статья.

Далее, в этой же статье:

«На оконечностях ног у лошади не пальцы с ногтями, как у нас, и не мягкие лапы с когтями, как у кошки, но твердые, роговые копыта».

Копыта здесь ставятся в параллель с пальцами и лапами. Какое смешение понятий! Автору, верно, хорошо известно, что у лошади, как и у всех млекопитающих и б. ч. позвоночных, есть пальцы и что копыта соответствуют ногтям человека, а не пальцам его, и когтям кошки, а не лапам ее. Не думает ли автор, что детям будет скучна параллель между ногою человека и, напр., хоть лошади? Мне кажется, напротив, что это может их весьма заинтересовать и что эта параллель может служить отличным примером логического суждения и вывода чрез сравнительное наблюдение.

В этом рассказе о лошади так же, как и в остальных рассказах о животных, весьма мало жизни, а между тем сколько есть вполне достоверных повествований о знаменитых лошадях, о привязанности их к хозяину, об их сметливости, быстроте и пр. и пр. Все это детям необыкновенно нравится, хотя и кажется скучным, даже, пожалуй, пошлым для взрослого. Но не надо забывать, что милое, даже прекрасное, становится часто пошлым, если переходит из одной обстановки в другую, милая резвость дитяти пошла и неуместна в зрелом человеке, наивный рассказ прекрасен для ребенка, но иногда скучен и пошл для взрослого.

Рассказы о сметливости, привязанности и других качествах животных возбуждают в детях привязанность к этим животным гораздо вернее, чем, например, следующая догматическая фраза г. Ушинского:

«Лошади так привыкают к человеку, так помогают ему и пахать землю, и ездить, и сражаться, что стыдно обращаться с ними жестоко и несправедливо. Человек, который накладывает

на лошадь чрезмерную тяжесть или бьет ее, когда она не понимает, чего он от нее хочет, или из прихоти загоняет ее насмерть, или не кормит и не поит, как следует, своего верного друга и товарища, может быть назван злым и неблагодарным человеком».

Я остановился на статье о лошади, потому что остальные рассказы о животных составлены по тому же образцу, по б. ч. даже короче этой статьи, которая таким образом дает понятие о значительной части разбираемого I тома труда г. Ушинского.

Статья о корове начинается опять грубым внушением, что и это животное создано для человека.

Корова, говорит автор, «не имеет лошадиной красоты, быстроты и легкости, да корове этого и не нужно, потому что она *создана не для езды*».

Это напоминает одну детскую книжечку, переделанную на русский язык с немецкого. В ней все представлено в разговорах. Дитя разговаривает с волом и называет его глупым. Вол отвечает ему перечислением своих полезных для человека качеств, прибавляя под конец: когда меня убьют, то и тогда я полезен бываю: кожу и мясо тебе же доставляю.

О рогах коровы автор говорит, что они пустые или полые, без дальнейшего объяснения. Этим вводится недоразумение, неоконченность понятия, ибо у так называемых полорогих (Cavicornia) рог состоит из костяного выростка лобной кости, покрытого сверху роговом чехлом; это следовало пояснить.

Не останавливаясь на следующих статьях о животных, замечу однако, что статья об одногорбом верблюде весьма неудовлетворительна по своей краткости и по смешению в ней одногорбого с двугорбым верблюдом.

Более занимательная статья о северном олене грешит недостаточностью и неточностью объяснения строения и периодического вырастания рогов. В этой статье автор, между прочим, говорит, что олени питаются листьями вайды. Это ясно показывает, что г. Ушинский уже чересчур близко держался немецкого подлинника, которому он следовал. В странах, где водится олень, вайды (Isatis tinctoria L.) нет. Это красильное растение не выспевает даже в Москве. Автор, очевидно, перенес немецкое Waida (произнося это слово по-саксонски) на русский язык; Waide, т. е. ива, лоза, ветка, тальник, растет далеко на севере, где прекращается всякая древесная и кустарная растительность. Олени действительно питаются северными породами ивы, а об этом-то именно г. Ушинский не говорит.

Статья о свинье отличается такою грубою утилитарностью, что производит самое неприятное впечатление. Можно подумать, что статью эту составлял какой-нибудь колбасник, находившийся во время этого писания в восторженном состоянии от выгод, доставленных ему его свиньями. Вот как начинается статья: «Свинья очень некрасива с виду, любит валяться в грязи, ленива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива в пище; вот почему самое

имя свиньи звучит как-то неприятно. Но что для человека порок, то для животного может быть достоинством: прожорливость, неразборчивость в пище, леность необходимы свинье для того, чтобы, пожирая всякую, ни к чему уже не годную пищу, перерабатывать ее на вкусное мясо и отличное сало. Питаясь полусгнившими листьями капусты, испортившимся картофелем, помоями, желудями, травою, корнями растений, падалью, словом, всякого рода растительною и животною пищею, она быстро растет, толстеет, покрывается большим слоем жира. Содержание ее обходится недорого, ухода большого она также не требует, а между тем вся ее толстая туша идет на пользу человеку. Вкусное мясо ее едят вареным, жареным, соленым, копченым; сало, с которого не снимают даже кожи, тоже употребляется в пищу: даже внутренность и кровь и то не пропадают даром, из них приготовляют колбасы и сосиски...»

Не говоря уже о тривиальности всех этих толков, замечу опять нелепость, в которую тут впадает автор. Неужели же для свиньи полезно превращаться в ветчину и колбасу?».

Сказанное до сих пор достаточно характеризует большую часть статей г. Ушинского о животных, теперь обращаюсь к его рассказам о растениях.

Рассказы эти опять заключают в себе неточности и ошибки.

Первая статья содержит описание яблони. Тут ребенок должен познакомиться с разными частями дерева и, без сомнения, проверить прочитанное на деле, — это весьма возможно и весьма полезно.

Листья, спадая, уступают свое место, говорит автор, почкам. Это неверно, ибо почки появляются гораздо прежде спадения листьев. Они появляются вместе с листьями и вовсе не на тех местах, где были листья, а только в углах листьев.

Далее говорится, что почки завернуты в кожицу, тогда как они прикрыты кожистыми чешуйками, и чешуйки эти не разрываются, как говорит автор, а раздвигаются и отваливаются. Зеленую внутреннюю кору он называет лубом. Такие неверности затруднят потом и ребенка и учителя естествознания.

Во второй статье — «Цвет и плод яблони» еще больше промахов.

Во-первых, цветы названы почему-то существами, и говорится, что они появляются на яблони прежде листьев, тогда как они на ней являются вместе с листьями.

Далее г. Ушинский нашел где-то у яблони особый плодничок, скрытый вглуби цветка, в самой зеленой чашечке, а между тем, у яблони завязь (или плодник, хотя автор и различает эти два выражения), как говорят ботаники, нижняя, т. е. самый черенок цветка наверху вздут и содержит в себе яички, превращающиеся потом в семена. Потом сказано, что в семенах у яблони много частей, из которых главная есть крошечный зародыш, тогда как все семя яблони состоит из семенной кожуры и сравнительно

большого зародыша, ибо у яблони в семени белка нет. Наконец, образование плода описано совершенно превратно. Итак, статья о цветах и плодах яблони вся наполнена ошибками.

В статье о вишне также весьма много ошибок, и все это очень жалко потому, что тут изложение лучше, чем в статьях о животных.

Вообще изложение ботанических статей у г. Ушинского хорошо, часто занимательно, но в каждой почти есть неточности или ошибки.

Отдел V в книге г. Ушинского посвящен телам неорганическим, но тут, кроме описания минералов, помещена техническая часть, до некоторых из них касающаяся, и метеорологические понятия. Отдел этот поэтому слишком короток. Ошибок или значительных неточностей тут нет, только изложение чересчур трудно, особенно там, где объясняются метеоры.

Этим заканчивается естественно-историческая часть I тома разбираемого сочинения. К нему приложены три таблицы, из которых первые две изрядны, но на третьей некоторые предметы представлены чересчур плохо: вишневый цветок, например, совершенно негоден.

Второй том содержит уже гораздо меньше статей по естественной истории. Так как он назначен для более взрослых детей, то составление его не представляло таких трудностей и автор был менее стеснен при изложении; посмотрим же, какую он принял форму рассказа.

Большая часть статей второго тома рассказана так же, как и статьи первого тома: ясно, хотя не без трудностей в изложении. Неточностей или ошибок тут мало, хотя не без них.

Другие, впрочем немногие, статьи, рассказаны на совершенно особый лад, которому образцы попадаются и в первой части, напр., в статье о лягушках. В них введена иносказательность, фактический элемент. Вообще они весьма удачны. Вполне изложена на этот лад одна только статья «Ручей». Тут каждая капля воды рассказывает свою историю, и действительно рассказы капель весьма привлекательны, весьма поучительны, но не знаю, поймут ли дети, т. е. большинство их, поэтическую, чисто германскую, прелесть этого изложения.

Во всяком случае автор хорошо сделал, что поместил таких статей весьма немного, ибо точности в них, без сомнения, нельзя искать.

Статьи, составляющие заключение естественно-исторического отдела, сухи и поверхностны.

В статье, назначенной для сравнения животного с растением, в первом же параграфе говорится, что животные и растения растут, т. е. из маленьких делаются большими. Какое жалкое понятие о возрастании органических существ! Поэтому взбиваемый белок есть также растение или животное, кристалл соли, делающийся из маленького большим в насыщенном растворе соли, есть так же организм.

Далее, сок растений ставится в параллель с кровью животных и движение соков растения с кровообращением.

Несравненно любопытнее и поучительнее было бы рассказать о сходстве низших существ двух органических царств природы и показать потом, как они расходятся от одного пункта в разные стороны.

В уроках логики мы находим также несколько примеров, взятых из той или другой отрасли естествознания.

Этот отдел собственно не подлежит моему рассмотрению, но не могу оставить его без всякого внимания, так как он заключает в себе выводы, основанные на данных, предложенных статьями первых двух частей.

Первая статейка «Роза и гвоздика» составлена как будто человеком, не читавшим ни одной из первых ботанических статей. Признаки для сравнения взяты или самые общие, или изменчивые и непостоянные: запах, цвет.

Во второй статье, где сравнивают классную доску с грифельною, опять то же. Одна стоит посреди класса на ножках, другая лежит перед учеником и т. п.

Неужели для этого надо было рассказывать в одной из предыдущих статей о происхождении грифельного шифера?

Из всего сказанного видно, что книга г. Ушинского для удовлетворения требований конкурса по отношению к естествознанию должна быть внимательно пересмотрена; многочисленные ошибки и неточности ее должны быть исправлены, изложение облегчено. В настоящем виде она не может считаться *вполне* удовлетворительною, хотя и может быть употребляема с пользою, под руководством знающего и внимательного учителя.

в) Отзыв А. Д. Галахова о книге г. Ушинского «Детский мир» и «Хрестоматия», изд. 6-е *

В заседании Ученого комитета 24 июня 1863 г. я высказал мое мнение о сборнике г. Ушинского, как о книге для чтения, представленной им на конкурс. Тогда она была рассматриваема мною с точки зрения требований, поставленных объявлением конкурса. Непременное требование заключалось в том, чтобы «обе части книги, различаясь по изложению и отчасти по содержанию, имели одну и ту же ближайшую цель: а) развитие в детях любознательности и здравых понятий посредством сообщения им полезных сведений, преимущественно о внешней природе, ее силах, явлениях и произведениях, б) возбуждение и укрепление нравственных убеждений, стремления к добру и правде и чувств долга и чести посредством приличных наставлений и рассказов как вымышленных, так и исторических и посредством биографических очерков важнейших исторических деятелей». Сборник

* ЦГИАЛ, ф. 734, Ученый комитет МНПр, оп. 1, д. 7, Журналы заседаний, 1867, стр. 680—694.

г. Ушинского заслужил благоприятный отзыв как такой труд, который и внешним составом и содержанием отвечал требованиям конкурса гораздо лучше, чем другие сборники, представленные на тот же конкурс.

В настоящее время, при новом обсуждении учебных руководств и пособий по русскому языку, предстоит обязанность рассматривать их с тою целью, чтобы определить, удовлетворяют ли они потребностям преподавания этого предмета, служит ли книга для чтения или хрестоматия действительным, надлежащим материалом при его изучении. Необходимо удержать и отстаивать эту точку зрения ради твердой, положительной постановки и успешного хода занятий отечественным языком в гимназиях. Эти занятия, как известно, приняли несвойственное им направление, так что некоторое время господствовало в них своего рода «смутное время»; чтобы рассеять смуту, следует отнять у преподавателя всякий предлог выходить из своей колеи и бросаться в чужие владения. Одним из таких предлогов может служить книга для чтения или хрестоматия своим нецелесообразным содержанием.

По основной идее и содержанию книга Ушинского одного рода с книгою г. Разина «Мир божий». Обе они — энциклопедические сборники, имеющие целью развить мыслительную способность учащегося на сообщении ему сведений о природе, истории, географии и других предметах, чтобы таким образом формальное образование соединить с изучением разнообразного научного материала. Оба они смотрят на произведения литературы, как на дело второстепенное, подчиненное, долженствующее служить дополнением к энциклопедии, а не предметом самостоятельных занятий, с тою лишь разницей, что г. Разин рассеял литературные статьи по разным местам текста, а г. Ушинский, соединив их в особый отдел, отнес на конец главного текста, под названием хрестоматии. Здесь нет существенной перемены; это — простое перемещение того же материала, который обоими составителями рассматривается с одинаковой точки зрения. Самое заглавие книги: «*Детский мир и Хрестоматия*» заставляет предполагать одно из двух: или г. Ушинский ставит хрестоматию, т. е. сборник литературных произведений, вне «Детского мира», или он видит в ней не что другое, как служебное приложение к тому, что составляет «Детский мир». Первого предположения допустить невозможно, так как г. Ушинский, конечно, знает, что в области литературы многое доступно пониманию и чувству детей и, следовательно, достойно входит в детский мир. Остается поэтому принять второе предположение, справедливость которого подтверждается указаниями самого автора: в первой части своего труда, на стр. 24-й, объясняя, что такое человеческий организм, он замечает в выноске: *смотри в хрестоматии басню «Органы человеческого тела»*, а говоря о том, как тяжело жить человеку, лишенному хотя одного из важных органов, он делает другую выноску: *см. в хрестоматии басню «Богатство»*. Значит, обе

басни служат прибавкою к элементарным сведениям о человеческом организме. Короче, «Хрестоматия» есть своего рода спутник главного отдела книги, долженствующий оживлять, дополнять и, так сказать, запечатлевать в памяти ученика статьи «Детского мира».

В «Божием мире» г. Разина отдел естествознания преобладает над остальным содержанием книги. Тому же отделу отдал предпочтение и сборник г. Ушинского: статьи о природе занимают в нем больше места сравнительно с статьями по русской истории и географии, отдельно взятыми. На заглавной странице «Детский мир» назван «книгою для классного чтения, приспособленною к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с *предметами природы*». Нет сомнения, что просторнейшее место отведено натуральной истории по известным соображениям автора, может быть, по особенной важности этой науки в кругу знаний вообще и в кругу начального обучения в частности, или, вернее, по особенному удобству приспособлять ее к умственным упражнениям. Не касаясь этих соображений, мы должны решить вопрос: на какое употребление в гимназическом курсе могут рассчитывать сборники, подобные сборникам г. г. Ушинского и Разина?

Не думаю, чтобы преподаватели тех предметов, именами которых озаглавлены отделы «Детского мира», обратились к книге г. Ушинского, как к пособию, как бы искусно ни была она составлена. Для изучения естественной истории, истории русской и географии в наших гимназиях нужны не энциклопедии, т. е. не сборники статей, располагаемых по известным требованиям, а самостоятельные учебники, излагающие науку в системе. Если таковые учебники существуют в нашей литературе и с пользою употребляются на деле, то в других не предстоит надобности. Если же нет, то надобно их составить. Остается один только предмет, который, по нижеизлагаемым причинам, способен впускать и действительно впускает в свою область посторонние, чуждые ему элементы; остаются одни только преподаватели, которые но тем же причинам отказываются от своей специальности и готовы заниматься несвойственными им уроками: этот предмет — отечественный язык, эти преподаватели — учителя отечественной грамматики. Слова, выставленные на заглавном листе книги г. Ушинского: *допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и уездных училищах*, означают, что она допущена к употреблению в классах русского языка.

Таким образом, учитель русского языка обращается в руководителя при чтении энциклопедии, приспособленной к умственным упражнениям и знакомству с природой. Но разве это его обязанность? Он, действительно, обязан развивать ум учащихся, но только па обучении своему предмету, т. е. языку, а не на знакомстве с природой, которая ему, по его предварительному образованию, может быть вовсе неизвестна или известна очень мало. Точно так же должны поступать и все другие преподаватели: у

каждого из них находится в руках отличное средство для развития юного ума, а именно — преподавание той науки, которая ему вверена. Грамматика родного языка, сама по себе, дает большой материал так называемым умственным упражнениям. Язык есть выражение мысли. Изучая язык, дети изучают и мысль, ибо в грамматических формах выражаются формы понятий, суждений и умозаключений. Короче: грамматика готовит к логике. Вот почему странно на уроках преподавателя русского языка слышать от него самого или от учеников его разделение хищных животных на семейства (ч. 2, стр. 3), описание устройства зубов у зайца (ч. 1, стр. 66) и т. п.

Перестановка занятий, в силу которой преподаватель русского языка мог, например, рассуждать с учениками о животных, растениях и камнях, ведет свое начало, как объяснил г. Буслаев в своем сочинении «*О преподавании отечественного языка*», от двух причин: во-первых, от неопределенного понятия учителей языка о предмете своего преподавания, во-вторых, от желания заменить чем-нибудь старинную методу изучения грамматики, состоявшего в бессознательном затверживании правил и исключений. Думая восполнить пустоту своих уроков, учителя отечественного языка хватились за умственные упражнения и за обогащение детской памяти энциклопедическими знаниями. Увлечение в сторону от собственного предмета простерли они до такой степени, что даже те из них, которые и не забывали своего дела, т. е. отечественного языка, давали в своих уроках слишком большой простор и значение так называемому «вещественному разбору». Вместо того, чтобы объяснять неизвестные предметы и понятия настолько, насколько это нужно для понимания статьи, они пускались в подробности и мелочи, которыми заслонялось самое для них важное и существенное — язык. «Глава из священной истории или одна басня Крылова» (говорит г. Буслаев) — и ученику и учителю предложат материала для умственного упражнения гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного. В энциклопедии сведений, конечно, есть много занимательного и наставительного для детей, но для чего же браться за нее учителю отечественного языка? Если бы детская энциклопедия была замечательна своим слогом, остроумием, глубокомыслием, если бы она по достоинству была не ниже естественной истории Бюффона или басен Крылова, то учитель языка мог бы взять ее в руководство при чтении и грамматическом разборе. Но где подобные книги? В школе дети должны читать и заучивать только то, что имело бы для них цену и тогда, когда они вырастут. Басни Крылова учат наизусть малые дети, ими же зачитываются и взрослые. Пусть же учитель отечественного языка даст в руки своим юным питомцам такую книгу, чтение которой оставит в их душе следы на всю жизнь. Мысли классического писателя плодотворным семенем лягут в нежной душе их, сначала еще не развитые. Конечно, дети не все поймут в этих мыслях, ибо и взрослые различно понимают писателя — одни более, другие менее, но довольно уже и того,

что они узнают их хотя с внешней стороны, запечатлев их своим детским сознанием».

Г. Буслаев вооружался против умственных упражнений и энциклопедического обучения в то время, когда было в моде возлагать то и другое на учителя отечественного языка. Он и тогда, за 20 лет до нашего времени, чувствовал, что положительным неудобством отзовется на преподавании этого языка наглядное энциклопедическое учение, заместившее собою уроки грамматические. Но умный голос его, видно, был гласом вопиющего в пустыне. Предчувствие его оправдалось плохими успехами гимназистов по русскому языку. Явились новые энциклопедические сборники и получили быстрый ход, в ущерб грамматическому знанию, особенно орфографии. Нужно было вновь поднимать голоса против вопиющих злоупотреблений. И действительно, при составлении программы по русскому языку и словесности для желающих поступить в Московский университет, некоторые члены Комиссии, под председательством Буслаева, заявили отзывы об энциклопедических сборниках. Вот что говорит по этому поводу Гедике, преподаватель русского языка во 2-й Московской гимназии:

«Некоторые педагоги, например, г.г. Ушинский и Разин, полагают, что одним из важнейших условий статей, служащих материалом для чтения и рассказа, должно быть сообщение учащимся полезных сведений, особенно из отечественной истории. Но эти сведения передаются ученикам гимназий учителями — специалистами и, разумеется, не в пример основательнее, чем могут делать учителя русского языка. Притом каждый предмет имеет свою специальность. Цель, с которою преподается русский язык в гимназии, есть уменье владеть им устно и письменно, уменье понимать произведения русской словесности, и начало этим знаниям должно быть положено еще в низших классах. Стало быть, преподаватель русского языка в низших классах должен подготовить своих учеников к пониманию поэтических и прозаических изящных произведений, к правильному употреблению русского языка изустно и на письме; но для этого сведения из естественной истории нисколько не нужны, а необходимо знакомство с изящными произведениями русской словесности». Адъюнкт-профессор г. Тихонравов выразился короче, но еще определеннее: «Для чтения в низших классах не *признаются полезными* статьи естественно-исторического содержания, которыми в последнее время стали наполняться русские хрестоматии для детей (например: «Мир божий» Разина, «Детский мир» Ушинского, и последнее издание «Практической русской грамматики» Перевлесского)».

Как облегчающее обстоятельство, можно привести в пользу книги г. Ушинского, что статьи естественно-исторического содержания, назначенные *для наглядного знакомства с природой*, в то же время способны служить и материалом для упражнений в языке, например, для устного рассказа и письменного изложения их содержания. С этим, конечно, нельзя не согласиться, хотя, с

другой стороны, следует противопоставить этому обстоятельству следующие две заметки: во-первых, энциклопедический сборник представляет учителям русского языка легкую возможность злоупотреблять им, т. е. смотреть на него не более, как на руководство к сообщению учащимся сведений о разных предметах; во-вторых, материал, нужный для практических занятий в языке, сообщается другими преподавателями лучше, нежели сборником; преподаватель языка берет его как уже готовый, предварительно данный законоучителем, учителем истории, учителем географии и пр.; не его дело исполнять чужие обязанности.

Независимо от точки зрения, которою я руководствовался при моем разборе, книга г. Ушинского составлена с знанием дела и с педагогическим тактом: содержание ее занимательно и разнообразно, изложено хорошим языком, не представляет погрешностей против науки и отличается нравственно-христианским направлением. Исключить ее из списка было бы несправедливо. Потому я предлагаю удержать ее в числе пособий, с следующим условием или оговоркой: «преподаватели русского могут употреблять ее на своих уроках только не с тою целью, какая означена на заглавном листе книги, т. е. не для наглядного знакомства с природой, а единственно для упражнений в русском языке, почему, оставив в стороне отдел естествознания, пользоваться статьями, помещенными в других отделах».

К V И VI ТОМАМ

Дополнительные материалы к «Детскому миру» и «Родному слову»*

а) «Детский мир» и «Родное слово» **

Для них следует поместить два рассказа:

1) Как мальчик, не умевший плавать, купался и стал тонуть, как его вытащили, и он дал себе клятву: «не входить в воду до тех пор, пока не выучится плавать». Все засмеялись... отчего?

---

* Непрерывно переиздавая свои учебные книги в соответствии с запросами школы и родителей, Ушинский в то же время продолжал собирать и накоплять дополнительные материалы для этих книг, имея в перспективе задачу новой, более совершенной их переработки. Уже работая над «Педагогической антропологией», Ушинский непроизвольно продолжал думать над содержанием и формой изданных им учебных книг. Несколько таких дополнительных заметок Ушинского, записанных им в качестве материала, который может быть использован при очередной переработке его учебных книг, и приводится ниже.

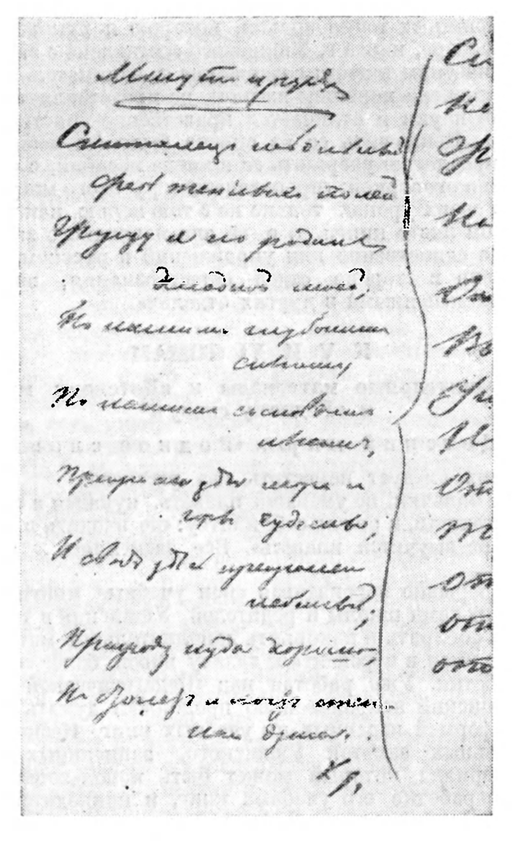
** Эта заметка сделана Ушинским во время собирания материалов для «Педагогической антропологии», т. III, почему и включена была А. Н. Острогорским в его издание материалов для III тома «Антропологии», гл. VI, № 36.

2) Рассказ *Бонштетена*, помещенный у Бенеке (Erz. und Unter. Erst. T., § 75, S. 317, примечание), — как он излечился от трусости.

3) Можно взять несколько очень недурных рассказов из *автобиографий* Шерра в его педагогике. Их можно переделать на рассказы хуторянина.

4) Из Руссо: *о собственности* (дело с огородником).

5) Из Дарвина: почему от недостатка кошек перевелся клевер

Стихотворение, записанное К. Д. Ушинским в одной из черновых его тетрадей во время скитания за границей

6) Из «Иоанна Грозного» Толстого.
7) Из «Шутники» Островского.
8) Из «Дмитрия» Островского.

б) Минута грусти *

Скиталец невольный средь теплых полей,
Грущу я по родине хладной моей:
По нашим глубоким снегам,
По нашим сосновым лесам.
Прекрасно здесь море и горы чудесны,
И свет здесь прекрасен небесный,
Природа ж куда хороша!
Но стонет и ноет степная душа!

К. У.

в) Дуб и полевая мышь (басня) **

Веселая полевая мышка, подбирая у самого корня старого дуба зернышко пшеницы, занесенное откуда-то ветром, спросила у могучего дерева: «Зачем ты смотришь так угрюмо и о чем так печально стонет твоя вершина? Ты так высок, красив, крепок, так далеко видишь, подымаясь своей вершиной над целым лесом, что на твоем месте я, кажется, была бы очень счастлива».

Дуб с высоты своей случайно услышал дерзкий писк мышки и даже удостоил ее ответа:

«Ты ошибаешься, малютка! Тебе в твоей пыли лучше. Правда, тебя не видно от земли; но зато ни буря тебя не хватает, ни гроза не замечает и не жжет солнечный луч. Несется ли вихорь, ты приляжешь за первую кочку, и он пролетит над тобой, не задев тебя своим всесокрушающим крылом; жжет ли солнце невыносимо, каждая былинка дает тебе тень; грохочет ли в небе сверкающая гроза, — ты в норку и ничего не видишь и не слышишь. Не такова моя участь. Грудь моя открыта всем ветрам, вершина — всем грозам. На меня на первого налетает каждая буря: ломает мои сучья, листья рвет; на меня на первого замахивается каждая

---

* Это стихотворение Ушинского, возможно, предназначалось им для какой-либо из книжек «Родного слова», хотя ни в одну из этих книжек не вошло, как, впрочем, и многие другие стихотворения и рассказы, первоначально планировавшиеся Ушинским в качестве материала для этой книги («Пушкинский дом», ф. 316, № 10, л. 65, Материалы для «Родного слова», тетр. 12).

** Басня определенно предназначалась Ушинским как возможный материал для «Детского мира» и написана в момент напряженной работы над вторым томом «Педагогической антропологии» («Пушкинский дом», ф. 316, № 21— О душевных стремлениях).

молния. Правда, несмотря ни на бури, ни на грозу, я успел-таки пустить глубокие корни в землю... Но кто знает? Может быть, завтра же налетит вихорь и сломит мою железную силу, накопленную веками. Не мало уже моих сверстников и друзей, таких же могучих дубов, как и я, повырвало с корнем. Кто знает? Может быть, вон из той черной тучи, которую я уже вижу на краю неба, но где ее еще никто не видит, сегодня же вылетит роковая молния и, привлеченная моей многолистной вершиной, расколет меня сверху донизу... Много видел я на своем долгом веку, оглядывал с высоты и горы, и долы, много я знаю, много предвижу, чего не знают и не предвидят другие! Вот почему так печально скрипят мои дети— сучья; вот почему печально шумят мои бесчисленные внуки — крепкие ветви!»

Задумалась веселая мышка от слов могучего дуба, не завидуя ему более, и потащила сытные зернышки в свою уютную норку.

К. У.

II. ИНОСТРАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ТЕКСТЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В I—XI ТОМАХ, В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

Том I

Стр. 179. а) Любовь к деньгам вырастает в той мере, как растет само богатство.

— б) без которого нет.

Стр. 221. Позволяйте делать и итти, что и куда кто хочет (известная формула, в которой выражается основной принцип

* Иностранные слова и выражения в сочинениях К. Д. Ушинского употребляются: а) в скобках, как пояснение того или другого термина, уже переведенного им на русский язык; б) если дело идет о целом предложении, то оно сплошь и рядом тут же в тексте переводится на русский язык; в) сложные предложения, употребленные в тексте, в сноске даются иногда в переводе. Кроме того, в некоторых случаях, как, например, на стр. 469—487, в I томе Ушинский полемизирует с авторами, неправильно использующими иностранный текст, — в таком случае читателю, конечно, нужно самому знать язык того произведения, о котором идет речь. Только в сравнительно немногих случаях Ушинский приводит иностранные тексты, оставляя их без перевода. Но особенно много их в тех черновых рукописях, которые Ушинский писал для себя, и в таком виде, конечно, не предназначал их для печати. Часть этих рукописей опубликована в X—XI тт. Чтобы не оставлять в затруднении читателя, который остановился бы перед смыслом того или иного иностранного текста, ниже дается перевод их с указанием тома и страниц, на которых имеется ино-

экономической школы, отрицающей всякое вмешательство государства в экономические отношения).

Стр. 284. Извините меня, любезные господа!

Том II

Стр. 15. Официально, по обязанности.

Стр. 52. На право преподавания, на право получения должности, на право дальнейшего продвижения.

Стр. 56. Удостоверение о правоспособности.

Стр. 114. Если она не отдается злу, она во всяком случае знает о нем; она имеет склонности более чистые, чем непорочный дух.

Стр. 138. Ибо это невозможно и невероятно.

Стр. 157. Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же.

Стр. 350. Любовь к деньгам вырастает в той мере, как растет само богатство.

Стр . 407. Еще точнее: след есть то, что лежит между первым образом и последующим его воспроизведением в душе.

Стр. 554. а) Обучение языку есть нечто высшее, чем изучение языков. И вся та слава, которая достается древним языкам, как образовательному средству, вдвойне принадлежит языку материнскому, который правильнее было бы назвать матерью языков.

б) Дитя пяти лет понимает слова: однако, хотя, только, напротив, конечно; но попытайтесь когда-либо дать их разъяснение не ребенку, но отцу! В одном только слове «хотя» уже скрыт маленький философ.

в) Говорить ли мне по-французски, на чужом языке, в котором всегда чувствуешь себя глупым и можешь приспосабливаться без конца, так как всегда возможно выразить только общее, только самые грубые черты?

г) Я люблю, чтобы русский был русским и англичанин англичанином: и если в Пруссии нужно быть пруссаками, то во Франции будьте французами.

Том III

Стр. 128. Действие, требующее значительных усилий.

Стр. 162. Куку, куку, куку, куку! Кто это шумит в зеленых кустах? Кто это перекликается среди кустарников и древесных ветвей! Это насмешливо передразнивает нас хор спрятавшихся птичек. Куку, куку, куку! Вы, верно, очень некрасивы, если не позволяете взглянуть на вас! — Однакоже без конца и без меры раздается все тот же крик: куку! а мы прекрасны!

Стр. 333. Выражение, соответствующее пословице: Гони природу в дверь, она влетит в окно.

Стр. 372. Ткань темна, болезни темнее, функции — самые темные.

странный текст. Если на странице два и более текстов, они обозначаются буквами а), б), в). Заглавия книг не переводятся.

Том V

Стр. 393. И всякие другие (= и прочие).
Стр. 405. а) не хорошо (= плохо).
б) знает.

Том IX

Стр. 237. Уже по самому существу своему природа нашего тела представляется воплощением великого разума, который наше лицо и остальную фигуру, поскольку они имеют достойную уважения наружность, поставил на виду, а части тела, нужные для надобностей природы и имеющие вид искаженный и безобразный, он соединил и скрыл. Человеческая стыдливость подражает столь старательному устройству этой природы. Поэтому то, что природа утаила, все, находящиеся в здравом уме, удаляют от глаз и в силу необходимости прилагают старание, чтобы оно осуществлялось только в самом скрытом виде. И если при этом необходимо употребление частей тела, то ни самые части, ни их употребление они не называют своими именами: делать это скрытым образом не постыдно, говорить же об этом безнравственно. Таким образом, ни открытое совершение этих дел, ни безнравственность речей о них не свободны от неприличия. Поэтому не следует слушать ни циников, ни бывших стоиков, почти циников, которые порицают и высмеивают нас за то, что то, что на деле не постыдно, мы считаем постыдным на словах. Мы называем своими словами то, что постыдно. Разбойничать, обманывать, прелюбодействовать на деле постыдно, но говорить об этом не безнравственно. Заботиться о детях на деле почетно, на словах же безнравственно. И многое в этом смысле вопреки стыдливости ими обсуждается. Но мы следуем натуре и от всего, что противоречит одобрению нашего зрения и слуха, удаляемся. Поза, походка, сидение, лежание, выражение лица, глаз, движение рук — во всем должно выдерживать приличие.

Том X

Стр. 112. В одном только слове «хотя» уже скрыт маленький философ.

Стр. 137. Вы спросите меня, произвольны ли движения животных, и я отвечу: не знаю, но аналогия говорит в пользу произвольности их. Вы спросите далее, почему я знаю, что есть движения произвольные, я отвечу, что знаю это, потому что сознаю. Было бы бесполезно рассуждением опровергать это сознание: оно сильнее всякой очевидности; это было бы все равно, что доказывать мне, что я не существую.

Стр. 138. а) Самое худшее мучение при нравственном падении — это чувствовать, что мог бы бороться.

б) Я познаю волю только чувством своей воли и рассуждение мне отнюдь не более понятно.

в) Нет истинной воли без свободы.

Стр. 204. Еще рано все в психологии объяснять.

Стр. 206. Если бы мне сказали, что типографский шрифт, брошенный наудачу, сложился в Энеиду, я не сделал бы шага, чтобы проверить эту ложь.

Стр. 222. Нет ничего в разуме... и т. д.

Стр. 248. Из ничего ничего не бывает.

Стр. 250. Индукция через простое перечисление, в котором не встречается противоречащих инстанций.

Стр. 261. Этого я не знаю.

Стр. 287. Изучение философской этики стоит и теперь так же, как и в то время, когда обновленный статут университета в Грайфсвальде категорически предписывал толкование никомаховской этики, так как во всей этой части философии едва ли что-либо имеется более совершенное и превосходное. Эта оценка с 1545 г. сохраняет свое значение и поныне.

Стр. 298. Итак.

Стр. 301. Существенно.

Стр. 309. Что это значит итти насмерть в своем интересе?

Стр. 310. а) Знать добро еще не значит любить его: человек не обладает врожденным познанием его, но когда разум даст ему познание добра, совесть даст любовь к нему, — и вот это-то чувство и врождено.

— б) Благодаря небу, мы избавлены от этого страшного аппарата философии; мы можем быть людьми, не будучи учеными; мы освобождены от необходимости посвятить свою жизнь изучению морали.

Стр. 325. Хорошо регулированная свобода.

Стр. 326. а) Впрочем, избегайте сравнений с другими детьми, — не нужно соперников, не надо конкурентов; по моему мнению, во сто раз лучше не научиться вовсе, чем учиться из одной зависти или тщеславия.

— б) Эти сравнения никогда не обходятся без некоторой доли ненависти к тем, которые оспаривают у нас преимущество — даже только по нашей собственной оценке.

Стр. 349. Железная необходимость, которая ни с чем не считается, и абсолютная свобода, ничем не сдерживаемая, — одинаково вредные заблуждения.

Стр. 360. а) С тех пор как народы заставили говорить бога, каждый заставлял его говорить по-своему и то, что им было желательно услышать. Еслиб люди слышали только то, что бог говорил их сердцу, то на земле существовала бы лишь одна религия.

— б) Пусть мне кричат: заставь молчать твой разум; так говорить может только тот, кто обманывает меня: мне нужны доводы, чтобы мой разум замолчал.

Стр. 362. Евангелие содержит черты истины столь великие, столь поразительные, что если бы оно было сочинено, сочинитель был бы удивительнее героя.

Стр. 402. Так как все, проникающее в человеческий разум, идет туда путем чувства, то первая стадия в развитии разума —

это разумение чувственное; оно служит и основанием для разумения умственного: первые наши учителя философии — это наши ноги, руки, глаза. Заменить все это книгами не значит учить нас рассуждать; это значит учить нас пользоваться чужим разумом, учить нас много верить и никогда ничего не знать.

Стр. 415. а) Мы знаем столько, сколько удерживаем в памяти.

— б) Сколько знаем, столько и удерживаем в памяти.

— в) Знать сердцем еще не значит знать.

Стр. 416. Внешнее (механическое) заучивание и внутреннее (разумное) учение.

Стр. 451. Вещей! вещей! Я никогда не перестану повторять, что мы придаем слишком много значения словам: с нашим болтливым воспитанием мы и делаем только болтунов.

Стр. 492. Я — нет. Правильная помощь — помогай себе сам!

Стр. 577. Какой нужен странный склад ума, чтобы учить стольким бесполезным вещам, а искусство действовать считать за ничто!

Стр. 595. Первое чувство справедливости порождается в нас не той справедливостью, которую мы обязаны делать, но той, которую обязаны другие по отношению к нам, и вот еще одна из нелепиц при обычных способах воспитания: детям прежде всего толкуют об их обязанностях, но никогда не говорят об их правах, т. е. начинают как раз с противоположного, с того, чего они не могут понять и что не может их интересовать.

Стр. 598. Противоположное противоположным (исцеляется).

— б) Право первого захватчика.

Стр. 602. См. перевод цитаты стр. 237, т. IX.

Стр. 603. а) Я всегда видел, что молодые люди, с ранних пор испорченные и преданные женщинам и разврату, были бесчеловечными и жестокими.

— б) Трогайте, пугайте его воображение опасностями, которыми всякий человек непрестанно окружен; пусть он видит вокруг себя все эти пропасти и, слушая, как вы их описываете, прижимается к вам из опасения попасть в них. «Мы сделаем его робким и трусом», скажете вы. Увидим впоследствии; а что касается настоящего, то сделаем его прежде всего гуманным, — вот что особенно важно для нас.

Стр. 604. Дарит яйцо, чтобы иметь быка.

Стр. 605. а) Всякий праздный гражданин — богатый или бедный, сильный или слабый — есть плут.

— б) Честность, честь не являются препятствием к жизни.

— в) Одного случая доказанной лжи учителя перед учеником достаточно для того, чтобы погубить навсегда все плоды воспитания.

Стр. 605—6. Зачем они станут воздерживаться от плача, раз они видят, что плач их пригоден для стольких целей.

Стр. 606. История показывает, как замечает Шиллер, что дикари вступают в человечество, проявляя склонность к внешности, к нарядам, к играм.

Стр. 614. а) Напрасно бездны бесконечного зияют вокруг нас; ребенок не умеет пугаться их; его слабые глаза не могут измерить глубины.

— б) Забвение всякой религии ведет к забвению обязанностей человека.

Стр. 615. а) Если нет божества, то лишь злые рассудительны, добрые же только безумцы.

— б) Нет блаженства более сладкого — как чувствовать себя частью системы, в которой все благо.

Стр. 630. а) Чтение — бич детства и почти единственное занятие, которое умеют дать им. Эмиль в 12 лет едва ли будет знать, что такое книга.

— б) Стоит ли говорить теперь о письме? Нет, мне стыдно заниматься такими пустяками в трактате о воспитании.

Том XI

Стр. 31. На земле ничего не совершается без тебя, божество, ни на эфирном божественном полюсе, ни у Понта, — разве только то, что делают злые по своему собственному недомыслию. Но ты можешь сделать нечетное четным, ты приводишь в порядок беспорядочное и враждебное делаешь дружественным. Ибо ты так соединил все в единое, добро с злом, что во всем есть только один разум (логос), который вечен и которого избегают те, которые злы среди смертных.

Стр. 34. Воспитание преследует цель сделать из человека самостоятельное существо, т. е. существо с свободной волей. Для этого на детей налагают различные ограничения их удовольствия. Они должны научиться послушанию, чтобы их отдельная или собственная воля, а также их зависимость от чувственных желаний и страстей уничтожилась и таким образом эта воля стала свободной.

Стр. 39. а) Существование свободной воли — право. Следовательно, это — вообще свобода, как идея.

— б) Ограничение моей свободы или моего произвола, т. е. возможность, согласно всеобщему закону, противостоять произволу каждого, — это главный момент права.

Стр. 40. в) Вышеприведенное (кантовское) определение права содержит мнение, преимущественно распространившееся со времени Руссо, согласно которому воля должна быть мыслима не как по себе существующее, разумное; дух не как истинный дух, а как особый индивидуум, как воля отдельного человека в его своеобразном произволе, субстанциальная основа и первенствующее начало. Разумное (должно пониматься) поэтому только как ограничение этой свободы и не как имманентно-разумное, а только как внешнее, общераспространенное.

Стр. 41. а) Законченная и непосредственная обособленность.
б) К созданному природой.
в) Собственность, договор — и преступление и бесправие.

III. НЕДОСМОТРЫ И ОШИБКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
		Том I	
42	6 св.	1848	1849
—	14 св.	инославных	духовных дел иностранных
80	17 сн.	образ	обзор
708	5 сн.	IV	IX
712	14 и 19 сн.	«Известия	«Вестник
719	6 сн.	487	657
		Том II	
281	7 сн.	три	два
330	—	Александровская половина	Александровское училище
		Том III	
360	10 сн.	провела... проводить	привела... приводить
677	12 св.	1867	1864
		Том V	
517	6 сн.	573	552
		Том VII	
247	6 св.	явлений	проявлений
341	5 сн.	«Педагогический сборник»	«Педагогический сборник» (1865 г., № 12, сентябрь).
357	—	Абзатц о Марре	Весь этот абзатц, включенный вопреки желанию автора, редакция считает неправильным.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
		Том VIII	
22	1 св.	замечая	изучая
207	7 сн.	привыкшему	не привыкшему
760	17 сн.	1857	1867
		Том X	
49	5 сн.	18 февраля	16 февраля
106	9 сн.	строго общественных	стремлений общественных
207	3 св.	Прежде всего	NB. Прежде всего
169 660	13 св. 1 св	Ботштетен	Бонштетен

Кроме того:

а) в III томе в напечатанном на стр. 660—664 перечне работ Ушинского, не вошедших во 2-й и 3-й тома, должны быть дополнительно указаны следующие две работы Ушинского, в этих томах не напечатанные:

1. Письма о воспитании наследника русского престола (1859 г.).

2. 5 марта 1861 г. (1861 г.)

б) в VI томе на стр. 385 под № 40, в перечне отзывов и рецензий о «Родном слове» должна быть отмечена напечатанная в 1949 г. в «Ученых записках Ленингр. гос. пед. института имени А. И. Герцена» № 85 статья А. Ф. Успенской «Литературно-художественное творчество К. Д. Ушинского для детей младшего и дошкольного возраста». В статье дан редкий по своей обстоятельности, основанный на изучении печатных и архивных материалов «Родного слова» анализ приемов литературного творчества К. Д. Ушинского при создании им такого выдающегося произведения русской учебно-педагогической литературы, каким является «Родное слово».

Приложения

—):(—

ПРИМЕЧАНИЯ

1 (к стр. 45). *О времени написания Ушинским «воспоминаний о Новгородсеверской гимназии».* Как видно из первых строк статьи, последняя была задумана Ушинским как работа о русских университетах. Ушинский предполагал написать эту работу в форме воспоминаний о собственной университетской жизни с тем, чтобы на основании материалов, собранных в воспоминаниях, подойти к решению некоторых вопросов современной университетской жизни, все более начинавшей волновать общество. Непосредственным поводом к написанию воспоминаний было, с одной стороны, незадолго перед этим, в 1855 г., торжественно отмеченное столетие Московского университета, а с другой, широко поднявшиеся толки о необходимости реформы университетов и желание автора высказать собственный взгляд на судьбу учреждений, которые русское правительство организовало, ориентируясь на аналогичные учреждения Запада. Воспоминания относятся, таким образом, к циклу статей, посвященных Ушинским вопросу о народности русской культуры. К сожалению, начатая Ушинским работа осталась незаконченной и содержит в себе только воспоминания об обучении в Новгородсеверской гимназии, да и то не доведенные до конца. Возникает вопрос о том, когда написаны воспоминания? Достаточный материал для решения этого вопроса дают указания, содержащиеся в самой статье. В самом начале статьи Ушинский говорит о том, что «первенец русских университетов, университет Московский, отпраздновал уже свой столетний юбилей», что произошло в 1855 г.; в дальнейшем он уточняет это показание, говоря, что «так же, как и 15 лет тому назад, так и впоследствии, и теперь еще идет университетская жизнь русских студентов». Это значит, что воспоминания писались через 15 лет после университетской жизни Ушинского, обнимавшей четыре года (с 1840 по 1844), т. е. приблизительно между 1855—1859 гг. Как видно из воспоминаний, Ушинский писал их, уже обогащенный опытом работы в Гатчинском и Смольном институтах с их казарменными порядками, причем он рассчитывал опубликовать свои воспоминания с ясным намеком на порядки названных учебных заведений. Вот почему нужно думать, что дату написания воспоминаний нужно отнести ближе к началу 60-х годов, тем более, что к этому времени университетский вопрос делался все более настоятель-

ным и вызывал к себе общий теоретический и практический интерес. Наконец, следует учесть то обстоятельство, что к своим университетским воспоминаниям Ушинский вернулся в несколько иной форме в своей статье о «Педагогических сочинениях Пирогова»: значительная часть этой статьи посвящена именно университетскому вопросу в связи с высказываниями Пирогова в его статье «Взгляд на общий устав наших университетов», появившейся в начале 1861 г. Можно думать поэтому, что с появлением статьи Пирогова у Ушинского созрело намерение высказать свои взгляды на университетский вопрос уже не в форме воспоминаний, начатых незадолго перед этим, а в виде ряда суждений, так или иначе примыкающих к высказываниям Н. И. Пирогова. Вместе с этим у Ушинского естественно отпал, по крайней мере, на время, интерес к продолжению своих воспоминаний. Так как статья Ушинского «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова» написана, как можно думать, в конце 1861 г., то время написания воспоминаний о Новгородсеверской гимназии должно быть отнесено с наибольшей вероятностью к периоду между 1859—1860 гг.

2 (к стр. 137). *К Д Ушинский и кн. В. А. Черкасский.* Письмо Ушинского к кн. В. А. Черкасскому интересно в биографическом отношении уже потому, что это самое раннее, дошедшее до нас письменное произведение, в котором Ушинский говорит сам о себе. Независимо от этого, письмо интересно в том отношении, что дает возможность сопоставить Ушинского с одним из его университетских товарищей. Несомненно, что развитие обоих шло различно, несмотря на то, что оба учились в одном университете и на одном факультете. Поэтому и сближение их, вызванное одинаковым назначением, полученным ими после окончания университета, оказалось только временным и в дальнейшем не получило развития.

В своих «Студенческих воспоминаниях», читанных в кружке однокурсников и товарищей 12.I.1855 г., в день столетнего юбилея Московского университета (см. «Кн. В. А. Черкасский», сборник, М., 1875, стр. VII и сл.), Черкасский писал, что в его время «господствующим направлением в университете было историческое. Русская история в особенности была в то время любимым предметом большинства дельных студентов До сих пор с наслаждением вспоминаю я лекции М. П. Погодина, слушанные мною ex officio и два года добровольно на посторонних курсах». Из других профессоров университета Черкасский особенно выделял Н. И. Крылова и частично Т. Н. Грановского и И. Г. Редкина. Еще на университетской скамье Черкасский выполнил несколько научных работ, посвященных истории русского крестьянства. За одну из этих работ он получил на втором курсе премию. По окончании университета Черкасский поселился в полученном им от матери имении в с. Ивановском (Пригори), Веневского у., Тульской губ., и, намереваясь продолжать научную работу по русской истории, практически заинтересовался проблемой освобождения крестьян и уже очень рано, задолго до начала реформ 60-х годов, стал пи-

сать проекты освобождения крестьян с землей и за умеренный выкуп. На первых порах его проекты носили характер либерализма и вызвали ненависть в отношении к нему со стороны реакционеров. «Крепостной труд, в свое время достаточный,— писал он в одном из своих проектов, — недостаточен для быстро развивающегося общества, и современный ход русской промышленности, не только фабричной, но и земледельческой, настоятельно начинает требовать образования массы свободного труда». Ретроградное большинство тульского дворянства, возмущенное идеями Черкасского, вынесло постановление об исключении его из числа дворян. Участие Черкасского в непропущенном цензурой 2-м томе «Московского сборника» (статья «Юрьев день») привело к запрещению авторам сборника прав печатания своих работ. Когда затем начались работы по подготовке реформ, Черкасский был вызван в качестве члена-эксперта в комитет Н. А. Милютина для составления положения о крестьянах, с ликвидацией же этого комитета был освобожден от участия в работе по освобождению крестьян. В середине 60-х годов Черкасский вел работу по проведению реформ в царстве Польском, а с конца 60-х годов был городским головой г. Москвы. В общем это был довольно видный и влиятельный дворянский деятель середины XIX в., но постепенно и незаметно он превратился в реакционного дворянского дельца, без конца закладывавшего и перезакладывавшего свои и своих родственников имения, постоянно влезавшего в долги и однажды вынужденного занять даже у своего проф. С. П. Шевырева 50 тысяч рублей. Закончил он свою деятельность в период русско-турецкой войны, будучи назначен гражданским губернатором Болгарии.

Совсем иначе складывались обстоятельства жизни К. Д. Ушинского, что обусловлено было прежде всего разницей социального положения обоих кандидатов прав. Черкасский — состоятельный помещик с титулом князя, с юности вращавшийся в высших кругах общества и уже с первого курса встречавший подчеркнуто уважительное отношение к себе со стороны профессоров. Ушинский — бедствующий студент, отец которого располагал только небольшим хуторком и уже не мог содержать в университете не только своего старшего сына Константина, но и оказывать помощь его младшему брату Сергею. Поэтому уже в годы студенчества Ушинский вынужден был жить уроками и заботиться о воспитании своего младшего брата. Социальным положением Черкасского сразу определилась перспектива его будущей деятельности в качестве помещика и общественного деятеля, и этой деятельности он подчиняет свою научную работу. Неопределенность социального положения Ушинского имела следствием то, что в свои студенческие годы он сосредоточен преимущественно в своем внутреннем мире и пытается прежде всего найти самого себя в окружающей его среде, на что-то опереться в самом себе, чтобы чувствовать почву под ногами и уже на этой основе установить свои отношения к другим. Неопределенность социального

положения Ушинского сказывалась неудовлетворенностью в его внутреннем мире, настороженностью в отношении к внешним влияниям и настойчивыми поисками основ внутреннего самоопределения. Выделенный в качестве «отличнейшего кандидата» в распоряжение попечителя округа, Черкасский быстро осознал неудобства, связанные для него с этим назначением. Подав заявление о желании «продолжать курс наук», Черкасский тем самым отказался от почетного назначения. Следствием этого явилось то, что почетное назначение было перенесено на Ушинского. Повидимому, именно о переговорах по этому вопросу с попечителем Черкасский и уведомлял Ушинского в своем письме. Так или иначе, оба кандидата прав начинали второе полугодие 1844 г. мечтами о подготовке к экзамену и написании диссертации. Как выяснилось уже через год, Ушинский не стал держать экзамена, подавленный удручающей массой учебы и формализмом всей работы, и принял предложенное ему попечителем по рекомендации Редкина назначение на должность и. о. профессора в Ярославский лицей. Черкасский, повидимому, был намерен держать экзамен. В его архиве хранится письмо декана юридического факультета Н. И. Крылова от 19.II.1847 г., в котором последний сообщает, что он, декан, «имеет честь известить г. кандидата прав, кн. В. Черкасского, что сего февраля 22 дня в субботу, ровно в 7 часов вечера, в зале университетского правления назначается словесное испытание в Российских государственных законах, к каковому сроку он, декан, просит г. князя Черкасского явиться в факультетское собрание для испытания в вышеозначенном предмете». В другом, частном письме Крылов уведомлял Черкасского, что его экзамен будет произведен вместе с экзаменом Локиера и что с его, декана, стороны «все будет сделано к Вашему удобству». По всем признакам Черкасский экзамена не держал: в отчете Московского университета за 1847/48 г. упомянуто только имя Локиера, державшего экзамен на степень магистра. Понятно, что оба кандидата прав не защищали и диссертаций. Речь Ушинского «О камеральном образовании», изданная в 1848 г., могла бы быть с успехом защищена в качестве диссертации, если бы не его вынужденный уход из лицея, в связи с которым, а частью и в связи с тревожными политическими событиями конца 40-х годов, эта работа, несмотря на свои незаурядные достоинства, была обойдена молчанием в научном мире.

Такова была та объективная обстановка, в которой было написано письмо Ушинского к своему университетскому товарищу, приглашавшему его погостить к себе в деревню. Из письма видно, что, путешествуя летом по Украине, Ушинский три дня прогостил в деревенской усадьбе Редкина, где в то время был и Грановский. Обращает на себя внимание то свободное и не связанное подобострастием или слепым преклонением отношение Ушинского к тому и другому из своих университетских учителей, вопреки общепринятым утверждениям о той идейной зависимости, в какой Ушинский находился, по крайней мере, в свои студенческие годы, от

Редкина. В то же время совершенно ясно, что, в противоположность Черкасскому, который тяготел к Погодину, Ушинский гораздо ближе к Редкину и Грановскому. Нет никаких указаний на какую бы то ни было близость Ушинского к идеям Погодина или Шевырева.

Ясно, таким образом, что, несмотря на одновременное обучение в университете, Ушинский и Черкасский сложились как люди разных темпераментов и разных взглядов. Это различие сказалось, между прочим, и в вопросах народного образования, которым отдавал свое внимание Черкасский, работая в Польше, а затем в Москве. В архиве Черкасского сохранился, между прочим, проект «Устава общества для распространения грамотности и первоначального образования». Возможно, что автором проекта был он сам: литографированный проект написан почерком Черкасского. Деятельность общества, охватившего центральные губернии, видимо, началась еще до утверждения устава общества. В 1868 г., как видно из переписки гр. Уваровой с Н. А. Корфом, общество уже функционировало, причем деятели общества исходили из принципиального расхождения с идеями Ушинского о характере воспитания крестьянских детей. В «Уставе» специально упоминалось «о совершенной неуместности в учебниках для народных школ всякого прибауточного и сказочного тона: с народом следует обращаться честно, искренно и с полным уважением». Это была уже скрытая полемика автора проекта с Ушинским. И когда Н. А. Корф выразил свое восхищение перед «Родным словом» Ушинского и ввел его в школах, гр. Уварова писала ему: «Вы превозносите «Родное слово» Ушинского. Позвольте мне не согласиться с Вами в этом отношении. Книга эта не развивает народ в том направлении, которое, мне кажется, желательно ему дать... Нам нужны учебники, развивающие нашу нравственность, располагающие наших детей к любви к ближнему» и т. д. Ясно, что это уже совершенно иная тенденция, чем та идея развития умственных и нравственных сил ребенка, которая положена в основу учебных книг Ушинского.

Письмом Ушинского к Черкасскому, написанным в ответ на приглашение последнего погостить у него, видимо, и ограничилась вся переписка между ними.

3 (к стр. 193). *К. Д. Ушинский и А. И. Скребицкий.* Письма Ушинского к А. И. Скребицкому отличаются особенной теплотой, искренностью и непосредственностью и говорят об исключительной близости Ушинского к этому адресату. Это естественно вызывает интерес и к последнему. Возможно, что знакомство Ушинского с Скребицким состоялось в Московском университете, где Скребицкий начинал свое юридическое образование и, несмотря на то, что Скребицкий перешел затем на юридической факультет Петербургского университета, а затем в Дерпте оканчивал медицинский факультет по специальности окулиста, их знакомство не было забыто, и, видимо, легко возобновилось во время заграничной командировки Ушинского,

если только оно не поддерживалось и до этого. К сожалению, сохранилось только три письма Ушинского к Скребицкому и только за 1862 г., между тем как в последующие годы и Ушинский и Скребицкий продолжали жить за границей. По своей медицинской специальности Скребицкий издал монографию «Валентин Гайю, первый тифлопедагог в России», а под конец жизни издал капитальный труд «Призрение, воспитание и образование слепых на Западе». Кроме того, он много занимался составлением учебников для обучения слепых. В архиве «Пушкинского дома» (ф. 3620, XX б. 17) сохранилось письмо Н. С. Ушинской от 12.II. 1882 г., в котором она сообщает А. И. Скребицкому: «старших детей моих нет в Киеве, они заграницей и потому формального разрешения не могу Вам прислать, но сама прошу Вас пользоваться всеми статьями, нужными для Вашего издания, из «Родного слова», а также «Детского мира» и желаю Вам полного успеха. Примите от меня 50 руб. для доброго дела». На этом письме надпись Скребицкого: «ответ на просьбу мою, обращенную к вдове моего друга, К. Д. Ушинского, разрешить печатание статей его, составленных мною для слепых рельефом» Это письмо говорит, что и после смерти Ушинского Скребицкий сохранял дружественные к нему чувства. Именно поэтому нельзя не пожалеть, что из переписки двух друзей сохранилось только три письма.

В 60-е годы Скребицкий был занят трудом по предмету своей первой, юридической, специальности. По предложению Гакстгаузена, еще в первой половине XIX в. заинтересовавшегося земельными отношениями в России, при материальной поддержке в. кн. Елены Павловны, Скребицкий принялся за разработку труда «Крестьянское дело в царствование Александра II» Материалы по истории реформы 1861 г. были доставлены Скребицкому Гакстгаузеном, который, в свою очередь, получил их от Я. И. Ростовцева. Труд выходил постепенно томами, начиная с 1862 г.: 1-й том в 1862 г., 2-й в 1865 г., 3-й в 1866 г. и 4-й в двух книгах — в 1868 г., но в продажу все тома поступили одновременно. Слухи о разрабатываемом труде заинтересовали Герцена, и он предлагал Скребицкому воспользоваться женевской типографией для печатания его труда. Скребицкий отвечал на это предложение, что печатание его труда в типографии Герцена только затруднило бы доступ издаваемой книги в Россию, между тем как его цель заключается только в том, чтобы сделать доступной русскому читателю действительную историю того, что принято называть «освобождением» крестьян. «Так как книга моя могла иметь интерес только для России, доселе остающейся в полном неведении на счет того, как и кем была решена судьба крестьян, и толкующей вкривь и вкось о том, как хотело ее решить дворянство, то Вы согласитесь, что я должен был избегать всего, что могло помешать пропуску ее через русскую границу. Жертвуя в интересе раскрытия истины несколькими годами жизни для исключительного и пошлого занятия дворянской философией, развитой нашими столбовыми в их трудах по крестьянскому вопросу, отрываясь от

своей специальности, усовершенствоваться в которой я прибыл в Германию после окончания Дерптского университета, возвращаясь к юридическим занятиям, которые я давно оставил после разных мытарств, испытанных на службе царю и отечеству по окончании юридического факультета в Москве и Петербурге, я не мог усложнить выпуск своей книги в Россию, основанной на материалах, считаемых нашими государственными олухами секретными, еще печатанием ее в Лондоне... К концу настоящего или к началу будущего года весь труд будет окончен, и тогда я не замедлю Вам его доставить. Не полагаю, чтобы чтение его доставило Вам удовольствие, но я надеюсь, что Вы о многом, касающемся крестьянского вопроса, получите тогда более верное понятие и вместе, может быть, пожалеете о человеке, потратившем столько времени на увековечение стольких мерзостей своих соотечественников, между которыми честные деятели составляли меньшинство» (письмо это помечено 11 апреля 1866 г. и опубликовано в сборнике «Звенья», т. II, «Academia», под ред. В. Бонч-Бруевича и А. Луначарского, 1933, стр. 382 и сл.). Труд Скребицкого интересовал Ушинского, и в своих письмах 1862 г. он спрашивает своего друга, как подвигается его работа, не нуждается ли он в материалах, просит прислать ее начало. Таким образом, Ушинский интересовался разработкой крестьянского вопроса, которым был занят Скребицкий, а Скребицкий был заинтересован педагогическими вопросами, которые разрабатывал Ушинский. Приходится поэтому вдвойне жалеть, что сохранилось так мало сведений об их взаимоотношениях.

4 (к стр. 240). *А. Д. Ушинский.* На всем протяжении биографии Ушинского ему сопутствует однофамилец А. Ушинский, довольно часто выступающий в литературе, подчас вмешивающийся в домашнюю жизнь К. Ушинского. Пока значительная часть документов Ушинского не была собрана, личность А. Ушинского оставалась довольно загадочной. В настоящее время, особенно с того момента, как стал известен документ, который заменил собой метрическое свидетельство К. Д. Ушинского, об А. Ушинском совершенно определенно можно говорить как о старшем сыне Д. Г. Ушинского и старшем брате К. Д. Ушинского. В означенном документе прямо сказано, что восприемником при крещении К. Ушинского был старший сын Д. Г. Ушинского, Александр. В 1838 г. отец Ушинского получил другой документ, в котором ему и его детям присваивалось дворянское звание, но в числе его детей перечислены только „законно рожденные дети“ — Константин, Екатерина и Сергей. Старшего сына, Александра, нет. Значит ли это, что его не было в живых? Конечно, нет. Приходится предположить, что Александр был незаконным сыном Д. Г. Ушинского, в силу чего ему и не присвоено дворянское звание. Неизвестно, какое получил он образование и чем он занимался, но за подписью А. Ушинский появился в 50-х и 60-х годах ряд статей и выпущен ряд книг, в которых развивались мысли, во многом родственные идеям К. Д. Ушинского.

За подписью А. Ушинский известны следующие статьи и книги: 1. О путешествиях заграницу и о пристрастии нашем к французскому языку («Северная пчела», 1856, № 176).

2. Современный вопрос о русской мануфактурной промышленности (там же, № 247—249).

3. О значении мануфактурной промышленности в России и об охранной системе с изложением мнений разных писателей в защиту и против учения о свободе международной торговли (СПб., 1858). Книга вызвала оживленную полемику в журнальной литературе 50-х годов.

4. Отзыв на статью Кокорева «Взгляд русского на европейскую торговлю» (СПб., 1858).

5. О народном училище, основанном в память 19.II.1861 г. и 30.VII.1863 г. во Владимире-Волынском («Киевлянин», 1864, № 58—59).

В своих произведениях А. Ушинский высказывает мысли, весьма близкие к идеям К. Ушинского. О родном языке в первой из названных статей он пишет: «Язык это не только оболочка, выражение мысли, это ее вонлощение в звуках или письменах, это вещественное проявление нашей внутренней жизни, наших чувств и понятий, всей деятельности нашего ума и сердца». Возражая против свободы торговли во второй статье, он писал, что журналы вроде «Сына отечества», защищающие свободу, фактически исходят из того убеждения, что «по врожденной неспособности русского народа к фабричным и ремесленным работам, фабричные изделия обходятся нам непомерно дорого в сравнении с заграничными». По словам Ушинского, «Сын отечества» утверждает, что «наш добрый, славный народ обладает одной способностью — таскать тяжести, несмотря ни на какую погоду, и решительно неспособен к фабричному труду, потому что употребляет черный хлеб и в постные дни постную пищу». Разоблачая эту клевету, автор доказывает возможность и необходимость развития промышленности в России. В последней статье автор развивает ту мысль, что для крестьян нужна не церковно-приходская, а особенная школа, светская, которая бы готовила для крестьянских школ способных и сведущих волостных писарей, старшин, судей и пр.

Из переписки К. Д. Ушинского известно, что он довольно часто интересовался судьбой своего брата и беспокоился его участью, принимая во внимание его неустойчивый и нервный характер. Не всегда при этом ясно, о каком брате он заботится — о старшем, Александре, или о младшем, Сергее. Об Александре Дмитриевиче, дяде детей Ушинского, проявившем после смерти Ушинского большие претензии на оплату своего труда по поездке в Петербург с какими-то хозяйственными поручениями семьи Ушинского, с большим неудовольствием пишет Н. С. Ушинская в своих письмах к Я. П. Пугачевскому. М. Л. Песковский, издавший переписку Корфа с педагогами, в примечании к письмам К. Д. Ушинского сообщил, отражая, очевидно, очень распростра-

ненное мнение, слух, будто бы какой-то завистливый родственник Ушинского, вкравшись в доверие семьи его, похитил уже готовый третий том «Педагогической антропологии» и другие его труды. В этом слухе имелся в виду, очевидно, никто другой, как Александр Ушинский. Слух этот, как показала переписка Н. С. Ушинской с Я. П. Пугачевским, оказался, однакоже, чистой легендой: никто и ничего не похищал из литературного наследства К. Д. Ушинского.

5 (к стр. 274). *К. Д. Ушинский и И. В. Павлов*. О Павлове, авторе переписки об Ушинском, почти ничего не известно. Однакоже, поскольку он касается в своих письмах наименее освещенного периода из жизни Ушинского, его личность все же представляет большой интерес для биографа. Спрашивается, что мы знаем о Павлове сверх того, что можно узнать о нем из писем, т. е. что он был студентом медицинского факультета Московского университета и по окончании факультета в 1851 г. получил назначение на должность консультанта при Оренбургских госпиталях? Пока что возможно установить, что этот студент уже с момента своего поступления в университет был заметной личностью, известной не только профессорам в университете, но даже и за пределами университета.

Так, в дневнике А. И. Герцена от 13.I.1845 г. упоминается об этом студенте следующее: «Иван Васильевич Павлов рассказывал, как были приняты студентами мои статьи в «Отечественных записках». Признаюсь, мне было очень весело слышать; большей награды за труд не может быть. Юноши тотчас оценили, в чем дело, и гурьбой ходили в кондитерские читать». Трудно сказать, о каких именно статьях Герцена в «Отечественных записках» идет речь. Статьи «О дилетантизме в науке» печатались в 1841 г. В 1845 г. в том же журнале началось печатание другой серии статей Герцена — «Письма об изучении природы». Возможно, что Павлов говорил Герцену о чтении именно этих статей. Однакоже, как сообщает об этом Герцен в своем дневнике, первые две статьи из этой серии были им посланы Краевскому только 8 февраля, следовательно, 13 января 1845 г. не могло еще быть разговора о чтении студентами этих статей. Возможно, что речь шла о других статьях, возможно, что есть какое-то недоразумение в датах. Во всяком случае ясно, что около 1845 г. (возможно, что именно осенью 1844 г.) Павлов поступил на медицинский факультет Московского университета. В это время Ушинский уже окончил Московский университет и готовился к экзамену на магистра. Возможно, что именно в это время он мог познакомиться с Павловым. Знакомство Павлова с Герценом, а также содержание его переписки с Малышевым говорят о том, что И. В. Павлов не был узким специалистом-медиком, но интересовался более широкими философскими и политическими вопросами. В этом смысле его тесное сближение с Ушинским в 1848 г. и высокая оценка его личности очень показательны для характеристики душевного облика Ушинского в юношеский период его жизни.

О том, что студент Павлов был довольно заметной личностью на общем фоне университетской жизни, говорит также одна небольшая записка Т. Н. Грановского, сохранившаяся в архиве кн. В. А. Черкасского. В записке нет даты, не указаны даже месяц и число. Грановский писал Черкасскому: «Нельзя ли Вам, любезный князь, приехать ко мне часа на два в понедельник, часов в 7? Вы найдете у меня Павлова: он очень ценный и замечательный человек» (Ркп. отд. Всесоюзной б-ки имени В. И. Ленина, Черк. II, папка 7, № 37). Если записка написана до лета 1845 г., когда Ушинский прекратил свою подготовку к экзамену, то ясно, что и он должен был получить аналогичное приглашение и познакомиться с Павловым.

Принимая во внимание, что Павлов, как это видно из свидетельств Герцена и Грановского, был незаурядной личностью в среде студентов Московского университета, нужно признать, что данная им характеристика молодого Ушинского имеет большое биографическое значение и заслуживает внимательного анализа.

6 (к стр. 312). *К. Д. Ушинский и М. П. Леонтьева.* Конфликт в отношениях между Ушинским и начальницей Смольного института М. П. Леонтьевой освещается различно: одни, как, например, бывшая воспитанница Смольного Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях («На заре жизни», СПб., 1911), стоят на стороне Ушинского, другие, как, например, З. Е. Мордвинова, тоже воспитанница Смольного института, пытаются оправдать начальницу института. В биографическом очерке «Статс-дама М. П. Леонтьева» (СПб., 1902) З. Е. Мордвинова собрала целый ряд данных, чтобы показать, что Леонтьева все время, пока работал в Смольном Ушинский, с большой похвалой отзывалась в своих донесениях императрице об искусстве, опытности и трудоспособности нового инспектора классов Ушинского, выражая вместе с тем глубокую благодарность императрице за «дарование такого инспектора классов, который внушает полное доверие к своим знаниям и оправдывает свою репутацию— прекрасную во всех отношениях» (12.III.1859 г.). Отзываясь с большой похвалой о новом учебном плане, составленном Ушинским, Леонтьева равным образом высоко оценивает работу преподавателей, приглашенных Ушинским: «Я должна признать, что новое распределение занятий поддерживает прилежание в детях; этому способствует также и искусство учителей, выбранных нашим превосходным инспектором: они овладевают вниманием воспитанниц и заставляют их любить преподаваемые предметы. География и естественная история приобрели в их глазах небывалый до тех пор интерес. Можно сказать, что все уроки, благодаря Ушинскому, увлекают и обещают дать хорошие результаты» (стр. 196). «Вашему императорскому величеству доставило бы удовольствие послушать интересные уроки географии, преподаваемые г. г. Лядовым и Семеновым. Это уже не прежний сухой перечень городов, государств и рек,— это живое изложение всего, что различные пояса земного шара представляют инте-

ресного в отношении местоположения, произведений природы и человеческих учреждений. Уроки естественной истории, русской и немецкой литературы стали значительно интереснее благодаря тому, что учителя, руководимые г. Ушинским, умеют представить науку с самой привлекательной и действительно полезной стороны» (стр. 197).

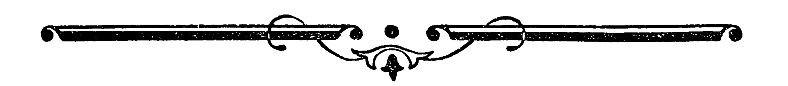
Нельзя отрицать, что эта высокая оценка деятельности Ушинского отвечала действительности. Но, с другой стороны, она не может быть расцениваема как выражение действительных взглядов начальницы института. Не следует забывать, что Ушинский был рекомендован администрации Смольного именно императрицей. Совершенно естественно, что в переписке с ней начальница могла высказывать только похвалы новым порядкам, даже если бы не сочувствовала им. На самом деле она и не могла ни на одно мгновение сочувствовать им, как это прекрасно показано в воспоминаниях Е. Н. Водовозовой. Навязанного ей инспектора она только терпела и, уже представляя его на утверждение вдовствующей императрице, не могла удержаться от высокомерно колкого замечания, что «Совет считает долгом присовокупить, что с своей стороны — при многосторонней образованности г. Ушинского и совершенном знакомстве его с французским, немецким и английским языками, равно как и с литературой сих языков, — решительно не находит никакого к предоставлению ему должности инспектора классов препятствия в обстоятельстве, которое, впрочем — по свойственной достойным людям скромности — объявил сам Ушинский и которое заключается именно в том, что он не имеет лишь навыка совершенно бегло объясняться на французском и немецком языках; не заключая в себе никакой необходимости, обстоятельство это тем более не может служить препятствием, что и покойный г. Тимаев не имел помянутого навыка говорить на иностранных языках».

Не усмотрев конфликта в самом его начале, в столкновении в одном учреждении двух противоположных систем, З. Е. Мордвинова правильно изображает развязку конфликта, выразившуюся в том, что оскорбленная поведением Ушинского, решившегося дать самостоятельно пояснения императрице о произведенных им реформах, начальница потребовала от Ушинского таких дополнительных мероприятий, которые по существу означали упразднение реформы. Это дало повод Ушинскому написать начальнице последнее письмо, в котором он предлагал ей испросить предварительно у императрицы разрешение на упразднение высочайше утвержденного нового учебного плана института. Это означало, что в действительности никакого единства между начальницей и инспектором классов по вопросу о реформе института не было. Воспользовавшись полученным ею доносом, обвинявшим Ушинского в атеизме и других грехах, начальница подала на Ушинского жалобу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К XI ТОМУ

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ К. Д. УШИНСКОГО (I—XI ТОМА)

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

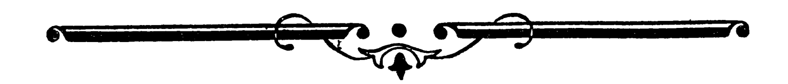
Щ

Э

Ю

Я

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ I—XI ТОМОВ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ *

I. Журнальные и газетные статьи К. Д. Ушинского

1. В журнале «Современник»

Магазин землеведения и путешествий, т. 1 и 2, изд. Н. Фролова — т. I, стр. 253, 512.
Поездка за Волхов — т. I, стр. 260.
История одной французской эскадры — т. I, стр. 809.
Труды Уральской экспедиции — т. I, стр. 350.

2. В журнале «Библиотека для чтения»

Сейденгемский дворец — т. I, стр. 557.
О преступности в Англии и Франции — т. I, стр. 624.

3. В журнале «Вестник Русского географического общества»

Обозрение иностранных географических журналов — т. I, стр. 657.
Цивилизация и варварство — т. I, стр. 667.

4. В «Журнале для воспитания»

О пользе педагогической литературы — т. II, стр. 15.
Три элемента школы — т. II, стр. 42.
О народности в общественном воспитании — т. II, стр. 69.
Школьные реформы в Северной Америке — т. II, стр. 167.
Внутреннее устройство северо-американских школ — т. II, стр. 204.

---

* Настоящий сводный указатель имеет своей целью дать общий обзор всего материала, вошедшего в законченное 11-томное издание сочинений К. Д. Ушинского. Его цель — в возможно более краткой форме ориентировать читателя в основном содержании издания. Обозрение содержания ведется по 9 разделам, причем по каждому материалу указывается том и страница издания.

5. В журнале «Сын отечества»

О средствах распространения образования посредством грамотности — т. II, стр. 235.

Вопросы о народных школах — т. II, стр. 250.

6. В «Журнале министерства народного просвещения»

Труд в его психическом и воспитательном значении — т. II, стр. 333.

Психические монографии (Внимание) — т. II, стр. 362.

О нравственном элементе в воспитании — т. II, стр. 425.

Воскресные школы — т. II, стр. 439.

Ответ на рецензию Толля — т. V, стр. 307.

Проект учительской семинарии — т. II, стр. 513.

Родное слово — т. II, стр. 554.

Педагогические сочинения Н. И. Пирогова — т. III, стр. 11.

Педагогическая поездка по Швейцарии — т. III, стр. 87.

7. В газете «Голос»

Чего хотят московские педагоги — т. III, стр. 255.

Одна из темных сторон германского воспитания — т. III, стр. 262.

«Книга для первоначального чтения» Радонежского и Филонова — т. III, стр. 277.

Система образования, принятая в наших министерствах,— военном и народного просвещения — т. III, стр. 283.

Защитникам классических гимназий — т. III, стр. 298.

О необходимости сделать русские школы русскими — т. III, стр. 306.

Голод в России — т. III, стр. 315.

Что нам делать со своими детьми — т. III, стр. 320.

По поводу последнего диспута в СПБ. университете — т. III, стр. 334.

8. В журнале «Педагогический сборник»

О первоначальном преподавании русского языка — т. V, стр. 333.

9. В журнале «Отечественные записки»

Цветы московской педагогии на петербургской почве — т. V, стр. 377.

Вопрос о душе в его современном состоянии — т. III, стр. 339.

10. В газете «СПБ. ведомости»

О необходимости ремесленных школ в столицах — т. III, стр. 593.

Философский диспут в СПБ. университете — т. III, стр. 598.

11. В журнале «Народная школа»

Общий взгляд на возникновение наших народных школ — т. III, стр. 607.

II. Произведения К. Д. Ушинского, выходившие отдельными изданиями

О камеральном образовании — т. I, стр. 121.

Детский мир и Христоматия — т. IV, стр. 121.

Родное слово, год 1 и 2-й и Руководство для преподавания по «Родному слову» — т. VI.

Родное слово, год 3 й и Руководство для преподавания по «Родному слову» — т. VII.

«Человек как предмет воспитания (опыт педагогической антропологии)», часть 1-я — т. VIII.

То же, часть 2-я — т. IX.

III. Сочинения К. Д. Ушинского, извлеченные из архивных материалов и из редких изданий

Педагогические материалы Смольного института — т. II, стр. 265.

Протокол конференции учителей русского языка в Гатчинском институте в 1855 г.— т. II, стр. 575.

О возможности устроить учительскую семинарию при Гатчинском институте — т. II, стр. 579.

Отчет о командировке заграницу — т. III, стр. 453.

Мнение К. Д. Ушинского о проекте реорганизации Гатчинского института — т. III, стр. 627.

Варианты 1-го издания «Детского мира» — т. V, стр. 11.

Варианты 2-го издания «Детского мира» — т. V, стр. 243.

Варианты 5-го издания «Детского мира» — т. V, стр. 357.

Письма К. Д. Ушинского к И. Д. Делянову о «Детском мире» и «Родном слове» — т. V, стр. 361; т. XI, стр. 340.

Письмо К. Д. Ушинского А. В. Головнину о том же — т. V, стр. 367.

О «Детском мире» — т. V, стр. 412.

План книги, долженствующей иметь 25 изданий, — т. VI, стр. 337.

Заметки К. Д. Ушинского, относящиеся к чистоте русского языка, — т. VII, стр. 341.

Варианты к I тому «Педагогической антропологии» — т. VIII, стр. 686.

Варианты ко II тому «Педагогической антропологии» — т. IX, стр. 580.

Программы педагогического курса женских учебных заведений — т. X, стр. 19.

Материалы к III тому «Педагогической антропологии», часть психологическая — т. X, стр. 58 и след.

То же — часть педагогическая («Сжатый учебник педагогики») — т. X, стр. 364 и след.

Личность — т. X, стр. 625.

Дневники Ушинского 1844—1845, 1849 и 1862 гг. — т. XI, стр. 11, 42, 59.

Воспоминания о Новгородсеверской гимназии — т. XI, стр. 45.

Переписка Ушинского с В. А. Черкасским, А. В. Старчевским, М. И. Семевским, Л. Н. Модзалевским, А. И. Скребицким, Н. А. Корфом, Я. П. Пугачевским — т. XI, стр. 137 и след.

IV. Библиографические указания

О сочинениях Ушинского, не вошедших в Собрание сочинений настоящего издания,— т. I, стр. 713; т. III, стр. 660; т. VIII, стр. 683; т. IX, стр. 579.

О сочинениях Ушинского, включенных в настоящее Собрание его сочинений,— т. I, стр. 703; т. II, стр. 626; т. III, стр. 665; т. V, стр. 512 и 570; т. VI, стр. 344; т. VII, стр. 343; т. IX, стр. 591; т. X, стр. 636.

Хронологический перечень сочинений Ушинского, вошедших в I—XI тт. его сочинений, — т. XI, стр. 543.

Перечень архивных материалов об Ушинском—т. XI, стр. 552.

Библиографический перечень работ об Ушинском с 60-х годов XIX в.— т. XI, стр. 565.

V. Разные дополнительные материалы к сочинениям К. Д. Ушинского

Методические разработки «Детского мира» Д. Д.Семеновым — т. V, стр. 423.

Перечень рецензий и заметок на «Детский мир» с краткими аннотациями и перепечаткой нескольких рецензий — т. V, стр. 515.

Об употреблении «Родного слова» в 60-х годах XIX в.—т. VI, стр. 346.

Рецензии и другие заметки на «Родное слово», год 1-й и 2-й (с 60-х годов XIX в.) — т. VI, стр. 362.

Борьба в Ученом комитете МНПР за и против «Родного слова» Ушинского — т. VI, стр. 386.

Доклады членов Ученого комитета о «Родном слове» — т. VI, стр. 394.

Замечания и отзывы на книгу Ушинского «Родное слово» год 3-й— т. VII, стр. 343.

Рецензии и заметки в печати на первые два тома «Педагогической антропологии» (с 60-х годов XIX в.) — т. IX, стр. 593.

Предисловие А. Н. Острогорского к изданным им материалам для III тома «Педагогической антропологии» — т. X, стр. 631.

VI. От редакции

VII. Вводные статьи в томе

VIII. Указатели имен

IX. Иллюстрации к собранию Сочинений К. Д. Ушинского

Портреты педагогов — современников Ушинского:

Группа педагогов, которые первыми ввели употребление «Родного слова» в начальную школу — т. VI, стр. 347.

Редкин П. Г.— т. XI, стр. 139.

Грановский Т. Н.— т. XI, стр. 141.

Старчевский А. В.— т. XI, стр. 143.

Семевский М. И.— т. XI, стр. 159.

Модзалевский Л. Н.— т. XI, стр. 169.

Скребицкий А. И — т. XI, стр. 194.

Корф Н. А.— т. XI, стр. 201.

Пугачевский Я. П.— т. XI, стр. 221.

Фотоснимки с рукописей К. Д. Ушинского:

т. V, стр. 281,

т. VI, стр. 112, 116, 117, 121, 129,

т. VII, стр. 121, 130,

т. IX, стр. 155,

т. X, стр. 56—57, 95, 204, 514, 519, 564, 610,

т. XI, стр., 23, 28, 29, 119, 131, 133, 215, 224, 227, 654.

Фотоснимки титульных листов, страниц и рисунков из книг К. Д. Ушинского:

т. I, стр. 123,

т. IV, стр. 11,

т. V, стр. 60—61, 106. 260—265, 284—285,

т. VI, стр. 39—40,

т. VII, стр. 17,

т. VIII, стр. 54.

Фотоснимки зданий и местностей, так или иначе связанных с именем К. Д. Ушинского: т. I, стр. 56; т. II, стр. 318, 329, 578; т. XI, стр. 55, 128, 251, 270, 373, 374, 375.

Фотоснимки, относящиеся к увековечению памяти Ушинского, — т. XI, стр. 378, 385.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *Н. А. Сундуков*
Художеств. редактор *Г. З. Гинзбург*
Технич. редактор *В. П. Гарнек*
Корректор *Е. М. Лидова*
Текст сочинений К. Д. Ушинского
сверен *К. С. Мокринской*

***

А09042. Подписано к печати 7/V 1952 г.
Уч.-изд. л. 34,53. Бумага $82 \times 108^1/_{32}$=11,38 бум.
л.—37,31 печ. л. Тираж 25000 экз. Цена 15 руб.
Заказ № 2662.

***

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Москва, Валовая, 28